

Г. ВЕРМИШЕВ

АМИРСАСАЛАР

**Военное
издательство
Министерства
оборонь**

СССР

**Москва
1968**

ГРИГОРИЙ ВЕРМИШЕВ

АМИРСАСАЛАР

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Вступительная статья

СТЕПАНА ЗЛОБИНА

Примечания и комментарии автора

ВЕРМИШЕВ Г. Х.

В34 Амирспасалар. Исторический роман. М., Военное издательство, 1968.

608 с. 65 000 экз. 1 р. 6 к.

История нашей многонациональной Родины богата яркими страницами, повествующими о суровой борьбе народов с иноземными поработителями. Роман Григория Вермишева «Амирспасалар» («Главкомандующий») рассказывает о крупных военно-политических событиях на Кавказе в XII—XIII столетиях, когда в братском союзе Грузия и Армения сумели отвоевать себе свободу и независимость.

Лучшие страницы романа «Амирспасалар» рассказывают о героической борьбе народов за свободу и независимость, о мужестве, о доблести, о любви к своей отчизне. Этим книга, безусловно, будет интересна современному читателю.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ

Действие романа Г. Вермишева «Амирспасалар» происходит в конце XII — начале XIII столетия нашей эры, в царствование грузинского царя Георгия III, а затем — царицы Тамар. Царь Георгий стремится к объединению Грузии под сильной рукой единой, централизованной власти монарха. Феодалы князя противодействуют ему. Историческая картина подобна той, что наблюдается в соответствующие исторические периоды во многих других государствах. Но Георгий III не имеет сыновей, вся его надежда — на дочь Тамар. Царевна получает неслыханное для женщин ее эпохи образование и воспитание, приучается к государственным делам. После воцарения Тамар выдается замуж за князя Юрия Андреевича, а затем — за мелкого феодала из Алании Давида Сослана.

Юный Захарий влюблен в царевну Тамар, и после ее второго замужества он остается верным своей «миджнурской» (платонической) привязанности и клятве, данной на верность Тамар перед смертью своего отца. В романе с чувством хорошей меры изображена эта нежная привязанность, сочетаемая с глубоким взаимным уважением этих двух основных героев, которых судьба всегда держит на расстоянии друг от друга. Следует тут же отметить, что почтительный автор отбросил в изображении царицы Тамар традиционный для поэтов «демонизм» этой женщины на троне. Ведь кого только легенды, а за ними писатели и поэты не превращали в любовника царицы Тамар — и поэтов, и епископов, и царевичей! Но если снять всю эту полуфольклорную шелуху и обратиться к серьезному рассмотрению истории, то следует согласиться с автором, что женщина на престоле, то есть стоявшая на виду у всех, вряд ли могла подвергать свою репутацию рискованным наветам и хотя бы ради этого должна была соблюдать известные общепринятые нормы нравственности, соответствующие эпохе.

Основой романа является военно-историческая канва. Не будем забывать, что само его название по-русски значит «Главкомандующий». Именно он, амирспасалар Армении и Грузии — полководец Захарий Мхаргрдзели является первым лицом романа. Его биография, его воинские деяния составляют главную сюжетную линию романа, посвященного внутренней борьбе центральной государственной власти против феодальных князей, а также совместной борьбе грузино-армянского государства против нашествия воинственных азиатских кочевников.

Но военно-исторический роман прежде всего должен быть историческим, то есть глубоко и разносторонне рисующим историческую эпоху во взаимосвязях и взаимодействии различных исторических сил и тенденций, из какого взаимодействия и рождается то, что характеризует исторический процесс любой данной эпохи.

Кавказ с его особым местоположением на пути азиатских кочевников, на естественной границе между Европой и Азией, занимал в течение долгих веков трудное «буферное» положение и служил ареной множества битв в течение ряда столетий.

Царствование Тамар является одним из моментов, когда христианскому союзу армян и грузин удалось удержаться

живать самостоятельность и не только отстаивать свои границы от азиатов, но и в известной мере взять исторический «реванш», освободив из-под мусульманского ига ранее поработанные сельджуками армянские земли. Главным военно-историческим деятелем этого времени и является армянский князь Мхаргрдзели, сын полководца Саргиса.

Но каков бы ни был ход истории в тот или иной краткий исторический период, терпит ли государство иноземное иго или переживает эпоху самостоятельности и исторических удач, развитие государства далеко не всегда совпадает с улучшением народной жизни.

Военный реванш, который взят грузино-армянским царством в период правления царицы Тамар, не мог отразиться существенным улучшением в положении угнетенных классов народа. Победы феодального господства ведут обычно к награждению дворян поместьями, замками, а значит, и к усилению их феодальной власти над их собственными «подданными», над простым трудовым народом. Их поражения также отзываются на усилении экономического гнета, так как любые лишения класс господ возлагает на трудящихся.

Главная направленность этого романа — чисто военная. Военным действиям, истории развития военного искусства, стратегии и тактике боя посвящены лучшие страницы книги. Они наиболее полнокровны и увлекательны. Несмотря на то что Шамхорская битва и Басенская весьма близки по военному замыслу и предварительному решению всей стратегической задачи — выбор места боя на равнине, удобной для конницы, опережение противника, стремительность удара, заход с тыла с точным расчетом времени выхода частей на тыловой удар, — описание второй битвы читается с неослабевающим интересом.

Очень умеренно и тактично автором введены Суздальская Русь, Венеция, Рим, Константинополь. Не ощущается никакой перегрузки детективно-шпионским сюжетом. Благородная роль самоотверженного разведчика Хетумяна, который под видом купца действует то в Риме и Венеции, то в Румском (Икөнийском) султанате, заставляет читателя быть в состоянии напряженного интереса. Несколько вскользь и поверхностно показан Трапезунтский поход Захария, хотя этот поход имел серьезнейшее международное значение, сохранив для кавказских народов воз-

возможность заморской торговли и оттеснив азиатских мусульманских владетелей от Черноморского побережья на долгие времена.

Роман дополнен серьезными и продуманными примечаниями, что подтверждает его документальную достоверность и историческую научную подготовленность автора.

Степан Злобин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Замок Хожорни

Глава I

РОЖДЕНИЕ СЫНА

едоступными твердынями сказочных дэвов вздымались в глубоком ущелье громады зубчатых скал. Высокое солнце потоками отвесных лучей заливало горные вершины из базальта и крутые лесистые склоны. В синем небе неподвижно застыли легкие облака, полуденный зной летнего дня сковал всю природу; лишь в траве лужаек неумолчно звенели цикады да внизу, среди огромных валунов, шумно неся поток, обдавая светлыми брызгами листву прибрежных деревьев.

Дозорный сторожевой башни обеспокоенно взглянул на кучу хвороста, наваленного на площадке, поправил у пояса огниво и снова прильнул к бойнице. Внизу, на повороте тропы, сверкало оружие, небольшая группа всадников, скрытая деревьями, неторопливо продвигалась вдоль низкого берега горной речки. Впереди на крупном

вороном коне ехал дородный рыцарь в кожаном походном кафтане и островерхом персидском шлеме, за ним следовало несколько конников. Немногочисленность всадников и их мирный вид успокоили дозорного.

— Гости едут к парону¹ Саргису... На крестины сына! — пробормотал он в густую рыжую бороду.

Тропа стала спускаться, петляя среди покрытых лесом гор. Изредка по дороге попадались неглубокие пещеры — пастушьи убежища от непогоды, со следами потухших костров. Показались плетни и живые изгороди садов. На повороте открылся выход из ущелья и широко раскинулась холмистая долина между двумя отрогами гор, с большим селением у реки. Возделанные поля зелеными полосами тянулись к садам селения, окружая северный отрог горы Лалвар. На утесе орлиным гнездом высился замок с башнями из серого камня. У подножия, на другом берегу, укрытая вековыми ореховыми деревьями, виднелась небольшая церковь с остроконечным куполом. Дальше тянулись виноградники.

Часовых не было заметно на башнях, все темное здание замка казалось вымершим. Крутая тропа вела по косогору к крепостным воротам. После прохлады ущелья жара показалась путникам уж очень сильной.

— Наконец-то сподобились чертову обитель узреть! — проворчал всадник, прищоривая коня. Весь небольшой отряд помчался вдоль садов по горной тропе.

Глухой звук рога пронесся и застыл в горячем воздухе. Из бойницы воротной башни выглянуло лицо привратника.

— Иисус Христос! Кто там?

— Старая ворона! Не видишь, кто приехал? — заорал рыцарь, задирая голову. Он снял шлем, открыв потное багровое лицо с вислыми черными усами.

Привратник замешкался, с недоумением вглядываясь в конную группу.

— Живее открывай ворота, собачий сын, не то отведаешь моей плети! — окончательно рассвирепел всадник.

Испуганное лицо старика быстро исчезло. Окованные железом ворота стали медленно открываться. Гулко застучали под каменными сводами копыта коней, и всадники въехали во внутренний мощный двор.

¹ Парон — господин, мелкий феодал (арм.).

Во дворе было пустынно. По мостовой, прихрамывая, ковылял привратник.

— Где хозяин? — грозно спросил рыцарь в персидском шлеме, не слезая с коня.

— Ишхан¹ у госпожи, на женской половине. Наследник сегодня у нас родился. Всех слуг по соседям разослал, на крестины зовем, — с готовностью доложил старик.

— Вот мы и поздравим твоего «ишхана» с рождением сына! — усмехнулся всадник, спешиваясь. — Показывай дорогу, старая ворона!

В небольшом зале царил прохладный полумрак. В глубоком окне виднелось синее небо, но солнечные лучи не проникали в скудно убранный покой. Лишь над огромным камином висели на стене олени рога, да в углу стояли два кресла и крытая дешевым сукном широкая скамья. Приезжий нетерпеливо ходил по неровному полу из каменных плит, цепляя шпорой грубый ковер, и был явно недоволен приемом в доме мелкого азнаура².

— С приездом, благородный Шабурдан! — прогудел низкий голос в зале.

В дверном проеме, освещенный солнцем, стоял человек гигантского роста, в простом кафтане. Азнаур обернулся на приветствие хозяина замка. Огромная фигура двинулась к нему. Дружески протянулась могучая рука. Приезжий пожал широкую ладонь, что-то проворчал в усы. Но парон Саргис не обратил внимания на угрюмый вид прибывшего. Улыбнувшись, радушным жестом указал он на кресло:

— Садись, прошу тебя, будь гостем!

Сам хозяин замка уселся на скамью, поглаживая каштанового цвета усы. Видно было, что он чем-то очень доволен.

— С чем добрым из Лори пожаловал? Как здоровье славного Иванэ? — приветливо расспрашивал он.

— Великий амирспасалар требует тебя с конниками в Лори через три дня. Явитесь в полном снаряжении! Триста человек обязан ты привести, парон Саргис! — отчеканил Шабурдан.

¹ Ишхан — князь (арм.). В данном случае — преувеличение титула владельца замка слугой.

² Азнаур — дворянин (груз.).

Саргис с недоумением переспросил:

— Триста всадников, через три дня, в Лори?

— Да, таков приказ великого амирспасалара.

— Но Хожорни никогда не выставял столько конницы! — возразил Саргис.

— Не выставял прежде, а ныне придется! — отрезал Шабурдан и многозначительно добавил: — Сам знаешь, князь шутить не любит, строго взыскивает за непослушание...

Воцарилось молчание. Парон Саргис смотрел на небо в узкой амбразуре окна, что-то прикидывая. Потом хмуро спросил:

— Что это, смотр или же в поход войска собирают?

— Не знаю. Вели людям хлеба взять на неделю, — отвечал Шабурдан. Потом нехотя бросил: — Царь в Лори вчера приехал.

Определенно поход... Но к чему пустые разговоры с чванливым дураком? Парон Саргис, окончательно помрачнев, хлопнул в ладоши. На пороге появилась тонкая высокая фигура. Хозяин замка отрывисто приказал оруженосцу:

— Шоторик, отведи благородного азнаура в гостевую! — И, обращаясь к приезжему, по-прежнему любезно промолвил:

— Отдохни с дороги, Шабурдан, и подкрепись чем бог послал! Вечером увидимся. Тогда и передам мой ответ великому амирспасалару.

Шабурдан хотел что-то возразить. Но парон Саргис уже повернулся к нему широкой спиной и направился к небольшой двери в глубине покоя. Гремя доспехами, приезжий вышел в сопровождении оруженосца.

Нагнув голову, парон Саргис протиснулся в низкую дубовую дверь и вошел в соседний покой, тяжело ступая по полу. Солнечный луч, проскользнув в узкое окно, лежал светлым пятном на каменных плитах. На большой тахте, покрытой домотканым паласом, сгорбившись, сидел слепой старик. У окна за аналоем склонился над пергаментной книгой пожилой черноризец.

Увидев хозяина замка, чтец с низким поклоном умолк. Слепец поднял голову и, выпрямив огромный высохший стан, повернул незрячее лицо к входу. Поглаживая длинную седую бороду, он тихо спросил:

— Ты, Саргис?

— Да, отец.

Саргис почтительно поцеловал худую руку с синими прожилками и осторожно присел рядом на тахту.

— Отец Иоаннес развлекал меня чтением древних книг, — объяснил старик и сказал, обращаясь к священнику: — На сегодня хватит, отче. Иди с миром!..

Монах ушел. Слепец ласково провел рукой по лицу Саргиса:

— Почему сумрачен в день такой? Радость великая в доме — сын родился, первенец у Саакдухт, наследник рода нашего...

— Посланец от Иванэ приехал, отец. В Лори вызывают меня, со всеми всадниками. Смотр будто бы делать будут. Но видно, поход царь задумал. Сам прибыл в Лори. И хлеба велено взять на неделю...

Старик встрепенулся:

— Если поход против агарян¹, — дело богоугодное. Народ армянский давно истомился в неволе, ждет нашей помощи... Теснее только надо нам дружить с картвелами!

— Не все это понимают, отец.

— Грузинские цари это давно поняли, Саргис: ведь с юга врагам проникать в Грузию много легче! И здесь верным щитом всегда являлся многострадальный Айастан². Царь Георгий тоже так думает, вот потому и собирается в поход!

— Царь Георгий не вечен. А наследника у него все нет...

Собеседники задумались. Потом слепец спросил:

— Чего же хочет от нас надменный Иванэ Орбели?

— Триста конников подай ему. Откуда я их возьму?

Слепец задумался, перебирая янтарные четки.

— Никогда больше двух сотен не выставлял Хожорни! — досказал Саргис.

— Эх, не умеем мы свои дела устраивать, как Орбели! — Тяжело вздохнув, старик стал вспоминать: — Когда пращур наш, достославный Хосрой, ушел со своими людьми из Двуречья³ от сельджуков и разбил стан в Лори, православные монахи из Ахалкалаки чуть было не переманили его в греческую веру! Да у Ахпатского епископа

¹ Агаряне — арабы, сельджуки (арм.).

² Айастан — Страна армян (арм.).

³ Месопотамия.

мертвая хватка оказалась: подарили тогда цари таширские Хосрою эти башни, окрестили, остался он в Хожорни. Мальчиком я был, а, как сейчас, помню седого воителя — широкоплечий, как ты, в черной кольчуге, на громадном коне, всегда молчаливый... А в битве — впереди всех несется и громит врагов! С тех пор не преуспел наш род, мало земли и пастбищ, все лучшие уголья — у Орбели!.. — продолжал он ворчливо. — Вчера еще крестьяне из села приходили, жаловались на подати и набор в войско. Положим, рабы всегда недовольны властителями. Такое уж неблагоприятное племя!..

— Три дня сроку только и дал Орбели для сборов. А мы гонцов разослали, на крестины гостей пригласили на то воскресенье, брата Вахрама из Тбилиси вызвали, — мрачно говорил Саргис.

— Окрестим без тебя, — коротко ответил слепец. — А приказ амирспасалара — царский приказ!

— Откуда мы людей и оружия столько наберем, отец?

— Придется рудник монахам заложить. Мы же снова наладили добычу меди, епископ под залог даст деньги...

После небольшого раздумья старик сказал:

— У сельджуков вся сила в коннице, в Шираке¹ для нее большой простор! А ты покажи царю Георгию атаку своих всадников с длинными пиками. Царь любит новые выдумки в военном деле...

Перебирая четки, добавил негромко:

— Давно пора убрать Фадлуна из Ани! Царь Георгий правильно поступает, по стопам своего могучего деда идет на выручку армянам. И помочь ему всячески в этом великом деле надо... Слышишь, Саргис?

Старик, видимо, устал от долгой беседы — голос его все слабел. Парон Саргис встал с тахты:

— Я пойду, отец. Надо с незванным гостем разделаться. К Саакдухт обещал вечером зайти, сына еще раз посмотреть... Великая просьба к тебе, отец, не будет меня здесь при крещении, прошу тебя, — имя свое святое ему нареки!

— Хорошо, Саргис. Благослови тебя господь и ныне, и присно...

Слепец перекрестил сына. Осторожно приложившись к его руке, Саргис вышел из покоя.

¹ Равнина, часть которой составляет нынешний Ахурянский район.

На женской половине замка было тихо. В большой комнате царил полумрак. Слышно было дыхание спящей на широкой тахте женщины. Рядом стояла детская колыбель. Солнечный луч все-таки пробился в отверстие ставни и упал на красное сморщенное личико новорожденного. Младенец обиженно захныкал. Большие глаза спящей открылись. Она тревожно глянула на плачущего ребенка. Но старая нянька уже качала колыбель и напевала песенку.

Саакдухт с усталой улыбкой откинулась на подушки.

Дверь в комнату осторожно приоткрылась. Нянька оглянулась, ожесточенно замотала головой. Парон Саргис поспешно попятился: нельзя нарушать покой наследника рода...

Глава II

ДЕРЕВНЯ В ГОРАХ

По обычаю, в доме старого Вазгена хлеб пекли в начале каждого месяца. В этот день все мужчины уходили в поле или еще куда-нибудь, чтобы не мешать важному женскому делу.

В сумрачном глхатуне¹ с толстыми бутовыми стенами и отверстием в кровле горел малиновым жаром кизяк в тондире². Свет проникал через дверь, широко открытую для выхода едкого дыма. Споха Вазгена — жена старшего сына Манука и дочь — быстроглазая Ануш проворно выхватывали из деревянного корыта куски упругого теста и быстро раскатывали на тонкие лепешки. Сухая старуха с поджатыми губами точными движениями прилепляла сырые лепешки на раскаленные стенки тондира и вынимала из печи готовые. В ногах у бабушки путался маленький Галуст и, изредка кусая лепешки, получал подзатыльники. В зыбке мерно посапывал новорожденный. Стопа подрумянившегося белого лаваша уже возвышалась под чистым полотенцем на низком треногом столике, когда в дверях неожиданно показался сам хозяин дома.

¹ Глхатун — жилище (арм.).

² Тондир — вырытая в земле печь (арм.).

Вместе с ним в горницу вошли дородный староста селения Укан и младший сын Вазгена — Самвэл, высокий парень с иссиня-черными кудрями и смуглым лицом.

— Мир дому сему! — громко возгласил староста.

Старуха выпрямилась и вопросительно посмотрела на мужа.

Вазген с суровым видом произнес:

— Кончай с хлебом, Сирануйш! После допечешь. Сейчас собирай в дорогу Самвэла... — И глухо добавил, кивнув на Укана: — Забирают в ополчение!

Сирануйш возмущенно всплеснула руками:

— Второго сына в этом году забираете, бессовестные! Как не стыдно, Укан!

Посмотрев на сумрачного Самвэла, она озабоченно спросила:

— А как же с его свадьбой будет?

— Придется отложить, — пробурчал Вазген.

Крестьянин был зол. Усевшись на низкую скамью, он отвернулся к очагу. Староста сел на другую скамью и, понимаясь вздохнув, произнес с таинственным видом:

— Ничего не поделаешь, дорогие! Как вы думаете, сколько лорийский Орбели от нашего парона войска потребовал на этот раз?

Вазгена и его семью вопрос этот явно не интересовал. Однако Укан, для важности подняв толстый палец к закопченному потолку, воскликнул тонким голосом:

— Триста! Я говорю — триста! Неслыханно! Невиданно! С тех пор как Хожорни стоит...

Вазген продолжал молчать. От утешительных подсчетов старосты легче не было ни ему, ни хозяйству...

— Подумать только! И половины коней мы не успели пригнать с пастбищ за два дня. Да и оружия не хватает... Все кузнецы работают день и ночь, наконечники к пикам делают. Вот как нам приходится трудно! — возбужденно продолжал Укан.

— Все это так. А урожай кто собирать будет, Укан? Манука на рубеж вы загнали, ничего о нем не знаем, теперь Самвэла берете, а ему и восемнадцати нет. Парня женить хотели. А теперь что же получается? Последних людей на войну уводите. Кто хлеб жать будет, спрашиваю? Как я внуков прокормлю? Вот и крестины надо справиться, а на что? — гневно воскликнул Вазген.

Укан смущенно развел руками:

— Ну, до жатвы еще далеко. Целых две недели осталось... Не на войну, на смотр в Лори едут парни, скоро вернутся и хлеб успеют собрать!

Вазген со злостью махнул рукой:

— Бог знает, что городишь, Укан! Какой там смотр, коль хлеба на неделю брать велели? А раз война, вернутся ли вообще наши сыновья с похода?

Пока говорили, хлеб стал гореть в печи. Сирануйш бросилась его вынимать.

— Я что сказал? Кончай все дела, готовь сына в поход. Все, что ему нужно, собирай, слышишь? — сердито закричал Вазген.

Самвэл молча стоял, прислонившись к дубовому столбу, поддерживающему крышу жилища. О чем он думал?.. Еще хорошо, если в ополчении оставят. А вдруг парон переведет его в замковый отряд? Тогда не скоро вернешься домой... И свадьбу с Астхик расстроили, черти!

Огорчение Самвэла, впрочем, было неглубоким. И не удивительно. Брак был, как всегда, решен родителями, и вряд ли больше одного раза удалось юноше побеседовать до свадьбы со своей нареченной...

Староста медленно поднялся со скамьи.

— Так после обедни пусть Самвэл с вещами и хлебом к ограде церкви придет. Оттуда с богом двинемся все вместе в замок. Господь да хранит вас! — С этим благочестивым пожеланием Укан исчез за дверью.

Тягостное молчание нарушил громкий плач Ануш — ей было жаль веселого доброго брата.

— Забирают, забирают сыночка моего... — запричитала старуха мать.

Самвэл рванулся было к выходу. Окрик отца остановил его:

— Куда ты?

— Попрощаться надо...

— Нечего, нечего! Еще неизвестно, чьей женой будет Астхик... Иди помоги загнать скотину, а там и в путь собирайся.

Вечерняя прохлада опустилась на селение; быстро настигалась темная ночь. От одетого резным камнем родника уже отошли женщины с узкогорлыми кувшинами. Со стороны селения потянуло терпким запахом горящего в оча-

гах кизяка. Но все не утихал спор между стариками, рассевающимися в круг на камнях неподалеку от родника.

— Мочи нет, сосед Вараздат! Что делают, что делают... Последнего сына забрали господа на войну, остался я с одними женщинами! Как управлюсь с жатвой, как семью прокормлю? Тебе долг как верну? А ведь еще добрую половину урожая замку отдай! — стонал Вазген.

— Сельджуки придут — без овцы единой останешься, жену с дочерьми в плен возьмут, тебе самому главу снесут! — медленно ворочал языком Вараздат. — Сейчас на камне целым сидишь, много шумишь... Парон Саргис и тебя ведь охраняет, дурья голова!

— Что мелешь, Вараздат? — вскипел Вазген. — А кто в войске у парона, не напши ли все сыновья? И кто кого охраняет, мы ли парона или он нас? Боже, боже, почему на свете так устроено — нам на господ трудиться вечно? Да еще жирных бездельников попов кормить нам же, а? — кричал Вазген.

— Кто это бездельник, кто жирный? — раздался негодующий голос.

Вазген обомлел. Но было уже поздно — толстый монах в сопровождении старосты Укана протискивался между стариками. Монах дал увесистую оплеуху Вазгену.

— Вот тебе, тондракит¹ несчастный!.. Завтра попляшешь у меня под плетями на конюшне за язык нечестивый...

Священнослужитель задыхался от злости.

— В самом деле, о чем думаешь, Вазген? На все село слышны твои дерзкие речи, — вступил в разговор Укан. — Не поздоровится тебе от нашего управителя, если тэр-Мовсес сообщит...

— Да я говорил только, что в жатву работать некому, дети голодными останутся, подати уплатить не смогу! Опять-таки десятину церкви отдай... Самвэла ты сам утром забрал в ополчение... — выворачивался Вазген.

— Богохульник! — гремел всю тэр-Мовсес. — Не понимаешь, безмозглый, что, кабы не наша святая церковь, тебя не Вазгеном, а Гасаном звали бы, вместо Христа проклятому Мохаммеду кланяться заставили бы? И гореть тебе тогда на вечном огне на том свете... А плетей ты на этом свете уж попробуешь! — добавил злорадно, удаляясь.

¹ Тондракит — еретик (арм.).

...Назавтра вызвали Вазгена в замок на утесе и по приказу управителя отодрали плетью на конюшне за бунтарский язык. Чуть живым привезли его домой...

Глава III

ВСТРЕЧА В ТУМАНЕ

Густой туман окутал Лорийскую степь и окружающие лесистые горы, не пропуская утренних лучей. У перевала Базумтар¹ белая пелена еще более сгущалась, скрывая провалы и горные вершины. Крупные капли росы осели на траве, листе кустарников и деревьев. В воздухе стояла тишина.

Из тумана показалась неясная фигура всадника. Вскоре всадник остановил коня. Оглянулся назад. С гор потянуло ветром, туман стал клубиться и светлеть, появились смутные очертания придорожных деревьев и уходящей вдаль горной дороги. Куладжа² из темного сукна, соболья шапка, драгоценная сабля в золотых ножнах и прекрасный конь караковой масти говорили о знатности всадника.

— О-эй, Хубасар!

От неожиданного окрика норовистый конь прижал уши и заплясал на месте. Всадник резким движением затынул поводья.

— Здесь я, государь.

Из тумана выдвинулась вторая конная фигура. Плечистый всадник в черной бурке подъехал ближе. На скуластом загорелом лице кипчакского типа сквозила досада.

— Где охота, Хубасар, хотел бы я знать?

Кипчак пожал плечами, пробормотал в редкие усы:

— Не разберу, государь. Туман...

— Я тебя спрашиваю, куда девались бездельники ловчие и лентяй Аффридон? — рассердился первый всадник.

— Верховые с соколами и гончими не поспевали за нами, государь. От самого Лори вскачь гоним, а теперь вот — туман... Подождать бы восхода!

— Кто выезжает так поздно на охоту? Один Аффридон! Тебе тоже захотелось храпеть по утрам?

¹ Ныне Пушкинский перевал.

² Куладжа — верхняя мужская одежда с меховой опушкой (груз.).

Хубасар обиженно замолчал.

Со стороны перевала послышался заглушенный топот коней. Хубасар прислушался, тихо сказал:

— Конница, государь. Немалый отряд.

Топот приближался. Из тумана стала вытягиваться вереница вооруженных всадников. Впереди в чехле везли боевое знамя.

Хубасар закричал:

— Кто такие? Откуда?

— Из Хожорни... Конники парона Саргиса, — протяжно откликнулся кто-то из середины отряда. Конница медленно проходила мимо двух всадников.

— Что за Саргис? — спросил всадник в куладже.

— Вероятно, владелец Хожорнийского замка, — предположил Хубасар.

— Однако их довольно много, сотни три... И посмотри, Хубасар, какие длинные пики!

В конце вереницы на обочине дороги замаячила исполинская фигура конного рыцаря.

— А вот и хожорнийский азнаур! Он самого высокого роста человек в Картли! — сообщил уверенно Хубасар.

— Позови его, — приказал всадник в куладже.

— О-эй, батона Саргис! — закричал Хубасар.

— Кто зовет меня?

Громадная фигура в легкой железной броне приблизилась к всадникам и остановилась невдалеке. Парон Саргис спокойно оглядывал всадников. Кипчак быстро подъехал к Саргису, прошипел на ухо:

— Ты что, ослеп, царя не узнаешь?!

Саргис повернулся к царю Георгию, который молча наблюдал за обоими, и низко поклонился. На него в упор смотрели холодные глаза властелина. Суровое лицо Георгия III, с правильными чертами и небольшой русой бородой, было озабоченным.

— Прости, государь, впервые тебя вижу, а тут еще туман...

— Разве никогда не бываешь в Тбилиси? — спросил царь.

— Да редко, государь. В своих горах все сидим. Что нам делать в столице?

Царь внимательно оглядел гигантскую фигуру рыцаря.

— Ты так думаешь? — задумчиво спросил он и, обращаясь к спутнику, сказал:

— Пожалуй, нам именно такие ратные люди и нужны. Ты как считаешь, Хубасар?

Хубасар поспешил согласиться с мнением царя:

— Конечно, государь! Я слышал от покойного отца, что хожорнийские владетели раньше князьями считались, бывали при дворе твоего великого деда...

— Вот видишь, Саргис из...

— Хожорни, государь.

Переменив тему разговора, царь с нескрываемым любопытством спросил:

— А почему, азнаур, ты завел такие длинные пики для своих всадников? Ведь неудобно же с ними будет в бою?

— Смотри где, государь. В горах, действительно, с ними не развернешься. А вот на широких просторах — дело другое! Например, на Ширакской равнине...

— А почему ты знаешь, что нам воевать в Армении придется? — перебил его царь.

— Э, государь, а где же еще? Твой дед, царь Давид, некогда туда водил свое войско доблестное, наверное, и ты захочешь христианские храмы освободить...

Георгий промолчал.

— Я и конный строй изменил, иначе веду своих людей на врага, — поспешно добавил Саргис.

Царь явно заинтересовался хожорнийским рыцарем. Спросил:

— А можешь мне показать, как с этими пиками вы управляетесь?

— Сейчас трудно будет, государь, — туман. Можно и людей и коней покалечить! — объяснил Саргис.

— Хорошо, после смотра покажешь мне и амирспасалару! — заключил беседу царь Георгий.

Раздался лай — подходила царская охота. Позади псарей маячила фигура главного ловчего Аффридона. Царь выругался.

Как и опасался Самвэл, парон Саргис, заметив расторопность и хорошую посадку на коне молодого парня, велел зачислить его в замковый отряд конюхом. Сейчас он чистил коня парона в небольшом дворе дома в городе Лори. Дворик был зажат одноэтажными каменными постройками, а в одном из окон часто появлялось женское лицо, что явно смущало Самвэла.

Недавно купленный за большие деньги у проезжего барышника конь вороной масти, с широкой могучей грудью и белыми чулками на длинных сухих ногах, косился выпуклыми блестящими глазами на молодого конюха, приплясывал от нетерпения перед коновязью. Балансированный скакун любил в шутку хватать за рукав крепкими зубами. Остерегаясь этого, Самвэл привязал вороного на коротке. Коню такой прием не нравился, и он сердито напирал массивным крупом на Самвэла.

— Опять задурил! — Самвэл дернул за повод и ткнул скребницей в лоснящийся бок. — Не валяй дурака, стой смирно, надо уборку кончать да седлать! Сегодня царский смотр!

Самвэл быстро стал протирать мягкой шерстяной тряпкой спину и круп коня. Заметив снова в окне маленькой пристройки миловидное женское лицо, он негромко запел:

Золотой дождь шел на свадьбе Арташеса,
Дождь из жемчуга шел на свадьбе Сатеник!

— Дождь плетей пойдет нынче по твоей спине, ленивый буйвол! — раздался зычный голос с другого конца двора.

Сотник Вахрам! По лицу молодого конюха скользнул испуг. Он с удвоенным рвением стал чистить коня. Но сотник Вахрам был неумолим.

— Порядочные люди кончили чистить коней, седлают уже, а ты, бездельник, все возишься!

— Парон Вахрам, кончил я чистить Алмаза. И копыта ему черной мазью смазал, как ты велел...

Сотник белым платом провел по спине лошади. Платок остался чистым.

— Скорей седлай, чертов сын! Ишхан выйдет, влетит и тебе, и мне!

Сотник Вахрам удобно устроился на каменной скамье у дома и стал наблюдать за работой Самвэла.

Самвэл с трудом взгромоздил тяжелое походное седло с серебряной лукой, взял в руки сплетенный из стальных колец боевой нагрудник и стал надевать коню.

— Не пойму я никак, почему наш парон не любит тяжелых панцирей? Все пароны ходят в латах и коней тоже в латы прячут. А он такую игрушку на коня велит надевать, да и сам только легкую кольчугу носит...

Сотник Вахрам с сожалением посмотрел на Самвэла:

— Ничего ты, дурень, не понимаешь! У парона своя мысль есть.

— Какая мысль? — озадаченно переспросил Самвэл.

— А вот какая. Помнишь, с греческими монахами в прошлом году в Санаинский монастырь приезжал послушник по имени Феофилакт?

— Помню, помню, высокий такой старец...

— Так этот Феофилакт из Константинополя некогда вместе с франгами сражался против сарацин. Парон Саргис два раза этого грека к себе вызывал, все расспрашивал, как они воевали в Палестине...

Сотник приостановился, потом продолжал:

— Если верить Феофилакту, ничего хорошего у франгов в их тяжелых доспехах не получилось против той конницы, все время застревали они в глубоких песках! А сарацины в легких панцирях налетят на всем скаку, разобьют франгов и опять ускачут в пустыню. Понял?

— Так то сарацины в пустыне, а наш парон чего же хочет?

Сотник не успел ответить. Парон Саргис уже стоял на крыльце дома. Самвэл, держа коня под уздцы, подвел его к крыльцу.

— Как подругу подтянул, Самвэл! Сразу вижу, слаба...

— Алмаз всегда живот надувает, когда я подругу затягиваю. Уй, такой хитрый конь! — оправдывался Самвэл, снова берясь за ремень.

Парон рассмеялся. В ворота наметом проскакал оруженосец Шоторик:

— Сотни построены, парон Саргис!

Саргис вдел ногу в стремя, легко вскочил в седло и подтянул поводья.

Хожорнийский парон был одет по-походному. Крепкая стальная кольчуга с круглыми бляхами облекала его выпуклую грудь, на левое предплечье был вздет небольшой треугольный щит, тяжелый длинный палаш с прямой рукояткой висел на боку. К седлу приторочен боевой молот, которым этот гигант с одного удара разбивал любой панцирь. Но, как заметил наблюдательный Самвэл, вооружение могучего рыцаря было легче обычного.

Шоторик подал стальной шлем с перьями белой цапли. Саргис тронул коня и выехал на улицу в сопровождении оруженосца и сотника.

Конные сотни уже были выстроены. Небольшой ветерок слегка колыхал флажки на пиках передней шеренги. Всадники непринужденно сидели в глубоких седлах.

Парон Саргис внимательно осмотрел ряды и, проехав к середине отряда, поздоровался с всадниками. В строю все было в порядке: седловка хорошо пригнана, кони накормлены и начищены, исправное оружие блестело, люди смотрели бодро и весело на своего парона, которого уважали за легендарную силу и неустрашимость. Можно было смело ехать на царский смотр...

По команде сотника Вахрама конница выстроилась в походную колонну, по четверо в ряд. Саргис встал во главе. За ним ехал знаменосец Шоторик с родовым знаменем. Отряд двинулся шагом вдоль улицы, сопровождаемый стайкой мальчишек.

Г л а в а IV

ВЕЛИЧИЕ ДОМА ОРБЕЛИ

Амирспасалар и дидебул¹ Картли Иванэ Орбели, владелец Сомхити, Лори, Самшвилде, Дманиси и многих других городов и земель, был не в духе. В июньский день необычайно жарко в замковом покое, докучали мухи. Обмахиваясь шелковым платком, грузный сорокалетний вельможа восседал у окна в парчовом флорентийском халате, держа в руках рог с вином, и молчал. Напротив, в таком же удобном кресле, сидел его заместитель князь Гамрекел, эристав² торский, и тоже безмолвствовал.

— Будь здоров, мой Гамрекел! Всему твоему преславному дому дай бог счастья и благоденствия... — первым прервал затянувшееся молчание амирспасалар.

Гость наклонил голову, подняв рог с вином:

— Да пребудет благословение божье над сим великим домом и его хозяином знаменитым!

Поставив пустой рог, Орбели раздраженно начал:

— Черт бы побрал самцхийских ротозеев! Весь строй сегодня поломали. Да и эретцы князя Григола выглядели сущими оборванцами. Как всегда, выручили гвардейцы.

¹ Дидебул — крупный владетельный князь, «гранд» (груз.).

² Эристав — правитель области.

Но царь определенно остался недоволен смотром. Все время левый ус дергал!..

Гость молча кивнул головой. Орбели не хотел больше огорчать своего заместника, который больше всех и был в ответе за неполадки на царском смотре, перешел на другие дела:

— И с чего вздумалось царю возиться с этим хожорнийским верзилой? Как будто не хватает ему худародных кипчаков и разных торгашей? Ведь незнатный человек Саргис, правнук какого-то кочевого наездника, а тоже — мечтает в князья пролезть! Пусть скажет спасибо блаженной памяти великому царю Давиду: тот, когда забрал Сомхити у бедного Кюрикэ, на радостях всем награды и звания стал раздавать, кому надо и кому не надо! Вот и отцу этого истукана отдал Хожорни и даже разрешил именоваться мтаваром!¹ А какой же он князь? Сам знаешь, дорогой, что надо в благородном государстве Картли для княжеского достоинства: укрепленный город и крепости иметь, усыпальницу возвести в родовом монастыре, в доме собственную церковь и своего священнослужителя держать... А что у этого верзилы? Замок в горах да пара деревень в лесах. Еле-еле на хорошего азнаура хватит! Я так и сказал ему после смотра... А теперь выдумал еще скакать сломя голову со своими головорезами с длинными пиками, а царь Георгий и рад!

Гамрекел ответил немного невпопад:

— Да! С каждым годом все круче становится царь Георгий. Никого не слушает... И в кого только пошел?! Отец у него мягкий был человек, да и великий царь Давид умел с благородными людьми разговаривать. А этот — прямо бешеный! И за каждую малую вину строго взыскивает...

— Ты прав, мой Гамрекел. Последние дедовские права у владетелей царь отбирает! А за его широкой спиной, в наших же княжеских городах, проклятые торгаши голову стали поднимать! Свободную торговлю требуют, какие-то советы старейшин выбирают, а те с нами, их исконными владетелями, дерзкие речи ведут, о «незаконных поборах» уже заговорили... А крестьяне? Недавно ехал я по лесу, слышу, поет кто-то песню. Прислушался внимательнее — честит господ своих певец, да еще какими непристойными

¹ Мтавар — князь в Грузии XII—XIII вв. (груз.).

словами! Пришпорил коня, нагнал наглеца, сбил плетью с ног. Теперь в цепях в Самшвилдской крепости до самой смерти гнить будет!

— А ведь подумать, — поддакнул Гамрекел, — разве мы, мтавары, не прямые потомки Картлоса¹ и к ним приравненных славных родов?!

— А потом, — продолжал развивать свою мысль Орбели, — если наглый сосед отберет насильственно у меня кусок земли, я отбить свое достояние оружием сам не властен! Изволь-ка ехать в Тбилиси за царским правосудием...

— То установил еще царь Давид! — неуверенно возразил Гамрекел Торели.

— Ну и что ж, разве великий царь не мог ошибаться? Кроме того... — Князь Орбели прищурил глаз, тихо добавил: — На царском престоле Грузии по праву не Георгию бы сидеть! Ведь законный наследник Багратунианов — наш Демна...

Торели промолчал. Осторожный военачальник в душе был, как и все феодалы Картли, согласен с Иванэ Орбели. Недаром проникательный грузинский летописец писал, что «картлийские мтавары по природе своей от древних времен всегда были предателями в отношении своих властелинов... Об этом знал царь Давид Строитель, мудрейший из людей, поэтому не оставлял им времени ни на рассуждения, ни на отдых, ни на собрания». Царь Георгий III не хуже деда разбирался в настроениях феодальной знати, а в действиях был, пожалуй, даже круче... Князя не прощали этого своему властелину, к тому же занявшему престол после загадочной смерти старшего брата. Это и имел в виду амирспасалар, беседа с Гамрекелом Торели.

Иванэ Орбели в отношении Георгия III был человеком неблагодарным. Несмотря на тяжелый, неуступчивый характер, царь все делал, чтобы привлечь на свою сторону главаря феодалов, опекуна царевича Демны. Передал ему в личное владение крупные торговые города с окружающими землями, назначил наследственным амирспасаларом Грузии. Но честолюбивый Орбели метил выше...

Слуг нет, лишних ушей надо избегать при тайной беседе вельмож. Тихо в покое, слышно, как жужжат мухи. Амирспасалар, хозяин, сам наливает вино из узкогорлого глиняного кувшина и Торели и себе. Вельможи молча под-

¹ Картлос — мифический родоначальник грузин.

нимают оправленные в серебро рога с вином, пьют, погруженные в тревожные думы.

Легкий стук в дверь прервал тишину. На пороге стоял невысокий мальчик в придворной одежде.

— Можно, дядя Иванэ?

— Демна? Входи, мой мальчик.

Царевич подошел к Орбели, почтительно поцеловал руку опекуна. Амирспасалар одной рукой обнял мальчика, ласково притянул к себе:

— Как твой новый жеребчик, Демна?

— Захромал, третий день не могут вылечить коновалы, дядя Иванэ.

— Ничего, не горюй! Другого коня подарю.

Синие глаза царевича засияли от радости.

— Ты такой добрый, дядя Иванэ!

Амирспасалар действительно любил маленького царевича Демну. Мягкий и приветливый характер, красивая внешность подростка невольно привлекали к нему. Но кроме того, юная дочь Орбели — Маринэ обещала со временем стать красавицей. Еще с десятков годов и...

Амирспасалар замечтался.

В покой вошел эретский эристав Григол Асатидзе в сопровождении азнаура Шабурдана. Царевич по знаку опекуна удалился.

— Какие приказания на завтра соизволишь дать, патроно Иванэ? — начал первым Григол.

— Ты командуешь запасным полком, князь Григол. Так повелел царь.

— Хорошо, государь Иванэ.

Эристава определенно устраивало командование в тылу войска. Загорелое лицо старого мтавара оставалось бесстрастным, лишь на миг блеснул огонек в глазах.

Азнаур Шабурдан почтительно ждал дальнейших приказаний.

— Ты, Шабурдан, пойдешь с моим личным обозом. Смотри, чтобы все было в порядке!

— Великий господин, глаз не сомкну...

— Там прислали из Кварели кахетинское. Не вздумайте открывать бурдюки. Голову оторву! — продолжал настаивать Орбели верного слугу.

Шабурдан ожесточенно замотал головой, преданно глядя в глаза патрону:

— Кто посмеет, батоно?!

— Дозволь спросить, где с царем будете находиться на походе? — снова обратился князь Григол к Орбели.

Обрюзглое лицо амирспасалара скривилось. Он с усмешкой бросил:

— Как всегда, в голове! Разве ты, князь, не знаешь царя Георгия?

Торели неодобрительно хмыкнул в усы.

— Не подобает царю, как простому латнику, впереди воинов следовать на походе! Не осуди, батона Иванэ, что позволяю себе говорить так... — укоризненно сказал эретский эристав.

— Сам знаю, да ничем помочь не могу. Царь все по-своему делает...

— А кто передовым отрядом пойдет? — спросил снова Григол.

— Сомхитары¹ из Хожорни и других мест, — нехотя ответил амирспасалар.

— С Саргисом? Их ведь немного.

— Да, сотен пять наберется. Тоже воля царя.

Амирспасалару явно не хотелось продолжать мало-приятный разговор. Собеседники, исчерпав вопросы о завтрашнем походе, почтительно откланялись и вышли из покоя. Вскоре ушел и Гамрекел Торели. Князь Иванэ остался со своими думами о славном прошлом великих прадедов.

Позади кресла послышался легкий шорох женского платья. Амирспасалар обернулся с неудовольствием, он не любил, когда нарушали его послеобеденный отдых. К тому же он знал, что, кроме жены — княгини Русудан, никто не решится на такой смелый поступок. Княгиню же Иванэ недолюбливал за большие траты на церковные нужды. Был он скуп и не поощрял дорогостоящих благочестивых затей.

— Опять за деньгами явилась?

Княгиня Русудан происходила из царственного рода Кюрикянов и всегда это помнила. На поблекшем лице с правильными чертами — ханжеское выражение.

— Конечно, — ответила Русудан. Большие карие глаза спокойно смотрели на князя Иванэ. — Не для себя, для божьего дела!

¹ Сомхитары — армяне из бывших владений Кюрикянов, младшей ветви армянских царей Багратидов.

— Опять свой любимый Зеленый монастырь будешь обстраивать? — воскликнул с досадой Орбели.

Русудан надменно откинула голову: супруг так и не предложил ей присесть... Встав с кресла, Орбели направился к выходу, кинул через плечо:

— Завтра в поход собираемся. Денег нет! — И скрылся за дверью.

Спустя два дня после неприятного разговора с соседом Вазгеном у родника Вараздат шагал по обочине горной дороги. Прибыльно продав в Лори небольшую отару (войсковые поставщики платили неплохо!), он спешил понасть к родственникам в селение Тандзут.

Узкая каменистая тропа петляла среди скал и глубоких провалов, круто спускаясь с Базумтарского перевала в долину реки Дзорагэт. Вечерело. Сторожевое охранение еще не было выставлено на ночь, и Вараздат благополучно миновал перевал.

Сверху на тропе послышался мерный топот коня. Вараздат прислушался, из осторожности отошел от дороги и стал за большим камнем. Вскоре из-за поворота показался всадник в темной одежде, на хорошем скакуне. На поясе у всадника висел длинный кинжал. Голова и нижняя часть лица были обмотаны, несмотря на теплое время, черным башлыком. Вараздат совершенно успокоился, когда увидел в тороках довольно большой, ведра на четыре, бурдюк вина. «Какой-нибудь мелкий лавочник, сам везет вино на продажу из Кахети...» Выйдя из прикрытия, он громко приветствовал всадника:

— Вечер добрый, путник!

Всадник настороженно оглядел вынырнувшего крестьянина и вместо ответного приветствия огрел плетью коня. Тот шарахнулся в сторону и прибавил шаг. Скоро человек с бурдюком исчез за новым поворотом, оставив Вараздата в полном недоумении...

На следующее утро всадник с бурдюком ехал уже по дороге к Джаджурскому перевалу. Граница между Грузией и Шираком — владением анийских эмиров — условно проходила по этому хребту. Но по существу вся верхняя часть ущелья Дзорагэта никому не принадлежала и нередко служила местом стычек между сельджуками и грузинскими пограничниками.

Порубежная застава расположилась на самом перевале. От накалившихся за жаркий день красновато-серых туфовых скал шел нестерпимый зной. Все порубежники скрылись от солнца под большой навес из веток и листьев и спали сном праведников. Разомлевший от жары дозорный увидел вдали на дороге всадника с вьюком и с трудом растолкал старшего по заставе. Они стали смотреть на дорогу вдоль узкой ленты речки, окаймленной изумрудной зеленью. Ездок держал путь прямо на заставу. Подъехав к навесу и скинув папаху, он воскликнул:

— Здравствуй, почтенный азнаур!

Порубежник приосанился. Покрутив ус, он недоверчиво оглядел проезжего незнакомца:

— Здравствуй и ты! А ну говори, что везешь?

— Ничего особенного, достопочтеннейший, — замялся путник.

— Как это «ничего особенного»? Я вижу бурдюк, и немалый!.. — В голосе начальника заставы зазвучала угроза.

— А в оном бурдюке, конечно, вино, и, верно, неплохое, патроно Вардан! — заискивающе подхватил дозорный.

— А знаешь ли ты, что полагается за незаконный вывоз... — с грозным видом начал старший порубежник. Приезжий не дал ему закончить:

— Бог мой, да разве я не поделюсь по-братски кварельским с доблестными воителями! Да забирайте хоть весь бурдюк, патроно, мне не жалко, видит бог...

Под навесом закипел пир. До позднего вечера окружающие скалы оглашало мощное «мравал-жамиер», слышались дружественные возгласы и братские пожелания. Потом все угомонились. Под могучий храп заставы, обернув войлоком копыта коня, приезжий осторожно выехал ночью из лагеря. Вскоре он перевалил через хребет и спустился в Ширакскую равнину. К рассвету добрый конь доставил его к речной переправе.

Ахурян¹ сильно вздулся от прошедших ночью дождей. Конь осторожно вошел в бурный поток, понюхал воду, поплыл. Всадник соскользнул с седла и плыл рядом, держась левой рукой за стремя, пока не выбрался на пологий берег. Усталый конь тяжело водил боками. Всадник оглянулся назад, на освещенную восходящим солнцем равнину.

Отсюда было рукой подать до Ани...

¹ Река в Армении, на границе с Турцией.

ЭМИР РАЗВЛЕКАЕТСЯ

Легендарный город Ани на Ахурияне не сразу достиг великой славы и могущества. Долгое время это была лишь одна из пяти неприступнейших крепостей Армении. Князя Камсараканы («Бычьеголовые») в V веке возвели здесь над обрывистым берегом реки мощную цитадель Вышгород, а в крепостном посаде, поставив торговые ряды, стали понемногу подторговывать заезжие купцы. К началу X века Ани был уже большим городом. Ашот Мсакер¹ Багратуни обратил внимание на выгодное стратегическое расположение Ани на высоком мысу, зажатом между двумя глубокими ущельями. Выгнав арабов из города и уплатив Камсараканам некоторую сумму, он стал хозяином в Вышгороде, а в 961 году его внук Ашот Милостивый при большом стечении народа возложил на себя в Ани царскую корону. Так феодальная крепость превратилась в политический и торговый центр страны.

Город «1001 церкви» процветал. Но в 1041 году большое византийское войско двинулось к армянской столице, используя завещание слабовольного царя Иоаннеса, оставившего свои владения в наследство императору Константину Мономаху. Три раза подступали войска византийцев к стенам, но так и не смогли взять Ани, который защищало вооруженное население. Два года спустя предатели сдали Ани грекам. Однако последние недолго владели славным городом. В 1064 году в Армению ворвались полчища Алп-Арслана под предводительством его сына Малик-шаха и везира Низам-ал-Мулка. Двадцать семь дней доблестно бились анийцы на городских стенах, и лишь вероломство византийского гарнизона, трусливо укрывшегося в Вышгороде, передало город в руки озверелых сельджуков. Семь лет спустя после этого погрома султан Малик-шах продал город двинским эмирам Шеддадидам, при которых Ани понемногу стал восстанавливать свое значение, набирать вновь силу. Сильный гарнизон из на вербованных вояк обеспечивал нынешнему эмиру Фадлуну IV относительное спокойствие. Этими тюркскими головорезами командовал нанятый за большое жалование мамлюк Рустем.

¹ Мсакер — мясоед (арм.).

На широких окнах базиличного зала Багратидского дворца висели тяжелые парчовые занавеси, почти не пропускавшие света; посередине бил фонтан, снабжаемый родниковой водой, которая поступала по водопроводу протяженностью шестьдесят стадий¹ из источников горы Арджо-арич. В самом дворце вода протекала по керамическим и железным тонким трубам, размещенным под каменными плитами полов.

Придворный поэт писал об эмире Фадлуне, что, получив во владение богатый торговый город, он «устроил пир и поднял знамя наслаждения. Постоянно играя благовонными локонами прелестниц с амбровыми мушками, целуя их сладкие уста и созерцая движение чаши, наполненной вином, эмир не ведал печали...».

Тучный не по летам, Фадлун возлежал на хорасанском ковре посередине зала, удобно раскинувшись на шелковых подушках. Лицо эмира после весело проведенной ночи было шафранового цвета. На парчовом халате виднелись следы обильного пиршества. Полупьяный поэт, стоя на коленях у ковра, высокопарно декламировал:

Расцветший под солнцем розовый куст
Надеется на постоянство цветущего мира,
Но вдруг на небе является мрачное облако...

На пороге появилась толстая фигура главного евнуха Масрура. На его жирном, обычно невозмутимом лице читалось волнение. Евнух стал делать за спиной властелина предостерегающие знаки поэту. Тот испуганно замолчал. Фадлун лениво повернул голову. Масрур склонился в низком поклоне.

— Зачем пришел?

Эмир не любил, когда прерывали его увеселения.

— Великий повелитель, прибыл гонец с севера...

Произнеся эти слова, Масрур замолчал, осторожно наблюдая за выражением лица эмира. Недовольно скривив рот, тот небрежно бросил:

— Что там еще?

— Царь курджиев² выступил с большим войском...

Фадлун привстал на ковре. В маленьких, налитых кровью глазах мелькнул испуг. Рука с окрашенной хной

¹ 1 стадия равна 200 метрам.

² Курджии — грузины (тюрк.).

ладонью судорожно сжала кубок. С напускным спокойствием эмир прошипел сквозь зубы:

— Только беспокоить умеете! Что же делать, безмозглый ишак?

— Великий эмир, надо посоветоваться с Рустемом...

— Где он, проклятый аллахом бездельник? Только жалованье даром получает! Ну, что еще тебе передала неверная собака?

Масрур развел руками. Посмотрел на поэта, потом на эмира.

Фадлун визгливо закричал:

— Чего молчишь? У меня нет секретов от Насера...

— Курджий письма не послал. Опасался обыска на границе, — неохотно пробормотал евнух.

Эмир заскрежетал зубами. Неожиданно легко вскочив на короткие ноги, с размаху ударил Масрура по лицу:

— Старый верблюд! Я спрашиваю, что делать?

Масрур пошатнулся от удара, но, снова склонившись в низком поклоне, залебезил:

— Великий государь, надо немедленно послать гонцов за помощью к эмирам в Хлат и Арзрум¹. Кроме того...

Тут Масрур окончательно проявил свою недоверчивость к придворному поэту. Почтительно склонившись к уху эмирского высочества, он стал что-то нашептывать. Фадлун сразу оживился, закричал пронзительно:

— Зови Рустема-бахадур, скорей зови!

Начальник наемной конницы Рустем с раннего утра сидел у оружейника Тиграна. В тесном помещении с низким потолком и каменным полом трудно было повернуться, так много здесь было оружия.

Блестели смазанные маслом и разложенные по полкам тяжелые латы. На особых вешалках висели кольчуги разных размеров, громоздились сложенные до потолка персидские и египетские шлемы. В углах лавки к стойкам были подвешены пучки наконечников для копий, дротики-джериды, прислонены к стенам алебарды. Драгоценные хорасанские и дамасские сабли хранились в особых

¹ Города в Южной Армении, где правили мусульманские эмиры.

длинных ящиках. Не одну сотню людей можно было вооружить в лавке Тиграна...

Через полуоткрытую дверь виднелась закопченная кузница и мастерская с разным рабочим инструментом. Полуголый человек в лохмотьях, отирая пот, раскачивал рычаг мехов. Горн пылал. Ослепительным жаром, роняя искры, белели раскаленные железные полосы. Вертелись точильные круги, лязгала сталь. Изготовление оружия, а также лемехов, топоров, подков, серпов и кос у лучшего анийского оружейника великана Тиграна было на полном ходу...

Рустем все не мог решить, покупать новую кольчугу или нет. По обветренному солнцем лицу старого воина скользила досада. Проклятый казначей задержал жалование за последнюю треть года. Разумеется, все деньги пропивает пьяница эмир... Оружейник же не поверит в долг. А забрать у него кольчугу без денег нельзя. Христианская собака такой вой поднимет, что Эблису¹ тошно будет!

Варпэт² Тигран охотно беседовал с великим знатоком западного и восточного оружия мамлюком Рустемом, воевавшим с врагами аллаха под небом Египта, Палестины, Сирии, Ирака и других стран. Перебирая окладистую черную бороду и внимательно следя за мамлюком умными черными глазами, Тигран степенно рассказывал:

— Хорошие латы в полном наборе или ценные кольчуги — это оружие для богатых, высокородных воителей. Как может бедняк воин заплатить пятьдесят, восемьдесят, сто и больше золотых за такие изделия?

Рустем поморщился. Если даже за кольчугу надо будет уплатить пятьдесят золотых, откуда он их возьмет?

— И не каждый народ умеет делать хорошее вооружение. Скажем, панцири с золотой насечкой или вороненные чернью, пригодные для царей или великих эмиров, лучше всего делают греки в Константинополе и франги в Италии. Кольчуги же лучшие из Дамаска, тоже хорошие — из Хорасана. И в царстве рузиков³ отлично их делают! Только рузикские кольчуги редко к нам попадают, трудно их доставлять через Дешт-и-Кипчак⁴.

¹ Эблис — дьявол (араб.).

² Варпэт — мастер (арм.).

³ Рузики — русские (груз.).

⁴ Половецкая степь (Северный Кавказ).

— А в чем их тайна? — заинтересовался Рустем.

— Особенной тайны нет. Это не дамаская сталь, секрет которой арабские мастера скрывают от всех. Просто рузики кладут добротное, хорошо прокованное железо, на совесть клепают кольца, мелкие, по двадцать тысяч и больше на одну кольчугу...

— Двадцать тысяч? Не может быть! — удивился мамлюк.

— Да! Сейчас я тебе покажу кольчуги на выбор — простые и дорогие. Есть у меня одна из Дамаска, совсем новая, недавно достал — один ваш воин умер от болезни. А другая кольчуга из Киева давно у меня лежит. Починки немного требует. Я сам ею займусь, когда время придет...

Тигран снял с вешалки несколько кольчуг и развернул их на прилавке. Стал объяснять мамлюку:

— Вот, смотри, бахадур! Это простая кольчуга, из Дербенда. Кольца большие, в один ряд выложены. Такой доспех ни от стрелы, ни от меча не уберезет, только напрасная тяжесть на плечах воина! А вот теперь покажу кольчугу из Дамаска. Отличная кольчуга, советую взять.

Окинув оценивающим взглядом высокую фигуру мамлюка с тонкой талией, оружейник добавил:

— Как раз тебе впору будет. Видишь, кольца какие мелкие, склепаны плотно, одно к одному. Прекрасная работа! И дорого не возьму, всего восемьдесят золотых...

Мамлюк недовольтно промычал что-то невнятное. Восемьдесят золотых... Проклятый казначей! А кольчуга и впрямь хороша.

— А вот рузикская кольчуга. Видишь, изъян небольшой — медные бляхи у воротника отскочили от удара мечом. Берегись удара по вороту, бахадур. Самое слабое место в доспехе! А кольчуга тебе не пойдет — слишком велика. Только я мог бы ее надеть, да мне она ни к чему, мы — мирный народ, ремесленники. Смотри, какая на ней клепка особенная — в три кольца! Мы так не умеем работать, прямо скажу. И никаким мечом такую кольчугу не возьмешь. Разве что дивным мечом Мгера¹...

Рустем был в нерешительности. Оружейник начал убирать кольчуги на вешалки, искоса поглядывая на покупателя. Тишину лавки прервал громкий топот коней по ка-

¹ Мгер — один из героев армянского народного эпоса «Давид Сасунский».

менной мостовой Кузнечной улицы. Всадники остановились около оружейной лавки Тиграна. На пороге вырос высокий начальник дворцовой охраны.

— Салам, преславный Рустем-бахадур! Насилу отыскал твою милость. Его высочество срочно требует тебя во дворец.

— Что случилось? — недовольно спросил Рустем.

Начальник дворцовой охраны был болтливым, склонным к паническим сообщениям человеком.

— Царь Георгий с большим войском идет на Ани!

В темных глазах Тиграна мелькнула радость. Но оружейник быстро отвернулся и стал перебирать доспехи на полках. Рустем не обратил внимания на поведение вар-пэта, поглощенный навязчивой мыслью о плуте-казначее. Теперь-то он со своим бездельником эмиром не отвертится, придется все жалованье сполна уплатить Рустему и его молодцам... «Нет денег — нет мамлюков!» — говаривал покойный бей мамлюков Юсуф, победитель франгов. Война!

И Рустем уверенно обратился к оружейнику:

— Пришлешь вечером на дом кольчугу — беру. Только уступить бы надо, уста!¹

— Последняя цена — семьдесят золотых. Сам с товаром приду.

— Хорошо, приходи.

И Рустем быстро направился к выходу в сопровождении начальника дворцовой охраны.

Глава VI

ЗАСАДА В ШИРАКЕ

Предгорная равнина с туфовыми холмами ржавого цвета пологими террасами спускалась к реке Ахурян. Поблескивали вечные снега на вершинах пятиглавого Арагаца². Косматое солнце нестерпимо палило закованное в железо и медь войско. Царь Георгий в золоченой броне миланской работы молча ехал по каменистой дороге на жеребце

¹ Уста — мастер (тюрк.).

² Вулкан в районе Ленинакана, высочайшая вершина в современной Армении (4095 м).

караковой масти. Рядом мерно покачивался в седле амирспасалар Орбели в темном панцире и высоком шлеме с красным пером. Следом за ними ехал на сером иноходце Хубасар, а в некотором отдалении — конвой гвардейских латников на поджарых конях.

По знаку царя к нему подскочил начальник заставы. У порубежника отчаянно болела голова со вчерашней попойки. На вопросы грозного царя он отвечал испуганно, сопровождая ответы клятвами и божбой:

— Да паду я жертвой за тебя, великий государь! Два раза посылал конных лазутчиков до самой реки. Никого нет!

— Когда посылал? — коротко бросил Георгий.

— Вчера вечером, государь, и еще сегодня на рассвете... Клянусь белым Георгием!

Порубежник определенно врал. Однако Ширакская равнина и впрямь казалась пустынной. Все пространство до реки было видно как на ладони. Справа к Ахуряну примыкала большая роща низкорослых карагачевых деревьев, слева по созревающим хлебам ходили широкие волны и виднелись исчерна-серые постройки Ширакавана.

Конный отряд продолжал продвигаться по дороге к Ахуряну. Сзади на перевале показалось облако пыли. Передовые сотни небольшой грузинской армии стали спускаться с гор. Первой шла рысью сомхитарская конница под командой парона Саргиса.

Амирспасалар Орбели вдруг натянул поводья и тревожно оглянулся. Из рощи на берегу реки внезапно вырвался большой отряд в кольчугах и сверкающих шлемах. Размахивая кривыми саблями, всадники на резвых конях быстро приближались. Со стороны Ширакавана также показались скачущие всадники.

— Сельджуки! — прохрипел Орбели.

Быстро обернувшись, Георгий увидел приближающегося врага и зло огрел плетью по лицу незадачливого порубежника. Тот завыл от ужаса, пряча голову от ударов.

Положение становилось крайне тяжелым, уже неслись от рощи крики «Сдавайся!». Царь круто повернул жеребца и стал на полном скаку уходить от врага. За ним с трудом поспевал тяжелый конь амирспасалара. Сзади, оглядываясь на сельджуков, мчался Хубасар; гвардейский конвой, сбившись в беспорядочную кучу, скакал за царем и амирспасаларом.

Сельджуки — не меньше тысячи отборных конников — с ужасающим визгом стали вытягивать фланги, стремясь перехватить уходящую группу.

Парон Саргис понял, какая опасность угрожает царю Георгию. Выхватив огромный палаш из ножен, Саргис привстал на стременах и широким жестом развел руки. Сомхитарские сотни четко, как на учении, развернулись и, перейдя с рыси в намет, вытянулись с обеих сторон в дугу. Выставив длинные пики с флажками, они мчались на сельджуков. Сам парон Саргис летел впереди построеного клином замкового отряда. За ним скакал с боевым знаменем Шоторик.

Топот множества коней грохотал по пустынной равнине, крики сельджуков становились все оглушительней. Стиснув зубы, царь Георгий мчался навстречу своей коннице. Доскакал, врезался в строй и, с трудом остановив разгоряченного жеребца, обернулся с искаженным яростью лицом.

Опрокинув первые ряды противника длинными пиками, лорийцы ожесточенно рубились с сельджуками. К парону Саргису подбирался вездик в дамасской кольчуге. Высоко подняв кривую саблю, начальник анийской конницы ударил ею сбоку по Саргису. Хожорнийский рыцарь легко отбил удар. Огромный палаш его засвистел в воздухе, обрушивая тяжелые удары на противника. Но прекрасная дамасская кольчуга и кованый щит выдерживали, и Рустем ловкими движениями опытного фехтовальщика хорошо уходил от натиска великана. Вдруг Саргис перебросил палаш в левую руку и молниеносным ударом по слабо защищенному месту, между шлемом и кольчугой, надвое развалил начальника наемников. Берберийский конь умчал безжизненное тело Рустема, волоча его по земле за ногу, застрявшую в стремени. Вдали блестели воды Ахуряна; после гибели предводителя сельджуки дрогнули, отступили к реке и, преследуемые подоспевшими грузинскими гвардейцами, стали спасаться вплавь через Ахурян.

Саргис махнул трубочу. Протяжно запел сигнал отбоя.

— Засада, мой Саргис?

Царь Георгий подехал вместе с Орбели и Хубасаром. Темные глаза царя гневно вперились в тяжело дышавшего хожорнийского парона.

— Видимо, так, государь, — просто подтвердил Саргис. Хубасар заскрежетал зубами:

— Нас поджидали, государь!

— Сколько раз убеждал, нельзя царю впереди войска ехать, как простому сотнику! — сумрачно заметил амир-спасалар.

Хубасар, оглядывая усеянную вражескими трупами равнину, сквозь зубы произнес:

— Об этой привычке заранее врагу сообщили... Смотри-ка, государь, арканами встречали тебя!

С трудом сдерживая гнев, Георгий обернулся к Орбели, отрывисто кинул:

— Велишь повесить лживую собаку с перевала, амир-спасалар!

— Всю ночь пьянствовали они, государь! — доложил Хубасар.

— Кто спойл порубежников?

Все молчали, уstraшенные.

— Теперь спешить не к чему, государь! Эмир в Ани уже знает о нашем приближении, — глубокомысленно сказал Орбели.

— Он и раньше знал о нашем походе! — зло отрезал царь Георгий.

— Раз знал, — наверное, за подмогой к другим эмирам гонцов послал. Они все друг другу помогают... — осторожно вставил свое слово Саргис.

— Верно, Саргис! — поддержал его Хубасар.

Царь молчал.

Саргис продолжал, прямо глядя в сумрачное лицо Георгия:

— Стало быть, без народа не обойтись!

Царь тяжело уставился на Саргиса:

— Какого там еще народа?

— Простой народ из Ани нужен, государь. Нам в помощь...

Начиная поход на юг, царь Георгий всю надежду возлагал на внезапность нападения: грузинское войско было немногочисленным и шло налегке, без тяжелых осадных машин. Подмога эмиров могла обречь его действия на полную неудачу. Царь тронул коня шпорой и поехал впереди войска, глубоко задумавшись.

— Кто поверил неверной собаке?!

Голая пятка в зеленой туфле с размаху ударила по

графину с вином. Графин упал со стола и разбился, вино разлилось по мраморному полу.

— Вай, мой Рустем! Кто вернет мне доблестного воителя, кто?! — выкрикивал эмир Фадлун. Визг его поднялся до самой высокой ноты.

Во дворце стояла настороженная тишина. Евнухи во главе с Масруром испуганно жались у входа в базилический зал, ждали дальнейших распоряжений разгневанного властелина.

Фадлун злобно выкрикнул:

— Посадить проклятого гонца на кол. Сейчас же! Предатели! О-о! — И в изнеможении опустился на ковер.

Евнухи почтительно склонились до полу. Масрур пролепетал:

— Да исполнится священная воля повелителя...

Масрур не успел закончить. В дверях покоя появился, предшествуемый начальником охраны, запыленный воин.

— Великий эмир! Властитель Арзрума, высокородный Изз-ад-дин, шлет поклон и спрашивает о твоём здоровье! — возгласил он.

Уже спешили с огромным войском на помощь анийскому собрату шах арменов Сукман и арзрумский эмир Изз-ад-дин Салдух, кем-то заранее предупрежденные...

Глава VII

АНИ ПОДЗЕМНЫЙ

Обряженный в доспехи Фадлун с воинственным видом стоял на верхней площадке надвратной башни. На башне гордо реяло зеленое знамя с полумесяцем. Вокруг эмира с подобострастным видом толпились городские военачальники. Не было среди них лишь доблестного мамлюка Рустема — в жарком бою с гяуром-великаном сложил он свою голову, к великому урону для сельджукского воинства...

Фадлун и его полководцы пристально вглядывались в мгlistую даль. И вот на равнине, по эту сторону глубокого ущелья Ахуряна, за клубилось большое облако пыли. Скоро показались из желтой мглы отдельные всадники, повозки и вьючные животные войскового обоза. Засверкало на ярком солнце оружие...

Один из сельджукских военачальников сумрачно произнес:

— Царь курджиев подходит!

Эмир был бледен от волнения. Возбужденный доброй вестью о подмоге с юга, он презрительно процедил:

— Пусть идет со своим сбродом! Бахадуры, нам нужно продержаться лишь несколько дней. Стены города крепки, войска много. Победно отразим первый натиск неверных, а там...

Эмир не договорил...

Цахкоцадзор — Ущелье цветов — ограждало Ани с западной стороны. На дне широкого каньона протекала речка Ани, приток Ахуряна, что дало основание иранскому географу Ахмеду-ал-Джаффару назвать город двуречным. Лишь весеннее буйное цветение заполняло ущелье своими ароматами. К июню выживал только татарник, побуревший от летнего зноя, да кое-где между камней тянулся чахлый ковыль. С запада на дно ущелья вел каменистый пологий склон, восточный же склон — крутой неприступный обрыв, над которым и стоял сам город.

Царские войска тесным полукольцом обложили внешний обвод городских стен, прочно заняв предместья и базальтовый вал перед сухим крепостным рвом, заваленным обломками разрушенных еще Малик-шахом предместных укреплений. Все семнадцать ворот и калиток внешнего укрепленного обвода были закрыты сельджуками по утренней боевой тревоге, на стенах и башнях выставлены усиленные караулы.

Смеркалось; когда на пологом склоне Цахкоцадзора мелькнула фигура высокого человека в темном архалуке. Из-за скалы человек пристально наблюдал за противоположным обрывистым берегом, где на высоте вырисовывались городские постройки. Часовых на этом участке обороны Ани не было видно — он считался неприступным. Человек, пригнувшись, спустился к речке и, перебежав сухое русло, стал карабкаться по другому склону ущелья. Вскоре он исчез в небольшом овраге, заросшем запорошенными пылью кустами.

Велик подземный Ани! Огромные катакомбы его могут вместить целые стада. Высеченные в туфовой толще помещения некогда составляли пещерные городские квар-

талы с длинной галереей — улицей и рядами лавок, ремесленных мастерских, жилых помещений, расположенных в два-три яруса. Здесь проживало городское население победнее, для которого не хватило места на поверхности земли. На каждом перекрестке возвышались каменные колонны. В стенах пещерных церквей и часовен были высечены глубокие ниши, в лавочных помещениях виднелись выбитые в толще породы углубления для хранения товаров. Сухая почва предохраняла от разложения тела погребенных, и богатые анийцы охотно устраивали здесь фамильные склепы. Особенной роскошью отделки и фресковой росписью стен выделялась подземная усыпальница известных анийских банкиров Онэнцов.

По тайному лазу медленно пробирался человек из Цахкоцадзора; в руках у него мерцал масляный светильник, скудно освещавший дорогу. Лаз кончился, и через небольшое отверстие человек вышел в пустынный подземный зал.

В огромной пещере царила мгла, огонь светильника освещал лишь небольшое пространство вокруг. Прочертила в воздухе зигзаг летучая мышь, чуть не погасив крылом слабое пламя. Над головой вошедшего тяжело нависал тuffовый свод. Отсюда вел в город потайной ход, но в темноте его не было видно. Человек из ущелья остановился. Издалека глухо донёсся ленивый лай собак. Прислушиваясь к лаю, пришедший стал медленно продвигаться к выходу...

Внутренность дома оружейника Тиграна была обычной для зажиточного анийского ремесленника. С улицы вход вел в маленькую узкую прихожую, а оттуда — в жилую комнату, освещаемую через отверстие в потолке. Пол был вымощен громадными, чисто тесанными плитами во всю ширину комнаты, в углу виднелся спуск в подвальное помещение. В одной из каменных стен была устроена ниша — главное украшение комнаты — с арочным верхом и хорошо выполненной декоративной резьбой. Напротив помещался большой камин — бухари, где варилась пища.

Варпэт Тигран всегда ужинал со своими подмастерьями и учениками. Гостем в этот вечер у него был шорник Микэл — приземистый, нестарый еще человек с большой русой бородой. В Ани еще со времени освобождения го-

рода царем Давидом Строителем образовалась небольшая грузинская колония, и кахетинец Микэл был признанным ее вожаком. Шорного мастера с оружейником связывала старинная семейная дружба.

Неприхотливый ужин близился к концу, когда на дворе громко залаяла собака. Дверной молоток у наружного входа еле слышно стукнул.

— Пойди, Завен, посмотри, кого бог посылает? Да спроси сначала, кто там! — спокойно приказал Тигран старшему подмастерью.

Времена были тревожные, а после вести о приближении грузинского царя с войском надо было быть особенно осторожным.

Завен скоро вернулся:

— Хозяин, к тебе просится тут один... — И, понизив голос, с многозначительным видом добавил: — А работников лучше бы отослать на отдых, хозяин!

Тигран повернулся к мастерам:

— Идите все спать! С богом, пора...

В горнице остался один Микэл. Оружейник и Завен вышли в прихожую и вернулись в сопровождении человека из Цахкоцадзора. Из-под откинутого башлыка показалось лицо оруженосца Шоторика.

Шоторик происходил из старого анийского рода, издавна связанного дружескими узами с семьей оружейника Тиграна. Знал его и шорник Микэл. После обычных приветствий Тигран не утерпел:

— И как ты умудрился пробраться к нам, Шоторик? Городские ворота все закрыты. И по какому делу прибыл, дозвошь спросить?

— Здесь все свои? — осторожно спросил Шоторик, показывая глазами на Завена.

Оружейник положил большую руку на плечо Завена:

— Мой главный помощник. Говори, мы слушаем тебя, Шоторик.

— Пробрался-то я очень просто, через Цахкоцадзор. Еще мальчишкой любил лазать там по подземельям и в воротах не нуждаюсь, чтобы добраться до друзей. А дело большое!..

И Шоторик принялся рассказывать:

— Служу я теперь оруженосцем у парона Саргиса из Хожорни. Вместе с войсками царя Георгия пришли мы вас освободить от агарян...

В нескольких словах оруженосец сообщил и о бое у Ширакавана, и о гибели мамлюка Рустема. Тигран насупил брови — он казался слегка раздосадованным этой вестью:

— Значит, посеж-таки бахадура твой парон, а? Так-так... Чистый мне убыток! Ведь мамлюк остался мне должен тридцать золотых за новую кольчугу, обещал отдать через два дня. А теперь за червонцами в Моухаммедов рай к нему ехать, что ли?

— А тебя туда, друг, и не пустят как гяура! — с усмешкой вставил молчавший до этого Микэл.

— Ну конечно, не пустят! А кольчуга та теперь у меня, парон Саргис мне ее подарил... — добавил, ухмыляясь, Шоторик. — Только здорово тебе ее чинить придется, Тигран, когда город возьмем! У воротника на целую четверть рассек кольчугу своим ударом мой парон...

— А ведь все-таки по-моему вышло! — сказал оружейник. — Предупреждал я проклятого мамлюка — берегись, мол, удара по шее! Однако, дамасскую кольчугу мало кто разрубить может... Что, твой парон — богатырь, как Давид Сасунский?!

— Голову у быка отрубает.

— А у буйвола?

— Вот этого не знаю — у буйвола очень толстая и крепкая кожа...

Тут Шоторик спохватился: они отвлеклись от дела.

— Так вот, други, царь не собрал вечером военного совета, как обычно, а соизволил вызвать к себе в палатку одного нашего парона и спросил, что он имел в виду, предлагая помощь от простого анийского народа, от вас, рамиков¹. Не сегодня-завтра к Фадлуну придет подмога от эмиров с юга, а тогда...

Тигран, тревожно переглянувшись с шорником, многозначительно спросил:

— Ну, что я говорил, Микэл?

Микэл только молча кивнул в ответ.

— Поэтому парон Саргис считает, что рамики должны помочь нам овладеть городом и освободиться от эмира с его наемной сворой. Да есть в Ани ведь и грузины — народ горячий, не будут же они сложа руки сидеть... Парону

¹ Рамики — ремесленный люд (арм.).

моему было ведомо, что я в Ани все ходы и выходы знаю, вот он и предложил царю тайно послать меня к вам...

— Когда приступ? — раздумывая, спросил Тигран.

— На рассвете, если договорюсь с вами и успеете народ предупредить...

— И вооружить! — добавил спокойно Микэл.

— А оружие есть? — деловито справился Шоторик.

— Найдется! — коротко ответил оружейник. — Что скажешь, Микэл?

Шорник был речист лишь в кругу друзей за добрым кубком старого вина, и ответ его был краток.

— Давно пора гостей незваных выгнать, друзья! Как поступили мужи Картли, так должны поступить и вы, анийцы!

— Молодчина, друг Микэл, драгоценные слова произнесли твои уста! — одобрительно заметил Шоторик.

— Да, пора, давно пора снять «подкову» с нашего собора! — кивнул оружейник.

Он задумался, потом торжественно обратился к Шоторику:

— От имени совета старейшин подтверждаю я и Христовым именем клянусь: только подадите вы знак условный, — все рамки Ани, как один, выступят против врага! Мы еще вчера оружие стали раздавать добрым людям на каждой улице по цехам...

С суровым воодушевлением Тигран заключил:

— Мы готовы, так и передай твоему парону!

Шоторик не успел ответить оружейнику. Раздался громкий удар в наружную дверь, надрывно залился пес на дворе. У присутствующих мелькнула одна мысль: сельджуки...

Тигран встревоженно встал со скамьи, знаком показал Завену на отверстие в полу, тихо сказал:

— Проведи гостя вниз, в подвал. Я сам открою...

Вскоре в комнату вошли двое — начальник дворцовой охраны и стражник. За ними шел хозяин дома.

Толстый сельджук в малиновом халате с саблей у пояса важно расселся на скамье. Смотря поверх голов присутствующих, он строго спросил:

— Кто здесь оружейных дел мастер Тигран?

— Я, господин, — с поклоном ответил оружейник.

— Завтра после утреннего намаза явишься во дворец.

Все готовое оружие из своей мастерской с собой прине-
сешь. Слышишь?

Тигран, побледнев от неожиданности, с усилием от-
ветил:

— Слушаю, господин. Но кто заплатит мне за товар?

Начальник охраны презрительно покосился на оружей-
ника и, вставая, ответил насмешливо:

— Оружие мы не покупаем, уста, берем... взаймы!
После победы над гяурами получишь его обратно.
Я сказал.

С этими словами сельджук величественно выплыл из
комнаты в сопровождении охранника. В комнате стало
тихо. Из отверстия в полу показался встревоженный Шо-
торик.

Оружейник обтер взмокший лоб клетчатым платком.

— Проклятый осел! Накинул на себя львиную шкуру
и наводит на людей страх. Как в притче...

— Ничего, друг Тигран. Завтра вместо муэдзинов на
утреннюю молитву мы сами позовем правоверных! —
улыбнулся Шоторик и добавил уже серьезным тоном:

— Сейчас тем же путем, через пещеры, я вернусь в
наш лагерь. Немедленно разошли своих людей с оружием
по отрядам. Будьте осторожны, следите за ненадежны-
ми — как бы не выдали сельджукам. Измена и предатель-
ство вокруг нас ходят! Приступ начнется чуть свет... А вы
сегодня всю ночь продолжайте раздавать оружие по отря-
дам. Общее начальствование над повстанцами за тобой,
Тигран. Как только увидишь наше знамя на стене, смело
веди анийских рамиков в бой... И да сопутствует вам
удача!

Глава VIII

ВОССТАНИЕ

Поздно ночью военный совет все же состоялся. По вы-
зову царя Георгия в ставку прибыли войсковые началь-
ники во главе с амирспасаларом и его заместником Гам-
рекелом Торели. Приглашенным на совет оказался и па-
рон Саргис, как особо отличившийся в бою у Ширакавана.

Царь встречал прибывающих на совещание, сидя в по-
ходном кресле, мрачный, с видом решительным и даже

вызывающим. Внимательно оглядев суровыми серыми глазами всех собравшихся и по привычке дернув левый ус, Георгий угрюмо произнес:

— Садитесь, господа спасалары.

Все уселись на чем попало и замерли в ожидании царского слова.

— Кипчакский разъезд днем перехватил гонца из Хлата. На допросе гонец показал, что подмога эмиру Фадлуну спешит со всех сторон. Конница из Хлата и Арзрума подойдет сюда дня через два! Так, Хубасар?

— Так, государь! — подтвердил Хубасар.

— Спрашиваю: как нам следует поступить в таком положении? — И царь хмуро добавил, оглядывая военачальников: — О том, как и откуда эмиры заблаговременно узнали о нашем походе, сегодня говорить не будем!

Спасалары переглянулись, помрачнели. Видно, гневен государь, но решил отложить разбирательство темного дела до поры до времени...

Первым заговорил, расправив густые усы, амирспасалар:

— Великий государь, дозволь напомнить, что наши доблестные войска способны вести любую осадную войну, не хуже греков или сарацин. Но на всякое дело нужны время и средства. А что у нас есть? В обозе с собой одни легкие камнеметы и осадные лестницы. Где проломные тараны, черепахи для приступа, тяжелые баллисты? Все это еще тащится далеко за перевалом, когда еще прибьет? А Багратуни-цари строили стены крепкие, восемьдесят башен вокруг Ани стоят...

— Значит, следует снять осаду, господин амирспасалар? — прервал Георгий ученую речь своего полководца. Глухой гнев слышался в голосе царя.

Амирспасалар развел руками:

— Неудача получилась, государь!

Большинство спасаларов было на стороне Орбели. Положение казалось тяжелым. Крепостные стены надежно защищали анийский треугольник с единственной доступной стороны — между ущельями Игидзор и Гайледзор. Прибывшие в обозе походные камнеметы были недостаточно мощны для анийских стен и окованных толстым листовым железом крепостных ворот из кедрового дерева — для их пролома требовались тяжелые тараны. А с прибытием многочисленных войск мусульманских союзников

грузинская армия могла оказаться между молотом и наковальней — большим Анийским гарнизоном и конными полками южных эмиров...

Парон Саргис молчал, как и остальные военачальники. Он впервые был на царском совете, а главное — Шоторик до сих пор еще не вернулся из разведки.

Вельможи втайне злорадствовали — царь явно зарвался, весь поход выглядел неоправданной затеей властолюбивого правителя. Амирспасалар Иванэ, конечно, прав — надо отступать, пока не поздно... Хубасар и другие кипчакские предводители растерянно посматривали на царя.

Георгий снова пристально оглядел спасаларов. Все продолжали молчать. По старинному воинскому уставу хозяин на поле боя — амирспасалар! Кто дерзнет выступить против мнения великого Иванэ? Царь понял: придется брать на себя весь риск сражения, не полагаясь ни на кого... Откинув гордо голову, Георгий III раздельно произнес:

— Слушайте мой боевой приказ, господа спасалары! Записывай, Шалва! — махнул он писцу: — Приказываю: завтра, июня тринадцатого числа сего триста восьмидесятого кроникона¹, на рассвете начать приступ на город Ани.

Кто-то из спасаларов, сидящих сзади, привстал и снова сел. Царь покосился в его сторону, продолжая диктовать приказ войсковому писцу:

— С правой стороны нападают: полк князя Садуна, самхийцы Джакели и зретцы Григола Асатидзе, под общим началом амирахора Гамрекела Торели. Во вторую линию поставить всех обозных, взять с собою осадные лестницы.

Амирспасалар хотел что-то возразить. Георгий резко оборвал командующего войсками:

— Помолчи, амирспасалар! О военном искусстве послушаем поучение потом, после приступа... на досуге!

Полное лицо Иванэ залилось краской от гнева и обиды. Царь продолжал еще более веско:

— Слева пойдет вся кипчакская конница, в пешем строю, под командой спасалара Хубасара. Молчи, Хубасар! Так приказываю. Возьмете тоже с собой лестницы...

Обращаясь к амирспасалару, царь добавил уже мягче:

¹ 13 июня 1161 года.

— А мы с тобой, Иванэ, будем в центре командовать, против Главных ворот. Выставишь против них все камнеметы, и в первую линию пятьсот мекхетских лучников — поближе к стенам. С рассвета камнеметки должны начать бить по зубцам башен, ломать их, а лучники — сбивать врагов со стен. Вели сменить тетивы, стрелять только боевыми стрелами с широким концом — «сакалко»...

Георгий III сам был великолепным стрелком из лука и хорошо знал возможности несравненных мекхетских лучников.

— После предварительной подготовки приступа, — продолжал свой приказ царь, — на стены пойдут...

Царь остановился и, скользнув взглядом мимо парона Саргиса, задумчиво спросил:

— Кто же первым на стены пойдет?

— Я пойду, государь, — спокойно произнес Саргис. — С моими людьми. Столицу Армении освобождаем, значит, впереди всех и должны пойти мы, армянские конники!

— Правильно, Саргис! — одобрил царь и обернулся к Орбели: — Сколько осадных лестниц имеем с собой, ампр-спасалар?

— Штук двести, государь, — угрюмо ответил князь Иванэ.

— Половину отдашь азнауру Саргису! Вслед за сомхитарами пойдут кахетинцы. Дарбазисэри¹ будем держать в запасе, при мне.

Царь встал. Поднялись и все присутствующие. С тяжелым предчувствием неизбежного поражения выслушали спасалары царское решение. Но боевой приказ есть приказ — его надо выполнять... Особенно с таким крутым властелином, как царь Георгий!

— Времени осталось мало. Несколько часов. Поднимите без шума воинов, хорошо накормите их и до света займите назначенные места перед стенами. После первого же удара камнеметов всем идти на приступ!

Царь закончил совещание:

— Идите и выполняйте свой воинский долг, спасалары Картли! — И негромко добавил: — Саргису из Хожорни остаться...

Остальные военачальники вышли из царского шатра и в темноте стали пробираться к своим отрядам,

¹ Дарбазисэри — конная гвардия (груз.).

Георгий снова уселся в кресло. Саргис стоял выпрямившись перед царем, несколько обеспокоенный предстоящим разговором. Он догадывался, о чем спросит его царь.

— Где твой человек? — отрывисто молвил Георгий.

— Еще не вернулся из Ани, государь. Жду.

— Смотри, Саргис! Помни, головой отвечаешь за все это дело! — с угрозой промолвил царь.

Парон Саргис потупил взор. Царь решил на отчаянный приказ о приступе по его, Саргиса, совету, а Шоторика все нет...

Уже доверительно Георгий добавил:

— Измена кругом, Саргис! Сам видел ты сегодня утром, что произошло у Ширакавана. Да и эмиры не случайно с подмогой Фадлуну идут с юга... Как только твой оруженосец вернется, сообщит, будет восстание в городе или нет?

— Хорошо, государь, немедленно приду.

— Теперь иди, Саргис. Готовь своих храбрецов для приступа. В нем все наше спасение!

Саргис с поклоном вышел из шатра. Конечно, хожорнийский парон понимал, что в случае неудачи народного восстания он — обреченный человек... Георгий III был подозрителен и никогда не простил бы ему поражения у стен Ани.

Ночь еще окутывала своим темным покровом спящий город, но с гор повеяло свежим ветерком. Постепенно тускнели звезды и небо заметно светлело на востоке. Протянулась предрассветная светло-розовая полоса, предвещающая жаркий день.

На Кузнечной улице было тихо. Из низких ворот каменного дома вышли два человека. Впереди быстрым шагом шел огромный оружейник, закутанный в широкую черную бурку. За ним — старший подмастерье. По дороге Завен осторожно стучался в двери почти каждого дома, перебегая через улицу, чтобы снова догнать мастера. Из домов выходили группами и в одиночку анийские ремесленники, мелкий торговый люд. Оглядываясь и пряча оружие в складках одежды, они присоединялись к шествию. Скоро за оружейником шла большая толпа, все растущая по пути.

На перекрестке двух улиц их ожидал шорник Микэл со своими соотечественниками — почти сотню хорошо вооруженных молодцов привел с собой молчаливый приятель мастера Тиграна. Сам Микэл был одет в камзол из буйволиной кожи с нашитыми стальными полосами. На голове — шлем, у пояса — широкий тушинский кинжал, в руках — короткое охотничье копьё.

Увидя Тиграна в бурке, шорник забеспокоился:

— Почему тепло оделся, простыл?

Тигран усмехнулся и сбросил черную бурку на мостовую. Под мирным одеянием оказалась знаменитая кольчуга из Киева, высокие достоинства которой оружейник обсуждал с мамлюком Рустемом. Кольчугу Тигран все-таки успел починить и сегодня надел для предстоящего боя. В могучих руках мастер держал топор. Микэл залюбовался грозным видом своего друга, бормоча под нос: «Ну чем не Вахтаг Горгасал?.. Ей-богу, Горгасал!»¹

В широкий поток вооруженных горожан из соседних улиц и переулков вливались все новые и новые группы. Людская масса медленно приближалась к Главным воротам. Повстанцы не сводили глаз с крепостных стен.

Рассветало. Все явственнее выделялись на башнях отдельные фигуры часовых. Звонко прокричали петухи. И, как бы дождавшись этого призыва, грянул громopodobный грохот.

Ударили царские камнеметы. В рассеянном предутреннем свете было видно, как полетели с башни сбитые зубцы. Несколько часовых, пораженных каменными ядрами, упали вниз, на землю.

Удары камнеметов повторялись еще и еще... Из нижних ярусов башен и из ближних домов высыпали сельджуки. По внутренним лестницам они полезли было на стены, чтобы достойно встретить врага, но ядра падали густо, и сельджуки попятились обратно.

— Пора выступать! — закричали ремесленники.

— Чего ждешь, Тигран? Давай команду! — торопил Микэл.

Оружейник предостерегающе поднял руку:

— Нет, братья. Посланец сказал — ждите знака! Нет еще знамени на стене...

¹ Вахтаг Горгасал — прославленный грузинский царь-воитель (VI в.).

ЭМИР БЕЖИТ

На пологом плоскогорье, прилегающем с севера к внешнему обводу городских стен, тянулись обширные анийские предместья. Здесь жили многочисленные ремесленники, мелкие торговцы, огородники, поденщики и прочий бедный люд. Постройки в предместьях воздвигались на некотором расстоянии от городских стен, и вся небольшая грузинская армия могла разместиться на пространстве между сухим рвом и передними домами предместий.

Царь Георгий, в боевых доспехах, верхом на караковом скакуне, наблюдал с небольшого холма за продвижением войска, в предрассветном сумраке поспешно занимавшего исходные рубежи. Амирспасалар Иванэ, со злым лицом, молча держался рядом. Резерв — царская гвардия — стоял сзади в конном строю в ожидании сражения.

Разглядывая могучие Смбаатовы стены, царь невольно залюбовался изяществом каменных плит, мозаичным орнаментом из цветного камня. Около Главных ворот высечен был на стене горельеф бегущего барса. Над барсом красовался крест из черных квадратов. Мелькнула мысль: наверное, герб Ани... От бессонной ночи и волнений побледнело суровое лицо Георгия, рука иногда нервно дергала поводья коня. Больше всего тревожило то, что не вернулся засланный в город разведчик. Царь прекрасно сознавал, на какой огромный риск пошел он, приняв ночное решение. Приступ крепости, разумеется, можно еще отменить и даже, в случае неудачи, отступить от стен Ани. Но при неустойчивом положении самого Георгия III среди недовольных могущественных феодалов престиж царской власти мог непоправимо пострадать от плачевного результата похода...

Двадцать камнеметов уже стояли перед Главными воротами. Их прислуга спешно громоздила около орудий кучи крупных камней, собираемых на поле добровольцами из местных жителей. Обычно при приближении врага обитатели предместий уходили под защиту могучих городских стен. На сей раз христианское население осталось в своих домах, и только взрослые мужчины с оружием в руках присоединились к царскому войску. За камнеметами уже выстраивалась цепь месхетских стрелков. Из обоза подносили длинные осадные лестницы. Их принимал сотник

Вахрам и распределял между сомхитарскими сотнями, негромко давая указания. В отдалении высилась огромная фигура в доспехах, с пером белой цапли на шлеме.

— Саргис из Хожорни!

Царь недовольно дернул поводья коня. Подумал: «Кажется, подведет этот «высочка», как его называет Орбели...»

Сзади раздался топот коней. К царскому холму наметом мчался кипчакский разъезд. Между передними всадниками бежал человек в темном архалуке. Начальник разъезда подъехал к царю, спешился и стал на своем ломаном языке что-то объяснять. Георгий рассеянно взглянул на задержанного кипчаками человека. Вдруг пленник рванулся вперед, выкрикнул:

— Государь, я вернулся из Ани... оруженосец парона Саргиса!

На рассвете 13 июня 1161 года под прикрытием каменного града лорийские сотни пошли быстрым шагом к крепостным стенам, неся осадные лестницы. Впереди сотен шагал парон Саргис, сопровождаемый сотником Вахрамом. За ними неотступно следовал Шоторик. В руках оруженосец сжимал древко свернутого знамени.

Град камней загнал высыпавших на стены сельджуков обратно во внутренние башенные помещения. Осаждающие сумели перетащить осадные лестницы через сухой ров и подвести их к стенам. Но стрельбу из камнеметов пришлось скоро прекратить из опасения поразить своих же воинов, и сельджуки снова появились на стенах. Многих сразили меткие стрелы месхов. Но остальные защитники с остервенением набросились на лорийцев и в двух-трех местах с торжествующим воем опрокинули лестницы с осаждающими в ров. В воздухе замелькали арканы, которыми весьма искусно владели сельджуки...

С яростными криками опознали наемники громадного воителя с пером белой цапли на шлеме, убившего любимого начальника:

— Месть за бахадура Рустема!

— Смерть проклятому гяуру!

Зорко следил царь Георгий за ожесточенным натиском лорийцев, упорно карабкавшихся на стены под градом стрел и камней. Видел он, как бешено засверкали кривые

сабли вокруг огромной фигуры Саргиса, первым взошедшего на стены, видел, с какой нечеловеческой силой отражал великан тяжелым палашом удары наседавших врагов, чертя по воздуху крест. Все звонче раздавался лязг стали, все явственнее доносились яростные крики сражающихся. Уже не один десяток трупов лежал у подножия стен, раненых относили добровольцы из предместий в свои дома. Георгий оглянулся на амирспасалара Иванэ. Уловил мелькнувшую на полном лице полководца усмешку.

— Бросай в бой кахетинцев, Иванэ, время! Надо выручать сомхитаров! — сердито крикнул царь.

— Слушаю, государь, — непривычно покорным тоном ответил Орбели и отъехал.

Георгий тяжелым взглядом проводил широкую спину в темном панцире: «Доволен сейчас Иванэ, считает, что по его получается!» Отвернувшись, снова обратил взгляд на бой...

Понеся немалые потери, лорийцы оседлали наконец верх крепостных стен и ожесточенно рубились с сельджуками. К защитникам крепости, однако, уже подходило подкрепление. К Главным воротам прискакал с личной охраной эмир Фадлун, что-то крича охрипшим голосом. Парон Саргис и его люди оказались в тяжелом положении.

Вслед за камнеметами и месхийские лучники вынуждены были прекратить стрельбу — на облепленных сражающимися стенах трудно было отличить своих от врагов. Храбрые горцы с восхищением следили за смелым приступом лорийцев. Особенно поражал их своей мастерской рубкой высокий рыцарь с пером белой цапли на шлеме. До царя Георгия донеслись их восклицания:

— Смотрите, парни! Ну и багатар! ¹

— Рубится, как белый Георгий!

— Мхаргрдзели, настоящий мхаргрдзели! ²

— Где кахетинцы? О чем думает Иванэ? — иступленно закричал царь. Но уже бежали мимо него с короткими копьями в руках кахетинские сотни.

— Вперед, храбрые кахи! — показывал Георгий плетью на стены. — Бейтесь, как этот сомхитар!

— Белый Георгий, белый Георгий! — кричали кахетинцы и лезли на стены...

¹ Багатар — богатырь (груз.).

² Мхаргрдзели — долгорукий (груз.).

Нападающие наконец захватили одну из городских башен, и парон Саргис вместе с оруженосцем взобрал на ее площадку. Укрывшись за спину парона, Шоторик стал лихорадочно разворачивать боевое знамя и наконец высоко вскинул на вытянутых руках голубой стяг. И тотчас же из города донесся грозный гул человеческих голосов. Повстанцы увидели долгожданый знак...

Сеча внезапно стихла, и сельджуки горохом посыпались со стен.

С высоты башни Саргис увидел, как по улицам стремительно неслась человеческая лавина. Далеко по улицам разносился боевой клич:

— Бе-ей! Бей! Бей проклятых агарян!

Впереди всех бежал великан в блестящей кольчуге и высоком шишаке, потрясая боевым топором. Налетев на вражеский отряд, он могучими ударами свалил одного, затем другого сельджука. Тесня врага, ремесленники медленно продвигались к Главным воротам. Другой отряд повстанцев перерезал дорогу подкреплению, которое эмир бросил к городским стенам, и вступил с ним в рукопашный бой.

Саргис устало опустил тяжелый меч и, сняв железную рукавицу, отер пот со лба. Шоторик с сияющим лицом воскликнул:

— Рамики восстали, парон Саргис!

По восточной окраине города к косогору, ведущему к мосту через Ахурян, промчался большой конный отряд. Фадлун убегал из Ани... Парон Саргис перевел дыхание и оглянулся на встающее солнце:

— Победа!

Повстанцы поспешно снимали бревна, которыми были заложены окованные железом ворота. Со скрипом медленно раздвинулись огромные створы, и ликующая толпа ремесленников высыпала в поле.

Стоявший на холме царь Георгий снял шлем, истово перекрестился. Редко улыбался суровый царь, и впервые за весь поход увидел Орбели радостное лицо властелина.

— С победой, Иванэ!

От требуемых по положению поздравительных словеслий амирспасалара выручила подошедшая группа повстанцев во главе с Тиграном и Микэлом. Выступив вперед и сняв шишак, оружейник почтительно молвил:

— Анийские рамики приветствуют великого государя!

Царь Георгий был приятно поражен приветствием на родном языке.

— Здравствуйте, други! Большое вам спасибо за помощь. Оказывается, и здесь наши картвелы живут?

— Живут, государь. Вот один из них — мой друг Микэл из Кахети. А я сам — оружейник Тигран, исконный ширакец.

Великан-оружейник держал боевой топор на плече. Прекрасная форма рукоятки и художественная золотая насечка привлекли внимание царя, большого любителя оружия.

— Красивая у тебя секира, оружейник! — похвалил Георгий.

Тигран величавым жестом протянул топор рукояткой вперед царю:

— По древнему обычаю, хвалящему — в дар!

Георгий снова улыбнулся — уже второй раз в этот день. Передавая топор оруженосцу, он повелительно кинул:

— Мой охотничий кинжал!

Царский кинжал в золотых ножнах был щедрым подарком анийскому оружейнику. Тот принял оружие с поклоном и, обнажив широкое лезвие и поцеловав его, громко крикнул:

— Долгой жизни великому государю! Ваша!¹

— Ваша! — дружно откликнулись ремесленники.

Царь Георгий, надевая шлем, дружелюбно сказал:

— Теперь, доблестные рамики анийские, и вы, мои храбрые грузины, показывайте дорогу в город!

У Главных ворот царя Георгия встретил парон Саргис, которому уже успел подвести коня расторопный Самвэл. Саргиса окружили месхийцы и никак не хотели расставаться с восхитившим их мужественным воителем. Подъезжая к воротам, Георгий опять услышал приветственные клики: «Мхаргрдзели! Ваша, Мхаргрдзели!»

— Кого это так чествуют, Иванэ? — с усмешкой спросил царь.

— Не знаю, государь! — пробормотал нехотя Орбели.

¹ Ваша! — Слава! (груз.).

Георгий, однако, сразу распознал виновника торжества. Вспомнив свои сомнения перед боем, он громко воскликнул, подняв руку в боевой рукавице:

— Привет тебе, мтавар Саргис Мхаргрдзели, дважды победитель саркинозов!¹ — И царь проследовал дальше в сопровождении многочисленной свиты.

Саргис был ошеломлен. «Как, мой новорожденный сын тоже будет князем?! И новое имя роду дано царем... О, как обрадуется слепец в Хожорни!» Радостные мысли парона Саргиса были прерваны посыпавшимися со всех сторон поздравлениями. После тяжелого ратного труда плохо улавливал хожорнийский рыцарь смысл льстивых слов придворных и искренние пожелания боевых соратников. Он молча пристроился к царскому шествию и въехал в ликующий Ани.

Медленно двигался царский кортеж по запруженной народом Центральной улице, и радостно приветствовали его горожане. Подъехав к величественному кафедральному собору, Георгий III сошел с коня и по широким ступеням паперти направился к южному царскому входу. Навстречу ему вышел архиепископ Барсег со всем духовенством в праздничных ризах. Высоко подняв золотой крест, владыка широким жестом благословил царя-победителя. Георгий трижды приложился к протянутому кресту. Церковный хор истоиво запел праздничный тропарь, и под громкие возгласы «Полихронион!»² царь проследовал в собор.

Г л а в а X

АНИЙСКИЕ ГРАДОПРАВИТЕЛИ

Полк Садуна Арцруни при взятии Ани действовал довольно вяло, и на особые царские милости князь рассчитывать не мог. Но по предстательству амирспасалара Садун получил завидную должность анийского градоправителя и в этом звании присутствовал на первом царском приеме в Вышгороде.

Георгий III восседал на высоком инкрустированном перламутром кресле у открытого окна базиличного зала, где недавно пиршествовал сбежавший эмир. Властелина

¹ Саркинозами (видоизмененное — «сарацины») называли грузины арабов и вообще мусульман.

² «Полихронион!» — «Многая лета!» (греч.).

окужали придворные и спасалары с Орбели во главе. В их кругу стоял и новоиспеченный мтавар Саргис Мхаргдзели и, с удивлением разглядывая расписанные фресками стены зала, поражался роскоши лепных позолоченных украшений.

Царь милостиво принял многочисленные городские депутации с дарами, с изъявлениями преданности и радости по случаю победы. Но когда в зале остались лишь приближенные, Георгий дал волю накопившемуся гневу. Победа победой, но завязавшийся клубок предательства надо распутать! И безотлагательно...

— Как же мы в засаду с тобой, Иванэ, попали, а? И кто бы мог предупредить других эмиров о походе? — зловещим голосом спросил Георгий. Сузившиеся глаза царя сверлили бесстрастное лицо Орбели. Амирспасалар молча пожал плечами.

— Когда я тебя спрашиваю, изволь отвечать, господин амирспасалар! — загремел под сводами зала гневный голос.

— Великий государь, что могу я знать об этом темном деле? Повели начать дознание о нем! — с поклоном сухо ответил Орбели. — Полагаю, впрочем, что сейчас думать надобно о другом: шахармен Сукман из Хлата, Изз-ад-дин Салдух из Арзрума и Фахр-ад-дин Ерзнкайский свои войска на Ани ведут, с ними бой предстоит немалый!

На этот раз амирспасалар Орбели был прав... Гневным жестом Георгий отпустил вельмож.

Амирспасалар Орбели возлежал на широкой тахте в отведенном ему дворцовом покое и размышлял...

«Снова повернулось счастье лицом к царю Георгию. Вторую блистательную победу одержало грузинское воинство над неверными под стенами Ани, девять тысяч их попало в плен, сам арзрумский эмир крепко сидит внизу в дворцовой темнице и ждет царского решения. Придется тебе крупно раскошелиться, друг Изз-ад-дин, немало твоих динаров перейдет в царскую казну! А оттуда третья часть по закону — в руки амирспасалара... Все это так. Но царь долгопамятен и не забудет ширакаванского дела! Кто же его подстроил? Кто предупредил эмиров? А сегодня утром Шабурдан с плачем упал в ноги и признался в пропаже бурдюка вина из личного обоза как раз накануне пьянки на пограничной заставе...»

Начальника заставы по царскому приказанию уже повесили, а бездельника Шабурдана князь Иванэ пинками выставил из покоя. Но многоопытный Орбели ясно видел одну руку во всех этих происшествиях. Внезапно его осенило:

«Князь Григол!»

Ему давно известна была неприязнь эретских мтаваров к царю Георгию. По слухам, немало золота слал им за это гандзакский эмир¹. Григол Асатидзе знал о походе на Ани, знал, что Иванэ с царем беспечно поедут в головном отряде, и даже о получении из Кварели вина знал...

Так... Амирспасалар громким голосом позвал дежурного сотника и приказал пригласить князя Асатидзе.

Рыбак рыбака видит издалека... После недолгих отпирательств и угадав в князе Иванэ единомышленника, эристав признался во всем. От имени эретских мтаваров князь Григол заключил тайный союз с Орбели — главарем другой группы недовольных мтаваров. Союзники обязались во всем помогать друг другу и отстаивать исконные княжеские права от незаконных домогательств царской власти. Кроме того, эретцы обещали свою помощь для возведения на престол законного наследника Багратунианов — царевича Демны.

— Но что мы ответим Георгию по ширакаванскому делу, князь Григол? — задумчиво спросил Орбели. — Я вне подозрения, потому что самого меня чуть не зарубили саркинозы. Гонца твоего осел Фадлун велел посадить на кол. Но могут ведь и другие знать об этом деле, а царские проведчики всюду шныряют...

Григол Асатидзе задумался. Потом с решительным видом сказал:

— Беру дело на себя! Надо будет найти подходящего человека и на него навлечь взор Георгия и его прислужников.

— А это и не трудно, — подхватил князь Иванэ, — ибо подозрителен царь и охотно слушает наветы на благородных и знатных людей.

На том и порешили.

После разговора двух вельмож прошло некоторое время. Садун Арцруни по-хозяйски принялся за восстановление

¹ Гандзак (по-армянски), Гандза (по-грузински), Ганджа (по-азербайджански) — нынешний Кировабад с областью.

ние поврежденных городских укреплений. Дело подходило к концу, когда в Вышгород прибыл Шабурдан. В тайной беседе с градоправителем он поведал, что на Садуна Арцруни поступил донос.

— Злодеи утверждают, что это ты, патроно, подстроил засаду в Шираке и предупредил эмиров о царском походе... — хрипел на ухо Шабурдан.

— Как мог поверить царь такой клевете?! — простонал побледневший Садуна.

— И то, что ты спешно стены анийские восстанавливаешь, тоже тебе в вину ставят в Тбилиси. Садуна, мол, хочет Ани передать Ильдегизу... — продолжал нашептывать азнаур. — Верно говорю, патроно...

Садуна понял, что, хоть и безвинный, он погиб. Охваченный ужасом и отчаянием, он вдруг вспомнил о старом друге в далекой пограничной области — Григоле Асатидзе. В ту же ночь правитель Ани с небольшой охраной выехал из города и, скрываясь, по горным тропам через несколько суток прибыл в Шакэ¹, где был принят с почестями. А рано утром в Тбилиси поскакал тайный гонец. Не прошло и недели, как главный эджиб² Заал Саварсалидзе вручил князю Григолу царский приказ об аресте преступного вельможи Садуна Арцруни.

Садуна в окопах привезли обратно в Ани и бросили в дворцовую темницу в ожидании царского дознания. Однажды при утреннем обходе он был найден мертвым, с явными признаками отравления... Тело узника по чьему-то приказу поспешно зарыли в обширных подземельях Вышгорода, его так и не нашел впоследствии брат и наследник Садуна Абуласан Арцруни. А однажды Абуласана вызвали в Лори. Там с глазу на глаз у него произошел тайный разговор с амирспасаларом. Проницательный Арцруни понял, что мертвых не воскресишь, а себе повредить вполне возможно, если копаться в старых делах. Так и затерялись следы преступления...

Градоправителем в Ани царь назначил парона Саргиса, что оказалось весьма кстати для задолжавшего кругом хожорнийского владельца — крестины сына, анийский поход (без добычи) и другие расходы по замку намного

¹ Нынешняя Нуха.

² Эджиб — придворный чин (груз.).

превысили доходы с небольших владений Мхаргрдзели. Место градоправителя было прибыльным. Однако надлежало привести в порядок потрепанную в боях дружину и требовалась немалая сумма. Пришлось вновь обращаться за ссудой к монахам. Епископ Санаина Григор был расчетлив, и, прежде чем снабдить деньгами парона Саргиса (опять под залог рудника!), он поручил отцу-эконому осмотреть на месте медные разработки и убедиться в их доходности. Договорившись с княжеским управителем, тэр-Гевонд сел на мула и двинулся в путь.

В крутом лесистом склоне горы зияло большое черное отверстие. От него к руслу реки тянулся темный конус выбранной пустой породы. Рядом находилась землянка для сторожей, а поодаль — ряд таких же неприхотливых жилищ небольшого горняцкого поселка.

Верблюжий транспорт с рудой уже ушел на медеплавильный завод, и рудник казался вымершим. Все рудокопы были внизу, в забоях.

На громкий топот коней из землянки выползло невзрачное человеческое существо, одетое в дырявое рубище. Почесываясь, старик приглядывался подслеповатыми глазами к всадникам.

— Управитель приехал! — прошамкал он испуганно беззубым ртом и быстро нырнул в землянку. Из караулки, с опухшим от сна лицом, выскочил старшой. Рванув лохматую папаху с головы, он подобострастно таращился на дородного княжеского управителя, рядом с которым на крупном муле высился худой монах в черной рясе. Кивнув караульщику, управитель тяжело слез с коня и обратился к монаху:

— Придется переменить одежду, тэр-Гевонд, в твоём монашеском одеянии в рудник спускаться нельзя! Приготовь-ка светильник, Макар, — приказал он старшему караульщику, — да кликни снизу надсмотрщиков. А мы пока посидим здесь, на пригорке, да подзакусим с дороги...

Почтительно сопровождаемые надсмотрщиком рудника и его помощником, управитель и тэр-Гевонд медленно поднялись по горной тропе и, вступив в узкий лаз, стали спускаться по кривым, выбитым в диком камне скользким ступеням. С низко нависшего потолка и со стен лаза капала вода. Промозглая сырость охватила вошедших. Ход шел вниз в плотной базальтовой породе, креплений не было. Вскоре вдаль замелькали огоньки. Рудокопы лежали

на боку и железными кайлами долбили камень, выламывая небольшие куски темной породы. Рядом на земле стояли масляные плошки, тускло освещая забой. Подносчики быстро укладывали руду в кожаные мешки и, кряхтя, выносили на поверхность земли. Рудокопы (по большей части военнопленные и неоплатные должники-крестьяне, обреченные на работу в княжеских рудниках, пока их родственники не выкупят деньги или не освободит смерть) не обратили никакого внимания на приход почтенных посетителей. Надсмотрщику это не понравилось. Он громко заревел:

— Разве так рубят руду, бездельники? — И, выхватив из-за пояса длинную кожаную плетть, начал сплеча хлестать по обнаженной спине одного из рудокопов. Тот обернул искаженное болью потное грязное лицо:

— За что бьешь?

— Так поучай всегда ленивцев, Торос! — одобрительно заметил управитель. Зевнув, он спросил:

— Как за неделю выполнен урок?

Торос перестал бить рудокопа, угодливо осклабился:

— Более ста мешков сверх урока вынесли из рудника за сегодня. И так почти каждый день.

Отец-эконом внимательно наблюдал. В полутьме слышался только стук кайл. «Рудник работает на славу!.. И порядок должный. Так и сообщу преосвященному...» Вслух сказал, обращаясь к управителю:

— В писании сказано о рабе нерадивом, но надобно и поощрять прилежных! Иначе плохо будут работать, и большой урон понесут владельцы.

Управителя обеспокоили слова тэр-Гевонда. «Плохой доклад может сделать епископу, и откажут в деньгах монахи. Тогда нагорит мне от ишхана!»

— Конечно, конечно, тэр-Гевонд! Торос, выдай наиболее усердным в воскресенье по чарке водки, велю...

Глава XI

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Тамар — дочь Георгия III и красавицы аланки Бурдухан — родилась в царской резиденции Гегути¹, около Ку-

¹ Дворец близ Кутаиса, построен Георгием III в 1156 году, ныне в развалинах.

таиси. Царь был в очередном походе и, получив известие о появлении на свет девочки, только махнул рукой. Никто при тбилисском дворе не посчитал радостным появление на свет маленькой царевны — слишком напряженно ждали рождения сына-наследника у царя. Событие это опечалило сторонников и безусловно обрадовало противников грозного Георгия III. Законы престолонаследия и в Европе и в Азии не допускали возможности воцарения женщины, хотя исключения изредка и бывали.

Получив эту весть, вельможи сочли все-таки нужным облачиться в парадные одеяния и отправиться с поздравлениями и небольшими дарами в Гегути, где их с кислым видом принимала царица Русудан — сестра Георгия III. Но рыскавшие по базарам и духанам царские соглядатаи в один голос доносили: «Все говорят, что, если у царя Георгия не родится сын, придется ему на смертном одре передать власть царевичу Демне».

Россыпь Млечного Пути разлилась по ночному небу над Тбилиси. Изредка оставляла след падающая звезда и быстро гасла. В городе не было видно ни одного огонька. Лишь издали доносился лай собак, да слышался топот коня запоздалого путника. Где-то внизу неумолчно рокотала Кура, стесненная узким обрывистым ущельем. На противоположном высоком берегу реки мрачной громадой вырисовывалась городская цитадель — неприступная Нарикала.

Душная ночь не принесла пролады в Исанский дворец¹, и царица Бурдухан напрасно пыталась уловить у окна свежее дуновение с Коджорских высот. Царь Георгий вернулся поздно вечером из очередного похода и, усталый, уснул в тронном зале на хорасанском ковре.

Красавице аланке было скучно в обширном дворце среди чужих людей и жесткого этикета чопорного грузинского двора. В Тбилиси все было иначе, чем в стенах родового замка, там, далеко в горах, близ нависших над лесистым ущельем ледников. Царь Георгий находился постоянно в походах и разъездах по обширному государству. Его женитьба на Бурдухан — дочери аланского властодержателя Худдана — была решена молодым царем скоропалительно, в одно из его посещений данников Дешт-и-Кипчака. Впрочем, она особенно и не удивила тбилисский

¹ Царский дворец был в Исани — нынешнем Авлабаре.

двор. Грузинские Багратиды всегда опасались засилия алчной родни из местной знати и поэтому часто женились на чужеземных царевнах. Царскую семью беспокоило другое — отсутствие сына-наследника. И все чаще придворные, пугливо озираясь (у дворцовых стен были уши, а царь Георгий шутить не любил!), шептали, что брак монарха остается без божьего благословения. Попросту говоря, у царствующего Багратида не было ребенка мужского пола, а у амирспасалара Орбели подрастал царевич Демна... И не раз на пиру в Лорийском замке, при редких посещениях царя Георгия, юноша со страхом ловил тяжелый взгляд царственного дяди, невольно вспоминая загадочную смерть отца...

— Не спишь, дорогая Бурдухан? — вошла в покой сестра царя Русудан.

Поистине удивительной была жизнь этой необыкновенной женщины, воспетой великим Низами под именем принцессы Шамиры. Супруга двух державных властелинов — великого князя Киевского Изяслава Мстиславича, а затем — последнего «Великого Сельджука» султана Санджара, Русудан не провела и двух лет в браках с престарелыми мужьями. Теперь двукратная венценосная вдова доживала свой век при дворе своего брата в Тбилиси. Следы редкостной красоты еще сохранились на лице сорокалетней статной женщины. Холодный блеск серых глаз свидетельствовал о незаурядном уме и сильном характере, а врожденная склонность к дворцовым интригам делала царицу опасной для врагов и ненадежной для друзей.

— Нет, великая госпожа, не спится мне...

— О чем, ма хур¹, мечтаешь?.. — продолжала Русудан тем же ласковым тоном.

Сегодня золовка была необычайно любезна с молодой женой царственного брата, к которому Русудан была очень привязана, хотя разделяла далеко не все его взгляды. При свете масляного ночника прекрасное лицо Бурдухан оставалось неподвижным.

— Вот вернулся наш Георгий снова победителем саркинозов, — продолжала Русудан. — И может быть, хоть теперь ты нас порадуешь долгожданной вестью? Немало

¹ Ма хур — мое солнце (осет.).

времени прошло после рождения Тamar. А наследника у царя все нет. Ждем его, очень ждем...

Сладкая речь Русудан не смягчала холодного блеска серых глаз. Бесплодие невестки явно сердило сестру царя. Бурдухан продолжала молчать, лишь жгучие слезы вдруг подступили к печальным глазам аланки. При всей суровости характера царь Георгий до конца жизни горячо любил свою красавицу жену, даже поступаясь династическими интересами. Напрасно уговаривала Русудан. Никакие доводы не действовали — брат не соглашался на развод...

Русудан затронула больное место. Молодая женщина внезапно встала с кресла и, с низким поклоном в сторону Русудан, молча направилась в свою спальню. Стройная высокая фигура в тяжелом парчовом платье легко скользила по каменному полу. Сумрачным взглядом проследив за Бурдухан, Русудан зло пробормотала:

— Смоковница бесплодная.

Царь проснулся на рассвете от крика петухов. Поморщился, вспомнив, как вчера полезла вверх левая бровь у сестры, когда он приказал постелить себе на прохладном полу тронного зала. Георгий отлично понимал, что ему необходим сын-наследник. Но имеет же право на отдых человек после двухдневной скачки в горах (а другой езды он не признавал!), или же все время должен думать он о династическом кризисе?! Царь мрачно молчал, когда слуги помогали ему одеваться, еле кивнул головой эджибам на утренние приветствия и льстивые пожелания счастливого отдыха после ратных трудов. Скоро по дворцу пронесся испуганный шепоток: «Царь встал не в духе!»

Умывшись над серебряным тазом холодной водой и накинув легкий летний архалук, царь направился в покои Бурдухан в другом крыле дворца. Георгий был высок ростом, как отец его и дед, ходил быстро, и сопровождающие эджибы еле поспевали за ним.

По дороге царское шествие пересекло небольшой приемный зал, где уже собрались все вазирь¹, кроме находившегося при войсках амирспасалара Орбели. Коротко

¹ Вазирь — министры в Грузии XII—XIII вв.

ответив на поклоны вельмож, царь бросил Абуласану Арцруни:

— Князь, через час прошу ко мне. — И сухо добавил: — Без бумаг.

Эристав эриставов Картли князь Амир-Курд Абуласан застыл в глубоком поклоне. Когда он поднял голову, царь уже исчез, оставив вельможу в изумлении.

В небольшом покое царицы Георгия уже ждали сестра Русудан и аланка-жена. При входе царя обе встали и поклонились.

— Здоров ли, брат мой? Как почивал? — первой, как старшая, задала вопрос Русудан.

— Благодарю, Русудан. А вы с Бурдухан как?

Ответил быстро, а сам глаз не сводит с жены. Хороша горянка, ничего не скажешь! В это утро царь Георгий, отдохнув, особенно остро чувствовал молодое очарование супруги. А еще сестра хочет, чтобы он разошелся с такой красавицей... Глупости! Будет у него сын... Должен быть... обязательно! Ну, а если нет? Тут мысли Георгия пошли по новому руслу, и он глубоко задумался.

Через открытые окна из дворцового сада доносились шум фонтанов, пение птиц. Воздух был по-утреннему прохладен, и Георгий, с удовольствием заметив, что проголодался, сел на широкую тахту. Чьи-то услужливые руки быстро продвинули под локти и за спину царя мягкие ковровые подушки. Русудан хлопнула в ладоши, вбежавшие слуги внесли низкий восьмигранный стол, покрытый парчовой узорной скатертью. Показался повар с шампурами сочного шашлыка — царь любил плотно завтракать...

Абуласан уже ждал царя в его личном покое. Георгий уселся в кресло за стол. Несмотря на пригласительный жест, эристав эриставов стоя начал докладывать скороговоркой:

— Разрешите доложить, великий государь: вчера опять на Лихском перевале караван чужеземных купцов ограбили... Третий случай за этот месяц! — И добавил многозначительно: — Этак вся торговля в царстве остановится, пошлин и налогов лишимся!

Георгий посуровел, утвердительно кивнул головой:

— Правильно! Надо покончить со всеми разбойниками и ворами... Договоритесь с амирспасаларом Иванэ, пусть кипчаки вместе с градоправителями прочешут все дороги, селения и города. Приказываю беспощадно вешать подоб-

ных людей! Рядом развешивать награбленные ими вещи, их ослов и лошадей, кошек и собак. Для вящей остротки!

— Так, великий государь, премудр твой приказ! Лично буду следить за выполнением, — обрадованно заговорил Абуласан.

Георгий желчно усмехнулся:

— Конечно, снова начнут шептать, царь, мол, жесток, поступает не по закону. А кто их ведает, эти законы, — «Судебника» до сих пор ведь нет в Картли...

Подумав, Абуласан рискнул высказать свое мнение:

— Воистину так, государь. А вот в моих владениях проживает некий чернец — превосходнейший знаток законов, даже «Судебник» вознамерился писать.

Царь встрепенулся:

— Ученый законовед, говоришь? А как его имя, князь?

— Мхитар, по прозвищу Гош, что значит «редкобородый». Всевозможные науки превзошел сей монах, обучался в Киликии.

— Так, так... — задумался царь. — Как скоро можешь его доставить в Исани, князь?

— Через шесть дней, государь, если повелеть соизволишь, — с готовностью ответил Арцруни.

— Хорошо... Немедленно шли гонца за монахом! — твердо молвил Георгий.

Глава XII

ВИДЕНИЕ В СОБОРЕ

Родовитый владетель Махканберда, Рустави и Семигорья эристав эриставов Картли князь Амир-Курд Абуласан Арцруни свысока относился к мелким рыцарям из Хожорни, с которыми он случайно породнился через сестру свою Саакдухт. Но выдающиеся воинские подвиги зятя Саргиса при взятии Ани и восстановление его в княжеском достоинстве заставили вельможу переменить отношение к бедным родственникам. Особенно когда царь Георгий назначил князя Мхаргрдзели градоправителем такого крупнейшего торгового города, как Ани. Приехав в Хожорни по случаю рождения у сестры Саакдухт второго сына, Абуласан осыпал подарками всю семью, по-род-

ственному посоветовал парону Саргису сблизиться с могущественными Орбели и даже вызвался пригласить чванливого амирспасалара на семейное торжество в качестве крестного отца. Немного поломавшись и сдавшись на уговоры старого приятеля, Орбели с огромной свитой прибыл в Хожорни и был восприемником у купели младенца, нареченного в его честь Иванэ.

В мерцании тысяч свечей, сквозь клубы ладана, торжественно звучали под сводами Сионского собора старинные песнопения. В пасхальную ночь храм был переполнен молящимися. Служил сам католикос Микаэл Мириасанидзе, в присутствии всего двора и вельможной знати. Уже переменяли священнослужители траурные ризы на светлые праздничные одеяния и ликующим прославлением начиналась утренняя. В числе находящихся на богослужении был и князь Мхаргрдзели, прибывший в Тбилиси по приглашению шурина. Правитель Ани захватил с собой в Тбилиси двенадцатилетнего старшего сына Захария. Маленький горец впервые попал в Тбилиси, и все в этом городе было ему в диковину. С удивлением смотрел княжич на пышную церковную службу, на множество богато одетых людей, до отказа заполнивших собор. Победно звучали громкие возгласы протодьякона, истово отвечал им патриарший хор. Впечатлительному мальчику уже начинало мерещиться что-то необычайно далекое от жизни, как бы перекликающееся с рассказами из библии старого хожорнийского священника тэр-Егише...

Вдруг взгляд юного горца приковало удивительное зрелище: впереди всех молящихся у алтаря стоял высокий человек в длинном золотом одеянии до пят. Как у святых на иконах! А рядом... Захарий осторожно потянул отца за рукав, тот с удивлением обернулся. Мальчик умоляюще прошептал, показывая рукой в сторону алтаря:

— Отец, кто это там стоит впереди?

— Это наш царь, мой мальчик, — улыбаясь, тихо ответил парон Саргис.

— Нет, рядом с ним, кто это? Ангел?

Правитель Ани, усмехнувшись, подкрутил густой ус. Притянув к себе сына, он ласково шепнул ему на ухо:

— Да нет, глупыш! Ангелы только на небесах бывают. То дочь нашего царя Тamar.

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, юная царевна обернулась. Рядом с великаном в княжеской одежде стоял рослый неуклюжий подросток и упорно смотрел на нее. Золотисто-карие глаза царевны сердито сверкнули. Тамар недовольно повела плечиком и отвернулась. Георгий покосился на обычно спокойную дочь и, ничего не сказав, снова стал смотреть на царские врата алтаря, откуда в светлых ризах торжественного пасхального шествия уже выплывал католикос Микаэл со всем клиром...

Княжич Захарий ехал в сопровождении дядьки Шоторика. Верный оруженосец после тяжелого ранения остался в Хожорнийском замке комендантом и потом был приставлен к княжичу обучать его ратному делу.

По обочине дороги позади конной охраны следовал Самвэл и, задумчиво насвистывая, предавался печальным размышлениям. Начав службу конюхом, Самвэл преуспел и ныне числился наставником по верховой езде княжича Закарэ. А что толку в этом? Невеста Астхик, не дождав-шись его, вышла замуж за другого. У Ануш — двое детей, а он, Самвэл, так и остался байгушем одиноким. «Вся моя семья — кони на конюшне!» — с горечью думал наездник. Он посмотрел на княжича: «Опять затянул поводья!» — и, тронув коня, подъехал к Захарю.

Мерно цокали по каменистому грунту копыта коней. Погруженный в свои мечты, княжич ничего не слышал. Лишь изредка, счастливо улыбаясь, кидал рассеянный взгляд на цветущие яблони и синее безоблачное небо...

На дворе богатого шелкоторговца Погоса выючили верблюдов. Озабоченно хлопотали приказчики у тяжелых тюков с шелком, проверяя укладку и деловито покрикивая на грузчиков. Больше всех суетился семнадцатилетний сын купца Манвэл. В первый раз посылал его отец в самостоятельное путешествие с товаром в приморский город Цхуми, откуда шелк должны были отправить дальше на галере. Не вполне доверяя малоопытному юнцу, Погос-ага посылал с ним старшего приказчика. Закончив погрузку и спрятав опись товаров в тугой пояс, приказчик подошел к стоявшему на крыльце хозяину:

— Все готово, Погос-ага.

— С богом! — перекрестился шелкоторговец и, благословляющим жестом осенив сына, подал знак к отправлению. Со скрипом распахнулись большие ворота, мерно позвякивая колокольцами, на улицу выплыли десять рослых верблюдов с тюками. Следом ехали на конях Манвэл и приказчик.

Скалы, зелень шиповника и дикой груши в цвету. В гору медленно поднимается большой караван. Он принадлежит нескольким владельцам — тбилисским купцам, вывозившим в Цхуми разные товары.

Начальник каравана на добром юне беспокойно оглядывал длинную вереницу вьючных животных. На стоянке в Гори его предупредили, что на перевале незадолго до того ограбили чужеземных купцов. Недаром в царском указе приказывалось вешать воров и разбойников! Но малочисленность охраны беспокоила караванбаши. «А все Погос-ага! Пожалел несколько тетри¹, чтобы нанять лишних стражников! И другие хозяева тогда уперлись...» Меланхолично звякал колокол на шее последнего верблюда. И только собрался начальник каравана приказать прибавить шаг (до сумерек надо бы пройти опасные места!), как из-за кустов раздался громкий окрик:

— Стой!

Из чащи леса высыпало на дорогу множество вооруженных людей с лицами, замотанными до глаз черными башлыками. Из-за повязок сверкали возбужденные глаза. С кинжалами в руках, оттеснив испуганных купцов и охранников в кучу, разбойники прежде всего кинулись к верблюдам Погоса-ага. Старый приказчик попытался было помешать сбрасывать тюки с шелком, но один из разбойников сабельным ударом плашмя свалил его на землю. Охранник похрабрее поднял саблю для защиты старика. Его ударили сзади кинжалом.

— На, получай, собака!

С рассеченным черепом страж упал рядом с приказчиком.

Завершив грабеж, предводитель шайки насмешливо заорал купцам:

¹ Тетри — серебряная монета (груз.).

— Отправляйтесь-ка обратно домой, купцы! С богом! Да не забудьте прихватить своего покойника...

Тюки с товарами валялись разбросанными на дороге. Послышался скрип арб — предусмотрительные разбойники быстро нагрузили арбы награбленным добром. Расстроенный начальник каравана велел повернуть обратно в Тбилиси, взвалив тело убитого охранника на одного из верблюдов.

Глава XIII

МХИТАР ГОШ

Приезд царского гонца вызвал большой переполох в монастыре. Игумен Иоаннес, невзирая на пастырский сан и большую тучность, волчком носился по обители, изрыгая проклятия на голову отца-эконома и отца Иусика, ведавшего монастырской конюшней.

— Бездельники, супостаты! За целый день так и не смогли найти одного несчастного ишака для вардапэта! Неслыханно!

— Святой отец, не в состоянии мы... наши огороды нам этого не позволяют! Мыслимое ли дело платить такие деньги за одного мула?! — испуганно взывал тщедушный эконом.

Отец Иусик дипломатично отмалчивался.

Огороды были главной статьей доходов маленького монастыря в горах, и отец-эконом был прав. Но игумен ничего не хотел слышать.

— Знать ничего не знаю, чтоб ишак был до ночи! Утром почтенный вардапэт должен выехать по царскому зову... И он выедет, если даже вы все провалитесь в геенну огненную, где вас давно за грехи ждет сатана! — кричал настоятель, нагоняя страх и тоску на служителей божьих.

Монахи то бледнели, то краснели от крепких слов преподобного отца Иоаннеса, который в молодости служил в войсках и сохранил некоторые военные привычки.

Из окна монастырского здания за перебранкой монахов с любопытством следил царский гонец Шабурдан. Темная история с пропавшим из личного обоза амирспасалара бурдюком вина не помешала дальнейшей карьере пронырли-

вого азнаура. С помощью князя Абуласана Арцруни Шабурдану удалось устроиться гонцом при Исанском дворце. Прибыв после двухдневной бешеной скачки в Нор-Гетик, азнаур собирался на рассвете следующего дня двинуться в обратный путь, прихватив вардапэта Гоша.

Утомленный криками монахов, Шабурдан решил подшутить над ними. Высунувшись по пояс из окна, громко закричал:

— Отцы святые, поменьше шума, побольше дела! А если по вашей вине мы завтра не уедем, властью, мне как царскому послу данной, повешу на воротах обоих — и отца-эконома, и отца конюшего! Так и знайте!

Настоятель злобно смерил взглядом насмешника, но промолчал: с царским приказом шутить не приходилось. Да и князь-благодетель будет очень недоволен промедлением, может не прислать ежегодного дара монастырю...

Виновник переполоха — ученый-законовед Мхитар Гош с недоумением размышлял в своей маленькой келье. С чего это вздумалось князю Абуласану вызывать его в Тбилиси? Да еще якобы по царскому приказу...

Отцу Мхитару насчитывалось лет тридцать пять. Был он высок ростом, крепок сложением. Лицо у вардапэта было чистое и приятное, с редкой черной бородкой (откуда и прозвище), с умными, чуть насмешливыми глазами. Уроженец Гандзака, он рано отправился на выучку к Иоаннесу Тавушскому, знаменитому философу и теологу. Прожив ряд лет у старого ученого, Мхитар получил звание вардапэта, но, не довольствуясь приобретенными знаниями, отправился в прославленную высшую школу при Кармирванке (Красном монастыре), у подножия горы Сиав в Киликии. Там кроме богословских наук он изучал философию, грамматику, риторику, математику, законоведение, историю, космографию и другие науки. Завершив высшее образование, Гош возвратился на родину. По пути он познакомился в Арзруме с князем Абуласаном Арцруни. Разумный и начитанный монах понравился вельможе, который, скучая в ожидании поступления податей (у Арцруни сохранились родовые земли в эмирате), охотно беседовал с ним о законах и других умных вещах. Но феодалу-крепостнику пришлось не по душе вольнодумные высказывания молодого ученого. Заметно охладев, князь Абуласан постарался отделаться от Гоша, устроив его в подопечный монастырь Нор-Гетик. Это Мхитар Гош хорошо понял при

расставании с Арцруни. И вот теперь — срочный вызов в Тбилиси! Непонятно...

Настоятель бурно ворвался в келью. Отдуваясь от жары и хлопот с отъездом Гоша, отец Иоаннес грузно опустился на скамью и, отирая пот с лица, трубным голосом возвестил:

— Собирайся в путь, вардапэт! Мула преотменного я все-таки тебе достал, хоть самому Иисусу Христу подавай! Вот, взгляни-ка в окно...

В Каяне¹ к вардапэту Мхитару присоединился молодой купец Манвэл, возвращающийся со своим слугой в Тбилиси. Сын богатого шелкоторговца, Манвэл оказался на редкость словоохотливым. На привалах на берегу веселой реки Агстев он вытаскивал из объемистого хурджина разную снедь и кувшин неплохой водки, потчевал Гоша и рассказывал разные любопытные вещи.

— Вот недавно, отче, на Лихском перевале большой караван ограбили. И мой отец там десять верблюжьих грузов лучшего шекинского шелка потерял... Так до сих пор гзири² разбойников не найдут!.. — подмигнул вардапэту Манвэл и, опрокинув чарку, добавил многозначительно: — И век не найдут... кто посмеет полезть с обыском в княжеский дом, а?

Гош с удивлением переспросил:

— В княжеский дом?

Манвэл оглянулся. Слуга был далеко, пас коней.

— На базарах толкуют, что ограбили купцов переодетые слуги князя Бадиани. А кто могущественнее его в Картли? Одни Орбели...

— Но почему же? — продолжал удивляться монах.

Манвэл хмыкнул и не сразу ответил:

— Привыкли дидебулы к жизни роскошному, иначе стали жить, чем их деды! Так говорит отец. Ну, а доходов не хватает, вот и... — сделал красноречивый жест Манвэл.

Рассказ купца поразил Гоша. Он ехал глубоко задумавшись... А Манвэл после плотного завтрака подремывал в седле. Слуга трусил позади с хурджинами. Проехали Красный мост, стали спускаться по извилистой дороге

¹ Каян — средневековая крепость в ущелье реки Агстев.

² Гзири — базарный надзиратель, полицейский (*груз.*).

к Рустави, утопавшему в садах, владению князя Абул-сана Арцруни. Внезапно вардапэт остановил своего мула.

Столетний карагач у обочины бросал большую тень на дорогу. На одной из его могучих ветвей висел молодой крестьянин, чуть не доставая ногами в старых поршнях землю. Рядом с ним, высунув длинный язык, покачивалась крупная белая овчарка. Мухи роились вокруг. Сладковатый запах тления стоял в полуденном зное.

— Да что это такое? — очнувшись от дремоты, залепетал Манвэл. — Людей им мало вешать, уже и за псов взялись?!

У подножия дерева сидела на земле женщина в бедном черном платье, уткнув простоволосую голову в колени. Рядом в арбе, запряженной тощими быками, сидел старик в чохе. Поодаль, в тени другого дерева, расположилась охрана. Стражники полдничали, ели свежий сыр с зеленью, похрустывали огурцами и пили вино прямо из бурдюка.

Мхитар Гош подъехал к арбе:

— Чего ты ждешь, старче?

Старик вскинул потухший взор на монаха. Заметив жалость в глазах Гоша, он пробормотал, отирая слезы:

— Вот дожидаемся с дочкой, когда гзири разрешат снять тело внука. Вторые сутки не позволяют похоронить, окаянные...

Женщина внезапно подняла голову. Полуседые волосы висели космами, на лице алели свежие царапины от ногтей.

— Вай-мэ! Вай-мэ! Сыночек, сыночек мой!.. — заголосила она.

Мхитар сошел с мула и направился к охранникам. За ним последовал Манвэл.

— Добрые люди, почему не позволяете предать земле несчастного, по обычаю христианскому? — учтиво обратился Гош к охранникам.

Рыгнув, старший по виду охранник буркнул:

— Не суй нос не в свои дела, монах! Разве не украд барана пастух у почтенного Дато-купца?

— Еще отрицал, мерзавец, ссылался на волков! — с усмешкой добавил охранник помоложе.

— И пришлось нашему эриставу деньги затратить, из Тбилиси палача в красном колпаке выписывать. Вот и повесили пастуха с его псом по указу царскому!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся деревянным смехом молодой. — Другой живности не оказалось у парня, быки-то деда...

— А то пришлось бы и быков повесить! А вот теперь сиди на солнце и охраняй эту падаль! — сердито добавил старший охранник.

Манвэл из-за спины вардапэта украдкой показал охраннику монету. Тот скользнул по ней небрежным взглядом и нехотя поднял три пальца. Вздохнув, купец вытащил еще две монеты и, присев рядом на траве, шепнул охраннику:

— Повесить повесили пастуха! Значит, за дело... а теперь и христианский долг дозволю выполнить, азнаур!

Монеты скрылись в широкой ладони охранника. Он заорал:

— Забирай внука, старик!

За обедом парон Саргис узнал от шурина, что прибыл прославленный законовед из Нор-Гетика и ждет вызова в царский дворец.

— Как ты думаешь, Абуласан, отец Мхитар — подходящий воспитатель для моего Закарэ? — задумчиво спросил Саргис.

— Пожалуй, да, по большой учености. Только его в руках надо крепко держать. Великий вольнодумец! Теперь по совету владыки Степаноса собирается «Судебник» писать, — небрежно ответил Абуласан.

— Что же, дело очень нужное. Так устрой мне с ним встречу, Абуласан, прошу тебя, пока я в Тбилиси.

— Хорошо, Саргис, я прикажу направить отца Мхитара к тебе, — согласился князь Абуласан, торопившийся во дворец.

Встреча парона Саргиса с ученым-вардапэтом состоялась в тот же вечер.

— Совсем дикарем растет! На пасху привез я его в Тбилиси, повел на всеобщую в Сионский собор. Там мой Закарэ царевну Тamar увидел — красавица писаная дочь нашего царя! И вдруг спрашивает меня: кто, мол, это — ангел? Каково, а? Ангелов наяву видит!

Мхитар Гош задумчиво улыбнулся в ответ:

— Это не так плохо, великий ишхан, — ангелов на зем-

ле узреть! «Блаженны нищие духом» — сказано в святом писании...

— Благодарю покорно, отче! Мечтаний и так слишком много у мальчика, хоть отбавляй, надо его на землю спустить, знания дать! Прошу тебя настоятельно, достопочтенный тэр-Мхитар, соблаговоли переехать на жительство ко мне в Хожорни. Чего тебе в Нор-Гетике сидеть на тощих монастырских хлебах, в неудобстве? Я слышал, писать «Судебник» тебя благословил владыка Степанос. Дело полезное и нужное! Вот и можешь у меня, в тишине Хожорни, свой «Судебник» составлять. Из Ани хороший пергамент буду тебе посылать. Сам я все время в Шираке или в царских походах пребываю. Отец мой, блаженной памяти князь Закарэ, преставился в прошлом году, жена одна с детьми сидит в замке. Даю тебе моего отрока в полную власть. Шоторик-оруженосец ратному делу его обучает, конюший Самвэл — верховой езде. А ты все науки сыну будешь преподавать, языкам обучишь, с законами познакомишь. Мальчик очень способный, но горячего нрава. А настоятелю в Нор-Гетик отписку пошлем, приличный вклад внесу монастырю...

Гош погрузился в раздумье. Подняв голову, просто сказал:

— Согласен, ишхан. Когда выезжать в Хожорни?

— Конечно, после царского приема, — обрадовался парон Саргис.

Глава XIV

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Царские приемы в Исанском дворце происходили обычно по утрам. Однако Мхитар Гош до позднего вечера просидел дома, пока не пришел главный эджиб Заал Саварсалидзе и не предложил следовать за ним. Расстояние от дома Арцруни до дворца было невелико, и Гош со своим спутником быстро добрался по улицам ночного Исани к замковым воротам. Однако эджиб здесь не остановился и повел вардапэта дальше, вдоль каменной ограды, в глухой переулок. Дойдя до небольшой железной двери, Саварсалидзе достал из кармана ключ и отомкнул замок. Они прошли в темноте по аллее парка и очутились в про-

сторной комнате. Здесь эджиб взял медный светильник. Поднявшись с вардапэтом по лестнице, он повел Гоша по темному длинному коридору.

У двери, охраняемой двумя рослыми гвардейцами с пиками, эджиб остановился и показал страже серебряный значок. Тихо постучав, он приотворил дубовую дверь и, пропустив Гоша, сам остался в коридоре.

Восковые свечи в серебряном подсвечнике тускло освещали обширный царский покой, оставляя во мраке углы. В узкие стрельчатые окна вливался аромат цветущего жасмина, слышался плеск фонтанов и неумолчный стрекот ночных цикад. За большим столом, в глубоком кресле, покрытом кордуанской кожей, сидел немолодой человек в летнем архалуке и читал. При входе Гоша он отложил книгу и первым приветствовал вошедшего:

— Здравствуй, вардапэт. Как доехал из монастыря?

— Многие годы здоровья и благоденствия великому царю царей! — с низким поклоном отозвался Мхитар Гош.

— Благодарю. Садись, вардапэт, побеседуем немного с тобой. — И царь Георгий указал рукой на свободное кресло у стола.

После минутного молчания Георгий заговорил:

— Наслышан я, что ты — знающий хорошо историю и законы человек, многому научился в дальних странах, даже «Судебник» писать намереваешься. Так, вардапэт?

— Так, государь, — сдержанно подтвердил Гош.

— Вот и надумал я побеседовать с тобою о законах да и о других делах тоже, — неторопливо говорил царь.

Мхитар Гош почтительно слушал.

— Вот скажи, зачем «Судебник» взялся писать, что побудило тебя к сему?

— Государь, двенадцать причин составления одного «Судебника» насчитываю я. И первая из них — часто приходится слышать от иноверцев злословие, будто в законах Христа нет вовсе суда, — степенно начал Гош.

— Этой одной причины достаточно, вардапэт! — прервал нетерпеливо царь Георгий. — Опустим остальные одиннадцать. А теперь расскажи все, что знаешь о царских домах Багратидов. Откуда они происходят и кто остался в живых из них, кроме семьи нашей?

Немного подумав, Мхитар начал свой рассказ:

— Наши летописцы считают, великий государь, что Багратиды — и армянские, и грузинские — происходят

от древних еврейских царей Давида и Соломона. То же говорят и грузинские анналисты, почему ваш высокий дом и называют часто — Давитиани... Рассказывают, что нечестивый вавилонский царь Навуходоносор вывел еврейский народ из Палестины и потомки царей Иудеи попали в нашу страну, где преуспели благодаря происхождению своему и талантам. Муж Баграт из дома сего и был будто бы родоначальником всех Багратидов. В Армении Багратуни были венценалагателями у царей Аршакидов, а потом сами царями сделались. А грузинский дом Багратуниани основан был другим потомком Баграта. Только вот я... — замылся Гош.

— Продолжай, вардапэт, не смущайся. Говори все, не таясь, как на духу! Мне нужны не льстивые слова придворных летописцев, а истинная правда... — спокойно заметил царь.

Ободренный Гош продолжал:

— Только я лично считаю, что Багратиды вовсе не евреи по происхождению, а, скорее, выходцы из Ангелтуна, что в Верхней Месопотамии находится. Царь Давид и мудрый Соломон тут ни при чем...

— Вот как! Ну, а родство между грузинскими и армянскими Багратидами ты все-таки признаешь, вардапэт? — спросил после короткого раздумья царь.

— Конечно, государь, и самое близкое. Как я сказал, корень у обеих династий один. Могу представить таблицу колен и браков между обоими великими домами.

— Хорошо, составь таблицу и передай эджибу Саварсалидзе, он завтра зайдет за ней. Ну, а теперь скажи, вардапэт, кто остался на свете от этих двух, некогда огромных, царских домов? Я знаю, Багратунианов в Грузии, кроме меня, моей сестры Русудан, дочери Тамар и племянника Демны, нет никого. Ну, а в Армении?

— Еще того меньше, государь. Один малолетний сын остался у последнего царя — Кюрикэ Багратуни, по имени Абас.

Георгий поморщился:

— Уж эти мне царьки! Одно имя ведь у них сохранилось, да два небольших замка оставил им мой дед из всего царства Сомхитского... Правда, богатства Кюрикянов царь Давид не тронул. Много сокровищ у них хранится в замковых подвалах, я это знаю. А сколько же ему лет, этому Абасу?

— Младенец он, всего три года исполнилось, государь.

Георгий задумался, словно прикидывая что-то в уме. Потом, вздохнув, молвил:

— Да, еще мал! Ничего не получится...

Мхитар Гош молчал, пытаясь угадать, почему царь так заинтересовался последним Кюрикяном. Вдруг осенила догадка: «Видно, грузинский царь заблаговременно ищет подходящего жениха для своей подрастающей красавицы дочери... Не преждевременно ли? Хотя в последнее время цари в Грузии что-то недолговечны...» Размышления вардапэта прервал новый вопрос, немало удививший Гоша:

— Скажи, вардапэт, как мыслишь в «Судебнике» о престолонаследии? Что сказано в святых канонах о наследовании владений сыновьями и дочерьми?

Внезапная мысль промелькнула у Гоша. Он наугад заговорил:

— В Книге Чисел, глава XXVII, сказано: «Если кто умрет, не имея у себя сына, то передавайте удел его дочери». Следуя сему канону, если у царя нет сына, а есть дочь, корону наследовать должна последняя. Патриарх Ной наряду с сыновьями выделил и дочери часть земель на юге, почему в этих краях царствовали и женщины. А царь Соломон, как об этом свидетельствует и сам господь, некогда привел царицу южную...

Георгий заметно оживился.

— А какие случаи пребывания женщин на царских престолах в Грузии и Армении ведомы тебе, вардапэт? — спросил он.

— Не было ни одного случая в царствах сих за все время существования, государь. Законы наши не разрешают такое престолонаследие! — отрезал Гош.

— Но в других странах было же это, ты сам сказал! — гневно воскликнул Георгий, дернув левый ус.

Мхитар Гош понял: «Царь ищет какой-то выход из династического кризиса в Грузии. Это имеет, видимо, отношение и к дочери его Тамар: говорят, царь боготворит ее...» Гош задумался и, решившись, заговорил:

— Древняя история, государь, действительно знает немало примеров восшествия особ женского пола на царский престол. Возьмем, к примеру, великую ассирийскую

царицу Шамирам, строительницу храмов и каналов, погубительницу армянского царя Ара Прекрасного. Или могущественную южную царицу Савскую, посетившую мудрого царя Соломона, о коей я уже упоминал. Либо доблестную царицу Пальмиры Зейнаб, столь долго противоборствовавшую Риму державному... Поближе к нашим временам вспомним великих цариц Византии — златовласую императрицу Зою и сестру ее Феодору, а также царицу Ирину, родного сына ослепившую власти ради... Всех порфиросных властительниц сразу и не упомянешь, государь, не взыщи! — развел руками Гош.

Георгий внимательно слушал. Правильно догадался законовед: царь действительно искал выход, тревожась за участь, которая постигла бы его горячо любимую дочь, если б на трон взошел Демна, — обычное для всех осиротевших картлийских царевен затворничество. Но где же найти ей подходящего жениха? Кругом мусульмане, Византия разваливается, вблизи не осталось ни одного из христианских правителей. Но дело не только в Тамар! С племянником на престоле к власти в Грузии снова пришли бы ненавистные тупоголовые мтавары с Орбели во главе, стали бы вертеть, как куклой, слабовольным Демной, свели бы на нет столетний труд Багратунианов. «Законы не позволяют», — говорит ученый монах. А сам он, Георгий, разве «законно» попал на трон? Обветшали старые законы, не соответствуют новым временам, ломать их надо!.. Спасибо ученому-монаху — неплохие исторические примеры он привел! Надо будет запомнить...

Благосклонно глянув на Гоша, царь молвил:

— Куда из Тбилиси стопы направляешь, вардапэт? Вернешься ли обратно в свою обитель?

— Нет, великий государь. Я приглашен князем Саргисом Мхаргрдзели быть воспитателем старшего сына.

— Дело. Только вот что, вардапэт... — царь строго посмотрел на Гоша, — наш разговор — великая государственная тайна! Потому и вызвал тебя издалека, с гор. И на новом месте службы не вздумай обмолвиться словом единым... А князю Абуласану скажешь, что я интересовался твоим «Судебником»: царь, мол, хочет заказать такой же картлийским законооведам. Хорошо понял, вардапэт?

— Понял, великий государь, — прошептал Гош.

Георгий хлопнул в ладоши. На пороге вырос Заал Саварсалидзе.

— Проведешь вардапэта до дому. Прощай, отец Мхитар!

И царь снова погрузился в чтение.

Г л а в а XV

МЕЧТЫ ЦАРЕВИЧА ДЕМНЫ

Темнело от гнева лицо царя Георгия при тревожных сообщениях соглядатаев. Он не мог не считаться с положением дел в царстве. Наследника все не давал ему господь, а Демна был последним законным представителем царствующего дома Багратидов по мужской линии. Тайная борьба за власть в Грузии продолжалась, и немалую роль в ней играл Заал Саварсалидзе — главный эджиб и начальник царской разведки.

Юношей, посланный, как многие грузинские дворяне, обучаться наукам в Константинополе, Заал попал было в руки византийских разведчиков. У них он выучился тайнописи и прочим тонкостям опасного ремесла. При ослаблении византийской власти Заалу удалось освободиться от тягостной опеки и уехать на родину, где прекрасное знание соглядатайства помогло ему быстро выдвинуться при дворе. Царю Георгию пришлось завести свою личную разведку, и его выбор пал на Заала Саварсалидзе, который служил эджибом у царицы Русудан и был ею рекомендован.

Имея своего человека в гнезде заговорщиков, начальник царской разведки мог быть в курсе их интриг. Но с совершеннолетием Демны положение коренным образом менялось. Воспитатель царевича — азнаур Чиабер из Жинвани, где в окрестностях находилось его небольшое родовое имение, несомненно был личностью примечательной. Человек в летах, невысокого роста, с неторопливыми движениями и тихим голосом, Чиабер редко поднимал тяжелые веки над серыми колючими глазами. На лице с оспенными рябинами курчавилась борода с проседью. Еще в молодые годы небогатому азнауру удалось попасть на дворцовую службу в кратковременное царст-

вание Давида III¹ и даже сделаться его личным эджибом. Когда католикос Мириасанидзе спросил умирающего царя, кого он назначает, по обычаю, в воспитатели малолетнему сыну, потухающий взор властелина упал на стоящего у двери в скорбной позе Чиабера. Царь слабеющей рукой молча показал на эджиба. Это был последний жест Давида III... Царевичу Демне исполнилось семь лет, когда в Лорийском замке появился азнаур Чиабер. Согласно последней воле усопшего монарха, он вступил в исполнение обязанностей воспитателя его сына. Дядя не возражал против этого назначения, тем более что с Чиабером уже давно (задолго до его появления в Лори) прочно связался Заал Саварсалидзе.

Теперь же, с достижением совершеннолетия царевича, этот надежный осведомитель должен был покинуть свой пост, что несказанно беспокоило эджиба и Георгия III.

Совершеннолетие наследника престола, как обычно его именовали в окружении, было пышно отпраздновано. В Лорийский замок съехалась вся знать Грузии. Пирь и тайные совещания, чередуясь, продолжались две недели. Многолетние хитроумные замыслы князя Иванэ начинали приносить плоды. На празднестве всенародно было объявлено об обручении царевича с княжной Маринэ. Но помолвка претендента на престол с дочерью всесильного Орбели многим пришлась не по душе. Слишком большую власть начинал забирать амирспасалар Иванэ! А что будет, когда его зять сядет на отцовский престол? Князья стали вспоминать, что грузинские цари обычно женились на чужестранных царевнах или на приравненных к ним особах, а прекрасная Маринэ никак не могла претендовать на такое происхождение. «Великий Иванэ явно поторопился с этим делом», — полагали многие вельможи.

Царь Георгий даже не потрудился прислать своего представителя, чтобы поздравить племянника с совершеннолетием. Впрочем, это было и понятно. После поздравления нужно было говорить о выполнении условий договора, заключенного Георгием со знатными людьми у смертного ложа Давида III. А с этим узурпатор трона

¹ Давид III Багратион, старший брат Георгия III.

явно не спешил. Особенно после того, как узнал о помолвке царевича с дочерью Орбели.

Демна был воспитан в духе старинного рыцарства, хорошо изучил и свято придерживался феодальных обычаев и правил светского поведения. Опекун сумел внушить ему, что, когда царь не опирается на мтаваров, неизбежно наступает конец его власти. Только княжеские войска, только цвет нации — мтавары и азнауры служат надежной опорой державной власти. А «худородный» люд, торгоши-толстосумы, которым так потворствует царь Георгий, всегда являются ярыми врагами княжеского сословия, а следовательно, и врагами царя!

Красивое лицо Демны, с большими голубыми глазами, не носило пока отпечатка того величия, которым были отмечены лица опекуна-амирспасалара и особенно дяди-царя. Но царевич был уверен, что он со временем приобретет осанку, приличествующую боговенчанным особам. Пока же, в ожидании своего скорого восшествия на престол, Демна настоял на введении в замке полного придворного этикета, с удовольствием присутствовал на различных торжественных церемониях, а больше всего мечтал...

Вскоре после помолвки, когда царевич, по привычке, грезил о будущем, в его богато отделанную комнату, незлышно ступая в мягких сафьяновых сапогах без каблуков, вошел Чиабер. Отдав низкий поклон бывшему воспитаннику, Чиабер негромко сказал:

— Пришел попрощаться с твоим высочеством. На рассвете уезжаю к себе, в Жинвани. Хочу пожелать царевичу всяческого благоденствия и выполнения его высоких чаяний! — И вкрадчиво добавил: — Вся Картли теперь с надеждой смотрит на наследника Багратуниани...

Царевичу понравилось почтительное обращение воспитателя, которого он с детства недолюбливал и даже побаивался за требовательное отношение к занятиям. Указав на кожаное кресло, Демна покровительственно ответил:

— Спасибо, мой Чиабер. Садись. Выпьем чару вина на дорогу.

Демна хлопнул в ладоши и приказал вбежавшему слуге подать вина. Воспитатель и воспитанник выпили и снова повторили: царевич любил хорошее кахетинское. Потом Чиабер небрежно молвил:

— На войну великий амирспасалар собрался против нечестивых саркинозов. Вот прекрасный случай твоему царскому высочеству проявить свою природную доблесть!..

— Да, я хотел было принять участие в походе. Но опекун не разрешает, говорит, что поход долго не затянется, не стоит беспокоиться. Скоро мтавары со своими храбрыми войсками обратно вернутся. А тогда...

Демна прикусил язык. Но для проницательного Чаибера сказано было достаточно. Сделав понимающее лицо, Чаибер подхватил:

— А тогда вся Картли устроит великий пир по случаю твоего бракосочетания с прекрасной княжной!

— Да, конечно. И после брака я рассчитываю, что дядя Георгий вспомнит свои обещания!

Заала Саварсалидзе очень озаботили привезенные Чаибером сведения о намерениях вельможных заговорщиков. Пообещав бывшему воспитателю Демны большую царскую награду, Заал предложил ему пока отправиться к себе в Жинвани и ждать дальнейшего развития событий, а сам поспешил во дворец с докладом к царю Георгию.

Г л а в а XVI

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Весной 1178 года князь Саргис силами анийского гарнизона предпринял поход против крепости Магасберд¹, еще находившейся в руках сельджуков. Поход затянулся. Правитель Ани избегал излишних потерь и вел осаду этой сильной, защищенной двойными стенами крепости на измор. Шеддадиды не могли примириться с утратой Ани и пристально следили из Двина за событиями в городе. Узнав от лазутчиков, что в Ани остался лишь небольшой гарнизон, а самого князя Саргиса в городе нет, Шеддадиды решили попытаться использовать благоприятный момент. Наскоро собрав наемную конницу и послав гонцов в Хлат и Арзрум с просьбой о помощи,

¹ Магасберд — крепость, защищавшая Ани с юга.

воинственный юнец Шаханшах Шеддадид с большим конным отрядом двинулся в Ани.

По оплошности стражи у Игидзорских ворот вражеская конница сумела ворваться в город. Промчавшись бешеным аллюром по улицам, сельджуки с ходу захватили старый город с цитаделью и, перебив немногочисленных защитников, стали поджидать подкрепления. Горожане, придя в себя от вражеского наскока, не растерялись, закрыли все выходы, осадили старый город и отправили гонца к князю Саргису с сообщением о случившемся. Получив неприятную весть, князь Саргис немедленно снял осаду с Магасберда и помчался в Ани, посплав срочное донесение о происшествии амирспасалару Орбели.

Засевшие в старом городе сельджуки выгнали всех именитых жителей за ворота внутренних Ашотовых стен и стали проедать найденное в домах продовольствие. Но награбленных запасов хватило ненадолго, налетчики стали терпеть большие лишения, начался падеж коней; когда же анийцы перерезали водопровод, питавший водой старый город и цитадель, враг сдался на милость победителей.

Сообщение Саргиса о нападении сельджуков на Ани прибыло в Лори как нельзя кстати. Амирспасалар получил предлог для сбора мтаварского ополчения. Раздув налет на Ани в крупную военную угрозу и скрыв от царя Георгия второе донесение Саргиса о сдаче врага, Орбели легко добился царского указа о сборе войск. Княжеские отряды начали стягиваться для выдуманного похода на юг в условленном месте — Лори. Вскоре там собралось до тридцати тысяч всадников.

В эти тревожные дни князь Саргис получил чрезвычайно удививший его приказ, а вскоре в Анийском дворце появился и его младший брат Вахрам, который обычно проживал в Тбилиси. В отличие от прямодушного парона Саргиса, Вахрам считался в семье большим дипломатом. Он поддерживал самую тесную связь с князем Арцруни.

Вахрам в общих выражениях рассказал брату о намерениях мтаваров и на словах передал предложение главарей заговора примкнуть к их движению. На столе перед Саргисом лежал приказ амирспасалара, где ему предлагалось со всей анийской конницей выступить в Хо-

жорни и там ждать дальнейших распоряжений. Оборона города Ани приказом возлагалась на незначительные пешие части гарнизона и городскую стражу.

— Не понимаю, Вахрам. Предположим, царь Георгий действительно незаконно занимает трон и должен уступить его царевичу Демне. Ну а как быть с Ани? Шеддаиды зорко следят из Двина за городом, доказательством тому служит последний их налет. Стоит мне выступить с конницей, Шеддаиды тотчас же захватят Ани!

— Но приказ амирспасалара — закон для тебя, — неуверенно ответил Вахрам.

— Даже если он с государственной изменой граничит?!

— Почему ты так думаешь, мой Саргис? Ты же дал хорошую острастку сельджукам. Стены у Ани крепкие, а население мужественное! — убеждал Вахрам.

Князь Саргис тяжело вздохнул:

— Хорошо, я выполняю приказ амирспасалара. Но моей помощи в мятеже против царя не ждите. Так и передай князю Иванэ!

С возмущением наблюдали анийцы, высыпавшие на крепостные стены, как длинной вереницей вытягивалась конница из Главных ворот и, перестроившись в походную колонну, двинулась по пыльной дороге на север.

Тигран-оружейник возбужденно говорил:

— Смотри, друг Микэл, видишь, все князья на один покрой, все предатели! Бросают город на произвол судьбы...

— Но князь Саргис не хотел оставлять города, воины говорили, приехал гонец из Лори, привез приказ Орбели! — объяснял Микэл.

— Тогда предатель — Орбели! — гневно воскликнул Тигран.

Утомленные долгой скачкой в горах, Захарий и Самвэл в теплый летний вечер медленно подъезжали к селению. Оба сильно проголодались, и Самвэл предложил заехать к старику отцу, которого давно не видел.

Не возвращалось благополучие в дом старого Вазгена. С дальней границы вернулся старший сын, оставив где-то свою правую руку. Больной, однорукий, каким работником мог быть Манук? А Самвэл так и остался слу-

жить у парона, и от него никакой пользы не было в хозяйстве.

Вазген с соседом сидели на каменной плите перед домом и, по обыкновению, спорили. Завидя освещенных заходящими лучами всадников, крестьянин прищурился:

— Кажется, княжич с Самвэлом в гости едут!

Сосед почтительно привстал. Сойдя с коня, Захарий поздоровался и прошел в дом. Самвэл завел коней во двор, задал им корм и тоже проследовал в дом, где уже хлопотала старуха мать.

Княжич сидел на низкой скамейке. Рядом с миской мацуна перед ним на чисто выскобленном трехногом столе лежал сыр и стопка лаваша, больше нечем было угощать гостей в небогатом доме. Переждав, пока гости утолят голод, Вазген откашлялся и начал издалека:

— Вот, слава богу, свободным стал город великий Ани и, как люди говорят, работы там много! И хотим мы, чтобы Галуст наш каменному ремеслу научился. А Петрос пусть дома остается, отцу помогает, — бросил он взгляд на хилую фигуру Манука. — И просим тебя очень, походатайствуй перед пароном! Пусть он разрешит Галусту отправиться на учение...

Захарий не успел ответить старику. На улице раздался громкий конский топот. В горницу быстро вошел слуга из замка:

— Госпожа Саакдухт срочно вызывает тебя в замок, парон! Из Ани прибыл сам ишхан... — И тихо добавил: — С большим войском. Еще никогда в Хожорни столько конницы не было!

В самом деле, никогда Хожорнийский замок не видел в своих окрестностях столько войска... Повсюду были разбиты легкие палатки, на кострах в котлах варился тыал¹ с рисом, на лугах паслись многочисленные табуны лошадей. Князь Саргис сидел у окна в зале в тяжком раздумье.

— Шоторик!

На пороге показался комендант замка.

— Попроси преподобного отца Мхитара ко мне!

¹ Тыал — баранина, заготовленная впрок (арм.).

Шоторик вскоре вернулся в сопровождении вардапата. После обычных приветствий парон Саргис сумрачно произнес:

— Я побеспокоил тебя, отче Мхитар, по следующему поводу...

Рассказ хозяина замка не удивил Мхитара Гоша. Жесткая борьба между царем и своевольной знатью была хорошо известна в стране. Знал Мхитар Гош и о всех обстоятельствах воцарения Георгия III, а тайная ночная беседа во дворце открыла ему многое... Закончив рассказ, Саргис попросил совета.

Мхитар Гош задумчиво смотрел на него. Острым взглядом подметив растерянность на мужественном лице, он молвил:

— Ты хочешь знать, ишхан, как должно поступить тебе... Я считаю, что прежде всего следует сообщить царю о княжеском заговоре!

— Не было у нас в роду доносчиков! — глухо ответил Саргис.

— Решай по совести своей, ишхан! — отрезал Гош.

— Но мятежа ведь еще нет, царь, наверное, добровольно уступит престол! — заупрямился парон Саргис.

Гош снова вспомнил ночной разговор с царем и недоверчиво усмехнулся:

— Не думаю, не такой человек царь Георгий! Во всяком случае, поднимать оружие на помазанника божьего — грех великий. Георгий — венчаный правитель царства, управляет им разумно и достойно. И за ним стоят преданные войска — гвардия, кипчаки, аланские отряды... А среди князей согласия нет и не будет! Каждый эристав в свою сторону потянет...

Саргис печально кивнул в знак согласия.

— Не вмешивайся в это пагубное дело, ишхан. И родственников своих постарайся удержать! — озабоченно советовал духовник семьи.

— Княжич Асан, сын шурина моего, уже примкнул к заговорщикам. Да и брат Вахрам на собрание мтаваров в Агарак поехал. Меня тоже приглашали, но я отказался...

— Плохие дела, ишхан. Очень плохие. Не добром все кончится! Предвижу я, много крови человеческой прольется...

Беседу парона Саргиса с Гошем прервал призывный звук рога у замковых ворот.

Переговоры католикоса Микаэла с царем не дали положительных результатов. Напрасно глава картлийской церкви напоминал властителю о данном им при кончине старшего брата Давида III слове. Недобро улыбаясь, Георгий резко отвел все доводы католикоса:

— Не Демну на царский престол, самих себя возвести возомнили господа мтавары во главе с Иванэ! Недаром свою дочь замуж за эту тряпку выдавать собираются... Все мои труды и труды великого деда прахом пойдут. Старые княжеские порядки снова жаждут ввести дидебулы. И разве на трон всегда вступали сыновья успешных властителей? Нет. Не отдам я Картли хищникам на растерзание! Так и знай, святой отец...

С сокрушением сообщив в Лори о непреклонности царя, католикос предусмотрительно уехал в Гелати, подальше от грядущих бурных событий.

Получив опасную весть об участии старшего сына в княжеском заговоре, князь Абуласан Арцруни считал более разумным перебраться куда-нибудь подальше от царя Георгия и без помех обдумать создавшееся положение. Ехать к себе в Рустави — слишком близко от столицы, да и там будут следить за каждым шагом царские соглядатаи. Князь вспомнил о родственниках-горцах и ночью выехал в Хожорни.

В этот свой приезд князь Абуласан был странно молчалив. Только озабоченно спросил зятя, не вызывал ли его с конницей к себе в Лори амирспасалар. Парон Саргис сухо ответил, что пока не вызывал, и, прямо глядя в лицо родичу, добавил:

— А если даже и вызовет, никуда не тронусь!

Небольшая фигура князя Абуласана как-то вся съежилась, в пронизательных глазах словно потухло обычное оживление. Пожав плечами, он ничего не ответил и вскоре, сославшись на усталость с дороги, отправился отдыхать в приготовленную для него гостевую.

Эристав эриставов Картли был очень встревожен ходом событий. Он не видел единодушия среди мтаваров и не считал правильными последние действия князя Иванэ. Ну зачем было, например, так спешить с помолвкой княжны Маринэ и Демны? Недаром царь только усмехнулся, говоря католикосу Микаэлу: «Иванэ

прочите себе в цари?!» Конечно, Демна будет весь в руках главарей мятежа... Но преждевременно открывая свои карты, Орбели рисковал оттолкнуть от себя некоторых мтаваров, и в особенности церковников. Взять хотя бы то, что католикос Микаэл дерзнул заартачиться, не хотел благословить обручение царевича с Маринэ! Пришлось-таки князю Иванэ, при всей скупости, раскошиться на немалую сумму для сребролюбивого владыки... Да и силы князей-заговорщиков представлялись Абуласану явно недостаточными. Если откроются военные действия с Георгием, придется с боем брать столицу — Тбилиси. А там — постоянное войско, многочисленное, враждебно настроенное к князьям городское население, мощная цитадель...

Долго ворочался князь Абуласан на своем мягком ложе. До самого рассвета не сомкнул глаз, встревоженный тяжкими предчувствиями.

Но встал он утром с уже принятым решением.

Глава XVII

УЧЕНИК ГАЛУСТ

На следующий день, после прибытия княжеской конницы, Галуст, не слушая уговоров отца и обняв мать, сестру и брата Манука, покинул родное селение. Перевалив через гору Лалвар, он двинулся по дороге к перевалу. Сначала горная тропа бежала по живописному базальтовому ущелью с лесистыми крутыми склонами. Внизу, в теснине, гремел поток. Затем долина расширилась, покрылась пашнями, и дорога стала карабкаться вверх к альпийским пастбищам.

На третьи сутки, перевалив через горный хребет, Галуст увидел перед собой обширную предгорную равнину, покрытую полями созревшего ячменя, которым издавна славился Ширак. Достигнув древнего Ширакавана, он переночевал в городском предместье. На следующий день Галуст по огромному мосту у монастыря Оромос перешел через Ахурян и, полюбовавшись издали стройными башнями крепости Тигнис, снова зашагал вдоль обрывистого берега. В одном месте, на противоположной сторо-

не, он увидел группу вооруженных всадников, которые медленно двигались вверх по течению реки. Наконец Галуст достиг предместий великого города.

В анийских пригородах жизнь внешне протекала по-обычному, однако какое-то волнение читалось на лицах редких прохожих. Кое-где слышался рев голодной скотины. Галусту, как селянину, казалось странным, что в эту пору скот не пасется на пастбищах, но он не решился спросить об этом жителей. У Главных ворот стояла усиленная стража, внимательно оглядывавшая всех въезжающих в город. Огородников из предместий с корзинами свежей зелени на маленьких серых осликах стражники пропускали, но задерживали крестьян, пытавшихся проникнуть в город со скотом.

— Ну, куда лезешь, братец? Гнал бы в горы своих овец, от греха подальше. А в городе пастбищ нет, сена для тебя не заготовлено...

Галуста, с его нехитрой поклажей, стража пропустила без препятствий. Старший по караулу лишь спросил:

— Ты откуда, парень, и к кому в городе направляешься?

— Я из Хожорни, а иду к оружейному мастеру Тиграну, — с готовностью сообщил молодой горец.

Хожорни было известно караульщику как родовое поместье правителя, да и имя знаменитого оружейника Тиграна хорошо знакомо жителям Ани. Стражник кивнул головой и гораздо мягче сказал:

— Проходи, хожорниец! Варпэт Тигран известный у нас человек...

Галуст остановился в нерешительности — ведь он не знал, где живет оружейник. Набравшись смелости, горец спросил сидевшего на каменной скамье у ворот человека в замасленной одежде:

— Не скажешь мне, дядюшка, где тут живет оружейный мастер Тигран?

Цеховой ремесленник оглядел крестьянского парня с головы до ног. Опять деревенщина в город лезет! И нашел, чудак, время! Ответил он, однако, приветливо: может быть, какой родственник из села к богатому Тиграну приехал...

— Иди, пареньек, прямо по этой улице до конца, а там спроси — всякий укажет дом варпэта Тиграна на Кузнечной улице!

За истекшие годы мало что изменилось в доме оружейника, только у самого хозяина прибавилось седины в пышной черной бороде. В кузнице больше распоряжался теперь толковый мастер Кюрех, да подросла дочка Ашхен...

Прочтя письмо от старого приятеля Шоторика, которое привез с собой Галуст, Тигран внимательным взглядом окинул парня. Тигран хорошо знал, что далеко не всем сельчанам, спасающимся от барщины, удавалось поступить в ремесленные братства, доступ в них был сильно затруднен. Ему захотелось помочь молодому крестьянину.

— Ты хочешь мастером по камню стать, Галуст? — дружелюбно спросил Тигран.

— Да, варпэт, очень хочу!

— Добро. Ремесло хорошее, только вот... — Тигран замаялся и быстро добавил: — Сегодня отдохни с дороги, парень. А завтра с утра я сведу тебя к варпэту Езнику. Нет лучшего каменщика в Ани! Посмотрим, согласится ли он принять тебя в ученики. Время-то сейчас такое...

Долго ворочался ночью будущий каменных дел мастер на своем жестком ложе, думая о том, как-то встретит его варпэт Езник...

— Теперь смотри, Галуст: сначала я тебе буду показывать разный камень, а ты запоминай, какой он с виду, какого цвета, каков в работе...

Старику Езнику понравился скромный горец. Сыновей у старика не было, и он согласился по просьбе уважаемого в городе оружейника принять юношу в ученики. Со вздохом покинул Галуст гостеприимный дом на Кузнечной улице, где так звонко смеялась и пела резвая девочка, и перебрался в скромное жилище Езника. На следующий же день он приступил к занятиям. Работы в городе почти не было, жизнь в Ани словно замерла, и у Езника оказалось свободное время для обучения нового ученика.

— Вот это — ширакский черный камень, много его в окрестностях нашего города. Идет он на дома, на церкви, на могильные плиты. Камень довольно мягкий, легко раскалывается и тешется. Много домов из него я построил. А вот камень из Бюракана. Погляди, цвет-то какой у

него — пепел с пламенем! Как будто из самого пекла от сатаны его доставили... Крепок сей камень и редко идет на стройку, невыгоден! А это — легкий камень из Артика, там все церкви и дома из него построены. Шестнадцать цветов имеет он: от светло-розового до фиолетового. А сюда посмотри, какой красивый камень! Зеленый, как нефрит из Китая. Ну да ты ведь еще не знаешь, что такое нефрит. Драгоценный это камень, видел я чашу, из него изваянную, во дворце у нашего ишхана...

Тут Езник помрачнел, что-то невнятно пробормотал и снова вернулся к уроку:

— А к нам камень сей привозят с монастырских каменоломен у озера Гелакуни. Красив он, ничего не скажу, но непрочен, лопается от сильных морозов, только на внутреннюю отделку покоев и можно его пускать. А я сам больше всего люблю наш анийский темно-желтый камень — нет красивее и прочнее его! — заключил Езник.

Не все понимал Галуст из сказанного наставником. Трудно было неграмотному селянину сразу воспринять учение, но он слушал с неослабным интересом, примечая, с какой любовью старый мастер берет в руки куски разноцветного туфа.

— Ты, парень, должен отлично знать и наши ремесленные порядки. Хорошо, что ты не в бегах, а с разрешения своего владетеля прибыл в Ани. Иначе разве позволили бы мне принять тебя в ученики? А тот, кто не входит в братство каменщиков, не может заниматься ремеслом. Во главе нашего братства стоит выборный «старик», он вместе с мастерами-варпэтами за всем следит, наблюдает, правильно ли ведется работа в каждой мастерской, хорошие ли изделия выпускают в продажу, как рассчитываются мастера с подмастерьями, как они кормят учеников, по уставу ли до заката солнца работают, по правильной ли цене продают готовые изделия, например хачкары¹ или плиты разные, — поучал нового ученика Езник.

Передохнув, варпэт продолжал рассказывать:

— Теперь скажу о мастерах и подмастерьях. Когда ты проработаешь у меня достаточно времени, тебя сде-

¹ Хачкар (буквально: «крест-камень») — могильный памятник или памятная стела с резьбой (арм.).

лают подмастерьем. А еще через несколько лет сможешь пойти на испытание на звание мастера. Если успешно сдашь пробу и похвалят тебя «старик» и варпэты — дадут звание, и тогда можешь открыть свою камнерезную мастерскую. Но для этого долго копить деньги придется: материал нужно закупить, разный инструмент, дом иметь для жилья и работы... А главное, — голос Езника стал тверже, — сам ты должен стать настоящим мастером, не срамить наших славных умельцев по камню! И строго, ох строго будут смотреть твою пробу варпэты! Мастер — это главный человек в ремесле... Ну, на сегодня довольно! Завтра с богом приступим к теске камня. Сначала посмотришь, как я работаю, как держу резец, как бью молотком, как колю да тешу камень, потом и сам попробуешь... А там вскорости на кладку стен поведу, раствор делать научу. А этак года через два и резьбе по камню начну учить. Это самое трудное и почетное дело в нашем ремесле... А грамоте тебе обучаться надо у какого-нибудь монаха, устав наизусть знать. Без этого не признают тебя в братстве мастером! Понял, Галуст-джан?

Тут Езник вздохнул и, не вытерпев, угрюмо бросил:

— Эх, не вовремя прибыл ты в Ани! Того и гляди снова эмиры из Ирана с войсками нагрянут, опять нас в кабалу возьмут... Покинули нас на произвол судьбы армянские князья, будь они трижды прокляты!

Галуст только теперь понял тревогу жителей города. С опаской спросил:

— А что, кэри¹ Езник, разве хуже живется рамкам при эмирах?

— Ну конечно! Особенно нам, каменщикам. Ведь сто лет как не разрешали эмиры постройку церквей в Ани, анийцы богачи опасались при неверных и дома возводить, либо караван-сарай и бани. Да и налогов с нас брали больше, одна джизия² чего стоила! А не заплатишь, так в реку зимой бросят эмирские сборщики и держат, пока аман не запросишь... Вот и останемся мы с семьями опять не при деле, наголодаемся!

От невеселых слов мастера ученик приуныл. Выбранное ремесло показалось ему уж не столь привлекательным... В это время во дворе раздался голос старухи жены,

¹ Кэри — дядя (арм.).

² Джизия — подушный налог, взимаемый с немусульман.

зовущей тружеников на обед, и Галуст за вкусным спасом¹ забыл свои опасения...

Шеддаиды использовали смуту в Грузии и не замедлили снова появиться под стенами Ани. Павшие духом после ухода конницы Саргиса анийцы договорились с двинским эмиром и согласились впустить его в город, оговорив сдачу рядом условий. Молодой правитель стремился поскорее заполучить во владение богатый город и подписал соглашение со старейшинами Ани, обещав не трогать руководителей восстания против Фадлуна.

Глава XVIII

МТАВАРСКИЙ МЯТЕЖ

Заал Саварсалидзе вернулся домой сильно расстроенный. Не слушая упреков жены, он сразу заперся в своей комнате и лег на тахту. В боку поднималась сверлящая боль, как бывало всегда, когда эджиб расстраивался. А огорчаться было от чего. Как ни убеждал, как ни просил он царя, заупрямился тот и уехал на охоту с князем Рати Сурамели и своими неизменными кипчаками. В этакое-то время, когда мятежные мтавары (все нити заговора которых были у Заала) стягивали свои войска! И добро бы, поехал охотиться в сторону Гомборских гор или еще куда-нибудь подальше от Лори. Так нет, двинулся в сторону Сахатэ, расположенного близ владений Орбели! С огнем играет царь Георгий, считает, что своим отъездом на охоту отвлечет внимание князей — царь, мол, ничего не подозревает, беспечен...

Снова сильная боль прервала ход мыслей. Зажав рукой бок, он подумал: «Эх, болен я, сильно болен, лечиться б надо!» Боль несколько утихла, и Заал вспомнил — хорошо еще, что удалось добиться от царя приказа Хубасару подтянуть кипчакские отряды из Уджармо поближе к столице и запретить отпускаи воинам гвардии.

Жена из-за двери окликнула Заала, звала поесть хоть что-нибудь. Заал с гневом крикнул, что есть ничего не будет, и повалился на мутаки в новом приступе мучительной боли.

¹ Спас — суп из мацуна (арм.).

Царь возвращался длинной лесной просекой, освещенной заходящим солнцем. Охота была удачной. Меткими выстрелами из лука Георгий подбил крупного джейрана и несколько упитанных фазанов. Решили переночевать в сторожке лесника и утром отправиться в Тбилиси.

Георгий благодушно шутил с красавцем Рати, владельцем Сурами и окрестных земель, не примкнувшим к мтаварскому заговору и под разными предложениями не поехавшим в Лори. Сзади ехали с группой ловчих и небольшим конвоем любимцы царя Хубасар и Аффридон, о чем-то вполголоса переговариваясь.

У входа в сторожку Георгия встретил с низкими поклонами лесник. Он почтительно помог грузному царю сойти с коня, распахнул двери в убогое жилище. Царь устало опустился на скамью около очага, велел приготовить ужин из убитой дичи. На некотором отдалении от государя уселись князь Рати и Аффридон. Хубасар остался во дворе. Царь понял — осторожный кипчак уже расставляет караулы на ночь...

В окрестностях крепости Агарак, на лужайке под сенью большого дуба, собрался цвет картлийской знати. Около дуба стоял большой стог, из которого слуги тотчас же выдернули охапки свежего сена для коней.

В числе прибывших вельмож оказались владетель Сванетии — Барам Варданидзе, Кваркваре Ахалцихели, младший брат Иванэ — князь Липарит Орбели с сыновьями, самцхийский правитель Боцо Джакели, прославленный Гамрекел Торели, таширские эриставы и джавахурские владетели, князь Вахрам Мхаргрдзели, князь Асан Арцруни — владетель камянский, Давид — эристав хунанский, князь Григол Асатидзе и многие другие мтавары и знатные азнауры. В ожидании прибытия главаря заговора Иванэ вместе с претендентом на престол Демной князя сидели на разостланных хорасанских коврах, подложив под локти шелковые мутаки и потягивая охлажденное в роднике кахетинское. Среди вельмож царило обычное оживление, шла непринужденная беседа. Чуть поодаль слуги уже резали баранов и нанизывали мясо на длинные шампуры.

На опушке леса показалась большая группа всадников, стала приближаться, подминая густую траву лужай-

ки. Все присутствующие встали и громкими криками приветствовали амирспасалара и царевича:

— Долгой жизни великому Орбели!

— Ваша государю Демне!

Снешившись, амирспасалар дружески жал руки, целовал в уста знатнейших. Царевич следовал за ним с сияющей в синих глазах улыбкой. По приглашению Орбели дидебулы и мтавары уселись на ковровые подушки, строго соблюдая старшинство. Азнауры почтительно толпились позади своих патронов.

Совещание открыл князь Иванэ Орбели.

— Господа дидебулы, мтавары и азнауры Картли! — начал он, обводя взглядом присутствующих. — По молодости лет многие из вас не присутствовали при кончине помазанника божьего царя Давида III. Поэтому я чувствую себя обязанным вкратце рассказать вам о всех обстоятельствах смерти царя-праведника... — Орбели умолк, не сразу заговорил снова: — Сознавая приближение конца, царь Давид вызвал к себе католикоса и дидебулов Картли, а также младшего брата—Георгия и велел принести малолетнего сына—царевича Демну. Перед святыми иконами царь заявил, что брат его Георгий не имеет никакого права на трон и корону и что единственным законным наследником является царевич Демна. Вот он перед вами! Царь потребовал от всех дидебулов принести царевичу клятву в верности, что те и исполнили. Царь Давид согласился, чтоб до совершеннолетия царевича управление Картли оставалось в руках брата Георгия, а тот поклялся на кресте беспрекословно уступить престол царевичу Демне по достижении им совершеннолетия. Меня же, недостойного, великий царь назначил опекуном царевича Демны и повелел воспитать в доме моем...

Амирспасалар сделал паузу и почтительно обратился к убеленному сединами эриставу хунанскому:

— Правильно ли я излагаю, государь Давид?

Старец, предавшийся горестным воспоминаниям, задумчиво кивнул седой головой:

— Правильно, князь Иванэ. Все так и было...

— Я продолжаю.

Голос Орбели окреп, он с чувством воззвал:

— Как же поступил, государи мои, вероломный Георгий — клятвопреступник двукратный? Через год вызвал на подмогу отца из монастыря и нагло короновался во

Мцхете, вновь поклявшись по совершеннолетию царевича Демны уступить ему царство! А ныне на увещевания святителя Микаэла отвечает бесстыдными насмешками, отрекается от клятв своих перед иконами святыми... Доколе же будете вы терпеть на престоле картлийском сие беззаконие царя-клятвопреступника, вопрошаю я вас, выскородные дидебулы, мтавары и азнауры царства?

Гул возмущения пронесся среди мтаваров. Необузданный князь Асан, владетель камянский, громко закричал с места:

— Захватим Георгия, покончим с ним — и делу конец! Он сейчас в Сахатэ охотится, мои люди там его видели... Мягкосердечный Демна всполошился:

— Нет, нет, дядю Георгия убивать не надо!

Иванэ испытующим взором окинул присутствующих. «Князья настроены воинственно, теперь надо подбавить огня с другого конца...» — Амирспасалар проникновенным голосом продолжал:

— Конечно, убивать Георгия никак не следует! Однако и на троне оставлять его дольше мы не можем. Ведь и в святом писании сказано: «Не мир несет вам муж сей, а меч!» Последние наши вольности и исконные княжеские права отнять хотят у нас худородные люди, что вокруг царя собрались! Покончим же, государи мои, с ним одним ударом, но без крови... Как предлагает князь Асан, захватим Георгия в Сахатэ, раз сам бог нам в руки его предаст, и отдадим его в слуги господни — в монахи, как сделали и с отцом его! А затем в благоприятствующий день на древний престол Багратунианов возведем законного наследника — царевича Демну и дедами нашими введенные законы на благо всеобщее восстановим!

Орбели истово перекрестился и закончил торжественно:

— И волей, и милостью божьей мир и благоденствие да воцарятся в Картли. Аминь!

— Аминь! — ответили хором мтавары, крестясь.

Амирспасалар выпрямился во весь рост и начальственно приказал эретскому эриставу Асатидзе:

— Князь Григол, отправляйся немедленно в Сахатэ и выполняй решение великого собрания дидебулов и мтаваров Картли. Захвати Георгия Багратуниани и с бережением привези в Клде-карскую крепость! Туда выедет

преосвященный Феофан и совершит над ним обряд пострижения...

— Ваша! — загремело на лужайке.

Мтаварам явно пришлось по душе столь быстрое разрешение трудного и опасного дела. Демна — не Георгий, при нем будет много легче! Ну, а если князь Иванэ слишком занесется с властью, им захваченной, осадить его всегда можно...

Орбели дал знак замковому дворецкому. Тотчас же разостлали на коврах скатерти, слуги стали разносить шашлыки, нацеживать в большие рога кахетинское. В ожидании дальнейших событий высокородные князья и азнауры принялись за еду и обильную выпивку. Князь Григол сидел на мутаке рядом с Вахрамом Мхаргрдзели, с аппетитом поглощал сочные куски мяса и беспрерывно чокался...

Возвращаясь с дальней летовки, куда он ездил смотреть коней, Самвэл попал в затруднительное положение. Сильно устав в дороге, он решил отдохнуть на опушке леса. Выпустив коня пастись на поляне и выбрав высокий стог, Самвэл крепко заснул в душистом сене. Его разбудил гул голосов. Собравшиеся под дубом князья воинственными криками приветствовали прибывших главарей.

Самвэл спросонья высунул было голову из стога, но, увидев блестящее собрание, оробел и снова нырнул в сено. Он стал выискивать способ немедленно убраться подальше от могущественных людей, вдобавок окруженных вооруженной челядью. Пока он раздумывал, раздался громкий голос амирспасалара Иванэ, которого конюший хорошо запомнил по последнему его наезду в Хожорнийский замок. Затаив дыхание, Самвэл слушал, не веря своим ушам, даже ушибнул себя, чтобы убедиться, что это — не сон: такой диковинной показалась ему речь вельможи! Воспользовавшись удобным мгновением, когда внимание знати было отвлечено шашлыками и здравицами, Самвэл скатился со стога с противоположной от сборища стороны. Прячась в густой траве, он ползком достиг опушки леса и скрылся среди деревьев...

Высокие гости еще не приступили к ужину, когда на пороге сторожки со встревоженным лицом появился Ху-

басар. За ним показалась высокая фигура горца в темной чохе и большой папахе. Царь с удивлением взглянул на вошедших. Не успел спросить, в чем дело, как Хубасар крикнул:

— Великая беда, государь!

— Ну, что там еще? — Царь был в превосходном настроении после хорошей охоты и как бы забыл о всех неприятных делах.

— Из Агарака вот он прискакал... Там у дуба князья собрались, пируют с Орбели... — встревоженно доложил кипчак.

— Ну и что же, на здоровье! — Обращаясь уже к конюшему, Георгий шутливо спросил: — Много вина осушили мтавары и хватило ли им бурдюков?

Самвэл не был расположен шутить. Он отрезал:

— Тебя в плен захватить задумали, царь!

Царя словно холодной водой окатили. «Да, прав, прав был Заал! Нашел время заниматься охотой, прямо в осиное гнездо полез...» Но Георгий был человеком быстрых решений, привыкшим находить выход из любого положения. Не вставая с места, он спокойно приказал Хубасару:

— Вышли немедленно разъезд в сторону Агарака и вели седлать коней!

Хубасара как ветром сдуло — он быстро исчез за дверью. Повернувшись к Сурамели, который сидел понуриив голову, царь сумрачно произнес:

— Мой великий дед не раз говаривал: «Как нельзя выровнять собачий хвост или заставить рака двигаться вперед, так нельзя и образумить спесивых мтаваров». Разве может существовать прочная государственная власть, пока не обузданы князья, что беззаконно оспаривают власть у помазанников божьих, стремятся ослабить ее в ущерб народу и на радость врагам?! Вот снова Орбели принялись за старое — неисправим сей род мятежный!.. — И Георгий укоризненно добавил: — Да и дядя твой, наверное, тоже там... на собрании мятежников!

Опустив голову, Рати ничего не ответил. Георгий повернулся к Самвэлу:

— А ты кто, молодец?

— Конюший Хожорнийского замка, — с достоинством сообщил Самвэл.

— У Саргиса Мхаргрдзели служишь, значит?

— Так, государь.

— А где теперь твой господин? — продолжал допрашивать Георгий.

— В своем замке. Вчера с конницей из Ани прибыл.

— Как? Почему он выехал из Ани? — повысил голос царь.

— Говорят, амирспасалар приказал... — смущенно пробормотал Самвэл.

Царь отвернулся, стал смотреть в окно, за которым уже сгущалась ночь. Побелевшими от ярости губами шептал:

— Изменники, кругом изменники...

Хубасар, войдя снова в сторожку, доложил:

— Разъезд выслан, кони готовы.

Георгий быстро встал со скамьи. За ним последовали князь Рати и кипчаки. Проходя мимо конюшего, царь молча сунул ему туго набитый кошелек. Самвэл даже не успел поблагодарить царя за щедрый подарок...

Князь Григол остервенело хлестал плетью перепуганного лесника, суля повесить его на первом суку. Бедный старик тщетно укрывал лицо от сыпавшихся ударов и твердил, что царь вечером здесь трапезовал, из лесу прискакал всадник и что-то поведал ему, после чего все быстро уехали, незадолго до прибытия благородного эристава.

Асатидзе был вне себя. Пропустить такой случай! А все князь Вахрам с его бесконечным «последним рогом на дорожку»! Амирспасалар не забудет ему такого промаха! Огрев еще несколько раз плетью ни в чем не повинного лесника, эристав поскакал обратно в Агарак. За продвижением отряда незаметно наблюдал с опушки кипчакский разъезд.

Загнав коней, царь Георгий на рассвете прибыл в Тбилиси и тотчас же объявил боевую тревогу.

Глава тбилисского купечества, почтенный Занкан, перестал понимать своего патрона, эристава эриставов и наследственного градоправителя столицы Картли Абула-сана Арцруни. О чем думал князь, разрешив своему старшему сыну присоединиться к княжескому бунту? Да еще ведь и деньгами тайно ссудил мятежников, все на-

личные деньги у Занкана выбрал для этой цели. Не простит ему царь, ох не простит, коли все узнает! Нет-нет, Занкану не по пути с возмутителями спокойствия царства... Но устоит ли Георгий против всей княжеской конницы во главе с амирспасаларом, а? Вот в чем вопрос! А если Орбели и дидебулы победят, тогда они вспомнят о враждебности тбилисцев. Как же быть? И тут Занкан вспомнил о царском казначее Хутлу-Арслане. В прошлом военный человек, этот кипчак был в неплохих отношениях с тбилисскими дидвачарами¹ и, как близкий ко двору человек, должен хорошо знать, как идут дела! Быть может, Занкану следует уже поспешить в Исани, заверить государя в верности тбилисского купечества и даже, если понадобится, предложить денежный заем (под верное обеспечение, конечно!)?.. Приняв это мудрое решение, Занкан крикнул, чтобы ему седлали коня и подали парадную чоху.

Поднявшись по крутому мощеному подъему к Мтацминде², Занкан остановил своего коня у большого особняка и велел сопровождающему приказчику постучать в дубовую дверь. Угрюмый привратник не спеша приоткрыл створку.

— Хозяин дома? — спросил Занкан.

— Батоно собирается во дворец, — отрывисто проворчал страж.

— Отлично!

Занкан сошел, поддерживаемый приказчиком, с коня и поднялся на второй этаж. В обширной горнице у венецианского зеркала стоял статный мужчина средних лет и примерял с помощью портного придворный кафтан.

Выходец из кипчакской военной верхушки, Хутлу-Арслан разбогател на поставках степных коней и недавно был назначен царским казначеем. Правильные черты лица Хутлу-Арслан унаследовал у матери-грузинки. Простой нрав и необыкновенная щедрость снискали ему большую популярность среди купечества и ремесленников Тбилиси, а также у служилых людей.

За примеркой кафтана молча наблюдал сидящий у окна высокий человек в темном архалуке.

¹ Дидвачар — крупный купец (груз.).

² Монастырь в Тбилиси.

— Свет добрый дому сему! — громко возгласил Занкан с порога.

— Занкан, друг! — протягивая обе руки, пошел ему навстречу казначей. — Каким добрым ветром тебя занесло? Садись здесь, на тахте, поудобнее...

— Посоветоваться по делу одному заехал! — объявил Занкан и многозначительно уставился на портного. Потом перевел взгляд на человека у окна.

— Мой добрый приятель, азнаур Папуна Челидзе из Греми, — поспешил представить того Хутлу-Арслан. — Шакро, забирай кафтан на переделку. Я в старом поеду... — И хозяин дома шепнул приказание слуге. Вскоре на низком столике с перламутровой инкрустацией появились запотевший глиняный кувшин и серебряные кубки. Слуга разлил вино и удалился.

В иное время Занкан обрадовался бы возможности поразглагольствовать с азарпешой в руке, но казначей явно спешил... И, не дотронувшись до кубка, Занкан начал издалека:

— Восстали князя против помазанника божьего, не побоялись кары небесной...

— Выпей, прошу тебя! — угощал любезно Хутлу-Арслан.

— ...И много азнауров к ним примкнуло в Лори, говорят на базаре, — продолжал Занкан, взяв кубок и чокаясь с хозяином.

— Не все, а знатнейшие и богатейшие!.. — злобно перебил высокий азнаур. Вскочив с места, он пылко заговорил:

— За холопов князя стали почитать свободных азнауров, уже отдают нас в приданое за своими дочерьми! И земли наши дедовские отнимают насильно за долги...

— Тце-тце! — зачмокал сочувственно Занкан. — Что и говорить, беззаконники эти князя...

— А в замках своих чеканят монету неполновесную, хоть и запрещено это царским указом, — добавил казначей и снова разлил вино по кубкам.

— А потом с мечом в руках нам всучивают за товар, — подхватил Занкан. — А грабежи на дорогах?

В горницу вошел шелкоторговец Манвэл. Он недавно похоронил своего отца и стал главой торгового дома. Занкан возбужденно кричал:

— А вот спросите у Манвэла — нашлись ли десять

верблюжьих грузов наилучшего шелка, что ограбили у его покойного родителя на Лихском перевале?

— Видели наши люди, как этот шелк торговали в Цхуми у княжеского управителя рузикские купцы, — хмуро ответил Манвэл и пояснил: — Пограбили тот караван слуги князя Бадиани, все так говорят...

Хутлу-Арслан нетерпеливо на гостей посматривал. Ему надо было ехать в Исани на доклад, но долг гостеприимства прежде всего. Занкан поспешил задать давно мучивший его вопрос.

— Патроно Арслан, много ли войска у благоверного царя наберется?

— Гвардия и конники Хубасара в Тбилиси, — лаконично ответил кипчак на малоуместный вопрос.

— А кто из эриставов верность царю сохранил? — допытывался назойливый купец.

Хутлу-Арслана начинало сердить любопытство главы купечества. Он стал неохотно перечислять:

— Благородный Сурамели, рачинский властитель Кахабер, да и залихские мтавары с князем Варданом как будто не примкнули к мятежу.

«Немного!» — подумал Занкан. Казначей как будто прочел его мысль:

— На одном суку все мы держимся, мой Занкан! И если восторжествуют мятежники князя и старые порядки наведут, вконец обнищают купцы и еще хуже станет ремесленному люду! Рогатки везде на дорогах поставят, пошлины беззаконно драть начнут с купцов, и народ весь поборами непомерными задавят...

— А нас, азнауров, закабалят! — вставил Челидзе.

— Всячески должно купечество царя поддержать в этот час опасный! И если понадобится, в казну десятую часть имущества добровольно пожертвовать, ополчение снарядить, — продолжал горячо Хутлу-Арслан.

— А быть может, лучше заем предложить? — осторожно вставил Занкан.

— Не время барышничать! — возмутился тут Манвэл. — Объявляй всенародную подписку на пожертвования, Занкан. Я дам сто золотых...

Хутлу-Арслан встал и застегнул ворот кафтана.

— Не обессудьте, гости дорогие. Но во дворце меня ждут...

— И я с тобой! — заторопился Занкан...

...Абуласан позеленел, когда зять с усмешкой поведал ему о неудаче в Сахатэ. Быстро распрощавшись с родичем, он в тот же день отбыл из Хожорни. Саргис, однако, остерегся сообщить высокому гостю, кто именно предупредил царя о готовящемся покушении. Он начинал понимать, что мятеж мтаваров, потеряв характер внезапного удара, наполовину уже обречен на провал. Мелькнула мысль, что при подведении конечных счетов ему, пожалуй, могут засчитать подвиг его конюшего — фактического спасителя царя. Внимательно выслушав доклад, парон Саргис строго велел Самвалу никому не рассказывать о том, что случилось в Сахатэ. У него назревало решение двинуться в Тбилиси с лорийской конницей, не дожидаясь развития событий. Удерживало от этого шага сознание невольной вины: не имел он права оставить Ани.

Не мог забыть Саргис возмущенных возгласов с городских стен, когда оставлял Ани. «А если Шеддаиды овладеют снова Ани, не простит царь мне вины, хоть и невольной... А мтавары рады будут такому большому подкреплению, как моя конница. И смотришь, на трон мальчишка Демна воссядет, воспитанник Иванэ! А тогда что? Снова поднимут головы старые княжеские роды, каждый в свою сторону власть потянет, ослабнет царство и уж, конечно, не до дел армянских будет нам в Картли... Нет, не по пути мне с дидебулами! Надо с повинной головой ехать к царю...»

Царские войска, занимая позиции на высотах Рустави и Мцхеты, надежно прикрывали подступы к столице. Мятежное ополчение стояло между городами Дмаиис и Агарак, с крепостью Самшвилде на левом крыле. Военские силы, которыми располагал Георгий, составляли царская гвардия, до двадцати тысяч кипчаков Хубасара и наемные аланские отряды. К ним вскоре присоединились отряды оставшихся верными Георгию III рачинского владельца Кахабера Кахаберидзе, Рати Сурамели и других эриставов. У мятежников собралось примерно столько же войска, не считая конницы Саргиса, которую тот продолжал держать в Хожорни.

Царь Георгий не торопился открывать действия и продолжал стягивать к Тбилиси военские отряды из разных мест. Станным казалось, что и амирснасалар не пошел прямо на Тбилиси, как только собрались все мятежники. Но Орбели был расчетливым, осторожным полководцем

и не упускал из виду преимущества (в полевом сражении) тяжело вооруженных княжеских дружин перед легкой кипчакской конницей — главной силой царя Георгия. Не мог он не учитывать и трудности осады многолюдной укрепленной столицы царства с враждебным князьям торгово-ремесленным населением.

На военном совете мятежников Липарит Орбели предложил занять могучую крепость Каян, которая принадлежала князю Асану Арцруни. План этот был принят. На следующий день крупный конный отряд выступил в сторону Каяна. Его вели сам Липарит Орбели и замковладелец Асан Арцруни. Царевич Демна, жаждавший воинских подвигов, упрямил опекуна отпустить в поход и его.

Накануне этого выступления поздно ночью в Тбилиси примчался на взмыленном скакуне всадник. Бросив поводья слуге, он быстро взбежал по крутой лестнице дома Заала Саварсалидзе. Начальник царской разведки был обессилён болезнью, с трудом передвигался, и у его жилища постоянно находился конный паланкин. Не прошло и получаса после прибытия гонца, как скороход-охранник громко стучал во входную дверь эристава эриставов Арцруни.

— Обеспокоил тебя, князь. Не обессудь — дело государственное! — И, грузно опустившись на сиденье, Саварсалидзе сложил костыли и вперил острый взгляд в сонного хозяина.

— Не утруждай себя извинениями, Заал. Скажи прямо, в чем дело? — махнул рукой Абуласан, позевывая.

— Наш человек из Агарака спешное сообщение прислал с гонцом. Сын твой старший — князь Асан на рассвете выступит с конницей, чтобы захватить крепость Каян. С ним вместе пойдут Липарит Орбели и недоумок наш Демна...

При этом известии сон окончательно покинул Абуласана.

— Знает об этом царь? — тревожно прошептал Арцруни.

Заал молча кивнул.

— Жаль, слишком поздно пришло сообщение! Ведь мятежники успеют занять крепость, пока я соберу своих всадников... — раздумчиво молвил Арцруни.

— В Гаге наготове стоит конный полк Савалт-хана, племянника нашего Хубасара. Вот царский приказ

хану — немедленно выступить с полком в сторону Каяна... — небрежно бросил Саварсалидзе и, растягивая слова, многозначительно досказал: — Под твоим началом, князь! Если, конечно, соблаговолишь...

Перевалив через горный хребет, конница Липарита стала втягиваться в узкое ущелье. Вдали в чаще леса уже можно было различить массивные башни Каянской крепости. Всадники перешли на рысь. Внезапно из-за поворота показалась конница в кожаных панцирях на низкорослых конях. Впереди на породистом скакуне ехал рыцарь небольшого роста в роскошной золоченой броне. Завидя большой вооруженный отряд, князь Асан обрадовался: «Подкрепление из Эрети!»

Предводитель отряда поднял забрало — и молодой Арцруни с удивлением узнал в начальнике заградившей дорогу конницы своего почтенного отца.

— И ты с нами! Как я рад, отец... — начал Асан.

Абуласан сухо оборвал излишняя сына:

— Прекрати праздный разговор, Асан! И заворачивайте назад коней... — Возвысив голос, князь Абуласан крикнул, обращаясь к подъехавшим Липариту Орбели и царевичу Демне: — В Каян я вас не пропущу. Так и знайте!

Докладывая на утреннем приеме о действиях мятежников, Заал Саварсалидзе не преминул заметить царю Георгию:

— Верным слугой твоему царскому величеству оказался, однако, князь Абуласан. Не пропустил сынка в Каян! Впрочем...

Не дав Заалу закончить, Георгий угрюмо буркнул:

— А что еще ему оставалось делать, твоему Абуласану? С мятежом-то дело не получается у Иванэ...

Царь был прав в оценке положения. После небольших боев в Эрети, где правительственные войска взяли в плен эристава Григола Асатидзе и нескольких других видных мятежников, первым отошел от амирспасалара ближайший его друг Гамрекел Торели и ночью прибыл к царю. Понемногу и другие мятежники стали перебегать к царю Георгию, который встречал всех очень приветливо, каждому щедро обещал долю из будущей огромной добычи — сокровищ Орбели. «И пошел царь против Иванэ и племянника своего, понимая их слабость. Тогда Иванэ скрыл все

свои сокровища в Самшвилде, а сам ушел в Лори» — сообщает летописец.

В эти тревожные дни Заал Саварсалидзе вспомнил о Чиабере и спешно вызвал его из Жинвани. Начальник царской разведки часто совещался с азнауром, который долго жил в Лорийском замке и мог дать ценные сведения о состоянии укреплений, численности гарнизона крепости и общей обстановке. Но даже воспитатель царевича Демны не знал главной тайны замка в Лори — не выдали ее верные слуги княжеского дома... На последнем совещании Чиабер сказал:

— У каждого войска есть свое знамя. У Орбели таким знаменем является Демна. Надо выманить царевича из замка, тогда Иванэ вынужден будет сдать...

Совет понравился. Чиаберу предложили написать увещательное письмо бывшему воспитаннику. Заодно было решено составить такое же послание и к самому князю Иванэ.

Г л а в а XIX

ОСАДА ЗАМКА

Какими-то неведомыми путями Заалу Саварсалидзе стало известно об истории с пропавшим бурдюком вина из княжеского обоза. Потерявший доверие Шабурдан был изгнан незадолго до мятежа из Исанского дворца. Тогда азнаур отправился обратно в Лори и припал к стопам великого амирспасалара. Проклиная коварных царских чиновников, он слезно стал проситься обратно на службу. Памятуя многолетние заслуги Шабурдана, великодушный вельможа послал его в Самшвилде в качестве помощника коменданта цитадели. В самом начале мятежа старого коменданта хватил удар и Шабурдан волей судьбы оказался полновластным хозяином Самшвилде. С одной стороны, такое положение радовало алчного азнаура. Начальствуя над большим торговым городом, можно было быстро составить себе состояние. Но с другой — Шабурдана пугали неудачи княжеского мятежа...

Однажды на дороге, ведущей из Тбилиси в Самшвилде, показалась конница. Шабурдан с главной башни цитадели наблюдал, как внизу, в долине реки Кциа, двигались

сотня за сотней многочисленные всадники на низкорослых лошадях. То были кипчаки Хубасара.

Накануне Хубасар был вызван к царю в Исанский дворец. Около Георгия сидел с желтым, изможденным лицом Заал Саварсалидзе. Болезнь приканчивала начальника разведки.

— В Самшвилде спрятаны все сокровища князя Иванэ. Тебе об этом известно, Хубасар? — задал вопрос царь.

— Известно, государь.

— Кто в крепости моуравом?¹

— Подходящий человек, государь, — вмешался Саварсалидзе, — азнаур Шабурдан, бывший наш дворцовый голец. Я его выгнал за плутовство, а Орбели принял обратно на службу и назначил моуравом в Самшвилде...

— Хорошо. Напиши этому плуту письмо от моего имени. Предложи на выбор: или он сдает немедленно Самшвилде и получает поместье в Кахети, либо будет повешен вверх ногами на крепостных воротах, как только Хубасар возьмет крепость!

— Сегодня же передам письмо Шабурдану, государь.

— А тебе, Хубасар, — добавил царь, — говорю: возьмешь Самшвилде — получишь должность амирспасалара! Только смотри, чтобы ни одного пули² из сокровищ Иванэ не пропало... Иди готовь своих людей в поход.

Шабурдан, разумеется, предпочел поместье в Кахети, где он мог бы безбедно прожить до конца жизни. Внезапная сдача Самшвилдской цитадели с сокровищницей была третьим, но не последним ударом для князя Иванэ.

Парон Саргис прибыл со своей конницей в Тбилиси на следующий день после выступления кипчакских частей на Самшвилде. Разместив всадников в предместьях города, он отправился во дворец. Заал Саварсалидзе только покачал головой, завидя исполинскую фигуру Саргиса в приемном зале. Сухо ответив на его поклон, начальник царской канцелярии озабоченно сказал:

— Государь сильно занят. Не скажу, патроно Саргис, когда он захочет тебя принять. Доложу о твоём приезде вечером.

¹ Моурав — военный комендант, управляющий имением (груз.).

² Пули — мелкая серебряная монета (груз.).

На следующий день царь принял Саргиса. В разговоре Георгий был холоден, беседа длилась всего несколько минут. Глядя прямо в глаза парону Саргису, Георгий сухо заявил:

— Опоздал немного, князь Саргис! За Ани не взыщу — вины твоей тут нет, военный приказ нужно выполнять. А вот что в Хожорни долго отсиживался со своей конницей — за это надо бы тебе воздать!.. Прощаю на сей раз, памятуя прежние боевые заслуги. Да и слуга твой немало отличился, вовремя предупредил нас о задуманном злодеянии. Награди храбреца! Но... — добавил царь с усмешкой, — амирспасаларом Картли тебе не быть... пока я царствую! А мог бы — по доблести и отваге! Отправляйся-ка теперь в Лори. Там князь Гамрекел с гвардейской конницей и отрядами Рати Сурамели к осаде замка приступают. Посмотрим, как вести себя дальше будешь...

И небрежным кивком головы царь отпустил пристыженного Саргиса.

Замок исчезнувшей династии Кюрикянов темной громадой возвышался на мысу, омываемом с двух сторон сливающимися реками. Издавна считалась Лорийская твердыня одной из самых неприступных крепостей Кавказа. Укрывшийся в ней мятежный полководец как будто мог не тревожиться за свою безопасность. Царские спасалары и не спешили с приступом, предпочитая взять замок измором. Осада Лори правительственными войсками надолго затянулась...

По совету Чиабера было подписано видными перебежчиками увещательное письмо князю Иванэ. Не брезгуя никакой лестью и забыв все клятвы, князья-перебежчики предлагали своему главарю откупиться головой царевича Демны. Князь Иванэ ответил решительным отказом на низкое предложение, ничего не сказав о нем царевичу. Однако гордый вождь княжеского мятежа не знал, что одновременно, с особым нарочным, было доставлено и передано через линию осаждающих войск подобное же письмо азнаура из Жинвани своему бывшему воспитаннику. Демна тоже умолчал о получении послания...

Зима в этом году наступила ранняя... В Лори стояли большие морозы. На заснеженном поле осаждающие жгли

костры. Грохотали камнеметы, бившие по стенам и башням замка. Гарнизон, состоявший почти целиком из родичей и дружинников княжеского дома, мужественно отражал все нападения и переносил тяжелые лишения многодневной осады. Комендант крепости Смбат Орбели — младший сын амирспасалара, на все предложения противника о сдаче неизменно отвечал залпами.

От удара содрогнулась стена. Снова заработали царские камнеметы. В обширном рыцарском зале было очень холодно. У потухшего камина сидели в медвежьих шубах Иванэ и Липарит Орбели. Тихими голосами вели невеселый тайный разговор.

— Выезжай немедленно за помощью, Липарит. Ильдегизиды нам не откажут, я уверен! Из Тавриза пошли письмо также шахармену Сукману, может быть, и он захочет нам помочь...

— Царь Георгий захватил в Самшвилде все наши сокровища. Чем же расплачиваться будем с мусульманами?

— Дай только мне Демну на трон посадить, все будет тогда. И власть, и деньги!

Липарит покачал головой:

— Уже почти все мтавары от нас отвернулись, Иванэ! Первым перешел к царю твой лучший друг Гамрекел Торели, за ним потянулись другие...

— Предатели прислали на днях письмо, предлагали мне сдаться, принесли с собой в подарок царю голову Демны! — гневно дополнил Иванэ.

Липарит задумался. Нерешительно взглянув на старшего брата, он молвил:

— Прости, мой Иванэ, но я не понимаю тебя. Зачем было спешить с восстанием? Георгий не молод и не вечен, всегда ведь можно было ускорить его кончину! А тогда зять твой по праву и без всяких хлопот воссел бы на трон.

Пущенный из камнемета валун с грохотом разбил окно, усеяв осколками каменный пол. Морозная струя воздуха ворвалась в покой. Оба собеседника, вздрогнув, плотнее закутались в шубы.

Иванэ Орбели сурово ответил брату:

— Я привык в открытом бою с врагами сражаться! А тебе, Липарит, лучше уехать в Тавриз, пока не поздно.

Понизив голос, амирспасалар добавил:

— Через наш подземный ход безопасно выйдешь в

ущелье, там царских дозорных нет. И кони уже заготовлены. Езжай с богом!

Амирспасалар встал, обнял брата. Внезапно на его мужественном лице появилось выражение глубокой тоски. Целуя в уста Липарита, он скорбно прошептал:

— Обоих сыновей с собою возьми, брат! Если, не дай бог, случится что, — род наш сбережешь...

Липарит с трудом сдерживал слезы. Он понимал — это последняя ставка брата. Но подоспеет ли вовремя помощь из Ирана?

Во дворе с удвоенной силой загрохотали камнеметы.

Култ женщины в средневековой Грузии, вдохновенным певцом которого был Шота из Рустави, в отличие от западных трубадуров воспевал девушку, а целью богатырских подвигов героя был брачный союз с ней. Но так было только в поэзии. А в жизни женщина редко имела право голоса при выборе жениха. Браки и в высших, и в низших сословиях заключались не по влечению сердца, а по решению родителей, опекунов и даже коронных советов. Не диво, что прекрасную лорийскую деву никто даже не спросил, желает ли она быть женой претендента на престол. Разве перспектива стать царицей Картли не была высокой честью для княжны из дома Орбели? Сам царевич был полностью поглощен крупной политической игрой, в которую его искусно вовлек Орбели. Кроме того, у царственного юноши было много друзей и, как это было широко принято в «век куртуазной любви», много любовных увлечений. Бедная невеста всегда пребывала в кругу своих подруг или в одиночестве, в мечтах о прекрасном царевиче. А Демна кутил, влюблялся и занимался политикой, в меру своего недалекого ума.

Положение нареченных резко изменилось, когда князя Иванэ с семьей и царевичем осадили в собственном его замке. Исчезли друзья, кончились веселые попойки и любовные утехы. Из окон своего покоя, расположенного над крепостной стеной, царевич различал на снежной равнине многочисленные костры осаждающих войск, тесным кольцом окруживших Лорийский замок. День и ночь раздавался нескончаемый грохот камнеметов, пища изо дня в день становилась все более скудной. А главное — рушились радужные надежды на воцарение, которое сулили

ему заговорщики. Почти все они уже покинули партию Орбели, считая игру проигранной. И часто, вспоминая своего грозного дядю-царя, Демна со страхом думал о предстоящей расплате...

Маленькая княжна с детства всем сердцем любила царевича из сказки. Но, по существовавшему в семье Орбели суровому адату, женщины никогда и ни в чем не смели проявлять свои чувства. Грозная обстановка освободила Маринэ от условностей строгого этикета, и нежная женская ласка скрасила тяготы осады, непривычные для изнеженного царевича.

Пожалуй, самым тяжелым для осажденных оказался холод, царивший во всех помещениях обширного замка. Уже не горели, как прежде, целые деревья в громадных каминах залов, не топились печи и в покоях. Лишь наспех сооруженные очаги да большие медвежьи шубы спасали обитателей замка от щемящей стужи. Но и для этих печурок стало не хватать топлива. У княжны Маринэ был подарок отца — привезенный из далекой Индии драгоценный шкафчик из розового дерева, весь инкрустированный серебром и перламутром. Демна не раз вместе с другими гостями любовался прекрасной заморской вещью. И вот однажды, в разгар сильных крещенских морозов, слуга царевича с удивлением обнаружил перед дверью покоя кучу изрубленных розовых дощечек — все, что осталось от драгоценного шкафа... Со слезами на глазах царевич сжал в объятиях невесту и немедленно отправился к старому князю. Почтительно поцеловав, по обыновению, руку опекуна, Демна заявил, что он любит Маринэ так, как ни один герой еще не любил свою даму в рыцарских романах, что он с радостью отдаст жизнь за нее и не желает больше ни на один день откладывать свой брак с нею.

— Что бы с нами ни случилось, перед лицом господ бога мы должны быть мужем и женой!

Необычно твердый тон царевича поразил опекуна. С умилением обняв воспитанника, князь Иванэ вызвал дворецкого и приказал позаботиться обо всем необходимом для бракосочетания.

Вечером в небольшой церкви замка состоялось венчание царевича Демны и Маринэ. Немногочисленные певцы хора пели ослабевшими от голода голосами. Им вторил извне грохот камнеметов. В церкви было холодно и темно.

Дворецкий еле разыскал в ризнице с десяток восковых свечей. На невеселую брачную церемонию, прямо с крепостных стен, в боевых доспехах, спустились члены княжеского дома и верные вассалы. Отсутствовали только князь Липарит и его сыновья. Женщины в храме молча утирали слезы, не смея рыданиями нарушить торжественный церковный обряд. Амирспасалар стоял впереди всех молящихся, у алтаря, и не мог налюбоваться своей красавицей дочерью под белой фатой невесты. Жертвенной, неистребимой любовью горели синие глаза Маринэ, казавшиеся огромными на исхудалом прекрасном лице, когда она опустилась на колени рядом с взволнованным женихом и старый духовник семьи древними обрядными словами освятил их брачный союз. По лицу старого князя градом катились слезы. Он жарко молился, шепча:

— Великий творец, продли счастье моей дочери, не покарай за грехи мои...

Когда какому-либо из царевичей сельджукской империи отдавался на кормление удел, с ним всегда отправляли опытного военачальника, который в скромном звании атабека (что означало буквально — «отец-князь») фактически правил областью за царственного бездельника. Эти дядьки царевичей с закатом могущественной державы «Великих Сельджуков» постепенно превращались в самостоятельных правителей, перехватывая власть у своих незадачливых подопечных.

В Иране наиболее крупным атабекством считался Азербайджан — государство, основанное в 1136 году знаменитым Шамс-ад-дином, бывшим тюркским рабом из Дешт-и-Кипчака. Возвысившись в царствование султана Масуда, умный и воинственный атабек не раз скрещивал мечи на поле боя с амирспасаларом Орбели и с уважением относился к рыцарственному противнику. Об этом хорошо помнили его сыновья-наследники. Отбросив сомнения, амирспасалар послал брата Липарита в Тавриз с мольбой о помощи... на любых условиях!

Удача сопутствовала князю Липариту. Накануне его прибытия в Тавриз неожиданно приехал из Хамадана — прежней столицы атабекства — Мухаммед Пахлеван, старший сын покойного атабека. Узнав о прибытии посольств-

ва из Гурджистана, новый правитель страны весьма удивился, но приказал принять послов с честью.

Рассказ Липарита поразил атабека — о княжеском мятеже в Грузии до Тавриза доносились лишь смутные слухи. Сидя в золотом халате на троне, Мухаммед размышлял, внимательно разглядывая стоящего в почтительной позе знатного курджия. После заключительных слов Липарита, когда тот от имени вождя восстания с низким поклоном снова воззвал о помощи, в тронном зале воцарилась тишина. Все придворные молча ждали решения великого атабека.

— Значит, старый хан сидит в осаде вместе с племянником вашего царя и ждет нашей помощи. Так? — переспросил Мухаммед, перебирая четки.

— Так, государь. Вот наша челобитная твоему величеству об этом, — снова поклонился Липарит, протягивая пергамент.

— После прочтем, передай Кызыл-Арслану. Но, во имя аллаха милостивого и милосердного, на что рассчитывает старый хан? Наши войска не смогут тронуться с места, если вы не дадите нам хороших условий. И сейчас зима — кто воюет зимой? И сколько понадобится моих храбрых пахлеванов, чтобы одолеть царя курджиев?

— Не более шестидесяти тысяч всадников понадобится, государь, я все рассчитал. А зима кончается, — с горячностью подхватил князь Липарит.

— Ты прав, хан, весна скоро придет в Гурджистан. Переговори с Кызыл-Арсланом и моими векилами об условиях. Посмотрим, что мы сможем сделать для старого хана...

И атабек кивком головы отпустил князя Липарита.

Для спасения брата и его семьи Липарит был готов подписать все условия Тавриза. Но они оказались ужасными. После победы над царем Георгием Орбели должны были отдать все родовые сокровища атабеку. Затем, от имени будущего царя Демны, они обязывались передать атабеку все пограничные с Арраном области, отказаться от каких-либо претензий на армянские земли, выплатить одновременно из царской казны сто тысяч золотых, заключить с Тавризом военный союз и, наконец, согласиться на самое унижительное и позорное требование: после взятия Тбилиси город отдавался на три дня в распоряжение войск атабека... Только на этих условиях Мухаммед

соглашался двинуть свою шестидесятитысячную конницу в Гурджистан. Атабек резонно заметил Липариту Орбели, что, кроме челобитной, у него нет никакого обеспечения условий и что он соглашается помочь исключительно из уважения к старому хану.

Липарит подписал все условия.

Брак царевича Демны с прекрасной Маринэ спутал все карты Чиабери. Опыяненный переживаниями медового месяца, даже в тяжелых условиях затянувшейся осады, Демна попросту забыл об увещательном письме бывшего наставника. Заал Саварсалидзе вызвал к себе Чиабера и недвусмысленно дал понять, что, если он ничего от царевича не добьется, царь может усомниться в его дипломатических способностях и в знании характера бывшего его воспитанника — ключевой фигуры всей междоусобной борьбы в Картли. А тогда азнауру из Жинвани вообще придется бросить надежду попасть в савовники! С достоинством выслушав все колкости начальника царской разведки, Чиабера заявил:

— Справедливые упреки твоей милости принимаю. Но кто знал, что в голоде и холоде длительной осады царевич захочет жениться и так привяжется к своей прекрасной супруге? Впрочем, дело поправимо. В первом письме я сулил этому недоумку пряник. Теперь пригрожу ему кнутом!

Следующий день застал Чиабера на пути в Лори. Новое письмо царевичу Демне, переписанное на небольшой кусок тонкого пергамента, было надежно спрятано в дорожной сумке воспитателя с царским предписанием начальнику осаждающих войск Гамрекегу Торели оказывать всяческое содействие азнауру Чиабери. Главной трудностью в новом плане был вопрос — как доставить письмо Демне? Князь Иванэ приказал наглухо заклепать железные замковые ворота, чтобы предотвратить дезертирство и вообще какие-либо сношения осажденных с внешним миром. Надо было что-то придумать...

Однажды вечером, вскоре после приезда Чиабера, перед замком появилась группа людей. Бывший воспитатель хорошо знал расположение личного покоя царевича Демны с окнами, выходящими прямо на равнину. В окнах брезжил тусклый свет. Рядом с Чиабером на снегу

стоял лучший стрелок Грузии — месх Амириндо. В руках Амириндо держал огромный лук из тисового дерева длиной около четырех локтей[†], который мало кто мог согнуть. Чиабер указал месху на освещенное окно. Долго вглядывался прославленный лучник в далекую цель, затем сказал:

— Хорошо, патроно. Попробую попасть! Но сначала сделаем пристрелку.

Упирая лук одним концом в землю, Амириндо надел на другой петлю свежей тетивы, попробовал рукой. Туго натянутая тетива зазвезела как струна. Тщательно выбрав стрелу из кожаного колчана, стрелок наложил ее на вытянутую во всю длину левую руку с луком, а правой оттянул тетиву. Стрела пропела в морозном воздухе и вонзилась в крепостную стену, рядом с окном покоя царевича. Месх удовлетворенно крикнул и сказал Чиаберу:

— Ну, теперь давай свое письмо, патроно!

Лучник тонкой бечевкой туго прикрутил кусок пергамента к стреле и, снова тщательно прицелившись, выстрелил. Стекло разбилось, и стрела влетела в комнату. В оконном проеме мелькнула голова.

— Мужчина у окна.

Группа людей у стен крепости не была видна в темноте, и голова вскоре исчезла. Чиабер с волнением подумал: «Только бы это был Демна!..»

Азнауру из Жинвани повезло. Когда в комнату влетела стрела Амириндо, там, кроме царевича, никого не было. Схватив стрелу, Демна сразу обнаружил послание. Наскоро заткнув разбитое окно подушкой, при мерцающем огне ночника он стал разбирать мелкие строчки, написанные знакомой рукой воспитателя.

На этот раз Чиабер писал в резком тоне: «Одумайся, Демна, пока не поздно. На что и на кого рассчитываешь? Силы ваши с каждым днем тают, кровавая расплата близка. Я хочу спасти тебя. Постарайся достать длинную веревку и спустись по стене замка, отдайся на милость дяди-царя. Иначе тебе обязательно отрубят голову — так решил совет. А жену тебе вернут после того, как сдастся Орбели. Торопись же выбраться из замка. Жду тебя».

Конечно, никакого решения коронного совета о казни Демны не было, Чиабер просто хотел припугнуть трусли-

[†] Локоть — около 50 сантиметров.

вого царевича. Хитроумному замыслу Чиабера невольно помог и сам князь Иванэ. Не желая возбуждать у близких преждевременных надежд, он молча дожидался гонца от Липарита, чтобы сообщить радостную новость о спасительном движении иранских войск. Молчанием своим Орбели сыграл на руку коварному воспитателю. Окончательно пав духом и не решаясь признаться тестю в получении письма от Чиабера, скрыв свои намерения даже от любимой жены, Демна стал готовиться к побегу из замка...

...Снег еще покрывал Лорийскую степь, когда из Тавриза и Хоя к переправе через Аракс двинулись многочисленные конные отряды. Атабек Мухаммед сдержал слово и двинул свои полки на Грузию, как только весеннее солнце пригрело поля Приараксинской долины.

Гвардейский разъезд наблюдал за крепостной стеной, за которой высился княжеский дворец. На большой высоте распахнулось окно, и в лунном сиянии появилась фигура человека, который выбросил веревку вниз по стене. Затем воины увидели, как по крепостной стене стала медленно спускаться по веревке темная фигура.

— Еще один перебежчик от Орбели! — презрительно хмыкнул старшой разъезда.

Человек продолжал медленно спускаться по канату, цепляясь за выступы стены. Веревка оказалась коротковатой. Поболтав ногами в воздухе, человек выпустил из рук конец и грузно рухнул в глубокий снег. Всадники разъезда подъехали ближе. Человек продолжал лежать, ошеломленный падением. Вглядевшись в лежащего, гвардейцы разразились громким смехом:

— Да ведь это наш «царь» Демна!

Царевич, сконфуженно приподняв голову, смотрел на всадников. В глазах его блеснули слезы. Всадники продолжали хохотать.

Рано утром без стука в комнату амирспасалара вбежал с растерянным видом комендант замка. Иванэ не спал, подавленный мрачными думами.

— Демна бежал, отец! — выкрикнул Сambat.

Иванэ откинулся на подушки, словно от удара. «Вот и конец! И Липарит не подоспеет... Да и к чему, когда Демна попал в лапы царя Георгия?» Застонав от внезапно режущей боли в сердце, он молча отвернулся к стене.

Свеча в медном шандале, чадя, горела на столе перед князем Смбатом. Молодой воитель пристально смотрел на светлый венчик пламени. Миражем вставал далекий Константинополь, прекрасная Греция, куда его обещал отправить для получения образования князь-отец.. Чем же кончились все мечты? Впереди — долгие дни безнадежной обороны, потом неизбежная сдача и грозная расплата за ошибки отца. Смбат не разделял взгляды князя Иванэ и его единомышленников, но, как верный сын, доблестно защищал родовое гнездо.

Обширный замковый зал тонул во мраке. От разбитых камнеметами окон тянуло зимой, и Смбат зябко кутался в медвежью шубу. В зал неслышно вошел старый дворецкий, тихо прошептал:

— Великий ишхан просит тебя зайти к нему!

Князь Иванэ сидел в глубоком кожаном кресле, весь укутанный в шали и звериные шкуры. Его знобило. При виде статного юноши, которого он любил больше других детей за отвагу и ум, Иванэ зашевелился и протянул худую руку. Смбат почтительно поцеловал ее. Старый вельможа с болью смотрел на мужественное, красивое лицо. Отгнав тяжелые мысли, он слабым голосом вымолвил:

— Я звал тебя, дорогой, по следующему делу...

Саргис Мхаргрдзели командовал участком в горном ущелье, где был расположен наружный лаз потайного хода из замка. Иванэ, передав сыну письмо на имя парона Саргиса, предложил Смбату ночью спуститься по подземному ходу и разыскать Мхаргрдзели. Лазутчики замка установили, что отряд Саргиса стоит в небольшом селении у выхода из ущелья. Смбат ознакомился с письмом отца и, вздохнув, без слов отправился выполнять поручение.

...Долго молчал Саргис, прочитав письмо амирспасалара. Потом, пристально глянув на усталое лицо молодого рыцаря, сказал:

— Княгинь ваших я пропущу, с женщинами и детьми. Но и только! Ни один мужчина из рода Орбели не пройдет через мою заставу. Так и передай князю Иванэ. В следующую ночь, как взойдет луна, я сам поднимусь в ущелье к мосту и провожу княгинь и их женщин за

линию войска! — И тихо добавил: — А о потайном ходе ничего не скажу князю Гамрекелу...

По неписаному закону иногда разрешался выход женщин и детей из осажденной крепости. Но напрасно прождал парон Саргис до рассвета у моста в холодном ущелье. Из замка никто не вышел — и старшая княгиня, и жена царевича наотрез отказались покинуть своих близких в беде, как ни убеждал и ни сердился князь Иванэ...

После трусливой сдачи в плен царевича Демны царь Георгий послал гонца к Иванэ Орбели, торжествующе вопрошая:

«За чьи права будешь теперь сражаться, Иванэ, за кого мстить, когда Демна у меня?»

Склонив гордую голову, амирспасалар тихо молвил царскому посланцу:

— Я сдаюсь.

До глаз забрызганный дорожной грязью — весенняя распутица развезла все дороги в горах, — пожилой всадник в кожаном камзоле подъехал к самому берегу Аракса, особенно бурного в это время года, утомленно сошел с коня и уселся на большой камень. Его скакун стоял рядом. Всадник пристально следил за противоположным берегом, где начинались владения атабеков. Вскоре на берегу появился большой конный отряд и стал готовиться к переправе.

Человек вскочил на ноги и, сорвав папаху с головы, стал размахивать ею в воздухе, что-то выкрикивая. На другом берегу заметили одинокого всадника. Несколько конников отделились от прибывших и, продравшись сквозь камышовые заросли, поплыли в темно-бурых водах Аракса, борясь с быстрым течением, которое сносило их вниз по реке. Всадник вскочил на коня и поехал вдоль берега навстречу плывущим.

— Зачем ты здесь, Унан? Во имя бога, что случилось в замке? — закричал из воды князь Липарит. Весь мокрый, он вышел на сушу.

Верный слуга припал к плечу князя. Скорбно качая головой, он вынул из-за пазухи пергаментный пакет и без слов передал Орбели. Быстро пробежав короткие строки послания старшего брата, Липарит, потрясенный, опустился на землю, тяжело задышал. Ему не хватало воздуха...

— Ты болен, отец? — с тревогой спросил подбежавший княжич Эликум.

— Демна, как трус, сбежал к царю! Иванэ сдается Георгию... — с трудом выдавил Липарит и, упав лицом на песок, беззвучно зарыдал.

Кызыл-Арслан крепко выругался, поворачивая шестьдесят тысяч коней обратно, на Тавриз... Атабек только пожевал губами, когда ему почтительно доложил военный везир о возвращении воинства вспять, и не захотел видеть опального курджия. В дальнейшем, впрочем, атабек даже проявил благородство. Не попрекая ни в чем убитого горем Липарита, он выделил ему небольшое владение в окрестностях Тавриза. Липарит вскоре скончался, а его сыновья — Эликум и Иванэ — остались в Иране, ожидая лучших времен.

Решительные действия князя Абуласана в Каянском ущелье не усыпили, однако, подозрительности царя Георгия. Слишком уж рьяно бился с царскими войсками непокорный Асан, долго еще держался со своим отрядом в горах. На очередном заседании коронного совета произошло бурное объяснение Георгия с эриставом эриставов. Тот категорически отказывался нести ответственность за поступки недостойного сына и даже торжественно проклял Асана в присутствии всех вазиров. Это не помогло. Воспользовавшись удобным случаем покончить с ненадежным вельможей под предлогом необходимости обеспечить большую безопасность царства, Георгий, повелев отобрать крепость Каян и остальные владения у мятежного Асана, заодно забрал в царский удел и город Рустави — лучшее владение князя-отца. Разобиженный Абуласан отряхнул пыль дворца от ног своих и удалился в обширные арзрумские поместья, поближе к старому другу — эмиру Изз-ад-дин Салдуху. Вскоре, спасаясь от погони, в Арзрум прибыл и мятежный княжич Асан вместе с младшим братом Гузаном.

Глава XX

ГИБЕЛЬ РОДА

Опустели крепостные стены Лорийской твердыни. Зловеще зияли темным провалом раскрытые настежь огромные двойные ворота... Большой конный отряд подскакал к воротам. Слепившись, кипчаки быстро заняли

боевые башни, стены и выходы из крепости. Амирспасалару Хубасару (царь Георгий сдержал слово и после захвата Самшвилде назначил его командующим войсками Картли) было повелено лично доставить в царскую ставку главаря мятежа.

В рыцарском зале у окна сидел, сторбившись в кресле, седой старик. Трудно было узнать в нем надменного вельможу, державшего недавно в своих руках половину царства. У кресла стоял Смбат, с осунувшимся от лишений красивым лицом. В дверях зала показалась плечистая фигура кипчакского полководца в полном вооружении. Звеня шпорами по каменному полу, Хубасар большими шагами прошел зал и, не снимая шлема, молча остановился перед Орбели. Хозяин замка поднял на кипчака потухший взор. Хубасар продолжал молчать. Потом его губы медленно разжались:

— Иванэ, тебя ждет великий государь. Едем.

Орбели умоляюще посмотрел на суровое лицо старого воителя. Тихо произнес, показывая рукой на безмолвного Смбата:

— А с ним и сородичами моими как поступишь, мой Хубасар?

— Возьмем под стражу, как мятежников! — отрезал кипчак.

Иванэ вздохнул. С трудом встав с кресла с помощью сына, он неверной походкой двинулся к выходу. За ним неотступно шел Хубасар.

...Передняя половина обширного царского шатра была заполнена военачальниками и придворными. Внезапно весь шатер облетел громкий шепот:

— Привезли...

Полог шатра откинулся. Дряхлый старик еле брел по проходу среди расступившихся царедворцев. Он ли это — гордый владетель Орбели, недавний глава всей знати Картли? Оставив Иванэ стоять посередине шатра, кипчак с озабоченным видом прошел на царскую половину. Шепот в палатке усиливался. Орбели стоял с поникшей головой. Кругом толпились сторонники мятежа, ныне прощенные царем Георгием и даже осыпанные наградами за измену — за счет его, Орбели, сокровищ! Некоторые почти вслух обменивались язвительными замечаниями по адресу старика. Скорбно опустив к земле голову, Иванэ ничего не замечал, погруженный в тяжелые думы.

В шатер вошел царь Георгий в сопровождении Хубасара. Орбели молча упал на колени.

— Поднимите старика! — раздался резкий голос царя.

Даже подавив мятеж, Георгий все-таки остерегался слишком унижать Иванэ Орбели в присутствии всей знати, долгие годы считавшей его своим вождем, и вначале обошелся с ним довольно милостиво...

Поздно ночью при свете смоляных факелов из Лорийского замка двинулось печальное шествие. Скованные попарно, из крепостных ворот вышли многочисленные родичи и вассалы княжеского дома Орбели. Их окружала цепь конных кипчаков. Процессия медленно двинулась по дороге к цитадели Самшвилде, в которой пленникам предстояло находиться в заключении до судебного решения. Княгиня Русудан и Маринэ временно поместили в Зеленом монастыре, в окрестностях города, а Демну, утешая в дороге обещаниями царской милости, в крепость Кледкари отвез сам Чиабер. Вскоре туда же привезли под усиленной охраной и тестя царевича — старого Иванэ.

Следствие по делу Орбели велось без перерыва, днем и ночью. Таково было приказание царя Георгия. Вина князя Иванэ и его многочисленных родичей представлялась неопровержимой. Но феодальные мятежи были нередки в средневековой Грузии и обычно заканчивались ссылкой виновных за пределы царства. Сторонники Иванэ (тайные и явные) уже стали надеяться, что дело обойдется без тяжелых наказаний по суду, когда в Тбилиси прибыл Кулихан.

Крупный купец и тайный лазутчик тбилисского двора в Тавризе, Кулихан ради денег мог продать и родного отца. Беседа его с Саварсалидзе была долгой и закончилась тем, что начальнику царской разведки пришлось опустошить всю свою тайную казну. Но выкраденные у беспечного тавризского везира документы — подлинники челобитной и подписанного Липаритом Орбели соглашения с атабеком Мухаммедом Пахлеваном — того стоили.

Прочитав доставленные из Тавриза документы, царь Георгий изменился в лице. Он не мог даже представить, какая грозила ему опасность! С подходом многочисленных войск атабека часть вероломных князей снова перевернулась бы на сторону врагов. И еще неизвестно, на чьей

стороне была бы тогда победа... Царь вызвал в Исанский дворец преосвященного Антония и приказал немедленно назначить заседание великого совета.

Коронный совет собрался в новом составе: амирспасаларом уже был Хубасар, министром двора — Афридон, а министром финансов — Хутлу-Арслан. Министром внутренних дел, в награду за его несомненные заслуги, назначили Чиабера. Азнаур из Жинвани сумел передать в руки царя Георгия главную ставку борьбы за власть в Грузии — Демну! Впервые наблюдался в Картли подобный состав правительства. Со скрежетом зубовым родовитая знать называла его «худородной» властью. Но разгром мятежа Орбели был полным, сам главарь сидел под крепким замком в подвале Клде-карской крепости, по соседству со своим зятем. А полки Кызыл-Арслана вернулись в Тавриз... С царем Георгием бороться сейчас было невозможно.

На совет были приглашены — властитель рачинский Кахабер Кахаберидзе, владетель Эгриси Вардан Дадиани, цхумский эристав Отаго Чачба-Шервашидзе и Рати Сурамели, не принимавшие участие в мятеже мтаваров. Председательствовал, с трудом скрывая тревогу, преосвященный Антоний Глониставидзе. До заседания у него был крупный разговор с католикосом Микаэлом, которого царь Георгий запретил приглашать на совет, памятуя его двойственную роль во время восстания Орбели. Злопамятный святитель не забыл оскорбления и ждал только случая отомстить.

Рассказав подробно о мятеже, царь остановился и стал искать кого-то глазами. Нетерпеливо спросил у председательствующего:

— Где же эджиб Саварсалидзе? Почему не прибыл на совет?

В дверях зала заседания показался худой, изможденный человек на костылях. Начальник царской разведки ходил уже с трудом. В руках Саварсалидзе была кожаная сумка.

Царь с удовлетворенным видом снова обратился к собранию:

— Дидебулы, отцы и вазирь Картли! Сейчас по моему приказанию эджиб Саварсалидзе зачет вам полученные из Тавриза письменные доказательства измены презренного Иванэ Орбели и его сообщников.

Когда Заал кончил читать слабым прерывающимся голосом добытые Кулиханом документы, в зале наступило гробовое молчание.

Прервав тишину, царь Георгий громко произнес:

— Вопрошаю вас, господа, какой кары заслуживает государственный изменник князь Иванэ Орбели?

Молчание.

Гнев царя нарастал. Даже в обновленном составе коронный совет колебался осудить виновного дидебула! Понятно, что вазирь-кипчаки — люди новые — остерегаются выступить первыми против Иванэ Орбели. Чиабер всегда отличался трусостью... Ну, а остальные?

Но вот взял слово владетель Рачи — высокородный Кахабер Кахаберидзе:

— Великий государь! Господа дидебулы, отцы и вазирь! Долголетняя братская дружба соединяла меня с князем Иванэ, и не раз бились мы с ним бок о бок в битвах против врагов царства картлийского. Но сегодня я говорю: все можно ему простить... Даже мятеж! Но то, что Иванэ Орбели, наследственный амирспасалар и дидебул Картли, не постыдился для своего спасения натравить старинного врага на родину, со спокойной совестью отдавал картлийские города и села на позор и разграбление свирепых полчищ, — этого ему простить нельзя! Я сказал.

— Чего же заслуживает Иванэ, князь Кахабер? Казни? — спросил с места Георгий.

— Да, государь, казни, — дрогнувшим голосом ответил Кахаберидзе.

По залу пронесся шепот. Царь Георгий торжествующе оглядел собрание:

— Вы слышали, господа, что сказал достойный властитель Рачи? Вы знаете, я не трогаю мтаваров, если они спокойно сидят в своих владениях и верно служат царю, народу картлийскому. Но гнилые корни мятежа я вырву целиком, без остатка! Довольно мы терпели мятежный род Орбели — смертной казни заслужил бесчестный Иванэ и все его преступные сородичи!

Совет продолжал безмолвствовать.

Георгий встал с трона. Обращаясь к архиепископу Антонию, он властно повелел:

— Высокопреосвященный, завтра вручишь мне на утверждение решение совета!

Главный царский писец Эстатэ получил от начальника канцелярии черновик указа с приговором по делу Орбели. Выбрав велень из тонкой телячьей шкуры (такой пергамент отличался лучшей выделкой и не так быстро желтел), писец тщательно очинил тростниковый калам¹, обмакнул в чернильницу и старательно вывел четким почерком первые строки царского указа:

«Волею божьей, мы, украшенные скипетром, пурпуром и царской короной, потомок Давида, Соломона и Панкрата, Георгий Багратуниани, царь абхазов и грузин, ранов, кахов и армян, ширваншах и шахиншах, держатель всего Востока и Запада, издали указ сей в год царствования нашего 23-й, когда по побуждению и помышлению бесовских сил стоворились между собой на измену нам некоторые мтавары и азнауры, отклонив от нас племянника нашего и причинив нам бедствия многия. Но милостивый господь, не забывающий свои творения, обратил впустую заговор их, разрушив всю его силу и рассеяв их...»

Любопытство превозмогло, и писец, отложив калам, стал читать дальше черновик указа. Дойдя до конца бумаги, чувствительный писец задрожал всем телом — таким ужасом повеяло от кровавых строк! Отпив для успокоения воды из глиняного кувшинчика, Эстатэ засел за переписку страшного указа.

После коронного совета Чиабера вызвали в Исанский дворец. Потупив колючий взор, он стоял посередине кабинета в ожидании державного слова. Умному царедворцу было не по себе: Чиабер отлично сознавал, что вознесенному (сверх ожидания!) человеку надобно с первых же шагов оправдать свое высокое назначение. Недаром в царской приемной язвительный Саварсалидзе, которого по-прежнему побаивался бывший азнаур из Жинвани, процедил сквозь зубы:

— Посмотрим, батону Чиабер, каков ты окажешься на новом месте! Вазиром быть — не ленивых царевичей воспитывать...

Царь сидел в домашнем кафтане за столом, покры-

¹ Калам — тростниковое перо (перс.).

тым парчовой скатертью, и, не глядя на вазира, отрывисто бросил:

— Что еще говорит изменник Иванэ?

Чиабер побледнел — этого-то вопроса он и опасался: по окончании судебного следствия, не давшего ничего существенно нового, Иванэ Орбели передали в ведение вазира внутренних дел. Не поднимая глаз, Чиабер невнятно пробормотал:

— Он упорно молчит, великий государь!

— Как! Предатель все еще не признается в своих злодеяниях? — возмутился Георгий III. — И вы не добились его письменного признания? Разве не он первым из дидебулов предложил постричь меня в монахи? И не он послал эристава Липарита в Тавриз за помощью?

— Старик все это отрицает, говорит, что он повинен лишь в мятеже, да и то, мол, защищая права законного наследника престола, — упавшим голосом пролепетал Чиабер.

— Законного? — грозно крикнул царь, стукнув кулаком по столу. — Да как язык твой повернулся повторить мне в лицо гнусный навет? Берегись, как бы и тебе не попасть в подземелья Клде-кари рядом с Иванэ! Предупреждаю, если через два дня на этом столе не будет лежать признание Орбели, я не пощажу тебя... А узников всех переведите в Самшвилде — там будет их казнь!

Попытавшись от волнения, вышел новый вазир из царского кабинета. Приемная, на его счастье, оказалась пустой — никто не увидел смятения сановника. Чиабер бросился к выходу. Сев на коня, с ходу поднял его в галоп и, в сопровождении эскорта кипчаков, поскакал по Самшвилдской дороге.

Комендант Клде-карской крепости был дальним родичем князей Орбели, а в окрестностях горной твердыни было немало бывших сторонников мятежа. Они и сообщили Иванэ, кто сумел сманить доверчивого царевича из Лорийского замка, о появлении тавризской конницы на границе Грузии и о последующем спешном отступлении без боя.

«Проклятый Демна! — сжимая кулаки, гневно шептал старый воитель. — Атабек Мухаммед все-таки внял нашей мольбе, двинул полки на выручку... и все

рухнуло из-за одного труса!» Тут мысли узника невольно перенеслись на любимого сына — храбреца Смба́та: «Преступный отец! Как ты мог втянуть в столь ненадежное дело прекрасного юношу, не послал его в Константинополь или, в крайнем случае — с Липаритом в Тавриз?»

Тайные доброжелатели князя Иванэ, однако, не успели проведать ни о приезде Кулихана с обличающими документами, ни о решении дарбази. Заботясь о своем бывшем главаре, они прислали записку, в которой сообщали, что, по толкованию тбилисских ученых-законоведов, «ни один дидебул не может быть приговорен к смертной казни, если собственноручно не подпишет признания своей вины». Записка обрадовала Иванэ: он решил продолжать все отрицать, кроме самого мятежа. В первую очередь следовало отвести главное обвинение — приглашение тавризских войск в Грузию, — сие являлось прямой государственной изменой. «Брат Липарит — вне досягаемости царя Георгия, пусть он и отвечает перед царским судом заочно! — думал Иванэ. Приняв такое решение, старый князь повеселел и даже позволил себе шутить с тюремщиком, когда тот принес ему скудный обед:

— Ну как, Мамбрэ, долго ли вы будете держать нас без вина и пашлыков, скажи?

Тюремщик широко осклабился.

— Э, батано, бог всегда милостив к вельможам! Может быть, придется и тебе пожить немного на чужбине, как это часто бывает после ваших княжеских мятежей; а там, смотришь, и помилует наш мепе¹, разрешит вернуться в Лори!

— Дай-то бог!

Ночью Иванэ разбудил грубый толчок в бок, в глаза ударил свет. Он приподнялся, удивленный, на своем соломенном ложе. Перед ним, в темной кольчуге и меховой рысьей шапке, стоял незнакомый кипчакский сотник. Сзади виднелись фигуры факелоносцев и замкового кузнеца с кандалами.

— Вставай, надо ехать!

Кузнец ловко заковал руки Иванэ в кандалы, и кипчак, взявшись за конец цепи, повел старика по подземным переходам наверх. На обширном крепостном дворе

¹ Мепе — царь (груз.).

Иванэ увидел толпу заключенных в кольце стрелков с зажженными факелами.

— Сambat! — старческим голосом выкрикнул Иванэ.

Сотник не допустил, однако, отца к сыну. Потянув за цепь, он приказал:

— Садись на коня, старик! Живо!

Звения оковами, в багровом дымном свете смоляных факелов, узники вышли из крепостных ворот, исчезли в темноте.

В Самшвилде старого князя поместили на самом вер-ху главной башни цитадели. Оттуда, с огромной высоты, Иванэ мог наблюдать за городской повседневной жизнью... Сейчас город спал. Изредка до верха башни доносился лай собак да внизу, в ущелье, глухо рокотала река. Резкий ночной ветер порывисто врывался в узкую бойницу, по темному небу проносились редкие облака, скупо освещенные ущербной луной.

• «Самшвилде! Жемчужина моих владений! Кому теперь ты достанешься?» — с горечью размышлял Орбели. Главные доходы его полуцарских владений приносили именно торговые города — Лори, Самшвилде, Думаниси и другие. Порой ему казалось, что никогда он не был амирспасаларом Картли, не водил славные грузинские полки от победы к победе и не был признанным вождем знати, а всю жизнь провел жалким узником в сырой темнице...

На крутой каменной лестнице послышались тяжелые шаги, и чей-то очень знакомый голос повелительно крикнул:

— Открывай дверь! Да поживей, ленивый буйвол!

Со ржавым скрипом ключ повернулся в замке, и дверь распахнулась настежь. На пороге, в дорогом придворном кафтане, стоял воспитатель царевича Демны и улыбался.

— Чиабер! — отшатнулся с омерзением Орбели.

— Да, батано Иванэ. Это я. Весь к твоим услугам! — дружески протянул руку Чиабер. — Но что я вижу: кто посмел наложить грязную лапу на дидебула Картли, заковать его в цепи? Гей, люди!

Как будто дожидаясь сигнала, вся узкая лестница вдруг заполнилась. Тюремщики тащили небольшой трехногий стол, покрытый скатертью, кувшин с вином, шампуры с нанизанным мясом; сзади кузнец побрякивал

клещами, он быстро расковал кандалы у ошеломленного Иванэ.

— Не обессудь, батоно, поужинаем с тобой чем бог послал! — с чарующей улыбкой произнес Чиабер. — А потом побеседуем с глазу на глаз.

Тюремщиков как ветром смело. Разлив вино по кубкам, Чиабер с чувством произнес здравицу.

— Кто ты теперь? — прошептал Иванэ.

— Э, ничего особенного — только царский вазир! — небрежно бросил Чиабер.

— Ты — вазир? Неплохо же оплачивает царь Георгий предателей! — не выдержал Орбели и поставил кубок нетронутым на стол.

Чиабер печально покачал головой.

— Вот так неразумные люди теряют своих лучших благожелателей и подставляют свою голову под топор. Пойми, батоно, спасти тебя и род весь твой великий хочу я. Грозен гнев государев и трудно, ох как трудно будет отвести его от тебя! Но бог милостив, и самому законелому грешнику не заказан вход в райские кущи. Но, согрешив, надо покаяться, учит святая наша церковь, иначе «несть спасения ни для души, ни для тела». А посему — выпей сей кубок, батоно, в вине — вся мудрость, говорит народная пословица, — и поразмыслим, чем можно помочь в твоей беде.

— Что же ты предлагаешь? — осушив кубок, более спокойно спросил Орбели. Оглянувшись по сторонам, Чиабер зашептал:

— Надо тебе прежнее царское доверие восстановить... чистосердечным признанием, как на духу!

Что-то фальшивое послышалось в голосе бывшего царского воспитателя. Но у Орбели не было другого выхода. Надо было спасти семью! Он горячо заговорил:

— Я во всем признался, батоно Чиабер! Да, я виновен, что поднял меч против своего государя, и готов понести наказание. Но дети мой невиновны — разве они могли пойти против отцовской воли? Пусть царь испытает меня на полях сражений против врагов Картли...

— Не против ли атабека Мухаммеда? — И впервые за вечер Чиабер поднял тяжелые веки над серыми колючими глазами.

«Все известно проклятому!» — со страхом подумал Орбели и опустил седую голову без ответа.

— Подумай, батоно, над моим предложением! — вкрадчиво говорил вазир. — Спасение твое и твоих родителей — в твоих же руках, но завтра я тебе покажу кое-какие документы. Доброй ночи!

И Чиабер исчез за дверь, оставив узника в тяжелом раздумье.

На следующий день громко загремел замок и в камеру вошел комендант цитадели — наш знакомец азнаур Шабурдан. Он еще не сдал должности и не уехал в пожалованное имение Кахети. Облобызав руку старого патрона и пролив слезу над его несчастиями, Шабурдан с великим бережением проводил князя вниз, где его уже дожидался Чиабер. В светлице на столе перед вазиром лежали какие-то пергаментные листы.

— Вот, батоно Иванэ, те документы, которые я обещал тебе показать. Прежде чем попасть в наши руки, они побывали в Тавризском дворце. На них твоя именная печать, князь!

И он протянул первый лист похолодевшему от тревоги Иванэ.

— Ваша челобитная. В ней вы просите — ты и твой высокородный брат эристав эриставов Липарит — помощи и спасения у атабека Мухаммеда Пахлевана против нашего государя Георгия Отважного, — смакуя подробности, излагал Чиабер содержание бумаги. — А этот лист — изменнический договор, который подписал князь Липарит с тавризским диваном, утвержденный атабеком. Шестьдесят тысяч всадников двинулись по этому соглашению на Грузию, но, хвала богу, опоздали! — заметил вазир, скромно умолчав о своей роли в этом деле.

Иванэ остолбенело смотрел на пергамент: «Сомнения нет — и текст, и печать, и подпись брата — все подлинное! Но откуда мог их заполучить Чиабер?» Тут Орбели вспомнил о Саварсалидзе и его проводчиках в Тавризе. Усталым жестом опустив листы на стол, он нарочито равнодушно молвил:

— Да, везде подпись брата Липарита, с него и спрашивайте!

«Эге, вот куда ты метнул, старик!» — подумал Чиабер и задал вопрос:

— Ну, а все-таки, откуда оказалась твоя печать у Липарита?

— Ее взял брат без моего ведома! — окончательно запутался Иванэ. — «Господи, господи, только бы детей спасти!..»

— И на этом ты можешь крест целовать? — усмехнулся вазир.

— Да.

Вазир рассмеялся дробным смехом:

— Ну, в наше-то время крестоцелование не многого стоит, перестали люди гнева господнего опасаться! Но у меня есть для тебя кое-что получше... Вечером снова встретимся, князь. В другом месте!

Не раз посещал Самшвилдскую цитадель ее грозный владелец и хорошо знал все помещения обширной твердыни. Здесь некогда хранились сокровища богатейшего рода Орбели, а в глубоких подвалах томились преступники и смутьяны. Но когда тюремщик ввел князя Иванэ в глубокий подземный зал, необычайное зрелище его поразило. Огромное подземелье далеко протянулось под крепостными зданиями; на его каменных стенах во многих местах проступали зеленые пятна сырости. Дымно чадили смоляные факелы, прикрепленные железными скобами к толстым колоннам, своим кровавым светом озаряя низкие своды. В дальнем конце зала стояла группа людей; кожаные передники и большие ножи у пояса придавали им вид обычных мясников. «Но откуда столько палачей нагнал подлый Чиабер, их не было в Самшвилде! Верно, прислали из Тбилиси...» — промелькнуло в разгоряченном мозгу. Холодный пот выступил на лбу узника, когда он огляделся по сторонам. С потолка свешивались веревочные петли, большой железный крюк с темными кровавыми пятнами. На толстом бревне в образцовом порядке были разложены прочие орудия пытки. В углу помощник палача усердно раздувал большой мангал — там на раскаленных добела углях лежали большие клещи.

— Сюда, поближе!

Чиабер сидел в кресле строгий, подтянутый, в длинном черном кафтане и мерлушковой шапке на голове. На дубовом столе перед ним стоял медный шандал. Тусклый свет восковых свечей отбрасывал блики на листы пергамента, на пенал с каламами и небольшой чернильницей. Рядом с вазиром на скамье примостился низень-

кий писец с лисьей мордочкой — ему надлежало вести запись допроса.

— Стань передо мной, Иванэ, сын Смбата, и отвечай нелживо на вопросы, — продолжал бесстрастным голосом Чиабер. — Записывай, Петре!.. Вопрос первый: Иванэ, сын Смбата, признаешь ли себя виновным в том, что, по побуждению дьявольскому и осуществляя давно задуманное зло, ты подговорил некоторых мтаваров и азнауров на мятеж против украшенного скипетром, пурпуром и короной повелителя Востока и Запада царя царей Георгия Багратуниани, тем самым причинив нам великие бедствия?

— Да, признаю! — понурив голову, ответил Иванэ.

— Вопрос второй: Иванэ, сын Смбата, признаешь ли себя виновным в том, что, презрев клятву и уподобившись Каину и Иуде, ты призвал на помощь мусульманские войска из Тавриза, тем самым обрекая царство наше на разграбление и многих подданных наших на смерть?

— Нет, не признаю! — твердо ответил Орбели.

Чиабер откинулся в кресле:

— Опять упорствуешь, Иванэ! Но посмотрим, что ты сейчас запоешь, старый упрямец.

К старшему палачу:

— Введите преступников.

Иванэ весь затрясся от жалости и гнева, когда увидел, как из глубины подземелья палачи вытянули его троих сыновей. Изможденные лишениями зимней осады и долгого тюремного заключения, закутанные в лохмотья, они еле держались на ногах.

— Начнем, пожалуй, с Симоника — он самый младший, — с усмешкой произнес Чиабер. — Для начала — дюжина плетей!

Старший палач поднес на руках юношу к дыбе, ловко захлестнул петлю на кистях рук и подал знак помощнику. Тот завертел колесо ворота, и княжич поднялся на локоть от пола. Одним движением толстого пальца палач разорвал ветхий кафтан с ворота до низу и, отбросив одежду в сторону, оголил тело княжича, затем сильно дернул его за ноги. Симоник безжизненно повис на дыбе. Взяв в руки длинный бич из буйволиной кожи, палач нанес первый удар. Кровавый рубец пересек наискосок худую спину. Снова удар, еще... Симоник захлебнулся в детском плаче:

— Батюшка, спаси!

Иванэ кинулся было к сыну, но два дюжих палача грубо отбросили его назад. Чиабер недовольно покачал головой:

— Теперь давайте на дыбу второго княжича, вон того! — показал пальцем на Кавтара. Обращаясь к Иванэ, он сказал укоризненно: — Сам видишь, Иванэ, к чему приводит твое ослиное упрямство — губишь и себя и детей!

Чиабер странным взглядом смотрел на княжичей, залитых кровью. Совсем недавно в Лорийском замке он обучал их грамоте вместе с царевичем Демной, водил на прогулку, купал в замковой бане, а сейчас... Демна томится в темнице, ожидая приговор, а он, Чиабер, велит терзать палачам нежные юношеские тела... Очнувшись, бросил:

— Хватит с этих сосунков! Ты все молчишь, Иванэ, не жалко сыновей! — И, махнув рукой, отдал новое приказание:

— Подвесить повыше старика... вместе с первенцем!

Обнаженное старческое тело князя Иванэ вытянулось на дыбе. Рядом с ним висел нагой Смбат. Чиабер, с загоревшимся взором, крикнул:

— В последний раз спрашиваю тебя, Иванэ, почто зло умыслил на государя своего, врагов вызвал против нашего царства?

Иванэ гордо поднял седую голову:

— Почто, спрашиваешь, убийца? Пиши, писец, все пиши. Я, амирспасалар Иванэ, сын великого Смбата, поднял меч на узурпатора Георгия за права законного наследника престола царевича Демны Багратуниани! Грузия слишком благородное государство, чтобы сажать на трон девчонку!

Вазир зашелся от ярости. Выхватив кнут из рук палача, он наотмашь хлестнул старого князя по лицу:

— На, получай!

К палачам:

— Огня под ноги! Выжигайте кресты у хриstopродавцев!

Палачи быстро поднесли на жаровнях горящие угли под ноги обоих Орбели. Потом один из них раскаленным добела железным прутом провел по мускулистой спине Смбата. В воздухе запахло горелым мясом. Смбат глухо

застонал. Старик шептал молитву, вперив полные слез глаза в своего любимца.

— Мы сейчас из твоего сынка евнуха сделаем! — хрипел Чиабер. — А тогда и царская милость тебе не поможет, поздно будет, старый осел!

Старший палач выхватил из мангала раскаленные клещи и вплотную подошел к обнаженному княжичу, оглянувшись — ждал знака. Смбат закрыл глаза.

— Стойте, палачи! — с обезумевшими глазами выдохнул Иванэ. — Снимите меня с дыбы — я все подпишу!..

Предутренний туман, клубясь, медленно втекал в подземелье через окошко с толстой железной решеткой. Усталые палачи равнодушно поглядывали на валявшиеся на полу окровавленные тела, слегка прикрытые дерюгой. Их мускулистые, волосатые руки по локоть были забрызганы кровью, и они не спеша вытирали их паклей. Чиабер бросил острый взгляд на лежащего без сознания князя Орбели и, встав с кресла, прошелся по подземелью. Его огромная тень, подобная нетопырю, медленно ползла по серой стене. Вернувшись на место, вазир придвинул к себе шандал и стал перечитывать записи допроса. В низу последнего листа стояла подпись Иванэ Орбели. Царь мог быть доволен началом работы своего министра.

Хмурым утром на торговой площади заревели трубы. Городская стража, расталкивая зевак, стала очищать площадь, прибывшие кипчакские всадники оцепили площадь со всех сторон. Позади всадников уже теснилась толпа в ожидании небывалого зрелища — казни надменных хозяев города.

Цитадель темной громадой нависала над площадью. Снова пророкотали трубы, и на крепостной стене появилась группа людей в расшитых золотом и серебром одеждах — царь, сановники двора, военачальники. Сильный ветер хлопал полотнищем огромного знамени Багратидов, развевающимся на главной крепостной башне. В воротах поднялась железная решетка, раздвинулись створки и показалось шествие. Впереди в кожаных доспехах и красных колпаках, с блестящими широколезвийными топорами на плечах, шли царские палачи. За ними брела длинная вереница осужденных членов рода Орбели. По обеим сторонам шагали копейщики, держа пики наперевес.

Двое палачей вели под руки князя Иванэ. Разодранная одежда его была в кровавых пятнах, он еле передвигал израненные ноги. Увидав главу славного рода истерзанного пыткой, влекомого палачами, все Орбели поняли: пришел конец!

Руководство казнями было возложено на Аффридона. Министр внутренних дел Чиабер сказался больным — он не любил таких зрелищ... С трудом удерживая на месте раскормленного коня, Аффридон поднял взгляд на крепостную стену, где стоял Георгий. Высоко вскинул руку со свернутым в трубку пергаментом. Читать приговора не стал — царь уже резко поднял и опустил руку.

Казнь началась.

Пару за парой подводили членов рода Орбели к плахе. Сверкал в воздухе топор, падали головы. Подручные палачи оттаскивали обезглавленные тела в сторону, сваливали в общую кучу. Из-под наваленных человеческих тел растекались по настилу площади кровавые ручьи...

Дюжие палачи крепко держали под руку князя Иванэ, не давая ему сползти на землю. Воспаленными глазами смотрел старый дидебул на гибель рода. Губы его беспрестанно шептали молитву. Но вот к плахе подвели молодого красавца. Смбат шел твердой поступью, гордо поднимая голову. Из толпы слышались сочувственные возгласы, заплакали, запричитали женские голоса. Седая голова князя Иванэ мелко затряслась, он весь подался вперед, вырываясь из рук палачей, как бы стремясь к любимому сыну. Но топор уже сверкнул. Красивая голова Смбата упала на мокрые от крови камни мостовой.

Аффридон оглянулся на старого князя и сделал знак в сторону. Из-за стены появились новые палачи с большой жаровней в руках. Иванэ поставили на колени и оттянули назад руки. Подручный палач схватил за седые волосы. Главный палач быстрым движением выжег старику глаза.

Царь Георгий до конца бесстрастно наблюдал за ходом казни. А тысячная толпа, подавленная созерцанием долгой кровавой расправы, по окончании молча стала расходиться с залитой кровью площади...

Заал Саварсалидзе окончательно слег. Неукротимый дух пребывал, однако, в его теле, изглоданном смертель-

ной болезнью, и министру двора Аффридону то и дело приходилось ездить за советами на дом к умирающему эджибу.

Сегодня оба царских сановника решали вопрос перво-степенной государственной важности — участь царевича Демны, который продолжал томиться в Клде-карской крепости в ожидании приговора.

Приговор был утвержден царем Георгием, надо было приводить его в исполнение. Чиаберу нельзя поручать такое дело — все-таки он был воспитателем Демны. Царь хотел назначить исполнителем Заала Саварсалидзе, но тот был уже не жилец на этом свете. Оставался сам Аффридон, и это возмущало незлого по натуре кипчака, который никак не мог прийти в себя после массовых казней в Самшвилде.

Саварсалидзе умел читать чужие мысли и превыше всего ставил государственные интересы. Слабым голосом он убеждал министра двора:

— Царевич изнежен, слаб здоровьем. Осада, тюрьма отняли его последние силы. Все согласятся, что не мог он выдержать сие!

Черные глаза Аффридона смотрели угрюмо. Пощипывая редкую бороду, кипчак молчал.

— Поверь, патроно Аффридон, так лучше будет. Если злосчастный царевич останется жив, не будет нам покоя от князей... — настаивал Заал.

Аффридон вскочил со скамьи и, не попрощавшись с эджибом, ускакал в Исани. Немилосердно нахлестывая плетью коня, гневно бормотал: «Пусть этот издыхающий царский пес не рассчитывает на меня... Больше того, что написано в приговоре, я не выполню, провались все они к сатане!»

Демна давно уже потерял счет дням в своей темнице. О гибели рода Орбели ему сообщили сердобольные тюремщики, которые в общем хорошо относились к несчастному царевичу. Но и они ничего не знали о судьбе обеих княгинь. С тоской смотрел Демна через толстую решетку тюремного оконца на пламенеющий над горным хребтом закат. Предчувствие чего-то ужасного не покидало его, хотя Демна старался не думать о мрачном будущем.

Вечерело. Мрак сгустился по углам тюремной камеры. На небе замерцали первые звезды. Скоро тюремщики при-

несут скудный ужин. А там потянется нескончаемая ночь...

Загремели тяжелые засовы, со скрипом отворилась железная дверь. В темницу вошла группа людей в черных бурках, с окутанными башлыками лицами. Один из вошедших держал в руках большой потайной фонарь. Демна с испугом обернулся. Перед ним стоял хорошо ему известный по былым царским приемам приближенный дяди — кипчак Аффридон. Загремев оковами, Демна с надеждой потянулся к нему, широко раскрыв молящие глаза. Аффридон отступил на шаг назад и срывающимся голосом произнес:

— Царевич, выслушай волю царя царей!

Демна замер на соломе. Слабо звякнули оковы. Вот он, последний час смертного приговора!

— По решению Сааджо-Кари¹ ты приговорен за измену и мятеж к смертной казни. Но по неизреченной милости божьей и безграничному милосердию царя Георгия Великого тебе оставлена и сохранена жизнь. Только...

Не дослушав последнего слова, Демна обрадованно перебил кипчака:

— Когда же меня из темницы выпустят? Ведь дядя обещал...

Аффридон продолжал с усилием:

— Молись богу, царевич! Побольше молись. Я подожду.

Демну передернуло от этих слов. Он горестно закричал:

— О чем мне еще молиться? Я и так все дни и ночи в молитвах! Ты ведь сказал — жизнь мне сохранят!

Аффридон угрюмо проговорил:

— Приказано ослепить тебя, царевич, и... — кипчак с трудом закончил: — ...оскопить.

Демна наконец понял. Закрыв глаза ладонями, он долго молчал. Кипчак терпеливо стоял, ожидая. В темнице было слышно лишь прерывистое дыхание царевича. Но вот исхудалое тело в лохмотьях выпрямилось.

— Расчищаете Тамар дорогу к трону? Что ж, убивайте!

Аффридон сделал знак и отвернулся лицом к стене.

¹ Верховный суд в средневековой Грузии.

Двое в черных бурках бросились к царевичу и грубо повалили на солому...

В Зеленом монастыре несчастная Маринэ оставалась недолго. Накануне казни ее близких в келью, где она находилась под неусыпным наблюдением добродушной толстой инокини, вошла настоятельница обители. Немало добра в свое время перепало в цепкие руки матери Саломэ от княжеского рода Орбели. Игуменья этого не забывала. Но, осторожности ради, была внешне строга с узницами-княгинями.

— Собирайся в дорогу, княжна!

Мать Саломэ как бы не знала о браке Маринэ с царевичем Демной. Взглянув на измученное лицо молодой женщины, игуменья ласково погладила ее по плечу. С жалостью добавила:

— Не горюй, госпожа, бог милостив! — И заторопилась к выходу, бросив на ходу толстой монахине: — Собрешь на дорогу все, что нужно! Сегодня вечером заедут за княжной...

В тряской арбе, прикрытой сверху пестрыми паласами, вывезли ночью из монастыря Маринэ. Рядом с ней сидела незнакомая молчаливая монахиня из далекого монастыря. Окружив кольцом повозку, ехали угрюмые всадники-кипчаки. Двигались по ночам, останавливаясь днем на отдых в уединенных жилищах или просто в лесу. К арбе никого не подпускали. На четвертый день прибыли к месту назначения.

Высоко в горах, среди лесов, запрятан небольшой женский монастырь св. Шушаник. Настоятельница — старая женщина с ястребиным лицом — молча оглядела узницу и коротко распорядилась отвести ее в келью, где ей надлежало пребывать. Так прошла неделя, и в монастырь приехала сама царица Русудан.

— Отец твой, несчастный мятежник Иванэ, преставился. — И Русудан широко перекрестилась. — Знамение Христа да будет ему ходатаем перед лицом господина бога всеблагого и всемилостивого. Да простятся ему все грехи вольные и невольные, все преступные деяния его!

Встреча происходила в келье матери-настоятельницы, которой царица приказала выйти вон. Русудан сидела в кресле прямая, благостная, в царском одеянии. Маринэ, опустив потухшие синие глаза, казавшиеся еще больше

на исхудалом, прекрасном лице, в черной одежде послушницы, стояла босая на каменном полу.

От слов царицы Маринэ качнуло. Ухватившись за стену, она смиренно прошептала:

— А муж мой, великая государыня... жив он?

Царица недобро усмехнулась:

— Выкинь его из головы, Маринэ! Теперь твой жених — Христос!

— Он все-таки жив, великая царица? — осмелилась еще раз спросить Маринэ.

Повернувшись всем телом к маленькой фигурке в черном, царица холодно отчеканила:

— Да, жив. В вечном заключении в крепости... Слепой и скопец!.. Теперь тебе понятно?

— А-ах! — вырвалось у Маринэ. Она без чувств упала на пол.

Вбежала встревоженная мать-настоятельница.

— Унесите ее в келью. Вечером постриг над ней совершит преосвященный Антоний! — не повышая голоса, распорядилась Русудан.

Приехавший с сестрой царя архиепископ Кутаисский Антоний Сагиридзе в тот же вечер совершил обряд пострижения над женою царевича Демны,

Г л а в а XXI

КОРОНОВАНИЕ СОПРАВИТЕЛЬНИЦЫ

Католикос Микаэл вернулся из Гелати и тотчас, без ведома и согласия царя, собрал церковный собор. В награду за свое далеко не дружественное воздержание от участия в княжеском мятеже отцы церкви, с елейными улыбками и бесконечными ссылками на писание, добивались полного снятия налогов с церковных владений. Наряду с этим они потребовали восстановления главой коронного совета того же Микаэла Мирианидзе. После только что происшедшей смуты спорить с церковниками царю было трудно. Нужно было думать и о будущем Тамар. Пришлось уступить.

Георгий отплевывался, вспоминая высокопарные выражения, уснастившие царский указ о привилегиях для церкви: «...Для возвеличения божественности, для благо-

получного сохранения царства нашего и для духовного спасения нас от страданий в жизни будущей, вспомнили мы о необходимости вызволения и освобождения церквей царства нашего от всяких несправедливых поборов и утеснений...» Злой и расстроенный, царь Георгий уехал из Тбилиси в Начармагеви¹, к жене.

Бурдухан была на сносях и находилась в летней резиденции с повивальными бабками и царицей Русудан. В ожидании родов старая царица не отходила от невестки; немало литий и молебствий было отслужено в церквах, в молитвах и слезах, постясь, испрашивали приближенные у господ бога, дабы он даровал, наконец, наследника престола. Георгию все эти воздыхания надоели, и он отправился в любимый Гегути охотиться, захватив с собой дочь.

Тамар шел четырнадцатый год. Прелестная девочка, показавшаяся небесным видением маленькому горцу в соборе, превратилась в длинноногого подростка. Подурнела лицом. Но не изменились сияющие глаза с длинными ресницами, по-прежнему зорок был пристальный взгляд. Тамар великолепно ездил верхом, без промаха стреляла из своего маленького лука, и царь Георгий охотно гонял с нею оленей.

Все более и более привязывался властитель Грузии к молчаливой сдержанной дочери, с каждой беседой убеждаясь в ее рано созревшем неженском уме. Не в пример придворным девицам, царевна мало интересовалась нарядами и драгоценностями, одевалась очень просто. Но уже к десяти годам Тамар умела хорошо читать и писать. По велению царя лучшие книжники страны стали проходить с Тамар философские и другие науки, обучали ее греческому, древнеармянскому, арабскому и персидскому языкам, стихосложению и истории.

В погожее осеннее утро царь Георгий ехал с Тамар по опушке гегутского леса. Вдали показался дворецкий замок, быстро скачущий навстречу царской кавалькаде.

— Государь, великая госпожа Русудан пожаловать изволила в Гегути...

Георгий сильно встревожился. Почему Русудан сама прибыла в Гегути, оставив Бурдухан одну в такое время? Огрев плетью коня, царь поскакал к охотничьему дворцу.

¹ Летняя резиденция грузинских царей, ныне сел. Каралети в 8 километрах от Гори.

Все стало ясно, когда на широкой каменной террасе Гегутского дворца он увидел сидящую в черном траурном платье сестру. Завидя подъезжающих Георгия и Тамар, Русудан сорвала с себя лечаки¹ и стала рвать волосы и царапать лицо, громко причитая:

— Вай-мэ! Горе, горе дому Багратуниани! Прогневали мы господа бога, согрешили... Опять девочку родила и преставилась наша Бурдухан! Не выдержала родовых мук, несчастная...

Как удар молнии поразила Георгия смерть жены. Рвал на себе бороду и волосы, как ребенок рыдал суровый царь, обняв дочь. Горе его было искренним и глубоким. Вместе с отцом плакала и Тамар.

Девочка побаивалась и никогда не любила тетку. Оставшись сиротой, она еще больше почувствовала свое одиночество и всем сердцем потянулась к отцу.

Но отец постоянно был занят делами царскими. И Тамар оставалась одна со своими недетскими мыслями. Впечатлительная девочка содрогалась, слушая отрывочные слухи об участи несчастного слепца, в строгом заточении пребывающего в Триалетских горах. Шепотом рассказывали дворцовые женщины о красавице Маринэ Орбели, ныне печальной схимнице в далеком монастыре. Пылкому воображению царевны представлялись пустые провалы глазниц двоюродного брата на месте красивых голубых глаз — однажды его видела Тамар на приеме в Исани. Но на робкую мольбу о смягчении наказания молодой пары отец только сердито дернул левый ус и, не сказав ничего дочери в ответ, вышел из покоя.

Георгию уже перевалило за пятьдесят, а в ту бурную эпоху люди были недолговечны. Женщины жили дольше мужчин. Беспрестанные сражения, болезни, которых не умели лечить, а во дворцах подчас и яды приканчивали мужчин.

Когда первое острое горе у Георгия несколько приутихло и срок придворного траура подошел к концу, сестра снова подняла старый вопрос о наследнике. Сидя на террасе Гегутского дворца, Георгий угрюмо смотрел на старую царицу, удивлялся ее настойчивости. Вспомнилось, кстати, что оба мужа Русудан — и великий князь Киевский, и сельджукский султан Санджар — женились на ней

¹ Лечаки — головное покрывало из тонкой ткани (*груз.*).

стариками и через год каждый из них отдал богу душу... Нахмутив брови, он проворчал:

— Довольно об этом! Жениться мне поздно, да и не на ком, кругом одни мусульманки. Даже армянских царевен не осталось. Так о чем же ты хлопчешь, сестра? Лучше поразмыслим, кому престол передавать буду. Демна не жилец на свете, не сегодня-завтра умрет. А больше мужчин у Багратуниани нет. Значит...

— Так что ж, Тамар?! — От ужаса Русудан откинулась на тахте, прикрыв рот рукой.

— Да, Тамар. Одна она осталась из царского рода.

— Но дидебулы никогда не согласятся! И отцы церкви будут против. Не было примеров тому в Картли... — попробовала возразить Русудан.

— Вздор! Заставлю. Сейчас князья приутихли после гибели Орбели. И вместо того чтобы ко мне с женитьбой приставать, ты бы лучше подумала о женихе для Тамар. Я-то давно об этом деле думаю, но ничего не нахожу, — признался Георгий.

Русудан развела руками. Нелегкую задачу задал ей царственный брат. Где искать подходящего супруга четырнадцатилетней племяннице? Чтобы был царского рода и к тому же обязательно православной веры...

А царь наставительно добавил:

— Приедем в Тбилиси, закончится траур, я созову великий совет. Там и договоримся с дидебулами и святыми отцами, чтоб их всех вместе сатана в ад забрал, о венчании Тамар соправительницей. Все мы под богом ходим.

Русудан поникла головой. Брат был совершенно прав. Но от этого положение царствующего дома не улучшалось. Со страхом подумала, что будет в царстве, когда Георгий закроет глаза и Тамар останется одна на троне...

Несмотря на противодействие католикаса Микаэла, на великий совет по распоряжению царя были приглашены видные служилые люди и незнатные военачальники, градоправители и купеческие старейшины. Сообщенные Мхитаром Гошем примеры о царствовавших на Востоке женщинах весьма помогли Георгию. Свою речь царь закончил следующими словами:

— Неисповедимой волей господней единственной представительницей дома Багратуниани ныне оказывается моя

дочь, Тамар. Нет другого лица из древнего дома сего, и посему ныне почитаем мы за благо короновать царевну Тамар в древнем Свети-Цховели сопровительницей нашей и царицей семи царств и испрашиваем на сие благое полезное дело благословение всевышнего и согласие народа картлийского!..

За день до открытия совещания католикоса посетил Чиабер. После длительной беседы наедине с главой церкви министр уехал в Исани с довольным видом. И теперь первым после царя слово взял сам Микаэл. Напомнив присутствующим сановникам и представителям сословий о губельных последствиях мятежа Орбели, о невозможности слепому скопцу Демне выполнять царские обязанности и признав весьма убедительными приведенные благочестивейшим царем Георгием исторические примеры о державных женщинах, католикос в выпретенных выражениях призвал божье благословение на знаменательное начинание, посоветовал не откладывать венчание царственной отроковицы Тамар сопровительницей царской и предложил всем благородным и выборным людям Картли согласиться с сим благом для державы делом.

После столь неожиданного выступления главы церкви — председателя совета никто из дидебулов и духовных пастырей не рискнул возразить, а служилые люди и купечество всегда поддерживали царя Георгия. Еще раз призвав божье благословение на царский дом и весь народ картлийский за благоразумное решение, католикос торжественно закрыл совет.

Хутлу-Арслан только крякнул, когда Чиабер представил счет, во что обошлось согласие церкви на венчание Тамар сопровительницей. Но дело было сделано, и царский казначей со вздохом подписал приказ о выплате денег.

Коронование Тамар привлекло множество народу, все постоянные дворы и дома Мцхета оказались переполненными, приезжие стали размещаться в крытых паласами арбах на полянах в окрестностях.

Погода стояла теплая, солнечная. Отовсюду раздавались звуки зурны, везде разжигали костры и резали баранов. Уже наполовину были опорожнены во здравие новой правительницы бурдюки вина. Бойко торговали пере-

движные лавки, фокусники показывали свое незатейливое искусство, молодежь затевала игры и танцы. В ожидании церемонии народ толпился на узких улицах престольного города.

Князь Мхаргрдзели прибыл с большой свитой вассалов. После назначения сомхитским эриставом он переехал из Хожорни в Лорийский замок. Обширное жилище царственных Кюрикянов более подходило могущественному феодалу, каким стал парон Саргис. Новый амирспасалар Картли, высоко ценивший его военные дарования, добился у царя назначения Саргиса своим заместником и начальником конницы вместо Торели и одновременно правителем важнейшей пограничной области — Сомхити.

Парон Саргис приехал на коронацию со старшим сыном Захарием. Княжичу исполнилось восемнадцать лет, но он почти сравнялся ростом с отцом. Могучая, удивительно соразмерная фигура юноши показывала, что он пошел в своих дедов-гигантов. Вскоре ему предстояло принять участие в походах, показать на деле военную выучку и начать службу в войсках. Парон Саргис с сыном остановились на главной улице у старых мцхетских друзей. Рядом поместился амирспасалар Хубасар со своей свитой. Царь Георгий с дочерью пребывал в патриаршем доме — напротив собора. Коронация была назначена на следующий день.

Солнечным утром, воспользовавшись тем, что отец отправился за распоряжениями по предстоящему смотру войск, Захарий выехал на загородную прогулку. Переправившись через Арагву и поднявшись по крутой горной тропе, княжич придержал коня на небольшой площадке над обрывом. В глубине долины несла свои светлые воды Арагва, сливаясь далее с буро-желтыми волнами Куры; вдали виднелась крепость Бебрисцихе, защищавшая Мцхету с севера. Захарий загляделся на живописную панораму древнего города с его соборами, домами, остатками римского моста через реку и зеленью приречных садов.

Конский топот сверху, со стороны монастыря Джвари, заставил княжича обернуться. К площадке подъезжал всадник на кровном арабском скакуне, одетый в белую черкеску, с белой же папахой на голове. Когда всадник въехал на площадку, Захарий разглядел под папахой худощавое лицо молоденькой девушки. Что-то очень знакомое почудилось Захарью в тонких чертах наездницы. И

вдруг вспомнилось: Сионский собор, пасхальная служба в первый его приезд в Тбилиси...

Быстро спешившись, Захарий сорвал шапку с головы и низко поклонился всаднице, невольно улыбнувшись. Улыбка юноши чем-то не понравилась девушке. Бросив острый взгляд на Захария, она сухо спросила:

— Чему ты смеешься, азнаур?

— Прости, госпожа. Так, своим мыслям...

— И смеешься прямо мне в лицо?!

— Еще раз прости, великая царица.

— Я не царица.

— Завтра ею будешь! — уверенно ответил Захарий.

Глаза у Тamar надменно сузились:

— Ну, раз ты меня узнал, невежливый азнаур, повелеваю тебе объяснить, чему ты смеялся?

Захарий не сводил глаз с царевны. Тamar сидела, выпрямившись в седле, и строго смотрела лучистыми глазами на молодого княжича. Надо было отвечать на вопрос будущей повелительницы Картли.

— Царица, я просто вспомнил случай с одним невежественным подростком с наших гор... Однажды он со своим отцом впервые спустился в Тбилиси и во время пасхальной службы в Сионе узрел некое видение прекрасное около царя. И вот молодому горцу почудилось, что он видит слетевшего с неба ангела...

Тamar закусила губу, небрежно бросила:

— Вот глупый мальчишка! Наверное, ты говоришь о том юнце, что когда-то тарашил глаза на меня в соборе?

— Да, вероятно, царица. Но теперь...

И Захарий, пристально посмотрев на девушку на копе, договорил:

— Теперь глупый мальчишка поумнел и не видит больше ангелов...

Тamar хотела что-то ответить. Но тут из-за поворота на взмыленных скакунах показалась группа женщин. Свита никак не могла угнаться за царевной...

Отъезжая от площадки, Тamar небрежным кивком головы ответила на низкий поклон Захария.

Яркие потоки сентябрьского солнца заливали древний собор Свети-Цховели — великое творение гениального зодчего, выделяя надпись на храмовой стене: «Построен

сей храм святой рукою убогого раба Арсукидзе. Упокой господь душу его». Сладостно пел патриарший хор. Католикос Микаэл, картинно распушив по парчовой мантии большую черную бороду, широкими взмахами золотого креста благословляя молящихся, с великим благолепием вершил торжественный коронационный обряд.

У правой стены собора под сенью каменного балдахина высилась величественная фигура царицы Русудан. Сам царь стоял перед алтарем и сосредоточенно молился. После того как католикос возложил на юную голову Тамар непомерно большую, украшенную рубинами и изумрудами корону, Георгий опоясал дочь царским мечом — символом верховной военной и гражданской власти, усадил на трон с правой стороны от себя и в библейских выражениях, именуя ее «господней горой», провозгласил царицей царей Картли. Тамар была одета на византийский лад в длинный лазоревый далматик и чувствовала себя очень стесненной тяжелой, расшитой золотом и драгоценными камнями одеждой. От переживаний тонкое лицо юной соправительницы вытянулось, утомленно мерцали огромные впавшие глаза. После коронования начался длительный обряд принесения клятвы верности всеми эриставами и главными спасаларами Картли. Под конец долгой церемонии измученная Тамар еле держалась на ногах, подчиняясь лишь гипнотизирующему взгляду Русудан.

Не обошлось и без неприятных происшествий. В самый разгар коронования, когда католикос Микаэл священным миром чертил крест на светлом челе соправительницы, из задних рядов молящихся раздался неистовый крик:

— Законный царь Картли — Демна!

Вдрогнул весь собор от возгласа бессмысленного. Все давно знали, что ослепленный скопец — более не муж! Царские азнауры вместе с гзиря бросились в гущу народа, но выкрикнувшего мятежные слова и след простыл.

Во второй половине дня в покоях католикоса состоялся торжественный прием. После обильного пиршества со множеством здравий и пожеланий долгоденствия царственным соправителям большая группа князей и знатнейших азнауров в отороченных собольим мехом бархатных куладжах, бряцая драгоценным оружием и гарцуя на породистых скакунах, под клики многочисленной толпы

проводила при свете смоляных факелов царскую фамилию до Исанского дворца.

Оставшись один, царь Георгий облегченно вздохнул и вскоре заснул крепким сном в своей опочивальне.

Тамар не спала до рассвета.

На большом пергаментном пакете с восковыми печатями было написано латинскими буквами:

«Высокопреподобному и достопочтенному канонику падре Бартоломео Кастраканти».

Ниже значилось:

«В собственные руки».

Начальник отдела восточных стран папской курии каноник Кастраканти в свое время получил это письмо в Латеране. Но до того оно побывало в руках Заала Саварсалидзе. Начальник царской разведки еще не умер и продолжал действовать.

Лежа на широкой тахте, Заал вертел в исхудалых руках письмо, не зная, как к нему подступить. Судя по адресу, оно было написано на итальянском языке, а им ни Заал, ни его помощники не владели... Посреди комнаты с понурым видом стоял генуэзский купец Орацио Бальони. У почтенного негоцианта кошки скребли на душе. Его захватили с поличным в Цхуми, когда он с грузом контрабандного шелка собирался покинуть на наемной фелуке гостеприимные берега Колхиды. Купца вместе с конфискованным грузом доставили обратно в Тбилиси. Письмо, которым так заинтересовался Заал, было обнаружено у генуэзца при обыске.

Пристально глядя на виновного купца, Саварсалидзе на чистейшем греческом языке спросил:

— По-гречески говоришь, купец?

— Да, господин.

— Шелк и свободу хочешь вернуть, а?

— О да, да, мой добрый господин!

— Конечно, штраф заплатишь, и немалый. Кроме того...

Тут Заал змеиным взглядом вперился в бедного Орацио и тихо закончил:

— Сейчас тебе подадут перо, чернила и лист пергамента. Будешь сидеть в соседней комнате до тех пор,

пока не переведешь на греческий язык письмо, которое найдено у тебя. Понял, купец?

— О да, мой добрый господин. Но письмо ведь запечатано! — смущенно пробормотал генузец.

Заал усмехнулся:

— И останется запечатанным, это уж не твоя забота... Так и повезешь его в Рим. Но берегись, купец! Я сам проверю перевод. И коли что перевернешь или пропустишь, тогда не взыщи — велю повесить как франгского шпиона на первом же суку.

Бальони побледнел. Забыв о контрабанде, снова стал лепетать заверения в преданности и честности. Скоро его перо закрипело в соседней комнате.

Вот что писал достопочтенный падре Джованни Фрателли, недавно прибывший из Рима в Грузию в качестве миссионера святой римско-католической церкви:

«Реверендиссимо падре Бартоломео, премного мой достопочтеннейший!

Только я собрался сесть за письмо вашему высокопреподобию, как ко мне на квартиру явился мессер Орацио Бальони, почтенный негодник славной Генуи, и стал меня торопить. Он собирается сегодня выехать из Тифлиза на родину с грузом местного отличного шелка и обещал вечером зайти за письмом. Сообщаю посему некоторую часть происшествий в землях георженских, но, имея сказать великое множество самых удивительных вещей, опускаю большую часть малых, дабы не утруждать внимания вашего высокопреподобия столь низким занятием. Вот главное, о чем я сообщаю в этом первом письме».

Заал отметил на полях: «Письмо — первое, значит, птичка только начинает распевать...»

«В королевстве георженов большие празднества. Король Джорджио короновал свою юную дочь в качестве соправительницы. Король Джорджио уже немолод, и мы можем скоро увидеть женщину на троне, что весьма удивительно, а для георженов и вовсе непривычно. Говорят, на коронации в соборе кто-то кричал против, вспоминая королевского племянника, которого держат в тюрьме. Но, как мне рассказывали верные люди, королевич — кастрат и слепец, стало быть, королем уже быть не может. А в королевстве георженов сейчас тихо.

Был большой баронский мятеж против королевской власти, его подавили, а главным мятежникам поотрубили головы. А разбойников и воров подесты¹ нынче гроздьями развешивают на дубах, рядом вешают их ослов, мулов и лошадей, кошек и собак, как будто бессловесные животные тоже в чем-то виноваты. Но зато проезд по здешним дорогам стал безопаснее...»

Заал с удовлетворением перевернул страницу. Но дальше шло самое интересное:

«...А я познакомился недавно с одним любезным нобилем, из военных. Он сейчас живет в пожалованном королем имении в провинции Кахети, но часто приезжает в столицу и останавливается у моих соседей. Нобль сей хорошо знает военные дела георгиенцев и многое мне рассказывает о них за бокалом вина (которое здесь неплохое, но хуже нашего лакрима-кристи). Но об этом в следующий раз...»

Заал снова отметил на полях: «Очень важно! Надо установить, какой проклятый болтун-азнаур дает сведения шпиону в рясе, и немедленно бросить его в тюрьму...»

Письмо заканчивалось так:

«Католиков у георгиенцев очень мало. Говорят, будто бы в землях армяков их несколько больше. Я пока буду проживать в Тифлисе в ожидании указаний вашей милости, ибо страна армяков в руках неверных и там сейчас небезопасно. Прошу прислать мне на расходы не менее ста дукатов. У меня кончаются деньги.

Молю господа Вам совершенное здоровье даровать, а Вас прошу не оставлять меня благословением Вашим.

*Всегда к услугам Вашим вполне готовым пребываю,
смирный слуга господний*

Джованни Фрателли».

Генуэзского купца почтенного Орацио Бальони выпустили на свободу, вернув адресованное в папскую курию письмо. В Грузии он больше не появлялся.

¹ Подесты — градоначальники (итал.).

В КУЗНИЦЕ

Из года в год хирело семейство Вазгена, потеряв раб-отников-мужчин. Самвэл так и остался конюшим у парона Саргиса. А Галуст работал в Ани, где снова воцарился эмир и закрылась граница на перевале. Потом отвезли на деревенское кладбище деда, за ним последовал всегда больной Манук. Только и успели выдать замуж быстроглазую Ануш за соседского сына, хоть и ворчал Вараздат на скудность приданого. В доме остались старуха Сирануйш и молчаливая сноха с сыном.

Не прошло и года после смерти хозяев, как за накопившиеся недоимки отобрал обоих быков княжеский управитель, невзирая на причитания и мольбы. Пахать было не на ком, тяжелый плуг на себе не потащишь. А там за статный рост и недюжинную силу забрали Петроса в замковую дружину.

В отличие от добродушного старшего брата, Петрос был вспыльчив. Сразу невзлюбил строптивца десятник — сын старого сотника Вахрама, что давно покоился на погосте. Дядя Самвэл пытался было урезонить и того, и другого. Куда там! Десятник и слушать не захотел конюшего, а Петрос был неукротим. Кончилось тем, что за очередную провинность он оказался в подвале замка. Ночью Петрос взломал некрепкую решетку в узком окне и ящерицей проскользнул наружу. Спустившись по крутому склону в ущелье, юноша не рискнул, однако, зайти в селение попрощаться с родными и сразу углубился в буковый лес. Питаясь по дороге дикими плодами и ягодами, Петрос достиг перевала и, благополучно миновав порубежную заставу, спустился на равнину. В предместье Ширакавана сердобольный житель накормил изможденного беглеца, дал немного хлеба на дорогу. Перейдя Ахурян через мост у монастыря Оромос, молодой горец наконец оказался в Ани.

Рано утром на небольшом дворике, окруженном каменной оградой, Галуст приступил к работе. Камень попался изумительного темно-фиолетового цвета, мягкий, с тонкими порами, равномерно покрывающими его глад-

кую поверхность. Несильными ударами молотка Галуст вогнал резец в тело камня. Резец шел споро, не окалывая грани. Откидывая мелкий щебень, камнерез постепенно углублял борозду, выделяя особый «анийский» крест, что имеет по две сферы на каждом конце. Внизу, под крестом, оставался большой овал, лишенный орнаментовки. Не доверял еще старый мастер самую тонкую резьбу Галусту (хоть и не раз хвалил приятелям-каменщикам точный глазомер и твердую руку подмастерья), сам резал каменное кружево. Это огорчало Галуста. Вздохнув, он замечтался о счастливом дне, когда сможет предстать с пробой перед строгим судом «стариков» и получит долгожданное звание мастера.

— Галуст! Слушай, Галуст!..

Галуст поднял голову. Из-за ограды на него встревоженно глядел высокий человек. С трудом узнал камнерез в покрытом пылью оборванце своего младшего брата. «Что случилось в Хожорни? Как Петрос пробрался сюда?» Положив резец на камень и вытерев руки о передник, он быстро шагнул к ограде...

После краткого разговора Галуст тут же поделился скромным завтраком с братом и свел его в баню, захватив из дома кое-какую одежду, а после представил Езнику. Старый мастер сочувственно выслушал рассказ беглеца и посоветовал отправиться искать работу у оружейников. При Шеддадидах процветало оружейное дело в Ани, много мечей, сабель и доспехов требовалось мамлюкам. Хоть трудно было получать деньги за оружие от вояк, мастерская Тиграна работала полным ходом. Сам хозяин почти перестал появляться в кузнице, ссылаясь на старость, больше находился при лавке, с малолетним сыном. А всем делом стал заправлять Кюрах.

Этот пожилой мужчина в темной одежде, с большими руками молотобойца, появился в Ани незадолго до ухода грузинского войска и своим изумительным умельством сразу завоевал уважение всей Кузнечной улицы, где помещалась и мастерская оружейника Тиграна. Никто не мог так искусно выковать меч или склепать непробиваемую кольчугу, как этот неведомо откуда появившийся мастер. Тигран сразу забрал его к себе и не жалел об этом... Позже, несколько разговорившись, Кюрах поведал, что оружейному делу он обучался далеко на севере. Но какая судьбина занесла в Русию армянского кузнеца,

никто так и не смог выведать. Всех поражал глубокий взгляд темных глаз пришельца. Порой они горели зловещим огнем (не от горна ли отблеск?), а иногда светились мягко и вдумчиво...

Скрестив руки под прожженным кожаным передником, Кюрех внимательно смотрел на Петроса. Статный парень с широкими плечами и смелым взором понравился мастеру, он доброжелательно прогудел:

— Ладно! Ужо испробуем молодца на молоте!

В кузнице колдовал старый Оган. Приземистый, с длинными руками, с седой всклокоченной бородой, старик был упрям и строптив.

Горн ярко пылал. Эмирский оружничий заказал Тиграну железную «баранью голову» для крепостного тарана. Поковка была довольно крупная и, укрепленная железной цепью на блоке, сидела в горне. Воздуходув в рваной одежде раскачивал рычаг мехов. Оган пошевеливал поковку в горне, покрикивал: «Дуй, не ленись!» Петрос, голый по пояс, стоял наготове с длинноручным молотом. Кузнец клещами выхватил поковку, закричал воздуходуву:

— Тяни!

Поковка, бросая искры, пошла по кузнице, легла на наковальню. Оган быстро обмел веником окалину. Нестово крикнул:

— Давай!

Петрос, откинувшись, поднял молот и, описывая круги, стал бить с оттяжкой. Жгучие брызги летели на кожаные передники. Оган поворачивал железо, хрипел:

— Крепче бей!

— Шабаш! — закричал Оган. Не снимая передника, он схватил длинноручный молот, с размаху съездил по наковальне. Тотчас из соседней кузницы эхом раздался звонкий удар. Старый кузнец еще дважды ударил молотом и, опустив его на землю, уселся, отирая пот, на большой чурбан.

— Ну что ты уставился на меня, малый? Разве сегодня не четверг? Обычая нашего не знаешь? — ворчливо обратился Оган к новому ученику.

— Кæри Оган, и наш кузнец на селе тоже бил по четвергам три раза! А почему, я не спрашивал, — про-

бормотал Петрос смущенно. Ему почудился насмешливый огонек в глазах Кюреха.

— Какая молодежь пошла ныне! — продолжал ворчать Оган. — И вовсе ей не ведомо, что велением божьим заточен в глубоком подземелье злой див Артавазд на вечные времена. Верные псы его лижут оковы, и делаются они тоньше нитки, и уже разорвать их собирается Артавазд, чтоб выйти на погибель людям. А мы, кузнецы армянские, теми ударами молота по четвергам снова крепим цепи Артаваздовы...

— И охота тебе бабьими сказками парню голову дурить! — не поворачивая головы, произнес Кюрех.

— Как бабьими?! — сжав кулаки, бешено завопил Оган. — Ты, может, и в чудеса угодников не веришь, варпэт?

Оружейник, не отвечая, встал с досок, потянувшись всем телом, молвил:

— Иди отдыхать, Оган! И вы тоже идите, — обратился он к рабочим. — Пора вечерять...

Глава XXIII

РИСТАНИЯ В ДИДУБЭ

На Дидубийском поле былолюдно. Предстояли ежегодные скачки, на которых прекрасная Тамар-сопрательница лично вручала победителю ценный подарок и золотой венок. Неудивительно, что на состязание со всех концов обширного царства в Тбилиси прибыли лучшие наездники. В ожидании начала состязаний они гарцевали по полю, вызывая всеобщее восхищение своим бравым видом и отменными скакунами.

Конюший Самвэл держал под уздцы чистокровного аргмака арцахской породы. Поджарый золотистый конь был заботливо укрыт расшитой разноцветными шелками попоной с гербом князя Саргиса. Перебирая тонкими, сухими ногами с маленькими копытами «стаканчиком», скакун приплясывал на месте, встряхивая маленькой узкой головой, и сердито косился фиолетовым глазом на конюшего, который ласково его уговаривал.

К Самвэлу направилась большая группа людей. Впереди шагали, возвышаясь над спутниками, парон Саргис и его старший сын. За ними шел стройный княжич Иванэ

в легкой одежде наездника. Сдавшись на просьбы Иванэ, отец разрешил ему в этом году принять участие в осенних скачках. Княжескую семью сопровождали многочисленные вассалы. На всекартлийских ристаниях княжичу, который уже успел прославиться лихой ездой во всем Лори, краю искусных наездников, предстояло защищать честь владетелей Сомхити.

До сих пор с ужасом вспоминал княжеский казначей гу баснословную сумму, которую пришлось выплатить за жеребчика. Два года холил коня Самвэл, не допуская никого близко к конюшне, где содержался золотистый красавец. Потом он осторожно стал сам объезжать аргамака. И только в эту весну в торжественной обстановке, при великом стечении любителей коней, в присутствии самого ишхана, он передал скакуна лучшему выученику, княжичу Иванэ.

Парон Саргис озабоченно осмотрел жеребца, велел Самвэлу снять попону, провел рукой по лоснящейся спине и, задержав руку у почки, слегка нажал. Не дрогнув телом, конь лишь покосился на гиганта. Самвэл ревниво следил за движениями рук ишхана — строгого ценителя и знатока конного дела.

— Что ж, Самвэл, конь в полном порядке. Теперь дело за тобой, Иванэ! — произнес князь Саргис.

На красивом лице княжича появилась самоуверенная улыбка. Тронув небольшие черные усы, он весело ответил:

— Все сделаю для победы, отец. Не сомневайся!

Захарию захотелось подзадорить брата. Похлопав Иванэ по плечу, он со смехом сказал:

— Не хвались заранее, дорогой! Сурамели уверяет, что покажет тебе хвост своего жеребца...

Иванэ вспыхнул, но промолчал. Обидевшись за любимца, Самвэл уверенно обратился к князю Саргису:

— Ишхан, лучшего коня на поле никто еще не видел. А молодой князь — самый искусный ездок во всем Лори и, стало быть, во всем царстве! — И, подозрительно всмотревшись в Иванэ, он вдруг спросил:

— Вина сегодня не пил?

Иванэ весело замотал головой:

— Как можно, ты ведь мне запретил, Самвэл!

— Ну то-то! — назидательно молвил конюший, снова накидывая попону на аргамака.

На краю скакового поля из толстых сосновых досок был сколочен большой помост с навесом, украшенный коврами и флагами. Под навесом стояли два кресла для царских особ. Все поле было огорожено с боков и оцеплено конными гвардейцами. За оградой толпился народ. Собралось такое множество людей, и напор их был столь велик, что заборы не устояли и в ряде мест полегли. Многочисленная стража с трудом наводила порядок, ожидая прибытия двора.

Под звуки фанфар на поле выехал пышный кортеж. Царь Георгий занял свое место рядом с юной соправительницей. По знаку распорядителя скачек наездники выстроились в ряд перед помостом, оглаживая скакунов. За царскими сиденьями полукругом стояла блистательная свита сановников и придворных. На целую голову над присутствующей знатью возвышался огромный владетель Сомхити, дружески беседовавший с амирспасаларом Хубасаром и стариком Торели.

Загремели трубы. Наездники, сорвавшись с места, помчались по полю и вскоре исчезли за холмами. По толпе прошел гул. Все смолкли, впившись глазами в даль. На равнине показалось облако пыли, затем стали видны скачущие во весь опор всадники. Впереди на золотистом скакуне летел княжич Иванэ. Отстав на несколько корпусов, скакал за ним крупный вороной жеребец молодого князя Сурамели. По всему полю растянулась длинная цепочка остальных наездников. Неистовыми кликами и подбадривающими возгласами встретила многотысячная толпа мчавшихся соперников. Заметив, что расстояние между ним и князем Сурамели сокращается, Иванэ в первый раз в жизни оскорбил благородного скакуна ударом плети. Распластавшись птицей, вытянув маленькую голову, молнией вынесся вперед золотистый аргамак и под оглушительный рев толпы грудью оборвал натянутую алую ленту.

С трудом остановил Иванэ разъяренного скакуна, который грыз покрытые клочьями пены удила и поднимался на дыбы. По полю уже бежали конюхи. Выхватив у подручного попоу, Самвэл бережно закутал потного скакуна и стал шагом водить его по полю.

Снова загремели трубы, вызывая к царскому помосту победителя скачек. К Иванэ подошел старший брат и, любовно обняв, повел получать заслуженную награду.

Сзади шел конюший Самвэл, горделиво ведя под уздцы красавца скакуна. По полю прокатились приветственные крики зрителей: «Ваша! Ваша!» Фанфары заиграли вступая, и юный победитель предстал перед царем.

Царь Георгий поздравил княжича и, взяв из рук амирэджиби¹ кинжал в ножнах из слоновой кости с золотой инкрустацией и такую же саблю, собственноручно вручил памятный подарок Иванэ со следующими словами:

— Славное будущее ожидает тебя, юноша, если будешь всегда побеждать в честном соревновании! Как звать тебя и какого ты рода?

— Великий государь, я Иванэ — сын эристава Сомхити князя Саргиса, а это — мой старший брат Закарэ! — с поклоном ответил сияющий Иванэ.

— А, Мхаргрдзели... известный род! — благосклонно кивнул Георгий.

Придворные теснились вокруг парона Саргиса, жали ему руки, вслух восхищаясь статными юношами. Хубасар, хлопнув по плечу, сказал добродушно:

— Славные сыновья у тебя растут, князь Саргис. Один лучше другого! Уступил бы хоть одного мне, а?

Лорийский эристав счастливо крутил каштановый ус, в котором уже сильно пробивалась седина, учтиво благодарил. Через толпу придворных к нему пробирался амирэджиби, издали крича:

— Патроно Саргис, пожалуйста! Государь зовет к себе, лично хочет поздравить с победой сына. Пожалуйста...

Готовясь наградить победителя золотым венком, Тамар внимательно взгляделась в рослых юношей, стоявших перед ее отцом. В одном из них сопровительница узнала собеседника на горной площадке у монастыря Джвари накануне коронации. Но только теперь услышала она его имя и запомнила. На мгновение скрестились взоры Тамар и княжича Захария... Но уже стоял в почтительной позе перед ней победитель скачек, и амирэджиби протягивал ей для вручения золотой венок. С принужденной улыбкой чуть угловатым от непривычки движением Тамар увенчала чело победителя и, подумав, протянула руку для поцелуя... Захарий, потупив глаза, отошел в

¹ Амирэджиби — церемониймейстер (груз.).

сторону. Раскрасневшись от гордости, парон Саргис стоял около царя, который милостиво беседовал с ним, как бы предавая забвению прошлое.

Несмотря на настояния мужа, княгиня Саакдухт все откладывала свой переезд из Хожорни. Угрюмый Лорийский замок, полный кровавых воспоминаний о долгой осаде и о гибели рода Орбели, отпугивал чувствительную женщину. При ней оставались дочери — Нурджис и малютка Вананэ. Изредка приезжали навестить сыновья и старшая замужняя дочь из Содка.

С княжеской семьей в Хожорни продолжал проживать и духовник отец Мхитар. Доведа до конца учение княжичей, Гош работал над «Судебником». В свободное время вардапэт занимался с детьми замковых служителей, из которых наиболее способным оказался сын княжеского казначея — Исраэл. Кроме того, изучив в Киликкии гармонию и нотопись, Мхитар Гош с благолепием руководил церковным хором. Прослышав о прекрасном пении, в Хожорни стали прибывать церковные регенты для ознакомления с нотным письмом и законами божественной гармонии. А по вечерам, отдыхая от ученых трудов, почтенный вардапэт сидел у камина около княгини Саакдухт, любясь работой ее дочерей над алтарным покровом из тяжелого шелка, замысловато вышитого в многих красках сценами из святого писания. Глядя на произведение искусных женских рук, Гош мысленно воздавал хвалу господу богу, наделившему женщин чудесным умением украшать ткани, как об этом говорится в книге Иова. Преподобный отец любовался и чудным ликом Нурджис, с огромными глазами, прикрытыми полукружьями мохнатых ресниц.

С негодованием вспоминал вардапэт о происшествии в храме, где настоятельствовал тэр-Егише. В воскресный день княжеская семья — сестры с братом Иванэ — спустилась в сельскую церковь на богослужение. Во время чтения святых апостолов суровый иерей заметил неподобающее: когда Нурджис откинула тяжелое шелковое покрывало, все присутствующие молодые рыцари стали неотрывно глядеть на прелестный девичий лик, уже не внимая божественным словесам. Оборвав чтение евангелия, тэр-Егише загремел на весь храм:

— Княжна, прикрой свой лик покрывалом! И не отвлекай земной красой моих прихожан от службы господней...

Смутилась Нурджис от окрика священника и тотчас покинула храм. Вспыльчивый княжич схватился было за саблю, едва удержали его вассалы-старики... Но с тех пор стало все бледнеть прекрасное лицо Нурджис, и обеспокоенной родительнице пришлось выписать искусного лекаря-сирийца из Тбилиси...

«Нет, неправ, неправ отец Егише... — с осуждением шептал преподобный Мхитар. — Красота великая Нурджис — от господа бога дана, для вящего его возвеличения...» Размышления Гоша прервались — он уловил слезы на глазах хозяйки замка. Неотрывно глядела высокородная Саакдухт на своих дочерей, и такая тоска читалась в еще прекрасных ее глазах, что вардапэт не выдержал:

— Как можешь грустью гневить всевышнего, княгиня? Почто плачешь, взирая на дочь-красавицу? А быть может, тревожит тебя судьба старшей дочери Доп? — прошептал духовник.

— Нет, отец Мхитар, я спокойна за мою смелую Доп. Хоть и тревожно в Васакашене, но знаю я — господь сохранит ее для семьи многочисленной! А вот дни моей ненаглядной Нурджис сочтены. Не жилица она на свете... Так вчера поведал мне хаким-сириец, которого прислал супруг, узрев кровавые пятна на ее платке, — печально ответила княгиня.

Умолк отец Мхитар при столь горестной вести, печалась о скоропреходящей жизни прекрасного божьего создания...

Сбылось предсказание сирийского врачевателя. Поздней осенью того же года пришлось Мхитару Гошу составлять горестную эпитафию на могилу юной красавицы. Медленно прочел духовник полуослепшей от слез старой госпоже:

«Покойтесь здесь Нурджис, дочь ишхана Саргиса. Мечтой она была и развеялась, как мечта. Помяните ее в молитвах своих».

Почтенный вардапэт любил работать спозаранку, когда в замке все еще спали и лишь чириканье воробьев

в снегу нарушало тишину. В это зимнее утро отец Мхитар, сидя у камина в глубоком кресле, рассеянно пощипывал полуседую редкую бородку и перечитывал записанное на пергаменте, иногда прикрывая глаза и бормоча отдельные слова и выражения, как бы проверяя их на слух. Легкий стук в дверь заставил законоведа поднять голову. В комнату вошел княжич Захарий, приехавший накануне с отцом и братом к матери. Скинув подбитую волчьим мехом шубу, Захарий подошел и почтительно поцеловал руку наставника. Тот ласково провел сухой ладонью по щеке юноши и, знаком показав на скамью, свернул рукопись. Захарий протянул озябшие руки к пылавшему в камине огню.

— Что вы вчера с братом с таким интересом читали? — задал вопрос Гош.

— «Стратегикон»¹ императора Маврикия, отче, — объяснил Захарий.

— Так, мой Закарэ! Внимательно читай древних военных авторов. Изучай опыт искусного вождения войск римлян и византийцев. Учись их умению побеждать отвагой и наукой, при меньшем числе воинов, но с лучшим вооружением, продуманными действиями против врага. Предвижу я, суждено быть тебе таким же полководцем, как твой доблестный отец! И много ратных дел свершишь ты на радость народу. До сих пор поработана страна армянская и стонут братья наши под пятой иноземной...

Вардапэт замолчал, скорбно качая головой.

— Так ли сильны мусульманские властители? — задумчиво спросил Захарий.

— О, ислам — религия, наиболее подходящая для завоевателей! — с горечью воскликнул Гош. — Пророк Мухаммед хорошо знал, что нужно алчным мекканским старейшинам и купцам — выгодных паломников к черному камню Каабы да побольше награбленной на войне добычи! А завоевания во имя аллаха были нужны, чтобы вожди мусульман могли жить в роскоши и безделье, за счет покоренных народов... Недаром же халиф Омар говорил: «Мусульмане пожирают покоренных, пока те живы. Когда же и мы, и они умрем, наши дети будут пожирать их детей, пока будут жить те...» А рвение своих бед-

¹ Византийский военный учебник VII века.

няков пророк подхлестнул обещанием блаженства рая с гуриями после смерти в бою. Знал чем соблазнить! В это время и Византия, и Иран были ослаблены бесконечными войнами и смутами. И когда лихие всадники под зеленым знаменем пророка вырвались из аравийских пустынь, они легко завоевали полмира! Насилу сумели франги в Европе да императоры Византии их остановить... И то пришлось Испании отдать халифам! А в Армении они хлынули, как раздувшийся горный поток, все сметая на пути...

Мрачный огонь загорелся в глазах Захария:

— И никто не отомстил, отче?

Мхитар Гош махнул рукой.

— Не в отмщении тут дело, Закарэ! Много раз восставал народ наш против гнета остиканов¹, пока не сбросил их иго... Но погубили власть Багратидов распрями нахарары и отцы церкви, сыграли на руку вероломным византийцам! А потом в Армению ворвались орды зверонравного Алп-Арслана. Яростно ревел, желчь своего сердца жаждал излить на весь мир сей зверь! Губил неповинных, жег города и села, хотел покорить всю вселенную, но был стерт смертью с лица земли. Не узреть ему лика господня! А ныне улемы ту же «священную войну против неверных» проповедуют и по-прежнему стонет народ в Айрарате и других областях армянских под чужеземным игом... Снова надо поднимать его на борьбу с поработителями!

— Клянусь, отче Мхитар, всю жизнь бороться за свободу отчизны! — подняв руку, с жаром воскликнул Захарий.

Мхитар Гош ласково улыбнулся:

— Да, мой Закарэ. Только помни, когда сам будешь правителем (а я уверен — этот день настанет!), не притесняй простого народа. Помни, что народ поставляет в войско защитников страны, народ кормит и войско и властителей... Поэтому надо защищать тружеников от поборов чрезмерных, от незаконных притеснений. Без народа правитель — ничто!

Вардапэт встал и взял подбитую овчиной шубу.

— Солнце ярко светит, хочу пройтись по снеговой дорожке. Иди с миром, Закарэ! Наверное, высокородная госпожа тебя заждалась...

¹ Остикан — наместник халифа (араб.).

ЗОВУЩИЙ СТОИТ У ПОРОГА

Царь Георгий давно чувствовал недомогание. В ушах стоял постоянный шум, мучили головные боли и бессонница. Не помогали и кровопускания, предписанные придворными врачами. Но Георгий не считался с болезнью и продолжал уделять много времени делам царства. Он потребовал, чтобы юная сопрательница присутствовала при утренних приемах сановников, чем несказанно возмутил Русудан — ревнительницу придворного этикета. Однако царь упорно гнул свою линию, заблаговременно приучая дочь к трудному искусству управления обширным государством. А от самой Русудан царственный брат потребовал обучения Тamar всем тонкостям придворного ритуала.

Тамар шел восемнадцатый год, и царь в беседах с Русудан не раз упрекал сестру, что она мало заботится о замужестве племянницы. Но как ни ломали головы старая царица со своими приближенными, ничего придумать не могли. Царской фамилии явно не хватало прежних талантливых в интригах людей, вроде князя Абуласана Арцруни. Министр двора Афридон каким был, таким и остался, — бесхитростным малообразованным варваром; Заал Саварсалидзе уже два года как лежал в могиле, а хитроумный Чиaber оказался малосведущим во внешних делах.

Паниперсеваст¹ Мануил Комнин, вдовый сын императора Андроника, был единственным приемлемым кандидатом на руку наследницы семи царств Картли. Однако в Константинополе дела обстояли неблагоприятно, трон Комнинов шатался под ударами крупных феодалов и от семейных неурядиц. И взор царя Георгия невольно устремлялся на далекий христианский Север, на православную Русь. Но и там было неблагоприятно. Суздальские гости, изредка наезжавшие в Тбилиси за шелком и сухими фруктами, рассказывали, что в столице рузов своими же слугами был убит старый царь и престол за-

¹ Паниперсеваст — высшее придворное звание в Византийской империи.

нял его брат, великий князь Савалт¹, устранив законного наследника. Рузикские купцы добавляли, что у князя Савалта одиннадцать сыновей. Царь Георгий даже застонал от зависти. Но попробуй установить связь с северной Русью через Дешт-и-Кипчак, где хозяйничают буйные орды кочевников! Русудан поговаривает о каких-то аланских витязях. Но с каких это пор стало возможным выбирать в бедных горских аулах женихов для наследницы престола? Дело с замужеством Тамар не продвигалось.

В один из зимних дней Георгий почувствовал себя лучше, чем обычно, и решил поохотиться по свежей пороше на зайцев в окрестностях столицы. Царя, как всегда, сопровождали министр двора Аффридон и ловчие с собаками. Выехав за Табахмелу, поднялись на плоскогорье. Впереди виднелся покрытый снегом Таборский хребет.

Царь Георгий повернулся к Аффридону, хотел что-то сказать. И вдруг...

Министр двора с ужасом увидел, как осело в седле грузное тело царя и стало валиться на шею коня. Он еле успел подхватить Георгия за плечи. Царь хрипел, закатив глаза. Подбежали встревоженные ловчие. Георгия уложили на большую бурку, четверо дюжих слуг взялись за ее края...

Загнав коня, на рассвете в Лорийский замок примчался гонец от Хубасара. Амирспасалар кратко извещал своего заместника, что царя Георгия постиг удар, и предлагал ему немедленно прибыть в Тбилиси. Князь Саргис поспешил в столицу.

После обильных кровопусканий и пиявок царь Георгий понемногу пришел в сознание, а на вторые сутки открыл глаза. Левая половина тела оказалась парализованной, но мозг работал по-прежнему ясно. Царь лежал на широкой тахте под парчовым одеялом и молчал.

Через некоторое время Георгий потребовал к себе дочь. Тамар пришла в сопровождении царицы-тетки. Со слезами упала на колени и прильнула губами к руке, бессильно лежащей на одеяле. С трудом ворочая языком, Георгий медленно прошептал:

— Встань, дочь моя! Посиди немного со мной...

¹ Всеволод Большое Гнездо.

Потом спросил тихим голосом:

— Расскажи, что нового на свете, как идут дела в Картли?

Тамар продолжала плакать. Повернув глаза к сестре, Георгий мрачно усмехнулся одними губами:

— Радуются небось дидебулы, что слег царь в постель! Дай бог, не встанет больше... дни считают...

— Отец! — простонала Тамар.

Царь продолжал тем же глухим, прерывающимся голосом, с трудом переводя дыхание:

— Слушайте меня, Русудан, и ты, дочь моя! Конец приходит мне, вижу. Оставь, Русудан! Зовущий в вечность стоит у порога, и не властен я послушаться его... Соберите завтра дидебулов и святых отцов. Последнюю волю мою пусть узнают...

Георгий утомленно смежил тяжелые веки. Потом, не раскрывая глаз, раздельно выговорил:

— Завещаю вам... На царство никого не допускайте. Никого! Пусть одна Тамар венчанной государыней Картли пребывает. Слышишь, Русудан?

Русудан скорбно склонила голову.

— На дидебулов надежды не возлагаю. Пусть у власти останутся преданные сановники из простых. Из Гареджа вызовите Антония, пусть опять будет председателем совета. Микаэла надо сменить, убрать с патриаршего места. Позорит он и власть и церковь...

Царь умолк, затих.

— И дня нас, худородных, не потерпят дидебулы, как только закроет глаза царь Георгий!

На лице Хубасара читались огорчение и тревога. Обращаясь к князю Саргису, старый кипчак с горечью добавил:

— Тридцать лет верой и правдой служил я Картли, весь изрублен в боях, а теперь вот уйти придется...

Князь Саргис молчал. «Прав Хубасар! Так и будет после смерти царя Георгия. Разве оставят мтавары у власти людей не из своей среды?.. Но кто будет назначен на место амирспасалара?» Как бы читая мысли собеседника, Хубасар глухо сказал:

— Конечно, мог бы я свою конницу ввести в столицу, захватить власть. Купцы и ремесленники поддержали бы

нас. Ненавидят они дидебулов. И служилый люд и мелкие азнауры были бы тоже за нас. Но к чему это? Царица Тамар осталась бы заложницей у вельмож, началась бы междоусобная война. А наши враги только того и ждут! Помнишь, как при мятеже Орбели сразу их войска у Аракса появились? Нет, придется тебе, князь Саргис, должность мою принимать!

— Почему именно мне? — смущенно спросил Саргис. — Другие есть спасалары, более заслуженные...

— Да кто же у нас есть, кроме тебя? Торели стар и слаб, князь Рати Сурамели слишком молод... — в раздумье ответил Хубасар и добавил дружелюбно:

— Если понадобится, за тебя, мой Саргис, все кипчакские туманы встанут! По моему приказу...

С раннего утра в Исанский дворец стали прибывать по зову властелина знатнейшие люди царства.

У ложа царя стояли все вазирьы. Величаво сидел в кресле католикос Микаэл Мирианидзе в белом клобуке. Кругом него разместились епископы. Цариц не было. Входя в зал, вельможи низко кланялись царю и тихо усаживались на скамьях вдоль стен по указанию амир-эджиби. В тишине зала слышно было лишь прерывистое учащенное дыхание царя.

Первым заговорил католикос Микаэл. Осенив себя широким крестным знаменем, владыка с постным видом начал:

— Во имя отца, и сына, и святого духа! Братие во Христе, высокородные дидебулы, и вы, мои отцы, выслушайте сейчас царя царей Георгия, ныне на смертном одре возлежащего. Призывается он судьей неумолимым, кто страшнее царей земных, кто отнимает души у князей! И уходит он к отцам своим путем неисповедимым, по приговору нелицеприятному и по определению дивному...

— Рано отпевать меня стал, владыка! — вдруг прохрипел знакомый грозный голос. — Я царь еще, помолчи немного!

Микаэл в смятении умолк. Вельможи переглянулись. «Поспешил католикос, не дай бог, выживет великий государь, не забудет сие святителю!»

А царь продолжал внезапно окрепшим голосом:

— Дидебулы Картли, и вы, святые отцы! Я, царь царей Георгий, сын Деметра, сына великого Давида, оставляю наследницей дома моего отроковицу Тamar. Примите ее с миром взамен меня, и пусть она возместит урон, причиняемый смертью моей! Аминь!

— Аминь! — громко выдохнули знатные люди страны. Обращаясь к министру двора, царь Георгий с усилием выговорил:

— Пригласи же пожаловать царицу царей...

При гробовом молчании присутствующих порог зала переступила юная царица. Как и в день коронации, Тamar была в лазоревом далматике, с царским убором на голове. Мертвенно-бледно тонкое лицо, низко опущены веки с тяжелыми ресницами, скорбно сжат маленький рот... Ее сопровождала со строгим, опечаленным лицом Русудан. За ними шла свита обеих цариц. Подойдя к отцовскому ложу, Тamar низко поклонилась и замерла.

В мертвой тишине снова раздался слабый голос царя Георгия:

— Сим препоручаю вам, дидебулы Картли и отцы святые, дочь мою Тamar. Ей единой царствие наше оставляю, и да не будет у Картли другого государя, пока жива она будет! Владыка Микаэл, прими от дидебулов клятву в верности царице царей Тamar... Я жду...

Длительная церемония принесения новой клятвы верности царице Тamar заканчивалась, когда Георгий почувствовал, что мозг его снова затопила мгла и он погружается в бездну.

Когда царь очнулся, около него находились лишь католики со святыми дарами и обе царицы на коленях, с восковыми свечами в руках. Началось соборование умирающего властелина.

Вечером 6 апреля 1184 года царя Георгия не стало...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Тамар

Глава I

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ

Н е стало грозного властелина, и камень свалился с сердца у знатных людей царства. Траурный декорум соблюдался, впрочем, полностью, горевали при дворе строго по обрядам. Одевшись в скорбную одежду, царедворцы били себя по голове, нищие посыпали головы пеплом и прахом. Наиболее усердные остригли волосы. Заунывные панихиды и литии следовали одна за другой, далеко за стенами Исани разносились громкие вопли плакальщиц. Савонники неустанно возглашали: «Вай-мэ! Вай-мэ! Горе! Горе-то какое...» И уже ложились на пергамент выпренившие строки дворцовой записи «о событии, которое было столь скорбно, столь печально, что, казалось, сами скалы должны расплавиться и звезды потерять свой блеск. Мерзостным стало лицо земли!» Но кроме осиротевших ца-

риц по-настоящему огорчены были одни царские соратники. Уже подняли головы своенравные дидебулы, и сразу пошатнулось после смерти царя положение безродных сановников. Не на шутку встревожилось и купеческое сословие, ремесленники, хорошо помнящие беззакония прежних царствований. Взволновались и мелкопоместные дворяне — их постоянно теснили могущественные соседитавары. Лишь бедноте городских предместий да закабаленному крестьянству была безразлична ожидаемая смена власти...

На обычно оживленном, шумном базаре все лавки были наполовину прикрыты, торговля шла из-под полы. И гулкие молоты в многочисленных кузницах как будто били глуше. По базару ходили со зловещими лицами гзиря и приглушенными голосами требовали прекратить торговлю, залить огонь в горнах и всем народом идти в святые храмы молиться за упокой души почившего в бозе властелина. Но торговый и ремесленный люд предпочитал идти в ближайший духан, лить, по обычаю, вино на хлеб и, заедая свежим сыром и зеленью с чуреком, незлым словом поминать царя Георгия...

В задней комнате базарной харчевни стоял большой шум. Окруженный купцами, ремесленниками побогаче и кое-каким служилым людом, глава купечества Занкан громко разглагольствовал, держа в руке большой рог с вином:

— Великий царь, други мои, в узде держал мтаваров, не давал им своевольничать и беззаконно грабить народ! Дороги от разбойников приказывал охранять, воров вешал... А нам, купцам, благожелательные грамоты на свободную торговлю выдавал. Так помянем же имя его добром! — И, опрокинув рог, осушил до дна.

— Мир праху его! — поспешили последовать сему благому примеру все присутствующие.

— Посмотри за дверью, Манвэл-джан, нет ли там лишнего человека? — обратился Занкан к шелкоторговцу. Недолюбливал Занкан знать, но был осторожен в действиях и часто осаживал горячих друзей. Тогда заговорил прославленный златокузнец Бека Опизари:

— Снова поборами великими начнут нас теснить дидебулы! А кто против встанет? Сила нужна, да какая...

— Бакур Дзаганидзе захватил у соседа лес. Примчался сосед в Тбилиси жаловаться в Сааджо-Кари, а там только посмеялись писцы над беднягой: «С кем, мол, тягаться задумал!» — с горечью воскликнул Челидзе.

— А с купцами как начали поступать? — вмешался степенный Киракос-суконщик. — Уже установили рогатки, пошлины на своих границах брать начали. А кто не знает о тайных грабежах княжеских слуг на дорогах?

Занкан сочувственно кивал, но выхода не видел. Златокузнец был прав — кто может противоборствовать князьям властительным? В комнату вошел статный мужчина в придворной одежде. Сидевшие за столом встали, радостно приветствовали царского казначея.

— Батоно Арслан, тебя-то нам и надобно. Ждем давно, — протянул Занкан оправленный в серебро рог вошедшему. Оглядевшись, он тихо сказал: — Впрочем, какое здесь место для разговоров? Пожелаем от души успеха общему делу, об остальном поговорим вечером...

Не успели опустить в землю в Гелати, близ могил дедов и отцов, тело царя Георгия, как вельможи перешли в наступление. На бурных княжеских собраниях снова всплыли старые обиды. Дидебулы печалились о смерти царевича Демны (божьем попустительством он скончался в тюрьме!), негодовали по загубленному роду Орбели, вспоминали бедных изгнанников. Из уст в уста передавали слова, которые кричал на дыбе великий Иванэ: «Картли — слишком благородное государство, чтобы сажать на престол девчонку!» Тогда разумный старик Кахабер Кахаберидзе, беспокоясь за судьбу царства, на очередном княжеском собрании поставил вопрос прямо:

— Кого же прочат во властители Картли благородные дидебулы, кроме Тамар? Кого согласится короновать католикос?

Вельможи стали в тупик. Выдвинуть новую царскую династию из своей среды князья не могли — препятствовали вековые распри, местничество, старые родовые счеты. Пригласить же чужестранца в цари не позволяла национальная гордость... С своей стороны царица Русудан развила лихорадочную деятельность среди церковных иерархов; от имени племянницы вновь подтвердив святым отцам все их привилегии и внеся богатые вклады

Мцхетскому престолу и монастырям, Русудан добилась большого успеха. Католикос Микаэл прослезился и снова обещал поддержать Тamar. К этому времени и дидебулы додумались до той простой мысли, что, имея слабую женщину на престоле, они легче смогут осуществлять свои притязания...

С царских похорон в Тбилиси прибыли многочисленные абхазские и имерские мтавары во главе с владельцем Эгриси — могущественным Варданом Дадияни — и сразу заняли главенствующее положение на княжеских собраниях. Несколько дней подряд заседали князья и высшие духовные чины царства. Кое-как, после жарких споров, договорившись, пригласили на заключительное собрание одну старшую царицу. Царственная тетка безоговорочно приняла все условия вельмож и церковников, в первую очередь о смене «худородных» вазиров, после чего был определен день повторного коронования Тamar. Русудан сумела настоять на этом при поддержке католикоса Микаэла. Святому престолу Мцхеты каждое подобное торжество приносило немалый прибыль.

Едва весть о смерти царя Георгия дошла в Арзрум до князя Арцруни, как он тотчас захлопотал о возвращении в Грузию. Правда, ему с младшим сыном Гузаном (буйный Асан умер в изгнании от черного поветрия!) неплохо жилось у дружественного эмира Салдуха. Доходы с обширных поместий шли, ростовщические операции Абуласана с помощью местных купцов процветали. Но размах был не тот. Князь Гузан от скуки стал сильно бражничать, что немало заботило князя-отца.

Первым делом Абуласан послал большое письмо зятю Саргису в Лори. Предсказывая неминуемое падение правительства «худородных» вазиров и приход к власти благородных людей, самим богом предназначенных для повелевания народом, а также вероятность назначения самого Саргиса амирспасаларом Картли взамен презренного кипчака Хубасара, Абуласан в конце письма пустил слезу. Писал о своем горьком существовании на чужбине, вдали от близких и родичей. Почему же это? Несчастный Асан (его взял господь) в конце концов лишь отстаивал права законного наследника престола! А за что же он сам, Абуласан, верность царской власти во время мятежа сохра-

нивший (царь Георгий не оценил этого, неблагодарный!), должен терпеть тяжкие лишения? К власти пришедшая монархиня, во исправление отцовских ошибок, безотлагательно должна пригласить его с сыном обратно в Тбилиси, восстановить Арцруни в наследственных правах эриставских и вернуть им картлийские владения. А он, Саргис, как родич ближайший, должен за них обоих предстательствовать перед царицами, если только он не желает прогневить господа бога!

Парон Саргис крепко задумался над письмом шурина. Недавнишний князь, он ощущал шаткость своего положения незнатного человека перед кичащимися древним происхождением дидебулами, не был и богат, как князь Абуласан. И думалось ему, что, хоть и в изгнании, умный шурин лучше оценивает обстановку в царстве после смерти царя. А вдвоем они представят достаточную силу, дабы противоборствовать княжескому своеволию на пользу власти царской и всего Картли. Парон Саргис решил помочь родичу...

К коронованию Тамар готовились в большой спешке и с великим рвением. Царица Русудан желала пышностью церемонии упрочить шаткое положение племянницы и громогласно требовала от амирэджиби и других сановников тщательного соблюдения всех мелочей сложного обряда, шедшего еще от Византии. Министр финансов, бледнея, только успевал подписывать денежные приказы по ужасающим дворцовым тратам, расточал немалое наследство, оставленное экономным Георгием III. Неустанно бегали во дворец поставщики драгоценных тканей и украшений, день и ночь работали златошвеи, сбились с ног ювелиры, подгоняя древнюю корону под точный размер головки юной правительницы. Как всегда, бойко торговали лавки с красным товаром, оружейные мастера и городские швецы были завалены заказами. Пользуясь случаем, ростовщики повысили ссудный процент... Дорого обходились народу пышные царские церемонии, но того требовали стародавние обычаи, тонкая придворная политика и безграничная дворянская спесь.

Не из последних в Шида-Картли считались Цихишвили. Один из них — князь Заза преуспел особенно, незадолго до кончины царя Георгия был назначен начальни-

ком дворцовой стражи. Коронация Тамар застала его врасплох. Был он кругом в долгах, по расточительности и собственной и всего княжеского семейства — княгини Кетеван и трех заневестившихся дочерей. Что было делать князю? Менялы, паучье племя, отказались ссужать без залога, фамильное серебро давно было в закладе, выкупалось лишь на время, перед приемом гостей. А в торговых рядах не отпускали в долг нужные товары. В доме воцарился ад. На тахтах, стена и крича, валялись княжны. Кетеван сидела мрачнее тучи, запершись в спальне. Заза пропадал во дворце, стараясь попозднее вернуться домой. Наконец, державшая все семейство в своих руках княгиня не выдержала. Представ с грозным видом перед мужем, она закричала:

— О чем думаешь, князь? Могут ли Цихишвили отправиться во Мцхету в прошлогодних платьях? И кто заплатит Опизари за ожерелья?

— Раньше прабабкины наряды носили княгини, — попробовал огрызнуться Заза.

Но Кетеван была неумолима. Она требовала достойных обновок для дочерей и для себя. На следующий день, забрав с собой чуть не половину дюжих царских стражников, Заза отправился в селение близ Гори.

Моурав Ражден выслужился из дворовых холопов за неимоверную злость к людям и исключительное умение выколачивать подати: ни в одном поместье округи до него не выполнялась барщина. Одна беда — крал безбожно, в немалой степени увеличивая господское оскудение. Все это знали. Чуял это и князь Заза, не раз прикладываясь тяжелой десницей к толстой управительской морде. Но поймать продувную бестию не удавалось, лишь на лето приезжала княжеская семья в имение, а самого хозяина держала царская служба. Поэтому несказанно поразился моурав неожиданным приездом владельца и сначала струхнул. Когда патрон объяснил цель своего появления в поместье, Ражден облегченно вздохнул и тотчас проявил рвение.

— Скотина сейчас худа, после зимовки, патроно, не успела еще откормиться. За бесценок возьмут ее мясники, — озабоченно докладывал моурав.

— Вижу, вижу, уже смошенничать собираешься! — заметил князь. — Ну а как с зерном, лоби, маслом, вином?

— В цене, батоно! — поспешил ответить Ражден.

— Так. А беглых нет? — осведомился Заза.

Моурав замялся:

— Двое сбежали перед пасхой. В горы подались, в Аланию.

— А семьи остались? — грозно спросил помещик.

— Бобыли они, — признался Ражден.

Заза помрачнел.

— А с недоимками как?

— Их не осталось, батоно. Все взыскал, что положено по закону. — И Ражден начал перечислять все полагающиеся владельцу земли подати и сборы, а их было немало! Князь поморщился:

— Перестань молоть чушь, Ражден. Деньги нужны немедленно! Не сумеешь собрать оброк, не быть тебе тогда моуравом, да и плетей у меня отвоедаешь. Собирай поселян, я им сам растолкую... а пока что — я голоден! Давай скорее поесть...

— Тотчас, патроно! — кинулся к дверям Ражден.

Симоне собирался в город, на базар. Отсыпав лоби в хурджин, он стал прилаживать кувшин с вином в другой. Надо было купить новый лемех, немного соли, да и хакиму за снадобье для больной жены пора уплатить, два раза присылал напоминание. Всю зиму прохворала Маро и сейчас лежит на тахте в лихорадке. Увязав хурджины, Симоне только хотел взвалить их на широкое плечо, как постучали в дверь.

— Ступай на господский двор, Симоник! Да поспеши, патроно со стражниками из Тбилиси пожаловал, — громко кричал с порога сотский.

— Еще чего ему от нас понадобилось? — простонала женщина на тахте.

Не ответив, сотский ушел. Нахлобучив войлочную шапку, Симоник поплелся на усадьбу.

Княжеский дом стоял у подножия древней родовой башни. Обширный двор, со всех сторон окруженный конюшнями и сараями, был уже заполнен поселянами. В тени большого орехового дерева у ворот на корточках сидели старики и опасно поглядывали на балкон. Там красовались ражие, до зубов вооруженные стражники из Тбилиси. Немало было их и около конюшни, где похрустывали ячменем скакуны.

— Никогда так рано не прибывал патроно!

— С чего бы это?

— Пахоту господскую, слава богу, закончили, подати все внесены.

— И стражников с собой навел князь тьму!

Через двор от погреба в дом часто пробегали слуги, неся разную снедь со льда. Через открывающуюся дверь из барских хором доносились раскаты властного голоса.

— Видно, гневается батано на Раждена!

— А быть может, на нас? — боялись старики.

Симоне присел на бревно. Его мускулистая, ладно сбитая фигура выделялась среди толпы, томящейся в ожидании владетеля. Наконец дверь на балкон широко распахнулась, и в сопровождении управителя вышел раскрасневшийся от вина плотный мужчина, в расшитой золотым галуном черкеске, с плетью в руке. Стражники тотчас сбежали вниз и выстроились у крыльца. Поселяне придвинулись к крыльцу и скинули шапки. Облокотившись о резные перила, сдвинув папаху на затылок, Заза непринужденно начал:

— Ну как, управились с пахотой, люди добрые?

— Только начинаем, батано! — выступил вперед старый, белый как лунь Сандро. — Твою землю всю уже засеяли...

— Хорошо, что бога не гневите! — благожелательно продолжал Заза. — Господь-то раннюю весну послал, успеете и вы засеять. А вам я, люди, новость великую привез...

И скинув папаху, князь широко перекрестился:

— Царь наш великий Георгий в бозе почил! Да будет о нем память вечная.

— Вечная память! — вздохнули крестьяне, крестясь. Заза снова надел папаху.

— И ныне на престол древний Багратунианов восходит дочь его — Тамар.

— Дочь? — удивился Сандро. — Того еще не бывало в Картли. Да разве у царя наследника другого нет, патроно?

— Не твоего ума дело, старик! И вот вскорости в храме Свети-Цховели коронавание царское предстоит во славу божью! И смотр войску состоится... А на смотр каждый мтавар должен вдвое больше против прежнего волнов привести, — беззастенчиво врал Заза. — Конно и

оружно! И для того оружия много понадобится, люди...

— Много, много! — закачали головами старики.

— А в этом богоугодном деле, — возвысил голос Заза, — придется и вам участие принять. Я приказал моураву счесть, сколько с каждого из вас приходится оброка внести.

Широким жестом закончил речь:

— Посчитаю в счет будущего года! Так и быть...

В толпе ахнули от неожиданности. Симоне протолкался вперед. В тишине раздался твердый голос:

— Не понимаю, батоно, за что я снова платить должен?

Князь покраснел как бурлак. Перегнувшись через перила, он оглядел дерзкого:

— Сто раз объяснять? Сказал, на оружие для смотра!

— Так сам его и покупай, батоно! Ведь для того и земли тебе даны, — твердо продолжал Симоне.

— Мятеж поднимаешь, собачий сын! — взревел Заза. — Стражники, взять смутьяна да подать ко мне поближе...

Стражники навалились на сопротивлявшегося Симоне и, скрутив ему руки назад, подтащили к балкону. Изловчившись, Заза хлестнул его сверху. На лице Симоне появился кровавый след.

— На конюшню! Дать пятьдесят плетей! — задыхался от гнева Заза.

Толпа глухо заворчала. Из задних рядов раздалось:

— Не давай!

Поселяне придвинулись к крыльцу. Заза схватился за саблю. От конюшни с угрожающим видом пошли стражники, с двух сторон охватывая безоружных сельчан.

— Шкуру спущу! — хрипел с балкона взбешенный помещик. Моураву:

— Смотри, собачий сын, не вздумай поноровки давать, кто не внесет в срок положенное, взять силой — и двадцать плетей! А у мерзавца Симоне скотину заберешь.

Толпа продолжала глухо роптать.

— Я вам покажу, негодяи, как бунтовать! А ну, стража, очистить двор! — по-военному скомандовал Заза.

Выставив короткие пики, стражники кинулись на сельчан, тесня к воротам. Кое-кого в свалке поранили

острыми наконечниками. Из конюшни слышался крик избиваемого.

— Ни стыда, ни совести! — роптали сельчане, уходя со двора.

Моурав, расхрабрившись, уже орудовал плетью.

— Пошли вон! Не гневите патроно!

Наутро длинная вереница арб потянулась из села с внеочередной данью помещику. И не ударили лицом в грязь спесивые Цихишвили на царской церемонии...

Близ полудня из патриарших покоев вышла процессия. Медленно ступая по разостланным коврам, к собору направились царицы в сопровождении вельмож и царедворцев. Тамар шла как зачарованная. Что происходило в душе девушки, идущей к трону великих предков для принятия власти? Вспоминала ли Тамар, что при первом венчании на царство ее поддерживала мощная отцовская рука, а сейчас она вступает на престол одинокой? Постоянные занятия с покойным отцом открыли царевне всю сложность правления; она понимала, какие особые трудности встретятся ей во время войн или волнений. Как сможет она противостоять требованиям князей и церковников, натиску врагов, только выжидающих подходящего случая для нападения; где ее опора, где защита? Невеселые мысли царевны были прерваны приветствием главы церкви. Очнувшись, Тамар приложила к холодному золотому кресту, который протягивал ей католикос, и вступила в собор, встреченная громогласным пением патриаршего хора. Вторичное коронование Тамар началось...

В письме, адресованном высококочтимому канонику Кастраканти в Латеран, патер Джованни Фрателли писал:

«...Вы понимаете, конечно, падре реверендиссимо, что после неприятнейшей истории со знакомым нобилем из Кахетии, синьором Шабурданом, которого так неожиданно забрали королевские сбирьы, мне надо быть очень осторожным. Долго не удавалось найти надежного человека, дабы переслать письмо Вашей милости, а за это

время в стране георгинов снова произошли события пренмногие и преудивительные.

Умер старый король Джорджио, и все знатные вельможи весьма тому возрадовались. Ибо король осыпал милостями своих безродных любимцев, а дуков и нобилей ставил ни во что и утеснял их самым ужасным образом. Теперь на королевский престол георгины возвели его дочь — принцессу Тамар, о которой я Вам как-то писал. И все дуки и нобили радуются и говорят между собой: «Теперь-то королевством будем править мы, а не всякие вилланы!»

Мессер Чаккони говорил мне, что из Константинополя приезжало большое посольство от кира Андроника, потому что греки хотят женить своего принца Мануила на королеве георгинов. Хитрые греки знают, что такого приданого, как у Тамар — властительницы семи королевств, — нет ни у одной принцессы в Европе. Мне называли их имена — вот они: Абхазия, Имеретия, Картия, Сомхития, Кахетия, Ран и Эретия. Но мессер Чаккони уверяет, что у греков ничего не выйдет. Георгинские дуки опасаются коварных византийцев и не выдадут свою королеву за сына императора, а сие нам и выгоднее...»

Отпраздновали пышную коронацию обильными пирами и рыцарскими играми. Протрезвев, вельможи собрались у Вардана Дадияни. Владелец Эгриси считался крупнейшим феодалом царства. Все земли Западной Грузии до Никопсии были ему подвластны. Он не был участником мтаварского восстания и потому легко сумел выхлопотать у царя Георгия поместья Орбели.

На княжеском собрании обсуждался один вопрос — смена «худородных» вазиров. Сидя в изгнании, князь Абуласан правильно угадал, в какую сторону будут в первую очередь направлены усилия высшей знати. Наиболее ненавистными для нее были амирспасалар Хубасар и министр двора Афридон, с большим рвением борющиеся против вельможных заговорщиков во время мятежа Орбели. Председательствующий на собрании Вардан Дадияни предложил потребовать их немедленного ухода, скромно выставив лично себя на должность министра двора. Мтавары Восточной Картии, после их разгрома в 1179 году, оказались в меньшинстве, и голосами

валихских князей Вардан Дадияни был выдвинут на этот пост.

В отношении будущего амирспасалара мнения дидебулов разделились. Одни князья предлагали назначить князя Гамрекела Торели, другие — молодого Рати Сурамели, третьи выдвигали доблестного Саргиса Мхаргрдзели. Тогда взял слово Кахабер, владетель рачинский:

— Снова беспокойно в царстве картлийском, государи дидебулы! Уже волнуются безродные людишки и даже вождей себе обрели, как сообщает высокопочтенный патроно Чнабер... А снятием с поста Хубасара, конечно, мы взволнуем полки кипчакские, и поэтому новый амирспасалар Картли должен быть муж доблестный, многоопытный и в войсках почитаемый. Иначе быть снова смуте великой! Князь Саргис Мхаргрдзели (его нет на нашем собрании!) хоть и мтавар недавний, но муж брани и совета. А главное — у него есть своя немалочисленная сомхитарская конница и старый он друг Хубасара! Стало быть, кипчакское войско подчинится ему... Да и другие спасалары за него станут. Я и советую, государи мои, назначим Саргиса амирспасаларом, а для крепости признаем его дидебулом наследственным. Тогда он весь наш будет!.. Я сказал.

Вардан Дадияни поддержал разумного старца. После долгих споров князья остановились на кандидатуре сомхитского эристава.

В правительстве пребывал еще третий кипчак — царский казначей, вазир финансов Хутлу-Арслан. У вельмож не было никаких сомнений, что и этого «худородного» сановника надо немедленно снять с должности. Чнабер со зловещим видом доложил собранию:

— Связался с купчишками вазир Арслан и с разным мелким людом, требования какие-то собирает выставить... Остерегаться нам надо этого человека!

Совершенно неожиданно Дадияни предложил отложить рассмотрение вопроса. Даже беззастенчивому владельцу Эгриси показалось неудобным выдвигать одновременно с собой на вторую министерскую должность своего сына Джуаншера (этого Дадияни рассчитывал добиться позже). Со списком новых министров князь Вардан направился в Исанский дворец к царице Русудан.

На следующий день в тронном зале, в торжественной обстановке, юная царица впервые встретила со знат-

ными людьми государства. Тамар и ее царственная тетка восседали рядом на тронах под балдахином. Князья стояли перед правительницами в веселом настроении, в почтительных, но непринужденных позах. От имени всей знати выступил Дадияни. Положив холеную руку в перчатке на драгоценный эфес сабли, князь Вардан неторопливо изрекал:

— Нас, великих дидебулов, опору трона, происходящих из благородных семейств потомков Картлоса, обирают и бесчестят эти сановники! Убеленные сединами на службе царской, ныне мы унижены неспособными к управлению людьми. Государыня, мы не можем больше терпеть сановников худородных в Картли! Покойный царь, твой отец, возвысил их необдуманно, после восстания несчастного царевича Демны...

Вздрогнула при упоминании имени двоюродного брата Тамар, бросила быстрый взгляд на говорившего и снова опустила взор.

Дадияни невозмутимо продолжал:

— Вот список новых — амирспасалара и вазира двора твоего, который мы предлагаем тебе утвердить своей августейшей рукой...

«Предлагаем!» Кровь прилила к бледным щекам Тамар. Судорожно хватая ртом воздух, она хотела что-то сказать. Но Дадияни с напускным пафосом dokonчил наглое требование знати следующими лицемерными словами:

— ...дабы свершилась воля господня и укрепилась, о царица царей, твоя могучая держава!

Русудан, которая с беспокойством следила за выражением лица племянницы, поспешила вмешаться:

— Патроно Вардан, это тот самый список вазиров, который ты мне вчера показывал?

— Тот самый, государыня! — с поклоном ответил Дадияни, передавая пергамент амирэджиби.

Русудан успокоительно обратилась к царице:

— Дорогая Тамар, ты спокойно можешь утвердить этот список. Я его просмотрела с князем Варданом...

И тетка с ними! Когда успели сговориться? В первый раз приходилось Тамар принимать решение первостепенной государственной важности и сразу же ломать дело покойного отца. Она молчала.

Взяв из рук амирэджиби пергаментный свиток, Русудан решительным жестом протянула его племяннице.

Услужливые руки поднесли калам и золотую чернильницу. Вардан Дадиани придвинулся к трону, показал Тамар место для подписи:

— Вот здесь подпиши, великая государыня! Печать я сам приложу.

Тамар нехотя вывела подпись. Вельможи облегченно вздохнули. Знать торжествовала свою победу. «Первый барон» Грузии Дадиани уже чувствовал себя властелином судеб царства.

Князь Саргис решил воспользоваться удобным случаем. Его громадная фигура выдвинулась вперед, густой бас седого великана загудел под сводами огромного зала:

— Великая государыня, прошу о твоей царской милости: верни из изгнания родича моего, князя Абуласана Арцруни! Безвинно он страдает на чужбине из-за покойного сына, заступившегося за права царевича Демны...

Второй раз напоминали сегодня Тамар, что она сидит на престоле лишь благодаря гибели Демны. Глаза юной царицы сверкнули. Она с неприязнью взглянула на нового главнокомандующего. Мелодичный девичий голос твердо произнес первые слова с трона:

— Князь Саргис, ты, видно, позабыл — мятежником против царской власти был Асан Арцруни, заодно с осужденными Орбели!

Русудан сочла необходимым снова вмешаться, памятуя предварительные условия, на которых дидебулы соглашались на воцарение Тамар. Серые глаза старой царицы вперились в разгоревшееся лицо Тамар:

— Вспомни, дорогая Тамар, Христос нас учил милосердию! Князь Асан умер, а его отец ведь и не был виновен ни в чем.

Тамар продолжала молчать. Тетка ободряюще кивнула новому амирспасалару, давая понять, что его просьба будет уважена.

Старый игумен Иоаннес, оказавшись при смерти, вспомнил о вардапэте Мхитаре Гоше, снискавшем за время своего пребывания в Нор-Гетике уважение и любовь братии. Иоаннес написал архиепископу Ахпатскому слезное письмо, в котором просил назначить отца Мхитара настояте-

лем монастыря. Владыка Барсег хоть и знал о вольнодумстве вардапэта, но, опасаясь поссориться с родичем, всемогущим правителем Сомхити и новым амирспасаларом, покровительствующим Гошу, подписал грамоту о назначении. Посланец с грамотой нашел вардапэта в Лорийском замке. Посетовав на вынужденный отъезд и сердечно попрощавшись с домочадцами, Гош выехал через Тбилиси к месту новой службы. В Тбилиси он остановился на отдых в доме князя Саргиса и имел с ним долгую беседу.

— Переменили мы вазиров, отче Мхитар, убрали кипчаков. Теперь одни высокородные люди у власти. Так-то, пожалуй, лучше будет...

— Не могу сие одобрить, ишхан Саргис. Несправедливо вы поступили с честными сановниками и нарушили завещание покойного царя Георгия. Верой и правдой служили картлийскому царству вазир Хубасар и Афридон, хотя и другого народа сыны. За что же их согнали? А князя, прости меня за дерзость, всегда только мешали нашим царям управлять государством! Багратиды стремились к единству власти, шли к новому, лучшему порядку в стране. А князя и в Айастане, и в Картли только о своем личном благе помышляли и помышляют. И нам, армянам, от княжеского правления проку не будет. Не помогут дидебулы нашему народу в борьбе с эмирами...

Саргис был озадачен неожиданно резкими суждениями вардапэта.

— Почто так судишь, отче Мхитар? Наши князя, я уверен, охотно помогут делу освобождения Армении от сельджуков.

— Весьма сомневаюсь! Вспомни, что сотворил Иванэ Орбели со своими присными? Поднял смуту в царстве, велел отдать обратно Ани эмирам, а потом вражеские орды на страну призвал, прямым изменником оказался! Нет, нам с князьями картлийскими не по пути, много смут в царстве они еще вызовут, я уверен... Мой добрый совет, великий ишхан, — всячески поддерживай своим воинством власть новой царицы, крепи дружбу армян и грузин! Ежели Тamar-царица в своего отца пойдет, ожидать можно много доброго и разумного от царственной отроковицы...

„МАЛЕНЬКИЙ ЛЕВ“

По залитому лунным светом крутому подъему двигались темные фигуры. Остановившись около дома с потухшими огнями, пришедшие слегка стукнули дверным молотком. Дверь бесшумно отворилась. Невидимый во мраке привратник молча повел пришельцев по сводчатому ходу и деревянной лестнице на второй этаж. Ощупью найдя дверь, пришедшие люди отворили ее и осторожно переступили порог. В большой комнате за дубовым столом, освещенным свечой в почерневшем подсвечнике, положив голову на руки, сидел Папуна Челидзе. Подняв голову и взглядевшись, азнаур молча поклонился.

— Где хозяин, дорогой Папуна? — спросил шелкоторговец Манвэл.

— Скоро вернется из Исани. Дел сейчас много у него, ох много! И все плохие...

— Изгнали-таки дидебулы Хубасара и Афридона, не захотели держать «худородных» сановников во дворце! — желчно заметил Бека Опизари.

— Теперь очередь за нашим патроном, — печально ответил Челидзе.

Все умолкли. На улице раздался дробный цокот копыт. К дому подъехали, послышались приглушенные голоса.

— Хозяин приехал, — произнес азнаур.

В комнату быстро вошел Арслан:

— Здравствуйте, дорогие друзья! — И сразу, озабоченно, к Манвэлу:

— Что ответил вардапэт, Манвэл-джан?

— Обещал попозже зайти, патроно Арслан, — ответил, кланяясь, шелкоторговец.

— Так.

Министр задумался: «Мхаргрдзели сейчас в гору пошел, пришлось его все-таки назначить амирспасаларом и наследственным дидебулом признать! А ведь я помню в дни юности парона Саргиса незнатным азнауром где-то в горах Сомхити. Духовник же семьи, вардапэт Мхитар, по слухам — человек благожелательных мыслей, к новому склонный. Стало быть...» Размышления Арслана прервало появление высокой худой фигуры в монашеском одея-

нии. Протянув обе руки, хозяин дома тепло приветствовал монаха:

— Проведал, что ты снова в Тбилиси, отче, и посмел беспокоить тебя приглашением, не обессуди! А это все мои друзья, которые давно жаждут с тобой познакомиться. Как твой «Судебник», куда путь теперь держать изволишь?

— Рад тебя видеть, патроно Арслан! Еду в Нор-Гетик принимать обитель. А «Судебник» я продолжаю писать, — сдержанно ответил Гош, видимо удивленный присутствием в комнате незнакомых людей.

— Смею просить, поручи копию с него сделать для меня. Очень обяжешь!

— Охотно, патроно Арслан. Вот только пергамента у меня маловато. Известно, как трудно с ним...

— Завтра же пришлю тебе пачку наилучшей велени. Ты где остановился, отче Мхитар?

— В доме парона Саргиса.

— У князя Мхаргрдзели? Большим человеком он ныне сделался, амирспасаларом вместо нашего Хубасара назначен... Уволили славного воителя!

— И то ведаю, патроно Арслан, — коротко бросил Гош.

— Да, отче, после смерти царя Георгия дидебулы и отцы святые совсем распоясались. Решили, что снова вернулось их время! Нас, служилых, и за людей не считают, как будто все мы не от Адама приходим... — вмешался в разговор Папуна.

— Создатель сотворил человеческие существа свободными, но властители не везде делают добро, хоть и ласковы на вид, — заметил Гош.

— Какое там «ласковы», отче Мхитар! Уже потребовал наш эристав, чтобы выставляли азнауры Кахети по одному всаднику не с девяти домов, а с семи. Это как же? Попросту хочет патроно Бакур за наш счет отличиться на царском смотре! — запальчиво говорил Челидзе.

— А все потому происходит, что лишились мы голоса всякого. Царь Георгий хоть иногда на большой совет вызывал служилых людей и купцов именитых, — вставил суконщик Хачерес.

— Эх, други, да разве плохо управляли нами целых сорок лет городские старцы, пока царь Давид силой не

завладел Тбилиси? — с горечью молвил Бека Опизари. — Вернулось бы опять то хорошее время, избавились бы мы от амиров царских...

Хутлу-Арслан внимательно наблюдал за выражением лица Гоша. Сочтя, что вардапэт держится тех же взглядов на вещи, что и заговорщики, он начал издалека и значительно:

— Умел держать в узде покойный царь Георгий своих вольных мтаваров. И в этом полезном для народа деле первыми помощниками были мы, его верные вазирьы. А теперь что получается? На престоле, вместо могучего монарха — отроковица юная, в делах царских неискушенная. И снова захватили власть в свои руки вельможи. Так, отче Мхитар?

Гош задумчиво глядел на царского казначея. «Почти то же самое я говорил парону Саргису. Но кажется, вазир ошибается относительно Тамар!»

— Так вот, ныне настаивают мои друзья и сторонники (а их много в Тбилиси), чтобы я, царский сановник и ратный человек в прошлом, пока меня не сместили, как это уже проделали с вазирами Хубасаром и Аффридоном, взял бы в свои руки дело народа, дабы пресечь самоуправство державное. Нельзя, чтобы цари одни со своими вазирами и дидебулами решали все вопросы, не выслушав голос народный. И надумали мы требования предъявить царице Тамар.

— Требования? А какие же это? — с удивлением спросил Гош.

— Мы требуем, чтобы рядом с царским дворцом возвели бы карави¹ для народных представителей, и пусть заседающие в нем правомочны были жаловать и лишать почестей, налагать опалу и миловать всех знатных и незнатных людей в царстве. И мы желаем, чтобы все решения, на карави принимаемые, приводились в исполнение после доклада о них царице Тамар. И надеемся, что князь Саргис благожелательно воззрит на наши предложения, — осторожно добавил кипчак.

Гош заволновался: «Кипчак хочет заручиться содействием войска. Пустая мечта!»

¹ Карави — буквально: «временное здание», в данном случае — парламент (*груз.*).

— Значит, вы попросту хотите, чтобы законы и указы только от вас бы исходили?! О чем мечтаете, опомнитесь! Да разве князья и отцы церкви допустят худородных к власти? А вся сила сейчас у них... Недавно лишь взял ишхан Саргис в свои руки войско царское, и разве поведет против отрядов княжеских?! И думать об этом не следует... Нет, патроно Арслан, я вижу — сил достаточных вы не собрали, раздавят вас дидебулы! Сами погибнете, а народу не поможете... в выигрыше останутся опять-таки князья!

«Не сумел убедить монаха!» — с горечью подумал вазир; осторожно произнес:

— Попытаться все же надо, может быть, царицы и согласятся... А ты, отче Мхитар, не взыщи за беспокойство! И да останется это дело в тайне...

Гош со вздохом поднялся с места:

— Разумеется, патроно Арслан. Прощайте!

Уже пропели вторые петухи, а жаркие споры после ухода Мхитара Гоша не утихали.

— Не вызовет войска Исани, я уверен, не захочет молодая царица пролить народную кровь! — говорил Манвэл.

— Но без оружия мы все-таки не придем, патроно Арслан! — предупредил Опизари.

— Конечно, мы не бараны, не дадим зарезать себя без боя ищейкам Чиабера! — поддержал пылкий Челидзе.

Степенный Хачерес-суконщик был иного мнения, но промолчал. Снова взял слово прославленный златокузнец:

— Патроно Арслан, я замечаю — мало ремесленников принимает участие в наших собраниях, а бедный люд и подавно отсутствует! То не дело — с одними купцами не одолеть нам мтаваров... Видишь, и Занкан не пришел сегодня, больным сказался.

— Золотые слова твои, почтенный Бека! Надо с братствами ремесленников тесную дружбу держать, — воскликнул Манвэл.

Хутлу-Арслан кивнул в знак согласия:

— Поручаю это дело тебе, Манвэл, и тебе, мой Бека. Деньги завтра выдам из казначейства, по ремеслен-

ным братствам раздайте. Пусть оружие закупают! А выступим мы в день святой пятидесятницы.

Давно покоился в могиле Саварсалидзе, и остался Исани без глаз и ушей. Соглядатаи вазира Чиабера предпочитали пьянствовать по духанам и брать взятки на базарах. Иначе разве застал бы врасплох городской мятеж вельможную знать, еще не разъехавшуюся по домам после коронации и удачной смены царских сановников?

Состав участников движения Хутлу-Арслана был пестр. Но преобладали купцы и зажиточные ремесленники, на которых всей тяжестью ложились законные и незаконные поборы. К ним примкнули служилые люди, жаждущие повышения, и притесняемое могущественными соседями мелкое дворянство. Городской бедноты было мало, как ни старались привлечь ее пламенными речами Папуна Челидзе, Олизари и другие вожак. Но оружие, что тайком раздавалось в темных углах торговых рядов, все-таки бедняки брали.

Большое кладбище Сагодебели (что означает «Место плача») располагалось на равнине, в десяти стадиях от царского дворца, и было окружено невысокой каменной оградой, с воротами в сторону Исанской дороги. В день пятидесятницы тихое место упокоения мертвых имело вид военного лагеря. С раннего утра большими группами стали стекаться по призыву «Маленького льва»¹ вооруженные горожане. У входа на кладбище стояли часовые, по дороге сновали всадники, непрерывно по мосту через Куру тянулись арбы с хлебом и питьевой водой в бочках. Среди могил были разбиты шатры, построены шалаши для укрытия от палящего солнца. В больших котлах варилось мясо, и уже бойко торговали палатки с разной снедью, а прибывшие духанщики цедили из бурдюков вино.

Свету невзвидели знатные люди царства, узнав о наглых требованиях мелких людишек под предводительством презренного кипчака. Вельможи громогласно обвиняли Дадиани в своекорыстной затяжке с делом устранения

¹ Перевод на русский язык имени Хутлу-Арслана. По-грузински — Патара-Ломи.

последнего «худородного» сановника («О сыне своем радел князь Вардан, а не о пользе общей!») и требовали решительных мер. Наиболее осторожные уже отъезжали из Тбилиси — отсиживаться в укрепленных замках. Встревоженная Русудан подолгу совещалась с министром внутренних дел Чиабером (уцелевшим при смене правительства) и начальником дворцовой охраны Цихишвили.

Вскоре придворный эджиб вскачь понесся на кладбище Сагодебели, где окопались мятежники. Гонец вез письмо Хутлу-Арслану от вазира Чиабера. Последний любезно приглашал сановного собрата пожаловать во дворец для переговоров по требованиям о создании карави. Одновременно, по совету того же Чиабера, тайно сообщили князю Мхаргрдзели, что коварный кипчак замышляет присвоить себе звание амирспасалара и при помощи своих соплеменников захватить Лори. Хоть и не знал ничего парон Саргис о готовящемся восстании тбилисских мокалаков (Мхитар Гош сдержал слово!), однако он не очень-то поверил навету... Давно перешел на мирную служебную деятельность Хутлу-Арслан, да и вряд ли Савалтхан и остальные кипчакские военачальники захотели бы поддержать мятеж купцов и ремесленников против остального войска... На всякий случай амирспасалар двинул к Исани гвардию, а из Лори вызвал свою надежную конницу.

Хутлу-Арслан сидел в большой палатке и обсуждал с главарями восстания полученное из дворца письмо. Послание было подписано Чиабером и имело многозначительную приписку о том, что содержание его «одобрено царицей Русудан».

— Молю тебя, Патара-Ломи, не езжай во дворец, не верь проклятой княжеской лисице! всю жизнь предателем был Чиабер! — возбужденно выкрикивал Папуна Челидзе.

— Но Чиабер ссылается на царицу Русудан! Пишет: «Останешься жив и сохранен, будем вести должные переговоры», — возразил менее смелый Хачерес.

— Конечно, конечно! В глубоких темницах Клде-кари можно чудесно прожить... если только не задавят палачи негодяя Чиабера! — издевался горячий Папуна.

Хутлу-Арслан был в глубоком раздумье. Стоять долго на кладбище Сагодебели с тысячами вооруженных людей

становилось невозможным — разбредутся все по домам. Идти же приступом на дворец означало дать открытый бой на неравных условиях. Осталось одно — пока собравшиеся на кладбище горожане представляют собой угрозу для дворца, попробовать договориться с царицами! Да, только один, только этот выход...

Хутлу-Арслан встал и решительно заявил соратникам:

— Решено, друзья, еду в Исани! Вели седлать коней, Папуна!..

Папуна схватился за голову:

— Горе нам! На гибель едешь, Патара-Ломи, говорю тебе, на верную гибель...

Но Хутлу-Арслан, нахмурившись, уже отдавал последние распоряжения.

— Папуна, останешься за меня начальником лагеря. Держи людей наготове и жди вестей от меня...

Папуна, махнув безнадежно рукой, выбежал из палатки.

Начальник дворцовой стражи Цихишвили с приветливой улыбкой уже ждал Хутлу-Арслана у главного входа. Рядом стоял дюжий сотник — его помощник. Ажурные железные ворота были широко распахнуты. Около стояла с непринужденным видом небольшая группа стражников без оружия. Согласно установленному порядку вазир спешил, чтобы пешком пройти по парадному двору. Коноводу он велел дожидаться у ворот. Цихишвили продолжал улыбаться. Только вазир прошел на двор, по знаку сотника обе створки ворот с треском захлопнулись. На Хутлу-Арслана со всех сторон набросились стражники, быстро обезоружили, скрутили руки назад. Осыпая насмешками, потащили по двору. Хутлу-Арслан не сопротивлялся. «Прав был верный Папуна! Шакал всегда останется шакалом. А я-то, старый дурак, поверил царскому слову...»

Из-за ворот оторопело смотрел коновод. Цихишвили грозно заорал:

— Схватите и его!

Коновод хлестнул плетью коня и помчался к лагерю.

Буря поднялась на кладбище Сагодебели, когда прискакал растерянный коновод с известием об аресте вождя восстания. В лагере объявили боевую тревогу. Со всех

сторон к воротам спешили вооруженные люди. Слышались громкие крики:

— Вызволим нашего Патара-Ломи! На дворец! Смерть собаке Чиаберу!

Толпа повстанцев помчалась по Исанской дороге, потрясая оружием. Впереди на коне, с обнаженным мечом в руке, ехал разъяренный Папуна. Сняв сторожевую заставу у городских ворот, мятежники подошли к дворцу и окружили главный вход. Через сквозную решетку закрытых ворот видно было, что во дворе сомкнутым строем выстроена дворцовая стража, с пиками наизготовку. Впереди стражников воинственно стоял сотник.

Папуна, часто сопровождавший вазира финансов в Исанский дворец, знал все ходы и выходы. Он быстро повел своих людей от ворот в глухой переулок. Взломав топором небольшую железную дверь в ограде, повстанцы лавиной ринулись через парк, ломая кусты, топчя цветочные клумбы и оглашая воздух громкими криками. Сотник с отрядом стражи бежал наперерез. Цихишвили куда-то исчез. Из внутренних помещений на террасу высыпали дворцовые лучники. Угрожающе натягивали луки, целились в толпу.

— Безумцы, мятежники! Да как вы посмели ворваться в царский дом! Я вас! — истошно орал сотник, испуганно оглядываясь по сторонам.

— Патара-Ломи! Давайте его живым и невредимым! — ревели в ответ повстанцы. — Весь дворец разнесем по камню! Смерть собаке Чиаберу!

В отчаянье сотник дал знак рукой лучникам. С террасы посыпались стрелы. Несколько повстанцев были поражены.

— Своих картвелов убиваете?! — бешено завопил Челидзе. — На, получай, палач!

Подскочив к сотнику, он изловчился и ударил саблей наотмашь по голове. Обливаясь кровью, сотник упал. Тотчас в отместку две стрелы впились в азнаура. Папуна захрипел и упал на землю. В ответ посыпались в стражу камни и дротики.

— Бей! Бей палачей проклятых!

Свалка стала всеобщей. Сверкали в воздухе кинжалы, пики, раздавался скрежет железа. Падали раненые и убитые.

Теснимые народом, стражники пятились к стене. И уже смельчаки добрались до террасы, но в это время открылась дверь и к сражающимся вышли две старые женщины:

— Братья, остановитесь! Во имя бога, остановитесь!..

Царица Тамар сидела за вышиванием в спальне, когда раздался грозный гул у главных дворцовых ворот. В покой с тревожным видом вошла Русудан.

— Что это происходит? Почему такой шум во дворе? — спросила Тамар, сдвинув тонкие брови.

— Мятежники требуют выдачи Хутлу-Арслана.

— Какие мятежники? Почему они ищут вазира во дворце? — недоумевала Тамар.

Русудан, замявшись, призналась:

— Цихишвили его арестовал.

Тамар вскочила. Сжав кулаки, подступила к тетке:

— Арестовали царского сановника без моего ведома и приказа? Что делается в моем царстве, кто правит в Картли?!

— Но, дорогая Тамар, как раз этот Хутлу-Арслан и хочет ограничить твою власть! Прислал какие-то нелепые требования... — защищалась Русудан.

— А где они? Почему мне их не показали?! — с трудом сдерживала гнев Тамар. — Опутываете меня кругом, шагу ступить не даете! И первая — ты, — с горечью упрекнула тетку.

В покой вбежал побледневший князь Цихишвили:

— Беда, великая государыня! Мятежники в сад ворвались. Их тысячи, а у меня только моя стража...

— Где Чиабер? — ледяным тоном спросила Русудан.

— Не ведаю, государыня. Надо вам спастись через конюший двор, пока не поздно, — лепетал испуганный Цихишвили.

Неожиданно резко зазвенел в покое голос Тамар:

— Царица Картли не уходит по черному ходу из своего дома. Даже спасаясь от мятежников! Иди и защищай дворец, князь Цихишвили. А о нас не заботься...

Русудан невольно залюбовалась племянницей. Настоящая Багратуниани!

Из находящейся рядом приемной послышались женские вопли:

— Горе нам! Все погибнем!

Русудан бросилась в приемную.

— Молчать! — раздался ее резкий голос. Придворные дамы притихли. Слышно было чье-то всхлипывание.

— Стыдно вам, матерям и женам мтаваров, так трусливо вести себя! — продолжала разгневанная Русудан. — Стыдно и позорно!

Вперед вышла почтенная Хошак Цокали, мать эристава Сурамели:

— Государыня, у нас в горах, по обычаю, женщины становятся между меч обнажившими. Не допускают пролития братской крови! Дозволь, я выйду к мятежникам. Кто пойдет со мной?

Рядом с нею стала княгиня Крава — жена Боцо Джакели:

— Выходи, госпожа Хошак. Я пойду с тобой.

— Вот достойное поведение, княгини! Передайте мятежникам, что царица Тамар помиловала Хутлу-Арслана, — распорядилась Русудан. Женщины вышли из зала.

— Прекрасно! — раздался сзади негромкий голос Чиабера. — Пусть только княгини задержат на некоторое время бунтовщиков, я уже вызвал гвардию!

Русудан покосилась на вазира и, ничего не сказав, вернулась в спальню.

— Картвелы, стойте! — звучал женский голос в саду. — Прекратите проливать братскую кровь!

— Патара-Ломи! Где он? Отдайте нам Патара-Ломи! — закричали в ответ повстанцы, прекратив бой со стражей. Дворцовый парк был полон вооруженными. Возле террасы лежали тела убитых и раненых. Не в силах сдержать стонов, мучались пораженные стрелами и мечами, корчились на клумбах умирающие люди.

— Великая царица помиловала вазира! — продолжала увещевать княгиня Цокали. — Сложите оружие!

Вооруженные противники стояли друг против друга, еще тяжело дыша после схваток. На земле, поддерживаемый Манвэлом и Опизари, умирал Папуна.

— Войско! — выкрикнул кто-то.

Все взоры обратились к равнине.

С дворцовой возвышенности в клубах пыли проглядывалась разлившаяся по полю темная масса конницы. Приближалась гвардия. Ее вел молодой князь Джуаншер — ведь именно ему обещал отец пост министра финансов после подавления мятежа! А вот и со стороны Таборских высот, по ту сторону реки, тучей зачернели

всадники — из Лори подступали вызванные амирспасаларом полки.

— Отступайте на кладбище, други! — прохрипел Чепидзе и закрыл глаза.

Неся на руках окровавленных убитых и раненых, поспешно отступали повстанцы из дворцового парка, чтобы не оказаться в ловушке. Однако и кладбище Сагодебели вскоре оказалось окруженным со всех сторон царскими войсками.

В Исанском дворце шло спешное заседание вазиров с участием крупнейших вельмож. Председательствовал католикос Микаэл. Чиабер держал длинную речь:

— Святейший отец! Государи мои, вазирьы и дидебулы Картли! Пообещаем подлым мятежникам, что вместо нелепого карави, которого они требуют в сатанинском ослеплении, царица царей Тамар соблаговолила дать согласие на расширение прав нашего совета с введением в него именитейших купцов тбилисских и кутаисских. Согласимся, чтоб отныне все царские указы имели ссылку, что решение принято царицей совместно с сановниками и по согласной их воле. Это и лучше для нас! А Хутлу-Арслана придется-таки выпустить из тюрьмы... Так повелела царица Тамар! — со вздохом добавил он.

Загудели голоса вельмож:

— Нельзя освобождать мятежника. Не согласны!

Тогда во весь свой колоссальный рост встал амирспасалар Саргис, твердо молвил:

— Государи мои, приказ царицы царей Тамар — закон для картлийского войска. Пока я жив и им команду! — И парон Саргис медленно обвел всех глазами.

Дидебулы примолкли. Сами виноваты — допустили этого Мхаргдзели к верховному командованию! Лучше было бы князя Гамрекела Торели — он покладистее старого сомхитара. Но все равно мерзавец Хутлу-Арслан больше не вазир! «Прахом был и в прах возвратится...»

Чиабер подвел заключительную черту:

— Итак, государи мои, объявим помилование всем мятежникам. Довольно, мол, крови, пусть мирно расходятся по домам. А мои гзири усилят надзор, будут неусыпно следить за главарями. А в отношении же вожака — презренного Хутлу-Арслана — я уже подготовил на под-

пись великой царицы указ. Предлагаю назначить на его место князя Джуаншера. — И с поклоном в сторону министра двора он добавил: — Ваш достойный сын, батоно Вардан, наведет порядок в казначействе, я уверен, очистит его от бунтарей и вольнодумцев!

Залихские мтавары одобрительно зашумели. Остальные вельможи поддержали кандидатуру Джуаншера Дадяни. На этом решении окончился коронный совет.

Трое суток, без пищи и воды, просидели повстанцы в Сагодебели, одни, без вожаков. Хутлу-Арслан так и не появился, исчез без следа. Нашел на кладбище безвременную могилу честный Папуна. Из-за кордона войск, тесно окружавших лагерь повстанцев, слышались плач и призывы близких — жен, матерей. Их велел подпускать поближе Чиабер...

Не выдержав, повстанцы сдались и сложили оружие. По царскому повелению, после переноса их отпустили домой. Скоро Сагодебели обрело обычную кладбищенскую тишину, как это и подобает месту упокоения мертвых.

Немного времени спустя стал раздаваться по ночам стук в двери домов, где проживали недавние мятежники, хозяев вызывали из дому и уводили вооруженные люди. Дерзкие покусители на царские права бесследно исчезали. Столица царства очищалась Чиабером от бунтовщиков... А Тамар, выслушав доклад секретаря коронного совета, глубоко задумалась над словами амирспасалара.

Г л а в а III

ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ

Тяжелые обложные тучи низко висели над Сунджей-городком в предгорьях Кавказского хребта. Третий день лил дождь на юрты кочевников. С полудня густой туман стал стеной над заречной равниной.

Князь Юрий был в дурном расположении духа. И то сказать — осрамили его вечер у хана обезские купцы. Привезли в Сунджу редкостную парчу да доспехи чеканные и всяческую рухлядь¹ добрую, а ему и купить

¹ Рухлядь — меха (древнерусск.).

их не на что! Только и смотрел голодными глазами, как раскупали их себе и женам богатые половецкие мурзы...

«Эх, жизнь как повернулась-то!» — думал Юрий Андреевич, тоскливо глядя в тусклое слюдяное оконце. В убогой юрте быстро темнело, и пасмурно было на душе у бедного изгоя.

Младшему сыну и единственному наследнику (старший брат Мстислав волей божьей помре!) убийного ближними боярами великого князя Андрея Боголюбского шел тридцатый год. Огромного роста, по виду — настоящий былинный молодец, всем взял князь Юрий. Несколько портили правильные черты красивого лица чуть скошенные к вискам глаза (унаследованные от бабки-половчанки, второй жены деда — великого князя Юрия Долгорукого) да нездоровая отечность от неумеренных выпивок за долгие годы сидения на хлебах у половецкого хана Гзака, дальнего родича владимирских князей.

Заскучал. Хоть бы Вышата скорее пришел! Где его сатана на дождю носит, выпили бы с тоски...

И впрямь без Вышаты нелегко было бы вдали от милой отчизны князю Юрию. Из боярских детей новгородских (в юности княжил до изгнания Юрий в Великом Новгороде), детина саженого роста, с русой бородой и добродушными глазами, на всю жизнь привязался Вышата к князю Юрию и не покинул в беде. Нравом новгородец был добролюбив, только пить вино не умел... В похмелье просыпался в нем дух Васьки Буслаева и лихих ушкуйников, что все Поморье Господину Великому Новгороду завоевали, до Урала доходя за ясаком, — и тогда сам черт ему был не брат! Громче всех на Волховском мосту раздавался в схватках зычный голос Вышаты, направо и налево крошил он кулачищами супротивников, покуда не скидывали самого в реку. Трезвел богатырь в холодной воде, отфыркиваясь, плыл к берегу и уже в драку больше не ввязывался. И петь бывальщину был горазд Вышата, и на гусях играл изрядно...

Вышата оказался легок на помине. Сняв мокрый капелюш, спокойно доложил:

— Вечор опять за рекой яских лиходеев видели половцы. Обстреляли из луков. Те было наутек. А потом снова стали маячить. И стражи не боятся! Теперь-то в тумане укрылись воры...

— Неужто и отсель отъезжать надобно? — угрюмо молвил Юрий Андреевич.

Вышата пожал широкими плечами. Усевшись на скамью против князя Юрия, с таинственным видом сказал:

— Купцы бесерменские давеча о тебе спрашивали, княже.

— Не бесерменские то, православные. Из Обези.

— Все едино, обличье бесерменское! Отколь, мол, царевич твой родом, и почто изгоем живет у половецкого хана, и чей он сын, — невозмутимо продолжал Вышата.

Хохотнул самодовольно:

— Я им уж и наврал. То-то, знай наших!

Юрий ничего не ответил. Нарастала горькая обида. Убили отца, наследства лишили, родня даже самого малого удела не захотела выделить единственному сыну великого князя Владимирского. Все нажитое отцом добро расхитили убийцы, загнали сына в далекую Половецкую степь. А и здесь покоя нет. Послал Юрий в ту пору (после убийства отца-князя) из Новгорода верных людей во Владимир, утопили в озере главного убийцу, ясина Анбала. Кровь за кровь — и квиты, казалось бы. Ан нет! Шестой год подсылает своих воров сестра Анбала — проклятая Мария, жена дяди Всеволода, убить хотят Юрия. Два раза еле отбились с Вышатой от лиходеев. А теперь снова появились воры... Уезжать надо бы подальше от греха, а куда?

Вышата высек огонь. Засветив каганец, поставил его на грубо сколоченный стол. Потом достал большой деревянный жбан с крепкой брагой, привычной рукой разлил питье по кубкам. Молча чокнулись, выпили. Повторили не раз. Потом Юрий Андреевич мятым голосом попросил:

— Спел бы ты старину какую, Вышата...

Новгородец снял с гвоздя гусли. Наладив, негромко запел о Потоке-богатыре свет Ивановиче:

Вынимает он, Поток,
Из налучника свой тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
И берет он тугой лук в руку левую,
Калену стрелу в руку правую,
Натягивает он тугой лук за ухо,
Накладывает калену стрелу семи четвертей,
Заскрипели полосы будатные,
И завыли рога у тугого лука...

— Ишь ты! А лук у него, поди, сложной был... — заметил, зевая, Юрий Андреевич. — А стрелы-то какие были?

— Этого в былине о Потоке Ивановиче не сказывается. А вот в былине о Дюке Степановиче, знатном госте нашем новгородском, о стрелах так сказано, — ответил Вышата и снова запел:

Колоты они были из трость-дерева,
Строгали те стрелки в Новгороде,
Клеены они клеем осетр-рыбы,
Перены они перьяцем сиза орла,

Не прекращались волнения в царстве у молодой царицы. Только улегся шум мятежа Хутлу-Арслана, как возникли новые раздоры. На этот раз в церкви. Некогда провозгласил себя ее главой державный прадед Давид. Но энергичный, малоразборчивый в действиях католикос Микаэл сумел вернуть бывшее значение Мцхетскому престолу. А добившись еще при жизни Георгия III должности председателя коронного совета, он вознамерился диктовать свою волю и Тамар. Тогда по совету Русуданцарицы из Иерусалима выписали бывшего католикоса Николоза Гуласберидзе, которого выжил было из Картли Микаэл, а из Кутаиси архиепископа Антония — смертельного врага Мирианидзе. Со скрежетом зубным вынужден был согласиться католикос Микаэл на созыв церковного собора, но свои меры принял. Где посулами, а где угрозами, он сколотил себе большинство. Как ни старались противники, уличая святителя во многих темных деяниях, добиться его отлучения, Микаэл устоял и остался главой картлийской церкви.

Вскоре после неудачи на соборе Тамар ожидало новое испытание судьбы — решался вопрос о ее замужестве.

Найти подходящего мужа для царицы, однако, оказалось много труднее, чем предполагали придворные интриганы. Основными условиями для женихов были — царское происхождение и принадлежность к православной вере. Мнением и желаниями царственной невесты никто не интересовался. И не раз втайне плакала от гнева и отчаяния молодая царица при мысли о навязываемом ей знатью браке с неведомым и нелюбимым человеком...

Министр двора, могущественный Дадзиани, вел переписку с константинопольским двором. Однако посольство императора Андроника уехало и более не возвращалось. Комнины были всецело заняты смертельной борьбой за престол, и цесаревичу Мануилу было не до женитьбы.

Царица Русудан поручила верным людям произвести поиски христианских царевичей в разных местах. Но их не удалось найти ни в бедных ущельях Алании, ни на равнинах Дешт-и-Кипчака. На юге и востоке царили одни мусульмане, до Суздальской Руси было слишком далеко, а в уделах Приднепровья не прекращались княжеские междоусобицы.

Феодалы Сомхити, Кларджети и других южных областей, возглавленных отцом и сыном Арцруни, также никак не могли подыскать подходящего царского жениха.

По вековым традициям банкиров всех времен, Занкан имел своих осведомителей при дворе. Глава купечества уцелел после разгрома восстания Хутлу-Арслана. Он был в курсе ожесточенной борьбы дворцовых группировок и, естественно, держал сторону своего вельможного покровителя, вернувшегося из изгнания князя Абуласана. Рассказы тбилиских купцов, приехавших из Дешт-и-Кипчака, заинтересовали Занкана. Он тотчас отправился во дворец Арцруни.

— Так ты утверждаешь, мой Занкан, что у кипчакского хана в Севандже проживает в бедности и нужде сын царя рузиков?

— Так, ишхан. Седьмой год уже живет он в изгнании, а сам — царского рода и православной веры. Все, что требуют правила престолонаследия и церковные каноны!

— Гм! А почему же его изгнали из царства? — продолжал допытываться Абуласан.

— Приближенные люди убили отца его — царя рузиков — за властолюбие. А царство сие превеликое — сто, двести князей подвластны нынешнему рузикскому царю, его дяде — Савалту. Дядя-то и изгнал родного племянника из царства, лишил престола, — уверенно пояснял Занкан, вспоминая сообщения купцов.

— Так, так! Поступил, как наш покойный царь Георгий с царевичем Демной... Только в живых оставил. Все понятно.

Абуласан потер маленькие руки, волнуясь встал и начал ходить по обширному покою. Глава купечества с торжествующим видом сидел, поглаживая пышную бороду.

— Скажем, триста князей в царстве рузиков... — развивал мысль князь Абуласан.

— Может быть, и триста, — охотно согласился Занкан. — Только они подвластны не царевичу, а его дяде — Савалту.

— Какая разница? Одна ж семья. Значит: царское происхождение, православная вера, изгнание и бедность... Да и дружины своей у царевича тоже, видимо, нет, — прикидывал князь Абуласан.

Он задумался, сел снова в кресло и обратился со строгим видом к Занкану:

— Слушай меня, Занкан. Большое дело может получиться, и весьма для нас выгодное. Завтра заседание совета, будем снова обсуждать вопрос о замужестве нашей царицы. О рузикском царевиче никому ни слова. Понял? И своих купцов припугни, чтобы язык за зубами держали! Жди меня вечером после совета у себя...

Занкан понимающе кивнул. Глава купечества пользовался полным доверием у Арцруни. Но всех своих козырей князь Абуласан не открывал даже преданному Занкану. После ухода купца он вынул из железного сундука какой-то пергамент и стал внимательно его перечитывать.

Уже давно заседал коронный совет в обширном зале Исанского дворца. По придворному этикету, царицы отсутствовали. Не было и святых отцов, которые доругивались на соборе. До хрипоты спорили вельможи о различных претендентах на руку Тamar — ни один не удовлетворял всем условиям. Дав всем выговориться и дождавшись, пока доведшие себя до изнеможения дидебулы хотели уже закрыть заседание, князь Абуласан встал и попросил слова у председательствующего эристава хунанского Давида. Расправив седые усы, с лукавым блеском в маленьких пронизательных глазах, он начал свою речь:

— Государи мои, я знаю одного православного царевича. Он — сын покойного царя рузиков. Триста князей

ему подвластны, молод и статен царевич Георгий, могуч телом и прекрасен лицом. Престол рузикский пока занимает его дядя — Савалт. А сам царевич со своей дружиной храброй ныне гостит у родича, могущественного кипчакского хана, в городе Севандже, что в Дешт-и-Кипчаке. Вот поистине достойный супруг для нашей царицы царей!

Вардан Дадияни подал реплику с места:

— Кому же все-таки подвластны триста князей рузикских, если их столько есть! Георгию или Савалту?

— Какая разница? Одна ж семья, — повторил свой главный довод Абуласан. — Царевич подлинный, без обмана, и православной веры. Где и кого лучше найдем? Ширваншаха? Но он мусульманин. Сын эмира Салдуха? Но тот тоже неверный...

Дадияни, не сдаваясь, гневно воскликнул:

— Забыл ты, князь, о главном женихе для нашей государыни — паниперсевасте Мануиле? Он — императорского рода, наследник престола, православный. Я...

Абуласан перебил министра двора:

— Да что ты, женихов с того света нашей богоравной царице стал предлагать, князь Вардан?! Опомнись!

Вардан Дадияни оторопело взглянул на князя Абуласана. Тот спокойно вытащил из кармана придворного кафтана пергаментный свиток и, обращаясь к сидящим в креслах членам совета, с торжествующим видом объявил:

— Государи вазирьы и дидебулы, в месяц сентября одиннадцатого числа сего чытыреста четвертого кроникона¹, кир Андроник и сын его паниперсеваст Мануил убиты при дворцовом перевороте. На престоле святого Константина ныне восседает Исаак Ангар². Вот письмо ко мне благородного патрикия Никиты Хониата из Константинополя.

— Не может того быть! — переглянулись вельможи.

Абуласан с улыбкой протянул министру двора пергаментный свиток. Прочитав, ошарашенный Вардан Дадияни примолк.

Амирспасалар Саргис счел момент подходящим для своего выступления:

— Государи мои, я думаю, князь Абуласан прав! Где мы лучшего мужа для царицы царей найдем? Давно и

¹ 11 сентября 1185 года.

² Грузинская транскрипция имени династии Ангелов.

бесплодно ищем. А нам нужны дружба и союз с могучими рузиками христианской веры! И раньше ведь роднились цари картлийские с властителями рузиков. Возьмем хотя бы замужество царицы Русудан. Не так ли, государь Давид?

Хунанский эристав по преклонному возрасту и необыкновенной памяти своей был ходячим справочником по дворцовой хронологии. Отлично помнил он, как торжественно отправляли в Киев молодую царевну Русудан в жены великому князю Изяславу Мстиславовичу. Кивнув седой головой, он подтвердил:

— Так было, князь Саргис!

Дидебулы зашумели. Неожиданная гибель греческого претендента на руку Тамар спутала все карты у сторонников Дадиани. У царицы Русудан поиски православных царевичей ничего не дали. А тянуть дольше с замужеством царицы Картли нельзя было никак. Абуласан явно брал верх, предложив выгодного жениха из царства рузиков.

С победоносным видом князь Арцруни внес новое предложение совету.

— Давайте пошлем верного человека в Дешт-и-Кипчак за рузикским царевичем, привезем его в Тбилиси. Сами убедитесь тогда, что муж сей — весьма родовитый, сильнее всех царей той страны, да и в других отношениях тоже подходящий. Предлагаю послать с этим поручением дидвачара¹, достойного Занкана.

Выхода не было. Председательствующий эристав Давид возгласил:

— Итак, государи вазирь и дидебулы, по согласной нашей воле поручаем князю Абуласану послать купца Занкана за рузикским царевичем в Дешт-и-Кипчак.

Обращаясь к Вардану Дадиани, который молчал с мрачным видом, старик мягко добавил:

— Прошу тебя, князь Вардан, по должности своей объяви решение совета святым отцам и великим царикам.

Снабженный письмом совета и богатыми дарами от князя Абуласана, Занкан с ближайшим караваном пу-

¹ Дидвачар — крупный купец (груз.).

стился в путь в Дешт-и-Кипчак. Надо было спешить. На дворе стоял октябрь, и доступ к Аланским воротам со дня на день могли закрыть снежные заносы.

Отправляясь в опасный путь в те далекие времена, купец преобразался. На хорошем скакуне, в кольчуге и с мечом на боку, он выглядел настоящим воином. С караванами следовала большая наемная охрана, способная отбить нападение любой грабительской шайки. Двигались только днем, от караван-сарая до караван-сарая, на ночь выставляли надежные караулы. В горах Кавказа вычились только лошади и мулы, в отличие от верблюжьих караванов Средней Азии. Издали такие торговые караваны иногда трудно было отличить от военных походных колонн.

Перевалили через Главный хребет. Солнечная Грузия осталась позади. Путников встретил холодный затяжной дождь. Следуя по узкой тропе вдоль течения бурного Терека и пройдя Аланские ворота, где на левом берегу стояла на скале последняя грузинская пограничная крепость, караван Занкана вступил в предгорную равнину и вскоре достиг города Сунджи — владения Гзака, внука половецкого хана Шарукана, некогда разбитого под Киевом Владимиром Мономахом.

Не сразу поверил бедный изгой в свалившееся с неба счастье. Но письмо коронного совета, богатые подарки князя Абуласана и лстивые заверения купеческого главы были не сном, а явью. Его приглашают княжить в богатую, обильную страну... Ну, держись теперь, дядя Всеволод!

Оделив гостеприимного хана Гзака и его приближенных привезенными Занканом богатыми подарками и сердечно с ними распростившись, Юрий Андреевич, не мешкая, двинулся с большой свитой в неизвестную страну, где его ждала сказочная судьба. В пути и на долгих ночных остановках в горных аулах, греясь у костра, Занкан, следуя особым указаниям князя Арцруни, терпеливо вводил Юрия Андреевича в курс дел царского двора, давал добрые советы.

Юрий Андреевич был неглуп по природе и имел за плечами опыт княжения в строптивом Новгороде. Осторожные намеки Занкана и искусно подобранные сведения слагались в определенную картину. В Обези удельные князья такие же своевольные, как и на Руси, — каждый в

свою сторону тянет! Однако у царицы и своя рать есть—большие конные полки половецкие да и другое воинство, как у покойного батюшки было. А вот у него, Юрия, от княжей дружины после долгих годов странствий осталось лишь с десятков конников да пешцев с полусотни... Худо это, очень худо! На кого опереться? Нельзя же все из рук жены смотреть... Да и как с ней объясняться? Юрий Андреевич с грехом пополам мог говорить по-гречески, наученный монахами в Боголюбове. Надобно бы и местный язык знать... И уже в дороге сметливый князь Юрий стал брать уроки у Занкана, учиться языку своих будущих подданных.

Глава IV

В ТБИЛИСИ

В конце XII века Тбилиси был богатым городом с многочисленным торгово-ремесленным населением. После освобождения города (в 1122 году) Давидом II Строителем от двухсотлетнего владычества арабской династии Бану-Джафар он стал постоянной резиденцией картлийских царей.

Когда Юрий Андреевич со свитой подъехал к предместью Накулбакеви, перед ним в речной долине на обоих берегах Куры раскинулся многолюдный город. Он весь сверкал цветными постройками «среди садов с нарядными оградами и приятными на вид деревьями», как пел о Тбилиси средневековый поэт. Через реку были переброшены каменные мосты, и по ним сновало множество народу. Остроконечные купола храмов высоко поднимали к небу свои золотые кресты. «Вот ты каков, мой стольный град!» — подумал Юрий и в восхищении повернулся к Вышате:

— А ведь побольше батюшкина Владимира будет град сей, а, Вышата?

— И то сказать, княже, церковей одних, верно, больше сотни. А вон и кремль на горе! — Вышата показал плетью на Нарикальскую цитадель.

— Вперед! — крикнул Юрий Андреевич и быстро помчался по мощеной дороге.

Юрий Андреевич со своими спутниками остановился у гостеприимного князя Абуласана. После непродолжительного отдыха, отмывшись от дорожной грязи в великолепных серных банях (Вышата хоть и вздыхал по березовым веничкам!) и приодевшись, будущий муж Тамар сегодня в первый раз должен был предстать перед картлийской знатью.

Владетельные князья живо заинтересовались рузикским женихом, выходцем из могучего северного царства. Уже считали многие в Картли дни и месяцы, когда могут прибыть морем или через «Ворота аланов» неисчислимые рузикские полки для совместной борьбы с неверными. На прием собрались все мтавары и знатнейшие азнауры Картли, кроме Вардана Дадиани, который не мог никак переварить свое поражение в результате мастерского хода противника. Пожаловал и сам католикос Микаэл в сопровождении видных клириков.

Из Лори приехал амирспасалар Саргис с сыном Захарием, назначенным уже начальником конной гвардии. Еще выше стал он ростом, еще более раздались его могучие плечи. Но уже в дороге парон Саргис заметил угрюмое настроение сына. «Пора бы женить, парню двадцать четвертый год пошел, о чем только думает Саакдухт? Ничего, веселый пир развлечет моего Закарэ...»

Торжественный прием во дворце Арцруни в честь рузикского царевича был в полном разгаре. Слуги сбились с ног, поднося изысканные яства и вина гостям, сидящим на ковровых подушках за низкими столами. Разбогатеи от набегов на соседей и от поборов с подданных, вельможи ели и пили на золоте; но вилок в Грузии еще не было, пищу брали руками, разрезая мясо маленькими кинжалчиками. Прислужники часто подносили гостям серебряные водолеи для омовения рук. Ели вельможи много, а пили еще больше. Благодатная земля картлийская давала превосходное вино, и оно лилось рекой на княжеских пиршествах.

Абуласан был в превосходнейшем настроении — тонкая интрига развивалась планомерно и успешно. Из состоявшихся с Юрием Андреевичем нескольких бесед князю Арцруни стало все ясно. И отчаянное положение измученного семейными несчастьями и годами скитаний законного наследника рузикского престола, не имеющего никаких надежд восстановить свое былое положение на

Руси при враждебно настроенной к нему многочисленной родне Мономахового корня. И неустойчивость характера Юрия. И его властолюбие, унаследованное от отца, и склонность к бражничанию. «Как воск будет у меня в руках!»

Потребовав внимания гостей и высоко подняв рог с вином, Арцруни громко провозгласил здравицу:

— Многая лета нашему нареченному царю Георгию!

— Царю?! — переглянулись мтавары. Лишь некоторые нерешительно подняли кубки. Католикос Микаэл, усмехнувшись, стал оглаживать пышную бороду: «Поторопился князь Абуласан, посмотрим, как обернется дело...»

Среди всеобщего замешательства в тишине раздался звонкий голос молодого Торели:

— Разве и муж нашей царицы царей Тamar будет коронован, князь Абуласан?

Поднялся невообразимый шум. Все кричали, не слушая друг друга. Микаэл злорадно подумал: «Жаль, нет здесь князя Вардана... порадовался бы промаху старой лисицы!»

Из всёй поднявшейся за столом перепалки Юрий Андреевич понял одно: хозяин дома допустил какую-то ошлошность, связанную с его именем.

Вскочив с места, побледневший Абуласан завопил:

— Успокойтесь, государи мои, молю вас! Меня неправильно поняли... — стал что-то усиленно объяснять соседям, наскоро шепнув князю Юрию: — Обычная история! Как выпьют наши вельможи лишнюю чару вина, всегда шум поднимают из-за пустяков...

Пир продолжался, но веселье было явно нарушено неуместной здравицей хозяина.

Захарий не принимал участия в обсуждении происшествия, лишь исподлобья наблюдал за приезжим царевичем. «Вот что значит знатность происхождения и единая вера! Приехал издалека человек, ничего мы не знаем ни о его доблести, ни о нраве и уме, а ведь будет мужем Тamar, будет! А все дядя Абуласан... — со злобой подумал Захарий. — И зря отец ему верит...»

Вышата сидел между двумя азнаурами из Кахети, которые его усиленно потчевали вином. После кислой бузы и вонючей араки, которыми они с князем Юрием пробавлялись все эти годы у хана Гзака, кахетинское показалось Вышате райским напитком. А выпив вина не в

меру, стал Вышата по давней привычке своей бахвалиться. На беду, рядом с кахетинцами сидел кипчак-толмач, прибывший с Юрием Андреевичем. Толмач со смехом стал переводить азнаурам пьяные разглагольствования новгородца.

— Смотрю на вас, добрые молодцы, и удивляюсь, зело удивляюсь...

«Добрые молодцы» насторожили уши. Чиабер Торели, еще не успокоившийся после своего неожиданного выступления и тоже немало выпивший, закричал толмачу:

— Спроси, толмач, чему у нас так удивляется приезжий верзила?

А Вышата продолжал нести околесицу:

— Ну что за оружие у вас? Саблюки что игрушки малые, легкие! Разве ими побьешь панцирника?! — И пренебрежительно добавил: — Видно, тяжелы наши добрые мечи для ваших ручек белых!

Юрий Андреевич слишком поздно заметил, что Вышата опьянел и чудит по обыкновению. Найдя выход своему дурному настроению, Захарий крикнул с места толмачу:

— Прошу, друг, переведи рузикскому азнауру — лубой меч из его руки выбью, как только проспится он и отрезвет.

Князь Абуласан, обеспокоенный возможностью новой стычки за столом, гневно заметил племяннику:

— Опомнись, Закарэ, разве можно вызывать гостя на поединок? Дедовские обычаи забыл?

Тут рассердился уже амирспасалар Саргис. Загудел на весь зал:

— Да что понимаешь ты в воинских обычаях, Абуласан? С каких это пор состязание на тупых мечах — поединок? Пусть померяются силами молодые люди и нас порадуют своим ратным искусством!

Юрий Андреевич любил военное дело. Но когда толмач объяснил все происшедшее, он бросил взгляд на богатырскую фигуру Захария и неодобрительно крикнул захмелевшему Вышате:

— Рано забахвалился, невежа, поди-ка лучше выспись! Завтра посмотрим, каков ты герой с похмелья...

Подняв кубок с вином, Юрий с дружелюбной улыбкой обратился на греческом к Захарю:

— Не знаю, кем и величать тебя, господин. Желаю доброго здравия! А на Вышату не гневайся... добр он и предан, верный человек. Только захмелел чуток и куролесит! А зла никогда не сотворит, боже упаси...

Сообщение о том, что князь Абуласан нашел для Тамар жениха — рузикского царевича — где-то на севере, а также о решении коронного совета, которое с кислым видом передал обеим царицам новый министр двора, привело Русудан в состояние тихой ярости. Удручала мысль, что всех обогнал пронырливый Абуласан, своего человека продвигает к царскому трону... И зачем только вернули его с родичами в Картли?! В пылу гнева Русудан забывала, что именно по ее настоянию Тамар, с большой неохотой, согласилась на возвращение Арцруни в Тбилиси. Свое негодование старая царица щедро изливала на приближенных. Больше всего доставалось смиренному иноку Теофилу, личному царицыну чтецу, который никак не мог угодить раздосадованной госпоже ни интонацией голоса, ни соответствующим произношением евангельских словес и в эти дни частенько бывал с позором изгояем из царских покоев.

У Тамар любопытство, обычное и естественное для девушки во время сватовства, было заглушено чувством горечи. Вельможи распоряжались рукой своей царицы, не спрашивая ее сердца...

Настал, наконец, день царских смотрин. В большом тронном зале Исанского дворца, где уже собрался весь двор и обе царицы восседали на тронах под балдахином, амигрэджиби, стукнув о пол золотым жезлом, громко возгласил:

— Царевич рузиков, багрянородный Георгий!

Взоры всех присутствующих впились в распахнутые настежь двери. В них показалась высокая статная фигура молодого широкоплечего мужчины, с небольшой русой бородкой и слегка раскосыми глазами. Князь Юрий был облачен в богатый малиновый кафтан с меховой оторочкой, с осыпанной драгоценными камнями хорасанской саблей (личным подношением Абуласана) на боку. Обут в красные узорчатые сафьяновые сапоги на высоких каблуках, в руках держал соболью шапку с малиновым же парчовым верхом.

Юрия Андреевича сопровождали Вышата и немногочисленная приезжая свита, приодетая в исправную одежду иждивением того же рачительного князя Абуласана. В общем группа высоких светловолосых людей с севера производила хорошее впечатление. В зале стояла тишина, нарушаемая лишь мерными твердыми шагами рузиков.

У царицы Русудан потемнело в глазах.

Дважды выдавали красавицу Русудан за венценосных стариков, и оба раза недолго длились ее неравные браки. А сейчас стоит перед ней русский богатырь, статный и красивый, — родич ее первого мужа. Забыла старая царица свои обиды и, в память далекой юности, ласково улыбнулась бедному изгою.

А что же Тамар? Холодным взглядом окинула царственная девушка заезжего царевича, потом опустила взор и молчала весь прием.

Амиреджиби от имени великих цариц задал традиционный вопрос о здравии на грузинском языке. Его быстро перевел толмач. Юрий Андреевич, смущенный непривычно пышной обстановкой царского двора (отвык за долгие годы скитаний по половецким юртам!), на плохом греческом ответил на приветствие и тоже спросил о здоровье цариц. Украдкой посматривал на Тамар, удивляясь, — этакую красоту не видывал он за всю жизнь!

Вышата прохрипел на ухо:

— Ух и хороша! Как в сказке — чистая Василиса Прекрасная. А хоромы-то, хоромы...

Официальная часть приема окончилась. Царицы встали с золотых тронов и, предшествоваемые амиреджиби с золотым жезлом, медленно удалились через почтительно расступившуюся толпу придворных в свои покои.

Юрий Андреевич, узрев у окна приглянувшегося ему на пиру молодого воеводу, направился прямо к нему. С радостной улыбкой протянул руку:

— Здорово, князь! Узнал я твое христианское имя, Захар. А меня зови Юрием, а то и Георгием, по-вашему. Чудно мне, что ты наделен прозвищем «Долгорукый», как дед мой, великий князь Юрий Владимирович!

Захарий пробормотал короткое приветствие. А Юрий весело продолжал:

— О поединке-то не забыл, Захар? С Вышатой моим? Когда биться будете?

— Хоть сейчас, — ответил Захарий.

— Эй, Вышата, подь сюда на расправу!

Вышата приблизился к собеседникам, что-то смущенно стал бубнить. Юрий Андреевич, вслушиваясь в невнятные слова дружинника, звонко рассмеялся:

— Прощения дурень просит за пьяные речи у тебя, Захар! А повинну голову и меч не сечет, так, Захар?

— Так, князь Георгий, — согласился Захарий.

— Но ты не думай, то Вышата не со страху, а по совести своей делает! Дуж он биться на мечах, многих богатырей на своем веку посек, сам увидишь, каков он в битве...

Захарий подошел вплотную к громадному новгородцу. Положив руку на широкое плечо, он громко сказал по-гречески:

— Иди-ка, витязь, ко мне в гвардию знаменосцем или сотенным! Будем вместе в боях силу показывать...

— Э, нет, княже Захар! Я тебе своего слугу верного не отдам... А бить бесерменов завсегда вместе будем! — воскликнул со смехом Юрий Андреевич.

Г л а в а V

СНОВА НА ЮГ!

Согласие царицы Русудан оказалось решающим. Абуласан сиял и, подготавливая пышнейшую царскую свадьбу, превзошел самого себя в умении тратить деньги. Собственно говоря, подготовка подобных церемоний лежала на министре двора, но у князя Вардана от небывалой удачи соперника разлилась желчь, и он засел в своем дворце. Сыну Джуаншеру он отечески посоветовал с оглядкой оплачивать счета дворцовых поставщиков. Тогда снова проявила свой властный характер царица Русудан. Вызвав Даддани во дворец, она крепко отчитала мальчишку за поразительное недомыслие и за скаредность, чуждую молодости, пообещав незамедлительно скинуть его с должности. Джуаншер струхнул и стал беспрекословно оплачивать счета.

После смотрин царица Тамар увидела своего будущего мужа на рыцарском состязании, где Юрий Андреевич показал свою удаль молодецкую. И наконец, они встретили-

лись на пиру по окончании турнира. Памятуя советы своего наставника Абуласана, Юрий пил умеренно, что сразу подметили пытливые глаза приближенных. Но едва ли парой слов сумел перемолвиться со своей суженой царевич из Руси, хоть уже бойко говорил по-грузински, иногда мешая грузинские слова с греческими. Странное дело! Тридцатилетний витязь, немало повидавший красавиц на своем веку, словно юноша смущался под пытливым взглядом Тamar. Вольготнее всего (после чопорного дворцового этикета) ему было в гостеприимном доме Арцруни. Юрий Андреевич подружился с князем Гузаном. Хотя отец давно выхлопотал ему далекое кларджетское эриставство, Гузан не спешил отправиться в деревенскую глушь.

— Как же так, друже Гузане? — удивлялся Юрий тому, что на поле брани здесь самый главный — амирспасалар. — Поди, на Руси у нас князь над воеводами всегда наибольшим стоит!

— Ничего, ничего, господине, станешь царем и войско в свои могутные руки возьмешь, — на неплохом греческом (научился в изгнании!) утешал Гузан, прихлебывая вино. Вперив в Юрия рачьи глаза, кларджетский эристав продолжал: — Вот, к примеру, прадед нашей царицы — Давид Великий и царем, и амирспасаларом был одновременно. То и ты сможешь...

— То-то! — заключил Юрий, опрокидывая кубок.

Хотя в прошлом, кроме малоудачного похода на Киев с воеводой Жидиславовичем, за князем Юрием других бранных достижений как будто и не числилось, сам он был отважен. Но для главенства в войсках требовались подвиги, и не малые...

Неосторожные слова Юрия достигли парона Саргиса (всегда найдутся добрые люди) и немало встревожили главнокомандующего. «Да! Палец в рот ему не клади! К полновластия уже стремится рузик, а в том Арцруни ему — первые помощники. И видно, зря я его своей рукой к трону подсаживаю... Отец его, говорят, упрям был, своеволен и властолюбив безмерно. И сынок, видно, в батюшку пошел!» Почувствовал амирспасалар, что обходит его хитрый шурия, и поспешил переехать в купленный недавно особняк близ царского дворца. Лишь мельком заметил Абуласан холодок в обращении зятя, но значения не придавал, поглощенный подготовкой царской свадьбы.

Наконец приготовления были завершены, брачная церемония на завтра назначена в Сионе.

В царской опочивальне полумрак. В углу обширной горницы — красный свет лампад. А через открытое настежь окно тянется лунный луч, неярким бликом ложась на мраморный пол. Тихо похрапывает старая нянька. В кресле у окна сидит Тамар...

Мтаварский мятеж, гибель несчастного Демны, смерть матери, одна коронация, смерть отца-охранителя, другая коронация, смена вазиров, восстание мокалаков, неудачная борьба с Микаэлом. Как много для восемнадцатилетней девушки на троне! А теперь ее, царицу семи царств, выдают замуж, не спрашивая согласия... Сколь нелеп стародавний обычай! «Для вящей пользы дома твоего и царства Картлийского!» — заверяли сторонники рузикского царевича, а первым — этот неприятный старик Абуласан... «А будет ли эта польза?» — задал вопрос холодный разум. Кто может предвидеть будущее? Тетка шепчет: «Укрепишься теперь на престоле, рядом воссядет воин могучий!» А у этого воина — дружина поменьше, чем у иного азнаура, откуда сила у него, кроме войска же царского? А им командует амирспасалар Мхаргдзели и свою линию гнет! Как сможет стать супруг опорой могучей против своеволия мтаваров, с которыми подчас не справлялись Багратуниани?

Предшествуемая служанками со светильниками в руках, в опочивальню вошла Русудан.

— Что ж ты еще не в постели, душа моя? Завтра свадьба, отдохнуть тебе надо!.. — И заботливая тетка уложила Тамар на широкую тахту.

Медовый месяц еще не кончился у молодоженов, как по совету новых друзей Юрий Андреевич решил на деле показать свое военное искусство, а там и взять в крепкие руки верховную власть в царстве. Однажды, оставшись наедине со старым амирспасаларом, Юрий спросил его в упор:

— Скажи, великий воевода, разве нет у вас по соседству бесерменов, что царское войско постоянно в покое пребывает?

— Как нет? Кругом нас все агаряне враждебные! — удивился Саргис.

— А почему мы не побьем их? Войска у нас много, жалование даром войны получают! — продолжал допытываться Юрий.

Амирспасалар пожал плечами:

— Вельможи того не хотят.

— Ага, значит и здешние бояре такие же лежебоки, какие у моего батюшки во Владимире были...

— Не все, — сдержанно поправил Саргис. — Есть и хорошие войны! Оба Торели — отец и сын, братья Ахалчихели и многие, многие другие.

— А ты сам, великий воевода, как на это дело смотришь?

Немного подумав, Саргис ответил:

— Если царица согласится, хоть через неделю в поход можно двинуть войско. Пойдем брать город Двин!

Амирспасалар стал объяснять Юрию Андреевичу важное значение богатого и хорошо укрепленного города Двин, находящегося на торговой дороге, в тылу у другого такого же большого города — Ани, на путях к Тавризу. Князь Юрий был сведущ в ратной науке и быстро понял все преимущества предлагаемого амирспасаларом плана военных действий.

Наутро царский супруг с торжествующим видом объявил парону Саргису:

— Царицу уговорил вечер... Готовь полки, великий воевода. Пойдем бить с тобой бесерменов!

Сбор частей для похода назначили в Каяне — могучей крепости на вершине горы, круто вздымающейся на левом берегу реки Агстев, в ста стадиях от Нор-Гетика, где настоятелем был Мхитар Гош. Захарий, начальник гвардии, решил посетить своего наставника. В Нор-Гетик с ним захотел поехать и Юрий Андреевич, который все более и более привязывался к молодому спасалару, несмотря на некоторую непонятную холодность со стороны Захария.

На смотру в Каяне Юрий Андреевич гарцевал на вороном коне, под красным стягом. На червленом овальном щите красовался вздыбленный золотой лев — герб владимирских князей. Статную фигуру облежала двойная киев-

ская кольчуга, на высоком железном племе развевался белый султан, с широких плеч свисало корзно¹ василькового цвета с золотой каймой. Длинный меч, копьё с флагом, притороченный к седлу боевой топор составляли вооружение русского витязя. На груди блестело золотое оплечье с цветной эмалью и кованая золотая гривна.

Захарий был одет много проще — в хорасанском легком панцире, со шлемом-мисюркой с тонкой золотой насечкой на голове. Через плечо на богатой перевязи висел огромный драгоценный меч из Индии — подарок отца.

После смотра двинулись в поход.

Всю дорогу из Каяна в Нор-Гетик оба рыцаря ехали не спеша, без доспехов, в сопровождении отряда конных гвардейцев. Свернув с дороги и перебравшись по каменному мосту через быструю речку, они вскоре прибыли в монастырь Нор-Гетик, скрытый в глубине поросшей лесом лощины. Мужа царицы в монастыре встречали с честью, под колокольный трезвон и с торжественным выходом монахов во главе с отцом-настоятелем. После литургии и обильного обеда с возлияниями Юрий Андреевич, по добром русскому обычаю, отправился отдыхать. Мхитар Гош остался наедине с воспитанником.

— Как живешь-можешь, отче, в монастыре? Не наскучило тебе одиночество? — ласково спросил Захарий.

— Нет, отчего же... Братия тихая, трудолюбивая. Не позволяют мне заниматься хозяйством, сами все делают. «Судебник» уже заканчиваю, брат Ванакан переписывает. Одну копию отцу твоему обещал послать... — С тихим смешком добавил: — Владыка Барсег моим «Судебником» тоже заинтересовался. Велел прислать в Ахпат на просмотр. Неспроста это, я знаю... Впрочем, что я все о себе? Расскажи лучше, как твои дела, мой Закарэ, как с новым царем уживаетесь?

— Не царь он, только царицын муж! И дружины у него нет никакой! — буркнул Захарий.

— Допустим. Не короновали его в Мцхете, действительно. Но в Ахпате на ектении его как царя Георгия ежедневно поминают. И в дарственной надписи на стене храма тоже так записали.

— Это все дядя Абуласан орудует! — нехотя объяснил Захарий.

¹ Корзно — плащ (слав.).

Мхитар Гош задумался. Испытующе глядя на Захария, он хотел что-то сказать, но раздумал. Снова задал мирской вопрос:

— А как великий амирспасалар себя чувствует? Как его здоровье? И как с ним князь Георгий себя ведет?

— Благодарствую, отец здоров и тебе поклон посылает. Жалеет, что не смог сам заехать в Нор-Гетик. А с рузикским князем как будто у них все в порядке — отношения неплохие.

— То-то! А знает ли оный рузик, что у нас в государстве в военное время амирспасалар — первое лицо?! Даже сам царь в поле не может один войском распоряжаться, без согласия и приказа амирспасалара Картли!

— Точно не знаю, отче, беседовал ли об этом с ним батюшка.

— А ты проверь! Надо своевременно предупредить рузика...

Гош задумчиво посмотрел на Захария, вздохнул:

— Вижу, рвется к власти твой дядя Абуласан, через князя Георгия хочет этого достичь! Ну, а у рузикского царевича какая опора в Картли может быть? Имерские мтавары во главе с Дадимиани против него, а в Шида-Картли и Кахети не любят Абуласана и его присных. А кроме них, повторяю, у князя Георгия прочной опоры во всей стране нет...

— А царица? И родичи его? — сумрачно спросил Захарий.

— Эх, Закарэ, женская любовь переменчива! А к царской свадьбе не прислал даров князь великий Савалт из Русии своему родному племяннику! Это как понимать? Да и дружины у него, говоришь, никакой не оказалось... Как же так? — допытывался старый наставник.

Поднявшись по живописному ущелью к перевалу и пройдя по узкому прибрежному карнизу вдоль озера Севан, войска подошли к укрепленному городу Бждни. На большой столообразной скале возвышалась древняя цитадель. Амирспасалар приказал с ходу идти на приступ. Взяв твердыню, войско продвинулось вперед и вступило в небольшое поселение — Ереван.

Сельджукский гарнизон, занимавший местечко, при приближении неприятеля отступил, не приняв сражения.

В Ереване была назначена однодневная стоянка войска перед началом общего наступления на город Двин.

Однажды появилась группа оборваных жителей из горной области Ниг, что к северо-западу от Еревана. Со слезами на глазах жаловались великому амирспасалару выборные от народа на бесчинства сельджукских шаек и просили о помощи. Амирспасалар задумался. Наступление на Двин и так велось медленно, а тут еще терять время на осаду неприступной крепости Амберд — главного оплота эмиров-разбойников... Нет. Парон Саргис ответил отказом. Когда ходоки, опечаленные, удалились, Захарий спросил:

— Почему ты отказал в помощи несчастным, отец?

— Крепость Амберд — одна из сильнейших в Армении, Закарэ. Без осадного снаряда ее не возьмешь. А машины нужны для осады Двина.

Но Захарий успел расспросить нигских горцев о повадках сельджуков и уже составил план своих действий.

— Прошу только три дня сроку и один полк нашей лорийской конницы, отец. Амберд я возьму и без осадных машин! — твердо сказал Захарий.

Амирспасалар удивился. Он знал серьезный характер сына, очень доверял ратной сметливости Захария, но все-таки... Юрий Андреевич, который присутствовал при разговоре, счел нужным вмешаться:

— Великий воевода, коли Захар беретса, значит, умысел свой имеет. Дай ему конный полк на три дня! И я с тобой пойду, Захар!

Амирспасалар уступил. Той же ночью, в сопровождении проводников-горцев, лорийский конный полк выступил к ущелью реки Касах.

Высоко в горах на утесе стоит крепость Амберд. В незапамятные времена воздвигли твердыню из базальтовых глыб бывшие владыки Ширака, избрав ее своей резиденцией. Но теперь в ней обосновался сельджукский эмир Ибрахим.

Ранним утром из крепостных ворот в очередной набег выезжал крупный отряд. Впереди, на породистом арабском скакуне, ехал низкорослый рябой всадник в богатой одежде и зеленой чалме — сам эмир. Сельджуки весело перекликались, предвкушая богатую добычу в армянских селах — скот, ковры, красивые девушки... На холме, укрывшись за большим камнем, за отрядом незаметно на-

блюдал дозорный. Конь его мирно пасся у подножия утеса. Пересчитав всадников и заметив взятое отрядом направление, дозорный вскочил в седло и во весь опор поскокал по боковой лощине.

Конный полк стоял в засаде неподалеку от крепости. Выслушав донесение дозорного, Захарий подал команду: — По коням!

Длинной цепочкой всадники выбрались из впадины. Перевалив через высокий хребет, обходной дорогой полк помчался в сторону большого селения Бюракан и, незаметно окружив село, ожидал условного знака.

Захарий и Юрий Андреевич ехали отдельно, сопровождаемые оруженосцем Ростомом. У Ростом на руке сидел охотничий сокол под черным колпачком. Конница Ибрахима уже подошла к селению Бюракан и стала медленно вытягиваться по длинной улице, направляясь к площади села, где стояла небольшая церковь. На площади маячили одинокие конные фигуры — Захарий, Юрий Андреевич и Ростом с соколом. Несколько жителей беседовали с прибывшими, с опаской оглядываясь по сторонам.

Ибрахим поразился наглости чужаков. Подъехав к всадникам, эмир грозно закричал по-тюрки:

— Кто такие, кто позволил вам здесь охотиться? Сейчас же отдай сокола, неверная собака!

Жители разбежались, испуганно наблюдая издали за событиями, и, видимо, думали: «Сейчас приезжих людей избьют, свяжут арканами, а потом начнется погром села, не иначе...»

Захарий тоже по-тюрки спокойно ответил эмиру:

— Где хочу, там и охочусь. А тебе какое дело, старый шакал?

Ибрахим чуть не задохнулся от негодования:

— Взять наглеца! И остальных, живо!

Несколько нукеров подскочили к Захарию. Двое схватили его коня под уздцы, другие стали тянуть всадника вниз, на землю, бросились к Юрию Андреевичу и Ростому. Захарий наотмашь сбил нападающего рукой в белой рукавице, поднял коня на дыбы. Юрий Андреевич уже ловко действовал мечом, воинственно выкликая:

— Бей, братцы, бесерменов!

Эмир в ярости захрипел на нукеров:

— Трусливые собаки! Не можете взять трех гяуров!

Ростом, изловчившись, сорвал колпачок с головы соко-

ла и высоко подбросил в воздух птицу. Сокол стремительно взмыл вверх и стал описывать плавные круги над площадью. Изумленные нукеры, прекратив схватку, с удивлением смотрели на парящего в небе сокола с красной тряпичей. Это был условный знак. Со всех сторон ворвались в село лорийские сотни, рубя, разгоня сельджуков...

Эмир Ибрахим, связанный, без зеленой чалмы, стоял, потупив взор, перед Захарием. Качаясь на коне, от души хохотал Юрий Андреевич:

— Ох и хитер ты, Захар. Обвел вокруг пальца мурзу!

Захарий спокойно сказал пленному главарю:

— Теперь веди нас в крепость, эмир. В гости!

На подступах к огромному укрепленному Двину князь Саргис невольно вспомнил взятие Ани. Однако обстановка здесь была совсем иной. Двин, занятый царем Георгием в 1163 году, через пятнадцать лет, во время восстания Орбели, был снова захвачен Шеддадидами. Здесь жило много мусульман, и рассчитывать на содействие городского населения не приходилось. Но, как и в Ани, затягивать осаду города было опасно, из Ирана и других мест могла подойти военная подмога.

Цитадель, построенная в V веке на холме, в середине огромного города, и внешний обвод крепостных стен прочно занимались большим наемным гарнизоном и мусульманским ополчением. При приближении грузино-армянских войск жители из предместий ушли за городские стены, все ворота были на крепком запоре. Войска подошли к Двину, обложили со всех сторон, разбили лагерь и повели правильную осаду города. Начался обстрел крепостных стен и башен из подвезенных тяжелых камнеметов. Сельджуки отвечали градом камней и стрел из таких же орудий, установленных на башенных площадках. Амирспасалар понял — надо предпринять что-то необычное, и ночью вызвал к себе Захария и Ростома.

Наутро Захарий лично выехал с оруженосцем на разведку. Объехав городские стены, убедились, что они сложены из сырцового кирпича на глинистом растворе и высота укреплений не превышает 20 локтей. Ростом был знаменитым по всему Лори скалолазом. и он предложил смелый план:

— Я открою ворота изнутри...

В безлунную летнюю ночь, когда трудно разглядеть даже гриву собственного коня, из лагеря бесшумно вышла небольшая группа людей, навьюченных веревками и стальными кливьями. Сам Ростом, легко одетый, нес в руках большой молот. Скоро группа скрылась в чернильной темноте ночи.

Захарий в боевом вооружении сидел в шатре вместе с Юрием Андреевичем, также облаченным в доспехи. На складном столе горела свеча в фонаре. Рядом лежали шлемы. Оба молча ждали.

В палатку быстро вошел лорийский сотник:

— Ишхан, Ростом прислал сказать, что начинается подъем на стену.

— Хорошо. Возьми людей... Условный знак — крик совы. Я сам подведу всадников к южным воротам! С богом!

Обращаясь к Юрию Андреевичу, он сказал, беря шлем со стола:

— Пора, князь Георгий! Собирайся, скоро начнем...

Надев шлемы, рыцари вышли из палатки.

Небо было безлунным, но все в крупных мерцающих звездах. Со стороны Двина доносился собачий лай. К Захарию подошли военачальники, тихо доложили:

— Все готово, патроно.

Захарий прислушался к ночным звукам:

— Обернули войлоком копыта первых сотен, как я велел?

— Да, патроно.

— Всем всадникам оставить в лагере копыта, ножны мечей тоже оставить. Чтобы ни одна железка не звякнула! Первым сотням приготовить факелы, под уздцы тихо подвести коней к южным воротам. Выступать немедленно. Я сам поведу сотни...

У крепостных ворот уже шла какая-то возня. Чудились приглушенные стоны людей. Однако тревоги в городе не было, лишь громче лаяли собаки. И вдруг со скрипом раскрылись створы крепостных ворот, с лязгом опустился мост, внезапно ярким заревом вспыхнули факелы. По полю бешеным наметом мчались конники, с грохотом проскакали по подъемному мосту под темные своды крепостных ворот. Впереди летели Захарий и Юрий Андреевич, за ними несли Вышата с высоко занесенным мечом.

На рассвете городские кварталы были заняты грузино-армянскими войсками. К цитадели были передвинуты

камнеметы, и осадные мастера стали устанавливать у главных ворот тяжелый крепостной таран. Сельджуки яростно отвечали на стрельбу из камнеметов градом стрел и камней, лили кипящую смолу и делали вылазки, мешая работам. Осада затягивалась.

На военном совете произошло крупное столкновение между Юрием Андреевичем и амирспасаларом. Потребовав немедленного штурма цитадели, муж царицы решил указать свое место воеводе и наговорил ему дерзостей.

— А ты мне, великий воевода, не указчик! Ишь что вздумал — государей учить ратному делу! Да я давно эту крепостцу взял бы, а ты все вокруг да около ходишь...

Амирспасалар, не отвечая, тотчас закрыл военный совет.

Все разошлись недовольные. Поздно ночью, пошатываясь, в общую палатку вернулся Юрий Андреевич с попойки у князя Гузана. А на рассвете, вместе с кларджетцами и примкнувшими к ним месхами, Юрий храбро полез на приступ. С великим уроном для осаждающих приступ был отбит, и сам Юрий Андреевич чуть не попал в плен — еле выручил силач Вышата, сам получивший тяжелое ранение. Пристыженный Юрий сидел угрюмо в палатке у раненого друга, но покориться не захотел. Амирспасалар послал донесение в Тбилиси о действиях царского супруга и, собрав спасаларов, настрого запретил выполнять чьи-либо приказы, кроме приказов амирспасалара. Таран, наконец, был установлен...

Шеддадид сдался.

Возвращение в Тбилиси было нерадостным. Юрий Андреевич ехал обособленно, рядом с паланкином, где лежал раненый Вышата. Амирспасалар понимал, что рузикский князь, действуя заодно с его же родичами, замыслил овладеть полнотой власти в царстве. Это пахло новой смутой... Парон Саргис насторожился.

Глава VI

ПОСЛЕДНИЙ ТОНДРАКИТ

— Приглядывайся повнимательнее, как я работаю, Петрос! Вот я беру три кольца кольчужных. Каждое отдельно отковал и в масле закалил, не вырезал из листа желез-

ного, как плохие мастера делают! А три кольца теперь вместе сварю, вот так, — приговаривал Кюрах, дробно постукивая молотком по раскаленному железу.

Искры летели на кожаный передник и гасли. Петрос неотрывно глядел на ловкие, точные движения покрытых черным волосом могучих рук оружейного мастера. Прихватив клещами второе кольцо и наложив посередине круглую стальную склепку, Кюрах рядом ударов прочно склепал оба звена.

— Только так и получается настоящая панцирная кольчуга, что никакой стрелой не пробьешь да и мечь не возьмет. Не хуже рузикских или дамасских! — И Кюрах усмехнулся. — А за кольчугу подобную хозяин сдерет с какого-нибудь мамлюка не меньше семидесяти золотых...

— А тебе и половины не даст за труд! — вспыхнул Петрос.

Мастер нахмурил брови.

— А ты уже деньги считать выучился? Рановато... Сначала работать научись! — Со вздохом: — Так уж на свете повелось — один другого объегорить норовит, в кабалу взять. Вот и Тигран наш был когда-то хорошим варпэтом, сам трудился в кузнице, великим умельцем оружейного дела слыл. А теперь разбогател, работников завел, сам только в лавке, с покупателями...

— А вот ты давеча рассказывал... — начал и осекся Петрос: в кузницу в овчинной шубе ввалился седой великан. Запальчиво крикнул:

— Опять за твою кольчугу не заплатил проклятый сельджук! Что с ним делать?

Кюрах, не отвечая, продолжал оглушительно стучать молотом по железу.

— Тебе говорю, варпэт! — рассердился Тигран и сразу напустился на Петроса: — А ты почему без дела болтаешься, дармод?

В темных глазах оружейника загорелся мрачный огонек. Бросив молоток на наковальню, он скрестил руки на кожаном переднике:

— Не видишь разве, хозяин, — кольчужному делу Петроса обучаю. Тебе же на пользу!.. Или мало прибытку тебе?

Тигран гневно воззрился на мастера. Хотелось одернуть непочтительного. Но твердый взгляд мастера остановил хозяйский порыв. Показав широкую спину, выплыл

из мастерской, хлопнул дверью. «На самом деле, откуда знать Кюреху, как взыскать долг с беспутного вояки?»

По субботам Кюрех любил размяться после работы, в любую погоду гулял по окрестностям города. Его всегда сопровождал Петрос. Часто присоединялся к ним для прогулки и веселый кахетинец Нико, племянник старого шорника Микэла.

Трое рамиков неторопливо спускались по скалистому склону к мосту. Крупными хлопьями падал первый снег, оставляя мокрые следы на туфовых камнях. Из ущелья дул ветер, небо было в серых обложных тучах. Внезапно Кюрех остановился. По косогору к реке приближалась необычайная процессия. Впереди, на добром коне, мерно покачивался в седле тучный мустасиб¹ Махмуд. За ним, подталкиваемые щедрыми пинками городских стражников-сельджуков, плелись несколько десятков людей в поношенной одежде. Многие были без шапок. Поодаль двигалась большая толпа, главным образом женщины и дети, оглашая морозный воздух причитаниями.

Петрос схватил учителя за руку. Весь дрожа, он выкрикнул:

— Да что это такое?

— Недоимщиков купать в реке будут! — глухо ответил Кюрех. — Верно, джизию не уплатили рамики... А с чего платить? Вот и будут мерзавцы мучить людей, если родственники не выкупят!

— У нас в Кахети позабыли и думать о джизии, — с гордостью вступил в разговор Нико.

Кюрех усмехнулся:

— Да ваши князья вместо той джизии давно десять новых налогов придумали. Навидался я в Картли... три шкуры с народа дерут!

Шествие приближалось, уже слышны были голоса женщин, подбегавших с мольбой к мустасибу:

— Ага, пощади! Завтра полностью внесем деньги...

— Не завтра, а сегодня, сейчас надо! — невозмутимо отвечал толстяк. Остановив коня у самого берега, он отдал приказание стражникам. Те быстро выстроили недоимщиков в ряд, у самой кромки воды. Махмуд вытащил пергаментный свиток, развернул и, защищая ладонью от снега, начал протяжно выкликать:

¹ Мустасиб — сборщик налогов (араб.).

— Ткач Погос, должен его высочеству три динара...

— Каменщик Вартан... один динар.

Первых двух должников вызволили родичи, внося деньги мустасибу. Но у третьего ремесленника сердобольцев не оказалось. Дважды оглашал без успеха его имя Махмуд. Рассердясь, он повелительно крикнул:

— В воду!

Джужий стражник резким ударом ноги сбросил недоимщика в воду. Тот, сразу оледенев, захлебнулся и пошел на дно, пуская пузыри. В воздухе мелькнуло тело. Молодой горец прыгнул в ледяную воду и, ухватив утопающего за волосы, вытащил на берег. Мустасиб чуть не задохнулся от гнева. Высоко подняв плеть, он гаркнул:

— Схватить наглого гяура! Как он смеет препятствовать слугам его высочества?

— Постой, ага! — шагнул вперед Кюрех. — Я плачу джизию. Сколько должен этот бедняга? — И он вытащил из-за пазухи кошель.

— Плати четыре динара, гяур, и прочь с глаз моих, пока цел! — заорал мустасиб...

— Всегда жестоки с народом властители! А чужестранцы — тем более... Свой владетель хоть иногда рассчитывает, что не стоит резать курицу, пока яйца ему приносит. Ну, а эмиру вдвойне наплевать на страдания людские — сегодня он царит в Ани, а завтра, смотришь, и выкурят его анийцы, как некогда дядю Фадлуна! Вот он и старается побольше денег выколотить с жителей...

В маленькой комнате тепло. Малиновым пламенем рдел в камине кизяк. Закутанный в овчины Петрос растянулся на каменной лежанке. В углу, под грудой лохмотьев, в беспомыслии метался рамик. Кюрех сидел на низком чурбаке у камина. Изредка бросал взгляд на воспаленное лицо больного, беспокоился: «Позвать лекаря надо!»...

Петрос попросил:

— Расскажи мне еще о славных тондракитах, кэри Кюрех!

Кюрех оживился.

— Слушай о вожде Смбае из Зарехавана. Любимым учеником у него был мой тезка Кюрех. А о богачах учитель говорил: «Подобно тому как крупные рыбы в море

проглатывают мелких, так и богатые поглощают бедных...» С оружием в руках боролись тондракиты за народные права, и к ним примыкали иногда бедные дворяне и даже священнослужители. Целые области в Армении присоединились тогда к праведному учению Смбата, и задрожали в своих крепостях князья!

— Почему же ныне исчезло это учение? — несмело спросил Петрос.

— Не исчезло оно, но преуменьшилось до крайности число приверженцев! — с грустью ответил оружейник. — Ополчились на тондракитов и цари, и князья, и патриархи, с воинством великим — своим и византийским — пошли они на тондракийские селения, жгли, предавали мечу без жалости, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. А патриархи выжигали на лбах их печать лисью, глаза многим выкололи. Мученической смертью погибли вожди Смбат и Кюрех, а уцелевших выслали в далекие края, мало кто остался в Армении. Но из поколения в поколение хранят верные люди светлое Смбатово учение, хотят довести его до тех времен счастливых, когда народ освободится от господского ярма! Меня в юные годы послали наши старцы в Русию разыскать там последователей учения, их там немало... Долго жил я в столице царства рузикского и оружейному делу там научился. А потом повелели старцы возвратиться в Ани... Знай, Петрос, все люди равны перед лицом божьим и перед друг другом; а поборы и налоги всяческие — великое беззаконие, что насильно творят князья и патриархи. И бороться с ними надо неустанно...

— Но ты же уплатил сегодня джизию эмирскому надсмотрщику? — возразил Петрос.

— Эх, дорогой, лучше бы я ударом меча расплатился за долг бедняги! — кивнул в сторону лежащего рамика Кюрех. — Но времена еще не наступили. Быть может, ты еще успеешь их узреть, сын мой! А за мной следят архиепископские соглядатаи, и дни мои сочтены!

— Готовь пробу, Галуст! — кратко сказал Езник, когда увидел законченный подмастерьем хачкар по заказу богача Онэнца.

Радостно принялся за работу молодой камперез, с утра до позднего вечера не выходил из дворика. Наконец

наступил долгожданный день испытания Галуста на звание мастера. С утра Езник отправился с ним в церковь и после обедни заказал за свой счет молебен. Потом, стоя у ворот небольшого двора, оба они с поклонами встречали прибывающих седобородых мастеров с главой братства каменщиков «стариком» Погосом.

После обычных вопросов о происхождении и вероисповедании, убедившись в грамотности испытуемого и хорошем знании ремесленного устава, Погос приказал варпэту Езнику предъявить пробу — изготовленное подмастерьем изделие — и поклясться на святом евангелии, что оно сделано самим Галустом. Езник с гордостью подвел мастеров к каменному фризу из розового туфа со сложным узором, стоящему в углу двора.

— Вот осмотрите, варпэты, это сделал мой выученик Галуст сам, с помощью бога!

Давно не видели старые мастера такого умельства, принимая пробы у камнерезов. Между листьями смоковницы свешивались плоды граната и сочные гроздья винограда, а на ветках сидели и пели диковинные птицы.

Старый Погос удовлетворенно хмыкнул в бороду, но от суждения пока воздержался, только молвил:

— Как находите работу этого подмастерья, братья?

Варпэт Гевонд, поглаживая седую бороду, низким басом изрек:

— Чистая работа, ничего не скажешь! Резьба четкая, околов и трещин нет в камне. Вот только рисунок...

— ...Рисунок-то старинный! — подхватил язвительный варпэт Индзак. — Теперь больше узор мозаичный делается. Скажи-ка нам, парень, что есть правильная каменная мозаика?

— Мозаика правильной тогда бывает, когда делают узор из треугольников, квадратов и многоугольников, точно прикладывая их друг к другу, без зазоров, — без запинки ответил Галуст.

— А сколько их бывает, этих мозаик, на свете? — продолжал выпрашивать Индзак.

— Таких три, кэри. — И Галуст бойко схватил мелок, дабы на стене дома изобразить соответствующий мозаичный узор.

— Постой, парень, постой, — степенно вмешался варпэт Гевонд, — ведь мозаика бывает не только из тре-

угольников и квадратов, можно ее делать и из звезд, крестов и иных фигур...

Тогда Езник с торжествующим видом стянул темную ткань, прикрывающую другой фриз:

— Вот, варпэты, другая работа моего Галуста.

По фризу пятиконечные резные звезды чередовались с резными же пятиугольниками, создавая причудливый орнамент. Варпэты переглянулись. Гевонд гулко пробасил:

— Работа изрядная! И ничего не скажешь, Индзакджан. На теперешний вкус вырезан камень...

— А достаточная ли глубина? — усомнился недоверчивый Индзак.

Измерили глубину. Резка оказалась строго по правилам. Старейшина Погос тогда решил высказаться:

— По моему суждению, Галуст достоин звания каменных дел мастера. Камень режет хорошо и устав знает. А вы как судите, братья?

Варпэты дружно закивали седыми головами.

— Достойн, брат Погос, можешь не сомневаться! — прогудел Гевонд. Подойдя к Езнику, он поцеловал его в лоб.

— Спасибо тебе, Езник, что достойную смену подготовить себе сумел! — с чувством возгласил Погос и тоже облобызал старого варпэта, у которого уже стояли слезы на глазах.

В тот же вечер, несмотря на трудные времена, был зарезан жирный барашек и в домике Езника устроили пирушку. Праздновалось получение Галустом долгожданного звания мастера. На семейное торжество кроме Погоса и варпэтов-судей пригласили и старых друзей — оружейника Тиграна и шорника Микэла.

Мало изменился Микэл со времени памятного восстания. Познакомившись с молодым сомхитаром из Хожорни, Микэл должным образом оценил его трудолюбие и веселый нрав. Галуст, как все лорийцы, хорошо говорил по-грузински, и шорник охотно с ним беседовал на родном языке, сидя в лавке, увешанной кожаными хомутами и шлеями. Немного охмелев, Микэл кивнул старому другу оружейнику на Галуста и громко сказал:

— Жених вырос. Молодец что надо. Как ты думаешь, Тигран?

Галуст вспыхнул как пламя. Однажды за чарой вина он признался шорному мастеру, что любит Ашхен, дочь

оружейника, и хочет на ней жениться. Микэл, насупившись, спросил:

— А она как?

— Она согласится, варпэт Микэл.

— Откуда ты это знаешь? Ведь Ашхен совсем еще девочка.

Галуст потупился, тихо произнес:

— Сама сказала.

Микэл взорвался:

— Как, дурень, значит, ты с девочкой встречаешься и разговоры с ней ведешь, без ведома отца?!

Припертый к стене Галуст признался, что оружейник ничего об этом не знает, и тут же упросил отходчивого шорника быть у него сватом. Микэл на пирушке и закинул словцо за новоиспеченного мастера. Но Тигран ничем не отозвался на возглас друга, точно не понял смысла его слов. Повернувшись к Езнику, оружейник спросил:

— Как дела, дружище?

— Очень плохие, Тигран-джан, — уныло ответил Езник.

— Но я слышал, что эмир начал строить новую мечеть, значит, есть работа?

— Да что толку? Разве добьешься у вора-казначей платы за работу? А других заказов почти не бывает... разве что хачкары надгробные, — жаловался каменщик.

— Да, ваше ремесло требует спокойствия. Строить можно только тогда, когда в стране царит мир, — задумчиво молвил Тигран.

— Ну, конечно! В смутное время только вы, оружейники, и зарабатываете... Признайся, брат Тигран, сколько ты подзаработал на войнах, продавая оружие? — прищурив глаз, отозвался глава братства каменщиков.

Нахмурившись, Тигран с достоинством ответил:

— Дай бог, друг Погос, чтобы пришлось ковать мне только лемехи для плугов и подковы для коней.

— Но ведь, Тигран, лемехи и подковы не так выгодно сбывать, как мечи и копья!

С упреком глянув на Погоса, оружейник только махнул рукой...

Дела у анийских каменщиков шли все хуже и хуже. Семьи голодали. Безвыходное положение вынуждало

сколачивать небольшие артели и тайком перебираться на север на заработки. Пришлось и Галусту вступить в одну из таких артелей. Артель состояла из молодых каменщиков. И друзья избрали Галуста старостой.

Перед отъездом, собравшись с духом, Галуст отправился к оружейнику и признался в любви к его дочери. Тигран молча слушал горячую речь молодого мастера. В соседней комнате слышались легкие, осторожные шаги. Зеленоглазую дочку Тигран очень любил, и ему было больно огорчать ее и этого славного парня.

— Слушай меня внимательно, Галуст, и запоминай: Ашхен совсем девочка и замуж ей еще рано. Да и ты, ну кто ты сейчас? Каменных дел мастер, говоришь? А чего это твое ремесло сейчас стоит? Вспомни, что думает о нем ваш собственный «старик» Погос! Как прокормишь ты семью, где твой дом? Сам говоришь, что в другие края направляетесь на заработки... А когда вернетесь и с чем? Я неволить Ашхен не буду, пусть ждет тебя. Любит, говоришь? А что девочка в пятнадцать лет в любви понимает, а? Так и быть, разрешаю — иди прощайся с Ашхен! Но знай, не невеста она тебе, и неизвестно, будет ли ею когда-либо... Еще много воды утечет, и тебе надо еще обеими ногами на землю стать, чтобы жить по-человечески, как мастеру подобает. Понятно?

Глава VIII

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

В княжеской грядницелюдно. Великий князь Всеволод Юрьевич восседал в большом резном кресле с высокой спинкой и выслушивал челобитчиков. Обличьем Всеволод Юрьевич пошел в мать — греческую царевну. Чернявый, с сухим горбоносым лицом, с небольшими усами и большими черными глазами, он походил на византийца. Нравом Всеволод был крут и властен, как и отец Юрий Долгорукий и убиенный брат Андрей. Державной рукой крепко правил он своевольными удельными князьями, в походах и сражениях удачливым почитался. Был он ненамного старше изгнанного племянника Юрия, люто ненавидимого из-за покойника отца, деспотически обращавшегося со сводными братьями.

К князю с низким поклоном подошел дородный дьяк Онуфрий. Угодливо склонившись, стал что-то нашептывать, Всеволод Юрьевич нетерпеливо оборвал дьяка:

— А где стоят те людишки из Обези?

— На подворье, господине, у собора — там и работают.

— Добро. После вечерни приведи мне их старшего с толмачом. Поговорим тогда, — кинул великий князь. К нему через толпу пробирался городской оружейник Олекса.

— Принес, Олекса? — живо спросил Всеволод Юрьевич.

— Принес, князь великий. Во, гляди!..

И, развернув пестрый плат, Олекса вынул шлем своей работы. Князь Всеволод залюбовался. Шлем был выкован из одного куска стали, сверху набит серебром и выложен серебряными накладками со сложным орнаментом и изображением архангела Михаила. Кругом вилась надпись: «Великий архистратиге господень, помози рабу своему Димитрию»¹.

— А лучше был бы злаченый, — молвил осторожно мастер.

— Много золота пошло бы... — раздумчиво отозвался Всеволод Юрьевич.

Отпустив мастера, великий князь встал и медленно прошествовал из гридницы на свою половину.

Вечером стража доставила к княжескому двору встревоженного варпэта Галуста с толмачом. Дьяк Онуфрий строго оглядел армянского каменщика и передал ему через переводчика-грека предупреждение:

— Ты гляди, мастер, всю правду великому князю сказывай! Грозен бо князь великий и не помилует за лжу, повелит вздернуть на первой же осине...

Галуст только тряхнул головой. «Везде цари одинаковы, всегда казнями угрожают!»

Великий князь сразу же сурово спросил:

— Пошто лясы точил на кружале о «русском» царе у вас в Обези? Отвечай, смерд, да говори правду!

— Правду я молвил, государь! У картлийской царицы Тамар муж — русский князь Георгий, родом отсюда, из вашего города, — ответил Галуст.

¹ Крестильное имя Всеволода III Большое Гнездо.

— Князь Георгий?! — с удивлением повторил за толмачом Всеволод Юрьевич и обратился к Онуфрию: — Слышь ты, дьяче, какой это Георгий будет?

— Господине, я уже разузнал — то Юрий, племян твой, сын упокоенного княж — Ондreja.

Князь Всеволод очень встревожился. «Проявился след Юрашкин, слухи о нем пойдут по земле русской. А там, смотришь, из бояр и людишек брата, покойного Ондreja приближенных, кто и хвост поднимет противу власти моей!..» Он начал подробно расспрашивать обезского мастера:

— Много ли Обезь воев имат и далек и удобен путь туда?

— Царство Картлийское большое. От моря до моря тянется. И воинов много имеет — одних кипчаков, половцев по-вашему, государь, тридцать тысяч, да еще много других конных полков есть. А путь туда далек, через степи и горы идти надо, реки переплывать. Месяца два или побольше пути, — обстоятельно рассказывал Галуст. Толмач переводил.

Великий князь задумался. Потом задал новый вопрос:

— А что делает князь Георгий у вас в Обези?

— Воюет с сельджуками, государь. Недавно большой город у них отвоевал — Двин.

Последнее известие совсем не понравилось Всеволоду Юрьевичу. Значит, в походы против бесерменов уже пустился Юрашка... А войска, видно, много у него, да все конные! А ну как пожаловать вздумает за отцовским наследием? До Владимира, может, и не дойдет, а до Киева — очень даже просто, по Днепру, доплывут. А тогда снова смута великая зачнется на Руси...

Вечером в опочивальне, отходя ко сну, князь Всеволод все рассказал княгине Марии. Мрачный огонек зажегся в черных выразительных глазах ясыни.

— Вот почему наши багатары потеряли след змееныша в Дешт-и-Кипчаке! Значит, он теперь уже в Картли, мужем царицы стал, старшей дочери покойной Бурдухан, нашей родственницы... Проклятый! Пошли, княже, верных людей в Тифлиз, покончить с ним, — стала просить супруга.

Всеволод Юрьевич только отмахнулся:

— Мелешь невесть что, Марья. Чай, Юрка-то в охране. Попробуй в Обези добраться до царицыного мужа!

— Так как же быть? Оставить злодея безнаказанным?!

— Не он первый начал: мово брата Ондreja убил-то ведь родич твой! Впрочем, погоди-ка...

Всеволод недаром был полувизантийцем по крови. Мысль о возможном вторжении на Киевщину многочисленных обезских войск, во главе с ненавистным племянником, не давала ему покоя. Но показать свою тревогу жене он не захотел. Позевывая, небрежно молвил:

— Пошлю-кось дьяка Онуфрия в Обезь в обличии купца, с мягкой рухлядью. Пуцай из норы лисенка выгонит, пока беды большей не натворил... Так-то будет лучше! — закончил Всеволод и повернулся на другой бок.

Велико было удивление Галуста и всей артели, когда на следующий день тиун без объяснения причин уводил армянских каменщиков. Вскоре Галуста снова вызвали на княжий двор и предложили подобру-поздорову убраться из Владимира.

— Впрочем, — добавил дьяк Онуфрий снисходительно, — я сам с вами поеду до Обези и за корм в дороге всей артели ушлачу! Мукой али деньгами. А вы мне в пути помозите, добрые люди...

Что было делать бедным армянским каменщикам? Ругательски ругая новгородского купчину, сманившего их из Крыма, а заодно и старосту, поверившего в большие заработки на Суздальщине, стали они собираться в путь-дорогу. А предстояла она немалая и весьма опасная — через Дикое поле и Дешт-и-Кипчак к Дербенду.

Вскоре несколько тяжело груженных саней с анийцами и дьяком Онуфрием выехали по первопутку через Иринины ворота из Владимира. С дьяком ехал его племянник, угрюмый, рослый парень, не выпускавший бердыша из рук. На больших розвальнях везли мягкую рухлядь — ценные меха, зашитые в кожаные мешки. Сверху для укрытия навалили сена. Ехали долго, с бережением, избегая зимних кочевий и населенных мест. Дьяк Онуфрий сдержал обещание и снабдил артель дорожным припасом, выдал и корму для лошадей. Когда решали заночевать, останавливались засветло, чтобы не привлекать огнем костров недобрых людей. Дьяк ложился особо, прямо на тюках с мехами, а племянник ночью не спал, сторожил

обоз попеременно с одним из каменщиков. В степи завывали голодные волки, но близко подойти к саням не решались. Проехав благополучно Донские степи и Дешт-и-Кипчак, подошли к Железным Воротам на берегу Каспия. Здесь начинались владения ширваншаха Ахситана. По прибытии в столицу царства — Шемаху каменщики увидели в городе много новых сооружений и решили остаться здесь на работу. Дьяк Онуфрий с племянником, давно сменив сани на скрипучую арбу, направились прямо на запад, через Ганджу и Шамхор, в Тбилиси.

Глава VIII

АХПАТСКАЯ АКАДЕМИЯ

Ахпатский архиепископ Барсег был намного моложе старшего брата князя Абуласана Арцруни. Исключительно красивой внешности, он мало походил на своего родича. Проводя большую часть времени в Тбилиси, где находилась его кафедра при армянском соборе св. Георгия, веселый и общительный владыка любил соколиную охоту, не брезгал и чарой доброго вина. В качестве главы верующих армян в Картлийском царстве Барсег вынужден был изображать строгого блюстителя церковных канон, особенно в глазах санаинских и ахпатских отцов, составлявших наиболее непримиримое крыло армянской церкви.

Получив тайный донос на вольнодумца Мхитара Гоша, архиепископ Барсег поручил секретарю академии вардапэту Минасу вызвать Гоша из Нор-Гетика для обсуждения его труда на заседании академии. Высокопресвященный хорошо помнил, что Мхитар Гош на протяжении ряда лет был духовником Мхаргрдзели, воспитателем его сыновей Захария и Иванэ, и вовсе не собирался портить свои отношения с могущественным амирспасаларом в угоду санаинским отцам. Но все же надо было, как настаивали отец Минас и другие вардапэты, дать отпор вольнодумным высказываниям настоятеля Нор-Гетика.

Долго размышлял ученый-игумен перед отъездом в Ахпат и, решившись, отправил гонца в Лори, где пребывал князь Саргис. В своем письме он вкратце уведомлял

о вызове владыкой Барсегом и опасениях за судьбу «Судебника» при обсуждении недоброжелателями.

Совет академии заседал в обширном притворе храма «Животворящего креста», построенного знаменитым зодчим Трдатом в начале XI века. У входа в притвор стояли рослые иноки-охранники и отгоняли любопытных. Во времена своего расцвета Ахпатская лавра насчитывала свыше 500 монахов, и прибытие на академическую расправу знаменитого Мхитара Гоша, естественно, вызвало большое любопытство многочисленной монастырской братии.

После молитвы и краткого вступительного слова высокопреосвященного Барсега на кафедру взошел тэр-Минас. Немолодой монах, с изможденным лицом аскета и черной узкой бородой, воздев руки к церковному своду, патетически воскликнул:

— Отцы святые, не дай бог... я говорю, не дай бог, если писание сего вардапэта, — он ткнул рукой в сторону Мхитара Гоша, — попадет в руки злонамеренного грамотея из низкородных! Вот послушайте, что пишет отец Мхитар в своем «Судебнике»: «Создатель сотворил человеческое существо свободным, зависимость же от господ возникла из-за нужд в земле и воде...» Но то же говорили богом проклятые тондракиты, они тоже отстаивали равенство людей. А ведь «равенство» — наущение дьявольское!

— Не греши, отец Минас, — спокойно произнес с места Мхитар Гош, — я нигде не пишу о равенстве людей.

— Не давал я тебе слова, отец Мхитар! — загремел архиепископ. — Продолжай, тэр-Минас.

Разозленный репликой Гоша, тот с жаром продолжал:

— А дальше вот что пишет сей вардапэт зломысленный: «...В первый день нового года, равно как и в дни праздников, обязаны шинаканы делать приношения, но лишь в меру возможностей своих...»

В зале возникло движение.

Тэр-Минас продолжал со злорадством читать крамольные места из «Судебника».

— «Не должно быть места притеснениям многим, и пусть исчезнут несправедливые привычки, ибо и сами приношения возникли из многих неуместных обычаев». Каково, святые отцы, а? Да ведь он хочет разорить наши монастыри, наши божьи храмы, хочет, чтобы шинаканы

потеряли всякое почтение к святой церкви дивного Григория!

— Неправда, только незаконные поборы с прихожан я предлагаю прекратить! — вновь не сдержался Мхитар Гош.

Тэр-Минас выбросил последний козырь:

— А вот что наш вардапэт пишет об обязанностях работников: «Работать на князя и господина должно один... — тэр-Минас показал присутствующим худой, запачканный чернилами палец, — день из семи дней в неделю. Заставлять же попавшего в зависимость работать больше этого — великое беззаконие».

В зале поднялся сильный шум. Все кричали:

— Да он с ума сошел!

— Где это видано?

— Какой ишхан, какой монастырь согласится?

Гош иронически наблюдал за разбушевавшимися отцами. Архиепископа начинало бесить спокойствие настоятеля Нор-Гетика. Чувствует, наглец, широкую спину Мхаргрдзели за собой! Следует сбить с него спесь... Обращаясь к отцу Минасу, владыка повелительно возгласил:

— Зачитай, тэр-Минас, что грозит книжникам, которые позволяют в своих трудах еретические высказывания!

Секретарь академии с готовностью стал читать древнюю анафему, с грозным видом поглядывая на Гоша:

— «...Проклятие всем еретикам, не признающим нашу небоподобную, святую, соборную и апостольскую церковь святого Григория Просветителя. Да постигнет их проказа Гнезия, удушение Иуды, поражение громом Диоскора, трепет Каина, поглощение заживо землей Дафана и Авирона, да сбудется над ним проклятие сто шестого псалма и да будет он привязан к сатане! Никаким покаянием не избавится душа его от ада. Аминь!»

— Аминь! — повторил архиепископ. — Теперь ты сам видишь, отец Мхитар, чем рискуешь, если упорствовать будешь в заблуждениях своих! И не забудь, кроме академии есть еще остров на Севане...

Мхитар Гош пожал плечами. В этот момент широко распахнулись двери, охраняемые послушниками, и под старинными сводами раздался звон шпор. Твердо ступая по каменным плитам, по проходу не спеша продвигался статный рыцарь с почтительно обнаженной головой.

С негодованием взирали отцы церкви на вторжение

постороннего мирянина. Постороннего? Да ведь это же племянник самого высокопреосвященного... Тэр-Минас быстро юркнул на место, а архиепископ недоуменно воззрился на Захария. Подойдя под благословение, племянник твердо заявил:

— Высокопреосвященнейший, и вы, святые отцы! Мой благородный родитель князь князей великий Саргис шлет вам сыновний поклон и сообщает: прочитанный и одобренный им «Судебник» отца Мхитара по его приказу введен в действие во всех наших владениях. Он считает, что нам не придется спорить с кем-либо о толковании сих законов!

— Придется! — закричали с мест наиболее ретивые вардапэты из Санаина. Их возгласы подхватили многие сторонники.

Архиепископ понял, что он попал впросак. Мысленно ругая хитрюгу тэр-Минаса, который с отсутствующим видом отсиживался в задних рядах, Барсег с важностью молвил:

— Прекратите шум, отцы! Я сам прочту «Судебник» и велю изъять все, что найду противоречащим установлениям и канонам нашей святой церкви...

Г л а в а IX

ДЬЯК ОНУФРИЙ В ГРУЗИИ

Недолго длилось семейное счастье венценосной четы... В самых резких выражениях сообщают грузинские летописцы о разногласиях Тамар и Юрия Андреевича вскоре после свадьбы. «Целых два с половиной года, как наковальня, переносила бодрая духом Тамар пороки русского, как никто другой не мог бы это терпеть», — пишет Бабили. Так ли было на самом деле? Юрий Андреевич, чужеземец, не имевший собственного войска в стране, при недоброжелательном отношении к нему многих грузинских вельмож мог удержаться исключительно за счет личного расположения супруги, с помощью южных феодалов. Однако недостатки у мужа царицы были, и немалые...

Князь Джуаншер Дадиани отличился при подавлении восстания Хутлу-Арслана, особенно на кладбище Сагодебели, где самолично разгонял мятежников, за что, как из-

вестно, и был награжден должностью вазира финансов. Но гарцевать на породистом скакуне — это одно, а считать деньги — другое. Конечно, в казначействе хватало умелых счетчиков и взимателей налогов. Но пройдохи эти требовали умелого руководства, и вскоре начались недочеты и хищения. А серебряный кризис, что не одно уже десятилетие свирепствовал на Востоке, делал свое дело. Выпущенные еще в царствование Георгия III позолоченные пули никто не хотел принимать вместо настоящей золотой монеты. Так что после отстранения опытного Хутлу-Арслана дела казначейские сильно подзапутались, чем не преминул воспользоваться Абуласан. Посты эристава эриставов и потомственного градоначальника Тбилиси были ему возвращены. «Но иметь на троне своего человека и довольствоваться лишь прежним положением?!» — пожимал плечами Арцруни. Место вазира финансов пока что устроило бы честолюбивого вельможу, и он начал исподтишка действовать, искусно используя всеобщее недовольство неумелым ведением дел Джуаншером. По городу поползли слухи о предстоящей отставке царского казначея. Как ни малоопытен в интригах был Джуаншер, но и он почуял запах гари и тотчас бросился за помощью к отцу. Министр двора до сих пор не мог забыть сокрушительного поражения, нанесенного ему соперником — князем Абуласаном, и добился частной аудиенции у Русудан. Старая царица не могла не посчитаться с авторитетом могущественного главара имерского дворянства. И хотя по просьбе Арцруни раза два намекнул супруге князь Юрий, что вместо мальчишки, который плохо ведет казначейские дела, следует назначить более опытного человека, Тамар, по совету тетки, воздерживалась с новым назначением.

Тогда у князя Абуласана созрел новый план...

Юрий Андреевич скучал. Тамар с теткой уехали на богомолье в почитаемую Шио-Мгвимскую лавру, близ Мцхеты, где их, в чаянии недуховных благ, нетерпеливо дожидалась двухтысячная монашеская рать.

Из сада сильно пахло жасмином, журчали фонтаны, пробовал голос соловей. Незаметно для себя Юрий забился в кресле. Из полудремоты его вывел негромкий голос. Покачиваясь на толстых ногах, с улыбкой на лице перед ним стоял Гузан Арцруни.

— Ты, Гузан? Зачем явился, по какому делу? — спросил, потягиваясь, Юрий Андреевич.

Гузан ухмыльнулся еще шире. Ласково сказал, облокотившись на спинку кресла:

— Вижу, скучаешь один без царицы... А не проехать ли нам за город? Вино из Шираза один купец привез в мою усадьбу. Ох и сладкое же, и ароматное! И такую же придачу к нему...

— Не пойму, о чем городишь, Гузане! — приосанился Юрий.

Но Гузана нелегко было сбить с толку. Наклонившись, прошептал на ухо Юрию Андреевичу:

— Персидские пляски никогда не видел, патроно Георгий, нет? То-то! Поедем, жалеть не будешь...

Уже темнело, когда два всадника подъехали к загородной даче Арцруни, недавно построенной в Табахмело, рядом с царским дворцом. В густой зелени деревьев светила беседка. Она освещалась множеством цветных светильников и выглядела как сказочный домик. На топот коней у входа появились и застыли в низком поклоне дворецкий и старый перс в чалме, с крашенной хной бородой. Подбежали слуги.

— Все готово? — отрывисто спросил Гузан, спешиваясь.

— Как приказал, великий господин, — с готовностью ответил дворецкий.

Пол в беседке был устлан огромным кашанским ковром, на котором в углу лежали шелковые подушки. Призрачный голубой свет освещал низкий восьмиугольный стол из черного дерева. На нем расставлены были серебряные чаши с финиками, очищенным миндалем и фисташками. Рядом, на плоских фаянсовых блюдах, лежали фрукты из крцанисских садов — ранние черешни и абрикосы, восточные сладости. Пенилось розовое вино в большом серебряном ковше.

Юрий Андреевич и князь Гузан удобно разлеглись на подушках. Дворецкий быстро разлил вино в золотые кубки. Чокнулись, выпили. Гузан кивнул старому персу, тот хлопнул в ладоши. В беседку вбежал высокий юноша с насурмленными глазами и девичьей талией, в голубом чекмене с широким розовым поясом, с парчовой тубетейкой на блестящих черных волосах. В руках ашуг держал саз. За ним степенно вошли пять девушек в белых газо-

вых покрывалах с серебряными лютьями и уселись, скрестив ноги, в другом углу беседки. Низко поклонившись вельможам, юноша произнес приятным голосом витиеватое приветствие на арабском языке, которое быстро стал переводить неизвестно откуда появившийся седой толмач.

После приветствия, взяв в руки украшенный перламутром саз, ашуг сказал:

— Если будет благоугодно высокоблестательным и просвещенным эмирам, я спою им песнь нашего божественного Омар-Хайама.

Певец ударил по струнам и запел нежным тенором. Девушки стали тихо ему вторить, подыгрывая на лютьях.

Не нужен покаяния вздох,
И без того простит нам бог,
К чему, к чему молиться нам?
Пойми, прощенье нужно там,
Где тьма грехов. Кто ж свят, ведь тем
И без того открыт Эдем!

Вина душистого стакан
Нам запрещает пить коран,
Но кто, боясь греха, не пьет —
Глупец и простофиля тот!
Пусть каждый чаше будет рад, —
Аллах ведь создал виноград!

О молодой, влюбленный друг,
Коль ты обрел любви недуг,
Не дай беспомощным устам
Взывать к далеким небесам:
В земной любви аллах как раз
Увы! увы! бессильней нас! ¹

Толмач, сидя на корточках у тахты, быстро переводил слова песни Юрию Андреевичу, который уже порядком захмелел. Когда певец закончил, князь Гузан бросил ему кошелек с деньгами. Тот ловко поймал на лету и, поцеловав, спрятал в складки широкого пояса. Юрий Андреевич пьяно захохотал:

— Богохульник твой перский певун, Гузан! Да на нашей Суздальщине давно бы его владыка повелел всадить в поруб ² за такие богопротивные песни. А девки, поди, знатные. Только ликов их не зрю!

По новому знаку старого персианина девушки встали и, сбросив покрывала, оказались в серебряных корсажах

¹ Перевод Мусы Хакима.

² Поруб — тюремный подвал (*древнерусск.*).

и полупрозрачных шароварах. Босые ножки танцовщиц были подкрашены хной, на тонких щиколотках тихо позвякивали браслеты из дутого серебра. Ашуг снова ударил в саз и запел тягучую негромкую мелодию, под которую девушки начали пляску, ритмично покачивая стройными бедрами.

От невиданного зрелища у Юрия Андреевича заблестели глаза. Во рту пересохло. Он осушал кубок за кубком, не отрывая глаз от полуголых танцовщиц. Внезапным движением князь сорвал с уха золотую серьгу с бесценным индийским лалом и кинул стройной девушке со смуглыми блестящими плечами. Насурмленные глаза танцовщицы сверкнули. Юрий Андреевич протянул руки к танцовщице, и она прильнула к нему.

«Ух ты!» — успел только подумать Юрий... Светильники в беседке стали понемногу меркнуть...

Утром опохмелялись в царском летнем доме. Гузан испытующе смотрел на Юрия Андреевича:

— Ну как, патроно Георгий, понравилось тебе ширазское вино?

Юрий Андреевич пил вино из рога, что-то невнятно промычал в ответ.

— Не грех, если в духане позавтракаешь, а дома отобедаешь. Слаще будет! — продолжал Гузан и, будто невзначай, вкрадчиво спросил: — А когда же назначат отца моего вазиром? Ты ведь обещал...

Юрий Андреевич, икнув, пробормотал нехотя:

— Тamar против...

— А разве ты не муж ей, не царь наш? — удивленно развел руками Гузан.

Юрий, не отвечая, осушил рог.

Абуласан не прогадал и на этот раз. Попойки в Табамело стали повторяться и привели к желанному результату. Сдавшись на настойчивые упрасивания Юрия Андреевича, царица Тamar подписала указ о назначении князя Абуласана вазиром финансов вместо Джуаншера Дадиани. Понемногу Абуласан становился первенствующим лицом в государстве, главным советником царской семьи...

В июньские дни на шумный Тбилисский базар, гремя колесами по мостовой, въехала крытая арба. Из арбы

вылез, отдуваясь, дородный человек в дорожном кафтане, с рыжеватой бородой и волосами скобкой, с глазами навыкат. Сняв треух, толстяк истово перекрестился на купол ближнего храма:

— Слава тебе, Иисусе Христе, сыне божий! Сподобил мя, раба твоего, прибыть благополучным и здоровым в сей град...

Дьяк Онуфрий со своим племянником добрался наконец до Тбилиси и в одном подворье отыскал новгородских купцов, прибывших за шелком. Узнав, что приезжий гость из Владимира привез ценную пушнину, новгородцы одобрительно загудели:

— Угадал враз, друже Онуфрие! Озолотят тебя за рухлядь здешние бояре, с руками оторвут! И цену какую хошь проси с них — нет такого товара на базаре...

Однако владимирец не спешил распродавать меха. Заломив треух набекрень, он толкался по духанам, заводил разговоры с местным людом, нарочно толмача-половца для этого нанял. Много толков в то время вызвало срамное увольнение царского казначея по чьим-то проискам. Опытный нос Онуфрия почуял здесь след дворцовой интриги. Пронырливый дьяк оказался в особняке князей Дадиани. Продав задарма меха, он завел беседу с хозяином дома:

— Слышь, княже, а ведь наш владимирской у вас в царях ходит!

— Кто его за царя считает?! — огрызнулся Дадиани.

— Не скажи, княже! С царицей на одном ложе возлежит, в головах сидит на пирах под образами, войском командует! Да сказывали мне купцы, захотел Юрий Андреевич — и сына твоего с приказа мигом скинули!

— Все проделки одного недруга! Он и ту свадьбу устроил, — пробурчал министр двора.

— И то ведаю! Сказывают земляки, как собралась боярская дума, супротивник твой стал о Юрии похвально говорить, да с три короба вам и набрехал. Триста князей-де подвластны ему! Ох, насмешил! Да князья-то русские, чай, не Юрию подвластны, а великому князю, государю нашему Всеволоду Юрьевичу.

— О том и я наслышан.

— А что толку, княже? Сидит Юрашка у вас, будто царь, и всеми вами помыкает. Как себя ведет-то Юрий Андреевич?

— Стал пьянствовать! — ответил Дадиани.

— Бражничают? Да, поди, со скоморохами и с девками гулящими? Эх, веселие Руси пити?.. А толку от Юрки земле Обезской не быть! Великий государь Всеволод Юрьевич видеть не хочет племяша, удела ему не дал, согнал с Руси напрочь! И ныне на вас, людей обезских, гневается: почто изгоя приютили, почто возвысили без меры? А с Русью святой вам бы в ладах жить! Бо бесермены доже на вас насаждают... И с Юркой справиться нехитрое дело! Царица у вас, слыхать, женщина строгостная, любодейных дел у супруга не потерпит и к власти не подпустит. Вот тут клин и забивать надо! Смекаешь, княже?

Многоопытный дьяк Онуфрий как в воду глядел.

До старой царицы стали доходить слухи о недостойном поведении зятя. Обеспокоенная, она поручила Чиабелу выведать, чем занимается царицын супруг с Гузаном на загородной даче. Сыщики быстро разузнали об оргиях с персидскими танцовщицами, донесли и о пьяных речах Юрия Андреевича о власти.

И буря разразилась.

Хитроумные расчеты у князя Абуласана Арцруни необъяснимо сочетались с азартом шахматного игрока, который, довольствуясь временным успехом, не задумывает много ходов вперед. А уже из дворца стали просачиваться и распространяться по Тбилиси слухи о крупных раздорах между Тамар и ее супругом. Узнал об этом и князь Дадиани, воспрял духом, явился снова к царице Русудан, на этот раз с торговцем пушниной из Владимира. Дьяк Онуфрий предъявил царице тайную грамоту великого князя Всеволода Юрьевича, в которой тот уполномочивал его вести торговые и иные переговоры с князьями и боярами Обезской земли. Этого оказалось вполне достаточно. И на очередном заседании коронного совета Дадиани в качестве министра двора смело взял слово:

— Господа, дозволено ли мне задать один вопрос высородному князю Абуласану?

— О чем ты это, князь Вардан? — спросил недоумевающе председатель совета преосвященный Антоний.

— Преосвященнейший, я хочу спросить князя Арцруни, почему он солгал нам, дидебулам Картли?

— Опомнись, что ты говоришь, князь Вардан? — с тревогой воскликнул архиепископ.

Абуласан вскочил со своего места. Сжав кулаки, он громко выкрикнул:

— Как ты смеешь, князь Вардан, порочить меня, старого царского слугу, много старше тебя по возрасту! Когда и кому я лгал?

— Да, я утверждаю, ты солгал, когда уверял нас, будто рузикский царевич — могущественнейший государь в своей стране и что триста князей ему подвластны. А мы видим теперь, жалкий изгнанник князь Георгий, выгнали его из Руси собственные родичи-властители, ни денег, ни людей ратных не дали! Наоборот, теперь чуть войной не грозятся за то, что мы их врага возвеличили! А тому свидетель есть, достойный доверия человек...

На совете влиятельных сторонников у Арцруни не оказалось. Амирспасалар был в дальнем походе, а вазир Чиабер, который обычно поддерживал князя Абуласана, почему-то отмалчивался. Абуласан решил пойти напролом. Запальчиво закричал:

— Давай сюда твоего достоверного свидетеля, князь Вардан! Посмотрим, что это за птица?..

Дадияни сделал знак помощнику амирэджиби двора. В зал заседания вошел дьяк Онуфрий.

В нарядном кафтане, гладко причесанный, с бобровой шапкой в руках, Онуфрий перекрестился на иконы и, степенно подойдя к столу, где сидели члены совета, отвесил им поясной поклон. Рядом стал толмач.

— Преосвященнейший, вели допросить сего мужа из земли рузикской. Вот царская грамота, по которой ему поручаются переговоры с нашим царством. Пусть дидебулы и святые отцы спросят сего рузика о князе Георгии! — громко заявил Дадияни.

Тут неожиданно вмешался Чиабер.

— Государи мои, нельзя открыто порочить мужа царицы царей! Пусть удалятся секретари и другие посторонние лица, останутся одни члены совета и толмач.

Дидебулы и отцы церкви, явно заинтересованные неожиданным оборотом дела, согласно закивали. Все должностные лица покинули зал. Один из секретарей быстро направился в покои князя Георгия.

Онуфрий спокойно отвечал на многочисленные вопросы вельмож. Подтвердил, что Юрий Андреевич действи-

тельно младший сын убиенного великого князя владимирского Андрея Юрьевича, стало быть, по-здешнему, — царевич и православный. Абуласан торжествующе оглядел зал. Но Онуфрий невозмутимо продолжал:

— Одначе, господа бояре, подвластных Юрию Андреевичу никаких князей на святой Руси нету ни одного. Обманули вас, бояре! Изгой Юрий, и больше никто. А великий государь Всеволод Юрьевич, напротив того...

— Ты о ком это лаешься, пес? Не обо мне ли?! — раздался вдруг громкий голос. На пороге стоял, подбоченившись, князь Юрий. Глаза его метали молнии.

За ним с грозным видом сопел Вышата.

— Шила в мешке не утаишь, княже! — смиренно ответил дьяк и предусмотрительно попятился.

Это не помогло. Сбив его одним ударом, Юрий Андреевич прижал коленом к полу барахтающегося дьяка и стал хлестать по щекам.

— Вот наложу на тя каинову печать, иуда!

С трудом вырвали дьяка вельможи из рук рассвирепевшего князя. Тяжело дыша, Юрий Андреевич вымолвил с угрозой:

— Пономни, дьяче: еще раз увижу — быть тебе на колу! Пойдем отсюда, Вышата. Здесь нам делать нечего!

Глава X

ПАРОН САРГИС СДАЕТ ДОЛЖНОСТЬ

Саргису недолго пришлось занимать высокий пост амирспасалара Картли. Летом 1187 года, после очередного военного похода, он тяжело заболел и слег.

Дом Мхаргрдзели в Тбилиси был расположен в левобережной, аристократической части города, в непосредственной близости от Исанского дворца. Из окна покоя, с низкими сводами и мраморным полом, виднелся гаснущий закат. Небо горело багрянцем, предвещая на утро сильный ветер с гор. Скоро в горнице стало совсем темно. Лишь большая восковая свеча в серебряном подсвечнике освещала спальню.

Старый полководец лежал на широкой тахте, вытянувшись во весь свой огромный рост. Седая голова с большой окладистой бородой вдавилась в шелковую мутаку. Круп-

ные исхудалые руки покоились на темном парчовом покрывале. В ногах у него, в низком кресле, сидел Мхитар Гош. Получив известие о смертельном недуге парона Саргиса, духовник княжеского дома немедленно прибыл из Нор-Гетика и теперь читал ему евангелие.

Внезапно Саргис прервал чтение:

— Отче Мхитар, почему ее нет?

— Великий ишхан, еще не время. Сказала, ждите после вечерни!

Как бы в подтверждение слов вардапэта, через открытое окно донесся мерный перезвон колоколов дворцовой церкви. Гош перекрестился, тихо сказал:

— Окончилась служба.

Саргису не давала покоя навязчивая мысль. Он снова обратился к монаху:

— А где сыновья, отче Мхитар?

— В соседнем покое, великий ишхан. Дожидаются твоего зова.

Амирспасалар умолк, погрузился в тяжелые думы. Гош, не возобновляя чтения, тоже молчал.

Парону Саргису было над чем задуматься. Собственными руками вернул он из ссылки шурина. А что же получилось? Рвут и мечут мтавары от засилия Абуласана и его прихвостней, не сегодня-завтра мятеж снова поднимут. А ведь после последнего срама на совете старый хитрец на все уступки согласится, даже на сговор с Дадияни и другими дидебулами пойдет, лишь бы удержаться у власти... Недаром проболтался как-то: надо-де добиться коронования Георгия! Это что ж, против завещания покойного царя?! И какая от этого польза для государства окажется? Разумеется, царицы и некоторые дидебулы на это не согласятся. И снова начнется междоусобица в царстве! А он, амирспасалар Картли, прикован к постели и, видно, не встать ему больше... Кто же будет тогда защищать законную власть, шаткий трон, молодую царицу?

Как долго сегодня тянется время! Тут парон Саргис вспомнил об одном деле:

— Отче Мхитар, достань-ка из сундука письмо. Сверху лежит. Вот ключ.

Мхитар Гош открыл ключом кованый сундук и вынул объемистый пергаментный свиток.

— Письмо от Гарегина Хетумяна, из Киликии. Кто он, великий ишхан?

— Купец в Сисе. И наш лазутчик. Прочти-ка еще раз вслух, отче Мхитар, — устало сказал амирспасалар и прикрыл глаза.

Мхитар Гош развернул свиток и стал негромко читать донесение. Когда он дошел до слов: «...А в святой земле неблагополучно, снова в руках нечестивцев гроб господний», — Саргис подал признаки жизни:

— Да-да, пал Иерусалим... Читай медленнее, отче Мхитар!

— «Как я уже доносил, после смерти бедного прокаженного иерусалимского короля Бодуэна трон перешел к его зятю Лузиньяну. Разбойный принц антиохийский Рено, пробыв шестнадцать лет в плену у агарян и обретя свободу, снова ограбил караван — 400 верблюдов с ценными товарами. Султан вышел из терпения и начал войну с франгами, ворвался со своей конницей в Палестину и захватил город Тивериаду. Франгскими войсками командовали король Лузиньян, антиохийский принц Рено и глава храмовников. Стояли они в хорошей местности Сафари, изобилующей водой и травами, но, по наущению дьявольскому, ушли оттуда в безводную пустыню Хиттин, навстречу сарацинам. И там в знойный летний день¹ вступили с ними в битву. Ни одного ручья не протекало на обширном поле, жестоко мучились франги и их кони от жажды, а сарацины вдобавок подожгли на равнине перед франгским войском сухой кустарник. И я слышал, что они удивились, увидя франгов и их коней, сплошь покрытых железом. Сами же сарацины были в легких доспехах, на быстрых скакунах, и им скоро удалось одолеть благочестивых защитников гроба господнего. Все войско франгов было истреблено проклятым султаном, сам король попал в плен, а принца Рено, виновника войны, султан велел тут же повесить. Потом Салах-ад-дин захватил и священный город Иерусалим...»

Мхитар Гош прекратил чтение.

— Дурная весть, отче Мхитар, очень дурная! — негромко молвил парон Саргис. — Я помню, в дни моей юности франги потерпели поражение в крестовом походе². Однако своими действиями они отвлекали внимание неверных от нашей страны. А теперь история снова повторяется. Са-

¹ 4 июля 1187 года.

² Второй крестовый поход состоялся в 1147—1149 годах.

лах-ад-дин, сын курда из нашего Двина, — предоблестный воитель! Не он, так родичи его могут сильно навредить нам, если только...

Тихую речь амирспасалара прервали легкие женские шаги. Парон Саргис взволнованно оправил шелковое покрывало на груди и повернулся лицом ко входу. Дверь беззвучно открылась, и на порог ступила высокая женщина в темной одежде. Закрыв створку за собой, она сделала шаг вперед. Мхитар Гош встал с тахты, отступил к окну и застыл в низком поклоне. Женщина подняла покрывало, открыв прекрасное лицо. Голосом, еще звучавшим по-девичьи звонко, царица Картли обратилась к старому амирспасалару:

— Привет, мой Саргис! Как чувствуешь себя сегодня?

Тамар мягко опустилась в кресло и протянула узкую руку в перстнях. Амирспасалар с трудом взял руку царицы и, поднеся к губам, прочувствованно молвил:

— Благодарю, великая государыня, что соизволила выполнить мою просьбу, сама пожаловала ко мне в дом. В последний раз говорить с тобой буду, царица!

Брови Тамар сдвинулись:

— О чем, кроме твоего выздоровления, говорить будем, патроно Саргис? — И, обернувшись к вардапэту, царица спросила:

— Что сказал врач, которого я послала?

Мхитар Гош не успел ответить. Парон Саргис мягко улыбнулся:

— Оставим сие, государыня! В долгу я у тебя, мало послужил твоему величию. Что делать, не успел! А теперь пришло время сдать должность свою...

— Ты — дидебул Картли, и должность твоя наследственная. После тебя амирспасаларом будет твой старший сын. По закону!

Саргис отрицательно качнул головой:

— Прежде чем стать амирспасаларом, я двадцать пять лет служил твоему отцу, блаженной памяти царю Георгию. Закарэ с малолетства сопровождал меня в боях, добрым воителем оказался... Но еще слишком молод он, больших воинских заслуг пока не имеет... Что скажут дидебулы?

Слова старого полководца явно встревожили Тамар.

— Как же поступить, мой Саргис? Хотя я уверена, бог пошлет тебе здоровья, ты встанешь!

— Царица, времени у меня осталось немного. Внемли же моим последним советам. После меня амирспасаларом назначь князя Гамрекела Торели, он — воин опытный, немало повоевал на своем веку. А моего Закарэ назначь его заместником — амирахором.

Саргис, утомленный, замолк. Потом снова медленно начал:

— И в другом винюсь, великая царица. Напрасно я тебя упросил князя Абуласана простить и князя Георгия тогда на совете поддержал. Ошибка была моя...

Прекрасное лицо Тамар окаменело от неожиданных слов умирающего. А тот уже с явным усилием продолжал:

— Прости меня, государыня, что, может быть, неподобающий разговор вести буду. Но... расстаться с мужем советую! На кривой путь вступил князь Георгий, и не по силам будет тебе его выпрямить. Беспечен стал, неосмотрителен, дурных советников слушает... И первый среди них — шурина мой, князь Абуласан. Горько мне это говорить, но должен. Согласились мы на брак твой с рузиком на благо земли картлийской, ко приумножению рода царского! А что ж получилось?! Знай, государыня, не терпят их обоих мтавары, снова мятежом грозят. А князь Абуласан знает это и уже свои меры принимает, с Варданом Дадияни и другими вельможами переговоры начинает, на любые уступки за счет тебя, твоей державной власти, великая царица, согласится пойти... Задумал даже возвести князя Георгия на престол царский!

Тамар вздрогнула, с тревогой молвила:

— Быть этого не может, князь!

Саргис скорбно опустил веки, заговорил не сразу:

— Верь мне, государыня. Перед лицом смерти не лгут. А я, главный защитник трона, ныне умираю. Прошу тебя — не откладывай, собери завтра же совет и, пока не успели дидебулы между собой договориться, отрекись от мужа своего! И знай — войско тебя поддержит! Сегодня ночью, по моему приказу, ко дворцу тайно подойдут гвардейский полк и аланская дружина. Командовать будет сын мой Закарэ. Положись на верность его! Решите дело, отправьте с почестями князя Георгия куда он захочет, денег ему дайте...

Видно было, Саргису трудно говорить дальше. По зна-

ку царицы Мхитар Гош подошел к больному, отер обильный пот с осунувшегося лица, дал отпить воды.

Ошеломленная Тамар хранила молчание. Парен Саргис снова тихо заговорил:

— И последнее мое слово: в сей грозный час завещаю тебе, царица, обоих сыновей моих! Много опасностей предвижу в царствование твое (да продлится оно сто лет!), и понадобятся тебе храбрые и верные люди. Дозволь же им войти в покой и принести тебе клятву верности...

Только сейчас наконец осознала Тамар, как тягостен был амирспасалару предсмертный разговор и сколь велика опасность для ее власти.

— Долгие годы живи, мой добрый Саргис! Много подвигов совершил ты на царской службе, прям и доблестен был твой путь. И всегда к сыновьям твоим будет благосклонно обращено лицо мое! А поступлю я согласно твоему отчому совету...

Тихо добавила:

— Отдавай приказ войскам, батона Саргис! Завтра же мы соберем вазиров и примем нужное решение.

Саргис успокоенно вздохнул, повернул голову к Мхитару Гошу:

— Зови сыновей, отец Мхитар!

Вардапет вышел из покоя и вскоре вернулся с Захарием и Иванэ. Увидя царицу, сидящую в кресле у изголовья больного родителя, братья смущенно остановились на пороге, потом несмело вошли. Огромного роста, в темной одежде, они как бы заполнили весь покой. Закарэ неотрывно глядел на лицо царицы. Казалось, княжич забыл, зачем он зван к смертному ложу отца. Слабым голосом, но торжественно старый полководец произнес:

— Вот, государыня великая, отдаю тебе жизнь моих сыновей! Да послужат они с честью правому делу, да крепят неустанно твой престол на счастье и благоденствие братских народов! Отец Мхитар, читай клятву верности...

Обессиденный долгим и мучительным разговором, больной откинулся на мутаку, закрыл глаза, затих.

Юноши опустили на колени перед вставшей во весь рост Тамар. И, крепко держа его руки, царица Картли приняла обет верности, текст которого мерно читал монах.

ЗАГОВОР В АРЗРУМЕ

Необычное происходило этой ночью в Исанском дворце. В обширных темных залах слышались приглушенные голоса, чьи-то тени проскальзывали на половину царицы Русудан. Издали доносился торопливый конский топот. На рассвете же во дворец с озабоченными лицами прибыли высокопреосвященный Антоний Глониставидзе и министр внутренних дел Чиабер.

Утром, когда началось срочное заседание коронного совета, Исани внезапно оказался окруженным конными полками. Начальник гвардии Захарий Мхаргрдзели в боевом вооружении проследовал через главный вход в дворцовую приемную и молча уселся напротив двери, ведущей в зал заседаний совета.

Текли минуты, из зала совета глухо доносились голоса. У вельмож шел горячий спор, и они не обращали внимания на то, что происходило вокруг дворца.

Тамар отсутствовала. Молодой женщине тяжело было встречаться с мужем. Она предпочитала дожидаться решения совета на своей половине. Захарий вдруг насторожился. Через полуоткрытую дверь послышался низкий, твердый голос царицы Русудан. Она зачитывала письменное обращение Тамар к Юрию Андреевичу:

«Хоть и научена я законом божеским, что нельзя покидать первое брачное ложе, но с человеком, который не будет сохранять это ложе в чистоте, не подобает оставаться... Мы, царица царей Тамар, говорим так супругу своему Георгию: не в силах я выпрямить тень кривого дерева и, не имея за собой вины, отряхиваю и прах, который пристал ко мне через тебя».

Текст разводной грамоты был написан самим высокопреосвященным Антонием. А Антоний в это время исполнял обязанности католикаса Картли вследствие недавней кончины Микаэла Мирианидзе. Таким образом князья церкви давали согласие на развод царицы Тамар.

Из зала заседаний с красным встревоженным лицом выбежал князь Абуласан и с удивлением воззрелся на племянника, сидящего в приемной в боевом вооружении:

— Закарэ?! Что ты делаешь, племянник, здесь?

— По велению великого амирспасалара Картли охраняю честь и спокойствие царицы царей Тamar, — холодно ответил Захарий. Встав с кресла, он подошел к окну, распахнул его настежь и, обернувшись к дяде, показал широким жестом: — Гляди, князь Абуласан!

Арцруни оторопел. Весь обширный двор Исанского замка был заполнен конными воинами. Впереди своих аланов, в блестящей кольчуге и шлеме с султаном из бычьих ремней, на вороном коне сидел Давид Сослан, не сводя глаз с окон фасада. Абуласан бросился к племяннику:

— Что это значит? Зачем войско? Что задумал твой отец? Он жив еще?

Захарий пренебрежительно ответил:

— Довольно играть в недостойную игру, дядя! Нельзя же обманывать всех всегда...

На пороге зала появился амирэджиби, взволнованно прокричал:

— Князь Закарэ, тебя вызывают на совет!

Надев шлем, Захарий твердым шагом двинулся по приемной мимо умолкнувшего родича и вступил в зал заседаний.

Больше всего поразил Захария вид Юрия Андреевича. С воспаленным лицом и горящими глазами сидел муж царицы в углу, у широкого окна. Большие руки стискивали богато украшенную рукоять меча — свадебного подарка царицы. Взоры Юрия Андреевича и Захария на мгновение встретились.

Голос председательствующего преосвященного Антония слегка дрожал, когда он обратился к начальнику царской гвардии:

— Спасалар Мхаргрдзели, уведи свои полки из дворца! Князь Георгий добровольно согласился уехать из Картли!

В тот же вечер, после бурного дня, закончившегося торжеством врагов Арцруни, главарь имерского дворянства Вардан Дадиани был чрезвычайно изумлен — в его тбилисском доме появился сам князь Абуласан. Он снова стал «бывшим сановником». На том же утреннем заседании коронного совета новый министр финансов и его сын, буйный эристав кларджетский, за подмену царской власти и предосудительное поведение (последнее, разумеется, касалось только Гузана!) были приговорены к изгнанию,

с отобранием всех владений. Разыгрывая великодушного победителя, Дадиани был изысканно любезен с павшим временщиком.

— Пожалуй, гость дорогой! Прямо ко мне...

Князь Вардан по-братски обнялся с низкорослым гостем, но от поцелуя обычного воздержался. Тотчас захопотал, вино доброе велел принести, о здравии спросил двукратно. Но Абуласан быстро охладил учтивые излияния министра двора:

— Благодарю, благодарю, батано Вардан! Так все-таки происками наших общих врагов меня и моего бедного сына снова отправляют в изгнание?..

— Какие же могут быть у нас общие враги, князь Абуласан? — с саркастической улыбкой спросил Дадиани, поглаживая пышную бороду.

— И ты их не видишь, князь Вардан, голубчик? Неужели неприязнь (увы, без причин!) ко мне затемнила твой ясный ум?

Дадиани пожал плечами:

— Не понимаю тебя, князь Абуласан!

Голос Арцруни понизился до шепота:

— Не понимаешь, что наши общие враги — Мхаргрдзели?!

Владетель Эгриси от души рассмеялся:

— Помилосердствуй, князь. Всегда был шутником! Мхаргрдзели — твои близкие родичи. А сам амирспасалар, великий Саргис, сегодня днем преставился, вскоре после совета. И тебе бы на его панихиде надо быть, а не смеяться в моем же доме надо мной!

Абуласан прищурился, окинул быстрым взглядом Вардана Дадиани. Удобнее усевшись, бросил небрежным тоном:

— Батано Вардан, ты забыл о его сыновьях и племянниках? Особенно о старшем из них — Закарэ...

— Этом молокососе?

— Закарэ двадцать шесть лет. В его годы Александр Македонский уже полмира завоевал.

— Но Закарэ Мхаргрдзели не Александр Македонский, а пока только спасалар.

— И это неверно! Указом царицы Тамар с сегодняшнего дня он — амирахор, то есть начальник всей царской конницы и заместник нового амирспасалара, князя Гамреке-ла Торели. Впрочем, Торели дряхл, немощен. Скоро

Закарэ сам будет амирспасаларом! А на что сей молодой человек способен, это мы все узрели сегодня во дворце. Молви одно слово царица Тамар — он со своими головорезами весь совет разогнал бы!..

Озадаченный Дадзиани молчал. Этот Абуласан всегда умел подавать вещи в новом, неожиданном свете! А опальный сановник продолжал медовым голосом:

— Поверь, дорогой мой князь, мне больно осуждать родного племянника, сына любимой сестры! Но интересы высокородного мтаварства для меня превыше всего. Знай, Закарэ Мхаргрдзели — это не отец его Саргис! Своенравен и дерзок, не будет он смиренно сидеть, ему власть нужна! Он — выкормыш ученого-монаха вольнодумца Мхитара Гоша, которого давно пора было сослать на Севан! И вдобавок, как мне передавали, Закарэ влюблен в царицу Тамар. Каково, а? Еще люди сообщают, что мои четверо племянников друг другу клятву дали — оставаться нерушимо верными царице, быть ей опорой и защитой. Вот и придется вам, высоким дидебулам Картли, под дудку этих молокососов плясать! Скоро все царское войско в руках у Закарэ будет, да и собственной конницы у Мхаргрдзели предостаточно. И вы, по беспечности своей, потеряете последние вольности княжеские, в простых царедворцев превратитесь! А мне, несчастному, суждено будет умереть на чужбине, если к власти придут Мхаргрдзели... А следовало бы, забыв все прежние небольшие недоразумения, всем нам вместе идти, рука об руку...

Министр двора был подавлен железной логикой доводов Абуласана. Избавляясь от временщика, мтавары получали себе на шею молодых Мхаргрдзели, с их неумемной волей к власти (заодно с Тамар!); за ними стояла сила воинская немалая, которая в недалеком будущем возрастет в несколько раз... А тогда — прощай, княжеская свобода!

Абуласан настойчиво продолжал:

— Эх, дорогой князь Вардан, не зря ведь я рузика в супруги нашей богоравной царице предложил! Одних мыслей с нами Георгий, и неизбежными при нем все права наши княжеские пребудут... Я уже говорил с ним. Он очень опечален. По моему совету выбрал себе для жительства Константинополь. Там сейчас на троне злейший враг Комнинов — Исаак Ангел. А Комнины — близкая родня Багратунианов, оба внука убитого кира Андроника воспи-

тываются при нашем дворе. Все это, конечно, ты лучше меня знаешь, князь Вардан, просто напоминаю...

Абуласан помолчал и снова заговорил, уже шепотом:

— Завтра Георгий выезжает в Потю и садится на корабль с сокровищами, что порешили ему выдать. Он едет прямо в Константинополь к киру Исааку. Тот ему, конечно, поможет. А мы здесь до моего отъезда должны между собой договориться, подготовить подходящие условия. Конечно, рузик все подпишет... Тогда во благовремение и по согласию всех дидебулов мы сможем возвести Георгия на трон, рядом с супругой, которую он так любит! Жаль молодого человека, за что преследует так его злая судьба?

Путешествие по Черному морю прошло без помех. Дул попутный ветер, корабль, который вез Юрия Андреевича, благополучно прибыл в Царьград. Император Исаак Ангел принял князя Георгия приветливо, обещал помочь. Денег было много (Абуласан позаботился и об этом!), в Константинополе, на службе в византийском войске, оказались витязи с Руси. Снова запенились чаши, и князь Юрий быстро утешился в изгнании. Но вот из Арзрума поступило письмо от князя Абуласана, а затем приехал в Константинополь старый собутыльник — Гузан. На этот раз князь Гузан был трезв и мрачен, от выпивок отказывался и все торопил Юрия Андреевича с вербовкой наемного войска. На полученное из царской казны золото было завербовано три тысячи всадников из находившегося в Константинополе разного ратного люда с Балкан и других мест, назначен над ними опытный стратиг¹.

Весной следующего года по южному побережью Черного моря двинулось к Трапезунду наемное конное войско. Юрий Андреевич вместе с Гузаном выехали прямо в Арзрум, где их уже ждали князя Абуласан, Дадиани, Боцо Джакели и сванетский владетель Барам Варданидзе. После недолгих препирательств Юрий Андреевич подписал все условия, предъявленные ему вельможами, и те вернулись в свои владения — готовить новый мятеж. А будущий «царь Картли — Георгий IV», как его уже величали сторонники, отбыл с Вышатой в Трапезунд к войску, чтобы оттуда двинуться в поход на завоевание престола Тамар...

¹ Стратиг — военачальник (греч.).

ЦАРИЦА ТАМАР

Отец Васили очень дорожил бронзовым пеналом, полученным от самой царицы Русудан в тот счастливый день, когда по предстательству князя Абуласана был возведен в ранг придворного летописца. Неустанными трудами стремился преподобный отец наиболее полезным образом использовать подарок для прославления великого дома Багратунианов. Но сегодня, пересматривая прошлогодние записи о памятных делах придворных, он наткнулся на следующие неподходящие строки:

«А царица Русудан и мтавары изгнали Георгия так, что можно было его пожалеть. Причем был он несчастен не только оттого, что свергли его с царского престола, сколько оттого, что он лишился прелестной Тамар».

Басили взволновался. Совсем иное сообщал ему утром царский дворецкий со слов перепуганного гонца из Кутаиси. Статься может — снова вернуться в Тбилиси Георгий и князь Абуласан! А тогда... Решившись, отец Васили взял калам и, обмакнув в чернильницу, тщательно вычеркнул опасную запись. Четким почерком снова стал писать: «Вардан Дадзиани собрал всю Сванетию, Абхазию, Эцери с Гурией, Самокалако, Рачу, Тарквери и Аргвети и присоединил к своему воинству санигов и кашагов, заставил дидебулов и спасаларов этих земель присягнуть князю рузикскому в деле возведения его на престол». Записав эту двусмысленную фразу, Басили укоризненно покачал головой: «А все-таки, подумать только, супруг царицы Тамар сам возглавляет новый мтаварский мятеж!» И, не удержавшись, дописал:

«Князь Георгий поступает точно так, как древний Хаган-скиф: если оный скиф подступал к царице городов Византии, то этот ныне подступает к царице царей Тамар».

Грозная мятежная сила с двух сторон наступала на столицу, ведомая опытнейшими военачальниками царства. Казался неодолимым ее напор. Многих мокалаков сбивало с толку неожиданное примирение соперничающих княжеских группировок. Но в народе быстро раскусили: «Ворон ворону никогда глаз не выклюет!»

В Исани царила зловещая тишина. Ее изредка нарушал торопливый конский топот — гонец приносил очередную недобрую весть. Царедворцы заняли выжидающую позицию, осторожно прислушиваясь к слухам. «С царями не шутят, вспомните печальную участь Орбели!» А все-таки... Все теперь зависело от постоянного царского войска — на дидебулов рассчитывать не приходилось. Большинство владетельных князей примкнуло к восстанию, остальные отсиживались в своих замках, ожидая дальнейшего развития событий. Приезжие из Западной Грузии рассказывали, что греческие наемники бесчинствуют в селах и деревнях, забирая без оплаты скот и фураж.

Яркий дневной свет заливал большую горницу в Исанском дворце. У дубового стола сидела пожилая женщина в богатой одежде. Сестре Георгия III шел шестой десяток. Но по-прежнему прям ее стан и выражение сильной воли на поблекшем лице.

Напротив восседал Гамрекел Торели. Постарел и одряхлел некогда знаменитый воитель. Старики безмолвствовали, погруженные в тяжелые думы. Первой прервала молчание царица Русудан:

— Где теперь находятся мятежники?

Страхнув оцепенение, амирспасалар начал неспешно докладывать последние сообщения о княжеском мятеже.

— В субботу вечером Георгий с трехтысячным наемным византийским войском занял Гегути. Пятьсот знатнейших азнауров Имерии и Абхазии с почестями проводили его в замок, где собрались почти все картлийские эриставы. Отсутствовали лишь князья Кахабер Кахаберидзе, Рати Сурамели, братья Мхаргрдзели и Иванэ Цихиджварели.

Передохнув, амирспасалар выпалил главное:

— Царем царей его мтавары провозгласили, Георгием IV нарекли, не посмотрели, что он не картвел! Впрочем, преосвященный Антоний отказался короновать его в Кутаисском соборе...

Царица прошипела:

— Дальше, князь Гамрекел, дальше!

— Тайоцкий эристав Гузан Арцруни со своими кларджетцами и византийскими наемниками, перевалив через хребет, занял Гори и Начармагеви. Туда же подошли сван-

ские отряды Барама Варданидзе. А главное войско мятежников, под началом изменников Вардана Дадияни и Абуласана Арцруни, из Кутаиси, через проход Ркинис-Джвари, прошло в Самцхе, сожгло Одзхрэ¹, который им сопротивлялся, и вступило в Джавахети. К ним идет на соединение Боцо Джакели со своими месхами. Очевидно, они начнут наступать на Тбилиси с двух сторон: из Джавахети и из Гори. Полцарства уже заняли мятежники! — Не удержавшись от стариковского нравоучения, мрачно добавил: — Горькое дерево только горький плод и принести может! Хоть век его сахарной водой поливай. Так и Георгий-князь...

— Сахарной водой, говоришь? — злобно перебила Русудан. — А кто на совете больше всех за рузика ратовал?! Дадим, мол, бедному Георгию в утешение злата царского побольше... Вот и взрос горький плод сей и с войском, на наши же деньги нанятом!

Острым взглядом она окинула престарелого воина. Седая голова трясется... в глубоких морщинах все лицо... давно бы пора старику на покой!

С глубоким вздохом, вставая с кресла, Русудан молвила:

— Пойду сообщу великой царице тяжелые вести. А ты сам не мешкай, господин амирспасалар! Есть же у тебя гвардия и аланы; собирай ополчение, выставь крепкий заслон у Мцхеты! Да, а где же твой молодой заместитель — князь Мхаргрдзели?

— Закарэ сегодня прибыл в Тбилиси, привел свой конный полк из Лори, — объяснил Торели.

— Так, хорошо! — И, вспомнив, уже на ходу задала главный вопрос: — А как ведут себя кипчаки? На чьей же стороне сражаться они будут, князь?

Торели безмолвно развел руками.

Старая царица резко повернулась и, не простившись, удалилась в покой Тамар.

Тяжелые шаги звенели на каменных плитах дворцового перехода. Шел человек громадного роста, с могучими руками и высокой грудью. Длинный плащ пурпурного цве-

¹ Средневековый город, его развалины близ нынешнего Абасгуава.

та свисал до полу, через плечо красовалась шитая золотом перевязь. Княжеская повязка, красные сафьяновые сапоги. Крутой подбородок, прямой нос, четко очерченный рот, каштановые волосы вьются крупными кольцами, выбиваясь из-под собольей шапки, большие серые глаза смотрят прямо — человек этот не привык опускать их перед кем-либо. По вызову царицы Картли начальник конницы Захарий Мхаргрдзели прибыл во дворец. Первая их встреча наедине, в грозный час, когда решается судьба царства...

У входа в царский покой метнулась тень старой няни. Молча открыв дверь, старуха жестом пригласила Захария войти. Амирахор мерным шагом подошел к сидящей на тахте женщине в царском одеянии и, сняв шапку, почтительно преклонил колена. По нетерпеливому знаку Тамар гигант с неожиданной легкостью поднялся.

Взор царицы настороженно остановился на громадной фигуре рыцаря; глаза на мгновение закрылись...

Но уже через секунду Тамар любезно сказала:

— Привет благородному князю!

— Долго живи и здравствуй, великая государыня! — просто ответил Захарий.

— Прошу тебя, садись.

Собравшись с мыслями, царица медленно начала:

— Твой отец, высокочтимый князь Саргис, умирая, посоветовал нам расстаться с мужем нашим. Мы вняли тогда мудрому совету благородного старца! И вот теперь...

Голос правительницы пресекался. Заблестели слезы. Не могла Тамар долго придерживаться торжественного тона. Доверчиво положив руку на широкое плечо рыцаря, она тихо произнесла:

— Очень мне тяжело, Закарэ!

Все перевернулось в душе молодого витязя. Снова вспомнилось видение в соборе, коронация, клятва у смертного ложа отца... Смело взяв маленькие ладони, Захарий горячо заговорил:

— Успокойся, царица! Клянусь вечным спасением, я и мои братья, как один, выйдем на твою защиту! Уже пришла в Тбилиси моя горская конница; как львы рвутся в бой храбрые лорийцы! А гвардейцы храброго Ахалцихели принесли клятву верности; с часу на час я жду Савалт-хана с его кипчаками — он старый друг нашего рода и также будет драться за тебя! Благородный Сурамели,

смельчаки из Кахети уже спешат на помощь, не изменят и аланы Сослана, они — надежный народ! И мы сотрем с лица земли твоих врагов!

Опустив голову, Захарий с усилием добавил:

— И другого, лучшего мужа тебе найдем, моя царица!

Неуловимая тень прошла по лицу Тамар. Подавшись вперед, царица вдруг спросила:

— Почему ты до сих пор не женат, князь?

Пораженный вопросом, Захарий пробормотал:

— Не пришлось пока...

— Но почему же? Я полагаю, твоя родня давно сватает прекрасных дев? — не отставала царица.

Что прочел Захарий в лучистых глазах Тамар? Осторожно притянув к себе стройное тело, он тихо сказал:

— Жизнь за тебя отдам, моя царица!

Одно мгновение, закрыв глаза, оставалась Тамар в его объятиях. Потом мягко высвободилась:

— Не время нам мечтать о счастье, мой друг! Надо спасти престол Картли от врага... Иди же к своим полкам, мой герой!

И, пригнув могучую голову рыцаря, она поцеловала его, молвила:

— Жду твоей победы!

Глава XIII

ЧЕТВЕРО МХАРГРДЗЕЛИ

Дождь прекратился. Тускло брезжил рассвет...

Захарий так и не уснул, возвратившись домой из царского двора, все думал и глядел на неяркое пламя светильника... Пропели третьи петухи. Внезапно очнувшись от дум, Захарий громким окриком разбудил весь дом и приказал оруженосцам собираться в дорогу.

Мышастый волкодав, лежавший у ног молодого князя, внезапно поднял голову, наострил уши и негромко зарычал.

— Наконец-то! — пробормотал Захарий.

Взяв со стола длинный меч в кожаных ножнах, он вздел богатую перевязь через плечо поверх походного кафтана и, повернувшись, посмотрел на входную дверь.

В покой, покручивая черные усики, вошел Иванэ. За ним, грузно ступая, следовал великан из Гага, тезка и двоюродный брат Захария, с детства получивший прозвище «Заика-Захарий». Последним следовал самый юный из четырех — Саргис. Все трое юношей были в походной одежде, при мечях.

Окинув недовольным взглядом пришедших, Захарий напустился на них:

— Все в постели нежитесь? Выступать пора, а вас где-то сатана носит!

Саргис смущенно потупил взор. Насмешливый Иванэ тотчас стал выкладывать:

— Во всем Саргис виноват!.. Поэт наш вздумал на полдороге за своим каламданом возвращаться!.. А вдруг, говорит, придется что-либо важное в походе записывать?

— С-стишки в-все п-пишет! — пренебрежительно заметил Заика-Захарий. — Д-да р-разве с-стихи — к-княжеское д-дело?

— Хватит праздных разговоров! — оборвал амир-ахор. — Садитесь и внимательно слушайте.

Детьми нередко встречались внуки слепого старца из Хожорни. Теперь они возмужали и оперились, хотя и сейчас самому старшему из них — Захарию — едва исполнилось 26 лет. Различны были характеры, и разная сложилась судьба у четырех рыцарей-исполинов. Но до конца жизни крепко держались они друг за друга.

Захарий стал излагать план военных действий:

— Ночью во дворце порешили мы с амирспасаларом ударить первыми на мятежников. Предупреждаю, всю тяжесть похода я принял на себя, хоть и слишком молодыми нас считают многие воители. Но Торели верит моему слову.

— А царица? — любопытствовал Иванэ.

Захарий строго посмотрел в его сторону и, не ответив, продолжал:

— Братец Гузан с кларджетцами и византийскими наемниками и Барам Варданидзе со своими сванами стоят в окрестностях Гори, в одном переходе от Мцхеты. Решили мы туда отправить осибагатара Сослана с аланскими отрядами и князя Сурамели, что отступил к Тбилиси со всем карталинским ополчением на защиту столицы!

— А где сам «царь Георгий IV»? — снова задал вопрос неугомонный Иванэ.

— В царском дворце в Начармагеви бражничает со своими собутыльниками, победы дожидаясь! — бросил презрительно Захарий и продолжил: — Против главных сил мятежников, что привели в Джавахетию Дадзани и дядюшка Абуласан, через перевал Ркинис-Джвари отправимся мы с амирспасаларом по Манглисской дороге на Ахалкалаки. Негодяи сожгли по пути Одзхрэ, что верным трону остался, прошли уже Ахалцихе и сейчас стали лагерем у Тмогви в ожидании новых подкреплений, которые ведет к ним Боцо Джакели. Мост через реку пока удерживает моурав хертвисский — храбрый Григолидзе. Он прислал гонца, просит подмоги. С нами двинутся гвардия во главе с братьями Ахалцихели (сейчас они придут!), лорийский полк, твоя гагская конница, Блу-Захар¹, и кахетинские отряды эристава Сагира Махатлидзе. Понятно вам?

— Не мешало бы в т-тыл ударить м-мятежникам! — заикаясь, но твердо вымолвил Блу-Захар.

Захарий задумчиво взглянул на неречистого великана.

— Что ж! Ты прав, Блу-Захар. Так и сделаем. Скачи в Лори, Иванэ! Там собирается второй лорийский полк и подходят хожорнийские сотни под началом Мушега Мамиконяна. Приказываю тебе двинуться через горы с этими всадниками и выйти в тыл лагеря князя Вардана. Иди днем и ночью да почаще со стариком Вахрамом советуйся! Задача ясна?

— Все понял, мой Закарэ! — Лицо княжича вспыхнуло. — Точно снег на голову свалюсь я с гор на мятежников!

— Ну, ну, посмотрим, как ты справишься с делом, — снисходительно сказал Захарий.

Юный Саргис только вздохнул. Видно, не даст ему старший брат самостоятельно действовать, опять оставит при себе...

— А к-как п-поведут с-себя к-кипчаки? — снова осведомился обстоятельный Блу-Захар.

Захарий ничего не ответил, напряженно прислушиваясь. В чистом утреннем воздухе издали донесся дробный цокот копыт.

— Савалт-хан!

¹ Блу-Захар — Заика-Захарий (арм.).

Родной племянник Хубасара Савалт-хан был несколько старше братьев Мхаргрдзели и питал к ним такое же чувство искренней дружбы, как его покойный дядя — к парону Саргису. Захарий был уверен, что этот кипчакский военачальник со своим туманом останется верен царской власти. Но остальные кипчакские полки — а их было немало — были не столь надежны. Давно действовали среди них эмиссары заговорщиков, привозили из Арзрума золото и уговаривали восстать. Кроме подарков, большим козырем у подстрекателей было и близкое родство Юрия Андреевича с кипчакскими ханами, у которых он долго жил в изгнании. В ход пускалась даже ссылка на якобы кипчакский склад лица и на горячую любовь князя Георгия к своим родичам из Дешт-и-Кипчака... Но вовремя розданные дальновидным Чиабером крупные суммы денег (было выдано жалование кипчакским частям за два года вперед!) сделали свое дело. Верные люди не преминули напомнить кипчакам и о том, как мерзостно поступили главари княжеского мятежа с их любимым вождем Хубасаром. Уговоры заговорщиков не подействовали. Кипчакские полки так и не тронулись из Тетрис-Цкаро и других своих стоянок, не пошли на соединение с мятежниками...

Первые лучи солнца застали в покое лишь двоих из собеседников — Захария и Саргиса. Уже все военачальники, получив указания, разъехались по своим полкам. Сбор царских войск был назначен на обширной равнине на Манглисской дороге. Теперь Захарий ждал лишь прибытия самого амирспасалара для следования с ним в поход.

— Останешься при мне, Саргис! — объявил Захарий. — Если с божьей помощью одолеем Дадиани, пошлю тебя вестником победы к царице!

Чтобы убить время до прибытия старого полководца, Захарий стал расспрашивать юношу:

— Стихосложением занимаешься, Саргис? Уже кончил восхвалять Диларгета?

— О нет, Закарэ, я теперь повесть пишу, — тихо ответил Саргис.

— Повесть? О ком же теперь повествуешь?!

— О Вис и Рамине, друг в друга влюбленных с детства, и о их многих злоключениях...

Захарию захотелось поподробнее разузнать о любви Вис и Рамина. Но со двора послышалось конское ржание и бряцание оружия — прибыл амирспасалар Торели со

своей свитой. Его заместитель поспешил к выходу, сопровождаемый юным поэтом.

Улыбнувшись приятным воспоминаниям, летописец в келье особенно старательно выписывал:

«...Обратило в бегство врагов войско царское, и те, посрамленные, вернулись к себе, потому что пекся бог о Тамар...»

В упорном сражении на Ниальском поле, близ Тмогви, правительственные войска под началом престарелого амир-спасалара Торели и четырех братьев Мхаргрдзели наголову разбили войска Вардана Дадиани и других главарей восстания. В битве отличился Иванэ, вовремя подоспевший со своим отрядом и получивший на поле боя неопасную рану. Счастливым вестником победы поскакал в Тбилиси Саргис, и за добрую весть был награжден царицей обширным поместьем в Джавахети, с замком Тмогви.

Упустил свое сказочное счастье Юрий Андреевич!.. После разгрома главных сил находившиеся в Шида-Картли мятежники, не обнажив мечей, с головой выдали бывшего супруга Тамар. Великодушные победители вновь отпустили Юрия Андреевича с миром. Но не успокоился северный витязь... Спустя некоторое время с небольшим отрядом удалцов Юрий, уже с востока, опять ворвался в пределы Кахети и стал опустошать цветущую долину Алазани. Однако смелый порубежник — Сагир Махатлидзе — быстро настиг отряд Юрия. В жаркой стычке ватага была рассеяна, Вышата убит, а сам князь Юрий еле спасся с двумя слугами.

О дальнейшей судьбе Юрия Андреевича летописцы ничего не сообщают...

Глава XIV

БЕКА ОПИЗАРИ ПОЛУЧАЕТ ЗАКАЗ

В светлой мастерской у рабочего стола сидел пожилой человек. После неудачного восстания Хутлу-Арслана «достойный и почетный» золотых дел мастер Бека Опизари полностью ушел в свое искусство. Некоторое время шныряли сыщики вокруг его домика в Накулбакеви, расспра-

шивая соседей об образе жизни и даже о мыслях мастера, но потом, когда Опизари стал получать заказы из дворца, поотстали.

«По повелению и на дарованные боговенчанной великой царицей цариц Тамар средства, я, Иоанн Анчели Ркинаели, с благоговением приступил к украшению окладом сей дивной иконы...»

Придворный златокузнец Бека Опизари в тот день так и не смог закончить посвятельную надпись на позолоченном окладе образа для Анчийского собора. Его спешно вызвали в царский дворец. Там его наедине приняла в личном покое старшая придворная дама царицы Тамар — княгиня Хошак Цокали. Любезно похвалив прославленное мастерство Опизари, старая госпожа вынула из ларца небольшой образ и молвила:

— Я уверена, Бека, ты выполнишь на славу мой заказ и как можно скорее — маленький златокованный образок пресвятой божьей матери, по образцу сей иконы из Константинополя.

Давно не приходилось видеть Опизари такую искусную работу. Дивное женское лицо на иконе было выписано не по строгому византийскому канону — оно было пленительно земным, живым... На лице мастера отразились и восторг, и нерешительность:

— Не знаю, сумею ли я? Ведь образок приказываешь из золота делать, и красок сих несравненных не будет...

— Ничего. Да, Бека, младенца Иисуса делать не надо! Тут удивился Бека:

— Без младенца? Сие против церковных канонов.

Видя, что знатная заказчица нахмурилась, поспешно добавил:

— Впрочем, как будет угодно твоей милости!

Всмотревшись в икону, мастер не смог сдержать изумление:

— Госпожа, но божья мать — прямо как наша царица Тамар!

Княгиня Цокали подняла высоко брови, небрежно ответила:

— Разве? Не нахожу этого, мастер. Но образок делай в точности по иконе. А сзади, на обратной стороне устрой маленький тайничок. Понял, Бека? Не медли с заказом — заплачу щедро, доволен останешься.

Бека Опизари с низким поклоном ушел, удивляясь в душе диковинному заказу княгини Цокали.

Старинный путь проходил по берегу Куры мимо грозной Ацкурской крепости, мимо укреплений Аспиндза и Хертвиси, вступая затем в глубокое ущелье верховьев реки. Подъемы, спуски, частые повороты около больших садов, цветущих виноградников и ореховых рощ... Обезвав мрачную громаду неприступного замка, принадлежащего вельможному поэту Саргису Тмогвели, дорога подходила к Вардзии. Мощная скала из разноцветных горных пород высится над серебристой лентой Куры. Сверху тяжелой крышей нависают базальты, следом идут темно-серые туфо-песчаники и ниже — толща розовато-желтых мягких туфов, в которых и высечены пещеры крепостного комплекса Вардзии, крупнейшего сооружения царствования Тамар. В восемь ярусов ровными рядами тянутся сотни пещер разнообразного назначения — тронный зал, покои царицы Тамар, жилые и складские помещения. Из крепости большой подземный ход ведет в соседнее ущелье. Прекрасна летняя резиденция Тамар! Вся долина утопает в зелени садов и рощ, воздух чист и свеж в самые жаркие дни.

По крутому склону вилась вверх узкая тропа, ведущая в замок. У входа стояла стража, закованная в железо. На крепостной тропе и в окрестностях подземного города в ту осень наблюдалось необычайное движение. После подавления мятежа Юрия Андреевича царица Тамар с небольшой свитой неожиданно прибыла в Вардзию. Для охраны спокойствия и безопасности владычицы семи царств амирспасалар Гамрекел, по ее личному распоряжению, направил в крепость князя Мхаргрдзели...

На следующий день после отъезда Тамар в Вардзию, заслушав утренний доклад вазира Чиабера, царица Русудан неожиданно вызвала к себе княгиню Цокали.

Встревоженный, сердитый вид старой царицы поразил придворную даму. После обычных этикетных приветствий Русудан прямо приступила к делу:

— Что ты знаешь, княгиня, о встречах нашей царицы Тамар с молодым Мхаргрдзели?

Цокали сделала удивленное лицо:

— Встречи царицы царей с князем Захарием? В первый раз слышу!

— Не лги, Хошак! А кто заказал Опизари золотой образок? И кому он предназначен?

Княгиня Цокали с невозмутимым видом ответила:

— Напрасно гневаешься, великая государыня! Дозволь напомнить — я служу царице цариц и обязана выполнять все ее повеления. Мастеру Беке Опизари я дала заказ на образок по ее личному распоряжению. А для чего он был заказан, того не ведаю.

— Допустим. Где образок? — Русудан сильно гневалась, но сдерживала себя. Княгиня Цокали была родом из дома Сурамели — владетелей Шида-Картли.

— Вот он, государыня! — Хошак, вытянув из сумочки, протянула золотой нательный образок.

Царица Русудан внимательно взгляделась в маленькую икону и невольно вскрикнула:

— Но это же сама Тамар!

Цокали пожала плечами и с улыбкой отозвалась:

— Сделан образок с иконы Влахернской божьей матери. А у великой царицы, как известно, красота богоравная! Может и с пресвятой божьей матерью быть схожей...

— Не кощунствуй, княгиня!

Повернув образок, Русудан обнаружила с обратной стороны тайничок.

— И тайничок для волос уже сделан!

Царица с раздражением отшвырнула от себя образок:

— Мы понимаем эту игру, Хошак! Но не быть по-вашему, нет... Завтра же отправляйся в Вардзию с образком для миджнура¹ царицы, но вместе с ним повезешь мое письмо Тамар. Лично его передашь! Слышишь, княгиня? И поторопишь великую царицу Картли с возвращением в Тбилиси...

Золотая осень стояла на дворе. По утрам уже начались небольшие заморозки, но днем было тепло и солнечно, охота на красного зверя была в самом разгаре. Разгоряченные быстрой скачкой за лисицей на свежем горном воздухе, вернулись в Вардзию царица Тамар и Захарий. У входа в крепость Тамар увидела княгиню Цокали.

¹ Миджнур — влюбленный.

— Привезла, дэда? — с улыбкой спросила Тамар, целуя старую женщину.

— Да, великая государыня.

Озабоченный вид княгини не ускользнул, однако, от пронизательного взгляда царицы. Предложив Захарию обождать ее в приемном зале, она быстро увела княгиню в свои покои...

Захарий мирно подремывал перед пылающим камином, когда на каменных плитах раздался перестук женских каблучков. Тамар села рядом на тахту, с письмом в руках. Задумчивость переменяла царицу. Казалось, прибытие любимой придворной дамы испортило радость этого дня. Вдруг резким движением Тамар бросила письмо в пламя и повернулась к молодому рыцарю:

— Покойный отец учил меня — правители живут не своей жизнью, а жизнью своих государств. И только в этом назначение монархов!

Захарий обеспокоенно повернул голову:

— Почему ты именно сегодня вспомнила об этом, моя царица?

Тамар продолжала:

— А это значит, мой Закарэ, что всегда приходится говорить «да» долгу царицы и часто «нет» — сердцу женщины!

— Ты это вычитала в полученном письме, моя царица?

— Нет. Так думаю я.

— Сегодня тебе угодно говорить загадками...

Не глядя на него, Тамар тихо ответила:

— Мы должны расстаться, мой Закарэ. Этого требуют интересы царства...

Схватив тонкую руку, Захарий исступленно выкрикнул:

— Того требуют твоя тетка, царедворцы! Вот кто хочет украсть мою любовь!

«Отче Мхитар, ты всегда все предвидишь, старый мудрец!»

Задыхаясь, рванул ворот кафтана...

Тамар покачала головой:

— Требования двора — законные! А есть ли у меня мощь покойного отца, смогу ли я им противоборствовать? Ведь я — первая женщина на троне, а мы с тобой только что с трудом подавили мятеж мтаваров! Но ты, конечно, не прав, мой друг, кто может отнять любовь мою? Только мы сами!

— Как думать так можешь, моя царица?! Люблю тебя, люблю безумно, многие годы, больше жизни! Молю, вспомни, о чем мечтали... еще сегодня...

Вглядываясь в пламя камина, стиснув руки, отвечала Тамар:

— Да. Одни и те же мечты соединяли нас, это верно! И я надеюсь, настанет день, ты, как мокрица, раздавишь злых каджей¹, падут все крепости — и снова мы будем вместе! Но до того времени суждено нам расстаться... — Отерев слезу, царица вынула из платья образок с золотой цепью и протянула рыцарю.

— Взгляни на иконку, мой друг!

— Но ведь это ты сама, Тамар! — поразился Захарий.

— Не правда ли, весьма схожа! — сквозь слезы улыбнулась Тамар. — Неизвестный живописец запечатлел случайное сходство, а я нашла ту иконку в дворцовой ризнице и приказала сделать точную копию... прядь своих волос вложила в тайничок... Вот так! Да сохранит тебя в боях сей талисман, любимый!

И царица надела образок на шею Захария.

— Распорядись, завтра мы возвращаемся в Тбилиси...

...Тетка встретила Тамар с распростертыми объятиями, будто и не писала ей никаких неприятных писем.

— Вернулась, моя радость? Спасибо, что скоро вернулась. Свет без тебя не мил! Как доехала? Все ли в дороге было благополучно?

— Благодарю, доехали хорошо.

Холодный тон племянницы не понравился старой царице. «Надо как-то успокоить Тамар!» Русудан осторожно сказала:

— Я тебе писала малоприятное... поверь, с болью в сердце! Я сама была молода. Но по всему Исани уже пошли сплетни... Враги затаились, но они есть... И нам, царицам Багратунианового дома, надо быть превыше всяких подозрений...

Тамар молчала. Осмелев, тетка добавила:

— И разве какой-то Мхаргрдзели тебе пара? Недавний князь, иной веры, не допустят этого ни бог, ни люди!

Сверкнули глаза Тамар. Крепко сжав унизанные кольцами руки, она пренебрежительно сказала:

— Бог ваш — враг любви! А люди...

¹ Каджи — духи (груз.).

— Опомнись, что ты говоришь, дорогая?! — испуганно забормотала Русудан, со страхом оглянувшись, не подслушивает ли кто богохульные речи.

Тамар продолжала с гневом:

— Успели дознаться, сумели помешать. Сделали меня обманщицей в любви! Забыли вы, кому я обязана сохранением трона? Может быть, я еще должна благодарить вас за предупреждение?! Но запомните — этого я вам никогда не забуду!.. Теперь делайте нужное для дома Багратунианов дело, подыщите мне подходящего супруга. Выдумайте его, если надо. Но отныне царством буду править я сама! Это тоже хорошо запомните. А вазиру Чиаберу передай: если он сегодня же не уберет своих шпионов из Исани, придется мне завести свою собственную разведку, как у покойного отца! А ему тогда сидеть в подвалах Клде-кари до конца дней своих... Я покажу всем вам, как вести слежку за царицей!

Г л а в а XV

ШОТА ИЗ РУСТАВИ

Статный, красивый юноша медленно шел, погруженный в думы, по тенистой аллее академии при Гелатской лавре. Кончалась его учеба в «Новых Афинах»¹, где некогда первенствовал Иоанэ Петрици, светоч и знамя науки Картли, мыслитель с широким умственным горизонтом, основоположник новой философской школы.

Эх, горевал Шота, где достать бумаги? Пергамент и бумага в Картли были большой редкостью, стоили очень дорого, не по карману бедному школяру. Даже великим царям прошения подавались на маленьких лоскутках, а ответы и решения для экономии писались на них же. Грамотному простонародью приходилось вести хозяйственные записи на выскобленных бычьих лопатках. Из-за этого большую часть своих стихов (а Шота тайком писал их с раннего возраста) приходилось держать в памяти. По ночам, при неверном свете ночника, Шота зачитывался в своей каморке родными поэтами. Он проглотил «Абдул-Мессию» Иоанэ Шавтели, монаха из Самцхе, секретаря

¹ Так называли Гелатскую академию.

царицы Тамар, мужа весьма преславного и получившего «благодать предвидения». Зачитывался величавым эпосом «Дилариани» Саргиса Тмогвели, рыцаря и поэта, подобного славным трубадурам Прованса. Потом увлекся Шота его же повестью «Висрамнани» и поэмой Мосе Хонели «Амиран-Дареджаниани». Затем ему в руки попали звучные оды Чахрухадзе, чья жизнь была сплошным увлекательным романом. Вдохновляясь, Шота сам писал, пока хватало бумаги и не кончалось масло в светильнике, а мутный рассвет не начинал пробиваться через окошко.

Сегодня — большой день в Гелатской академии. Высокопреосвященный Николоз Гуласберидзе проводит последнее занятие. Смиренного Николоза, некогда католика Грузии, добровольно уступившего патриарший престол неукротимому Микаэлу Мирианидзе, любили за глубину мыслей и высокую чистоту учения. Храм был наполнен до отказа семинаристами и гостями. Святитель был в ударе и, посвятив свое выступление необычной теме «Война — это зло», закончил его следующими проникновенными словами:

— Есть народы, которые, проявляя особое усердие к красноречию и философии, занимаются изысканиями дел божеских и человеческих, как, например, мудрые эллины. Великий отец церкви Иоанн Дамаскин говорил: «Будем исследовать также и учения языческих мудрецов. Может быть, и у них мы найдем что-либо пригодное, приобретем что-либо душеполезное». Другие же народы не имеют навыка в красноречии и философии, поскольку, пренебрегая научными и философскими изысканиями, всю надежду свою возлагают на бога и на длань свою, которой они совершают дела геройские...

Слова мудрого старца били не в бровь, а в глаз невежественным представителям благородного сословия, которые соблаговолители из любопытства присутствовать на занятии. Воины громко выражали свое недовольство, выходя из собора:

— Загнул преосвященнейший! Кто не владеет саблей, тот не мужчина...

— Конечно, конечно! А разве на бога святитель Николоз больше не надеется?

— Слышал бы покойный Микаэл — не спустил преосвященному, а, не посмотрев на сан, послал бы в отдаленный монастырь на покаяние!

— Ересь, сущая ересь! — шипели недоброжелатели из клириков.

Глубоко запали слова доброго пастыря в сердце Шота. Закончив учение и получив свидетельство из академии, Шота решил попытать счастья в столице, хотя дядя-монах и ждал его в Рустави для посвящения в духовный сан. С попутными торговыми караванами, где пешком, где на арбе, юноша через неделю прибыл в Тбилиси и остановился у дальних родственников.

Родичи вовремя вспомнили, что после передачи Рустави могущественным Мхаргрдзели азнаур Шота стал их вассалом, и посоветовали немедленно направиться на поклон к новому патрону, амирахору Закарэ. Без труда найдя особняк Мхаргрдзели, Шота с робостью вошел в обширный двор, где сразу поднялся лай многочисленной охотничьей своры. С трудом уgomонив псов, привратник спросил Шота, что ему нужно в княжеском доме. Потрепанная одежда и скромный вид юного пришельца явно не внушали особого почтения старому слуге. Когда Шота сказал, что ему необходимо видеть самого князя Закарэ, привратник отрицательно покачал головой:

— Трудно, очень трудно видеть князя! Всегда на воинском учении или во дворце, а больше в походах...

И доверительно сообщил:

— Даже жениться до сих пор не успел господин!

Псы радостно залаяли. Во двор, сопровождаемый многочисленной свитой, въезжал всадник на вороном коне.

— Великий ишхан, — успел шепнуть привратник и бросился навстречу хозяину.

«Так вот он каков! Словно Рустем из «Шах-намэ»... — мелькнула мысль. Шота почтительно скинул шапку.

Узнав, что молодой азнаур родом из Рустави и является его вассалом и что он поэт, Захарий взял его за плечо, спросил, как зовут, и ласково молвил:

— Пройдем ко мне в покой, Шота! Расскажешь подробно о себе, тогда и подумаем, что с тобой делать...

Долго длилась первая беседа Шота с его молодым патроном. Захарий был человеком образованным и сразу же высоко оценил талант и удивительное мастерство семнадцатилетнего поэта. Шота хорошо читал свои стихи, строго соблюдая цезуру и ударения, столь характерные для грузинского стихосложения. Особенно тронули Заха-

рия стихотворения, посвященные «миджнурству»¹. И видимо, не только звучные стихи поэта подействовали на молодого военачальника. Красивое лицо Захария помрачнело, он глухо произнес:

— Жизнь повелевает, мой Шота! И часто перед лицом долга приходится отступать любви...

Хлопнув в ладоши, он коротко приказал вбежавшему слуге:

— Вина!

Подняв рог с вином, Захарий с улыбкой обратился к молодому поэту:

— Выпьем за твою поэтическую удачу, Шота! Сегодня же переселяйся от родичей в мой дом. Я сумею представить тебя великой царице — она любит людей одаренных...

В комнату вошли младший брат Иванэ и владелец тмогвский Саргис. Шота при входе старших по возрасту встал и поклонился. Захарий, хлопнув его по плечу, представил:

— Мой новый молодой друг азнаур Шота! А это — мои братья, князя Иванэ и Саргис. Ты, верно, читал, Шота, стихи князя Саргиса или его новый роман «Висрамнани»?

«Бог мой! Сам великий Саргис Тмогвели?!» Шота впери горящий взор в витязя-поэта и снова поклонился, что-то шепча.

— Что ты там шепчешь, Шота? Не стихи ли какие? — доброжелательно кинул Захарий.

Шота негромко продекламировал:

Амираана-Дареджани воспевал Мосе Хонели,
Похвалу Абдул-Мессии в славных спел стихах Шавтели,
Диларгета неустанно прославлял Саргис Тмогвели!..

Саргис был тронут.

— Вот как, и твой юный друг, оказывается, поэт!

— И предаровитый! А теперь, мой Саргис, доставь нам удовольствие и прочти что-нибудь из твоего романа! — попросил хозяин, чокаясь с братьями.

Саргис наморщил лоб, начал:

— Я прочту поучение мудреца Бего Рамину.

«О ты, жалующийся на свою судьбу! Ты — лев, как же ты жалуешься на шакалов? Тебе поможет судьба в бу-

¹ Так называлось учение о высшей неразделенной любви, широко распространенное по всему Востоку.

дущем, и...» — Тмогвели запнулся и смущенно прошептал: — Память проклятая!

— «...и поэтому нечего тебе сейчас так печалиться, — звонко подхватил Шота. — Пока безумная любовь тебя обольщает, тело твое всегда будет притягивать беду. Зачем отдаешь сердце возлюбленной, если не в силах перенести горе и бесчестие?.. Кто посадит розы и потом будет собирать их, тот не может не занозить руки шипами. Ты посеял в сердце своем семя безумной любви и хочешь снять урожай, подобный Вис; но до того времени ты испытаешь много бедствий...»¹

— Хватит, Шота, — прервал, нахмурился, Захарий. — Я вижу — слова этого мудреца против любви направлены. А мы за миджнурство славное выпьем, друзья!..

Г л а в а XVI

ДАВИД СОСЛАН

Надолго, на многие годы притихли дидебулы после ниальского разгрома. Лишенный почестей и званий Абуласан печально заканчивал дни в замке Махканберд, возле ослепленного Гузана, воспитывал внуков. «Первый барон Грузии» — Вардан Дадиани куда-то исчез, и царица Русудан могла действовать без помех, в меру своего властного характера и великой любви к интригам — главного занятия царедворцев. К тому времени подросло новое поколение, появились новые фигуры на исторической сцене...

Издавна при дворах властителей Грузии воспитывались дети вассалов в качестве заложников, обеспечивая тем самым добропорядочное поведение своих родителей. С детьми владетельных князьков обращались неплохо, обучали их грамоте и военному делу, потом принимали на службу. В царствование Давида Строителя при тбилисском дворе насчитывались сотни таких юношей, а при Георгии III из далекой Алании привезли круглого сироту, по имени Сослан, в святом крещении — Давид, единственного наследника покойного властодержателя Нузала Джадарона: взамен собственных сыновей родичи охотно отправили Сослана. Мальчик рос, превратился в красивого юношу и, как и все молодые люди при тбилисском дворе, был без-

¹ Перевод С. Иорданишвили.

надежно влюблен в Тамар; он лишь издали мог вздыхать по красавице. Ко времени первого замужества Тамар молодому горцу было лет двадцать пять.

Сослан уже успел отличиться в боях и был назначен предводителем аланской дружины.

Однажды утром в дворцовом саду около кельи, где работал Башили, слышались голоса. Летописец прислушался. Под окнами прогуливались старая царица Русудан и Чиабер.

— Ну что толку в том, что подсматривать за царскими особами научились твои приспешники! — ворчливо выговаривала вазиру Русудан. — Ты знаешь, как гневалась царица! А и то сказать, ничего путного придумать не можешь. Сколько лет подходящего жениха для царицы не подберем, ты палец о палец в этом самонужнейшем деле не ударил! А вдруг опять с лорийским выскочкой захочет встречаться Тамар? Кто будет в этом виноват, скажи?

Чиабер в ответ пробормотал что-то невнятное. Скоро голоса затихли...

Башили вдруг осенила блестящая мысль. Несколько дней и ночей рылся придворный летописец в старинных хрониках, делал выписки и расчеты. Затем попросил личного приема у царицы Русудан по неотложному и тайному делу.

— Так ты говоришь, отче Башили, вторая жена царя Георгия I, Альда-аланка, мать мятежного царевича Деметре, бежала с внуком Давидом от преследований врагов из Анакопии в страну овсов, женила Давида на дочери тамошнего царя и от этого брака пошли тоже Багратунианы. Так?

— Так, великая государыня. Я установил и родословную сей державной династии Эпремидзе — Багратуниани. Изволь выслушать — Давид, Атон, Джадарок, Давид Сослан. Последний отпрыск и есть тот самый витязь, что при дворе твоём воспитывался, великая государыня, а теперь служит в аланском полку!

Голос Башили звучал преданно и уверенно.

— Ха! А наша покойная Бурдухан, как же она приходилась этому Сослану?

— Никем, государыня, из другого она края!

— Стало быть, близкого, кровного родства между царицей Тамар и Сосланом не имеется? — настаивала старая царица.

«Ключуло!» — с радостью подумал Башили и с жаром стал доказывать:

— Не имеется, великая государыня! Но Давид Сослан по отцу — настоящий Багратуниани и православной веры. Все как требуется...

Крепко задумалась царица Русудан, отпустив придворного летописца. Вот ведь что получилось... Искали женихов бог весть где, дали возможность проклятому Абуласану всех вельмож обвести. А нужный человек все эти годы тут же рядом проживал, при дворе. Спасибо отцу Башили, хоть и он из прежних абуласановых прихвостней... Надо его вознаградить!

Царственная племянница оказалась, однако, менее доверчивой, чем Русудан. Выслушав обстоятельный доклад Башили об Альде-аланке, бегстве ее с мальчиком Давидом в Аланию и всю остальную историю славных Эпремидзе, Тамар, глядя испытующим взором на придворного летописца, стала расспрашивать:

— Почему же царевич Деметре не увез сына с собою в Константинополь? И почему покойный отец мой, царь Георгий, который часто бывал в Алании и даже там женился на моей матери, никогда ни словом мне не обмолвился о наших родственниках — Эпремидзе? А кстати сказать, в каких именно ущельях правили эти царственные Эпремидзе?

Башили сделал хороший доклад, но на вопросы пронзительной царицы ответить не смог. Отпустив насмешливым кивком смущенного монаха, Тамар устало сказала:

— Как мне все это надоело! И когда только кончатся эти сватовства?

Встав с кресла, она направилась к выходу. Остановившись у двери, небрежно кинула тетке:

— Я, кажется, знаю этого вашего Сослана!..

Объявить молодому аланскому осибагатару о его высоком происхождении, со всеми возможными счастливыми последствиями, было поручено тому же премудрому Башили. Выйдя из его кельи, Сослан не чувствовал под собой земли и, вернувшись домой, устроил пирушку родичам и друзьям. Однако причин торжества не объяснял (связанный страшной клятвой молчания, взятой с него посланцем небес, каким ему представлялся преподобный Башили), только счастливо улыбался на все вопросы друзей и усиленно пил за здоровье великой царицы.

Пока в тбилисском дворе подбирали нового супруга для Тamar, в соседнем Ширване Абул-Музаффар Менучехр Ахсатан-бек Касран-шах питал иные надежды. Через бабу, царевну Тamar, сестру царя Деметре I, некогда выданную за его деда Аффридуна, приходился он троюродным братом царице Тamar, что не мешало ему быть в числе первых (и неудачливых!) соискателей ее руки. После шумного развода с Юрием Андреевичем и поражения мятежников Ахсатан воспрянул духом и решил снова попытать счастья.

С границы в столицу Шемаху спешно был вызван зять Ахсатана—Омар Амирмиран. Везиру двора было предложено немедленно снестись с тбилисским двором на предмет установления времени возможного приезда шаха в Грузию. Шахскому казначею высочайше повелено было самым жестким образом досрочно взыскать налоги с шемаханского купечества за треть года вперед для оплаты расходов, связанных с этой поездкой. Тбилисский двор не замедлил с ответом. Царица Русудан сочла приезд царственного родственника своевременным. Племянница не выходила из дурного настроения и никак не решала вопроса о браке с новым кандидатом в супруги, чем несказанно огорчала и беспокоила старую царицу.

Гюлистан¹ высилась на вершине крутого горного кряжа, начинавшегося у окраины Шемахи. Мощные стены с многочисленными круглыми и четырехугольными башнями из рваного камня, облицованного тесаными плитами, окружали обширную территорию цитадели. На юго-востоке, за новой стеной, располагался поселок. Легко обороняемая крепостная тропа вела зигзагами от подошвы горы к главным воротам. Глубокий ров, наполненный водой, разделял крепость на две неравные части. В верхней части, защищенной третьей, еще более могучей стеной, был укрепленный двухъярусный замок ширваншахов, с глубокими подземельями. Ключевой водой твердыня снабжалась по подземному водопроводу из водозахватных сооружений, расположенных в шести фарсах² в горах. Сложный потайной ход, поднимаясь и опускаясь под землей по

¹ Гюлистан — главная государственная крепость Ширвана.

² Фарсах равен 6 километрам.

рельефу местности, незаметно выводил из крепости в дальнее ущелье.

В большом покое, на тахте, облокотившись на парчовые подушки, сидел в раздумье сорокалетний мужчина в шелковом халате и белой чалме на голове. Небольшая черная борода обрамляла лицо с правильными чертами. Человек в чалме хлопнул в ладоши. В покой вбежал нукерохранник.

— Пришел он? — спросил ширваншах.

— Он здесь и ждет великодушного соизволения великого шаха!

— Пусть войдет!

В шахский покой степенно вошел немолодой мужчина с яркими глазами, в темной одежде. Прославленный Ильяс Низами по срочному вызову самого ширваншаха прибыл из Ганджи. Поклонившись, поэт встал у двери.

— Салам-aleyкум, почтенный Ильяс! — милостиво приветствовал его Ахсатан.

— Алейкум-ас-салам, великий шах!

— Приблизься, можешь сесть...

Перебирая янтарные четки, шах начал издалека:

— Правду ли говорят, почтенный Ильяс, что Абу-Бекр осмелился предложить тебе переехать к нему в Тавриз?

— У лжи короткие ноги, великий шах! Аллах знает лучше всех... Атабек только просил, чтобы я посвятил ему поэму «Искандер-намэ».

— Я запрещаю тебе писать для него! Абу-Бекр — враг моего зятя Омара, а стало быть, и мой! — закричал Ахсатан.

— Слушаюсь и повинуюсь, великий шах, — ответил Низами, низко кланаясь. Прославленному поэту нельзя было ссориться с правителем Ширвана, хотя атабек Абу-Бекр и обещал ему крупную денежную награду.

Ахсатан переменял тон:

— Заказать тебе хочу поэму о любви. Что окажешь, почтенный Ильяс?

— Царственное внимание к слабым силам поэта — величайшее счастье. Когда надобна поэма твоему величеству?

— Через месяц, никак не позже.

Низами покачал головой:

— О, срок мал, очень мал, государь. Есть у меня почти готовые стихи о Хосров-о-Ширин. Прими их в дар, великий шах!

Ахситан после небольшого раздумья решился:

— «Хосров-о-Ширин» — хорошее название! Беру поэму. Посвяти ее от моего имени прекрасной царице Тамар и получи у казначения сто золотых.

Низами встал, с низким поклоном стал благодарить ширваншаха. Ширваншах доверительно добавил:

— Через месяц еду в Тбилиси. И ты со мной поедешь. Читать свою поэму будешь при дворе царицы курджиев!

Глава XVII

СОСТЯЗАНИЕ ПОЭТОВ

В обширном княжеском особняке кроме Захария проживал и брат Иванэ с молодой женой. Обогнал старшего брата в семейном устройстве Иванэ, женившись на княжне Хошак из славного рода Ширяншахов, что некогда властвовали по всему побережью Каспийского моря, от Дербенда до Ленкорани. Под натиском северных племен они переехали в Ардах, там крестились и от агванских царей получили обширные владения. Отличившись в Ниальском бою, Иванэ потом избрал придворное поприще, получил звание царского эджиба и уже нес службу в Исанском дворце. Проживал у Захария и поэт Шота из Рустави.

В эти дни у Мхаргрдзели гостил проездом в Константинополь пятнадцатилетний агванский царевич Абас Кюрикян-Багратид со своей свитой. Агванское «царство» уже было неким миражем, давно отобрал царь Давид Строитель у последних Кюрикянов все обширные владения в Сомхити и Кахети, оставив в утешение замок Норберд и почетный титул «агванских царей». Впрочем, юный Абас лично был чрезвычайно богат и ехал в Византию как подлинный наследный принц. Появление Абаса в Тбилиси удачно совпало с ожидаемым приездом ширваншаха, и агванский царевич, как ребенок, радовался предстоящим празднествам.

Время текло. Наконец с большой пышностью, под звуки шахского панджанобата¹, окруженный гарцующими на конях эмирами и нукерами в блестящем вооружении, ширваншах Ахситан, сопровождаемый зятем Амирмираном, торжественно въехал через городские ворота, украшенные

¹ Панджанобат — небольшой военный оркестр (перс.).

флагами и зеленью. За ширваншахом на двух серебряных цепях вели большого львенка — подарок царице Тамар. Гостя с почетом, за несколько стадий от города, встречал амирахор Мхаргрдзели со старшими спасаларами. По празднично расцвеченным улицам с вывешенными из окон домов коврами и гирляндами цветов Ахсатан проследовал в бывший дворец Арцруни, отведенный ему на время пребывания в Тбилиси.

На обширном дидубийском поле с утра уже толпился народ. Всюду были разбиты палатки с съестными припасами, сновали торговцы холодной водой. Высоко в воздухе ходили канатоходцы, давали представления заезжие фокусники. Звучала зурна.

Медные трубы возвестили прибытие двора, и народ хлынул к месту предстоящего турнира. На огороженной высоким дощатым забором трибуне разместились царственные особы. Окруженная блестящей свитой Тамар сидела на возвышении под вышитым золотыми звездами балдахинном. Рядом с ней в золоте и серебре восседали ширваншах и главный распорядитель турнира амирспасалар Гамрекел Торели. У трибуны теснились именитые горожане. Простой люд толпился за забором, молодежь облепила ветви деревьев.

Шота приехал на праздник вместе с агванским царевичем. Их встретил князь Иванэ и усадил на удобные места рядом со своей женой Хошак. И тут-то Шота впервые увидел царицу Тамар...

«Нет в мире подобной!» — в необычайном смятении подумал поэт. Почему-то перевел фразу на персидский язык. Получилось «Нестан-Дареджан»¹. Запомнил новое имя. И снова, не отрываясь, всматривался в дивное лицо правительницы. Нерадостным показалось оно поэту.

Трубные звуки возвестили начало турнира. На арену выехал герольд и громко возгласил:

— Великая царица царей! Достославный и блистательный шах! Эмиры, мтавары и азнауры Картли! Возвещаю всем, всем! На честное состязание выступают: от Ширвана — высокородный эмир Омар Амирмиран с соратниками! От Картли — князь Закарэ Мхаргрдзели с соратниками! Поднимите копья!

¹ Нестан-Дареджан — имя главной героини поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Под гром рукоплесканий на арене появились две большие группы конных рыцарей. Впереди ширванцев на рыжем аргамаке красовался огромный Амирмиран в черных хорасанских доспехах и золоченом шлеме. Внук славного Ильдегиза, изгнанный родным братом из страны, Амирмиран был могучим мусульманским рыцарем, хорошо известным на всем Востоке. За ним теснились эмиры и бахадуры Ширвана.

Захарий выехал на коне соловой масти в обычных боевых доспехах. Только в память отца он надел шлем с пером белой цапли, с которым парон Саргис некогда брал приступом стены Ани. За ним в конном строю следовали спасалары Сослан, Шалва и Иванэ Ахалцихели, Чиабер Торели, двоюродные братья Саргис Тмогвели и великан Блу-Захар...

Проезжая мимо царской трибуны, соперники приветствовали Тамар и ширваншаха, выстроились на арене в две линии и подняли вверх копыя. Легкий ветерок шевелил флажки с родовыми гербами. Состязавшиеся опустили забрала. По знаку амирспасалара обе шеренги, выставив копыя, во весь опор помчались навстречу друг другу. Раздался громкий лязг стали о сталь. Кони разбрасывали копытами песок. На арене поднялось большое облако пыли. Амирмиран быстро сбил с коня противника и, сменив копые, обратился лицом к предводителю противной партии. Дважды сходились в поединке исполины в железных латах. Наконец Захарию мощным ударом копыя удалось вышибить из седла эмира и тем самым закрепить победу за своей группой. Царица Тамар с радостной улыбкой увенчала золотыми венками победителей турнира. Но почему-то ее взор избегал Захария...

Перед вечером Захарий получил короткую записку без подписи: «На приеме не задерживайся. После окончания состязания поэтов тотчас уезжай из Тбилиси». Он узнал знакомый женский почерк. Похолодело в сердце. Вот оно — то испытание, которого он ждал всю зиму! Оберегая мужское самолюбие и опасаясь вспыльчивого характера Захария, Тамар заблаговременно прислала предупреждение... Вызвав оруженосца, Захарий мрачно сказал:

— Держи коней наготове, Ростом, ночью уезжаем в Лори. Но об этом никому ни слова!

Вызвав дворецкого, Захарий приказал в случае его внезапного ночного отъезда принести наутро извинения цар-

ственному гостю. Затем прошел на половину своего брата и долго с ним беседовал.

Состязание поэтов происходило в тронном зале Исанского дворца, уже переполненном знатью, придворными и сановниками царства. В блеске бесчисленных огней появились обе царицы и ширваншах Ахсатан. После того как все присутствующие уселись на свои места, воцарилась тишина. Вперед выступил амирэджиби и, стукнув жезлом о пол, провозгласил:

— Придворный поэт блистательного ширваншаха, непревзойденный, светоносный Ильяс Низами!

Низами неторопливо вошел в круг придворных, встретивших его громкими рукоплесканиями, и стал прямо перед царицами и шахом. Отвесив низкий поклон, он с загоревшимися глазами стал громко читать на великолепном фарси¹ стихи, посвященные царице Тамар:

Пока живет земля — ей быть твоей рабой.
Да будет месяц, год и век блажен тобой!..
Да будет молодость красе твоей — сожитель,
Да будет всем твоим желаньям исполнитель,
Да будет грустен тот, кто грусть в тебе родил,
Тебя печалющий — чтоб в горести бродил!²

Тамар благожелательно захлопала в ладоши. Переждав, Низами с поклоном стал читать новые стихи, обратившись к старшей царице:

Там, за стеною гор, где взору ширь открыта,
Дербент увидишь ты, и море, и залив, —
Есть женщина. На ней блеск царственного сана,
Кипенье войск ее достигло Исфахана.
Нет мужа у нее, но есть почет и власть.
И видно, дни свои она проводит всласть.
Она — ей от мужчин в отваге нет отличия —
Великой госпожой зовется за величие!

Русудан раскраснелась как девушка, когда Низами, с величавым жестом руки в ее сторону, произнес заключительный стих:

Шамира — так народ прозвал ее одну!

¹ Персидский язык.

² Перевод здесь и далее К. Липскерова.

Гул одобрительных возгласов пронесся по залу. Низами, закрыв глаза, переживал. Потом он снова с вдохновенным видом повернул голову в сторону Тамар:

Одна племянница живет с ней год из года.
Глядишь — тут гурия? Не гурия — луна,
Владычица ночей здесь под фатой видна!
Лик — юный месяц, свет, в ночных горящий сводах.
Зрачки темны, как тень, что в быстрых плещет водах.
Извивы кос ее влекут сердца в силки,
Спустив на розы щек побегов завитки...

Остановившись на мгновение, Низами бросил торжествующе в зал:

Прекрасный лик ее запутал строй планет,
Луну он победил и победил рассвет!

Буря рукоплесканий и громкие хвалебные клики были наградой прославленному поэту. Низами кланялся, приложив руку к сердцу, и благодарил. Ширваншах сиял. Все идет по его плану, идет хорошо! Прекрасная Тамар явно тронута стихами Низами (надо будет добавить поэту денег!). А завтра... завтра сделать «лучезарной» предложение руки и сердца, через тетку!

Амирэджиби снова выступил вперед и провозгласил:
— Поэт Шота из Рустави!

Взоры всех присутствующих повернулись к вошедшему в круг юноше. Шота из Рустави? Первый раз слышим это имя!

Поклонившись в сторону царских особ, Шота несколько взволнованно начал выступление с приветствия своему старшему сопернику — гостю из Ширвана:

Мыслей ширь в оправе тесной — этим песнь пленяет свет,
Но лишь в сказе вслывавом виден истинный поэт.

Снова поклонился. Низами растроганно подумал: «Он мне в сыновья годится!» Приложил руку к сердцу и губам в знак приветия юному собрату.

Шота оглянулся, увидел своего друга и покровителя, стоявшего у двери. Лукаво улыбнувшись, окрепшим голосом стал читать:

Льву приличны меч и пика, медный щит ему пристал,
Солида блеск идет царице, где обличье алый лал.
Как осмелиться, не знаю, мне излить поток похвал?
Взору в дар Тамар явилась, но хвалы отдарок мал.

Ширваншах первым дал пример горячего одобрения. Клики царедворцев нестройно загремели в честь неизвестного поэта. И впервые за весь вечер потеплели прекрасные очи царицы. Приподняв чуть удивленно тонкую бровь, она ласково взглянула на раскрасневшееся лицо юноши из Рустави. Что-то нежелательное почудилось в стихах Русудан. Она недовольно покосилась на амираджиби. «Кто допустил на состязание неведомого поэта-мальчишку?»

Когда улеглось волнение, Шота с чувством продолжал:

Слез кровавых дождь хвалебный только ей да будет мил!
Темных слов мы не сказали и творил я без чернил!
Не перо, тростник высокий черным озером поил,
Чтоб хвалебный стих иному точно меч по сердцу бил.

Ширваншах картинно схватился за сердце, и все в зале поняли: Ахсатан, властитель Ширвана, — влюблен! А голос юного поэта звенел в зале:

Я, Руствели, сказ певучий до исхода доведу
Для тебя, царица войска, иль умру здесь на виду.
Обессиленный любовью, я спасения не жду.
Коль спасти меня не можешь, схорони со мной беду!

Тамар внезапно вздрогнула. Снова полились страстные стихи:

Тот, кто истинно полюбит, ото всех любовь таит,
Вдаль страдания уносит, одиночеством сокрыт.
Ведь душа в самозабвенье, если пламенем горит,
От любимой примет кротко даже горький яд обид¹.

Пока Шота читал, Захарий понемногу приближался к нему. И когда взор Шота упал на него, поэт ужаснулся: Захарий страдал. Казалось, прекрасные стихи поэта жгли сердце...

На этот раз первой стала рукоплескать Тамар. За ней восторженно зашумел весь двор. Но пронизательный взор Шота снова заметил нерадостное лицо молодой царицы.

По единодушному приговору всех присутствующих обоим поэтам было объявлено через амираджиби:

— Оба победители, оба достойны хвалы и наград!

Низами расцеловал своего юного соперника и, после получения золотого венка из прекрасных рук Тамар, увлек его в сторону...

¹ Перевод П. Петренко.

Ахсатан не отходил от цариц, влюбленно смотрел в глаза Тамар, расточал хвалебные слова, цветисто клялся в родственной любви и преданности... Тамар принужденно улыбалась на речи ширваншаха, оглядывалась, видимо чего-то ожидая. Заметив, что Захария уже нет в тронном зале, облегченно вздохнула. Кивнув головой тетке, устало откинулась в кресло, прикрыла глаза. Царица Русудан подозвала к себе амирэджиби и тихо отдала повеление. Тот, стукнув жезлом, снова громко потребовал внимания. Зал замолк в недоумении.

Царица Русудан встала во весь свой высокий рост. Окинув зорким взором присутствующих, она твердым голосом объявила:

— Высокородные гости Ширвана! Дидебулы и азнауры Картли! Великая царица царей Тамар, посоветовавшись со своей семьей, сочла за благо сочетаться браком с высокородным Давидом Сосланом, из царственного рода Эпремидзе-Багратуниани. Святейший католикос Гевдорэ благословил их помолвку, о чем мы объявляем всем!

Присутствующие остолбенели. Русудан села в кресло, так и не дождавшись положенных по этикету радостных возгласов. Шепот среди придворных неприлично затягивался:

— Второй раз солнцеликая Тамар ставит нас врасплах своим замужеством!

— Тогда выдумка Абуласана — неведомый рузик! Теперь неведомый Сослан!

— Но кто такие Эпремидзе?

— Т-сс! Царская воля неоспорима!

Царедворцы очнулись и бросились с положенными поздравлениями. Красавец жених подошел к царственной невесте и, низко склоняясь, поцеловал унизанную перстнями прекрасную руку. Рука невесты немного дрожала. И уже пробивалась к избраннику родня, торопясь насладиться неожиданным счастьем родича.

Тамар вскоре исчезла из зала.

Ахсатан впал в глубокое отчаяние; он с горечью бросил Низами:

— Теперь пиши стихи о несчастной любви, Ильяс!

— Слушаю, великий шах. Буду писать о знаменитых и печальных влюбленных — Лейле и Меджнуне, — с готовностью ответил поэт.

Отец Васили был в приподнятом настроении. Его зачислили в дворцовый штат и повысили жалованье!.. Низко склонясь над пергаментом, он записал: «Все возы-мели желание соединить Давида с Тamar и дело доверили богу. Тamar тоже покори-лась их воле, так как знала юношу. Не стали медлить, свели их в Дидубэ и соединили Давида с Тamar...»

Решение наболевшего династического вопроса соединенными усилиями царской семьи и придворных генеалогов было найдено и претворено в жизнь.

...Темной ночью по каменистой дороге двигалась по направлению к горному хребту небольшая группа всадников. Записка брата догнала Захария в пути. Иванэ кратко сообщал об объявленной помолвке царицы Тamar с Давидом Сосланом.

Г л а в а XVIII

АШХЕН

Большая харчевня, что в полуподвале на рышке, всегда по вечерам полна анийцами. Помещение с низким сводчатым потолком забито столами, втиснутыми между бочками с арахом и ширакским пивом, бурдюками с араратским вином. За столами расселись торговцы помельче, разный ремесленный люд и приезжие земледельцы. С каменного свода свешивались связки лука и чеснока, несколько окороков. Капала влага. В харчевне душно. Пахнет человеческим потом и жареным мясом.

Редким гостем в харчевне был оружейник Кюрех. Но в тот день он вознамерился угостить Петроса, которого с согласия цехового «старика» перевели из учеников в подмастерья. С трудом нашли свободный стол, и, усевшись на колченогий стул, Кюрех заказал шашлык.

— Добавь к нему кувшин доброго пива, — напутствовал молодого слугу оружейник и, обращаясь к новому подмастерью, добавил: — Нынче за твое здоровье выпить надо, Петрос-джан! Чтобы поскорее варпэтом стал бы...

За соседним столом сидели два сельчанина в домотканой одежде, с разбитыми кожаными поршнями на ногах и рассказывали огороднику из предместья:

— Четыре и больше дней на барщине работать заставляют!

— А не выйдешь в поле — треклятый староста Паткан (чтоб околеть ему без покаяния!) тотчас с десятскими на дом явятся, избьют как собаку, силком на работу поведут... или в подвалы на хлеб и воду посадят. Они у нашего парона огромные, все село туда упрятать можно!

— А подати прибавляют! Опять-таки, кроме десятины, еще подношения по праздникам попу подай! Сил не стало больше терпеть, брат! Вот и сбежали мы с соседом к вам, через границу. Бобыли мы оба, паронам мстить будет некому! А теперь мы на любую работу согласны...

Чуткое ухо оружейника сразу уловило в голосе злобу и отчаяние. Повернувшись к ним, Кюрех сказал:

— Чудно говорите, други! Ну как можно требовать от земледельца столько дней работы? Как он тогда семью прокормит да подати уплатит?

Сельчане рассердились, громко закричали:

— Не хочешь — не верь, рамик, а тогда и в разговор наш не суйся!

— Осел и тот не терпит лишней ноши! — пробормотал Петрос.

— Молчи, Петрос! — резко оборвал его Кюрех, оглядываясь на сельчан. — Сам-то ты тоже не стерпел, сбежал из деревни. А может быть, там оставаться надо было, господскому гнету сопротивляться... как наши деды славные делали!

Обращаясь к крестьянам, Кюрех мягко сказал:

— Да вы не сердитесь, братья! Добра вам желаю, помочь хочу. Так и быть, уговорю хозяина вас на работу принять. Одного меха качать, а тебя, что покрепче, на молот возьму. Согласны?

Сельчане радостно загудели:

— Спасибо, брат! Куда прийти, скажи...

Петрос задумчиво глядел на крестьян.

Все труднее и труднее становилось получать медь из Лори. Однажды, приняв большой заказ на изготовление медной орнаментированной посуды, Тигран заявил эмирскому управителю:

— Не добудешь пропуска через границу, не выполню твоего заказа. Меди-то нет!

Пропуск был получен незамедлительно. Оставив кузницу и мастерскую на попечение Кюреха, старый ору-

жейник весной направился через перевал в город Лори. С ним ехали два дюжих подмастерья и, по ее настоятельной просьбе, дочь Ашхен.

В Лори, куда после двухдневного путешествия прибыл Тигран, проживали дальние родственники, оказавшие знаменитому оружейнику и его дочери радушный прием. У Тиграна даже мелькнула мысль, что родня, может быть, найдет в городе более подходящего жениха для Ашхен, нежели бедный каменщик.

Когда в первый же воскресный день, направляясь в собор в сопровождении старухи родственницы, Ашхен проходила по улице городского предместья, немало юношей заглядывалось на дочь оружейника. Высокая и тонкая, Ашхен была в расцвете девичьей красоты. Смело изогнутые крылатые брови, огромные глаза редкого изумрудного цвета, широкий белый лоб под тяжелыми косами невольно привлекали взор к молодой анийке.

Покончив с дневными хлопотами, любил старый Тигран по вечерам, сидя на приступке у входа в дом, читать лорийским родственникам мерные строфы старинного сказания о Давиде Сасунском. Ашхен была всегда одной из самых внимательных слушательниц отца. Перед мечтательной девушкой вставляли то образы народных освободителей, то злобные враги... Вот победил войско Мсра-Мелика великий Давид:

Покинул Давид шатер.
Он к войску коня Джалали повернул,
Кто из полководцев и войск уцелел,
Он всех их призвать повелел и сказал:
«Вам всем дарю волю я!
Идите все туда, откуда вы пришли.
Идите по домам, живите, как вы жили,
И дани с вас не нужно мне.
За жизнь мою молитесь и за души
Родителей моих!
Сидите дома у себя спокойно,
Не вздумайте ходить войною на Сасун!
Но коль подымете вы вновь оружие против нас,
Коль нападете вновь на нас, то знайте:
В какой бы яме ни сидели вы,
Какими б жерновами
Ни укрылись вы, —
По чести встретит вас Давид,
Вас молния-меч сразит!»¹

¹ Перевод В. Державина.

Сосредоточенно внимали слушатели плавному речитативу. Полная луна заливала серебром городское предместье, и сказочным выглядел мирный пейзаж. Вдруг в глубокой тишине, все приближаясь, послышался мерный топот коня. И как видение появился громадный всадник. Сидящие у входа дома жители встали и поклонами приветствовали проезжающего. Молча кивнув в ответ людям, рыцарь скрылся в чаще деревьев. Ашхен судорожно схватила за руку старуху родственницу.

— Кто это, майрик?

— Великий ишхан, — прошептала старая женщина и, боязливо оглядываясь, тихо добавила: — Люди добрые говорят, что заколдован он царицей дэвов, потому и ездит один по ночам куда-то в горы!

Неведомая тяжесть легла на грудь молодой девушки. Слезы наполнили глаза. Нет, то сам Давид из Сасуна проезжал на морском коне Джалали!..

Когда на следующее утро Тигран собрался на княжий двор для расчетов по меди с прижимистым управителем, Ашхен стала просить отца:

— Возьми меня с собой в замок!

Удивился старый оружейник просьбе дочери, но рассудил: «Мало радости у девушки, скоро нам возвращаться в Ани, а там — затвор, не то, что здесь, в Лори», — и согласился.

Пока Тигран до седьмого пота торговался с княжеским управителем, смелая девушка сумела добраться до покоев старой княгини Саакдухт. Бросившись ей в ноги, Ашхен стала умолять:

— Оставь меня у себя, великая госпожа, на любую работу согласна! Нельзя мне возвращаться домой! Там агаряне проходу девушкам не дают, живем мы как в темнице, даже в святую церковь ходить молиться опасаемся...

Узнав, что она дочь уважаемого, зажиточного оружейника Тиграна, хорошо знает грамоту, добрая княгиня согласилась принять пригожую анирку на службу в замок:

— Если отец не будет возражать, останешься, будешь ближней девушкой княжны Вананэ! — заключила владелица и вызвала ключницу Оромсим.

Старуха только руками всплеснула, увидя Ашхен:

— Госпожа, или старые глаза меня обманывают?! Да ведь эта девушка — точно сестра нашей княжны! — и по-

спешила добавить, заметив недовольство на лице у княгини: — Только наша Вананэ потоньше, постройнее будет! И глаза другие...

Тигран был и польщен и раздосадован, когда Ашхен, вернувшись домой, объявила ему о согласии княгини Саакдухт оставить ее в замке. Но тут со всех сторон напали на Тиграна родственники. Было ясно доказано, что старому вдовцу трудно жить со взрослой красавицей дочерью в большом городе, который кишит безбожными агарянами. Мало ли что может случиться? А у княгини Ашхен будет в покое и безопасности. Добрая Саакдухт и замуж выдаст Ашхен — любит она свадьбы устраивать, и приданое даст хорошее! Разгневался тогда Тигран и громовым голосом возгласил:

— У моей дочери свое приданое есть! Достаточное, не хуже и не меньше, чем у любой вашей азатани¹!

На этом родственный спор завершился. Ашхен осталась в княжеском замке, а Тигран стал готовиться к отъезду. Грузя с подмастерьями медные чушки на арбы, он грустил, думая о близкой разлуке с дочерью.

Накануне его отъезда Захарий возвращался с охоты. Проезжая через предместье, где гостил оружейник, он решил, что неплохо бы поручить Тиграну вместе с другими анийскими кузнецами приготовить некоторое количество мечей и наконечников для копий его конницы (верные люди всегда доставят готовое оружие через границу)... Подъехав к дому и спешившись, Захарий громко ударил дверным молотком. Не дожидаясь, пока ему выйдут навстречу, он сам открыл створку ворот и поднялся по каменной лестнице на второй этаж. В дверях Захарий чуть не столкнулся с Ашхен — она пришла из замка, чтобы собрать старика отца в дорогу.

Захарий остановился, пораженный. Где были до сих пор его глаза? Он встречал стройную девушку в переходах замка и за общей трапезой, но, вечно погруженный в свои мысли, не обращал внимания на редкостную красоту. Перед ним стояла сама Астхик, древняя богиня любви...

В упор посмотрела на Захария Ашхен. И тотчас, как бы защищаясь, опустила тяжелые ресницы.

¹ Азатани — свободнорожденная, дворянка (арм.).

Захарий хотел что-то сказать, но не смог и только, не отрываясь, глядел на красавицу. Выпешший в прихожую Тигран с громким приветствием пригласил почетного гостя в горницу.

Каждый крупный властитель в своей резиденции обычно стремился подражать дворцовому обиходу, создавал из своих вассалов подобие царского двора. Так и в Лорийском замке постоянно проживали юноши и девушки из вассальных благородных семейств в качестве эджибов и придворных дам. Ашхен не была дочерью ни ишхана, ни аспета¹. Но привлекательная внешность, живой и ласковый характер быстро привязали к молодой анийке всех членов княжеской семьи. Только глава дома — сам великий ишхан был холоден с Ашхен, даже после их встречи в предместье. Кстати, он должен был скоро уехать в Уджармо, где начинались обычные летние учения.

Княжна Вананэ и Ашхен, сидя за вышиванием драгоценных пелен для церкви, часто вели душевные девичьи беседы. Однажды Ашхен задала тот же вопрос, который когда-то задала царица Тамар:

— Почему ишхан Закарэ до сих пор не женат?

Вананэ пожала плечами:

— Никто толком не знает, матушка в отчаянии! Брат отказывается от всех предлагаемых невест... — И с таинственным видом добавила: — Наверное, он чей-нибудь миджнур и до могилы должен остаться верным своей любимой!

— А кто это — миджнур? — простодушно спросила Ашхен.

— Миджнуры — это несчастные влюбленные. Я тебе дам прочесть одну повесть о них, недавно привезли мне из Тбилиси. Тогда ты поймешь, Ашхен, что такое неразделенная любовь!

Увы, ее собеседнице не надо было читать ни одну из восемнадцати поэм о «Лейле и Меджнуне», известных в восточной литературе, чтобы знать, что такое «неразделенная любовь»...

В комнату вошел, как бы невзначай, Захарий.

¹ Аспет — рыцарь (арм.).

— Мой Закарэ, правда ли, что есть еще на свете мид-жнуры? — лукаво молвила Вананэ.

Легкая тень пробежала по лицу Захария. Он обратился к Ашхен:

— А как ты об этом думаешь, девушка?

Ашхен залилась румянцем, опустила веки. Потом дрожащим голосом ответила:

— О, великий ишхан, что я могу об этом знать? Но... мне очень такого человека было б жаль, от всего сердца! — И она прямо посмотрела на Захария.

— Это ты, Ашхен? Входи, девушка!

Ашхен приблизилась и с поклоном, молча протянула Захарию шитую золотом бархатную пелену.

— Что это такое, девушка?

Ашхен с трудом выговорила, потупив глаза:

— Пелена для Синего монастыря, ишхан.

Захарий вспомнил: «А-а, это для церкви, которую построил в Тбилиси дядя Барсег!..» — И ласково спросил, пристально глядя в девичьи глаза:

— Так что ж, твоя княжна хочет, чтобы я отвез пелену в Тбилиси?

— Да, ишхан.

Голос у девушки дрожал. Она положила ткань на стол и хотела удалиться. Внезапно Захарий тихо позвал:

— Ашхен!

Свеча в руках девушки наклонилась, стрелчатые ресницы прикрыли дочерна потемневшие зрачки глаз. Быстрым движением выхватив подсвечник из узкой руки с длинными пальцами, Захарий поставил его на стол...

Так началась любовь могучего рыцаря и зеленоглазой девушки из Ани...

Вскоре настоятель монастыря Нор-Гетика, преподобный Мхитар Гош, писал ишхану Захарию, амирахору, эриставу Лори и других земель:

«Ты пишешь, Закарэ, что любовь стирает расстояние между людьми. Сия неверная мысль всегда будет тебя подводить в жизни, мой дорогой. То ты пылаешь страстью к такой высокой особе, что голова кружится, то желаешь связать свою судьбу с девушкой из народа... Конечно, она дочь богатого рамика, к тому же достаточно образованная, но все же не может считаться азатани, и твои бла-

городные родичи, видимо, правы, восставая против твоего намерения. Только царь может жениться на ком угодно, да и то не всегда может себе это позволить. А ты еще не царь, мой Закарэ, и во многом от своих родичей зависишь... Да еще должен напомнить, что ежели кто девицу обольстит, вдобавок обрученную, то, согласно 62-му канону апостолов по Клименту (смотри мой «Судебник», статью 36), обязан взять в жены обольщенную. Но если его родственники не желают принять обольщенную, то должно назначить взыскание в двойном размере. Однако ты пишешь, что отец девушки — Тигран-оружейник взащей выгнал управителя высокородной госпожи Саакдухт. По моему разумению, старик поступил правильно, хотя и не вполне по закону. Так как же нам теперь быть? Ума не приложу...»

Впервые за свою жизнь мудрый вардапэт не смог дать дельного совета любимому питомцу.

Захарий искренне привязался к прекрасной Ашхен, мечтал жениться на ней. Но тут встала на дыбы вся многочисленная родня. Из своей берлоги в Гагских горах вылез старый дядя, князь Вахрам, и самолично прибыл в Лори увещевать безрассудного племянника — красу и гордость могущественного княжеского клана Мхаргрдзели. В бурном споре старик упомянул и мнение другого почтенного родича — князя Абуласана, чем привел Захария в неописуемую ярость. К ужасу женщин, по всему замку разнесся громовой голос молодого хозяина:

— Да что ты мне тычешь мнение старого изменника, дядя Вахрам?

— Но князь Абуласан — твой дядя по матери, царственной крови Арцруни! — попробовал возразить Вахрам.

— Что из того? Разве не пришлось мне смирять оружием на Ннальском поле именно этих родичей-изменников? А теперь я должен слушаться их советов?! — гремел Захарий.

Но тут вскипел и старый Вахрам:

— Коли так, мы ни перед чем не остановимся! Я сам поеду в Тбилиси, всеподданейше преклоню колени перед великой царицей царей и буду молить ее лично вмешаться в неслыханное дело! Посмотрим, что тогда ты запоешь, племянничек!..

Захарий озадаченно посмотрел на дядю. Только этого недоставало! Его зеленоокая возлюбленная ничего не знала о происхождении золотой иконки, которую видела ногами на его широкой груди...

Так эта история и затянулась.

Из всей семьи одна княжна Вананэ поддерживала старшего брата в его стремлении жениться на Ашхен. Но остальные члены дома были неумолимы. Даже добродушная княгиня Саакдухт заявила, что уедет в Хожорни, если девица из Ани будет продолжать незаконное сожительство с Захарием. Сын довольно нелюбезно ответил: если матушке удобнее в родном гнезде, он не возражает. Старая княгиня упала в обморок. На семейном совете было, однако, принято иное решение. Ашхен увезли в Хожорни, а мать-княгиня осталась в Лорийском замке. И пришлось бедному Захариию ездить к своей милой на свидания по лесистому ущелью, мимо крутой горы Лалвар...

Хорошо заработали армянские каменщики на стройках в Шемахе, с тугими кошельками возвращались они к семьям на родину. Больше всех торопился в Ани их артельный староста — варпэт Галуст. Прибыв в Тбилиси, каменщики решили отдохнуть, выкупаться в серных банях, купить подарки родным. Из бани Галуст с друзьями отправился в духан на майдане, чтобы поесть кебаб, запив его добрым кахетинским, которого они не пробовали в дальних странствиях. Там его и увидел старый друг Микэл, приехавший из Ани в Кахети за кожами.

Дружески обнявшись, приятели сели за столик, где уже рядом с пахучим тархуном лежал добрый кусок тущинского сыра и стоял немалых размеров глиняный кувшин с заткнутым листом папоротника горлом. После первого возлияния и взаимных приветствий Галуст, не утерпев, спросил Микэла:

— Как семья почтенного Тиграна поживает? Здоровы ли Ашхен?

Помрачнев, Микэл буркнул что-то невнятное. У Галуста похолодело сердце.

— Заболела?!

Ничего не ответив, Микэл молча разлил вино в небольшие рога. Чокнувшись с Галустом, снова выпил, ви-

димо набираясь духу. Наконец старый шорник сурово произнес:

— Забудь эту девушку...

Галуст, побледнев, едва выговорил:

— Да что ты говоришь, побойся бога! Как я могу забыть свою невесту?

— Шеничиримэ¹, откуда ты это взял, какая она тебе невеста?! — возмутился Микэл и поведал Галусту всю историю.

В первую минуту молодой каменщик ничего не соображал. Откуда-то глухо доносились непонятные слова об измене любимой. Но вот шорник повторил:

— Еще раз говорю, Галуст: никогда она твоей невестой не была! Тигран это начисто отрицает. Да и сама Ашхен говорит, что тогда девочкой была, ничего не понимала. Пойми — не любила она тебя, шеничиримэ!

Галуст схватился за кинжал:

— Тогда я убью ее вместе с ишханом!

— Глупый человек, о чем ты говоришь? Четыре года назад говорил мне, что любишь Ашхен больше всего на свете, что она для тебя превыше бога, а теперь «убью» кричишь? Как это можно?! Девушка полюбила другого, замуж за него выйти хочет! И великий эристав ее любит, тоже жениться хочет. Только, говорят, родня мешает их браку. Образуемся, дорогой! — увещевал Микэл, положив руку на плечо мастеру. — Эх, Галуст, ничего с женским сердцем не поделаешь! Лучше выпьем за твое здоровье — вся жизнь у тебя впереди, хорошую жену еще найдешь, много детей иметь будешь, меня на крестины позовешь!

И добросердечный шорник, дополнив налив кахетинским оба рога, протянул один Галусту.

Глава XIX

РАЗНЫЕ ДЕЛА

Спустя год после царской свадьбы Басили снова воспарил духом и записал в своей летописи: «Но бог, который вначале обратил взоры на Маное и Авраама, а также и на женщин, Анну и Елизавету, не стал медлить и здесь. Ибо спустя некоторое время забеременела Тамар и ро-

¹ Да перейдет твоя болезнь мне (арм.).

дила сына, сильно похожего на деда. И нарекли ему имя Георгий¹. И возрадовались все радостью непередаваемой».

В списке получивших дары по случаю счастливого разрешения от бремени царицы Тамар был и придворный летописец Башили. Он это заслужил.

Наследник престола родился в Табахмельском загородном дворце. Счастливый родитель ходил с гордым видом, по привычке подкручивая длинный светлый ус. Многочисленная его родня, прибывшая в Тбилиси из далеких северных ущелий, с нетерпением ожидала новых почестей и разных благ. Но венценосная жена не спешила. Сумрачных горцев больше всего возмущало, что красавец Сослан все еще не был внесен в списки царствующих Багратунианов, не был торжественно перепоясан мечом Вахтанга Горгасала в древнем Мцхетском соборе. А по законам картлийского царства сие означало, что верховная власть не вверялась законному супругу... Воспользовавшись рождением наследника, царица Русудан попробовала было заговорить с царственной племянницей об этом. Но Тамар только покосилась на тетку запавшими глазами, особенно большими на исхудавшем лице, и даже не удостоила ответом. Дряхлая старая царица, явно теряла свое бывшее влияние при дворе. Поджав тонкие губы, Русудан обиженно удалилась на свою половину и не захотела больше обсуждать этот вопрос с новой царской родней. А спустя неделю Тамар, ни с кем не посоветовавшись, царским указом, скрепленным главою нотариуса преосвященным Антонием, назначила князя Захария Мхаргрдзели наследственным амирспасаларом Картли, вместо недавно скончавшегося Гамрекела Торели. Брат Захария Иванэ был назначен министром двора. Братья Мхаргрдзели становились отныне наиболее влиятельными лицами в царстве...

Давид Сослан обладал тихим характером и спокойно относился к этим делам, отдавая должное полководческому таланту Захария. Памятуя о судьбе Юрия Андреевича, он прекрасно сознавал и шаткость своего положения среди могущественных картлийских вельмож. Но неистовые родичи с гор рвали и металы.

¹ Сын Тамар — Георгий Лаша.

— Сослан, скажи — правда, что великая царица назначила Закарэ Мхаргрдзели амирспасаларом?

— Назначила, — подтвердил Сослан.

— Но почему же? После царя или царицы амирспасалар — первое лицо в Картли. Мы узнавали — сам царь в поле по закону не может один командовать, нужно согласие и приказ амирспасалара.

— Вот пусть и приказывает Закарэ! Известно, что он лучше всех нас ведаёт ратное дело. Потому его и назначили. Да и наследственное право у Закарэ есть — его отец был амирспасаларом, — невозмутимо объяснил Сослан.

— Не понимаю тебя, Сослан! Царским мечом до сих пор тебя не опоясали, а теперь и Мхаргрдзели амирспасаларом назначен. Где же власть твоя царская?!

Сослан равнодушно пожал плечами и этим закончил беседу с негодующими родичами.

Когда шестнадцатилетнюю Вананэ впервые привезли в Исанский дворец и министр двора представил сестру великой царице, Тамар пристально глядела в лицо княжны, как будто искала сходства с кем-то. Со старшим братом, однако, Вананэ была мало схожа. Лишь великолепные фиалковые глаза имели тот же характерный разрез, да цвет волос был тоже каштановый. Вдохнув, Тамар объявила, что в тонких чертах молодой княжны Мхаргрдзели она узрела некое сходство с покойной матерью — красавицей Бурдухан. Умилившись, царица тут же назначила лорийскую княжну придворной дамой, вне всякой очереди. На том же царском приеме Вананэ увидел вернувшийся из заморских странствий царевич Абас Багратуни... И вскоре в нее влюбился. Но княжна-горняка была такой же страстной наездницей и охотницей, как и ее высокая покровительница, и часто сопровождала царицу Тамар в ее дальних поездках по долам и горам. Царевич же, воспитанный в Константинополе, выглядел изнеженным и не очень надеялся понравиться смелой и своевольной Вананэ.

Этим летом в Лорийский замок из своих присеванских владений прибыла замужняя сестра — степенная Доц с супругом, а из Тбилиси приехал ненадолго Иванэ с женой, прихватив с собой и Вананэ. Гостил в Лори и царевич Абас.

Ранним утром за городом по ровному полю мчались всадники в богатых одеждах. Взяв с разгону зеленую изгородь, они остановились в тени столетнего дуба. Их встречал около дерева пожилой мужчина в темном арха-луке. Покачивая головой, конюший Хожорнийского замка Самвэл что-то недовольно бурчал про себя.

Захарий, хорошо знакомый с нравом своего учителя верховой езды, полюбопытствовал:

— Почему головой качаешь, Самвэл? Опять не по правилам взяли ограду?

— Конечно, один сепух Иванэ правильно коня на изгородь ведет! Впрочем, пожалуй, и ты неплохо ездешь...

Иванэ с важным видом раскланялся на похвалу Самвэла. А тот с усмешкой глянул на юного Абаса и, несколько понизив голос, доверительно сообщил Захарию:

— А уж наш гость на коне — прямо как кошка на заборе сидит!

Захарий ужаснулся — он неисправим, старый ворчун...

— Тише, Самвэл! Разве можно про царевича так говорить?

— А мне что? — хладнокровно ответил Самвэл. — Дурно гость ездит, прямо говорю, учить его надобно. — И, обращаясь к Абасу, громко спросил: — Государь Абас, хочешь научу хорошо ездить на коне?

Румянец стыда вспыхнул на тонком лице царевича. Опозорился он перед всеми... какими глазами будет теперь смотреть на Вананэ?..

Захарий постарался выручить царственного гостя:

— Ничего, дорогой Абас, не смущайся! В твои годы я тоже неважно верхом ездил. Не так ли, Вананэ?

Княжна лукаво проворковала:

— Мой Абас, Самвэлу нельзя угодить... Он считает, что, кроме него самого и брата Иванэ, никто в целом свете верхом ездить не умеет!

Все рассмеялись.

Абас с обожанием смотрел на красивое лицо княжны. Она сказала: «Мой Абас!» А учиться верховой езде у этого несносного конюшего все-таки придется...

Оставшись круглым сиротой, Абас в восемнадцать лет вступил во владение своими небольшими поместьями. Приняв традиционный титул «агванского царя», он сде-

дал официальное предложение княжне Вананэ. Ее братьям льстила перспектива породниться с носителем царского титула. Даже сама царица Тамар, благословляя на брак юную придворную даму, не удержалась при беседе с теткой:

— Вот подлинный царственного происхождения жених! Недаром, говорят, мой покойный отец им интересовался...

После свадьбы молодая агванская царица отбывала в замок Норберд. Прощаясь, она сказала своему старому пестуну конюшему Самвэлу:

— Вот и покидаю я Лори. Кто теперь будет меня бранить за плохую езду на коне?

— Я буду! — буркнул в ответ Самвэл.

— Ты же здесь остаешься? — удивилась Вананэ.

— Я свободный человек, где хочу, там и живу! — гордо возразил Самвэл.

Вананэ с улыбкой обратилась к мужу:

— Мой Абас, возьмем Самвэла с собой в Норберд! Закарэ не будет возражать, я уверена...

Захарий ответил:

— Конечно нет! В чем я могу, дорогая, отказать тебе, да еще в день твоей свадьбы? Пусть верный Самвэл живет у вас!

Самвэл, насупившись, посмотрел на царя Абаса. Потом с суровым видом сказал:

— Пойду проверю коней! Здешние бездельники-конюхи и седлать-то как следует не умеют!

Глава XX

ГРАФ ЛОТАРИО КОНТИ

В небольшой комнате каменного дома, скрытого густой зеленью сада, где-то на окраине Тбилиси, сидел пожилой монах в одном подряснике и босой, низко склонившись над столом. Убористым почерком он писал на длинном свитке пергамента. Джованни Фрателли (первое донесение которого в папскую курию было перехвачено цхумскими таможенниками и потом попало в руки Заала Саварсалидзе) строчил очередное послание в Рим. К по-

сланию почтенный падре прилагал слезную мольбу о незамедлительном отзыве его из страны георгинов.

Восемнадцать лет назад молодой Джованни прибыл в столицу георгинов из «Вечного города»¹, полный радужных мечтаний и честолюбивых мыслей. Фрателли, однако, не сумел оправдать надежд папской курии. Георгины продолжали придерживаться еретической греческой веры, а армены крепко стояли за свое монофизитское лжеучение. Годы состарили миссионера, стан его согнулся, черная борода поредела и стала пегой. И ныне больше всего на свете Джованни Фрателли хотелось бы вернуться в родной Рим.

Фрателли быстро обернулся на сильный стук в дверь. В неширокую створку, отдуваясь, пролезал толстый рыжий монах.

— *Laudetur Iesus Christos!*²

Падре Джованни засуетился. Тавризский миссионер фра Грегорио Боттони только накануне вечером прибыл в Тбилиси, по пути в Рим. Он-то и должен был отвезти в папскую курию очередное донесение Фрателли и, как надеялся падре Джованни, посодействовать его мольбе об отзыве на родину.

— Прошу вас, дорогой фра Грегорио, я с самого утра нетерпеливо жду вашего прихода! Как отдохнули с дороги, хорошо ли спали, не беспокоили ли вас блохи — их здесь премного! Прошу, устраивайтесь поудобнее на сем ложе, возьмите подушку!

Рыжий монах уселся на тахту, которая заскрипела под тяжестью тучного тела. Положив пару мутак за жирную спину, он воззрился мутными глазами на падре Джованни.

— Вчера вы были сильно утомлены, дорогой брат. Немудрено! Дороги здесь ужасные, все по горам, совсем как у нас в Калабрии. Вечером я не решился утруждать вас вопросами о том, что нового в Персии, — елейно частил Фрателли.

Фра Грегорио прищурился:

— Одно могу сказать, падре Джованни, — новый властелин Тавриза, король Абу-Бекр — чрезвычайно воинствен! И больше всего на свете ненавидит здешних правите-

¹ Рим.

² Восхвалим Иисуса Христа! (лат.).

лей. Особенно с того времени, как младший брат — соперник Омар, проиграв ему подряд четыре сражения, сбежал сюда, на Кавказ.

— Вы хотите сказать, эмир Омар Амирмиран? — уточнил Фрателли.

— Да, тот самый.

— Эмир Амирмиран, прибыв в Шемаху, женился на дочери ширваншаха Ахсатана и получил от него большой феодал на границе с Персией.

— Вот как! Теперь понятно, каким образом имеет возможность Амирмиран совершать постоянные набеги на владения своего старшего брата. Тот, конечно, от них в дикой ярости! Недаром же незадолго до моего отъезда он выехал в Багдад к сарацинскому халифу Насиру с большой свитой вазиров и ноблей...

Монах сделал долгую паузу. Фрателли встревоженно спросил:

— Но с какой же целью, фра Грегорио?

Боттони понизил голос до шепота:

— В Тавризе толковали, что Абу-Бекр поехал за зеленым знаменем...

— Для... для священной войны?! — заикаясь, прошептал падре Джованни.

— Надо думать, что так, падре Джованни, — серьезно ответил монах. — Именно в этом духе я и буду делать доклад его блаженству кардиналу Конти.

— Как все это неприятно! — простонал Фрателли, расстроенный сообщением миссионера из Тавриза, и с опаской спросил: — А что, если этот дикарь с зеленым знаменем дойдет до Тбилиси? Я ведь могу не успеть получить отзыв из Рима, кардинал-диакоп мало интересуется здешними делами...

Боттони с усмешкой ответил:

— Вероятно, падре Джованни, это оттого, что вы не смогли надлежащим образом заинтересовать кардинала!

Не обращая внимания на пущенную шпильку, Джованни Фрателли продолжал упавшим голосом:

— Как вы думаете, фра Грегорио, не следует ли предупредить георгиев о военных намерениях Абу-Бекра?

— Ни в коем случае, падре Джованни! Шпионов у него достаточно, предателей здесь немало найдется, и тогда нашим отцам в Тавризе сильно достанется, — забеспокоился приезжий.

— Хорошо, я нем. Однако, дорогой ффра Грегорио, прошу вас, ускорьте ответ от святой курии, очень прошу! — твердил со страхом Фрателли.

Ошибались оба почтенных миссионера. Кардинал-диакона Лотарио Конти всегда глубоко интересовали события на Востоке. Но дело было в том, что он уже не состоял государственным секретарем Латерана по иностранным делам...

Джиованни Лотарио Конти, сын графа Тразимундо Конти, родился в Риме в 1161 году. Наследственные владения не обеспечивали ему ни особого положения, ни достаточного богатства, и граф Тразимундо был оттеснен на второй план более могущественными римскими семьями — Орсини, Франджипани, Колонна, Савелли. Возвысить род Конти суждено было Джиованни Лотарио. Он получил образование в Парижском и Болонском университетах и в 1185 году был рукоположен в священнослужителя. Быстро выдвинувшись благодаря блестящим способностям и родственным связям, Конти в 1187 году был назначен на должность субдиакона — папского казначея.

В 1190 году начался третий крестовый поход, — предстояло отплатить султану Салах-ад-дину за кровавый разгром крестоносцев при Хиттине и отвоевать обратно «гроб господен». Крестоносное воинство должно было выступить под началом двух венценосцев — короля английского Ричарда Львиное Сердце и французского — Филиппа Августа. Третий вождь похода — германский император Фридрих Барбаросса на пути в «святую землю» бесславно утонул в реке Каликадн в Киликийской Армении.

Папская курия приняла самое деятельное участие в организации крестового похода, и ей нужны были энергичные, умные люди. Папа Климент III, дядя Джиованни Лотарио по матери, произвел племянника в том же году в кардинал-диаконы. Новый государственный секретарь по иностранным делам, разбирая архивы, нашел сообщения патера Фрателли из Тбилиси о разных кавказских делах и сделал для себя ряд важных выводов. Но практических результатов ни для дела, ни для самого Фрателли не оказалось. В 1192 году аристократическая семья Орсини, враждебная графам Конти, захватила папский

престол и новый папа Целестин III немедленно снял кардинала Конти с его высокого поста. В тихом уединении в родовом поместье Ананья опальный кардинал много читал и размышлял о судьбе католической церкви, как бы созревая для будущей кипучей деятельности, которая должна была прославить этого крупнейшего церковного деятеля.

Незадолго до опалы кардинал-диакон Конти имел беседу с каноником Бартоломео Кастраканти, письмо к которому с таким интересом изучал покойный Заал Саварсалидзе. Высокопреподобный падре Бартоломео многие годы оставался бессменным начальником отдела восточных стран и был как бы живым архивом.

— Реверендиссимо, вы ответили на эти донесения из Тифлиза?

— Нет, ваше блаженство.

— Почему?

— Фрателли увлекается в своих наивных предположениях. Вместе с тем, за долгие годы пребывания в стране георгиев он почти не привлек новых прозелитов для святой церкви. Видимо, страна эта дикая!

— Не думаю, реверендиссимо! Судя по довольно обстоятельным сообщениям отца Джованни Фрателли, там проживает народ воинственный и богатый, который храбро сражается с нашими общими врагами — сарацинами, обладает многочисленной конницей, которую вдобавок не надо перевозить через моря, уплачивая огромные деньги торгашам из Венеции и Генуи. Уразумели теперь, реверендиссимо, какой профит могут дать георгиев престолу святого Петра?

Кардинал Конти протянул пергаментный свиток смущенному канонику.

— Пошлите миссионеру Фрателли в вознаграждение за долгую службу сто дукатов сверх обычного содержания и потребуйте от него более подробных сведений о георгиев, о характере молодой королевы и окружающих ее сановников, о численности королевских войск. Понятно?

Каноник Кастраканти склонил украшенную тонзурой седую голову:

— Будет немедленно исполнено, ваше блаженство.

Фрателли, однако, не получил назначенной награды. Новый кардинал-диакон отменил все последние распоряжения монсеньора Лотарио Конти.

ТАВРИЗСКИЙ КУПЕЦ

Ильдегизидов давно прельщали богатства Грузии и Ширвана. Но на пути к их овладению был ряд преград, в первую очередь широко известная доблесть войск Кавказа и военные таланты его предводителей. Это и понудило Абу-Бекра отправиться на поклон к халифу в далекий Багдад. Атабек знал, что халиф Насир, араб по происхождению, недолюбливает тюрок, к каковым принадлежал сам Абу-Бекр. И для того чтобы развязать кошелек халифа для оплаты хорасанских наемников и заодно получить священное зеленое знамя пророка для похода на Гурджистан, требовалось представить убедительные доводы. Знал Абу-Бекр и то, что его великий дед Ильдегиз палец о палец не ударил, чтобы сокрушить могущество «Старца гор» из Аламута, убившего отца халифа Мустади. «Но ведь и моего родного дядю Кызыл-Арслана убили проклятые фидаи!»¹ — думал Абу-Бекр, прибыв в Багдад и переправляясь через широкий Тигр ко дворцу халифа на главной площади города.

Халиф Насир-ли-дини-иллах, тридцать четвертый халиф из династии Аббасидов, еще юношей, после убийства отца исмаилитами, воссел на трон «повелителя правоверных» в Багдаде. Высокообразованный и, в отличие от своих вялых предшественников, весьма энергичный Насир был носителем идеалов арабского рыцарства и за свое сорокапятилетнее правление сумел вернуть часть прежних владений арабского халифата, захваченных сельджуками.

После сложного церемониала Насир остался наедине с атабеком. Халиф продолжал восседать на золотом троне, а Абу-Бекр стоял перед ним в почтительной позе, положив руку на усеянный рубинами и жемчугом эфес хорасанской сабли, ожидая вопросов халифа.

— Во имя аллаха милосердного и всепрощающего, почему ты именно сейчас задумал войну с курджиями? — тихо начал Насир. — В тылу у тебя хорезмшах Текеш, с ним действует свора проклятых алидов, что мечтают занять мой дедовский престол. Именно там главная опасность для ислама!

¹ Фидаи — террористы из секты исмаилитов.

— Мудрость Солеймана запечатлена в святых устах великого повелителя правоверных. Но именно поэтому и надо скорее покончить с презренными курджиями! Безмерно укрепилась у них женщина, что, поправ установленные аллахом законы, выгнала своего первого мужа и вышла замуж за другого, не менее мерзкого! А прошлым летом налетели курджии на мой город Бердаа, опустошили Арран и тридцать тысяч рабов, освободив из плена, с собою увели. А та женщина свои войска вооружает, готовится напасть на ислам! Около нее, передают мои проводчики из Тифлиза, пребывает некий могучий эмирсепахсалар, искусный и весьма отважный в бою... И, пока не поздно, о опора веры и славы ислама, надо раздавить курджиев, напоить землю нечистой кровью, взять в мой гарем их правительницу, а уделы раздать доблестным эмирам, как было содеяно в прошлом при твоих достославных предках из дома великого Аббаса — дяди пророка!

— Посланник божий сказал: «Не будет иметь успеха народ, которым управляет женщина», — сентенциозно изрек халиф. Его, по-видимому, удовлетворило льстивое объяснение атабека. Но он задал второй вопрос, которого так остерегался Абу-Бекр:

— Дед твой, да озарит свет аллаха его могилу, оставял в покое убийц из Аламута, поднявших святотатственную руку на тень аллаха на земле моего почтенного отца! А ты тоже ничего не предпринимаешь против «Старца гор»...

— О, повелитель, как я могу забыть сыновей Эблиса, убивших и моего родного дядю Кызыл-Арслана? Дай мне знамя пророка, вели своему дивану объявить джихад¹, и я летом уничтожу этих христианских собак, а потом примусь за осаду крепостей исмаилитских шакалов. Клянусь в том священным прахом отца и великого деда!

— А без зеленого знамени никак не обойтись твоему воинству? — испытующе спросил Насир.

— Нет, великий повелитель правоверных! Рядом с курджиями находится предатель ислама — я не хочу называть его братом — презренный Омар Амирмиран. Он выдал врагам все наши военные тайны. И нужно поднять

¹ Джихад — священная война против неверных (араб.).

дух гази — борцов за веру! Кроме того, нужно и золото для найма хорасанских панцирников...

Прочтя короткую молитву, Насир провел обеими руками по лицу:

— Завтра получишь мой ответ.

Абу-Бекр благоговейно облобызал окрашенную хной руку халифа и, пятясь, покинул тронный зал.

Халиф Насир помнил доблесть отца Абу-Бекра. А сын по свирепости был схож с отцом. Халиф решил помочь атабеку в задуманном деле. Оплот веры, великий Салах-ад-дин недавно умер, и его многочисленные наследники были заняты в Сирии и Египте раздорами и борьбой с гяурами-крестоносцами. В крупнейшем мусульманском государстве Малой Азии — Иконийском султанате — также не прекращалась междоусобица двенадцати сыновей покойного Килич-Арслана II. В Хорезме действовал и процветал богом проклятый Текеш-шах, враг халифата. И перед лицом крепнущей христианской державы царицы курджиев Тамар и ее союзников, уже теснивших правоверный Иран с севера, щитом ислама оказывался атабек Абу-Бекр.

Получив согласие и золото от халифа, Абу-Бекр стал рассылать высокопарные повеления и увещания мусульманским правителям Ирана и Ирака и от своего имени и по полномочию халифа Насира, повелевшего: «Если которое-нибудь из княжеств не выступит, — напасть на это княжество и опустошить». Впрочем, жестокие меры не понадобились — желающих поживиться богатствами Гурджистана оказалось великое множество, а священное знамя пророка должно было способствовать усилению рвения исламских воинов сражаться за веру. Была надежда и на то, что мусульманские союзники Грузии при виде святыни изменят на поле боя и перейдут на сторону Абу-Бекра.

Тавризский чорсубазар¹ славился по всему Востоку своими крытыми торговыми рядами, которые тянулись на несколько кварталов. В круглых куполах его крыши были проделаны широкие отверстия, и через них дневной свет попадал в многочисленные лавки. Из местных това-

¹ Чорсубазар — базар (перс.).

ров выставлены были тонкие шелка и ткани, знаменитые тавризмкие серебряные и золотые изделия, ковры и посуда. Были и привозные товары — роскошные арийские шелка, не имевшие себе равных кашанские ковры с белыми медальонами на голубом фоне; тонкие индийские муслиновые ткани, великолепные хорасанские доспехи; дамаский булат, драгоценные русские меха и льняные ткани; эмалевые кубки из Исфагана, китайский фарфор. С Запада, из Константинополя, поступали рытый бархат и парча, из Италии — флорентийские сукна и миланское оружие. Отдельно помещался невольничий рынок. Здесь продавались девушки и молодые рабы, с изможденными от лишений телами, натертыми для красоты кунжутным маслом. Продавцы похлопывали руками по дрожащему от холода живому товару и громко расхваливали его достоинства. Впрочем, покупатели были непривередливы. Военная добыча давно не поступала на рынок, и цены на рабов поднимались с каждым днем.

Один из первостатейных сарафов-менял — Кулихан сидел в ряду, где производились денежные операции. Здесь отправляющийся в дальнее путешествие купец мог получить кусок темного пергамента с непонятными знаками и тамгой банкира. По такому денежному переводу-барату любой банкир от Самарканда до Каира выплачивал подателю указанную в переводе сумму. Это было очень удобно — в те времена звонкой монеты вообще не хватало и торговля часто производилась в долг, а перевозка наличных денег была небезопасна. Кулихан торговал также восточными пряностями. Последнее занятие прикрывало третье ремесло почтенного сарафа — шпионаж. В свое время Кулихан, попавшийся в каком-то крупном мошенничестве на тбилисском рынке, был искусно завербован покойным Заалом Саварсалидзе. Немало золота и серебра из казначейства перешло в пухлые руки тавризмкого купца в оплату за доставленные ценные и тайные сведения.

У Кулихана в числе торговых служащих было двое кяфиров¹ — Шалва и Смбат — веселый месх и медлительный лориец. Юноши пользовались доверием купца и часто отправлялись в Тбилиси с очередной партией то-

¹ Кяфир — неверный (араб.).

варов. Заодно в пояса приказчиков зашивались и шпионские сообщения тавризского купца. Посылка тайных донесений осуществлялась древнегреческим способом, введенным в практику царской разведки хитроумным Саварсалидзе. На палку определенной длины накручивалась узкая пергаментная лента, и послание писалось вдоль палки через все кольца. Снятое с палки письмо на пергаментной ленте прочесть было невозможно, — это мог сделать только его получатель, имеющий палку такой же длины и толщины.

После смерти Саварсалидзе всех зарубежных лазутчиков передали в ведение войска, где эту тайную работу возглавлял заместитель амирспасалара. По рекомендации вазира Чиабера на эту должность был назначен начальник дворцовой охраны Цихишвили. Это было большой ошибкой. Князь Заза оказался беспечным человеком и растерял большую часть лазутчиков. Лишь донесения Кулихана продолжали поступать в обычном порядке, раз в месяц. Сообщения Кулихана были успокоительные, ничего в Тавризе как бы и не происходило. Цихишвили раскручивал узкие ленты пергамента и спокойно подшивал донесения в особую кожаную папку, а затем прятал папку в большой железный сундук. В последний раз князь Заза соблаговолил побеседовать с посланцем месхом:

— Каждый раз одно и то же пишет ваш Кулихан! Ты ему скажи — если нет ничего нового, можете зря не приезжать. Что попусту тратить пергамент, раз у вас в Иране все тихо и спокойно?

— Слушаю, патроно, — ответил Шалва и пустился в обратный путь.

Смбат очень скучал в отсутствие своего друга. В свободное от работы время он сидел у входа во двор дома и наблюдал за уличной жизнью. Однажды вечером, когда обычно утихает городской шум, послышались необычные звуки. Гремели барабаны, трубили трубы, раздавались клики многочисленной толпы. По улице к дому Кулихана, который отсутствовал, находясь в поездке по своим делам, приближалось торжественное шествие. Впереди шел большой слон с позолоченными бивнями, украшенный разноцветными конскими хвостами. Со спины слона свешивался огромный священный ковер. За слонем двигались вооруженные всадники. Под богатым балдахином несли большое зеленое знамя. Сзади выступали улемы,

вертелись в экстазе дервиши, шла большая толпа айаров¹, воинственно завывая:

— О, Мухаммед! О, Али! Джихад!

Смбат уже несколько лет проживал в Тавризе, бегло говорил по-персидски и сразу понял зловещее значение процессии.

— Зеленое знамя пророка... Джихад... Но это значит — война!

Ночью приехал из Тбилиси Шалва. Когда он передал другу разговор в Тбилиси с князем Цихишвили, Смбат, предостерегающе подняв палец, прошептал:

— Кулихан обманывает — сегодня я видел зеленое знамя пророка на улице...

— Война?! — с ужасом произнес Шалва. — Но тогда и мы с тобой, Смбат, тоже изменники родины. Нет нам прощения!

Смбат побледнел. На его горбоносом лице, покрытом юношеским пушком, появилось выражение растерянности:

— Ты прав, мой Шалва! Что делать?

— Бежать скорее из Тавриза. Этой же ночью, пока Кулихан не приехал.

— Как, оставить подлеца без мщенья?! — с гневом воскликнул Смбат.

— Сейчас не до мести! Надо скорее предупредить наших...

— Но что им сообщим? Что видели зеленое знамя? Какие мы тогда лазутчики? Разве этому нас учили? — возразил Смбат.

— Хорошо, останемся на один-два дня и постараемся узнать у воинов, когда они отправляются в поход и сколько их собралось, — согласился Шалва.

До рассвета не спали друзья и с утра бросились на базар. Воинов там оказалось очень много. Они покупали разные нужные для похода вещи — кремни, огнива, иголки, нитки, чинили доспехи, оттачивали клинки. Молодые лазутчики быстро установили, что передовые части выступают на следующее утро и что войскам у атабека нет числа. Их столько, что они заполнили весь Атрапатан-кан...

¹ Айары — потерявшие землю крестьяне в средневековом Иране; из них создавались отряды для войны с «неверными».

Когда, обернув войлоком копыта коней и вооружившись кинжалами, Шалва и Смбат стали выводить из конюшни лошадей, им внезапно в глаза ударил свет потайного фонаря:

— Куда вас, аллахом проклятых, несет ночью шайтан?

Вернувшийся из поездки Кулихан стоял посередине двора.

Шалва шел впереди. Быстро обнажив кинжал, месх, как барс, прыгнул и вонзил кинжал в горло сарафа. Кулихан захрипел и повалился наземь. Подскочивший Смбат сильным ударом кинжала отрубил голову бывшему хозяину, спрятал ее в кожаный мешок:

— Надо привезти с собой голову изменника! Иначе нас повесят как соучастников...

Бесшумно открыв ворота, лазутчики скрылись в темноте ночи.

Г л а в а XXII

НАШЕСТВИЕ

Впереди шли конные сотни воинственных дейлемитов, табаристанцев и курдов со склонов Эльбурса. За ними в походной колонне двигались многочисленная пехота, вассалы и союзники со своими конными отрядами. Прославленный Сатмаз-ад-дин вел отборное войско — гулямскую гвардию¹ и наемный корпус хорасанских панцирников. За ними ехал сам Абу-Бекр в сопровождении младшего брата Узбека и близкого родича — марагинского атабека Арслана Аксанкорида, прибывшего из крепости Равандуз с большим отрядом конных стрелков. Следом двигались походные камнеметы и огромный обоз — десятки тысяч вьючных верблюдов, мулов, арбы с припасами и снаряжением, гарем атабека, лагерная обслуга — пленные и рабы...

Наступала воинственная Азия! Та самая, что, ряд веков давя и удобряя своими и чужими костями равнины и

¹ Гулямы — отборные части из детей пленных и рабов, воспитанных с детства для военного дела в духе мусульманского фанатизма.

предгорья Кавказа, кровью захлестнула высокую культуру его народов, в десять раз сократила численность населения Грузии и Армении, разрушила почти все города и до начала XIX века удержала в их пределах феодальный строй, отягченный иноземным и иноверным гнетом.

Громоздкое воинство продвигалось медленно. Лишь через несколько дней Абу-Бекр с главными силами подошел к Каравазскому мосту на Араксе. Широко разлившаяся от талых снегов и летних дождей река стремительно катила буро-коричневые волны, унося вырванные водой деревья и кусты.

К берегу подскакала большая конная группа. Впереди всех, на кровном скакуне, в зеленом тюрбане с крупным алмазом и в богатых хорасанских доспехах, маячила фигура Абу-Бекра. К нему подъехал начальник заставы на мосту — мрачный перс в кольчуге и остроконечном шлеме.

— Никто не переправлялся через реку за эти дни? — крикнул атабек.

— При нас никто, великий султан, — почтительно доложил перс.

Абу-Бекр поморщился. Он остерегался этого громкого титула, помня о печальной участи дяди Кызыл-Арслана.

— Ну, а до вас? Что говорит бездельник смотритель моста? — снова спросил атабек.

— За день до нашего прихода двое вооруженных всадников подъехали к мосту и, не заплатив пошлины, проскакали на ту сторону, умчались к Байлакану, — угрюмо ответил начальник заставы.

«Не лазутчики ли?» — задумался атабек. Если проклятые курджики раньше времени проведуют о походе на Тифлиз, они успеют подготовиться. На густо заросшем волосами лице Абу-Бекра мелькнула нерешительность. Но уже через секунду атабек встряхнулся и властно крикнул военному везиру Нидхам-ал-Мульку:

— Во имя аллаха! Начинайте переправу...

Солнце уже клонилось к закату, когда в воротах Лорийского замка раздался конский топот и в замковый двор влетел всадник. Бросив поводья подбежавшему слуге, он стремительно поднялся по парадной лестнице.

Подняв голову на шум шагов, Захарий удивился появлению пятисотника Вардана — старого служащего родовой конницы.

— Беда, ишхан! — пересохшими губами с трудом выговорил пятисотник Вардан. Запыленная одежда и утомленный вид показывали, что старый воин скакал в Лори без отдыха весь день.

— Садись, Вардан, выпей вина, передохни. Рассказывай, что случилось в Тбилиси? — спокойно спросил амирспасалар.

— Бубакар¹ с большим войском переправился через Аракс.

Это была грозная весть.

Амирспасалар поднялся во весь исполинский рост, спросил Вардана:

— Почему прозевали Бубакара?

Ответа не ждал, усмехнулся. На самом деле, откуда честный пятисотник мог знать о всех промахах его заместника Цихишвили, ведавшего лазутчиками?

— Однако беспечно живут мои спасалары в Тбилиси! Но что собирается делать аланский воитель?

— Сослан в бой рвется — храбрый он человек. Да что в нем одном толку? — с горечью ответил Вардан. Старый воин явно чего-то недоговаривал.

— А где князь Цихишвили? — спросил Захарий, в уме что-то подсчитывая.

— В Кутаиси, ишхан Закарэ, собирает имерское ополчение, — докладывал Вардан.

— Еще только собирает? А что делают другие спасалары — Ахалцихели, Махатлидзе, Торели?

— Тоже собирают войска Картли, Месхети. Тебя ждут, ишхан! Но... — Вардан замялся.

— Говори! — в голосе амирспасалара зазвенел металл.

Вардан пробормотал:

— При дворе некоторые люди считают — надобно договориться с Бубакаром! Твой высокородный брат, князь Иванэ, просит тебя немедленно вернуться в Тбилиси. Бубакар посла прислал из Тавриза к царице Тамар, требует...

— Что может требовать проклятый обрезанец от великой царицы Картли? — повысил голос амирспасалар.

Вардан оробело прошептал:

— Царицу в жены себе как будто требует...

Захарий подскочил к пятисотнику:

— С ума сошел, что мелешь, Вардан?!

¹ Абу-Бекр (*груз.*).

— Истинная правда, ишхан. И некоторые люди при дворе болтают, что придется согласиться... — уверял полузадушенный Вардан.

— Согласиться?!

Амирспасалар бросил трепать неповинного пятисотника. Подбежал к окну, высунул голову. Громовой раскат пронесся по всему замку:

— Вахрам!

— Здесь я, ишхан! — отозвался откуда-то старый комендант.

— Объявляй боевую тревогу! Три дыма!

Вскороости все горное плато опоясалось черными дымами. Немного погода со дворов многочисленных селений Лорийской степи стали выезжать в боевом снаряжении всадники. К замку стягивалась знаменитая конница Мхаргрдзели.

В ранней предутренней мгле с Коджорского спуска показался дремотный Тбилиси. Восток розовел безоблачной зарей, предвещая погожий день. По каменистой дороге крупной рысью двигался трехтысячный конный отряд. Всадники ехали молча, утомленные тяжелым ночным маршем. Ветер колебал голубое полотнище с вздыбленным золотым львом. Путники испуганно прижимались к стенам оград и зданий при виде мчащейся конницы... Бурей неся к городу разгневанный полководец.

Во двор Исанского дворца амирспасалар въехал на полном скаку. За ним следовала обычная свита — Ростом со знаменем, пятисотник Вардан и охрана. Из дворца на парадную лестницу выбежал министр двора. С тревогой взглянув на омраченное лицо брата, Иванэ крепко обнял его:

— Наконец-то, Закарэ! Заждались мы тебя...

— Где Сослан?

Резкий тон Захария встревожил министра двора, и он быстро зашептал:

— У себя в покое! И спасалары все собрались. С нетерпением ждут твоего приезда...

На гневном лице амирспасалара на мгновение мелькнула легкая усмешка. Он быстро прошел в распахнутые настежь двери. Иванэ следовал за ним.

В большом покое Давид Сослан сидел за столом и

уже некоторое время внимательно прислушивался к шуму во дворе. Но вот в коридоре послышались тяжелые шаги. Сослан выпрямился и застыл, сделав строгое лицо.

Амирспасалар отдал короткий поклон мужу царицы. Сослан встал. Сделав два шага в сторону неподвижно стоявшего Захария, произнес с чарующей улыбкой на красивом лице:

— Спасибо, мой Закарэ, что вовремя приехал! И я, и Тамар с нетерпением тебя ожидали... — и приветливо протянул руку.

Амирспасалар нехотя ее пожал, сухо ответил на приветствие:

— Выполняю мой долг амирспасалара, батоно Давид! Так что благодарить меня не за что... — И, обернувшись к брату, сурово спросил: — Всем ли эристам царские приказания разослали? Как собирается мтаварское ополчение? Где гвардия, кипчаки? Собирает ли месабджрет-ухуцес¹ хлеб для воинов и корм для коней?

Сослан ответил за оторопевшего от вопросов министра двора:

— Гвардейцы и кипчаки Савалт-хана у Красного моста, на реке Кция, стоят, амирспасалар. Охраняют переправу. Картлийские и кахетинские знамена понемногу начинают собираться. Ждем ширваншаха Ахсатана с Амирмираном и имерских эриставов вместе с амирахром Цихишвили. Зерно и сено везут день и ночь к лагерю у моста.

Амирспасалар недовольно заметил:

— Вижу, время здесь теряете! Прозевали Бубакара — теперь народ будет безвинно страдать... Пошлите немедленно гонцов ко всем неприбывшим эристам, предупредите, что за малейшее опоздание строго буду разыскивать!

Снова обернулся к Иванэ, произнес грозно:

— Проследи, Иванэ, за языками царедворцев. А то поставлю на базаре виселицу, начну пачками вешать твоих болтунов и трусов!

Министр двора побледнел, услышав упреки брата. Но тот уже обратился к Сослану. Усмехаясь в усы, сказал более спокойным голосом:

¹ Месабджрет-ухуцес — начальник материального снабжения войск в Грузии XII в.

— Мы покажем Бубакару, как сватов к царице Картли посылать!

От неожиданных слов лицо Сослана радостно и несколько смущенно вспыхнуло. Отлегло от сердца и у министра двора — разговор со вспыльчивым амирспасаларом стал принимать более мягкий характер. Оправившись от неприятного впечатления, Сослан любезным жестом пригласил обоих братьев Мхаргрдзели к столу. Захарий сел и глубоко задумался. В покое наступило молчание.

— Когда Бубакар через Аракс переправился? И сколько войск он ведет с собой? — спросил наконец амирспасалар.

— Порубежники доносят — переправу через Каравазский мост он начал пять дней назад. Войска у него — без числа! — ответил Сослан.

Амирспасалар насмешливо фыркнул:

— Нечего сказать, точные сведения! Но почему проклятый Кулихан не прислал вовремя сообщения о том, что Бубакар готовится выступить?

— Кулихан убит за измену своими же связными. Они первые прискакали на границу, подняли тревогу, привезли отрубленную голову предателя...

— Вот как! Значит, я не прав — вашей вины тут нет, виноват мой заместитель! А связные — молодцы! Надо их наградить, Иванэ...

Подумав некоторое время, амирспасалар сказал Сослану:

— Начнем военный совет. Прикажи, батоно Давид, пусть войдут спасалары.

Большой царский покой быстро заполнился военачальниками. Присутствовал весь цвет грузинского войска. Первыми вошли убеленные сединой Кахабер Кахаберидзе и Рати Сурамели. Захарий встал с места и с низким поклоном приветствовал маститых воителей, пожелавших присутствовать на военном совете. Князь Кахабер отечески обнял молодого полководца, тихо молвил:

— Вся ответственность за Картли лежит ныне на тебе, мой мальчик! Не посрами же славы великого отца...

Когда все спасалары расселись, Захарий открыл заседание совета. Обрисовав создавшееся опасное положение страны вследствие измены лазутчика и близости много-

численного врага, уже вступившего в пределы Аррапа, амирспасалар стал развивать план военных действий.

— В долину Аракса Бубакар не пойдет — там трудно в эту пору прокормить многочисленную конницу да и грабить некого, все города в Айрарате сейчас в руках его союзников и вассалов. Двинувшись через Каравазский мост в Арран, он избрал наивыгодный путь. Конечно, по дороге его орды займутся грабежами сел и деревень Дизака, Муханка, Хачена и других армянских пограничных областей, и к Гандзе атабаг с главными силами раньше пяти-шести дней не подойдет. Но его передовые конные части, вероятно, уже находятся на подступах к городу... Пусть занимает враг Гандзу! Там эмиром сидит его друг и вассал, нам нельзя попадать между двух огней — и город осаждать, и с Бубакаром сражаться. Дальше Бубакар пойдет на Шамхор и Тбилиси, по равнине мимо гор, по правому берегу реки... — После небольшой паузы бросил решительно:

— При огромных обозах и множестве пехоты Бубакар неизбежно растянет походные колонны и на Шамхорских высотах захочет навести порядок в войсках! Вот мы и спутаем ему карты, дадим встречный бой на поле перед Шамхором...

Осторожный Чиабер Торели стал возражать:

— Батоно амирспасалар, Шамхор весь в садах и река с обрывистыми берегами, а городская ограда — на возвышенности. Если Бубакар там укрепитя, трудно будет брать Шамхор!

Амирспасалар спокойно ответил:

— А мы его из садов выманим! Согласны ли с моим планом, господа спасалары?

Сдержанный гул голосов подтвердил одобрение слов Захария. Двери зала распахнулись. Амирэджиби возгласил:

— Царица великая, опора мира и веры!

Все встали. В зал вошла Тамар. На бледном лице правительницы Картли читалась большая тревога. Воспаленными от бессонницы глазами она оглядела присутствующих спасаларов. Прямо смотрели суровые загорелые лица, полные решимости. Немного отлегло от сердца...

Простая речь Тамар понравилась закаленным в боях воителям, людям трезвых мыслей, полагающимся только на силу мышц, воинский опыт и бранную доблесть. При-

звав всех военачальников выполнить свой долг и мужественно отразить нападение грозного врага, Тамар обратилась к амирспасалару:

— Я считаю, что амирахор Цихишвили своей беспечностью поставил под угрозу безопасность царства нашего. Надо его сменить! Кого же ты предлагаешь назначить заместником, князь Закарэ?

— Спасалара Торели, государыня! — не раздумывая, ответил Захарий.

— Согласна. Подготовь указ о его назначении, я подпишу.

На этом заседание военного совета закрылось.

Глава XXIII

НАРОДНАЯ ВОЙНА

Абу-Бекр всегда считал, что «война должна питать войну же!». Иначе говоря, поголовный грабеж вражеских областей должен обеспечивать питание людям и коням, а пленные и всякая другая добыча вознаградят пехлеванов. Однако осторожный военный везир Нидхам-ал-Мульк был иного мнения о предстоящем походе и осмелился это высказать на совете в Тавризе.

— Великий из великих знает, что поход в Гурджистан мы начинаем, с помощью аллаха, до жатвы. А стало быть, у гяуров сейчас в закромах пустовато! Муку и ячмень придется везти с собой...

— А мясо? — проворчал недовольно атабек. — Ты забыл о тучных отарах, что пасутся на склонах гор!

— Мясо добудут мои джигиты! — уверенно вскричал смелый Сатмаз-ад-дин.

— Хоп! — и атабек закрыл военный совет.

Немного хозяев богаче старого Серопа насчитывалось в большом селе, что находилось у выхода реки Хачингэт на Утикскую равнину. Каждую весну два вецкэ¹ выводили в поле старшие сыновья, а на пастбищах триста овец стерегли младшие. Сам Сероп был пчеловодом и ежегодно вывозил на летовку до пятидесяти ульев. И хоть

¹ Вецкэ — железный плуг с тремя парами волов (арм.).

осенью и обсчитывал безбожно наглый княжеский управитель Богос и не забывал тэр-Саргис взимать «божью десятину» и подношения по праздникам, все-таки кое-что семье оставалось...

Жил Сероп, высокий мускулистый старик, с обликом и повадками ветхозаветного патриарха, в дедовском доме и строгий порядок держал среди многочисленного потомства. В это погожее июньское утро, покончив с сенокосом, семья отдыхала на дворе. Под кроной вековой туты глава дома неторопливо отдавал распоряжения по подготовке жатвы:

— Косы и серпы отобьешь сегодня же, Торос. А ты ярмо у молотильной доски почини! — обратился Сероп к другому сыну.

Дробный топот копыт прервал наставления старика. Во двор на взмыленном коне влетел младший сын — чабан. Кровь текла по его загорелому лицу.

— Беда, отец! Дейлемиты убили Мацака, всех овец угнали, — прохрипел чабан и свалился замертво с коня.

Сначала все окаменели. Потом старая мать подскочила к упавшему сыну, схватила в объятия, заплакала, запричитала:

— Вай! Убили сыночков, убили!..

В один голос, как эхо, царапая лица, запричитали и остальные женщины:

— Вай! Мацак-джан!

Встав с места, Сероп сдвинул густые брови:

— Рану промой, мать, перевяжи! — С тревогой стал прислушиваться к шуму на улице. Быстро вышел за ворота.

В селе уже стояла тревога. С криками бегали жители, выгоняя из хлевов скот, торопливо грузили скарб на арбы. По улице проскакал небольшой отряд — убегал княжеский управитель со своими подручными. «Спасаются в Хоханаберд, к ишхану Григору!» — с горечью подумал Сероп. Вернувшись, он громко закричал близким:

— Собирайтесь! Чего ждете?

Поздно! Бешеным наметом, оглашая воздух гортанными криками, в село ворвались многочисленные всадники в косматых папахах...

Дым низко стлался вдоль сельской улицы. Горели подожженные обозленным врагом пустые сараи. За оклицей, поднимая густую пыль, мычала угоняемая ско-

тина. На улице стояли опрокинутые арбы — и быков и самое ценное из скарба забрали дейлемиты. Кое-где у ворот лежали на земле побитые собаки — они честно сражались за своих хозяев. Из домов доносились выкрики, причитания женщин. Оплакивались убитые и угнанные в плен люди. На крыльце своего дома, охватив руками седую голову, сидел старый Сероп, весь отдавший горю по убитым сыновьям, по разоренному дому...

Холодно в Арцахских горах в июньскую ночь. Из ближнего ущелья к предгорью тянуло гарью пожаращ. Поеживаясь от резкого ветра с гор, у костра собрались воины передовых отрядов атабека, хвастались добычей. Понемногу начались обычные рассказы — надо же скоротать долгую сторожевую ночь... Старый воин из Дейлема, что расположен в горах близ Каспийского моря, протягивая к огню морщинистые узловатые руки с желтыми ногтями, повествовал:

— Очень давно это было, джигиты! Однажды прислал арабский правитель Хаджи-ибн-Юсуф к нашим дедам приказ — принять ислам или согласиться на джизию. Наотрез отказались наши горцы и от того, и от другого. Тогда Юсуф повелел своим факихам¹ сделать изображение Дейлема со всеми его долинами, горами, ущельями и лесами. Все это было ему изображено. И позвал тогда Юсуф находившихся у него дейлемских послов и так сказал им: «Непокорные, есть у меня изображение вашей страны, и я вижу в нем соблазн! Согласитесь, упрямцы, на то, к чему я вас призываю, прежде чем я отправлю в поход против вас мои непобедимые войска, разорю вашу страну, перебью бойцов и пленю детей». И ответили послы Юсуфу: «Покажи нам это изображение, которое вызвало в тебе такую жадность к стране нашей». Правитель приказал подать изображение. Внимательно осмотрели послы изображение и сказали так: «Правду тебе сообщили факихи о нашей стране — это ее изображение! Только вот не изобразили они тех пахлеванов, которые защищают наши ущелья и горы! Ты их увидишь сам, если попытаешься взять Дейлем». Сильно разгневался Юсуф и отправил войска под начальством сенах-

¹ Факих — ученый (араб.).

салара Мухаммеда. Но тот ничего не мог сделать с нашими джигитами и, опозоренный, вернулся в Казвин...

Из темноты чей-то низкий голос протяжно спросил:

— Ата, а наш атабек имеет изображение страны курджиев?

— Не знаю я этого, бахадур, — признался старый горец.

Голос из темноты продолжал:

— Потому спрашиваю, что, говорят, много пахлеванов у царицы курджиев и нелегко будет одолеть их...

Весь Тбилиси высыпал на улицы, когда через город начали проходить войска ополчения. Огромная толпа запрудила узкие улицы от городских ворот до базарной площади. С громкими возгласами люди врывались в ряды воинов, обнимали их, одаривали, на ходу подносили чары с вином. Женщины с рыданиями протягивали маленьких детей, призывая божье благословение на защитников и на их оружие. Пронзительными звуками зурны встречали войска на базаре многочисленные ремесленные братчины со своими знаменами. В воздухе непрерывно гремели клики «Ваша!». Из храмов в торжественном облачении выходили священнослужители, неся зажженные свечи и иконы, с пением псалмов благословляли воинов, окропляли святой водой. На плоских кровлях, на балконах и у окон толпились горожане, слышались их добрые напутствия. В ответ воины поднимали вверх оружие и пели старые боевые песни. Необычайное одушевление царило в городе...

Захарий, как всегда, ехал вслед за передовым отрядом. За ним стройными рядами двигались гвардейцы, которыми командовал Шалва Ахалцихели. Амирспасалар с сосредоточенным видом прислушивался к бурным выкрикам на разных языках, изредка поднимал в ответ руку в боевой перчатке.

— Разбей врага, батоно Закарэ!

— С победой возвращайся, великий ишхан!

Войска прошли предместья и, миновав Крцанисские сады, вступили на равнину. Перед ними раскрылась выгоревшая под солнцем каменная степь вдоль зеленой поймы Куры. Из-под копыт коней вылетали крупные кузнечики. Тяжело хлопая крыльями, снимались большие

черные птицы. Войско быстрым ходом шло по Гандзакской дороге навстречу неприятелю.

Военный лагерь был разбит на Хунанской равнине у Красного моста, на реке Кция, недалеко от места ее впадения в Куру. Здесь уже находились кипчаки и часть конной гвардии. Вызванные Давидом Сосланом, спустились из-за хребта конные сотни плечистых аланов. С двадцатитысячной конницей явился верный сюзник Ахсатан в траурной одежде. У него погибла семья во время ужасного землетрясения, разрушившего половину Шемахи. Тamar самолично прибыла в лагерь. Предстоял царский смотр — по обычаю.

Вечером в шатер амирспасалара пришли князь Иванэ и амирахор Торели для получения последних распоряжений. После обсуждения порядка размещения войск на смотре Иванэ спросил брата:

— Как я понял на военном совете, тебе не дают покоя лавры карфагенянина Ганнибала и ты хочешь устроить свои «Канны» Бубакару, не так ли?

Захарий сидел на походной тахте. Его громадная тепа падала на стенку шатра.

— Не совсем так, Иванэ, — ответил он задумчиво и, обращаясь к Торели, спросил: — Дорогой, хорошо ли разобрались с Аспаанидзе, как ему в предстоящем бою следует действовать?

— Да, батоно Закар! — вытянувшись, ответил Торели. В походе он не признавал иного обращения к другу. — При наступлении неприятельской пехоты ему надлежит сначала принять бой, а потом отступить на левый берег реки Шамхор и там закрепиться.

Иванэ снова вмешался:

— Ну, конечно! Почти так же поступил и Ганнибал со своей африканской пехотой!

Амирспасалар усмехнулся:

— Еще раз говорю тебе, не совсем так! Кроме глубокого охвата тылов противника, что должен осуществить Давид Сослан со своими аланами и кипчаками, я сам поведу тяжелую конницу на панцирников Бубакара, ударю в лоб. Вот это ты упустил из виду, Иванэ!

В свою очередь задал вопрос Торели:

— А почему ты упразднил луки у тяжелой конницы, батоно? Сам же рассказывал, что у византийцев были превосходные панцирники — конные стрелки!

— Катафрактерии Велизария были отличными стрелками на конях, это верно, — согласился Захарий. — Но они не использовали все свои возможности. Я же не признаю боя издалека для конницы, только врукопашную, с мечом в руках! Тогда сила меча умножается на скорость коня. Понятно? Наша конница должна иметь большую скорость при встрече с конницей противника, а значит...

— Мы должны раньше конницы Бубакара пойти в атаку! — с заблестевшими глазами крикнул Иванэ.

— Правильно. Но не забывайте, друзья, о том, что у Бубакара прекрасная и многочисленная конница на резвых скакунах. Особенно гулямская гвардия и хорасанцы! — заключил Захарий.

В палатку вошел оживленный Давид Сослан и уселся рядом с амирспасаларом. Тот, помрачнев и смотря куда-то в пространство, сказал:

— Больше всего я опасюсь за мтаварские ополчения! Хуже всех вооружены их воины, да и плохо обучены некоторыми нерадивыми эриставами. Мало я с них выискивал, винюсь! Придется поставить княжескую конницу позади. Как твои аланы, патроно Сослан?

— Каждый в одиночку десятерых стоит! — похвалился Сослан.

— А вместе беспорядочной ордой пойдут? — подхватил шустрый на язык Иванэ.

— Неверно говоришь, князь Иванэ! — с достоинством отрезал Сослан. — Когда я аланским полком командовал, не хуже царской гвардии строй мы держали.

Беседа затихла. Давид Сослан встал и, поклонившись присутствующим, промолвил:

— Великая царица приглашает вас на прощальный ужин перед походом. Прошу следовать за мной!

Редко встречалась Тамар после своего второго замужества с амирспасаларом, постоянно занятым военными делами. На ужине Захарий, как первое лицо в походе, был усажен по правую руку царицы. По левую руку восседал в шелковой рясе с алмазным крестом на груди преосвященный Антоний. Давид Сослан, как хозяин, сидел напротив Тамар и распоряжался пиром.

По дедовскому обычаю, перед боем в обширном шатре скоро зазвучала древняя боевая песнь. Тамар, наклонив прекрасную голову в жемчужном уборе, тихо спросила амирспасалара:

— Ты победишь Бубакара, Закарэ?

Захарий в первый раз за вечер внимательно посмотрел на осунувшееся, полное тревоги лицо царицы. Мягко ответил:

— Государыня, женщины Древней Греции, посылая своих мужей на брань, так напутствовали их: «Возвращайся со щитом иль на щите!»

Тамар отшатнулась. Тотчас же, широко открыв звезды-глаза и глядя в упор, раздельно вымолвила:

— Я хочу... нет, я буду слезно молить у господа бога — да вернется победно со щитом меченосец Картли! Захарий ничего не ответил царице.

Огромное войско выстроилось на обширной равнине между реками Курой и Кцзия в обычном порядке. На поле были выведены конная гвардия, конница из Лори, кипчакские полки, аланские отряды, мтаварские ополчения двадцати эриставств Картли, а также союзные полки Ширвана.

Яркое солнце заливало равнину, сверкало на шлемах, железных латах, кольчугах и оружии, на расписанных яркими красками щитах.

Высоко реяло в центре знамя амирспасалара Захария — длинная полоса голубого шелка с вздыбленным львом. Рядом с ним развевалось белое царское знамя с гербом Багратунианов.

Царские палатки стояли полукругом на зеленом холме, возвышающемся против обширного лагеря. После того как все отряды были выстроены, большая процессия медленно направилась к переднему краю войск. Впереди, в патриаршей мантии, с золотыми иконками на воротнике, торжественно выступал новый католикос Тевдорэ. Он высоко держал на вытянутых руках главную святыню Картли — крест св. Нины. За ним два седовласых епископа с бережением несли златокованную икону Вардзийской божьей матери. Далее изумленные воины увидели никогда не виданное: в черном одеянии, босая, смиренно шла сама великая царица, с молитвенно сложенными на груди руками. На некотором расстоянии от Тамар двигались многочисленное духовенство столицы в золотых ризах и весь тбилисский двор в парадных одеждах. По древнему обычаю, верховная правительница Картли при-

была к войску, чтобы самолично испросить у бога победу над неверными и благословить воинов на ратный подвиг.

Резкие звуки военных труб пронизали воздух, войска замерли в ожидании. Все спасалары выехали из рядов и спешили. Сзади стали знаменосцы. Когда царское шествие приблизилось к войску, по полю прокатился громовой голос:

— Внимание! Слава царице царей!

И амирспасалар с обнаженным мечом вышел навстречу властительнице. Воздух взорвался от многоголосого клика «Ваша!». Сверкнули на солнце тысячи и тысячи клинков. Благоговейно преклонили колени спасалары перед святынями, и старые знамена склонились перед Тамар.

С трудом ступала царица босыми ногами по каменной земле, направляясь вслед за католиком Тевдорэ к походному алтарю. Из ее глаз непрерывно текли слезы. В неизбывной тревоге жарко молилась Тамар и вместе с ней все войско об одолении вторгшегося врага...

Много лет спустя переписывал летописец в келье монастыря на далеком севере древнее сказание и умилялась русская душа его перед образом «дивной царицы Динары¹, како победиша перского царя и перед битвой пеша и необувенными ногами по острому камню и жесткому пути иде...»

Г л а в а XXIV

ШАМХОР

После молебствия и благословения боевых знамен смотр закончился объездом царицей выстроенных войск в сопровождении военачальников. Тамар, в том же темном одеянии, ехала на белом арабском скакуне с золотым седлом. Внимательно вглядывалась царица в лица кричащих в неистовом восторге людей. Иногда она поднимала руку в знак приветствия, осеняла крестом ряды воинов. Затем амирспасалар Захарий выехал вперед и подал знак. Снова запели медные трубы, завывли букцины, загремели боевые барабаны. Войско стало перестраиваться

¹ Царица Тамар.

в походный порядок. Вперед вышли сторожевые заставы. За ними двинулись длинные колонны пеших и конных полков. Перейдя реку Кция, они на несколько десятков стадий вытянулись по Гагской равнине и двинулись через Тавуш к восточному рубежу царства — городу Шамхор. Слева зеленели рощи в пойме реки Куры. Справа тянулись невысокие серо-синие горы — там владел старым князь Вахрам.

Стотысячное войско шло, уминая выгоревшую траву, топча созревающие хлеба и яркую зелень хлопковых полей.

«Все ли сделано для победы? — думал Захарий. — Ведь не только надо разгромить Абу-Бекра, но и навсегда покончить со зловещей силой, что поддерживает из Тавриза эмиров в Армении, выполнить заветную мечту великого отца, подрубить тот сук, на котором держится все это воронье!»

Не терпелось встретиться с войсками атабека. И армия шла усиленными переходами, пешие и конные за двое суток покрыли 20 фарсахов. Захарий хорошо понимал, что даже при огромном превосходстве в силах опытный полководец, каким являлся атабек Абу-Бекр, не преминет использовать все преимущества Шамхорских высот, единственного удобного места на всем протяжении от Гандзака до Тбилиси, для накопления растянувшихся в походе частей и для развертывания боевых порядков. Однако по опыту предыдущих войн Захарий было известно и то, что восточные военачальники обычно не умеют согласованно использовать свои разноплеменные отряды. Он вел полки усиленным ходом, стремясь атаковать противника до подхода всех его войск. Ширванские легкоконные полки шли впереди, служа проводниками. На осторожный вопрос амирспасалара, не изменят ли мусульманские воины при виде священного зеленого знамени пророка, Ахсатан спокойно ответил:

— У нас тоже знамя с полумесяцем! И разве мой дед, великий Аффридун Кесранид (да озарит аллах его могилу!), не разбил вместе с царем курджиев Давудом тех же сельджуков и не взял в плен четыре тысячи человек? А когда мой отец, преславный Менучехр, попал в плен к презренному султану Махмуду, — разве не пришли ему на помощь храбрые курджи и славной победой при Шемахе не обеспечили свободу моему царству?

И разве мне самому не помог отец царицы Тамар (да увековечит аллах ее царство!), отогнав негодных кипчаков от ворот Дербенда? Не место Ильдегизидам в Арране! Кроме, конечно, моего зятя Амирмирана — ему после победы советую отдать Гандзу!

— А ведь он из Дешт-и-Кипчака родом, как и наш Савалт-хан! — рассмеялся в ответ Захарий.

К вечеру второго дня союзная армия расположилась биваком у подножья большого известнякового утеса между речкой Закам и поймой реки Куры, в одном переходе до Шамхора. От Закама до реки Шамхор тянулась равнина, шириной в 30—40 стадий, плавно спускающаяся от невысокого горного хребта к Куре. Здесь амирспасалар назначил войскам дневку перед боем.

Ночью прискакал эристав Сагир Махатлидзе, высланный в дальнюю разведку в сторону Гандзы. Вести были неутешительными. Все пространство от Шамхора до Гандзы и далее по долине, к городу Бердаа, было заполнено вражескими войсками и их обозами, «многочисленными, как саранча и как морской песок», уверяли сопровождавшие эристава всадники. Армия атабека, получив сведения от лазутчиков о выходе войск курджиев из Тбилиси, уже надела боевые доспехи и двигалась, имея позади свои огромные обозы с десятками тысяч вьючных верблюдов и мулов. Шамхорские высоты были прочно заняты передовыми отрядами противника. На почном военном совете было принято единодушное решение — после однодневного отдыха, на рассвете следующего дня повести наступление на Шамхор, опережая подход неприятельского войска.

Ранним утром амирспасалар и Давид Сослан отправились на обзор местности. С ними ехали Иванэ, Амирмиран, Чиабер Торели, Савалт-хан, братья Ахалцихели и другие спасалары. Под Сосланом был знаменитый на весь Кавказ арцахский жеребец светло-рыжей масти, которого он получил в дар от князя Григора. (Отдарок был немал — муж царицы передал во владение хаченскому князю старинную армянскую крепость Гардман.) Поднявшись на известняковый утес у реки Закам, военачальники увидели вдаль на горизонте, в направлении Гандзы, густые облака пыли: подходили бесчисленные вражеские войска. Но на плоской равнине, до самого Шамхора, не было заметно никаких отрядов, она казалась безлюдной,

передовые части атабека, видимо, скрывались в садах и за городской оградой Шамхора.

У Иванэ вырвалось невольное восклицание:

— Вот бы сейчас на них напасть, Закарэ, во время движения! Как учил нас покойный отец...

— Усталым войском? — коротко бросил амирспасалар и стал съезжать с горы для ближней разведки.

Окруженный невысокой каменной оградой с воротами, выходящими на мост, город был расположен на правом берегу реки Шамхор. К северу от моста берег возвышался над речным руслом; левый берег был более крутым, но значительно ниже правого. К югу, в сторону поймы Куры, тянулись сады, виноградники и рощи. Сады были и в северных предгорьях. Перед городом, в направлении Закама, где располагались лагерем союзники, простиралась ровная, как стол, равнина, образуя между предгорьем и рекой Шамхор площадку, удобную для действий конницы. Сам город казался вымершим, доносились лишь лай собак да изредка — ржание копей.

Амирспасалар громко сказал Амирмирану, показывая на равнину перед Шамхором:

— Вот на этом месте мы и будем с тобой, Омар, рубить конницу твоего высокородного брата!

— А мой братец так уверен в своем превосходстве, что даже сторожевого охранения в поле не выставил! — усмехнулся Амирмиран.

— На том берегу он себя как в крепости чувствует! Узнал через своих лазутчиков, что войска много больше нас имеет, и успокоился! — отозвался Захарий и стал показывать военачальникам их места в намечаемом ходе сражения:

— Смотри, Аспаанидзе, вон на том берегу блестит оружие в садах и люди возятся около каких-то арб! То враги устанавливают свои камнеметы. Так что, дорогой, будь готов, кроме стрел на твоих храбрецов и камни полетят! На берегу поставишь месхов, пусть они через реку ведут меткую стрельбу по противнику. А сам ты с остальными горцами спустишься в русло реки и будешь пробиваться к тому берегу...

Великан в темной кольчуге мрачно ответил:

— Большие потери в людях будут, патроно Закарэ!

— Знаю, дорогой, но ничего не поделаешь! Тебе надо приковать вражескую пехоту у реки и потом ложным

отходом выманить вражескую конницу на равнину в нужное место — вот сюда, между рекой и холмами, где ей будет трудно разворачиваться для охвата нашей конницы, которую я поведу сам. Справа пойдут конники Амирмирана, — объяснил амирспасалар. И обратился к Сослану: — Государь Давид, я думаю, что тебе удобнее будет провести своих аланов и кипчаков Савалт-хана там, где берег реки ниже, скрываясь за теми садами и рощами, и глубоким обходом слева выйти в тыл правого крыла Бубакара.

— А если атабек всю свою конницу тоже расположит на правом крыле, как тогда быть? — задумчиво спросил Сослан.

— Нет, там ему помешают деревья и сады, главные силы атабек может развернуть только на левом крыле. На правом он должен оставить лишь небольшой заслон! — возразил Захарий. Снова обращаясь к Аспаанидзе, озабоченно предупредил:

— Не зарывайся в бою, береги людей! Как только увидишь второй столб дыма на моем холме, не спеша начинай отступление. Понял?

— Понимаю, патроно амирспасалар!

Лунная ночь стояла над огромным лагерем. Костров не зажигали, не желая привлечь внимание врага. До самого Шамхора рыскали по равнине многочисленные разезды кипчаков и ширванцев. Тысячи коней паслись в пойме Куры, недалеко от лагеря. Из-за реки доносился плач шакалов. Лагерь спал чутким сном перед боем...

Немного отдохнув, амирспасалар вышел после полуночи из шатра, разбитого у подножья известнякового утеса. С положенного на землю седла приподнялась чья-то голова. Захарий всмотрелся; увидел старого конюшего:

— Ты что здесь делаешь, Самвэл?

— Караулю, ишхан. Вот палатка моего царя! — важно ответил Самвэл.

Еще несколько голов приподнялось с земли. Воиннам не спалось после дневки; узнав амирспасалара, они почтительно встали.

— Почему встали? Разве нужно ночью отдавать почесть? Порядок не знаешь, Парсадан! — тихо заметил Захарий.

Старый конник служил в гвардии еще при пароне Саргисе. Он с ухмылкой ответил:

— Оно так, патроно Закарэ, а все-таки...

Захарий уселся на седло. Около него стояли Самвэл, Парсадан, другие старые воины. Беседу начал Самвэл:

— Прости меня, ишхан, одно слово хочу тебе сказать...

Амирспасалар давно был знаком с причудами Самвэла.

— Что скажешь нового, Самвэл? — с улыбкой спросился он.

— Нового нет ничего, кроме того, что завтра бой с врагом. А вот что я хочу сказать тебе: опять в самую гущу сечи полезешь, ишхан! Себя ты не жалеешь, нельзя так...

— А где мне еще быть, Самвэл? — смеясь ответил Захарий. — В обозе оставаться, что ли, вьючных мулов пасти?

Тут в разговор вмешался Парсадан:

— Не смейся, патроно, старый сомхитар правду молвил! Береги свою жизнь, она наша, а не твоя...

Растроганный солдатской заботой, амирспасалар негромко пояснил:

— Вот потому-то, Парсадан, что моя жизнь принадлежит всему народу, я впереди всех и должен биться!

Парсадан хотел что-то возразить. Но тут в лунном свете появилась конная фигура, Торели негромко доложил:

— Уже вторые петухи пропели, государь амирспасалар! Дозволь людей поднимать... За конями я уже послал, скоро коноводы их подведут...

Начинался тяжелый ратный день.

Светало. Июньское солнце озарило обширную равнину и темные ряды войск. Боевые распорядки союзной армии были развернуты в десяти стадиях от городских ворот и моста через реку Шамхор.

В первой линии, прямо перед высотами, находилась месхская пехота эриставств Самцхе, Джавахети и Тао-Кларджети, вооруженная луками, стрелами, короткими мечами и кинжалами. Несравненные лучники, гордые месхи, никому не уступали права первыми начинать бой. Ими командовали Захарий Аспаанидзе и братья Григо-лидзе.

Во второй линии стояла главная ударная сила — тяжелая конница под личным командованием амирспасалара. В первом эшелоне, в развернутом полковом строю, находились латники гвардии, вооруженные длинными мечами и копьями, под начальством Шалвы и Иванэ Ахалцихели. Во втором эшелоне, в том же строю, стояла прославленная лорийская конница, которой командовал князь Иванэ. Позади первых эшелонов темнела большая масса эриставской конницы — абхазы, имеры, сваны, рачинцы, карталинцы, кахетинцы и эретцы во главе со своими эриставами. Справа располагались легкоконные ширванские полки Амирмирана. В третьей линии, в десяти стадиях от главных линий, стояла запасная конница Давида Сослана — аланы и кипчакские туманы Савалт-хана.

На холме под голубым знаменем со львом высилась конная фигура амирспасалара. Рядом с ним стоял наготове у стогов сена сотник Ростом. Властным голосом отдавал амирспасалар последние приказания. Заметив царя Абаса с неизменным Самвэлом, он ободряюще крикнул юному зятю:

— Первый бой — первое крещение витязя!

Абас улыбнулся.

Захарий обратился к спасалару гвардии Ахалцихели:

— Возьмешь царя к себе, Шалва! — И тихо добавил: — Не отпускай его от себя ни на шаг, молодость горяча!

— Рядом со мной будет сражаться, патроно амирспасалар! — понимающе отозвался Ахалцихели.

Захарий поднял руку, подавая знак к началу сражения. Ростом быстро высек кресалом огонь и поджег первый стог сена.

— Слушай, Нидхам, в день боя, когда смотришь на стоящее перед тобой вражеское войско, смейся и говори своим пахлеванам: «Кто они, каково их происхождение? Вот сейчас мы их истребим!» — поучал Абу-Бекр своего военного везира, с помощью нукеров осторожно спускаясь с коня (он был тучен и малоподвижен).

Во дворе Шамхорской мечети, у входа в знаменитый минарет, атабека с низкими поклонами встретило местное духовенство. Вокруг столпа, на большой высоте, вилась

арабская победная надпись с именами грузинского царя Баграта III и его полководца Липарита. Надо было осмотреть местность с минарета. Кивнув головой муллам, атабек проследовал за поджарым везиром внутрь минарета, сопя, стал подниматься по витому ходу. Когда Абу-Бекр, тяжело отдуваясь, вышел на узкую площадку с перилами и оглядел простирающуюся внизу равнину, он сразу забыл свои высокомерные советы... По ту сторону реки, на обширном ровном поле, сколько мог охватить его взор, в лучах восходящего солнца темнели стройными рядами полки курджиев.

Впереди стояли длинные пехотные цепи. Далее виднелись густые колонны панцирной конницы, а на правом крыле — легкоконные отряды под знаменем с полумесяцем.

Атабек почувствовал, как по телу прошел легкий озноб, с ненавистью прошипел:

— Проклятый Омар! Сам Эблис надоумил его связаться с презренными курджиями! Успели-таки подготовиться к бою...

Сделав усилие над собой, Абу-Бекр стал оглядывать равнину с высоты. По Гандзакской дороге, поднимая желтую пыль, непрерывно подходили войска. Их многочисленность несколько успокоила Абу-Бекра. «Нас, по крайней мере, вдвое больше! Пусть курджии с негодным Амирмираном храбрятся. Все равно раздавим!» Он обернулся к везиру:

— Нидхам! А ты правильно разместил серхенгов?

— О, щит ислама, лучших людей я послал на правое и левое крыло, как нас учили старые сепаксалары! — заверил Нидхам-ал-Мульк и начал подробно перечислять имена серхенгов.

Атабек нетерпеливо прервал его:

— С лучшими людьми стань позади войска, Нидхам! Если бой дойдет до тебя, крепко бейся, до смерти! Ибо, кто приготовился к смерти, того с места не сдвинешь... — С этими мудрыми словами атабек стал спускаться, осторожно протискиваясь грузным телом по крутым виткам лестницы минарета.

Под большим деревом у южных городских ворот Абу-Бекра ждали эмиры и серхенги. Нукеры держали наготове оседланных скакунов.

Увидя приближенных, бездействующих в ожидании его приказаний, атабек обозлился. Садясь на поспешно поданного берберийского жеребца и разбирая поводья, Абу-Бекр раздраженно выкрикнул:

— Чего вы здесь стоите без дела, эмиры? Или вас ослепил Эблис? Разве не видите, что пехота курджиев уже двинулась с места?! Нидхам, почему молчат камнеметы, что делают пешие лучники?

— По повелению великого султана, пеших табаристанцев и дейлемитов с камнеметами я поместил на берегу реки в садах. Сейчас они сомнут гяуров! — заверил везир.

Атабек поморщился, как всегда при упоминании опасного титула, но сейчас было не до того. Начинался бой...

— Скачи к ним, Нидхам, и еще раз крепко накажи серхенгам — пусть не вздумают выходить из укреплений навстречу курджиям, пока не взвьется знамя пророка! Пусть стреляют по врагу, наносят ему сильный урон. Я еду с Сатмаз-ад-дином к коннице...

Атабек пустился вскачь туда, где за Шамхором в ожидании боя стояла тяжелая конница. Многочисленная свита вразброд поскакала за ним.

Увидя условленный сигнал — столб дыма на холме, Аспаанидзе повел в наступление пехотные цепи. Впереди шли стрелки, держа каждый на левом плече длинный лук и пучок стрел в правой руке. За ними размеренной поступью двигалась остальная горская пехота. Дойдя до крутого левого берега реки Шамхор, лучники остановились, вздели тетивы и с расстояния трехсот шагов пустили тучу стрел в показавшегося из укрытий противника. Враги немедленно ответили залпом из камнеметов и поранили несколько человек. Тогда Аспаанидзе, обнажив меч, первым стал спускаться к пойме. За ним неотступно следовали братья Григолидзе. Горская пехота, держа наотвес короткие копыя, проворно скатывалась с кручи берега вниз и, пробежав по пойме к руслу реки, стала переправляться по пояс в воде, под градом стрел и камней. Месхи дружной стрельбой из луков старались поддержать свою пехоту, которая уже карабкалась по склону противоположного берега. На ограде города у ворот взвилось большое зеленое знамя. Ярко горел на солнце золотой наконечник. По этому знаку из садов,

из-за городской ограды высыпала многочисленная вражеская пехота и обрушилась на горцев, сминая их числом. Слева и справа показались конные отряды. Аспаанидзе яростно схватился с серхенгом пехоты, свалил его могучим ударом меча и оглянулся назад. Горцы под натиском превосходящих сил врага медленно откатывались к левому берегу, устилая своими и вражескими телами каменистую пойму реки Шамхор.

Амирспасалар с холма напряженно следил за действиями Аспаанидзе. Увидя поднятое над оградой зеленое знамя и последовавшую яростную вылазку, он поспешил приказать поджечь второй стог сена. Два черных столба дыма четко встали в воздухе. Увидя их, Аспаанидзе радостно закричал:

— Мужайтесь, храбрецы! Сейчас наша конница примется топтать врага!

Сепасалар Сатмаз-ад-дин уже выводил под личным наблюдением атабека конницу по отлогому берегу реки в поле. Полки за полками разворачивались в десятиколонном строю на равнине, затопив все пространство перед Шамхором между предгорьем и рекой. Их было много, тяжеловооруженных мусульманских всадников, собранных отовсюду — от Нишапура до Мосула, гораздо больше, чем было конницы у амирспасалара. И все же стоявший на холме Захарий облегченно вздохнул. Он правильно угадал! Враг сам шел на нужное место, где ему не было возможности развернуться в полную мощь для охвата противника...

Снова взревели боевые трубы на холме у стяга главнокомандующего, призывая конницу приготовиться к атаке. Опустились копья первых рядов. Всадники выхватили и приставили мечи к плечу. Быстро съехав с бугра, Захарий стал впереди гвардии, которой он командовал несколько лет. За ним на огромных конях — братья Ахалцихели.

Высоко подняв тяжелый меч, амирспасалар воскликнул громовым голосом:

— Вперед! Вперед, за отчизну!

Тысячеголосый боевой клич прокатился по равнине:

— Вперед! Вперед!

Колонна тяжелой конницы двинулась шагом, сделала заезд левым плечом и, выстроившись фронтом против

врага, пошла в атаку, наращивая рысь. Справа скакали легкоконные полки Ширвана.

Гвардейцы в тяжелых латах на рослых конях мчались тесной стеной за амирспасаларом, быстро уносившимся вперед на караковом скакуне. За гвардией летела лорийская конница и тяжело двигалась огромная масса эрставских отрядов.

Скоро густые облака пыли скрыли поле сражения и атаковую конницу. Высоко поднятое сильными руками Ростом голубое знамя с вздыбленным львом неотступно следовало за амирспасаларом, словно рея в воздухе над пологом пыли.

Атабек все-таки опоздал. Сатмаз-ад-дин еще только выводил в поле конницу, когда Захарий начал свою знаменитую атаку. А по непреложным законам встречного кавалерийского боя, Сатмаз-ад-дин должен был без замедления мчаться со своими конниками навстречу врагу. Но курджийская конница уже имела преимущество в ходе, когда сомкнутыми рядами, колено к колену, врубилась в толщу вражеской кавалерии. Яростно атаковали и ширванские полки. Впереди всадников, под знаменем с полумесяцем, лихо мчался Амирмиран, кроша конницу врага. В густой пыли сверкали пики и сабли, слышались яростные крики и дикое ржание коней.

Сослан с нарастающей тревогой наблюдал с возвышенности за развертывающимся боем. Увидя быстрое отступление горской пехоты, он наотмашь хлестнул коня. Все-таки рискованный план задумал амирспасалар, чем-то кончится бой... Но вот голубое знамя, ясно различимое с горы, медленно двинулось вперед. Торели неистово закричал с пригорка:

— Амирспасалар пошел в атаку!

Сослан вонзил шпоры в бока коня. Осадив поднявшегося на дыбы скакуна, стал быстро спускаться с холма и наметом помчался к коннице. Следом за ним подъехал к колонне, уже стоявшей в боевой готовности, с мечами у плеча, и амирахор Торели. Сослан стал во главе окольчуженных аланских всадников, ловко сидевших на стройных конях. За ними длинной змеей растянулись двадцать тысяч кипчаков в кожаных панцирях с металлическими бляхами, с пиками, длинными саблями и луками, верхом на приземистых степных скакунах. Пронзительный звук медной трубы разорвал воздух. Запасная конница, не

мешкая, двинулась в глубокий обход Шамхорских высот, у которых кипел горячий бой. Колонну вели два проводника, хорошо разведавшие местность. Укрываясь за садами и рощами, всадники Сослана углубились в пойму Куры и скоро исчезли из виду.

Ожесточенная сеча на равнине продолжалась. Сбив первые ряды вражеской кавалерии, конница Захария ворвалась внутрь огромной массы врагов и рубилась в нескольких направлениях. Правое крыло, где находились легкоконные части и марагинцы Ала-ад-дина Аксанкорида, было расстроено конногвардейцами и постепенно оттеснялось к городу.

Абу-Бекр неистовствовал у моста. Бил плетью серженгов, посылал на подмогу один свежий отряд за другим. Доносились вопли и проклятия умирающих, ржание раненых коней, лязг оружия. На выгоревшей траве валялись порубленные и исколотые воины. Множество коней без всадников носилось по равнине. Через мост бежала с пиками наперевес пехота. Шалва Ахалцихели с гвардейским полком устремился ей навстречу.

Огромная фигура амирспасалара, окруженная гвардейцами, виднелась в центре сечи. Молча разил великан тяжелым мечом вражеских всадников, медленно прорубаясь сквозь брошенную ему навстречу гулямскую гвардию с Кутб-ад-дином во главе. Но с левого фланга вынеслась хорасанская панцирная конница под началом самого Сатмаз-ад-дина и стала теснить гвардейцев, стремясь охватить их. Уже был ранен великан Блу-Захар, пало в бою несколько спасаларов. Рядом с амирспасаларом ожесточенно рубились Шалва Ахалцихели и Сагир Махатлидзе. Иванэ Мхаргрдзели увидел нависшую над братом опасность. С громким кличем он повернул лорийские сотни и искусным маневром ударил во фланг хорасанской коннице.

Сатмаз-ад-дин в единоборстве с Иванэ Ахалцихели был убит, и яростно отбивавшиеся хорасанцы стали медленно отступать к реке. На выручку им неслись вброд с оглушительным визгом свежие туркменские сотни, курды и мосульцы на тонконогих конях...

Со своего места Абу-Бекр увидел, что на правом крыле со стороны поймы Куры двигается конница, и рассвирепел: как смел Нидхам без разрешения перебрасывать

конный заслон! Но уже по дороге к мосту мчался к нему Узбек с искаженным от ужаса лицом, дико вопя:

— Абу-Бекр, спасайся! Конница курджиев в тылу!

Атабек стремительно бросился к коню. Это был конец. Опрокидывая заслоны, громя тылы, к полю боя быстро приближалась многочисленная конница Сослана...

У городской ограды вокруг зеленого знамени кипела жестокая схватка. Как львы защищали мусульманскую святыню нукеры из дворцовой охраны халифа. К знамени пробивались, круша все на пути, богатырь Шалва Ахалцихели и его гвардейцы. Ни на шаг не отставал и юный агванский царь, храбро рубился с врагами. За своим господином неотступно следовал Самвэл. Страшным ударом длинного меча Ахалцихели рассек череп рослому знаменосцу-арабу и, выхватив заветный трофей, выскочил из схватки с зеленым знаменем в руках. Гвардейцы добивали последних нукеров. Один из них, проскакав, вонзил ятаган в шею Абасу и сбил его с коня, но в свою очередь пал, пронзенный копьем Самвэла. Старый конюший соскочил на землю и принял на руки умирающего царя.

К группе подъехал амирспасалар, тяжело дыша после долгой сечи. Увидя лежащего на земле Абаса, Захарий поспешил к зятю, обнял его. Мертвеющими губами Абас прошептал:

— Вананэ...

И закрыл глаза.

По суровому окаменевшему лицу Захария текли слезы. Что скажет он сестре по возвращении?

Шалва Ахалцихели, разгоряченный боем, гордый почетным трофеем, подъехал к Захарию и, спешившись, опустил зеленое знамя к его ногам; воскликнул:

— С победой, батано амирспасалар!

Увидев лежащего на черной бурке мертвого Абаса, растерянно умолк. Захарий, укоризненно взглянув на любимца, тихо молвил:

— Не исполнил моей просьбы, Шалва!

После разгрома полчищ Абу-Бекра амирспасалар бросил кипчакскую конницу на преследование бегущих вра-

жеских войск. Овраги позади Шамхора довершили дело. В оставленном лагере была захвачена большая добыча, и к вечеру победители вошли в Гандзак.

«...О великой виктории георге-нов над нечестивыми сарацинами вашей милости уже, вероятно, известно отцов из Тавриза, куда вернулся разбитый георгенами нечестивый король Абу-Бекр. О, то радостная весть для всех христиан! С нами бог! Сорок охотничьих соколов, двадцать тысяч коней, двенадцать тысяч пленных, семь тысяч мулов, пятнадцать тысяч верблюдов, королевская походная казна, рабы, панцири и драгоценные сосуды, палатки и ковры, жемчуг и диаманты, сокровища, собранные со всех концов вселенной, куртизанки и прочие ценности в большом количестве попали в руки георге-нов. Я думаю, что ни разу еще после памятной битвы при Пуатье, где благочестивый Каролус Мартел разбил проклятых мавров, неверные не терпели такого поражения...» — писал в очередном сообщении в Рим падре Фрателли.

Кто лучше преподобного отца Василии может описать торжества по случаю Шамхорской победы? Он уже получил почетное звание эзос-модзгвари¹ и в качестве носителя святого креста при царской особе присутствовал на всех празднествах в Тбилиси. Пусть же он говорит сам:

«Когда приблизились войска к Тбилиси, навстречу им выступила и Тамар, потому что Саргис Тмогвели успел явиться к ней в качестве вестника. Радовалась она и благодарила бога, спрашивала о здоровье каждого из прибывших, глядела на них, как на собственных детей. И радовались они, видя ее.

Все поля вокруг Тбилиси были запружены собравшимися и больше не могли уместить людей, лошадей, мулов и верблюдов. Так велико было число пленных, что завозили их в город и продавали за деревянную мерку муки. Свидетель тому сам нелгуций бог, чье имя поминаю, чтобы кому-нибудь из читателей в грядущие времена не показалось сказанное здесь ложью и сказкой.

¹ Эзос-модзгвари — придворный духовный чин (*гура*).

Действительно, именитые мужи Закарэ и Иванэ взяли с побежденных пятину в пользу царской казны и построили верблюдов, всех с грузом, и лошадей, всех в убранных, в равнине Дидубийской строем, тянувшимся до самой Авчалы. Также выстроили от городских ворот до Глданского ущелья всех пленных амиров, каждого со своим знаменем: и первым из знамен было знамя халифа, затем атабага и так далее, одно за другим.

Прибыла торжественно Тамар и, принеши ей в дар добычу, привели на вассальный поклон ей всех пленных главарей. Затем сами тоже поклонились ей и поздравили со счастливым царствованием, богом дарованным...

Но в результате всего этого возгордилось ли сердце Тамар? Хоть раз выказала ли она надменность, заносчиво поднявши брови? Быть этого не могло!»¹ — не удержался .Басили от риторического вопроса.

Когда из рук амирспасалара царица приняла священное зеленое знамя багдадского халифа, она громко произнесла, обращаясь к преосвященному Антонию и ко всем присутствующим на торжественном приеме знатым людям:

— Жертвую сей стяг святому образу Хахульской божьей матери! Да пребудет он навеки в Гелатском храме в память великой победы над неверными!

¹ Перевод с грузинского В. Дондуа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ани

Глава I

ОСВОБОЖДЕНИЕ

крытая вековыми буковыми деревьями обитель мирно спала в цветущей горной долине. Лунный свет ярко освещал остроконечный купол церкви, большой крест блестел как серебряный. Поздно ночью в ворота громко постучали. Монастырские псы подняли яростный вой. Стук настойчиво повторился. Охая и почесываясь, старый привратник заковылял к воротам. Приоткрыв решетчатую дверку, монах настороженно разглядывал темные фигуры всадников в густой чаще.

— Боже, боже! Кто вы, что в столь поздний час беспокоите сон господних служителей? — хрипло окликнул он.

— Открой, отец Мартирос. Это я, — ответил спокойный голос из темноты.

— Великий ишхан?!

Загремели ключи. Низко кланяясь, привратник поспешно распахнул тяжелые ворота. Скоро в келье настоятеля гость с аппетитом ел свежую севанскую форель с ореховой подливой. Сидевший напротив Мхитар Гош ласково смотрел на воспитанника — прославленного по всему Востоку полководца.

Покончив с рыбой и запив вином из походной фляги, Захарий начал беседу:

— За твоим благословением прибыл, отче! Намереваюсь изгнать эмирскую нечисть из Айрарата...

Голос Захария звучал спокойно и уверенно. Но чуткий слух Гоша сразу уловил скрытое волнение в его словах. Великая радость и одновременно тревога охватили старого монаха. Наконец-то наступил час долгожданный освобождения! Но справится ли с эмирами Закарэ?..

— Да пребудет господнее благословение над святым делом!

Настоятель повернулся к большому распятию из черного дерева и прошептал краткую молитву. Насупив брови, он пристально взгляделся в Захария:

— Возрадуется сегодня твой отец! Всю жизнь мечтал великий Саргис об этом счастливом дне... Но хорошо ли ты рассчитал свои силы, Закарэ?

— Да, отче, — твердо ответил Захарий. Опираясь на стол обеими руками, он стал излагать план действий: — Ани и Двин снова находятся в руках Шеддадидов, ты это знаешь. А в Сюнике с большим войском стоит наиб Абу-Бекра Юсуф. Остальные твердыни в Шираке, Айрарате и Гелакуни также заняты мелкими эмирами, эта хищная свора всегда опиралась на тавризовских атабеков. Но... — Захарий усмехнулся. — После Шамхора Абу-Бекр шелковым стал! Недавно имел наглость прислать посольство, мир и дружбу предлагал, царевну Русудан сватал. Конечно, Тамар в руке младшей сестры отказала, ответила, что деяния самого атабека покажут возможность дружбы! Поэтому помощи из Тавриза Шеддадидам и другим эмирам ждать не приходится, дни сельджуков в Армении сочтены... Как спелый плод, упадет в наши руки освобожденная родная земля! Наиба Юсуфа попросим честь честью убраться из Сюника, а заупрямится — с боем выгоним. Слава богу, сил у меня теперь предостаточно, отче Мхитар!

— Дай господь! Завтра всей честной братией отслужим молебствие о ниспослании победы над неверными. Освободим наконец армянский народ от чужеземного гнета, полтора века он длится! — перекрестился Гош.

Помолчав, Захарий снова заговорил:

— Договорились мы и постановили на совете, что я, как правитель Армении, буду пользоваться полной независимостью. Все налоги будут поступать в мою казну, и суд в городах армянских вершить будем по твоему «Судебнику», отче. Но одновременно с этим я остаюсь амирспасаларом армян и грузин. Понятно тебе сие, отче Мхитар?

После долгого размышления Гош ответил:

— Я считаю, прав ты в мыслях и намерениях. Иди освобождать Армению! Будем надеяться, что надолго приобретет она мир и благоденствие. И надежное основание тому должен ты заложить, сын мой.

— Лазутчики сообщают, голодает народ в Айрарате... Придется мне года на два все налоги и подати с населения сложить... Иначе совсем захудают черные люди и никаких доходов получать мы, их господа, не будем — ни с земель, ни с городов. Я ведь помню твои поучения, отче, как страной надо править... — озабоченно говорил Захарий.

В окно уже брезжил предутренний свет, когда утомленный гость поднялся со скамьи и, попрощавшись, отправился на покой. Но до самой заутрени так и не сомкнул глаз настоятель, обдумывая ночную беседу с Захарием. Дивился его зрелости суждений и твердому разуму, думал с умилением: «Сила Закарэ в ясной голове, здравом смысле и прирожденных военных способностях. И сколь велика любовь к отчизне! Но блистательность и отвагу воина надлежит укреплять мудростью правителя...» И снова вставала тревога у старого монаха за своего питомца, который приступал к великому делу освобождения родины...

Начиная освободительный поход, Захарий провел глубокую боевую разведку в долине Аракса. Затем, внезапно наводнив Ширак и Айраратскую равнину многочисленной конницей и подтянув осадные машины, он молниеносным приступом овладел Амбердом и начал осаду других

крепостей и укрепленных городов. Несмотря на яростное сопротивление сельджукских гарнизонов, один за другим города и крепости переходили в руки освободителей.

Бурлил Ани. На перекрестках улиц, в крытых темных рядах, на паперти собора после богослужения собирались жители, жарко обсуждали события:

— Амберд взят приступом! Освобождены все пленные!

— И Бджни пал! Сегодня оттуда прискакали спасшиеся сельджуки!

— Амирспасалар уже подошел к Еревану!..

— А нашему епископосу Барсегу то не по вкусу! Ни единым словом не обмолвился о победах спарапета¹ на проповеди.

— Наоборот, к послушанию призывал!

— А разве не знаешь, кум Погос, чему попы учат? Всякая власть, мол, от бога...

— Выходит, кум Петрос, сам господь эмира нам на шею посадил! — зубоскалили анийцы.

На паперть взошел незнакомый горожанин, отряхивая пыль с одежды. Видно, издалека прибыл человек, и не зря... Скинув папаху, он истово перекрестился, потом громко воззвал:

— Слушайте меня, анийцы! Я только что прибыл из Еревана и весть радостную вам принес! Великий спарапет все налоги и подати снял с городов и сел наших. Слава ему!

— Слава! — загремели в ответ анийцы.

Рядом с незнакомцем встал пожилой рамик.

— А мы не мужчины, что ли, анийцы?! И рук нет у нас? И топоров не найдется? Забыли, как отцы наши Фадлуна-эмира выгоняли? В Вышгород!

— В Вышгород! Гнать эмира! — бушевала толпа.

— В Вышгород!

...Цеховые старшины сидели у старого Тиграна. Большой опыт и бывшая слава народного вожака привели к нему в эти дни старшин анийских братчин.

— Не хитрое дело перед нами, други! — объяснял Тигран. — Эмир наш в ином положении, чем некогда был

¹ Спарапет — полководец (арм.).

дядя его Фадлун. Помощи ему ждать неоткуда, атабек до сих пор зализывает раны после Шамхора. А эмиры в Арзруме и в Хлате сами за свои царства дрожат перед войсками христианскими...

По морщинистому лицу седого великана пробежала тень. Так и не захотел он называть имени обольстителя дочери.

— Да, на этот раз не помогут другие эмиры! А своего войска у него немного, — подтвердил шорник Микэл.

— Не сегодня-завтра подойдут к стенам Ани братья-освободители, — продолжал Тигран, — но мы сами должны распахнуть ворота города! Идите же, старики, в Вышгород, посоветуйте эмиру убраться подобру-поздорову из Ани, пообещайте сохранить ему и прислужникам его жизнь. Не надо отбирать у него и награбленного добра, пусть уходит в Двин, где еще держится его родич. Но царский дворец он должен сдать в полном порядке!

В горницу вошел Кюрах. С усмешкой на бородатом лице мастер прогудел:

— Все совещаетесь, старики! А народ Вышгород уже осаждают!.. И вам бы с ним надо быть!

Сняв стражу у внутренней ограды, вооруженная толпа ломилась в ворота Вышгорода. В воздухе стоял немолчный гул:

— Уходи из города!

— Пока мы тебе шею не свернули!

— Уходи, пес шелудивый!

С крепостной стены испуганно глядела стража на тысячную толпу. Сам эмир с мрачным видом сидел на ковре в зале с фонтаном. «И трех дней не продержаться в Вышгороде, как только подойдет аллахом проклятый Захир! А об обороне всего города нельзя и помышлять!» — прислушивался эмир к несмолкающим крикам. И когда во дворец явились старейшины города, он немедленно согласился на все их предложения. Той же ночью, навьючив всяческим имуществом сотню верблюдов, эмир покинул город, вместе с ним выехали и все наемники. Караулы на стенах и у ворот заняли вооруженные горожане.

С раннего утра башни и стены оказались усеянными народом. Все городские ворота были настежь открыты и

украшены зеленью и голубыми флагами. Толпы горожан теснились у крепостных стен. Гомон возбужденных голосов наполнял улицы и площади столицы. Но вот далеко, на каменистой дороге, ведущей к Главным воротам, показалось и быстро стало увеличиваться облачко пыли. Махая палками и папахами, во всю прыть скакали высланные дозорные, неистово вопя:

— Едут... едут!..

Захарий ехал в голове колонны, в простой кольчуге и старом отцовском шлеме с пером белой цапли. За ним двигалась многочисленная конница в необычном порядке — вперемежку армянские и грузинские полки, как символ неразрывной дружбы народов. Воины воодушевленно пели боевые песни. Следом за войском шли ликующие жители предместья и соседних деревень. Подъехав к Главным воротам, Захарий остановил коня, снял шлем и посмотрел вверх. На крепостной стене ясно выделялся бегущий барс под черным крестом — герб города. Точно так его и описывал покойный отец.. А вот те боевые башни, что сорок лет назад брал приступом парон Саргис и получил тогда свое прозвище — Мхаргрдзели! На глазах амирспасалара показались крупные слезы. Он перекрестился и, ослабив повод, тронул коня. Но дорогу заградили горожане. Вперед вышли два человека в купеческой одежде, держа на вытянутых руках чеканный золотой поднос. На подносе лежали большие ключи от городских ворот. Захарий внимательно посмотрел на напряженные потные лица купцов и, подняв руку в боевой перчатке, воскликнул:

— Здравствуйте, дорогие мои анийцы! Пожалуй, заждались вы нас за долгие годы неволи?

С сияющими лицами, бросая в воздух шапки, кричали в ответ анийцы:

— Слава великому Закарэ! Слава освободителю! Долгой жизни шаханшаху Ани! Слава!

Высоко подняли старшины золотой поднос с ключами, и громким голосом старый Бахтагек возгласил:

— Прими, великий государь, ключи от сердца Аястана — Ани!

Захарий медленно следовал по залитой полуденным солнцем улице, направляясь к соборной площади. По древнему обычаю, коня полководца вели под уздцы двое

почетных стариков. Коню было неудобно шагать, он сердито дергал головой.

На паперти собора большим полукругом расположилось столичное духовенство в праздничных ризах. Впереди, с золотым крестом в руке, в высокой патриаршей митре, стоял архиепископ Барсег. На дородном лице князя церкви читалось выражение заботы. Захарий спешился и почтительно подошел к кресту, который ему протянул архиепископ. На колокольне неистовствовали звонари, заглушая архиастырское приветствие, составленное накануне с большим искусством настоятелем собора тэр-Ари-стакесом. Трезвон с трудом удалось остановить, и вперед выступил амир города Папенц. Захарий стоял рядом с архиепископом, на голову возвышаясь над толпой.

Папенц вдохновенно восклицал:

— Анийцы, ныне сподобились мы узреть у врат царепрестольного града нового Александра, что мощною дланью своей поразил наповал нечестивых агарян! О радость великая!..

Папенц перевел дух и перешел на деловые сообщения:

— Государь великий, пять тысяч домов подготовлены в нашем городе для ночлега твоих доблестных воинов! Двадцать тысяч жирных баранов пригнаны на рассвете с пастбищ и розданы достойным доверия хозяевам для изготовления воинам наилучших яств. Двадцать тысяч мерок отборного ячменя лежат в амбарах для коней твоей славной конницы!

Захарий удовлетворенно кивал головой. Амир города говорил дело, позаботился о главном (амирспасалар всегда следил за питанием и ночлегом воинов).

— В сей день знаменательный освобождения града нашего от презренных агарян мы, именитые люди анийские, от чистого сердца преподносим дары эти воинству христолюбивому... — продолжал вещать Папенц.

Захарий обеспокоенно оглянулся. Архиепископ в сопровождении клира уже двинулся через величественный портал в собор, предстояло долгое молебствие, а войско все еще стоит на площади на солнцепеке, страдая от зноя и жажды. Амирспасалар быстро отдал распоряжение:

— Разводите людей по домам, спасалары! Отдых — двое суток. И если кто-нибудь из воинов обидит жителя или напьется без памяти — строго взыщите! Вечером жду вас в Вышгороде.

По непреклонности характера архиепископ Барсег II был мало схож с тезкой — ахпатским святителем, весельчаком Барсегом Арцруни, что некогда «отечески» журил за вольнодумство Мхитара Гоша. Потомок славных Пахлавуни, анийский владыка был горд своим княжеским происхождением и крепко держал в руках все христианское население бывшего эмирата. Разоблачаясь в соборной ризнице после молебствия, владыка озабоченно заметил прислуживающему отцу Аристаkesу:

— Прибыл в наш град выученик вардапэта Мхитара! И конечно, он вспомнит статьи «Судебника» о правах мирских властителей; а может статься, и на другие каноны апостольские посягнет правитель вольнодумный... — Барсег замолк, не договорив.

Опасения высокопреосвященного имели свое основание. Засевшие в городах Армении мусульманские власти, в соответствии с указаниями корана, мало интересовались судебными делами христианского населения, полностью передав их на разрешение в армянский церковный суд. А Барсег и его присные судили преступников по жесточайшим каноническим законам седьмого века и имели немалый доход от смягчения суровых наказаний. После восстановления в армянских областях христианской светской власти суд в основном переходил к мирским судьям. Терялись доходы у церкви, а главное, до архиепископа дошел слух, что Захарий — сторонник сокращения церковного землевладения. Дело серьезное!.. Эти обстоятельства и настораживали надменного Барсега, вызывали у него беспокойство за церковные привилегии...

Двинский эмир принимал участие в Шамхорском бою и после разгрома мусульманского войска с трудом ушел от конников Савалт-хана. Благородный Шеддадид в юности долго жил в Багдаде, при дворе халифа Насира, и в Египте — у своего родича, прославленного султана Салах-ад-дина. Там он набрался арабских рыцарских обычаев и был полон высоких представлений о доблести и геройстве. Когда многочисленные курджийские полки обложили внешний обвод городских стен Двина, крепостные ворота широко распахнулись. На подъемный мост вынеслась конная группа. Впереди, на кровном аргамаке, в золоченых доспехах и с красным султаном на шлеме,

мчался сам блистательный Шеддад. На красивом лице эмира с небольшой черной бородой и яркими глазами читались отвага и решимость. Глашатай громко затрубил в рог. В воздухе на пике трепетал белый флаг. Сторожевые кипчаки быстро окружили конную группу и, спешив всадников, после коротких переговоров повели эмира и его спутников к шатру амирспасалара.

Захарий сидел на большом барабане перед шатром и с любопытством следил за удивительным зрелищем. Двинский эмир, окруженный блестящей свитой и кипчаками, с вызывающим видом шел к нему по полю. Мелькнула мысль: «А молодец Шеддад, не побоялся. Сам пришел для переговоров в мой стан!»

Эмир почтительно, но непринужденно поклонился Захарию по-восточному и первым заговорил на фарси:

— Привет и почтение славному эмир-сепаксалару! По рыцарскому уставу вызываю тебя на личное единоборство. С любым оружием!

Захарий громко захохотал. Оскорбленный смехом Шеддада схватился было за кинжал, но тотчас был обезоружен кипчаками. Дюжие всадники крепко держали эмира за локти.

— Немедленно освободите благородного эмира и подайте ему сиденье! — нахмурившись, крикнул Захарий. Потом с добродушной улыбкой обратился к тяжело дышащему Шеддаду:

— Присяжь, эмир, и послушай нравоучительный рассказ о «Великом Сельджуке» — Алп-Арслане. Девять лет носился султан по Востоку со своими ордами, как выпущенный на волю тигр, все крушил на своем пути. Наконец, как заверяли придворные льстецы, султан покорил весь свет. И вот дошла до Алп-Арслана весть, что в далекой Бухаре не признают его власти карлуки. Во главе многотысячного войска султан бросился на непокорных и приступом взял их главную крепость — Берзани-кабир. После сдачи пред его светлые очи привели последнего защитника твердыни. Алп-Арслан был в хорошем настроении. Горы трупов возвышались около воздвигнутого на площади трона. Потоки крови текли по улицам, и ноздри падишаха приятно щекотал чад пожаров. И спросил благосклонно султан храброго воителя:

«Выскажи свое последнее желание, доблестный бахадур!»

«О падишах, чего я могу желать, когда все мои близкие погибли в бою? Но по ясе¹ наших общих предков — вызываю тебя на поединок!» — гордо ответил карлук.

Возмутились придворные и эмиры, хотели на месте зарубить наглеца. Но султан улыбнулся и остановил мановением руки царедворцев:

«Бахадур прав! В «Огуз-намэ» есть стих о том, что побежденный может вызвать на единоборство победителя»...

— Что же сделал султан? — нетерпеливо прервал Шеддад.

— Надел доспехи и вышел на круг с храбрцом. А тот посек султана! Так нелепо погиб повелитель вселенной...

— А как поступили с бахадуром? — хрипло спросил эмир.

— Наследник султана — Малик-шах оказался неблагодарным человеком и велел посадить на кол человека, который ударом своего меча подарил ему огромное царство! — с усмешкой сказал Захарий. — Ты теперь видишь, эмир, как неправильно поступил победитель ромеев, приняв вызов карлука. А сегодня ты предлагаешь мне повторить его ошибку, опасную и для тебя, и для меня?

Шеддад поднялся с сиденья с низким поклоном:

— Ты не только могуч, эмир-сенахсалар, но и мудр! Снимаю осаду с города... я сдаюсь!

— И это тоже мудрый поступок, эмир! Уезжай с миром к твоим родичам в Иран. А сейчас пойдем обедать, — заключил Захарий, вставая с барабана.

Заняв Двин без боя, войска пошли по левому берегу Аракса и, пройдя ущелье «Волчьи ворота», приблизились к крепости Норашен. После ожесточенного приступа, перебив всех защитников, они овладели важной твердыней. Затем конница достигла Нахчавана, уже покинутого сельджуками. В древнем соборе амирспасалар велел отслужить панихиду в память некогда сожженных в нем наместником халифа армянских князей с их семействами. Полюбовавшись превосходным мавзолеем Момине-хатун, возведенным зодчим Аджеми, Захарий дал приказ продолжать наступление, и войска двинулись мимо цвет-

¹ Яса — закон (тюрк.).

ных холмов, где били горячие источники, по направлению к пограничному городу Джуге.

Всегда вольнолюбивым был Сюник, не раз поднимался горный народ против угнетателей своих. То хорошо знали монахи Татевского монастыря — главного притеснителя сюнийцев. Не раз подступали крестьяне многочисленных монастырских поместий к крепким стенам Татева, ярко горели склады и амбары, и лишь помощь светских князей выручала монастырь от народной расправы. Остро ненавидели горцы и иноземных порабитителей. Со времен воинственного атабека Ильдегиза засели наибы в главной крепости Сюника — Какаваберде, немилосердно грабили окрестные селения. Но настал час — и в горах узнали, что полководцем Закарэ взят Двин. Тотчас, как один, поднялись люди в Капане, Татеве и других поселениях Сюника. Вооруженные конные и пешие горцы в великом множестве подошли к Какаваберду.

Наиб со злобою смотрел из бойницы на зеленые луга вокруг крепости, заполненные вооруженным народом. Горцы столь внезапно окружили замок и захватили все табуны, что Юсуф не мог и помыслить прорваться со своими спешными нукерами через тесное кольцо осаждающих... Скоро белый флаг взвился на башне замка. К воротам подскакало несколько конных. Задрав бороду, старший из них злорадно заорал:

— Сдаешься, чертов наиб? То-то...

Заняв Джугу, пошли дальше по тесному ущелью. Головной отряд, с которым ехал Захарий, завидел вдаль конницу, быстро уходящую в сторону Каравазского моста.

— Кто так поспешно удирает, люди? — спросил амирспасалар у встречных сельчан.

— А это наиб Юсуф из Какаваберда бежит, паронджан! — охотно отвечали крестьяне. — Выгнали его сюнийцы, без оружия, только коней отдали... Юсуф-то оказался не дураком, на все условия согласился, лишь бы живым остаться. Вон смотри, какую пыль на дороге поднял! Поди, и ветру не догнать его теперь...

С грохотом неслись бурные воды Аракса по пограничному ущелью, между красными скалами. К амирспасалару подъехал Вачутян. Молодой военачальник отличился

при взятии Амберда и вел большую конную дружину, набранную из жителей области Ниг.

— Когда переправу назначишь, государь? И прошу тебя, пусти меня с моими храбрецами передовой частью! — воскликнул Вачутян.

Захарий отрицательно покачал головой:

— Нет, Вачэ, мы не перейдем реку, хоть и впереди земли армянские — древний Артаз, Васпуракан. Не время идти нам на юг, надо закреплять победу. Не забывай, за плечами Мансура, что в Хлате владычествует, стоит конница румского султана!..

Не замедлил прибыть Гош в освобожденный Ани. Старого монаха с почестями встречали в воротах Вышгорода, правитель уже ждал его в парадном зале. Горячо обняв и благословив Захария, Гош поздравил его с великой победой. Потом почтительно спросил:

— Как поступить ныне соизволишь, Закарэ? По «закону крови» все армянские области, освобожденные твоей десницей, твоими владениями должны считаться, и ты полновластным правителем Армении становишься! Восстановишь ли древний престол Багратуни и возложишь на себя царскую корону?

— Нет, я этого не сделаю, отче, — ответил Захарий.

Гош с недоумением взглянул на питомца:

— Но кто тебе противоборствовать может? Вся сила обоих царств ныне в твоих могучих руках! И разве не течет у тебя в жилах кровь васпураканских царей — Арцрунидов?

Захарий пожал широкими плечами:

— Никто и не собирается оспаривать мои права, отче! Царица Тамар — великий друг нашего дома, безмерным доверием облекла меня и братьев. Владения наши от Шамхора до Джавахети тянутся. Но разве не клялся я до последнего вздоха защищать покой царства Тамар? И могу ли оставить ее одну, глаз на глаз, со своевольными князьями картлийскими? Впрочем, дело не только в этом...

— Но как давно мечтают армяне о восстановлении древнего царства своего! — перебил его Гош.

— Понимаю и сочувствую благородным чаяниям народа! Но еще рано нам об этом помышлять. Пойми меня,

отче Мхитар, узел неразъемный Кавказ наш и окружен враждебными, иноплеменными царствами. Как стовориться с их алчными и свирепыми властителями? Ведь только силу признают султаны и эмиры. Однако не часто плечом к плечу выступали наши народы против общего врага. А сейчас в братском союзе они. И если я отдам в другие руки постоянное войско — гвардию, кипчакские и аланские полки, как смогу одними моими лорийцами и удерживать в повиновении своевольных князей и отражать врагов? Прославленную армянскую конницу растеряли мы после падения дома Багратуни. Ее надо еще восстанавливать! А это не простое дело, немало времени и денег потребует. Великое наследие оставили цари Давид и грозный Георгий, и надобно мне иметь в руках все их могучее войско...

Внезапно помрачнев, Захарий продолжал:

— Как военный человек, прямо тебе скажу, отче Мхитар, на недобром месте расположена наша Армения! Хуже и не придумаешь... прямо на путях кочевников из восточных пустынь. А кругом — мусульманское море! Всегда зарятся войнолюбивые скотоводы на наши летние тучные пастбища, всегда стремятся урвать себе кусок от страны армянской... Как она еще существует на белом свете! Вот и ныне, отвоевал я у сельджуков земли всех трех царств армянских Багратуни и Сюник в придачу. А все равно остаются в руках неверных остальные наши царства и области! В Хлате мальчишка Мансур Мухаммед нагло титулует себя «шах-и-армен»¹... А за ним стоит на рубежах бесчисленная огузская конница и грозитя новым вторжением султан Рума! Откуда помощи нам ждать? В Палестине сарадины бьют франгские войска, трудновато приходится и царю Левону в Киликии. А великая земля рузикская стонет в княжеских неурядицах...

Оторвавшись от дум, старый монах откликнулся на последние слова:

— Помнишь, Закарэ, я тебе рассказывал, что за два года до нашествия султана Алп-Арслана множество анийцев со своей конницей ушло от греческого владычества по приглашению князя рузикского Изяслава в Киев, для совместной борьбы с кочевниками?

¹ «Шах-и-армен» — царь армян.

— Помню, отче. От великой нужды ушли тогда анийцы из отчизны, не дело покидать родную землю! — хмуро ответил Захарий. — Еще скажу — малорадостно встретили меня отцы церкви в Ани. А надо бы, хоть для прилику... Ведь палец о палец не ударили Барсег и его присные для освобождения столицы Армении, говорят, даже к смирению в проповедях призывали. И на прием в Вышгороде епископ не явился, больным сказался. Это как же? Я им не Гагик-царь, которого предали грекам патриарх бесчестный вместе с изменником Вест-Саргисом, везде мои люди будут управлять!..

Гош задумался: «Еще в Древнем Египте не ладили с царями жрецы и часто захватывали верховную власть. Всегда спорят с пастырями мирские правители, на мечи свои полагаясь. Но за пастырями стоит сам господь!» И ничего не ответил питомцу наставник. А тот закончил беседу следующими словами:

— Все-таки, по требованию народа, придется Барсегу провозгласить меня в соборе «шаханшахом», как преемника власти и титула анийских Багратуни. Однако коронование мое на царство не состоится, не дал я на это согласия! А как укреплюсь я в Ани да армянскую конницу во всей былой славе восстановлю, — обрушусь с божьей помощью на ю! И не будет мне ни сна, ни покоя до той поры, пока Армению Великую — державу наших предков — в прежних пределах не восстановлю! А тогда и о древней короне царя царей помыслить нам дозволено будет...

Г л а в а II

АШХЕН УХОДИТ

Необычно людно в харчевне на рынке. Не протолкнуться в тесном помещении. Духота. Держа в руках рога и кубки с пивом и вином, с жаром обсуждают анийцы действия нового правителя.

— Всех толстосумов вызвал во дворец! Чтoб народ не прижимали... Тиграну Онэнцу пригрозил взысканием строгим, если ломщиков в камнеломнях своих прижимать будет.

— Подумаешь, испугался Онэц! Да разве старую ли-
щицу поймаешь с поличным?

— По воскресеньям отдых в городе установил, тор-
говлю в этот день запретил...

— Чистый убыток для нас, мелких торговцев! Когда
торговать, как не в воскресенье, когда все люди свобод-
ны от работы?

— Приказ строгий отдал — доставить со своего заво-
да много меди для медников Ани...

— Конечно, по самой высокой цене! — не унимался
противник.

— Видно, кум Погос, загорелось тебе медь задаром
получать, а?

— Больше всего кузнецам повезло — пятьсот тяже-
лых плугов заказал шаханшах для своих владений!

— Своего дядю Васака амиром города назначил!

— А то твоего дядю, что ли, назначит? Ха!

— Папенцу, значит, по шапке дали? Толстосумам на-
шим это может не понравиться...

— Ничего, ворон ворону глаз не выклюет!

Кюрех сидел за столом вместе с мастером Галустом и
его братом, сбоку примостился Абгар — спасенный Петра-
сом рамик. Он уже работал в кузнице на мехах.

— Чему народ радуется? — хмуро спросил Петрос. —
Не все ли равно, кто господин? Мы ведь с Галустом из
Хожорни, знаем, какие там управители у великого иш-
хана!..

Как бы в ответ заговорил за соседним столом человек
в крестьянской одежде, с изможденным лицом:

— Да, в княжеских владениях снова стали прикреп-
лять шинаканов к земле! Нельзя больше уходить по сво-
ей воле, как рабов привязывают к своим имениям иш-
ханы... и если какой землепашец вздумает убежать, хоть
через десять лет поймают, силой вернут владельцу. Исче-
зают свободные шинаканы!

— А всё потому, что, как бараны, господам подчиня-
ются! — сквозь зубы процедил Петрос.

— Верно, — раздался сзади негромкий голос. К сто-
лу подсел каменщик Хорен. — Гиена ест мертвых, а
лев — живых. Воров наказывают ишханы, а сами грабят
народ втрое больше!

Кюрех насупил брови. Он недолго любил этого шира-
каванца, который недолго работал в артели Галуста. Ра-

ботником Хорен оказался неважным, и Галуст не взял его с собой в странствования. Оставшись в Ани без работы, Хорен занялся воровством... Однажды на рынке его поймали с поличным. Хорошо проучив палками, торговцы свели его на церковный суд. Неожиданно настоятель кафедрального собора его освободил из тюрьмы. До этого тэр-Аристакес имел долгую беседу с ширакаванцем. Всего этого, конечно, не знал оружейный мастер, но начал подозревать, что неспроста ширакаванец снова подружился с Галустом, угощал в харчевнях его и Кюреха (деньги завелись — наследство какого дяди?!). И речи вел всегда зажигательные...

Галуст с тревогой глядел на брата. «Придется Петросу уходить из Ани. Беда, если увидит его княжеский управитель, шутить не станет, сразу в цепи его закуют и в Хожорни отправят как беглеца...»

Шум и крики в харчевне достигли высшего предела. В дверях показался пожилой горожанин, радостно выкликал:

— Анийцы, все идите на соборную площадь! Слушайте глашатая. Шаханшах отменил на два года налоги!

Все посетители бросились к выходу. Поднялся и Кюрех с озабоченным лицом и вышел с друзьями из харчевни.

Много поработали царские зодчие над величием Ани. В вершине городского треугольника возвышался Вышгород, с огромным царским дворцом. Здесь и внутри старого города теснились шесть церквей да усадьбы городской знати. От Вышгорода к Главным воротам вела широкая улица. Над плоскими крышами города высились громада кафедрального собора, храм царя Гагика, остроконечные купола других церквей, минареты мечетей; темнели массы дворцов Пахлавунц, Абелхароба и других анийских вельмож. В центральной части города в небо врезалась многоярусная восьмигранная башня, подчеркивая художественное единство Ани. Величественный дворец был приспособлен к великолепному образу жизни анийских властелинов. Огромное двухэтажное строение из цветного туфа было разделено длинным коридором на две части. В первом этаже северной половины размещались крестобразный зал, караульное помещение, дворцовая тюрьма,

баня и прочие службы, в южной — жилые покои и дворцовая церковь. Плоская крыша служила верандой. «Золоченые покои» армянских Багратуни славились на всем Востоке. Особенно поражал посетителей восточный базиличный зал с расписанными червонным золотом и яркими красками стенами и фризами. Северо-западный зал (самый обширный) был обращен в сторону Гагикова храма. Северо-восточный третий зал был орнаментирован гипсовыми плитками с изображениями цветов и зверей.

До Захария из открытого окна доходило дыхание большого города, полного жизни и движения. В зал, предшествуемые слугой, вошли двое мужчин с княжескими повязками на рукавах — Саргис Вачутян и старший его сын Вачэ. Вачутяны почитались потомками древнего княжеского рода Амадуни, и Вачэ был назначен Захарием наместником Ширака, Арагаца и области Ниг, с титулом «князя князей». Его старый отец прибыл во дворец, чтобы лично поблагодарить правителя за оказанную их дому великую честь.

— Приучайся к мирному труду, Вачэ! — смеясь сказал Захарий. — Придется воинам сменить мечи на орала, пока не затрубит вновь боевая труба. Я жду сейчас зодчего Джундика... Пойдем-ка осмотрим городской водопровод. Успели повредить его, уходя, проклятые сельджуки!

На пороге появился преклонных лет человек, просто одетый, в сопровождении молодого монаха. Имя зодчего Джундика было известно далеко за пределами Ани, на многих постройках значилось его имя. Поклонившись Захарию, старый зодчий негромко сказал:

— Прибыл для твоего услужения, государь!

— Кого это с собою привел, Джундик? — спросил правитель.

Молодой монах в свою очередь поклонился, потупив взор.

— Смиранный инок Маргар — мой ученик и правая рука в трудах, — объяснил Джундик.

Захария поразила необычайная красота молодого чернеца. Темно-голубые, подобно воде горного озера, глаза на бледном лице с правильными чертами, длинные светлые волосы, высокий стан, уверенная осанка.

— Скинь с себя рясу, отче Маргар, и иди ко мне в конницу! Там скорее место тебе, чем в затхлых мона-

стырских кельях, — шутливо обратился правитель к молодому зодчему.

— О нет, нет, великий государь! Маргар лучше послужит тебе для возведения великолепных зданий, — поспешил заявить Джундик.

Захарий поднялся и в сопровождении Вачутянов и зодчих двинулся к выходу.

Повреждения городского водопровода, обильно снабжавшего жителей студеной ключевой водой с дальних гор, оказались незначительными, и работники под наблюдением мастера уже заканчивали укладку гончарных труб. При появлении правителя все скинули шапки.

— Мало работы было у вас при эмире, варпэты? — спросил Захарий.

— Очень мало, государь! — хором ответили каменщики. — Жить нечем было — ни нам, ни семьям...

— Вот я и завалю вас теперь работой! Мой зодчий грозит всю нашу казну истратить на строительные работы... — пошутил Захарий.

Каменщики весело откликнулись:

— Второй Ани тебе построим!

После освобождения армянских областей Захарий перевел свою ставку из Лорийского замка в Ани, по-хозяйски стал устраиваться на новом месте. Это не понравилось Тамар... Необходимо было часто встречаться с амирспасаларом Картли, вдобавок хранителем царской печати. Что ж, посылать гонцов с документами ему на подпись из Тбилиси в Ани? Амирспасалар, однако, привел царице веские доводы. Многолетнее хозяйничанье сельджуков разорило армянские земли. Надо было восстанавливать их благосостояние. Пришлось царице согласиться. Царскую печать принял министр двора Иванэ, а Захарий обещал почаще наезжать в Тбилиси.

Ашхен оставалась в Лори. Ей не хотелось ехать в родной город, где жил отец, с которым она так и не добилась примирения. В покоях после отъезда Захария стало пустынно, и жизнерадостная анийка перестала оглашать своим пением и смехом мрачный замок. Вообще не до веселья было бедной Ашхен! Навеки закрыла глаза княгиня Саакдухт, но неприязнь Мхаргрдзели к безродной девушке из Ани не ослабевала. Теперь у вельмож-

ных родичей был новый козырь — сожительство Захария с прекрасной анийкой так и не принесло плода, глава могущественнейшего рода оставался без наследника. Горделивые князья согласились бы признать даже внебрачного ребенка, но и его не было, и это омрачало Ашхен. Сам Захарий стал призадумываться над семейным положением, хотя по-прежнему относился любовно к милой подруге.

Приехав в Лори и отправившись в баню, Захарий вернулся, как всегда, в отличном настроении. В спальном покое у окна сидела в широком домашнем одеянии Ашхен и что-то внимательно рассматривала.

— Чем это ты занимаешься, девочка? — весело спросил Захарий, отирая потное лицо полотенцем.

Глаза молодой женщины недобро сверкнули.

— Кто подарил тебе золотой образок?

На розовой ладони Ашхен сверкала золотая иконка, которую Захарий получил в памятную осень в Вардзии.

— И кто изображен на нем? — выпрашивала Ашхен.

Никогда не был особенно находчивым с женщинами Захарий. Он пробормотал, что иконка греческая, давно друзья подарили, не помнит, какая именно святая изображена...

В глазах Ашхен загорелся злой огонек. Нервно тебя золотую цепочку иконки, глядя в упор на Захария, она воскликнула:

— Богом молю, не лги мне, Закарэ! Ведь на иконке — сама царица Тamar... О, недаром шепчут мне добрые люди, что несказанно привязан ты к царице, все свободное время проводишь в Тбилиси, чтоб не разлучаться с нею!

Захарий вспылил. Выхватив резким движением иконку, он прикрикнул на подругу:

— Меньше бы ты слушала старых сплетниц! Не делом занимаешься, Ашхен...

— Не любишь ты меня! — выдохнула побледневшая Ашхен. — Давно замечаю я — не любишь больше...

— Пустое! Лучше бы подумала о том, что до сих пор сына не принесла... Недаром корят меня родичи, — в сердцах ответил Захарий.

Ашхен упала ничком на тахту и залилась горькими слезами от недобрых слов. Разгневанный Захарий, не оглядываясь, вышел, хлопнув дверью; уехал на охоту в горы с неразлучным Ростомом.

Вдова в восемнадцать лет, Вананэ места себе не находила от горя. Неутешная, ездила она из Норберда в Ахпатский монастырь, где рядом с царственными предками покоился юный супруг, и снова возвращалась в замок, где каждый камень напоминал ей о любимом. Напрасно обеспокоенные братья настаивали на ее переезде в Тбилиси — Вананэ еще не выплакала всех слез...

В теснине Дзорагэта, у горной тропы, ведущей к Санаину, в водном потоке безнадежно застряла арба. Аробщик бился, безуспешно пытаясь выручить стоявших по горло волов в ревущей воде, спасти повозку с грузом. Сверху по крутой тропе спускалась небольшая кавалькада. Посетив могилу отца, Вананэ возвращалась домой. С ней ехал постоянный спутник — конюший Самвэл и несколько слугителей из Норберда. Увидя аробщика в воде, царица приказала слугам помочь бедняге. Самвэл, накупившись, наблюдал за работой спасателей, потом с досадой обернулся:

— Смотри, царица, как народ мучается без моста на переправе!

Вананэ безучастно смотрела на бушующий поток. Незузнаваемым стало прекрасное лицо царицы, исхудали и обострились тонкие черты, пропали яркие краски, потух ясный взор. Только два года продлилось ее счастье, и вот — погиб Абас и нет даже малого утешения — ребенка!

Самвэл ворчливо продолжал:

— Цари не только горевать могут. Должны бы и о своем народе подумать!

Вананэ начала прислушиваться к речи старика:

— О чем ты говоришь, Самвэл? Что я должна сделать?

— Эх, неужели сама не видишь? Мост через реку надо построить. Пусть он тебе в утешение, а народу на радость, как вечный памятник нашему Абасу будет!

Лицо Вананэ вспыхнуло от последних слов.

— Ты прав, Самвэл! Найми же каменщиков, стройте мост. Хачкар резной воздвигнете на мосту... — Сказала с грустью: — И на камне надпись о моем бедном Абасе пусть высекут!

Годы шли. И в один из своих приездов в Лорийский замок правитель Армении застал там сестру Вананэ, ко-

торая приехала в гости «к невестке», как она называла Ашхен. Царица сняла траур, понемногу возвращалась к жизни, и Захарий предложил ей переехать в Ани вместе с Ашхен. Вананэ согласилась.

Когда она объявила своему маленькому двору о переезде в Ани, старый Самвэл вдруг заявил:

— Госпожа, отпусти меня домой! Сорок лет не был я на родине. Хоть конец жизни хочу провести среди своих...

Удивилась царица, но, памятуя о долгой службе копящего, отпустила его с миром.

Ранней весной по дороге, ведущей в Хожорни, медленно поднималась арба с тяжелой поклажей. У передней пары волов шагал Самвэл. Он не утратил твердой поступи горца. У отцовского дома Самвэла встретили родичи. Отец и мать, брат Манук давно умерли, не было в живых и соседа Вараздата. Осталась одна сестра, быстроглазая Ануш, со своим мужем и детьми.

— О-эй! Самвэл! Здравствуй, дорогой! Совсем вернулся? — радостно кричал зять.

— Вернулся, вернулся; брат! Помоги арбу распрячь, — отвечал Самвэл.

Прибежала Ануш и бросилась в объятия Самвэла, плача от радости. С помощью зятя Самвэл стал разгружать арбу.

— А это что у тебя такое? — любопытствовал родич, увидя большой железный плуг.

— Госпожа при прощании дала. Сама уехала в Ани, уговорил-таки ее брат. А мне там делать нечего! Вот и отпустила госпожа, за долгую службу денег за себя и братьев дала, да еще железный плуг подарила! Завтра на нем пахать буду, — объявил Самвэл...

Окруженный односельчанами, Самвэл пахал поле железным плугом, запряженным тремя парами волов. Такой большой плуг был редкостью в горном селе, и сельчане только ахали, видя, как уверенно проводил глубокие борозды старый воин, снова вернувшийся к земле...

Чем ближе подходил караван к Ани, тем мрачнее становилось выразительное лицо Ашхен. Она не забыла ссоры в Лорийском замке и сознавала, что бесплодие делает невозможным ее брак с Захарием. Рано или поздно родня

подыщет Захарию подходящую невесту. А с переездом в родной город положение незаконной подруги правителя страны становилось еще более двусмысленным.

Захарий отсутствовал. Утомленных путниц у Главных ворот встретил амир города Васак Арцруни с многочисленной свитой. После родственных приветствий царский караван медленно двинулся к Вышгороду. На перекрестке Главной и Кузнечной улиц повозка с поклажей Ашхен незаметно свернула в сторону.

Поднимаясь по широкой каменной лестнице, Вананэ не увидела Ашхен. Когда же ей доложили прислужницы, что анийка, видимо, поехала к отцу, Вананэ понимающе кивнула головой. Гордая Ашхен не пожелала поселиться в Вышгороде незаконной женой! Навстречу царице устремились дворцовые слуги. Вскоре опытные банщицы не жили ее стройное тело в дворцовой бане. По окончании купания царицу бережно облекли в шелковое одеяние и отвели в спальню. Утомленная долгим путешествием, Вананэ крепко уснула...

Десять долгих лет протекло с тех пор, как простился с дочерью и зашагал по пыльной дороге около арб с медью оружейник Тигран. Одетый по-стариковски в овчинную шубу, он сидел на каменной лавке у входа в дом. Дом был тот же, где некогда раздавался громкий смех девочки с зелеными глазами, небольшой, ладный на вид, из желтого туфа. На фасаде дома красовались небольшие пилястры, окаймляющие портал. Рядом на осеннем солнце в теплой чохе приземистый Микэл. Старики изредка перебрасывались словами. В конце улицы показалась двухколесная повозка, крытая войлоком и влекомая парой крупных коней. Громяхая по каменной мостовой, повозка медленно приблизилась и остановилась около дома. Тигран внезапно почувствовал необычайное волнение. Из повозки вышла высокая женщина в богатой куньей шубке, с закрытым шелковым покрывалом лицом. Старик привстал от неожиданности. Женщина шагнула к нему, открыла лицо:

— Отец!

Кровь хлынула в голову Тиграна. Он снова сел на лавку и отвернулся. Ашхен молча стояла перед скамейкой. У окон соседних домов стали уже появляться фигуры любопытствующих.

— Чего каменным истуканом расселся, Тигран? — с возмущением воскликнул Микэл. — Целуй же дочку, благослови ее приезд! — И старый грузин обнял Ашхен, ласково приговаривая: — Устала с дороги, доченька? Пойдем в дом, генацвале, согреешься, отдохнешь...

Не вставая с места, Тигран мрачно спросил:

— Есть дети?

— Нет, отец, не благословил меня господь.

— Так. — Встал и, подойдя к Ашхен, он еще суровее спросил: — А почему во дворец не поехала?

— В царском дворце мне делать нечего, отец. Не жена я ему. Не хочу посмешищем в нашем городе стать! Прими к себе в дом, отец. А нет — так я в монастырь уйду... — Огромные изумрудные глаза Ашхен были полны слез.

— Глупости! — пробормотал Тигран.

— Отец, одного человека в жизни я любила! Из-за меня он с родной матерью поссорился, родне все годы противился. Но не захотел благословить господь наш брак! Нет ребенка у меня, и родичи требуют, по закону, чтобы мы разошлись...

Горько плакала в отчем доме Ашхен, и смягчилось сердце старого оружейника. Нежно обнял он дочь и благословил ее приезд, как требовал старый друг. А у Микэла уже покраснели глаза, и он выкрикнул прерывающимся голосом:

— В писании сказано — отец заколол упитанного тельца, когда вернулся блудный сын! Я новый бурдюк открую, что на той неделе из Кахети прислали. А ты чем гостью дорогую потчевать будешь, Тигран?

Мрачное запустение Багратидского дворца угнетало Вананэ, привыкшую к уюту небольшого Норберда. После ужасающего погрома Малик-шахом дворцовые покои Вышгорода никогда не приводились в полный порядок. В парадных залах оставались следы варварского изуверства — выколотые глаза царей и цариц на стенных фресках, отбитые золоченые лепные украшения, поврежденные мраморные полы. А в жилых покоях было холодно и неуютно, особенно в суровые армянские зимы, когда огромные каминные не могли нагреть комнаты, хотя арбами поглощали дрова. Не нравился старый дворец и Захарю.

Но когда сестра упрекнула, что он не занимается своим жилищем, Захарий объяснил, что ему пока не нужны громадные залы, где можно разместить целый полк бездельников царедворцев, есть более неотложные нужды, чем восстановление этакой громадины...

Вананэ покачала головой:

— Придется тебе новый дом построить, Закарэ! Более удобный. Хоть в походах постоянно находишься или в разъездах, двора настоящего в Вышгороде у тебя нет (а надо бы!), да и семью не удосужился завести...

Потемнело лицо у Захария. Отвернувшись к окну, он глухо спросил:

— О чем думает Ашхен? Так и собирается жить у своего отца?

Вананэ испытующе посмотрела на брата:

— А ты сам как полагаешь? За десять лет так и не смог обвенчаться с бедной девушкой?! Дяди Вахрама испугался? Или, быть может, опасался великую царицу разгневать? А теперь хочешь Ашхен осрамить, княжеской наложницей на весь город ославить?! Правильно рассудила она — раз не можешь жениться, надо разойтись! Такая красавица быстро найдет себе мужа, — заключила Вананэ и, заметив дурное настроение брата, вернулась к прежнему:

— Закажи своему зодчему построить новый дворец поближе к людям, к городу...

— Хорошо, я поручу это дело зодчему Джундику! — угрюмо бросил Захарий и вышел из покоя.

Г л а в а III

В АРМЕНИИ

— Я строитель по призванию, а воин поневоле, Джундик! Мне бы только строить... а всю жизнь приходится в седле проводить, врагов громить.

Серые глаза правителя смотрели вдаль чуть печально. Он перевел взор на голый череп зодчего, с выпуклым лбом и венчиком редких седых волос, подумал: «Наверное, так выглядели греческие мудрецы...»

Джундик неожиданно озорно улыбнулся:

— Государь, шесть зиждителей армянских храмов — апостолов и святителей — насчитывают наши историогра-

фы. Теперь и ты можешь в их ряд стать — седьмым великим строителем Айастана!

— Ну, я не апостол и не святитель! — усмехнулся Захарий. — Конечно, придется и мне строить церкви, иначе сразу возопят святые отцы: вот, мол, новый правитель верой пренебрегает! Но запомни крепко, Джундик: сооружать надобно и другое — новые крепостные укрепления возвести, гостиницы для приезжих купцов, рынки, мосты, здания для школ строить. Оскудел Айастан за время чужеземного владычества, надо ремесла да торговлю караванную поднимать! И не приличествуют в столице землянки на улицах, а я их немало видел в Ани. Особенно на окраинах...

В базиличном зале держалась духота уходящего летнего дня, лишь водный фонтан вносил некоторую прохладу. Солнце было уже на закате и освещало косыми лучами церкви и плоские крыши домов. Ярко горели кресты на храмах. Сверкала зелень деревьев в городских усадьбах. Правитель протянул большую руку к городу:

— Взгляни, как прекрасен Ани Багратуниев! Даже бесчеловечный враг не смог порушить его красоту... А моя столица должна быть еще краше, еще царственнее — на века! Вижу я град цветущий, опоясанный многоцветными стенами, с могучими башнями, со множеством дворцов и храмов, каменных рынков, домов красивых. И в этом деле ты должен мне помочь, Джундик!

Неподдельное удивление отразилось на худом лице зодчего. Сквозь полузакрытые веки он осторожно наблюдал за медальным профилем правителя. Знаменитый полководец говорил как художник, высказывал его сокровенные чаяния. И радость запела в усталом сердце старого зодчего...

Справившись с неожиданным волнением, Джундик стал неторопливо рассказывать:

— Когда восторжествовала святая церковь дивного Григория Просветителя, языческие храмы и театры стерты были с лица земли, не хуже, чем при вражеских нашествиях!

Захарий покосился на зодчего. Тот невозмутимо продолжал:

— И нашим армянским зодчим пришлось начинать все заново, на пустом месте возводить божьи храмы и дворцы царям.

— А разве не сохранилось никаких сооружений от древних времен?

— Только небольшой храм в Гарни. Поезжай, государь, посмотри, как строили в древности!

— Продолжай! — кивнул правитель.

— Тесно стало в армянских городах. Вот и стали наши зодчие вместо длинных римских базилик воздвигать крестово-купольные храмы, на коротком кресте из четырех рукавов, что потом «греческими» прозвали. Такие храмы из Армении по всему свету и пошли! Но и в другого рода дивных строениях принимали участие наши зодчие... Собор святой Софии в Константинополе и поныне непревзойденная вершина зодчества. Возводили его во славу господню десять тысяч человек в течение пяти лет в царствование Юстиниана. При завершении храма в восторге воскликнул император: «Хвала господу, сподобившему меня совершить такое дело! Соломон, я превзошел тебя!» Но спустя четыре столетия ужасное землетрясение разрушило здание собора. Тогда вызвал базилевс Василий из Ани великого армянского зодчего Трдата. А тот восстановил еще краше храм несравненный, новый купол поставил, выше прежнего, искусно вмуровав в его кладку глиняные кувшины для облегчения веса. Каждый кувшин закладывал с особой молитвой... — и Джундик пояснил, хитро прищурив глаз: — Чтобы раствор успел схватиться!

— Вернемся к нашим храмам, — напомнил Захарий.

— Не любят наши отцы церкви живопись на стенах, редко мы ее видим, — продолжал Джундик.

— И напрасно! — пробормотал Захарий.

— Пришлось нашим зодчим все уменье сосредоточить на камне. Зато каких высот достигли наши мастера! Искусно стали тонкий орнамент высекать, виноградные лозы, плоды граната, разных птиц и зверей изображать.

Захарий задумался над последними словами зодчего. Потом уверенно заявил:

— Надо бы шире цветной камень применять для украшения зданий, что бог дал нашим мастерам, Джундик.

— Понимаю, государь. Но главная мысль у меня — от столпов в зданиях отказаться, — тихо сказал Джундик.

— Вот как! То ново и удивительно. Берешься такое сооружение возвести, Джундик?

— Да, государь, — выпрямился зодчий.

— Добро! Представь модель хотя бы нового притвора

в Ахпатском соборе — еще отец обещал построить прихожанам для собраний. Но подумаем также об укреплении анийских стен — недостаточны они для обороны. Так считал и мой покойный отец, когда взял их приступом сорок лет назад. Да и новые мосты через Ахурян перекинуть надо, и мне построить новый дворец — здесь малоудобно жить. Много камня извести на постройки понадобится, Джундик, пошли своих помощников по городским каменоломням, пусть проверят, сколько ломщиков камня работает и не обсчитывают ли их владельцы. А как обстоит дело с каменщиками и другим рабочим людом?

— Со всех мест возвращаются в Ани мастера, надеясь на работу, государь, — поспешил заверить Джундик.

— Пусть придут ко мне старики братчин со списками мастеров и подмастерьев. Я сам посмотрю, достаточно ли работников, — заключил беседу правитель.

После освобождения Ани Захарий восстановил права совета городских старейшин. Кроме амира города в совет входили архиепископ, глава купечества, купеческие и цеховые старшины. Назначение родича на высшую должность не понравилось городским воротилам. Но недаром князь Васак был родным братом знаменитого Абуласана. Он быстро нашел общий язык с городской верхушкой и, располагая большими родовыми капиталами, занялся денежными операциями с крупнейшими поставщиками, стал своим человеком в торговой среде. Это не ускользнуло от внимания племянника.

— Говорят досужие люди, больше собственной торговли ты внимания уделяешь, чем делам городским! — заметил Захарий при очередном утреннем докладе.

— Пустяки, Закарэ! Завистники всегда языком трепать любят, — поглаживая седые усы, хладнокровно ответил князь Васак.

Захарий внимательно посмотрел на родича. В отличие от брата Абуласана, Васак имел отменное дородство и флегматичный характер.

— Хорошо, дядя Васак, я сам проверю, как вы печетесь о благе города! — пообещал Захарий, нимало не смутив старика.

Стеновые работы только начинались, а уже артельные старосты стали жаловаться главному зодчему на недоста-

ток камня. Тогда Джундик вспомнил о наказе правителя и решил выехать на каменоломни. В предместьях, где преимущественно ютился ремесленный люд, знали, что Джундику повелено руководить всеми работами, и неожиданно его дом оказался в женской осаде. Весь двор запрудили женщины с желтыми изможденными лицами, босые, в неописуемых лохмотьях. За подола матерей боязливо цеплялись болезненные дети; на руках плакали младенцы.

— Уйми жадного пса, ага-джан.

— Голодные мы!

— А у меня молоко пропало! Чем дитя кормить стану! — кричала молодуха, напирая на зодчего.

Женский гомон оглушил Джундика и варпэта Галуста, которого он решил взять в поездку. А женщины все плотнее окружали зодчего, теребили за фалды, пронзительно кричали:

— Не поможешь нам, бог тебя накажет, ага!

— Да в чем же дело, кто «пес жадный»? — взмолился Джундик.

— Это они про своего хозяина, — догадался Галуст. — То жены ломщиков Онэнца. Не платит он вовремя. Вот и голодают семьи!

Неожиданно звонким, нестариковским голосом Джундик прокричал:

— Слушайте меня, женщины! Вон стоит мой конь, оседлаю его и сей же час еду на каменоломню порядок там наводить! По государеву приказу! Понятно? А вы домой спокойно идите и ждите...

— Не обмани нас, ага! Снова тогда придем!

— Тьфу, неугомонные! — Старый зодчий, кряхтя, взобрался на конька. — Дорогу, эй!

Конек неторопливой рысцой трусил по неширокой тропе, среди безжизненных полей, усеянных поздраватыми камнями. Кое-где пробивался пыльный ковыль. В голубом небе медленно плыли клочковатые облака, вдали поблескивали вечные снега Арагаца. Высокое солнце нестерпимо палило. Лишь изредка свежий порыв ветра вздымал пыль на тропе. Скоро показались отлогие холмы. В неглубоком логу обнажился пласт черного туфа. На склоне холма рабочие вели ломку камня. Поодаль у сто-

рожки дожидались погрузки несколько арб. Это была главная анийская каменоломня.

— И коней некуда привязать! — ворчал Галуст, принимая повод у зодчего.

Навстречу спешил с озабоченным видом смотритель, он уже знал о предстоящем приезде из Вышгорода: в пути Джундика и Галуста обогнал всадник на сытом иноходце. Не сходя с коня, всадник прохрипел у сторожки: «Парон Онэнц велел всех предупредить: кто пожалуется шаханшаховым людям (едут они вслед за мной!), дня тот не останется на работе, сдохнет с голоду с семьей!»

— А деньги привез? Как рот заткнешь кархаткам¹, если вторую плату уже задерживаем?

— Подождут! — И, вытянув плетью коня, всадник пустился в обратный путь.

Собственноручно привязывая коня Джундика к колу, смотритель лебезил:

— Прошу тебя, войди в прохладу, ага, будь гостем дорогим! Есть винцо отменное, в родничке остуженное, и барашек найдется...

— Эй, человек, о чем говоришь? Какое винцо, какой барашек?! — сердито отмахнулся зодчий. — Дай испить воды и пойдем в каменоломню...

Неохотно ответили ломщики камня на приветствие, хоть знали приезжих из Ани. И сразу заметил опытный Джундик: «Люди работают вяло, а лишь полдня прошло!»

С ног до головы потные тела людей покрывала серая пыль. Самым опасным считался труд врубщика. Под туфовым пластом, лежа в узкой щели, задыхаясь от пыли и жары, как крот, вгрызался своим кайлом врубщик в подстилающую туф рыхлую породу. Случалось, пласт оседал, заживо погребая врубщика.

Из земли торчали огромные ступни с черными пятками. Мастер сунул в щель шест с зарубкой, крикнул: «Хватит!» Из щели вылез, отплеываясь от пыли, рослый врубщик, жадно прильнул к кувшину с водой. К работе приступили два клиновщика. Сняв тонкий земляной покров с туфа, они разметили и, наставив с двух сторон железные клинья, тяжелыми кувалдами стали их загонять в пласт, раскалывая на блоки до самой подошвы.

¹ Кархатк — ломщик камня (арм.).

Потом самые сильные кархатки, поплевав на мозолистые ладони, брались за ломы. Просунув их в трещины, они с уханьем выворачивали огромный блок, который с грохотом опускался вниз, на дно каменоломни. Здесь камень разделявали камнеломщики, пуская в ход такие же клинья и кувалды. Готовые плиты взваливали на очередную арбу.

Все досмотрел зоркий глаз зодчего. Серdito глядя на смотрителя, он ворчал в бороду:

— Куда как плохо идет работа! А почему, спрашиваю? — Не выдержав, обратился к мастеру-каменломщику:

— Когда последний раз деньги получали? И сколько платят за работу?

За спиной Джундика смотритель стал делать предостерегающие жесты. Это не ускользнуло от внимания зодчего. Обозлившись, он прикрикнул:

— Уходи-ка в свою прохладу, человек, к винцу! И не мешай мне говорить с кархатками...

Смотритель поплелся в сторожку печальный: «Выгонит меня хозяин, скажет, не выполнил приказа!». Джундика тотчас окружили ломщики:

— Джундик-джан, вторую субботу ждем!

— Как платили при эмирах гроши, когда работы не было, так и теперь платят!

— А цены на хлеб ведь поднялись!

— Вот и голодаем! А разве может хорошо работать голодный кархатк?

— А на прошлой неделе моего брата насмерть задавил камень! Еле вытащили тело и похоронили, — вскричал полуголый гигант. — А что сделал Опэнц? Вдову выгнал, ничего не дал. «Сам твой муж виноват, неосторожным был, вовремя не вылез из ямы!»

Джундик мрачнел. В разговор вступил Галуст:

— С пустым желудком много не наработаешь, без камня останутся работы стеновые, парон Джундик...

— Кончилось наше терпенье, завтра бросим работу! Не рабы мы, а рамики свободные, хоть и самой бедной считается наша братчина, — сказал решительно мастер.

— А ломами не только камень выламывать, и головы хозяевам можно проломить!.. — закричали из задних рядов.

Джундик оглядывался. Его окружала большая толпа отчаявшихся людей. Глаза зло сверкали на запыленных, худых лицах. Он поднял руку вверх:

— Стойте, варпэты! Послушайте теперь меня. Именем государевым обещаю, все деньги получите до субботы, плату дадим справедливую...

— А о вдове как? — выкрикнул гигант.

— И о вдове позаботимся. Только работу не бросайте, понатужьтесь, ведь братья ваши — каменотесы без дела остаются! — уговаривал зодчий.

— Хорошо, поверим тебе, Джундик! До субботы! А там не взыщи!.. — закричали ломщики.

Как обваренный, выскочил из базиличного зала парон Онэнц, куда спесь подевалась. Он даже как будто похудел за недолгий прием у правителя. В ушах звенели раскаты страшного голоса: «Ты что это вздумал, а? Работам моим препятствовать? О двух ли ты головах? Скотину свою кормишь досыта, потом работу с вола спрашиваешь, а как с людьми поступаешь?» Правитель дал день сроку ростовщику для определения вместе с главным зодчим справедливой цены за камень и погашения долга рабочим. Иначе обещал и каменоломни отнять и из Ани выслать. Парон Онэнц по возвращении в фундук¹ тотчас послал за незадачливым смотрителем каменоломни и, надавав оплеух, потребовал списки ломщиков. Потом послал слугу к Джундику с покорнейшей просьбой пожаловать для расчетов. «Шаханшах отходчив, можно будет добиться повышения цен на камень... Дам чертовому зодчему хороший подарок, он убедит государя...» — утешал себя ростовщик...

— Нет, у меня денег, Джундик.

— Тогда придется прекратить работы, государь. В городской казне тоже денег нет. Так сказал князь Васак.

— Гм! Прекращать строительство укреплений сейчас нельзя. Время тревожное, — проворчал правитель, искоса посматривая на зодчего.

¹ Фундук — торговая контора (греч.).

Джундик покачал головой:

— Государь, не могут работать каменщики без денег. Уйдут со стен! И за камень уплатить Онэнцу надо, исправно стал поступать с каменоломен...

Захарий недовольно подкрутил ус. Положение действительно тягостное, казна пуста. Придется потолковать с толстосумами. Громко крикнул:

— Вахтанг!

В залу вошел юноша в придворной одежде, с выхлещенным лицом.

— Вызовешь во дворец всех богачей. Всех сам обойдешь, сейчас они в лавках и на базарах. Да не спутай, по обыкновению, имена!..

Когда эджиб вышел из зала, Захарий со вздохом обратился к Джундику:

— Зайди завтра, Джундик! Быть может, и достану тебе денег...

Базиличный зал в Вышгороде с утра был полон. По вызову шаханшаха со всех концов Ани прибыли виднейшие люди — землевладельцы, крупные купцы, ростовщики-менялы с Тиграном Онэнцом во главе. Приглашенными владело двойственное чувство. С одной стороны, толстосумов распирала гордость значиться в числе именитейших людей. С другой — тревожила неизвестность: к чему бы это вздумал правитель созывать? Ясно — не для душевспасительных бесед!

Шаханшах вошел с улыбкой, дружелюбно поздоровался:

— Как поживаешь, парон Вахрам? Поправляется ли твоя девочка, почтенный Тигран? Да что ж вы стоите — прошу, садитесь! Я рад видеть почтеннейших анийцев в своем доме...

Сияли от гордости лица богатеев, любезно упоминаемые правителем, радостно зашумели они, не сядя на скамьи:

— Долгие годы живи, государь!

— Властвуй нам на славу!

— Полихроннион! — воскликнул Онэнц.

Его маленькая дочь умирала от водянки, и внимание правителя целительным бальзамом ложилось на сердце опечаленного отца.

— Садитесь, прошу вас, — снова повторил Захарий. — Будем вести дружескую беседу о важном! Но сначала от-

ветьте мне честно: как торгуете после освобождения? Ведомо мне, что снова начались дела с заморскими странами и большие караваны снаряжаете вы на Трапезунт, Тавриз и Багдад. Вот ты, парон Вахрам, немалый доход с кохбинских соляных рудников имеешь, соль до Мисра стал посылать. А ты, Аветик-ага, много ли мешков вордан-кармира¹ в этом году отправишь в Константинополь?

— Плохая монета весь рынок забила, государь! От посеребренных пули из Тбилиси и Думаниса не знаем куда деваться, — подал реплику Онэнц.

— Ну, ну, парон Онэнц, я же знаю — ведь только против золота выдаешь ты бераты² купцам! — громко засмеялся Захарий.

Хоть и чувствовал себя стесненно ростовщик после недавнего разговора, но ласковый тон шаханшаха его ободрил. Встав с места, он с достоинством заявил:

— Дозволь слово молвить, государь. Наша гильдия не только бераты выдает... но разве перевелись на караванных путях разбойные люди и не едут спокойно с нашими бератами в кушаках предусмотрительные путешественники — будь то вельможи или купцы? А каждый государь считает обязанным с начала своего правления занимать у нас деньги, причем часто и не отдает долги. Например, за сбежавшим эмиром так и остались непоплаченными нашей гильдии двадцать тысяч динаров. Вообще же говоря, если священники занимаются помощью беднякам и калекам, мы помогаем царям...

Внимательно выслушав главу гильдии, Захарий мягко заметил:

— Парон Онэнц, я-то пока ничего вам не должен! Но казна государственная пуста! Да и городской казначей тоже говорит, что денег нет. А почему столь мы бедны? После изгнания сельджуков я освободил вас от налогов и пошлин на целых два года. Не зря ли так поступил? Все городские писцы и сборщики налогов, как один, докладывают — богатеют анийцы, торгуя без дани, без пошлины. И вот наш зодчий сообщает, что останавливаются работы по городскому строительству из-за отсутствия денег. И нет никому до этого дела...

¹ Вордан-кармир — червец, драгоценная пурпурная краска, изготавливаемая из кошенили (арм.).

² Бераты — денежные переводы (перс.).

Первым на эти слова отозвался Вахрам Папенц:

— Почему так дурно судишь о нас, государь? Разве не печемся мы о городе, не заботимся о его благолепии?! Вот новый каменный рынок построили, с многими лавками и складами, две прекрасные гостиницы воздвигаем...

— А о том, что городу нужны укрепления, вы не подумали? — перебил Захарий речь старейшины и недовольно оглянулся на старого родича: — В первую очередь тебе об этом следовало бы тревожиться, князь Васак! Как построил некогда царь Смбат крепостные стены, так и стоят они и поныне, хотя не раз разбивали их вражеские тараны. А время тревожное, того и гляди снова сельджуки нагрянут...

Амир города опустил голову под укоряющим взглядом племянника.

— Я решил предложить вам принять участие в возведении крепостных стен, — продолжал Захарий. — Пусть каждый мецатун получит право увековечить свое почтенное имя, как строителя, надлежащей надписью на каменной плите. Мы удвоим Смбатовы стены, заново облицуем их цветными плитами. А вдоль ущелья Ахуряна и у мостов построим новые стены с могучими башнями. Непреступной станет наша столица!

— А как с налогами и пошлинами тогда будет, государь? — раздался осторожный голос купца Бабкана.

— Еще на год дам отсрочку жертвователям, — подумав, ответил Захарий.

Онэнц решил, что время настало завоевать милость правителя, выступив в поддержку его предложения. Снова встав, он выпренно заговорил:

— Неужели, о анийцы, единодушным согласием не ответим мы радостно на призыв заботливого государя? Неужели, если будет надобно, не принесем мы в жертву все имущество для обороны нашей столицы? Я, Тигран Онэнц, берусь воздвигнуть за свой счет две... нет, три превосходные башни и прочные между ними стены, украшенные крестами!

— Опять вперед выскочил, старый хитрец, и немало на камне заработает... — проворчал на ухо соседу Аветик-ага. Однако могли ли Бахтагеки отстать от Онэнцев?!

— Бахтагеки построят четыре башни, шаханшах! — воскликнул с места старый купец.

Мецатуны зашумели:

— Мы тоже не отстанем, государь!

— Вели писцу Исраэлу записывать, кто сколько жертвует!

— Посмотрим, парон Онэнц, кто как выполнит свои обещания!

Захарий был доволен — строительство городских укреплений обеспечено... Он поднялся:

— Вы поняли меня и, как добрые анийцы, щедро откликнулись на призыв! Зодчий Джундик покажет вам чертежи новых укреплений — пусть каждый выберет себе участок по вкусу и внесет деньги в казну. С богом, приступайте к благому делу!

— Четыре вазира составляют правительство царства Картлийского: военный, внутренних дел, царского двора и казначейства. Кроме того, в правительство входит также председатель коронного совета — чкондидский архиепископ, им сейчас является старый друг нашего дома, преосвященный Антоний Глониставидзе, — пояснял Захарий внимательно слушавшему писцу Исраэлу.

— Дозволь спросить, государь, кто ныне вазиры эти? — осторожно справился тот.

Захарий усмехнулся:

— Их меньше, чем должностей! С недавних времен я — амирспасалар армян и грузин, то есть военный вазир, а также мандатурт-ухуцес, что значит — вазир внутренних дел. Брат же мой, князь Иванэ, — вазир царского двора. Место же царского казначея пока свободно.

На умном худом лице писца Исраэла читалось волнение. Он рискнул задать более сложный вопрос:

— А у нас как будет с правительством в Айстане, государь?

Захарий внимательно посмотрел на писца. Его отец, мелкий землевладелец в Агараке, долго служил княжеским казначеем. Сирота Исраэл с малых лет находился при отце и, проявив недюжинные способности, учился под руководством самого Мхитара Гоша. Потом он стал домашним писцом, а по смерти отца — казначеем, прибыл в Ани в свите Захария.

— Непрост твой вопрос, Исраэл! Недавно в другой форме его задал и отец Мхитар... Не будет у нас пока

отдельного правительства в Ани, не будет и совета, да и вазиратов заводить я не стану. Но все налоги и пошлины пойдут в мою казну. И суд будет в моих владениях собственный, — ответил задумчиво правитель, потом неожиданно добавил: — А главным казначеем и дворцовым писцом будешь ты, Исраэл! Дело знаешь, к наукам приобщен, человек испытанный... Считай себя вазиром нашего казначейства!

Пораженный решением правителя, Исраэл забормотал о своем малознатном происхождении. Захарий прервал его возражения:

— Ничего, Исраэл, отец царицы Тамар — мудрый Георгий всегда предпочитал иметь незнатных сановников! Придется тебе заняться и нашими лазутчиками, что за рубежами находятся. Приступай к делу без промедления...

Глава IV

КУВШИНЫ ЦАРЯ ГАГИКА

Вананэ осталась гостить у царицы Тамар на всю зиму и по вечерам, освободившись от дел, Захарий скучал, сидя один у камина. Его одиночество разделял верный Ростом, назначенный дворцовым комендантом. Забот у сотника оказалось немного, свободного времени было в избытке и однажды в поздние сумерки между Захарием и сотником состоялся такой разговор:

— Вижу, совсем обленился ты, Ростом! Никакой работы себе не придумаешь. Даже толстеть начал...

— Правда твоя, государь Закарэ. Только даром жалование получаю. А дел нет мне в этом жилище для сов! — в тон ответил Ростом.

— Возьми тогда на себя труд осмотреть подземелья дворца. Ведь где-нибудь здесь захоронен мой дядя — князь Садун Арцруни, которого отравили некогда в дворцовой темнице. Я обещал покойной матери разыскать его прах и предать земле по христианскому обычаю. Вспомни время, когда мы с тобой мальчишками по медным рудникам лазали... Здесь немалые подвалы, так что запасись терпением... Свечей побольше захвати да тщательно проверь все лазы и подземелья! — предложил Захарий.

— Слушаю, государь Закарэ, — отозвался сотник.

Обследование Ростом начал с изучения плана дворца, от главного входа в западном конце коридора, делившего дворец на две половины. Вход обрамляли базальтовые колонны, на которые сразу же обратил внимание сотник. Из коридора два хода вели в нижний этаж северной половины. Один из них сворачивал в крестообразный зал, куда выходили двери бани, караульного помещения и была видна дверь с железной решеткой. Она-то и вела в дворцовую темницу.

«Там и умер князь Садун!» — подумал Ростом.

Вернувшись обратно к главному входу, он стал внимательно изучать наружные колонны и вскоре обнаружил, что вход в главный коридор был двойным: один — явный, через ворота, и другой — потайной, под ним. В туфовой скале под полом коридора был выдолблен узкий ход, сами же колонны проходили сквозь деревянный пол в этот тайник. Идя по тайному коридору, сотник попал в подземелье и здесь сделал необычайное открытие, о чем тотчас сообщил правителю.

— Ищи здесь, Ростом, колодцы-кладовые, о которых есть предание, что в них Багратуни берегли свои сокровища и упрятывали навечно врагов... если их удавалось заманить в гости! — наставлял Захарий.

Запасшись светильником, Ростом с раннего утра спустился в подземелье. Об открытии Захарий тотчас сообщил настоятелю Нор-Гетика:

«...Странную находку вчера сделал Ростом в подземельях царского дворца. По завету матушки, я поручил ему разыскать захоронение ее брата — князя Садун, сорок лет назад отравленного в дворцовой темнице. Во время поисков Ростом обнаружил в яме под большой кучей глины и камней четыре мужских скелета. Около скелетов лежал разный инструмент каменщиков; черепа у бедняг были расколоты сильными ударами. Ясно было, их убили... Я велел похоронить останки бедных людей на анийском кладбище. Священник сначала заупрямился: «Нужно-де разрешение владыки Барсега, откуда я знаю, кто эти люди? Быть может, агаряне нечестивые?» Ростом тогда показал медные кресты, найденные им около скелетов, а я велел сказать строптивцу, что придется ему убраться из Ани, если он не выполнит моего повеления. Скелеты с честью после отпевания похоронили на клад-

бище. Так вот, отче Мхитар, прошу тебя прислать ответ с моим гонцом, что ты думаешь о всем этом деле? Письмо запечатай».

Мхитар Гош не замедлил с ответом:

«Несомненно, Закарэ, те несчастные люди — анийские каменщики, которых некогда злодейски убили по чьему-то приказу. Но почему их убили, в чем провинились бедняги? Я думаю, преступление содеяно по царскому повелению. Государи нередко так поступают, когда хотят сохранить тайну, а бывало, что и своеручно приканчивали рабочих, которые замуровывали их сокровища. Известно, что у царей Багратуни были неоценимый золотой трон и дивная корона, подобных которым не имели никакие другие цари. Когда пал их дом, по наследственному праву сокровища сии перешли к родичам их — грузинским царям. Куда делись остальные коронные ценности, летописцы как будто не упоминают... Впрочем, Закарэ, советую внимательно почитать историографов Матевоса Урхаеци и Аристакеца Ластиверци (этих рукописей нет у меня в библиотеке). Быть может, что-нибудь найдешь там, и откроется тебе тайна дворца Багратуни...»

Захария заинтересовало сообщение вардапэта. Достав у архиепископа Барсега старинные летописи, он погрузился в чтение.

Багратиды отличались деловитостью, умело продвигались к царскому престолу и, воцарившись, способствовали караванной торговле через Армению, часто сами занимались денежными операциями. За почти двухвековое царствование у них скопились огромные богатства. Но, кроме золотого трона и короны, никаких сообщений о судьбе царских сокровищ у анналистов не оказалось. Внимание Захария привлекло упоминание летописи, что последний Багратуни — Гагик II жил в изгнании на доходы с двух небольших городов, выделенных ему Византией. А в одной рукописи он нашел подтверждение о глубоких колодцах в Вышгороде, где хранились царские сокровища. Возможно, что Шеддадиды во время своего хозяйничанья в анийском Вышгороде и шарили в его подземельях, но никаких следов раскопок Ростом не обнаружил. Тогда Захарий решил сам спуститься в дворцовое подземелье.

В подвалах всегда темно и днем и ночью. Поэтому договорились тайные розыски осуществлять в ночную пору. Переодевшись в грубую одежду и захватив заступы, ломы, веревки и светильники, Захарий и Ростом, когда все во дворце заснуло, отослали стражу из крестовидного зала и спустились в потайной коридор, чтобы оттуда проникнуть в подземелье, где Ростом обнаружил скелеты. Высеченный в черной скале подвал с низким сводом был перегороден поперек каменной стеной старинной кладки из крупных туфовых камней. В углу помещения чернела большая разрытая яма. Рядом высилась груда сухой глины и камней. Здесь Ростом и обнаружил скелеты убитых каменщиков.

Захарий подошел к стене. Постучав ломом, он сказал:

— Придется ломать стену, Ростом. Вероятно, ее и сложили убитые каменщики. Начинай работать!

Ростом установил светильник на куче глины и стал ломом выворачивать камень. Через некоторое время его сменил Захарий. Старинная добротная кладка поддавалась плохо, выручила мягкость туфа. Скоро один камень был выломан и лежал на полу, за ним последовал второй, третий, четвертый... Взяв светильник, более тонкий сложением Ростом полез в образовавшееся отверстие в стене и очутился в смежном подземелье. Его голова показалась из бреши:

— Тут подземелье, но оно пусто!

Бреши расширили до размеров, достаточных для громадного туловища Захария. Светильники слабо освещали подземелье.

— Свету мало, Ростом. Зажигай факел! — распорядился Захарий.

Ростом западил смоляной факел. Красноватый свет заплескал на стенах и низком своде, также выдолбленных в черной туфовой скале. Никакого нового хода не обнаружилось. Небольшое помещение было совершенно пустым.

Захарий посмотрел на каменный пол и удивился:

— Смотри, Ростом, как чисто выстлан пол каменными плитами! Как в покоях... Зачем было мостить скалу каменными плитами, да еще в подвале?

— Лишняя работа, государь Закарэ! — подтвердил Ростом. — Если только... — он схватил лом.

— Надо поднимать все плиты! — решил Захарий. — Сколько их?

Ростом насчитал всего шестьдесят четыре плиты, по восемь в ряд, размером в квадратный локоть каждая.

— Работы на неделю, — мрачно заметил Ростом.

— Посмотрим. Пока что начнем выламывать четыре средних плиты, — ответил Захарий.

Орудия с двух сторон ломами, как рычагами, они довольно быстро подняли первую плиту. Ростом нагнулся и крикнул:

— Красный камень!

Под плитой оказался тот же черный туф, но угол занимал кусок красного туфового камня, вделанный в черное скальное основание.

— Здесь тоже, наверное, подземелье! — предположил Ростом.

Захарий молча кивнул и, схватив снова лом, стал поднимать следующую плиту. Когда все четыре срединные плиты были взломаны, перед взорами Захария и Ростом предстала квадратная плита из красного туфа, вделанная без раствора в черную скалу. Вставив железный клин в узкий паз, Ростом стал сильными ударами молотка окапывать камень с двух сторон. Когда пазы расширились, они снова вставили ломы и стали раскачивать плиту. Еще несколько усилий — и красный камень отвалился в сторону, открыв зияющее отверстие. Из колодца потянуло могильным холодом. Свет не проникал до глубокого дна. Ростом привязал веревку к факелу и стал осторожно опускать его в отверстие. На глубине десяти локтей пламя факела осветило ряд небольших кувшиное, в которых анийцы обычно хранили сыр, рыбу и вино.

— Попробуем вино царя Гагика! — попытался шутить Захарий.

Ростом весь дрожал от возбуждения. Обвязавшись веревкой и перекрестившись, он решительно спустил ноги в отверстие:

— Удержишь меня, государь Закарэ?

Для такого атлета, как Захарий, вопрос был излишним. Сотник закачался на веревке с факелом в руке. Скоро натянутая веревка ослабла, Ростом достиг дна. Его тень заметалась внизу. Вдруг из подземелья раздался неистовый крик:

— Золото, государь!

...Когда Захарий вытащил Ростом из колодца, тот молча стал вытаскивать из карманов золотые монеты.

Здесь были старинные безанты, иперпиры, ботаниаты, багдадские динары. Ростом с трудом обрел дар речи:

— Восемнадцать кувшинов. И все с золотыми монетами!

Захарий присел на кучу камней и глубоко задумался...

Необычайное, громадное сокровище Багратидов оказалось у него в руках! Сколько там может быть золота? Не счастье... И как кстати для пустой казны... «Нет, Закарэ, — сокровища эти тебе не даны для трат повседневных! Лишь при нужде крайней, когда близко подступит угроза к Айастану, можешь ты пустить в ход наследие царей анийских! А до того сокровища надо сохранить. И не здесь, конечно...»

Отверстие, ведущее в подвал с кувшинами, опять заложили красным камнем и тщательно уложили на место каменные плиты. Лишь после этого Захарий с сотником покинули подземелье. Поднявшись в опочивальню и усевшись, Захарий испытующе посмотрел на взволнованного Ростом:

— О сей тайне даже тень твоя не должна знать, мой Ростом!

— Понимаю, государь Закарэ, — прошептал сотник.

— Здесь, конечно, не место для хранения сокровищ... Прямо удивительно, что за полтора века владычества ни греки, ни сельджуки не пронюхали о золотом кладе! Впрочем, и мы с тобой никогда не нашли бы его, если бы не начали искать дядины кости. Утром, Ростом, отправляйся-ка в город и закажи шорникам штук сорок кожаных мешков. Ну, вроде тех, в которых руду возят. И замки к ним закажи оружейнику Тиграну. А если спросят любопытные люди, для какой цели вдруг понадобились такие мешки, ответствуй — на рудниках, мол, стали воровать руду, вот и велел шаханшах послать туда мешки с замками... На это дело даю тебе сроку три дня!

— Мало времени отводишь, государь, — запротестовал Ростом.

— Пусть днем и ночью мастера работают! У наружного входа в потайной коридор поставь стражу из алапов — это народ молчаливый. Да и вообще все это время не допускай во дворец посетителей. Когда мешки будут готовы, мы сами с тобой вдвоем наполним их золотом из кувшинов и поднимем наверх, а ты их тайно отвезешь в

Лори. Там спрячешь в горах, в надежном месте. На помощь тебе я вызову старика Вахрама из замка...

Очень удивился старый шорник Микэл необычайно-му заказу дворцового коменданта. Засадив всех подмастерьев за пошив и сам взявшись за шило и дратву, мастер не давал им никакого отдыха, кроме сна, пока все сорок мешков не были изготовлены. К тому времени в мастерской Тиграна были изготовлены столько же винтовых замков. Когда заказ был выполнен, встал вопрос о его доставке. Сам Тигран не захотел отправиться во дворец, посылать же с Кюрехом казалось неудобным.

— Я отвезу мешки во дворец! — вызвался Микэл.

Старый кахетинец привез мешки, но охрана не захотела пропустить его во дворец. Микэл поднял громкий крик:

— Я сам должен показать товар моему государю! Как вы смеете, дурни, задерживать меня?!

На шум из ворот вышел комендант. Узнав в крикуне старого друга семьи, Ростом приказал пропустить шорника с двумя подмастерьями, которые с трудом тащили тяжелые мешки с замками.

— Прошу тебя, генацвале, доложи государю, что старый Микэл просит его принять по важному делу! — попросил шорник знакома.

Допущенный в дворцовый покой, Микэл снял черную шапку и неторопливо поклонился. Захарий спросил:

— За каким делом пришел, деньги хочешь за мешки получить? Эге, да я как будто тебя знаю, старина!

— Нет, патроно, ты меня не знаешь, — с достоинством ответил шорник. — Я Микэл из Кахети, издавна проживаю в Ани. А вот твой великий отец, тот действительно меня знал... Мы первые с Тиграном-оружейником против эмира Фадлуна рамиков подняли и крепко помогли тогда войску царя Георгия взять Ани. Тому лет сорок минуло.

Захарий со вниманием слушал старого кахетинца. И, перейдя на грузинский язык, стал расспрашивать:

— Скажи, бидза Микэл, после изгнания эмира легче живется людям? Как ты считаешь?

— Конечно, государь. Налоги ты на два года отменил, беззакония преследуешь, новый «Судебник» ввел. Никто нас за райатов¹ бесправных не считает, никого за

¹ Райаты — податное христианское население в мусульманских странах.

веру не преследуют, будь то христианин или мусульманин. Опять-таки в городском совете достойные люди сидят, дела решают. Купцы из других городов больше с товарами стали приезжать, у рамиков заказов много, да и каменщики, наконец, работу получили...— Микэл был на диво речист в этот день, но тут внезапно умолк.

— Что же ты замолчал, старик, дальше не говоришь? — нахмурился правитель.

Микэл набрался смелости:

— Патроно, не гневайся, коли бестолковый старый человек не то скажет, что нужно, выслушай терпеливо мою просьбу.

— Я слушаю тебя, старина, — уселся поудобнее Захарий.

— С самых малых лет знаю я семью оружейника Тиграна. Часто на моих коленях сидели его маленькие дети...— начал дрожащим голосом Микэл.

«Это он об Ашхен!» Правитель всем телом повернулся к шорнику, но смолчал. Тот вынул клетчатый платок, вытер покрасневшие глаза:

— Прости меня, патроно, не могу я спокойно смотреть на девочку. Чем досадила Ашхен тебе? Почему отослад ты ее?

Захарий невесело усмехнулся:

— Она сама ушла к отцу!..

— И это знаю. Гордая она, наша Ашхен, не стерпела косые взгляды твоих родичей, их тайные попреки. А ты бы защитил ее! — все более смелел старик.

Перед Захарием внезапно встал строгий лик Тamar. Он машинально повторил сказанные ею в памятную вардзийскую осень слова:

— Нет у правителей личной жизни, Микэл...

— Да вы что, не люди и не человеческая кровь течет в ваших жилах? Разве радость и горе, болезнь и смерть не проникают и в царские жилища?

Голос у Микэла окреп, он смело боролся за судьбу своей любимицы. Захарий это понял и был тронут.

— Эх, бидза Микэл, все это верно. Но не положено мне богом уйти из этого мира, оставив свои обширные владения на произвол судьбы, без наследника. А Ашхен много лет бесплодна. И по закону не может быть моей женой. Тут я ничего поделать не могу — моя родня права...

Поник головой старый мастер, понял, что ничем не может помочь Ашхен. А Захарий задумчиво добавил:

— Захочет Ашхен, пусть уедет из Ани куда-нибудь на север. Поместье ей там дам; молода еще она и найдет свое счастье в жизни...

Несколько дней подряд таскал Захарий вместе с сотником Ростомом кожаные мешки, набитые золотыми монетами, из подземелья в базиличный зал. К тому времени из Лори прибыл пятисотник Вахрам с тяжелыми повозками, которыми правили взрослые сыновья, служившие под его началом в охране замка.

— Вахрам и Ростом, вы старые, верные слуги нашего дома! Вот погрузите мешки с золотом, отвезете в Лори и только вы одни на свете будете знать, где запрятано в горах неоценимое сокровище. Тайна сия — великая и будет считаться родовой в ваших семьях! На смертном ложе должны вы, под крепкой клятвой и с глазу на глаз, передавать тайну наиболее достойному из ваших сыновей... — строго говорил Захарий. — И расходовать можно это золото только по моему письменному приказанию.

— А как с ишханом Мушегом быть, сообщить ему о кладе? — задал вопрос Вахрам.

Захарий задумался. Недавно назначенный начальником лорийской конницы и правителем Сомхити князь Мушег — дальний потомок прославленных Мамиконянов, был недостаточно близким человеком для Мхаргрдзели. Захарий отрицательно качнул головой. Тогда Ростом, в свою очередь, осмелился спросить:

— А ты сам, государь Закарэ, кому в своем роде сообщишь о тайне сей?

Сотник затронул болезненное место. Правитель глухо ответил:

— Там видно будет, Ростом. Ну, с богом, начинайте грузить повозки!

В глухую звездную ночь по улицам спящей столицы медленно потянулась вереница повозок. Их охранял конвой из молчаливых, вооруженных до зубов аланских воинов. Впереди обоза ехал Ростом, шествие замыкал пятисотник Вахрам. Долго прислушивался Захарий к постепенно удаляющемуся под собачий брех скрипу колес и мерному топоту коней...

ЗОДЧИЕ

Вернувшись из дальних странствий, Галуст поселился у вдовы своего учителя Езника, скончавшегося незадолго до освобождения Ани. Галуст так и не женился, несмотря на то, что немало красивых девиц засматривалось на статного варпэта, когда он шел во главе своей артели на работу. Никогда не заходил Галуст и на Кузнечную улицу, даже брата не навещал в кузнице. Но когда дочь оружейника вернулась, стали замечать соседи Тиграва высокого человека, бродившего близ их домов. Однако Галуст с артелью вскоре выехал в Мармашен, где главный зодчий начал восстанавливать храм, возведенный некогда знаменитым Трдатом и разрушенный сельджуками. К лету работы развернулись полным ходом. Из Ани стали приезжать для наблюдения Джундик и его помощник Маргар.

На строительстве храма работало до сотни каменщиков и кузнецов, арубщиков, подвозивших на волах камень, песок и гравий. Одни из каменщиков занимались грубой отеской камня, другие вели тонкую выпестовку каменных плит и резали орнаменты, третьи укладывали камень в стену и заливали известковым раствором. Крупные камни поднимались на леса при помощи деревянных струбцин.

Каменщики уже закончили кладку стен, и староста артели вместе с десятником Хореном (уговорил-таки ширакаванец зодчего взять его на работу!) проверял по уровню каменный венец.

— «Господь всемогущий, помилуй нас, потрудившихся...» — вслух прочитал Галуст старинную надпись на орнаменте церковного карниза.

— Видишь, Галуст, бедные каменщики даже указать свое имя не посмели! — заметил десятник Хорен. — Только личный знак и разрешается нам ставить!

— Есть люди, которые постоянно трудятся, как волы, и не дана им слава, а есть люди, которые не слезают с коня и только разоряют страну, но вся честь воздается только им, — с горечью отозвался Галуст.

— Правильно, Галуст, и я всегда так думаю! — охотно поддакнул Хорен.

Каменщики переговаривались на большой высоте — на лесах, воздвигнутых вокруг храма. Вдали на дороге возникло, приближаясь, облачко пыли, показался и сам всадник.

— Зодчий Маргар едет! — заметил Галуст и, оставив обмер, поспешно стал спускаться с лесов навстречу.

— Ждите, друзья, назавтра шаханшаха! Сам приедет смотреть работы, — озабоченно говорил Маргар, внимательно рассматривая обновленный фасад. Изумительным образом тонкого мастерства высился перед ним храм. Строгие контуры здания, стройные полуколонны, филигранный орнамент каменных карнизов, собранная в изящной гофрировке кровля соборного купола — весь облик поразительного памятника армянского зодчества оставлял неизгладимое впечатление.

— Превосходный божий храм восстановили из праха, варпэт! Вот только к чему было помещать на столь большой высоте тончайший узор, что его с земли и не увидишь? — заметил Маргар, усаживаясь в седло.

Галуст смущенно почесал затылок. Тэр-Маргар прав, ничего не скажешь! Но глубокий орнамент в камне не сотрешь, как пятно на ткани, надо камни менять, а это невозможно...

— Ничего, варпэт! — молвил зодчий, разбирая поводья. — Доволен останется государь... — И он принустил иноходца по дороге.

Плохо спал Галуст в эту летнюю ночь. Предстоящая встреча разбередила старую рану, хоть и не раз убеждал его Микэл забыть обиду. И снова ворочался мастер с боку на бок на овчинах, размышляя о своей одинокой жизни, об Ашхен...

Осмотр храма прошел благополучно. Захарий восхитился искусной работой каменщиков, задавал благосклонные вопросы. Умные ответы старосты артели понравились правителю. Осмелев, Галуст молвил:

— Государь все богу дома строит...

— А разве вам, каменщикам, плохо от этого? — удивился правитель.

— Нам-то неплохо, государь, заработок дает... А все-таки для чего господу богу столько домов? Вся земля — его владения, молись где хочешь!

— Эге, варпэт, хорошо, что преосвященный Барсег тебя не слышит, сразу же как еретика на Севан послал

бы, на вечное заключение! — рассмеялся Захарий.

— А что же строить, по-твоему, надо, Галуст? — заинтересовался Джундик.

— Мельницы, парон Джундик, бани для народа, гостиницы для купцов.

— А с церквями как тогда быть, варпэт? — подмигнув Джундику, спросил шаханшах.

— Государь, однажды церковь стала хвастаться своей святостью. А мельница ей в ответ молвила: «Я день и ночь тружусь, чтобы князья, священники и твои прихожане насыщались, а потом отправлялись к тебе молиться», — ответил Галуст.

Удивился Захарий, как быстро проникли басни старого наставника Гоша в народ... Садясь на коня, он бросил:

— Ладно, кончай этот храм, варпэт, и возвращайся со своей артелью в Ани. Будете отделять фасад моего нового дворца...

В лавке Микэла прохладно. На низком колченогом столике — незатейливый завтрак: хлеб, сыр и зелень с неизменным кахетинским, которое никогда не переводилось у Микэла. Прихлебывая вино, внимательно слушал старый шорник рассказ Галуста о встрече в Мармашене, одобрительно поглаживая седую бороду.

— Вот и хорошо, что патроно Закарэ лично тебя узнал, заказ большой даст, почетный для тебя и для твоей артели! Послушай теперь, что другое я тебе скажу... — и Микэл передал каменщику свой разговор с шаханшахом.

— Теперь ты понимаешь, каким дурнем был, когда хотел на нашего правителя покунуться? Ашхен не может быть по закону его женой, это ясно! И я ей советую согласиться на то, что ей предлагают. Пусть получит поместье и живет там госпожой! И ты с ней помирись! — уговаривал Микэл.

— Бог знает, что предлагаешь, Микэл, плату за бесчестие взять? — вспыхнул от негодования Галуст.

— О каком бесчестии, дурень, говоришь? — рассердился в свою очередь Микэл. — Да разве десять лет не была Ашхен женой великого эристава? А теперь, хоть три раза венчай их в церкви, все равно по закону при-

шлось бы по причине бесплодия разводиться. Не захотел господь благословить союз, и тут ничего не поделаешь!

Не поверил, однако, словам старого шорника Галуст и отправился к ученому-монаху по-соседству за разъяснением. А тот вычитал ему из «Судебника»: «Если жена, видя печаль мужа по поводу бездетности и сжалившись над ним подобно Сарре, давшей свободу Аврааму, предоставит ему свободу жениться, — пусть он берет себе новую жену». Положив монету на стол за мудрый совет, Галуст отправился на Кузнечную улицу.

Глава VI

ПОХОДНЫЙ АЛТАРЬ

Летние маневры в этом году проводились грузинскими полками совместно с лорийской конницей. Как обычно, они происходили в долине Иори, близ крепости Уджармо, где хранились коронные сокровища. На маневры прибыла и дружина из Скандии.

Захарий отдыхал в своем шатре.

Ростом (уже в звании пятисотника) лежал в углу на ворохе сена, покрытом черной буркой, ворочался и тихо вздыхал. Амирспасалар из-за полуопущенных век внимательно наблюдал за Ростомом. Негромко спросил:

— Что еще случилось, Ростом?

Ростом повернул встревоженное лицо к амирспасалару. Привстав на бурке, он озабоченно почесал затылок, нерешительно начал:

— Неблагополучное дело, государь Закарэ... Сегодня на утреннем водопое у реки скандийские дружинники кричали нашим лорийцам: «Какие вы, к сатане, христиане?! Богу никогда не молитесь, нет у вас ни священников, ни алтарей!»

Пятисотник умолк, заметив нахмуренное лицо Захария, и поспешно добавил:

— Конечно, у нас так водится только в походе, а все-таки обидно!

Пояснение Ростом было излишним. Давно исчезли из армянских полков священники и не велось богослужение под открытым небом. Захарий далеко не был хан-

жой. Но в разноплеменных войсках, где преобладали христиане, дух религиозного единства был чрезвычайно важным.

— Драки не было, Ростом?

— Нет, государь Закарэ. Сотники вовремя вмешались в спор!

Сообщение Ростомом глубоко взволновало амирспасалара. «Не дай бог, появится неприязнь в войсках разнотверных, тогда конец нашей мощи! Конечно, спор у водопоя не случаен! Но кто тут действует — глупец или враг внутренний, лазутчик вражеский? Пусть в этом разберется Чиабер, это по его части», — решил Захарий и тотчас вызвал своего заместника Торели.

Начальник конницы Торели ведал также войсковой разведкой и был проникателен. Он быстро установил, что в подстрекательстве виновен азнаур из Скандии, и, заковав его в железо, отправил в Куде-кари размышлять о превратностях судьбы. Под пыткой азнаур выдал, что выполнял волю Джуаншера Дадиани. Об этом было доложено царице Тамар по ее прибытии на маневры.

— Надо вырвать без остатка гнилые корни Вардапа! — гневно вскричала Тамар. — Прошу тебя, мой Давид, поезжай в Кутаиси, покарай изменника... Но и тебе, Закарэ, надо покончить с вашей мороккой! На самом деле, почему не молитесь в походе, соблазн для других христиан создаете, а?

Захарий пообещал принять меры и решил посоветоваться с мудрым наставником на обратном пути в Армению.

Из Уджарминского лагеря амирспасалар поехал сначала в замок Гаг, на нагорье между Курой и Агстевом. Погостив у добродушного гиганта Блу-Захара несколько дней, Захарий поднялся по ущелью реки Агстев до Нор-Гетика, где его, как всегда, с нетерпением ждал старый наставник. Восьмой десяток шел Мхитару Гошу, но по-прежнему зорек взгляд из-под нависших седых бровей и лишь немного согнулся худощавый стан под грубой монашеской рясой. Захарий рассказал о неприятном происшествии на учении. Настоятель тяжело вздохнул:

— Все по людскому неразумию происходит, мой Закарэ! Отцы нашей церкви действительно давно отказались служить святую литургию в ризах и под открытым небом.

— Но почему у других христиан ее служат? — допытывался Захарий.

— Так уж повелось со времен владычества арабов. Скорее всего, опасались наши отцы получать оскорбления от мусульман во время богослужения вне церковных стен. Но в древние времена в армянских войсках всегда были походные алтари! — вспомнил Гош. — И в моем «Судебнике» ясно сказано: «Не следует видоизменять древний обычай в области церкви»¹.

— Вот видишь сам! Значит, можно восстановить обряд этот в наших полках? — допытывался амирспасалар.

— Барсег никогда не согласится! — коротко ответил Гош.

— Сатана забори упрянца! — сердито сказал Захарий. — Разнь вероисповедания разобщает народы, противопоставляет друг другу... и я, амирспасалар армян и грузин, не могу рисковать нарушением единства моих разноверных войск из-за каких-то обрядов церковных.

— Закарэ! — укоризненно посмотрел на питомца вардапэт.

— Да, конечно! Отлично понимаю, в чем суть вся: никак не хотят отцы нашей церкви в чем-либо походить на других, хоть раньше и единой была церковь христианская! Нет, я обращусь за разъяснениями повыше, к католикоосу киликийскому, — решительно заявил Захарий.

— Барсег сам почитает себя патриархом-антикатоликосом и не признает киликийских владык. Кроме того, и в Киликии сейчас их двое — Иоаннес VI в Ромкле и Давид III в Сисе, — пояснил Мхитар Гош.

— Да сколько же этих патриархов в армянской церкви?! — ужаснулся правитель.

— Больше чем нужно! — вздохнул Гош. — Семь католикосов и патриархов правят ныне церковью Григория Просветителя, прилежно насылая проклятия друг на друга...

Захарий задумался. Потом тряхнул крупной головой, молвил:

— Напишем, отче, запрос в Киликию обоим католикосам, а заодно и самому царю Левону. Так крепче будет! Пусть созовут своих епископов и вардапэтов, обсу-

¹ Статья 70-я «Судебника» Гоша.

дят наше предложение о походных алтарях. Составь, прошу тебя, послания как полагается — с текстами из писания и примерами из истории. И дай верного человека, только не старого, — путь в Киликию долог и труден. Пусть он отвезет послания, объяснит католикосам и царю Левону положение, доложит на церковном соборе все обстоятельства дела!

Подумав, Мхитар Гош предложил послать своего любимого ученика Ванакана.

— Книжен и мудр брат Иоаннес не по летам, утешение мое в старости! — похвалил ученика настоятель.

— Значит, я огорчаю тебя, отче? — притворно обиделся Захарий.

— С малых лет тревожишь меня, Закарэ, — покачал головой Гош. — Горяч непомерно и часто поступаешь невоздержанно. А я не могу пребывать постоянно около тебя, как в былые годы. Сколько раз наставлял — мнение о людях составляй молча, слушай раньше, чем сам высказываться будешь, все разузнай о деле прежде, чем решать...

Не замедлил с выездом из Ани Ванакан, держа путь на запад. Он вез послания шаханшаха Закарэ царю Левону II и обоим католикосам. После длительного путешествия через Трапезунт и Константинополь Ванакан благополучно высадился в гавани Адалия на восточном побережье Средиземного моря и, пересев на киликийскую галеру, прибыл в Айас, а оттуда с попутным караваном доехал до Сиса.

Посланец с далекой родины был благожелательно принят царем Левонем и сисским католикосом Давидом III. Весьма польщенный, что знаменитый полководец и правитель Восточной Армении обратился к нему для разрешения запутанного церковного дела, царь Левон обещал Ванакану незамедлительно созвать церковный собор, о чем через возвращающихся в Ани купцов он любезно уведомил «правителя восточных стран», закончив свое письмо следующими знаменательными словами: «Давно пора прекратить раздоры среди отцов нашей церкви!»

При великом стечении киликийского духовенства в Сисе состоялся церковный собор под главенством като-

ликоса Давида. Епископы и вардапэты согласились с доводами правителя Армении и приняли решение, на основе которого и было составлено «послание царя Левона Закарэ, великому полководцу и шаханшаху восточных стран». Последний уведомлялся о соответствии его предложений апостольским канонам. Пока искусные писцы изготовляли и украшали изящными миниатюрами пергамент, сметливый Ванакан успел съездить в Ромкла, к низложенному католикосу Иоаннесу VI. Город этот находился на территории Румского султаната, и владыке было удобно посылать оттуда анафемы на головы своих супругивников в Киликии.

Иоаннес VI пристально следил за ходом церковного собора. Узнав от Ванакана, что епископы и вардапэты Киликии решили поддержать предложения шаханшаха, опальный католикос немедленно вызвал к себе помощника епископа Минаса:

— Слышал, тэр-Минас, что решили отцы в Сисе по ходатайству властителя анийского?

Грузный католикос сидел в широком кресле, исподлобья поглядывая на бледное, худое лицо епископа. Минас, подняв очи, тяжело вздохнул:

— Как только, о неразумные, не убоились кары божьей, принимая в твое отсутствие столь важное решение? Я думаю, святой отец...

— Пустое! — перебил католикос изливания Минаса. — Решение сисских отцов канонично, и восемь правил церковных, ими составленных, с моим мнением совпадают. Конечно, нужно восстановить богослужение в воинстве армянском! Шаханшах Закарэ совершенно прав, и непонятно, как анийский упрямец Барсег решается противоборствовать благочестивым намерениям мудрого правителя восточных стран! К тому же последний прислал мне с вардапэтом почтительное сыновнее послание. Закарэ понимает, что без моего апостольского благословения никакое соборное решение силы не может иметь! А посему готовь, тэр-Минас, благоприятствующий кондак¹ на имя шаханшаха анийского и отправляйся туда моим послом вместе с прибывшим иноком Иоаннесом. Повезешь также мои дары боголюбивому правителю Айастана — походную скинию и мраморный алтарь, искусно

¹ Кондак — послание, указ католикоса (арм.).

украшенный, что хранится в сокровищнице нашей. Захватишь с собой, тэр-Минас, трех почтенных иереев и четырех сладкогласных диаконов, дабы поучили они темных дзорагэтцев правильному богослужению и навели их на путь истинный.

Епископ Минас изменился в лице. В те времена далекие путешествия были небезопасными, а встреча с неистовыми дзорагэтцами, не признающими авторитета киликийских святителей и крепко держащимися за свое толкование церковной обрядности, сулила немало волнений боязливому епископу. Но католикос уже благословляющим жестом отпускал Минаса на подвиг во имя веры:

— Да хранит тебя всевышний в действиях богоугодных... Езжай с богом, тэр-Минас!

Негодующие сисские отцы немедленно донесли «своему» католикосу Давиду о посылке Иоаннесом VI кондака и даров в Ани. Давид немедленно помчался во дворец с протестом. Властелин Киликии, молча выслушав возмущенного иерарха, после недолгого раздумья разжал в улыбке тонкие губы.

— Так... — протянул он. — Добавь, святой отец, в нашем послании восточному полководцу, что, повинувшись велению нашему, владыка Иоаннес (впрочем, нами за строптивость низложенный!) отсылает ему священную скинию и походный алтарь, которые он незаконно удерживал у себя... — и царь Левон благосклонно кивнул ошеломленному этим мастерским ходом святителю.

Глава VII

ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ

Наконец прибыли в Ани киликийские отцы — епископ Минас с иереями и сладкогласными диаконами, привезли долгожданный ответ и почетные дары католикоса Иоаннеса. Узнав, что шаханшах отдыхает в летней резиденции, Минас поспешил отправиться в Лори, куда уже прибыл Ванакан. Ознакомившись с решением собора и прочитав послания царя Левона и католикосов, Захарий велел немедленно созвать отцов церкви, которые начали прибывать в Лори из всех армянских областей. Барсег сказался, однако, больным и прислал на собрание замести-

теля епископа Саргиса. Когда отцы собрались в Лорийском соборе, перед ними выступил патриарший посол Минас и прочитал послания обоих католикосов и решение Сисского собора. Наиболее разумные из пастырей немедленно согласились с необходимостью восстановления богослужения в полках. Но яростно восстал против них архиепископ Григорис и с ним вместе ряд других отцов церкви. Григорис был близким родичем Мхаргрдзели и, рано приняв постриг, еще в молодые годы был назначен архиепископом Ахпатским, о чем не раз сожалел правитель Армении, ибо черной неблагодарностью ответил ему Григорис. Возглавив наиболее фанатичное и непримиримое крыло армянской церкви, стремившееся отгородиться иной обрядностью от других христианских толков, он вел непримиримую борьбу с униатскими тенденциями киликийских иерархов, писал предерзкие письма католикосам и возглавил на Лорийском соборе бунт церковников против державного родича. Поведя за собой большинство пастырей, он отказался признать решения Сисского собора, чем вызвал большое смятение и раздор среди божьих служителей. Споры и пререкательства с великим шумом продолжались до позднего вечера. Церковники разошлись, так и не приняв никакого решения. Услышав о неподобающем поведении родича и его единомышленников, Захарий сильно разгневался, но сдержал раздражение, решив дождаться дальнейшего развития событий. Ночью случилось, однако, неожиданное. Многие отцы, опасаясь крутого нрава правителя, сбежали из Лори и попрятались в надежных местах.

— Будь они прокляты, упрямые мулы в рясах! — вскричал Захарий, когда его разбудил Ростом, чтоб сообщить о бегстве церковников. — Возьми стражу, Ростом, и с утра загони всех оставшихся попов в замковую церковь. Я заставлю их принять решение!

— Государь Закарэ, наша церковь невелика, трудно будет разместить всех священников, — попробовал возразить пятисотник.

— Чепуха! Пусть немного подождут свои толстые чрева... Я сам с ними буду говорить! — пригрозил Захарий.

Когда духовные отцы вновь собрались в замковой церкви, епископ Саргис вторично огласил киликийские послания. Сразу же поднялся невообразимый шум. Разо-

зленные церковники наперебой выкрикивали, что они не признают власти киликийских католикосов, не будут подчиняться велениям Сисского собора. Вдруг на пороге храма появилась величественная фигура человека в бархатном кафтане. Гвалт сразу стих — шаханшаха побавались даже самые рьяные рясоносцы. Захарий был мрачен. Обращаясь к епископу Саргису, грозно спросил:

— Я спрашиваю тебя, преосвященный, каков ответ присутствующих пастырей на указ католикоса и решения Сисского собора? Ответствуй!

— Государь, мы еще не обсудили должным образом послания... послания из Киликии... — запинаясь, пробормотал Саргис.

— Поторопитесь же, святые отцы! — в голосе Захария прозвучала нескрываемая угроза. — И знайте, пока вы должным образом не решите дело, до тех пор и будете пребывать в храме божьем. И дабы ничто не отягощало ваши ученые мозги, побудете на хлебе и воде. Ростом!

В дверях в полном вооружении появился пятисотник.

— Поставь стражу у всех выходов. Никого не выпускать и не впускать в церковь без моего разрешения! — громко распорядился Захарий.

Со всех концов раздалась негодующие вопли. Но правитель уже повернулся и вышел из храма.

Посидев сутки в заключении и изрядно проголодавшись, святые отцы сдались и подписали угодное шаханшаху решение. Тот вызвал к себе епископа Минаса:

— Преосвященный, ты прибыл благовестным посланцем для вразумления наших пастырей. Так написано в письме его святейшества Иоаннеса. Я рад твоему приезду. Ныне надлежит тебе отправиться в Ахпат, дабы внедрить там благолешие и установить обрядность по канонам.

Встревоженный тэр-Минас начал что-то лепетать о военной охране. Захарий нахмурился и наотрез отказал киликийцу в просьбе.

— Не проси, отче, и так уже кричат пастыри о насилиях шаханшаховых. Есть же у тебя апостольские послания, решения двух соборов, чего еще надобно? Увещевай отцов наших с христианской кротостью, текстами из святого писания, каноническими уставами!

Захарий, однако, плохо учел воинственный нрав родича в рясе. Пока епископ Минас собирался со своим небольшим клиром в Ахпат, единомышленники успели пре-

дупредить Григориса о предстоящем прибытии ненавистных киликийцев. Зловеще сверкнули глаза неукротимого чернеца.

— Добро! Достойную встречу приготовим проклятым латинцам! — крепко стиснув пастырский посох, молвил епископ Ахпатский. И слово свое сдержал...

Когда на горной тропе, ведущей из ущелья на плоскогорье, где расположена Ахпатская лавра, появился караван преосвященного Минаса и его иереев на мулах, дорогу загородила большая группа дюжих послушников с дубинками. Впереди бесновался рыжий монах, скверными словесами понося клириков:

— Мерзкие псы смердящие! Сыны Вельзевула! Вот я вас, проклятые вероотступники!

Дав волю ярости, рыжий чернец кинулся вперед и с размаха опустил посох на голову бедному Минасу. Остальные послушники с ревом набросились на оробевших иереев, сбросили их с мулов и стали нещадно избивать. Скинув в заключение в пропасть неповинных вьючных животных, они с торжествующими выкриками вернулись в Ахпат.

Жертвы изуверов лежали без чувств на дороге. Очнувшись, старший иерей приказал одному из дьяконов отправиться в ближайшее селение и нанять новых мулов. С помощью сердобольных жителей преосвященного Минаса уложили на носилки и двинулись в обратный путь.

Вскипел от гнева правитель, увидев епископа Минаса жалобно стенающего на носилках посередине замкового двора, и загремел:

— Немедленно мчись в Ахпат, Ростом, захвати негодя Григориса! В цепях привези его на расправу! И всех его послушников закованными приведешь... Головой отвечаешь!

В Ахпатскую лавру поскакал конный отряд. Но и на этот раз успели доброжелатели предупредить мятежного архиепископа, и «он босиком скрылся из Ахпата со своими соучастниками в область Каая», пишет о бегстве Григориса летописец.

Перевалив через горный хребет, где еще местами держался снег, и кочуя от одной пастушьей стоянки на лотовках к другой, на которых приходилось отбиваться от разъяренных овчарок и редко можно было достать кусок ячменного хлеба или миску мацуна, измученный свя-

титель добрался до Нор-Гетика. Григорис справедливо полагал, что анийские стражники не посмеют нарушить покой обители, где настоятельствуется наставник шаханшаха, и решил искать убежища у сердобольного Гоша.

Несказанно удивлен был старый привратник, узрев в глазок ахпатского владыку в одном подряснике, с израненными от долгой ходьбы босыми ногами.

Старый игумен, однако, холодно принял беглеца. Приказав истопить монастырскую баню и накормить истощавшего владыку и его спутников, Гош на несколько дней оставил в покое Григориса, который отдыхал в отведенной ему келье, предаваясь мрачным размышлениям. Но потом между ним и преосвященным состоялась наедине длительная и малоприятная беседа. Жесткими словами обличал преподобный Мхитар всю непристойность поведения мятежного князя церкви:

— Когда-нибудь вспомнят о нас с тобой люди и подумают: вот и Мхитар Гош был заодно с епископом Григорисом, приютил его, спрятал от гнева шаханшаха... И не будут те люди знать, что в моих старых глазах ты кругом не прав! Не по-святительски поступил, а аки юнец невоздержанный, в рясу переодетый, осрамил всю церковь восточную! Ну, мыслимое ли дело — посла католика смертным боем избить своим прислужникам повелел? То действие, несомненно, сатаной внушенное, а не отца церкви достойное! Вот и скажут ныне в Киликии: дзоргэтцы — люди дикие!

Григорис только вращал круглые от бешенства глаза, но спорить не решался. Нравоучительные беседы настоятеля с беглым архиепископом повторялись не раз — мудрый старец хотел убедить неистового владыку в неверности всех его действий, в необходимости всеобщего примирения и устранения разлада в армянской церкви. Куда там! Не выдержав поучений старого монаха и еще больше накалившись злобой против родича-правителя, Григорис ночью скрылся из обители, перебравшись в соседний монастырь Кечарус, где было много его сторонников. Однако на новом месте опальному иерарху не повезло. Кто-то из монастырской братии дал знать в Вышгород о пребывании Григориса в обители. Из Ани незамедлительно прискакал Ростом со стражей, арестовал владыку и в оковах препроводил на остров Севан, где мятежник, пробив несколько лет в заключении, скончался. На его ме-

сто Захарий назначил смирившегося вардápета Иоаннеса из Санаина.

— Ленивы твои provedчики, Израэл! Что делается в монастырях и церквах, ничего я не знаю, — недовольно объявил правитель на утреннем докладе. Вазир молча положил пачку пергаментных листков на стол. И молвил:

— Донесения с мест за неделю, государь.

— Читай самые важные!

— Вот из Ахпата. В притворе драка в прошлое воскресенье приключилась. Нового архиепископа избить хотели сторонники Григориса, с трудом отстояли владыку иереи, -- докладывал Израэл.

— Провести дознание. Самых рьяных отправить к Григорису на Севан. Пусть вместе сидят! — распорядился Захарий.

— А вот вести из Оромоса. Отец-келарь обители похвалялся, «на пять лет, мол, запасов зерна я собрал в закрома монастырские».

-- То не плохо, запасливыми всегда были монахи! — заметил правитель.

— А дальше сообщает provedчик: «А еще тэр-Матевос говорил: будет-де война с агарянами, не хватит в Ани хлеба, золотой за меру будут анийцы платить!» — продолжал вычитывать вазир.

— Ну и негодяй! — вскипел Захарий. — Недаром рассказывали мне анийцы, как при эмирах на нужде народной наживались святые отцы. Поди, и в других обителях немало хлеба припрятано, а? Недаром чуть не половину земель отцы в Айастане захватили — по нашей же глупости княжеской, через пожертвования! Полторы сотни монастырей насчитывают в моих владениях. И ничего с этим не поделаешь — попробуй хоть один закрыть! Наоборот — новые все воздвигают, от службы воинской и других повинностей уклоняясь. Так вот, Израэл, возьми себе на заметку — выяснить надо, где, какие запасы зерна в обителях находятся и в случае нужды (а о войне с султаном тэр-Матевос, кажется, правильно судит!) заберете излишки на пропитание войсковое. Так-то!

Не все мог высказывать своему державному питомцу преподобный Мхитар-Гош, предпочитая изливать душу перед новым любимцем иноком Ванаканом.

— Вот, хочешь ты, сын мой, писать историю народа армянского, продолжить труд великих историографов — Моисея Хоренаци, Фавстоса и многих других. Но, поверь, нелегко быть анналистом нелицеприятным, описывать деяния людские правдиво и точно. К примеру скажу, прибыл ты, после долгого путешествия, с решением соборным об алтарях походных бесспорным и каноничным. Так, Иоаннес?

— Воистину так, отче.

— На решение ополчились архиепископ Григорис и многие другие отцы, даже пострадали за это! А почто ополчились, спрашиваю?.. Какова их цель?

— Не ведаю, — развел руками Ванакан.

— Первая причина — вражда отцов восточных к владыкам киликийским, что хотят церковью св. Григория управлять, хоть и покинули Айстан для более спокойного проживания в краях далеких. Увы, увы! К чему стеной глухой от прочих верующих отгораживаться, единство народов братских, соседей вековечных нарушать? Почто единство бранное нарушать? В этом Закарэ полностью прав!

Неожиданно вздохнув, Гош продолжал:

— Вторая причина — вражда между мирской и духовной властью. Искони повсеместно борются за власть верховную, за блага земные, за поля и пастбища тучные правители между собой. И владык духовных не щадят! Ошибки же отцов наших — для Закарэ предлог преудобный для усиления власти своей..

— Ведь сказано в писании: «Кесарево — кесарю, а богу — богово»? — несмело спросил Ванакан.

— Не всегда мы выполняем заветы христовы! — печально ответил Гош. — Предвижу, не даст Закарэ воли отцам, сам захочет кормило власти держать безраздельно, а тогда... — старый монах не договорил, поник головою.

Брожение в монастырях и церквях не утихало. Хоть и притесняли пастырей мусульманские правители, но в дела церковные не вмешивались, доходов судебных не отбирали и в узилища пастырей не ввергали, как это проделал правитель-христианин, родича близкого не пощадивший. Потеряв терпение, Захарий решил сам отправиться к владыке, нити недовольства в монастырях тянулись от архиепископского дома. Так утверждал Израэл.

В архиепископских покоях тихо. Изредка в длинном коридоре прошелестит шелковая ряса приезжего епископа, робко прокрадется сельский священник, вызванный в консисторию для разноса. Потом снова станет тихо и благобно. Пахнет ладаном курильниц, горящим в лампадах деревянным маслом. Старый архиепископ, взволнованный событиями в церковной жизни, непритворно занемог. Скорбными глазами взирал Барсег на унылые лица епископа Саргиса и настоятеля собора тэр-Аристакаеса. Тяжелое молчание томило пастырей. Не выдержав, епископ проstonал:

— Горе нам! Громит нечестивец святую церковь, зато-чает в темницу, высылает отцов...

— И доходов уже лишил судебных! — поддакнул Ари-стакес.

Барсег злобно пробормотал:

— К горшку приделали золотые ручки, но не очистили дно его от сажи. Что еще ждать от правнука язычников из Бабира? Да еще выученику Гоша-философа?

Внезапно конский топот нарушил невеселую беседу пастырей. В покой, предшествуемый испуганным служкой, вошел Захарий.

Непреклонный духом больной владыка принял гостя недружелюбно и сразу перешел в наступление.

— Почто, государь, аки Юлиан-отступник, на праведников божьих гонения возводишь? — гневно спросил святитель, вперив горящий взор в лицо Захария и постукивая посохом о пол.

— Это разбойников, что с дубинами на неугодных тебе приезжих епископов нападают, праведниками считаешь, святой отец? — усмехнулся Захарий.

— Своевольничал твой же ближний родич! — отразил удар владыка.

— За что и сидит навечно на острове Севан... Я не потерплю никаких мятежников, хотя бы и из моей родни! — воскликнул Захарий.

— А ты не думал о том, государь, что не пристало Армени Великой своей же диаспоре подчиняться?! — с неожиданной силой заговорил архиепископ. — Папскую туфлю целовать мы не будем и халкедонитское еретичество не примем. Здесь средоточие всего армянства, и давно пора вернуть в Айратат престол Григория Просветителя!

Голос иерарха крепчал. Захарий с любопытством гля-

дел на возбужденное лицо под черным куколом с нашитым крестом: «А ведь кое в чем старик и прав!..» Примирительно сказал:

— Хорошо, святой отец. Соберем еще раз пастырей в Ани, снова обсудим решения соборов. И о других делах церковных поговорим. Но... литургию придется начать слушать в войсках!

Барсег отрицательно мотнул головой. Правитель сделал вид, что не заметил жеста, отвернулся к окну.

— Еще одно неблагоприятное дело приключилось, святой отец. В гарнийский лагерь из Айриванка явились два вардапэта, стали поносить воинов, которые веселые песни пели, кричали яростно: «Пойте хвалу господу или богородице и святым, хотя бы на тот же лад...» Очумели твои отцы! Лагерь — не обитель, а воины — не монахи! Я велел на будущее время взашей гнать из лагерей таких чернецов. А ты, владыка, дай соответствующее указание по епархиям!

Барсег, опустив голову, снова промолчал. Правитель резко встал с кресла:

— Трудно же с вами, упрямыми в митрах!
Вышел из покоя в гневе.

Отсутствие Гоша на соборе привело к тому, что епископ Саргис сухо объявил Вачутяну, присутствующему в качестве представителя шаханшаха:

— Не можем мы принимать никаких решений без великого вардапэта!

Наместник Ширака молча протянул епископу письмо Мхитара Гоша, в котором тот писал: «Немогущ я и стар, выехать не могу. Даю свое согласие на все решения собора». Тогда медленно встал с места седобородый Давид Кобайреци, друг и соратник заточенного на Севане Григориса. Воздевая худые руки к небу, он громко возопил:

— Статься может, отцы, что и нас пожелают принудить во всем следовать учению греков и иверийцев или ввергнут в темницу, подобно великомученику Григорису... Не будем решать без отца Мхитара! Пусть пошлют за ним соборного гонца, дабы прибыл он без промедления...

Гул одобрения пронесся под соборными сводами, по скамьям, заполненным людьми в черных рясах. Сразу смекнули отцы, для чего нужен престарелый мудрец из

Нор-Гетика. Готовясь снова отвергнуть требования дерзновенного правителя, они понимали, что шаханшах не признает никакого постановления, принятого без участия своего наставника.

В тот же день в Нор-Гетик борзо поскакал конный мопак, имея за пазухой послание, подписанное епископами и вардапэтами, в котором они в настоятельной форме требовали приезда отца Мхитара в Ани. «Не выдвигай в оправдание слабость плоти своей. Если же смерть поразит тебя в дороге, мы помянем тебя вместе со святыми угодниками. Итак, приезжай не медля...» — говорилось в послании.

Видя, что архипастыри не отвяжутся, Гош выехал в Ани. Однако, предупрежденный Исраэлом о замыслах церковников (были свои люди у вазира и среди них!), Захарий принял нужные меры, приезд вардапэта стерегли. Вачутян, окруженный толпой горожан, встретил настоятеля у Главных городских ворот. Улыбаясь, он схватил под уздцы его мула, приговаривая:

— Отче Мхитар, отче Мхитар, прошу тебя, пѣснеши во дворец, государь с нетерпением ждет твоего прибытия!

Что было делать старому игумену, которого весело, с шутками, но почти насильно влекли во дворец анийцы. Когда процессия следовала по улице мимо собора, где уже собрались отцы, из двери западного притвора выглянул Нерсес-вардапэт. Ужаснувшись, бросился догонять Мхитара Гоша, крича:

— Отче Мхитар, молю, вернись, мы ждем тебя!

Вачутян только погрозил Нерсесу кулаком. Какой-то неучтивый вояка крепко огрел плетью по спине вардапэта. Озлившись, Нерсес бросился обратно и, ворвавшись в собор, пронзительно завопил:

— Мхитар заодно с шаханшахом! Он уже во дворце... А меня избили нечестивцы!

Буря негодования поднялась в соборе. Все кричали, не слушая друг друга:

— Вероотступники! С греками стовариваются! Руку на церковь святого Григория поднимают!

— Отлучить еретиков!

Пока пастыри неистовствовали в храме, Гош уже сошел со своего мула и, оглядываясь по сторонам, стоял посредине замкового двора. Из дворца к нему с радостным

лицом спешил Захарий. Протягивая руки, он кричал старому наставнику:

— Прибыл, отче? Ну, теперь мне никого другого не надобно! Прошу тебя, зайди, отдохни с дороги... А я пойду в собор, немного потолкую со святыми отцами!

Выйдя из ворот Вышгорода, правитель в сопровождении князя Вачутяна медленно пошел по Главной улице, направляясь к кафедральному собору. В некотором отдалении двигался за ним пятисотник Ростом с отрядом панцирников.

Подойдя к южному, царскому входу, Захарий окинул взором светло-коричневый фасад величественного здания. На большой высоте с обеих сторон портала виднелись каменные горельефы — два готовых к взлету орла. Так некогда впереди великих царей Аршакидов во время торжественных шествий несли живых орлов, символ державной их власти, царские орленосцы.

Перед массивными соборными дверями, окованными листовой медью чудесной чеканки, стояли на страже дюжие монахи. По знаку правителя два панцирника выдвинулись вперед, наставив копья, оттолкнули монахов и широко распахнули створки дверей. Из глубины собора донесся гул голосов. Правитель твердым шагом переступил порог. За ним последовали Вачутян и Ростом. Створки дверей медленно закрылись за ними.

Великолепный храм был заполнен лишь в центральной части. На длинных скамьях восседали несколько сот епископов и вардапэтов в черных куколях и рясах. При появлении правителя сначала все смолкли. Но тотчас с задних скамей послышались негодующие выкрики:

— Где отец Мхитар? Почто прячешь его от нас, шаханшах?

Несмотря на все усилия епископа Саргиса навести порядок, крики все усиливались. Захарий стоял посередине собора, с собольей шапкой в руках и молчал. Переждав некоторое время, он резко махнул рукой. В зале прогремел властный голос:

— Прекратите бесчинствовать, святые отцы! И слушайте теперь мою речь.

В соборе постепенно воцарилась тишина.

— С прискорбием вижу я, сколь неблагодарны и неразумны епископы и вардапэты моей страны! Я неустанно восстанавливаю храмы, я строю новые обители божьи.

Ежегодно щедрые вклады поминальные получают от меня и моих родичей монастыри... И все вам мало! Забываете, что власть ныне в Айастане — христианская, что богу подобает — богово, а кесарю — кесарево.

Снова поднялся шум в зале:

— То у греков и латинцев заведено!

— Слушайте меня дальше, святые отцы! — гремел голос правителя. — Не думаете вовсе вы о благополучии и безопасности страны, подрываете дружбу и единство народов христианских... В походах мы находимся как язычники — некому за нас богу помолиться, и должны мои воины умирать без покаяния, и смеются над нами побратимы из Картли. И это вы считаете достойным и каноничным, святые отцы? Так внимайте, не намерен я дольше терпеть ваше своеволие! Есть у вас указ католикоса Иоаннеса, есть решения двух соборов, так поступайте по ним... Повелеваю — без промедления в войске армянском вновь завести богослужение, восстановить обычай древний! По чину пусть участвуют пастыри в делах ратных, как утешители воинов и врачеватели и души и тела. Кроме того... — сделал паузу Захарий, — впредь запрещаю я принимающим постриг великий приносить в дар обители владения свои. И так достаточно земель у монастырей ваших. А теперь — расходитесь, отцы, по домам — мне вы больше не надобны!

Неимоверный шум поднялся под гулками церковными сводами, как одержимые вопили епископы и вардапэты, грозя кулаками. Правитель отдал короткое приказание Ростому. Тот быстро вышел из собора. Тотчас распахнулись настежь двери и, лязгая железом, в храм вошли панцирники.

Захарий некоторое время спокойно наблюдал за разгоном церковного собора, потом, усмехнувшись, и сам вышел из храма.

Глава VIII

ОРУЖЕЙНИК КЮРЕХ

Глава гильдии анийских менял Онэнц с некоторых пор ощущал явный холодок в обращении правителя. «А все осел смотритель! Надо было вовремя выгнать его», — со злостью думал Онэнц, ломая голову, как бы войти в ми-

лость двора. Однажды, когда он проходил по оружейному ряду, его осенило. Ростовщик быстро вошел в лавку.

— Прибыли и удачи почтенному варпэту! — возгласил Онэнц.

— Счастья в делах, радость в твой дом! — степенно поднялся со стула старый Тигран. — Прошу, усаживайся поудобнее. Чем полезным смогу быть твоей милости?

— Оружием я стал интересоваться! — бросил ростовщик. — Доспехи мне нужны необычайные, царя достойные, варпэт Тигран!

— Ого! А на рост какой, дозвожь тебя спросить? — удивился оружейник. — Не на твой ли? — И, скрыв улыбку в седых усах, он оглядел приземистого заказчика.

— Примерно на твои размеры, варпэт! Немного повыше да побольше, — небрежно ответил Онэнц.

Оружейник вытаращил глаза:

— Да повыше и побольше меня в Ани разве один шаханшах! Прямо скажи, парон, для кого доспехи хочешь купить?

— Ну и непонятлив же ты, варпэт! Да для шаханшаха я и хочу заказать вооружение. Но об этом молчок, — приставил палец к губам Онэнц. — Когда заказ сможешь выполнить? О цене после поговорим, дашь расчет...

— Доспехов таких готовых у меня нет, — после раздумья молвил оружейник. — Разве только шлем есть один подходящий — из Мисра. Поножи, перчатки и щит подберем или изготовим, дело нетрудное. А вот кольчуга — иная статья! Мало кто в Ани может изготовить достойную царя... Но денно и ночью работать будут мои мастера, конечно, за плату двойную (Онэнц поморщился, но смолчал), и не хуже дамасской или рузикской изготовим месяца за три-четыре. Бляхи у ворота золоченые делать?

— Золоченые, — выдохнул ростовщик.

— Как можно за такой срок кольчугу изготовить? — удивился Кюрех. — Ты что, сам мастером оружейным разве не был, хозяин? Да на твой размер не двадцать, а поболее двадцати пяти тысяч кольчужных колец отковать придется... а потом склепывать их попарно. Вот и считай сам, сколько времени уйдет у нас с Петросом. Сам ты не станешь ведь к наковальне, хозяин! А размеры дай в точности...

Пришлось старому Тиграну отправляться в Вышгород на поклон к дворцовому коменданту за размерами доспехов. Ростому сразу понравилась затея ростовщика.

— Изрядно! Но сумеешь ли изготовить достойные доспехи, Тигран-джан? Особливо кольчугу?..

— Лучше дамасской будет! — заверял Тигран. — Не ударим лицом в грязь. Дай только какую-нибудь из оружейной для обмера.

Ростом тотчас выволок великолепную кольчугу.

— Вот! Настоящая дамасская...

А вечером все рассказал пятисотник правителю. Захарий рассмеялся:

— Не дорого же ценит меня парон Онэнц! Всего за кольчугу с шлемом купить хочет. Ну да ладно, посмотрим, какие доспехи анийские мастера делать умеют. Ты только хорошо проверь кольчугу — и на стрелу и на меч, Ростом, — и правитель дал еще одно указание Ростому.

Когда знаменитая кольчуга была изготовлена, даже Онэнц, человек мирный, и тот залюбовался ею. Но хвалить воздержался: «Еще прибавку потребует, и так цену непомерную заломил старый пес!» На утреннем приеме в Вышгороде Онэнц с витиеватой речью самолично преподнес доспехи шаханшаху:

— Да сокрушишь ты, государь, подобно Ахиллу греческому в сей броне анийской всех врагов! Полихронион! — воскликнул ростовщик и торжествующим взглядом оглядел всех удивленных придворных.

Правитель довольно охотно принял подарок и даже захотел тотчас примерить доспехи. Они оказались точно по мерке. Поблагодарив Онэнца, шаханшах продолжал прием, а тот, окрыленный успехом, отправился рассчитывать в оружейную лавку. Но старый Тигран, неторопливо перебирая четки, заявил:

— Напрасно поторопился, парон, сполна уплатил мне вышгородский казначей за доспехи, не торгуясь, и золотом старинным, добротным...

— Кто же все-таки сделал эту кольчугу замечательную? — спрашивал Захарий, рассматривая новые доспехи.

— Мастер Кюрех, что у старика Тиграна работает, — отвечал пятисотник.

— А где он научился такому искусству?

— Сказывали, долго в России жил, там, видно, и стал умельцем, у мастеров киевских обучаясь.

— Отличная работа! — еще раз похвалил Захарий. — Как вернемся из Тбилиси, напомни мне — возьмем Кюреха в Вышгород. Давно пора иметь своего мастера во дворце!

Многолюдно было на свадьбе варпэта Галуста. Счастье снова вернулось в дом старого оружейника, крупнейшие братчины сочли за честь принять участие в празднестве. Всех превзошел шорник Микэл: два бурдюка с кахетинским прислал он на свадьбу. И не раз помахивая большим цветным платком, в плавном танце лепил славный старик монету за монетой на потные лбы зурначей, поощряя их к стремительной игре. А в ясных глазах жениха читалась такая любовь, что Ашхен ощущала, как глохнут горькие воспоминания и в сердце проникает новое, еще неизведанное чувство...

Прошел год. Благословенным оказался брачный союз супругов, и настало время новому торжеству на Кузнечной улице — у Ашхен родился сын.

Редким гостем после женитьбы стал Галуст в анийских харчевнях. Лишь принимая новый заказ, появлялся староста артели каменщиков в подвальчике на рынке обмыть сделку с заказчиком по стародавнему обычаю. В этот вечер харчевня была переполнена народом, и Галуст со знакомцем не могли найти свободного стола.

— Сюда, Галуст-джан! — окликнул их знакомый голос. Из дальнего угла приветственно протягивал рог десятник Хорен.

Заказчик торопился. Отведав сочный пашлык и высушив за успех дела рог с араратским вином, он скоро ушел из подвала. Десятник удержал за руку Галуста.

— Постой! Давно мы не сидели вместе, Галуст-джан! Расскажи, как дела идут, как сынок растет у Ашхен. Выпьем за наследника твоего, — и Хорен дополна налил большой рог.

Беседа затянулась. И у Галуста зашумело в голове — отвык он от обильных выпивок. А Хорен весело болтал:

— Скоро ли мастером станет брат твой, а? Впрочем, чего я спрашиваю, при таком учителе, как варпэт Кюрех,

как не стать оружейником искусным! И сомневаться не приходится — кто лучше Кюреха работает в Ани. А правда ли, что своему мастерству он научился в Руси?

— То сказывал мне Петрос, — уже заплетающимся языком подтвердил Галуст.

— Так-так! Выпьем же за здоровье Петроса и его учителя, — и Хорен заказал новый кувшин вина. — Я еще слышал, — понизил голос десятник, — что Кюрех — предостойный человек! Великий заступник за бедный люд, нашим предкам, что против господ и попов восставали, подобен... Как их именовали, забыл?! Да что ты пустой рог держишь, дай я тебе налью...

— Н-не п-помню! — мямлил пьяный Галуст.

— Вспомнил, братьями из Тондрака их звали. То есть тондракитами, — сказал Хорен, наморщив лоб.

— К-кажется т-так. П-петрос их на-зывал... о-очень хвалил!

— Хвалил?! — в глазах Хорена сверкнул огонек. — Да как их не хвалить, мучениками они были святыми! И много ли теперь осталось?

Галуст пьяными глазами воззрился на собутыльника. Тот, прищурившись, смотрел на варпэта. Почему-то Галусту захотелось уйти.

— М-мне п-пора! Ашхен рассердится! — И, вынув кошель, он крикнул прислужнику:

— Прими за вино, братец!

Пошатываясь, тяжелой походкой двинулся к выходу. Хорен продолжал, прищурившись, глядеть ему вслед.

Барсег избегал появляться в Вышгороде после бурных церковных соборов. Тем более удивил придворных его визит. Архиепископа с постным видом сопровождал настоятель кафедрального собора. В руках тэр-Аристакес держал довольно объемистый свиток. Захарий холодно встретил клириков и даже не испросил обычного благословения. Усевшись вокруг стола, божьи служители для приличия помолчали. Потом началось опрашивание о взаимном здравии. Правитель учтиво спросил Барсега:

— Чем могу служить твоей святости?

— Горе тому, кто попирает учение апостолово и завет божественный бросает в грязь, как сказано в псалти-

ре XIV, псалм V... — высокопарно и издалека начал Барсег.

Захарий сразу насторожился: «Неспроста поп начал с писания! К чему бы это?» Но лица церковников были строги и непроницаемы.

— Ты это о чем, святейший? Кто в твоей епархии завет богов в грязь бросает? — подкрутил каштановый ус правитель.

— Государь, в твоих владениях, царству равных (Захарий покосился на архиепископа), я, смиренный раб божий, обязан неустанно блюсти веру непорочную, — елеинно говорил Барсег. — И обязан я властью, данной от бога, исторгать козлиц сатаны из стада Христова...

Владыка вещал туманно и непонятно. Захарий, потеряв терпение, воскликнул:

— Все-таки какое дело привело тебя в Вышгород, святой отец?

Барсег сделал величавый жест в сторону настоятеля собора:

— Дозволь отцу Аристакесу зачесть тайное сообщение о некоем богоотступнике, Кюрехе-тондраките!

— Тондраките? — поднял удивленно брови Захарий. — Да разве они еще существуют в Армении?

— Слушай сам, государь! — скорбно вздохнул владыка.

— «...А еретик сей, трижды анафема, уже не одного единомышленника обрел в своем отступлении от веры истинной. К примеру сказать, похвально отзывался о тондракитах некий Петрос, что подмастерьем работает у Тиграна-оружейника», — вычитывал тэр-Аристакес.

Глядя в сторону, правитель сердито постукивал по столу. «Значит, лучшего оружейника на расправу требуют проклятые клобуки! А как им отказать, особливо после соборов? И католикосы не помогут...»

После чтения доноса Барсег молитвенно воздел руки к потолку:

— Молю, шаханшах, выдай мне головой ученика сатаны! Так хочет бог...

Захарий медленно повернул лицо к владыке. Оно было гневным:

— Забирайте оружейника! Но не вздумай, святейший, латинцам подражая, костры в моем Ани разводить! Есть у тебя Севан, и того достаточно...

Кюреха весьма встревожила ночная пирушка. И хотя не все мог вспомнить славный каменных дел мастер с похмелья, но и сказанного было достаточно.

— Не первый год охотятся за мной чернецы, о многом догадываясь. Да и подлецов-доносчиков хватает. Тот же Хорен-десятник! И видно, подходит час полуночный, — беседовал оружейник с Петросом.

— Уйдем из Ани, отец! — взмолился Петрос. — Пока не поздно и не забрали тебя ищейки церковные.

Кюрех отрицательно качнул головой:

— Стар я уже бегать от преследователей, Петрос! И какой пример покажу я братьям?

— Но чернецы пытать тебя будут, выпрашивать о всех нас! — с тревогой сказал Петрос.

— Не сомневайся во мне, Петрос-джан, — печально улыбнулся Кюрех. — Хоть и мало нас, но заветы дедовские помним мы все твердо. И ты еще сможешь послужить народу мастерством своим — недаром я тебя ему обучил. Людям простым нужно оружие, не все будут шею гнуть перед алчными пастырями и ишханами, придет и их час. Но в Ани сейчас власть крепка — толстосумов, а выше их — шаханшах с его войском могучим. Поэтому собирайся в дорогу немедленно, сын мой! — И Кюрех сжал в объятиях Петроса, у которого стояли слезы на глазах.

— По каноническим правилам и Моисееву закону согласно, каждый человек, сатаной соблазненный или его приспешниками и имя господне носящий, от веры отступивший, побитию камнями подлежит. Так, отец Ари-стакес?

— Воистину так, святейший. О том в книге Левит XXII 14—16 указано, — монотонно отвечал настоятель, отвлеченный своими мыслями.

— А шаханшах думает воспрепятствовать справедливому наказанию еретика?! — негодуяще подал голос Барсег.

— Да, святейший, — тем же тоном подтвердил Ари-стакес.

Владыка рассердился:

— Что же ты мне все дакаешь, тэр-Аристакес, дела не говоришь? Как дознание вести собираешься?

Настоятель собора оживился. На узком, лисьем лице появилась кривая усмешка:

— Не в мере наказания сейчас дело, святейший! А в сообщниках проклятого тондракита. Преступника сего необходимо той птице прирученной уподобить, из-за которой попадают в сети и другие птицы. Себя спасти она не может, но, подавая голос, губит своих подруг.

— Гм! Не совсем так, тэр-Аристакеc, но похоже. Посмотрим, однако, как твоя птица подаст голос в клетке, — недоверчиво молвил Барсег.

В тесной комнате, с решетками на окнах, находились двое: за столом в черной рясе сидел иерей, а в углу в цепях — пожилой, коренастый человек с полуседой бородой. Священник поднял голову и вперился в узника колючими глазками. Негромко заговорил.

— Долго же ты летал по свету, черный ворон, сея заразу, хулил господа бога! Но теперь ты в наших руках... Недаром проклятое имя Кюреха, ученика трижды анафемствованного Смбата-тондракита, носишь! Недаром! Да знаешь ли, сподвижник сатаны, какова есть воля господня о носящих имя его святое! — сверкал очами священник. На память загнул: — «И сказал господь Моисею: «Выведи злословившего вон из стана, и все слышавшие пусть положат руки свои на голову его, и все общество побьет его камнями». Вот какова участь твоя по закону каноническому!

— Хорошо, пусть побьют меня камнями «слышавшие», если они есть! — хладнокровно ответил Кюрех.

— Кого ты хочешь обмануть, проклятый? Святую церковь? Да знаешь ли ты, что от самой Кафы, где ты подвизался после Руси, мы наблюдали за каждым шагом твоим, все знаем о деяниях твоих мерзких?! — завопил взбешенный Аристакеc.

— Коли знаете, зачем спрашиваете! — пожал плечами еретик.

Тэр-Аристакеc опомнился: «Крепок орех, сразу не разгрызешь! Ну да посмотрим!» Заговорил мягче:

— Спасти тебя, неразумный, хочу! Подумай о спасении вечном. И об облегчении участи ужасной на земле. Покайся чистосердечно, вспомни имена твоих единомышленников, и тотчас освободим тебя, по-прежнему работать сможешь!..

— Нет у меня никаких единомышленников и не было! — твердо сказал Кюрех, смотря прямо в глаза иерея.
— Иди и поразмысли, Кюрех! Покайся, увещаваю! Иначе придется тебе иметь дело с палачом, — пригрозил Аристакеc.

Сильно стала уменьшаться работа у анийского палача. После освобождения в городе стал применяться «Судебник» преподобного отца Мхитарa. А там смертная казнь чаще всего заменялась нетяжкими наказаниями...

— К примеру сказать, украдет христианин христианина и в рабство его чужеземцам продаст. Что ему полагалось по закону каноническому, а? — вопрошал палача судья.

— Голову долой! — мрачно отвечал тот.

— Ну, а теперь ты выколешь виновному глаз или клеймо наложишь и отпустишь на все четыре стороны. Понял? — втолковывал судья.

— Тьфу!

Приглашение в церковную тюрьму обрадовало палача. Захватив орудия своего ремесла, чуть свет он уже был в подземелье под собором. Мутный свет с трудом проникал через решетчатое оконце. Палач раздул жаровню, стал калить железный прут. Дюжие служки втокнули в подвал коренастого человека в одежде ремесленника. Следом вошел тощий священник — настоятель собора.

— В последний раз вопрошаю, кто твои приспешники? — вскрикнул тэр-Аристакеc.

— Нет их у меня! — твердо ответил заключенный.

Боль ударила в спину. Зашипело тело под раскаленным железом. Закусив губу, Кюрех слегка застонал. Боль усиливалась.

— Кто соучастник? — повторил священник.

Кюрех замотал головой, прерывающимся голосом ответил:

— Нет никого, проклятый поп!

— Бей! — завопил Аристакеc.

Страшные удары кнутом сотрясали тело. Снова и снова. Теряя сознание, оружейник шептал:

— Нет... никого!

— Немногого же добился, тэр-Аристакеc! — недово-

но говорил владыка. — Так и не распелась птица твоя в клетке. А птенец улетел неведомо куда, говоришь? Ищи в поле ветра.

Настоятель собора молчал, понутив голову.

— Что ж! Отправляй треклятого тондракийца на Севан, — со вздохом произнес Барсег. — На память «лисю печать» вели выжечь ему на лбу. Пусть на острове до конца дней своих пребывает еретик...

— Слушаю, владыка! — не поднимая глаз ответил тэр-Аристакеc.

Светало. По воде озера шла мелкая рябь от предутреннего ветерка с прибрежных гор. Зубчатые вершины дальнего хребта освещало восходящее солнце, но поверхность Севана еще оставалась в тени. В неясном свете рыбаки стаскивали в воду большие лодки, готовясь к лову форели.

С возвышенности донесся топот коней. К озеру по крутой дороге спускалась конница. Впереди на породистом жеребце ехал громадный всадник в бархатном кафтане и мерлушковой шапке. Приглядевшись, старый рыбак громко крикнул:

— Ребята, великий государь на дороге! Опять на тоню к нам жалует...

Захарий любил ловить форель на озере. Но редко удавалось правителю Армении урвать свободное время. И сегодня он с явным огорчением ответил на приветствие старшины рыбаков:

— Не удастся, Бабкен, сегодня с вами форель половить! Недосуг...

С озера донесся мерный плеск весел. От острова к берегу шла монастырская лодка. Навстречу двигалась по песку группа монахов, окружая закованного человека. Проезжая мимо, Захарий окликнул монахов. Указывая плетью на коренастого мужчину в рваной одежде и цепях, он строго спросил:

— Кто этот человек?

— Государь великий, ведем еретика на вечное заключение на острове! — с низким поклоном ответил старший монах. — А имя ему Кюрех-оружейник!

Правитель остановил коня. Оружейник! Он внимательно разглядывал осужденного. Из-под мохнатых се-

дых бровей сверкнул дерзостный вызов. Запекшиеся губы были плотно сжаты. Казалось, еретик с насмешкой наблюдал за волнением правителя. «Такого умельца пришлось отдать треклятому попу!» — с досадой думал тот. Тронув коня, Захарий перевел его на галоп и быстро поехал по берегу озера.

— Расскажи мне, отче, о ересьях, — попросил Захарий, сидя в тесной келье.

— О, Армения издавна была колыбелью опасных ересей! Одни евхиты, что сатану почитали, или же ареворды-солнцепоклонники чего стоили! А павликиане? Их высылали во Францию, Италию и Сицилию, смешались они с другими еретиками, новые секты образуя. Мне говорили, что и поныне великое беспокойство они римским первосвященникам причиняют. Но самыми страшными врагами церкви оказались тондракиты...

— Тондракиты? Я видел сегодня последнего, на берегу Севана, в цепях, — перебил Захарий.

— Чудно. Неужели остались еще в Армении тондракиты? — удивился Гош. — Еще до нашествия Малик-шаха истребили их патриархи, с помощью князя Григора Магистроса и войск византийских. Ведь вся страна тогда на две части раскололась. Простому народу привлекательным показалось учение Смбата, что в Тондраке проповедовал, пошел за ним толпами бедный люд. Впрочем, к их греховным общинам примкнули даже некоторые мелкие владельцы, даже пастыри иные. Вот как обстояло дело!

— А в чем их учение? — поинтересовался Захарий.

— Писания не признавали тондракиты, считали, что оно придумано для обмана народа! Не признавали и церковные обряды, только человеком считали Христа. Кроме того, тондракиты проповедовали, что все люди равны, и отказывались признавать законы, не платили налогов. С великим трудом справились сильные мира сего с восстаниями, целые селения истребили и высылали еретиков в дальние края.

В голосе старого настоятеля звучала ирония.

— В преследовании еретиков церковь святого Григория, пожалуй, мало уступала латинцам! Правда, не сжигали у нас на кострах людей, но жгли дома, накладыва-

ли патриархи раскаленную «лисью печать» на лоб нечестивцам и убивали их во множестве...

— Теперь мне понятно, почему Малик-шах так легко расправился с Айастаном! — задумчиво сказал Захарий. — С одной стороны, раздирали распри и предательство вельмож и патриархов, а с другой — борьба с ересями. Ну, а если простой народ к тондракитам подался и власть царскую признавать перестал, кому же оставалось защищать страну?

Глава IX

ФРАНГСКОЕ СКАЗАНИЕ

Саргис Мхаргрдзели, владетель Тмогвский, полководец и поэт, был тонким знатоком литературы. Когда приезжий купец из Константинополя появился у него с пергаментными свитками и Саргис увидел среди них повесть о Тристане и Изольде, он не задумываясь унлатил греку неслыханную цену за драгоценную рукопись.

Этим сказанием зачитывались тогда и в Европе, и в христианских странах Востока. Кельтская повесть о злосчастных влюбленных перекликалась с произведениями великих бардов Кавказа — Руставели, Низами. Месяц не выходил из дому вельможный переводчик, трудясь над повестью. Наконец перевод с греческого был закончен, набело переписан золотыми чернилами, на лучшей велени, и преподнесен царице Тамар на очередном приеме.

— Спасибо за подарок, князь Саргис. О чем повествует это сказание? — спросила царица.

— Франгское сказание о взаимной и несчастной любви Изольды-царицы и героя Тристана повествует о том, как прекрасная царица предпочла законному супругу дельблестного Тристана и тем самым обрекла его на преследования и смерть, — почтительно объяснил Тмогвели.

Задумалась Тамар. И в молчании стояли вокруг нее вельможи и спасалары. Подняв голову, царица сказала с улыбкой:

— Прекрасно. Прочтешь нам сказание в саду, мой Саргис. После приема.

Тамар сидела на летней террасе Исанского дворца вместе с прибывшим из Ани правителем Армении. На аллее дворцового парка показалась жена министра двора Хошак с восьмилетней дочкой Тамтой. Маленькая княжна впервые представлялась царице Картли и вся трепетала от волнения. Необычайная красота девочки поразила Тамар. Обняв и приласкав раскрасневшуюся Тамту, царица милостиво отпустила ее играть в саду с однолетней — царевной Русудан. Княгиня Хошак удалилась, и Тамар осталась вдвоем с гостем.

— Кого тебе напомнила маленькая племянница, Закарэ? — задумчиво спросила Тамар.

— Прекрасного ангела! — без промедления ответил Захарий и тихо добавил: — Того самого, которого некогда в соборе узрел маленький глупый горец...

На лице Тамар появилась мечтательная улыбка:

— Маленький горец был поэтом, мой Закарэ! Блаженны нищие духом...

— То же самое сказал мой наставник, отец Мхитар Гош, когда ему рассказали об этом случае.

— А разве ты не забыл о нем, Закарэ?

— Нет, государыня. Так же, как и осень в Вардзии...

Тамар протянула узкую руку в перстнях, и гость из Ани склонился над нею.

— Много воды с тех пор утекло, мой Закарэ! — вздохнула Тамар. — Мы оба постарели, у меня двое детей. А ты так и не женился. Допустим, раньше прекрасная анийка не разрешала. Но теперь, я слышала, ты разошелся с ней...

«Все известно царице!» — подумал Захарий, но ничего не ответил.

— Давно не сидели мы вдвоем, вот так, как старые друзья! Ты все время в своем Ани, крепостные стены, дворцы возводишь, нас совсем забыл, — непринужденно продолжала Тамар, изредка поглядывая на окаменевшее лицо правителя Армении.

— Государыня, сильно разоренными получил я свои области, — объяснил с серьезным видом Захарий.

— Согласна. Но не рано ли мирным трудом занялся, друг мой? Из Рума тревожные сведения приходят...

— И то ведаю. В Киликии у меня верный лазутчик пребывает, зорко следит за султаном.

— Ох, непокойно мне, Закарэ! Я совсем одинокой

стала, Давид все больше в Алании своей проживает, ты в Ани находишься... один князь Иванэ остался мне верен! — невесело улыбнулась Тamar.

— А вот и он, легок на помине! — молвил Захарий, заслышав знакомые шаги.

Князь Иванэ был отважен и дерзок в бою, что неоднократно доказывал в больших сражениях. Но в самостоятельных военных действиях редко был удачливым. Покойный парон Саргис, подметив это, не раз с горечью говорил старому другу Хубасару: «Нельзя Иванэ пускать в бой одного, без начала, горяч и сумасброден он, не имеет глазомера...» С годами у Иванэ появились и другие качества — непомерное честолюбие и завистливость. Из всех людей на свете по-настоящему любил и почитал князь Иванэ лишь старшего брата и царицу Тamar. Внешне министр двора был хорош собой и осанист, соперничая по красоте с мужем царицы Сосланом. Лишь металлический блеск больших карих глаз выдавал черствость натуры Иванэ Мхаргрдзели.

На обширной дворцовой террасе собрались высокие ценители поэзии, пожаловал даже высокопреосвященный Антоний. Прибыли спасалары Чиaber Торели и братья Ахалцихели; вместе пришли поэты — прославленный Шота из Рустави и недавно вернувшийся из дальних странствий маститый одописец Чахрухадзе. Одной из последних показалась в окружении придворных дам и молодых эджибов очаровательная агванская царица Вананэ, впервые появившаяся при дворе после долгого траура.

В ожидании чтения гости вели оживленную беседу. Как обычно, князь Иванэ завел спор с братом Саргисом. На этот раз речь шла об изменчивости вкусов у людей.

— Вкусы меняются, дорогой Саргис. Например, кому в голову придет сейчас украсить свою бороду шелковыми лентами и золотой запонкой с крупной жемчужиной? А ведь именно так украшали завитые и благоуханные бороды величайшие щеголи древности, царственные Сасаниды. Ты мог бы так украситья?

Саргис при общем смехе ожесточенно замотал головой.

На другом конце террасы Захарий тихо беседовал с Руставели:

— Нет, не могу одобрить, мой Шота, вероломного убийства Таризлом жениха-хорезмийца. Такого рода зло-

деяние достойно евнуха-византийца, а не доблестного рыцаря! Вспомни стих арабского поэта: «Ржание моего коня далеко разнесется по пустыне, я не привык тайком подкрадываться к врагу...»

Шота хотел возразить, но уже с рукописью в руках поднялся переводчик сказания. Амирэджиби попросил внимания.

— Благородные дамы и господа, послушайте прекрасное сказание из Франгистана о любви и смерти Изольды-царицы и ее верного миджнура Тристана. Послушайте, как любили они друг друга к великой радости и к великой печали... — благозвучно начал читать Саргис.

Не раз вздыхали слушатели на летней террасе, внимая удивительным приключениям героев франгского сказания. Трогательное повествование подходило к концу, и взволнованно зазвучал голос опытного чтеца:

— «...Но вот Тристан оказался в изгнании. В надежде забыть Изольду-Златоволосую, взял он в жены красавицу — другую Изольду, с белыми руками. Но неизцелима была любовь Тристана. И, получив в бою смертельную рану, шлет он друга Каэрдина за царицей Изольдой, ибо только она может его исцелить.

«И если она придет с вами, оставьте белые паруса на корабле, если же нет — смените их на черные!» — говорит Тристан.

Припав к стене, подслушивала их Изольда-Белорукая и, проведав о любви Тристана к другой, начала искать случая отомстить. Опасен женский гнев, и каждому должно его остерегаться! Ибо чем сильнее женщина любит, тем ужаснее она мстит...»¹

А когда повесть кончилась, в мертвой тишине раздался спокойный голос царицы Тамар:

— Значит, князь Саргис, если б не было любовного напитка, Изольда-царица не полюбила бы рыцаря Тристана?

Саргис повернул голову к царице. Холодно глядели куда-то вдаль глаза Тамар...

— Не думаю, государыня. Вряд ли пил рыцарь Тристан вино, настоящее на травах. Тут не было ни яда, ни колдовства, одно высокое благородство его сердца внушило ему любовь. И Изольда-царица полюбила славного и могучего витязя без волшебного питья. Как в

¹ Сокращенный текст по Ж. Бедье.

моем «Висрамиани» не захотела Вис брака, заключенного по воле родителей, так и золотоволосая Изольда предпочла умереть со своим любимым!

«Хорошо ответил брат Саргис», — подумал Захарий. Взял слово Шота Руставели:

— Скажу и я о любви. Первый вид любви — небесного происхождения: трудно выразима она языком, всегда стремится ввысь. Кто к ней привержен, переносить все огорчения должен, не ожидая сладостной награды. Я же стою за земную, человеческую любовь. Пусть франгский певец ворожит смертью, нам свойственно чаровать жизнью. Дадим же нашим любимым героям такое солнечное сияние, такую радость в любви их, чтобы никогда не смогла умереть она в памяти людской!

Обе царицы и все присутствующие рукоплескали знаменитому поэту. Тамар обратилась к молчавшему амирспасалару:

— А что скажет о франгском сказании наш дорогой гость?

— Государыня, я считаю, что в жизни есть много важного и прекрасного помимо женской любви, — неохотно ответил Захарий.

Тамар подняла высокую бровь, внимательно посмотрела на амирспасалара. А тот невозмутимо продолжал:

— Для истинного рыцаря самая прекрасная дама — его честь! А стремиться он должен к славе своей земли...

Великий шум подняли разгневанные дамы. Было ясно для всех, что батона Закарэ огрубел в походах и сражениях, перестал чувствовать тонкое и изящное... Удивленно посматривали на друга Руставели. Постукивая ногой в парчовой туфельке, царица Тамар пристально глядела в сад, не обращая больше внимания ни на кого. Почувствовав неловкость, Захарий скоро распрощался и ушел с террасы, где еще долго продолжалось обсуждение горестной франгской повести.

Г л а в а X

ЗОЛОТОЙ СКАКУН

— Много приятнее в царском саду жалостные повести о влюбленных слушать, племянничек, чем по горам таскаться, коням ноги калечить! — ворчал Захарий, страхи-

вая пыль с кафтана. Рядом с огорченным видом стоял юноша с карими умными глазами. На земле лежал с зажатой между острыми камнями ногой гнедой конь. Его потная кожа мелко и быстро дрожала под чепраком...

Правитель опустил на одно колено и, внимательно осмотрев скакуна, помрачнел:

— Погиб конь! Нога сломана... Ростом, ко мне!

Длинная вереница всадников с луками и арбалетами за плечами медленно поднималась к горному перевалу. Пятисотник издали заметил падение Захария, прищипорил коня и стал пробираться к голове колонны. Недовольно бормотал в усы:

— Говорил ведь, нельзя брать тяжелого венгерца в горы... Эй, там, подать коня государю!

Княжич Хасан горестно смотрел на лежащего скакуна, который тщетно пытался приподняться.

— Жаль коня, дядя Закарэ! — прошептал молодой человек.

Захарий пожал плечами и стал смотреть вниз. По дну ущелья весело текла прозрачная речка. Солнце стояло высоко в безоблачном небе, от белых скал шел нестерпимый жар. Пятисотник спешил и в свою очередь стал осматривать жеребца. Покачав головой, он вполголоса отдал распоряжение начальнику конвоя. Коновод подвел правителю запасного коня, и всадники возобновили движение к перевалу. Пристреленный арбалетчиком конь остался лежать на тропе...

Всю долгую дорогу из Тбилиси Захарий ехал озабоченный: «Как воздух нужны кони, очень много коней для воссоздания конницы армянской. А их мало осталось в Айрарате и Шираке — лучших скакунов угнали при отступлении проклятые сельджуки». И пришлось правителю самому отправляться в Арцах, где с древних времен выращивали золотистых аргамаков — предмет зависти наездников всего Востока, да и не одного Востока...

Через Каянское ущелье Захарий прибыл к берегам Севана. Здесь в Васакашене проживала вдовья сестра. По освобождении Армении Захарий выделил ей в удел Содк, Кашатаг и другие области и присвоил личный княжеский титул. Отсюда и пошли князья Допьяны. Неделю не отпускала от себя могущественного брата Доп. Под конец хозяйка Васакашена попросила брата позаботиться о судьбе осиротевшего старшего сына. Захарию понравился

разумный и пригожий племянник, получивший хорошее образование, и он взял Хасана с собой.

Издревле, со времен Ахеменидов, славился конями Арцах. Разве могла без его золотых скакунов быть царицей бранных полей, от Мерва до Босфора, армянская конница?.. Но в годы сельджукского лихолетья с великим трудом уберегли в горах арцахские коневоды своих лучших производителей. А после ослабления власти эмиров Гандзака и Двина, в особенности после разгрома полчищ их покровителя — Абу-Бекра, снова получили коневоды Хачена, Колта, Муганка, Парисоса и Дизака доступ к прекрасным арранским пастбищам, без которых не прокормишь зимой конские табуны. Среди коневодов Арцаха первенствовали князья Хаченские, зорко следившие из замка Хоханаберд за своими обширными владениями.

Жизнерадостный мужчина, с пышной смолистой бородой и румянцем во всю щеку, радушно приветствовал властителя и родича (князь Григор уже успел породниться с могущественными Мхаргрдзели!). Еще в воротах доверительно сообщил:

— Две тысячи самолучших скакунов осенью предоставлю конникам нашим! И за самую малую цену!..

Захарий от души рассмеялся:

— Только молю тебя, Григор, не вздумай дарить им коней! Иначе все замки Айастана скоро перейдут в твое владение... — Захарий помнил историю с отдарком за жеребца Давида Сослана.

Довольно ухмыльнувшись, князь Григор парировал насмешку:

— А то не грех, государь, если прекрасный муж царицын и отдал мне Гардман. То крепость армянская, еще властителям древнего Утика принадлежала. Как говорится, нас нашим же добром благодетельствуют!..

Усаживая Захария за уставленный яствами и винами стол, славный коневод лукаво улыбнулся:

— Зато завтра, государь великий, такое тебе чудо покажу!.. Сам увидишь... — И, схватив рог с вином, князь Григор громко провозгласил здравицу в честь гостя.

В деннике пахло свежим сеном и конским потом. Солнечные лучи проникали в светлое помещение через большое отверстие в каменной стене, яркими бликами ложи-

лись на золотисто-буланный круп кобылицы. Ее безупречное, совершенных форм туловище покоилось на точеных тонких ногах в белых чулках. В ожидании очередной поездки длинный пушистый хвост, более светлого тона, был по-восточному подвязан. Повернув в пол-оборота сухую голову с широкими ноздрями и большими глазами с фиолетовым отливом, кобылица сторожко наострила маленькие уши, радостно заржала навстречу вошедшим, заметалась в стойле...

— Ну-ну! — вырвалось у Захария. — Вот так красавица...

— Три локтя без двух пальцев в холке! А резвости — необычайной; ни один из моих наездников угнаться за ней не может. Горяча, не приведи господь!.. Третий год шалунье, под седлом уже ходит, а все непокойна! Чуть что не по ней, на дыбы! — с отеческой нежностью говорил князь Григор.

— Уступи ее мне! — повернулся к коневоду правитель. — Для племянника...

— Не могу и не заставляй меня, государь! В дар коня готовлю... такой высокой особе, такой...

Захарий, сразу догадавшись, шепнул на ухо (кругом стояли наездники и конюхи):

— Царице?

Григор, не раскрывая зажмуренных глаз, со счастливым видом закивал головой. Правитель развел руками:

— В таком случае едем завтра же табуны твои смотреть, Григор! Авось и там пригодных коней себе сыщем...

С левой стороны ущелье Хачингет отграничено крутой каменной грядой с осыпями и густым перелеском, с торчащими кое-где светло-серыми скалами. Правый, более отлогий склон долины в низинах и на предгорных полянах был покрыт густой травой, с пятнами алевших горных маков. Выше тянулись дубравы, которые зелеными волнами заливали ущелья Арцаха до Арранских степей. Еще выше располагались субальпийские луга, с травостоем в человеческий рост, а далее, до макушек синих гор, поднимались обширные летние пастбища. По дну ущелья стремился поток, кропя алмазными брызгами чернеющие в мутной пене валуны. Вниз по всей долине реки виднелись селения, окруженные садами и виноградниками.

До горных лугов, расположенных в верховье реки, где паслись косяки, путь предстоял немалый. Выехав спозаранку из Хоханаберда и в полдень передохнув под сенью дубов, путники лишь к вечеру добрались до стойбищ.

Навстречу правителю Армении двигался конный отряд табунщиков всех кочевий, с седобородым Мисаком-кэри во главе. Полвека почти числился строгий старик главным табунщиком князей Хаченских, и не было почетнее его человека на пастбищах Арцаха. Подъехав, табунщики спешились и продолжали путь, держа коней на поводу. Захарий первый громко приветствовал славных коневодов и, в свою очередь спешившись, пошел по луговине, беседуя со старым табунщиком. Рядом, с улыбкой, вышагивал князь Григор. За ними — остальные сопровождающие. Шествие достигло стоянки, где всех встретил оглушительный лай сторожевых псов. От стоянки тянуло шашлыком, который уже начали готовить княжеские повара, высланные заблаговременно из Хоханаберда.

...Пока князь Григор похвалялся золотой кобылицей и потчевал державного гостя, выборные ходоки из предгорных, наиболее разоренных нашествием и поборами господскими селений, уже стекались к большому селу, что стоит у выхода реки Хачингэт на Утикскую равнину. Вскоре почетные старики из ходоков собрались в центре селения, на обширном дворе Серопа.

Хозяин дома начал говорить первым:

— Кто из вас, братья, припоминает мое хозяйство в прежние годы? Два плуга выходили весной в поле с моими старшими сыновьями, отару в триста овец стерегли младшие, и я сам вывозил на летовку ежегодно пятьдесят ульев...

— Кто этого не помнит, Сероп-джан? Пожалуй, самым имущим человеком в селе ты был, — поддакнули соседи.

Нахмутив седые брови, Сероп продолжал:

— Побогаче меня были люди... Но дом мой как полная чаша стоял в те времена, и радовался я, на своих внуков глядя. А теперь что? Сына Мацака — лучшего чабана в округе — убили проклятые дейлемиты, двоих старших в плен навсегда увели, все мое имущество разграбили. Бедняком я остался, с сыном младшим. А кто об этом думает? Развѣ не приходит каждый день танутэр¹, не напо-

¹ Танутэр — сельский староста в Армении XII—XIII вв.

минает о моей задолженности ишхану, не требует сына на барское поле, а тэр-Саргис разве согласится уменьшить свою десятину церковную?!

— Воистину так, Сероп, воистину! — закричали сразу со всех сторон. — Нет мочи больше терпеть, не дают господа нам вздохнуть, подняться после разорения вражеского.

Сероп поднял руку, восстанавливая порядок.

— Так вот, братья, наслышаны мы ныне, что в Арцах прибыл сам великий государь Закарэ. Знаем мы и то, что в областях, что поближе к Ани расположены, он освободил людей на два года от всех податей, десятин и от барщины господской. А вот о нас он и не подумал...

— Далеко мы от Ани живем, Сероп-джан, — молвил сосед Парен.

— А ишхан Григор и его управитель Богос близко находятся, — прошептал боязливый Вачаг.

— Эх, друг Вачаг, волков бояться — в лес не ходить! Да и что могут сделать все танутэры и управители ишхана Григора, коли прикажет ему государь! — возразил Сероп. — С рассветом, у кого душа не овечья, как один, двинемся к Хоханаберду. Будем искать правду у хозяина Айастана! Ему о нас, землепашцах, всегда думать должно — нами земля держится!

...Большим золотым пятном на зелени лугов растекался тысячеконный табун. Злые жеребцы ревниво следили за своими косяками. Кобылицы мирно щипали траву рядом с жеребятами. Сторожевые псы дремали на пригорке. Вдруг крайний старый жеребец, со шрамами на теле, поднял уши и тревожно заржал. Псы, вскочив на ноги, с яростным лаем бросились вперед. К табуну приближались верховые.

— Ну, старик, коней выбирать к тебе приехали! — обратился Захарий к главному табунщику. — Вижу, много добрых коней у тебя, и правду сказал князь Григор, хорошее конское пополнение получают мои полки! А для меня и племянника уж ты сам выбери скакунов...

Мисак с достоинством кивнул и, прищуриль глаз, оглядел огромный табун. Подгоняемые табунщиками, мимо них проносились кони. Старик, сидя в седле, внимательно вглядывался. Внезапно он плеткой показал на двух коней:

— Вот, государь, этих коней советую взять! Они уже приручены, с ними нетрудно будет справиться. А кони — достойные по всем статьям.

Захарий не был легковерным по натуре человеком. Он спросил:

— Мисак-кэри, а ты уверен, что кони хороши?

Табунщика задел вопрос правителя. Он ткнул пальцем в рослого алана-конвойца с длинным луком за плечами:

— Какой длины тот лук?

Алан ослабилсЯ. За него ответил быстрый Ростом:

— Не меньше четырех локтей, кэри!

— Хорошо.

Мисак дал короткое приказание табунщикам. На конце луговины выросла из жердей и кошм сплошная изгородь, которую измерили по высоте луком алана. Потом табунщики выстроились шеренгами по обеим сторонам изгороди, образовав широкий коридор. К концу коридора подвели заарканенных коней. Мисак крикнул:

— Смотри, государь, как у нас в Арцахе коней пробуют!

По знаку старика табунщики подняли великий крик. Коней спустили с арканов, поощрив их парой ударов плеткой. Озлившись, скакуны помчались вдоль живого коридора под гиканье табунщиков.

Взвываясь свечкой, один за другим кони легко перемахнули через высокую изгородь и скрылись в табуне.

— Теперь не скоро их поймаешь! — молвил удовлетворенно Мисак.

После ночевки на стойбище наутро возвращались в Хоханаберд. Подъезжая к замку, Захарий и его спутники увидели на горной дороге человеческие фигуры. Подъехав к огромной толпе, правитель был поражен изможденным видом людей, еле прикрытых ветхой одеждой. Часть шла босиком. Скинув шапки, крестьяне остановились. Из толпы навстречу правителю вышли трое стариков. Отвесив низкий поклон, они возбужденно заговорили:

— Великий государь, защити нас и помилуй! Мы из нижних селений доверенные люди, значит. Как услышали о твоём приезде, в путь сразу пустились. Выслушай нас, государь!

Захарий махнул рукой самому высокому ходоку:

— Говори ты один, старик!

— Шесть лет тому назад вконец разорили нас дейле-

миты, как шел атабек на Гандзак с воинством нечестивым. Всю скотину угнал, дома пожег, людей много перебил и в плен забрал. Хоть ты и разбил потом его в Шамхоре, и побежал он без памяти, а все же разор великий остался! — торопливо говорил Сероп.

— Остался, остался! — загудело множество голосов.

Князь Григор счел нужным вмешаться:

— Ну, какой теперь разор! Было же у вас время поправить дела...

Захарий нахмурился:

— Не мешай мне, Григор, говорить с моим народом! Рассказывай дальше, старик, все рассказывай. Без утайки!

— Нет мочи нам, государь, — перебивая друг друга, стонали ходоки. — Тут и барщину справляй, и церковную десятину отдай, и приплод от коров да овец... А где они? — развел руками старик и заплакал.

— Слушайте меня, люди добрые! — громко и отдельно сказал Захарий. — Обещаю, как вернусь домой в Ани, тотчас в ваши селения пришлю своего доверенного человека. Он все места объедет и проверит. Коли правду вы говорите, на два-три года от всех налогов и податей, и от барщины, и от десятины церковной освобожу. Слово мое — твердое!

«Вот нелегкая принесла чертей собачьих! Надо будет сказать Богосу, чтобы выселил главных смутьянов подальше в горы!» — думал князь Григор. Обычная улыбка сошла с его румяного лица. Он злобно глядел на Серопа.

Старый Вачаг опасливо вымолвил:

— Ох, далеко живешь, государь! Забудешь, поди, нас?!

Разбирая поводыя, Захарий серьезно ответил старику:

— Как могу я забыть? Ведь Арцах — моя земля!

В ожидании появления шаханшаха в большом зале, где уже были накрыты столы и дворецкий ждал лишь приказа подавать яства, собрались многочисленные князья, пароны и рыцари в парадных одеждах. Стоя у окон и любуясь видом на Арарат, они осторожно обменивались мнениями о целях их вызова в Амберд.

— Увидите, господа, новые налоги назначит наш правитель! — прошамкал старый владетель Арича.

— Ошибаешься, парон Вардан! Ведь шаханшах на два года снял все подати и налоги, как может новые вводить,

а? — возразил статный замковладелец. — А вот главный писец Исраэл из Ани приезжал к нам в гости и рассказывал, что новые воинские списки составляет.

— Конечно, намного увеличенные против прежних! — не унимался мрачный парон.

— Возможно, парон Вардан. Но былую воинскую мощь Айастана — конницу армянскую — и впрямь надо восстанавливать! — вмешался князь Сурмарий.

— За наш счет?! — не унимался аричский владетель.

Спор грозил разгореться, когда раздался звучный голос дворецкого:

— Великий государь!

Все вассалы по очереди были представлены шаханшаху и заняли по старшинству места за столом.

Захарий встал:

— Князья, замковладельцы и рыцари Армении! Я не буду откладывать разговор с вами. После обеда мы отдохнем и, быть может, в рыцарских состязаниях привлечем улыбки наших дам. А сейчас поговорим с вами о главнейшем. Вы знаете, что я всеми мерами поддерживаю благородное дворянское сословие, создаю новые дома владетельные, позволяю возводить новые крепости и щедрой рукой раздаю всем вам поместья, дабы в грозный час опасности вы могли бы прибыть, конно и оружно, под мои знамена для выполнения воинского долга. Но, господа, этого недостаточно для обороны страны! В соседней братской Грузии, помимо эриставских ополчений и княжеских дружин, издавна существует постоянное царское войско — конная гвардия, кипчакские и аланские наемные отряды, которые и в мирное время содержатся в состоянии готовности. Было такое войско и у Багратуни — могучий азатагунд¹. Но со времени падения царского дома нет больше его... А между тем наши области всегда первыми подвергаются нападению неверных. Вот и решил я восстановить прославленный азатагунд и поставить его под начало хозяина замка сего, доблестного князя Вачэ!

Гул одобрения пронесся по обширному залу. Захарий с воодушевлением продолжал:

— А для этой благородной цели соединим наши усилия! Пусть каждый из вас явится на службу или взамен

¹ Азатагунд — коронная дворянская конница (арм.).

себя пришлет хорошо вооруженных латников на добрых конях...

Последние слова менее понравились благородным владельцам поместий. Со всех сторон посыпались робкие возражения:

— С конями плохо, великий государь! Увели с собой наши табуны проклятые сельджуки!

— И с оружием не достача! Второй год по твоему велению не получаем мы податей с крестьян, на что же было купить нам мечи и кольчуги?!

— А старое дедовское оружие давно поржавело, шаханшах!

Захарий поспешил успокоить феодалов:

— С податями иначе я не мог поступить. Надо же дать овцам обрасти шерстью, прежде чем приступать к их стрижке! А латники эти будут проживать в лагерях, получать хорошую пищу и корм для коней, а также жалование из моей казны. Кроме того, за ревностную службу я буду награждать всадников и их начальников деньгами и поместьями. Насчет же коней добрых я уже договорился с владельцами Арцаха, езжайте туда с богом и выбирайте себе скакунов подходящих! А об оружии мы подумаем, вернувшись в Ани...

Глава XI

ЦАРСКИЙ ПРИЕЗД

Дворцовый гонец привез в Нор-Гетик письмо преподобному отцу Мхитару.

«Отче, ожидаем мы прибытия государыни Тамар для освящения храма в Ариче, воздвигнутого в ее долголетье. Приглашаем тебя собраться и незамедлительно на торжество прибыть в Ани...» — писал правитель Армении. В конце письма он неожиданно перешел к первой статье «Судебника»:

«Некоторые ученые мужи считают твою статью о царском суде излишней. Ведь древнего анийского престола у нас нет, а в Киликии у царя Левона свои собственные законы...»

Старый монах поблагодарил Захария за любезное приглашение. Ответ же был грустным:

«Люди, занимающиеся чтением настоящих моих законов (то есть законов о царском суде), будут высмеивать их, уподобляя меня человеку, которому во сне мерещится царство и много другого приятного... Однако мы выполняем несбывшееся своим страстным желанием и считаем целесообразным сохранить в целости наши предложения, в надежде на будущее. А тебе, мой Закарэ, советую еще раз перечесть статью о царском суде! Многие из нее может оказаться полезным и в настоящих обстоятельствах, поскольку ты — некоронованный властелин Армении...»

В Армении пронизательный взор царицы Тамар примечал все: и превосходно обработанные поля и сады, и многочисленные горные рудники, и медеплавильни на берегу Дзорагэта, и прекрасное состояние дорог и мостов, по которым часто проходили большие купеческие караваны, благоустроенные придорожные заезжие двory. У самого Ани царское шествие проследовало через широкую полосу огородов и садов, которыми была окружена столица Армении, и вступило в предместье.

Смеркалось, когда кортеж достиг Главных ворот города, и тут восхищенным взорам открылась необыкновенная картина. На каждом зубце дымным пламенем горела в площадках нефть, а при подъезде головной группы на боевых башнях внезапно вспыхнули цветные огни и приветственно загремели медные трубы. У Главных ворот в полном составе пребывали старейшины в парадных чюхах, в окружении знамен братчин. Стоявший впереди всех князь Васак держал на золотом блюде ключи от города. Вдоль стен длинной шеренгой в блестящих кольчугах и шлемах выстроились латники. Запрудившая все пространство перед оградой толпа горожан радостно загудела при виде царицы.

Тамар была растрогана. По знаку правителя все смолкло, и в свежем вечернем воздухе раздался звучный женский голос, который на армянском языке произнес:

— Здравствуйте, дорогие анийцы! Я очень рада побывать в вашем прекрасном городе!

Приветственные клики покрыли слова царицы. Амир города Васак Арцруни выдвинулся вперед и, после приличествующего приветствия, преподнес царице ключи

города. Потом снова загремели медные трубы и царский кортеж через Главные ворота двинулся по заполненным улицам к Вышгороду, который также был ярко иллюминирован. Факельное шествие сопровождало царицу и ее спутников до самых ворот дворца.

Ранним утром, когда утомленные долгой дорогой и поздним ужином высокие гости еще спали в своих постелях, в дверь спальни Захария тихо постучали. В покой вошел молодой послушник и, потупив взор, передал просьбу высокопреосвященного Антония соблаговолить пожаловать к нему на собеседование.

— Рано беспокоил тебя, патроне Закарэ, ты уж прости меня, старика! Но боюсь, дорогой, что днем не дадут нам с тобой поговорить. А дела есть срочные и немаловажные... — приветствовал Антоний хозяина дворца.

Председатель коронного совета был статным мужчиной, с седой окладистой бородой и правильными чертами лица. На широкой груди архиепископа висели две золотые наагии, осыпанные драгоценными камнями. Благословив правителя выколенной рукой с изумрудным перстнем, Антоний откинулся в кресле и задумчиво сказал:

— Сколь задушевен прием, оказанный анийцами нашей великой царице!

— Не одну только государыню, всех друзей из Картли почтил армянский народ! — осторожно поправил Захарий.

Антоний в ответ кивнул согласно:

— Да, мой Закарэ! Братьями были наши народы и братьями должны остаться они в веках!

Преосвященный любил философствовать, стал неторопливо развивать свои мысли:

— В один клубок народы наши свия всевышний, дорогой, и одна у нас доля — нести бремя святого креста среди неверных! А делить нам с вами нечего! Ведь каждому отвел господь угол на земле.

— Ты прав, высокопреосвященный, сто раз прав! — горячо воскликнул Захарий. — Великая нужда в друг друге у картлийцев и армян, и давно они побратались на полях сражений, политых их общей кровью... Только духовные пастыри, увы, то не всегда понимают! Наставник мой, отец Мхитар, рассказывал, что некогда по приказу великого царя Давида был созван в Ани церковный собор,

на котором святые отцы Аѣастана и Картли чуть волосы друг у друга не повыдирали, препираясь о вере. Сказал им тогда с укоризной царь Давид: «Святые отцы, помните, что Картлос и Аѣос¹ были родными братьями!» Не мешало бы нашим и вашим отцам почаще вспоминать благостные слова венценосца...

Антоний в знак согласия кивнул головой:

— Верно, батано Закарэ! И то сказать, было же время, когда картлийская, агванская и армянская церкви составляли единое целое, вплоть до Двинского собора².

Захарий вспомнил объяснения Гоша и сказал:

— Не восхотели армянские правители подчиниться через православную церковь ненасытной Византии. В самом деле, что хорошего видел Аѣастан от базилиевцев?.. Или православная Картли, которую столь безжалостно разорвали единовенные легионы императора Василия? О воссоединении наших церквей трудно, однако, и помыслить. Католикос Тевдорэ и слышать не захочет об этом... И у меня в Ани такой уж упрямец сидит! — вздохнул Захарий и неожиданно добавил: — Плохо и то, что ослабли христиане-рузики на севере и слаба с ними связь. А ведь раньше рузикские цари не раз приглашали армянскую конницу на борьбу со степняками...

И правитель Армении рассказал удивленному Антонию о былом военном союзе анийцев с великим князем киевским Изяславом.

Преосвященный Антоний оказался прав. Первый день пребывания царицы в Ани оказался перегруженным приемами делегаций и посещениями различных мест. Тамар выразила желание побывать и в новом дворце. После завтрака царская кавалькада выехала из Вышгорода, направляясь по торговым улицам в сторону Ущелья цветов, над обрывом которого и был возведен Захарием дворец. Главный фасад, обращенный в сторону площади, имел двухъярусный портал, богато орнаментированный мозаикой из розовых плиток в виде восьмиконечных звезд, с резными черными крестами в промежутках. Каждая звезда и каждый крест, в свою очередь, были искусно

¹ Аѣос — мифический родоначальник армян.

² В 609 году н. э.

украшены растительным орнаментом и геометрическим рисунком. На фасад дворца был как бы накинута каменный ковер.

С гордостью показывал зодчий Джундик свое новое творение державной гостье, которая не поспешила на похвалы.

— Мой Закарэ, как видно, ты задался целью превзойти свою царицу дворцовым убранством! — шуточно обратилась царица к Захарии.

— Но здесь не будет тенистого сада Исани, где по аллеям гуляют столь прекрасные дамы, — любезно отшутился Захарий.

— А кто мастер сей чудесной работы? — спросила Тамар.

Захарий оглянулся на толпу, окружавшую стройку. Увидев смущенного Галуста, сделал ему знак приблизиться.

— Вот, государыня, лучший камнерез Армении — знаменитый Галуст!

Тамар, подняв лучистый взор на покрасневшего от похвалы мастера, ласково сказала ему по-армянски:

— Превосходна работа твоя, варпэт! Когда закончишь фасад, я попрошу направить тебя в Тбилиси для украшения моего дома.

Галуст молча поклонился.

Гости поднялись на третий этаж, откуда открывался обширный вид на окрестности города. Царица заметила вдаль, по ту сторону ущелья, низкое белое здание. Окружающее поле пестрело многочисленной птицей.

— А это что за здание, Закарэ? — спросила царица.

— Птичий монастырь, государыня. «Настоятель цыплятника» со своими помощниками там цыплят без кур разводят и птицу битую во дворец поставляют, — пряча улыбку, объяснял Захарий.

Тамар очень заинтересовалась белым зданием.

— Так кто же цыплят высиживает? Не сам же «настоятель цыплятника», как ты его называешь?

Захарий от души рассмеялся:

— О нет, моя царица! В здании устроены большие печи, которые дают тепло, необходимое для выведения цыплят.

— Непременно поедem посмотреть, Закарэ. Я тоже хочу иметь такой «птичий монастырь»! — решила Тамар.

Утомленная шумным днем, Тамар отдыхала, лежа на тахте у широкого окна в базиличном зале. Из ущелья тянуло прохладой. В глубине ущелья мерно рокотал Ахурян. В руках у царицы была редкостная рукопись — арабская география, которую преподнес ей анийский архиепископ. Взгляд царицы задержался на строках арабского путешественника по восточной стране:

«Дворцы были стерты с лица земли, как строки письма бывают стерты с бумаги, и обиталища людей стали приютом сычей. Перекликаются зловещие совы в этих местах, и ветры стонут в пустынных залах, вторя самому...»

Царица опустила книгу. Запись арабского географа снова пробудила смутную тревогу, которая в последнее время все чаще стала охватывать правительницу Грузии. Мысленно окидывая восемнадцатилетнее царствование, пронизательная дочь Георгия III приходила к невеселым выводам. Все в царстве внешне обстояло благополучно, и ее правление почиталось блестящим. Процветали города, и в селах собирали земледельцы обильные урожаи. Но не избегались беззакония и произвол сильных, и народ роптал, не прекращались волнения среди крестьянства и вольнолюбивых горцев, непокойно было и в городах. Несмотря на блистательные победы, не уменьшался нажим вражьих сил на границах царства. Только недавно отбили Абу-Бекра, а уже назревает новая опасность. Теперь с запада, со стороны Рума. Что же будет с прекрасной страной, когда лягут в могилы она и ее верные соратники спасалары? Где смена надежная могучим орлам? И какие тайны скрываются в пустынях Востока, о которых пишет ученый араб?

Тамар внезапно почувствовала глубокую усталость. Откинувшись на подушки, закрыла глаза. Из дремотного состояния ее вывел голос придворной дамы:

— Государыня, время одеваться к вечеру! И великий амирспасалар просил принять его по делу.

Тамар привсталась:

— Пошлите немедленно эджиба за ним! А я пока переодеюсь.

Царица встретила Захария взволнованным вопросом:

— Что происходит, друг мой, в Руме? Князь Иванэ

передавал, что новый воинственный султан готовит нападение на нас...

— Будь покойна, моя царица! — улыбулся Захарий. — Нынешние мусульманские властители уж не те, что некогда полмира покорили! Султаны теперь больше на границах грабежами занимаются...

Тамар отрицательно качнула головой:

— Прошу тебя, Закарэ, не скрывай опасности для моего успокоения! Ведомо мне, что можно было не тревожиться за наши западные рубежи, пока воевали между собой за наследство сыновья Чараслана. Но теперь, когда Рум снова объединился под властной рукой Нукардина, дело иное! Тогда...

— Тогда мы их разобьем, моя царица, как разбили полчища Бубакара, — поспешил перебить царицу Захарий. — Верь мне, надо опасаться кочевников с Востока! Они двигаются всем народом — со своими бесчисленными стадами, женщинами, стариками и детьми и остаются навеки на завоеванной земле, как это, например, сделали сельджуки в Каппадокии. И в бой у них идут все взрослые мужчины, а у некоторых племен и женщины. Недаром летописцы о них пишут как о саранче! Иногда я подумываю, что зря с Ираном мы постоянно воюем — ведь его крепости и города сдерживают натиск кочевников из восточных пустынь...

— Как завязываются у тебя дела с единой Киликийей, Закарэ?

— В споре с церковниками патриархи киликийские и сам царь Левон крепко меня поддерживали, спасибо им! А вот на военный союз с ними пока рассчитывать трудно, слишком занят царь Левон — спорами с крестоносцами Антиохии...

— С христианскими властителями? — удивилась Тамар.

— Да, все из-за наследства антиохийского. А ведь главной опасностью — и для нас и для Киликии — все-таки остаются сельджуки! — озабоченно ответил Захарий.

Лицо царицы заметно помрачнело. Спohватившись, правитель поспешно переменял разговор.

— Если будет благоудно твоему величеству, я назначу назавтра освящение храма в Ариче...

— Согласна, — ответила Тамар и протянула руку для поцелуя.

ШКОЛА ФИЛОСОФОВ

Закончились торжества, и стал собираться старый игумен в свой Нор-Гетик. Уже восседая на вороном муле на замковом дворе и прощаясь с питомцем, Гош настойчиво повторял:

— Так прошу тебя, Закарэ, разыщи и обеспечь ту школу, что некогда основал Иоаннес Имастасер¹.

— Богословов? — с кислой усмешкой протянул Захарий, придерживая мула за уздцы. — А не кажется ли тебе, отче, что их больше, чем нужно, богословов, у нас? Одних монастырей сосчитай сколько...

Мхитар Гош рассмеялся добрым старческим смехом:

— Да нет, Закарэ, богословов в той школе немного! А вот космографов ученых, математиков и знатоков календаря, изготовителей полезных снадобий и искусных врачевателей там можно найти было в дни славы...

Захарий сразу оживился:

— То дело другое, отче. А где же эта школа обретается?

— Не знаю, Закарэ, люди сказывают, в пригороде, только я не смог найти, — ответил Гош.

— Добро. Обязательно разыщу ученых отцов и выполню твою просьбу, отче Мхитар. Будь покоен! — ответил шаханшах, почтительно целуя руку наставнику.

— Да благословит тебя господь, сын мой! — И, дернув за поводья мула, Гош пустился в путь.

Обремененный делами управления, не скоро вспомнил Захарий просьбу старого монаха. Но с наступлением холодной осени сократился наплыв гостей. И Захарий часто пребывал в одиночестве в новом дворце. Скучающим взором окидывал он из окна выгоревшие склоны ущелья, перебирал в мыслях отшумевшие события памятного лета. В покой вошел Ростом:

— Вызывал меня, государь Закарэ?

— Собирайся, поедем в пригород, надо разыскать ученых людей, — ответил Захарий.

Пятисотник не был сведущ в науках, недолгим в молодости было его учение. Однако наставник княжичей Гош

¹ Имастасер — «любящий мудрость» (арм.).

часто беседовал со смышленным подростком и приучил его почитать знания.

— Наверное, отец Мхитар просил тебя им помочь, государь Закарэ? — с понимающим видом сказал Ростом.

— Угадал! Посмотрим, чем живут и что делают ученые отцы, — ответил Захарий, вставая с тахты.

Долго ехали Захарий и Ростом по предместью, далеко раскинувшемуся от крепостных стен Ани до предгорий, мимо мастерских и домов ремесленников, вдоль низких оград садов и огородов. Вода звонко журчала в уличных арыках. Мерно грохотали молоты в кузницах, им вторило дробное постукивание молотков медников. Согнувшись в три погибели, огородники терпеливо собирали осенние овощи на грядах.

Ростом часто останавливал коня и расспрашивал редких прохожих о школе философов, но никто не знал. Наконец, в глухом переулке, на самой окраине предместья, где уже начинались городские пашни, старый огородник указал на небольшой полуразвалившийся дом из темно-серого туфа.

— Вон в том доме живут какие-то чернецы. Бедно живут, парон-джан, совсем бедно! — покачивая головой, প্রশамкал старик.

Через разбитые ворота Захарий въехал на коне в небольшой двор, заросший высоким бурьяном, и, спешившись, пошел по протоптанной в траве тропинке к дому. В дверях с недоумевающим видом стоял пожилой монах в заплатанной рыжей рясе, подпоясанный черным поясом, в сандалиях на босу ногу. Ветер играл полуседами длинными волосами на непокрытой голове. Чернец первый поклонился незнакомому вельможе.

— Я — шаханшах, — просто заявил великан в бархатной одежде, отвечая на поклон чернеца.

На умном худощавом лице монаха отразились изумление и тревога. Сухие губы разжались. Снова кланяясь, он тихо сказал:

— Приветствую тебя, великий государь, в скромной обители философии! Не обессуди на нашу бедность и соблаговоли войти в дом...

В большой комнате с небеленными стенами, кроме длинного стола со скамьями, ничего не было. На грубо сколоченных полках лежали грудками пергаментные свитки. В углу помещался большой камин, в котором стоял

стеклянный сосуд для перегонки жидкостей. Усевшись на скамью, Захарий задал вопрос:

— Кто глава сей школы? Ты, отче, сядь, у меня с тобой разговор долгий будет.

— Я, смиренный Акоп-вардапэт, главенствую в школе, по избранию, — ответил монах, усаживаясь на длинную скамью рядом с правителем.

— Так. А где же остальные вардапэты?

— В поле, государь, работают пропитания ради.

Захарий насупился. После молчания он спросил отрывисто:

— Почто до сих пор не явился ко мне во дворец, вардапэт?

Вардапэт потупил голову, потом несмело ответил:

— Не решался, государь. Сказывали, не любишь ты пастьрей...

Захарий, вспыхнув от гнева, строго молвил:

— Смотри каких, вардапэт! Знаком ли тебе Мхитар Гош, настоятель Нор-Гетика? Так вот, для меня он второй отец, духовный! И Ванакана — ученика его, мужа высокоученого, я уважаю. А с упрямыми и мятежными монахами действительно не лажу... Впрочем, оставим этот разговор! Ты лучше мне, вардапэт, расскажи, кто и когда основал вашу школу и чем занимаются ученые философы?

Акоп-вардапэт, сразу встрепенувшись, начал проникновенным голосом:

— Тому будет скоро сто лет, как основал нашу академию великий вардапэт Иоаннес Имастасер. Хоть и властвовали тогда в Ани нечестивые эмиры, но и во мраке той ночи не угасал светоч науки в древней столице Айастана! Из рода и колена дивного мужа произошли многомудрые и просвещенные учителя, подобные звездам негаснущим и светильникам сияющим, исполнили вселенную словом живым и многомудрым...

Бледное лицо ученого монаха покрылось румянцем. Голос зазвенел:

— Подобно мудрой пчеле загружал он разум свой цветами разных оттенков, запаха и вкуса, нес их в свой родной город Ани и заполнял дом этими сокровищами. Щедро и независтливо одарял он своим благочестивым талантом и, расцветши, пустил побеги, ростки дающие. Окружив себя юношами, он кротко и любовно обучал их сложным и глубоким наукам...

Захарий дивился вдохновенному рассказу невзрачного философа в убогой рясе. «Сколько же любви к науке и какая преданность к памяти учителя у этого человека!»

— Продолжай, отец Акоп! Скажи, каким же наукам обучал мудрый вардапэт?

— Сперва грамматике, ключу наук и наставнику чтения. Вслед за этим занялся изучением философских трактатов. После этого приступил он к исследованию движений светил и составлению календаря. Обучал Иоаннес и мудрым рассуждениям Аристотеля и счетным разностям Филона-еврея, со строгостью спрашивая с юношей урок.

— Полезная наука — счетная! — заметил Захарий.

— Вот этим и родственным наукам обучал и наставлял он мозг — кошель мыслей юношей, упражняя и очищая его, готовя к встрече в жизни и с хорошим, и с дурным! — торжественно заключил Акоп-вардапэт.

— Кто еще был знаменитым ученым в вашей академии? — спросил Захарий.

— Подвизались в нашей школе и другие ученые философы, врачеватели людских немощей, знатоки тайн природы, исправители календарей и математики, не буду утруждать твой слух перечислением, — скромно ответил монах.

— Прекрасно! А вы теперь чем занимаетесь, ученые мужи? — деловито спросил Захарий.

Вардапэт замялся:

— Уже докладывал я, государь, работой в поле...

— Верно, отче Акоп, я и забыл, — смутился правитель. Встав с места, молвил: — Так вот, нужны ученые люди разные, что и народу армянскому и войску полезными оказаться могут. Особенно нужны врачеватели и знатоки снадобий, эти в первую очередь. Понятно, тэр-Акоп?

— Понимаю, государь великий. Но разбрелись многие ученые за время агарянского владычества, разрушились их жилища. И если собрать их по твоему приказу надобно, то куда? И как их прокормить? — развел руками вардапэт.

Захарий вынул из широкого пояса кошель:

— Здесь сто золотых. Прими на первое обзаведение, отец Акоп, купи одежду своим вардапэтам, зерна и масла, словом, всего, что нужно для существования, также пергамент, чернила для занятий. Работы полевые немедленно

прекратить! Тем временем я велю моим зодчим выстроить в предместье большой дом — туда и перейдет твоя школа, вардапэт. И вклад вам сделаю надлежащий! — заключил правитель, вставая со скамьи.

Вардапэт, просияв, забормотал:

— Чем сумеем отблагодарить, государь, за твои благодеяния?

— Вот соберете толковых юношей и будете их обучать полезным наукам. И сами вы послужите своими знаниями народу, — просто ответил правитель и двинулся к выходу.

Вечером Захарий, склоняясь при свете витых свечей над пергаментом, писал в Нор-Гетик:

«Я выполнил, отче, твою просьбу, посетил ученых в предместье. Решил восстановить школу философов Иоаннеса Имастасера, дал им денег. А Джундику велю для них дом построить. Лишь бы отцы те больше полезных знаний давали юношам да и сами пользу принесли Айастану — ты напиши им об этом...»

Глава XIII

В АХТАЛЕ НЕСПОКОЙНО

Князю Иванэ не пришлось участвовать в освободительном походе на Айрарат и приобрести там (по закону «цены крови») новые земли. А в наследство от отца Саргиса ему достались лишь две крепости на севере — Ахтала и Каян с прилегающими угодьями. Затаив недовольство несправедливым разделом, в ожидании громадного наследия от старшего (бездетного!) брата, Иванэ с надеждой поглядывал на подраставших сына Авага и красавицу дочку Тамту. А пока что он хозяйственно обстраивался в своих имениях, не давая спуска нерадивым. Пуще огня побаивались работники придиричивого, жестокого хозяина, зачавшего в Ахталу, находившуюся близ Тбилиси. С ним иногда приезжал и двенадцатилетний долговязый Аваг. Управителем имения князь имел танутэра Паткана, который по злобности характера превосходил сельских старост всей округи. Никто лучше не умел выколачивать подати, никто настойчивее не гнал поселян на барщину. За эти качества возвеличил Паткана князь Иванэ и сделал

полноправным властителем над своими многочисленными крепостными.

В злополучный день ареста церковными служками учителя Петроса не было в кузнице. Заблаговременно собрав скудный скарб, с помощью верного Абгара, молодой оружейник сначала отправился в городское предместье, где проживал Галуст с семьей. Тепло попрощавшись с невесткой и чмокнув младенца в люльке, Петрос вышел с Галустом за околицу. Позади них Абгар гнал ишака с вещами.

— Куда теперь стопы свои направишь, братец? — осторожно спросил Галуст и поспешно добавил: — Не вздумай только возвращаться в Хожорни!

— Там мне и делать нечего, Галуст-джан, мать померла, а родичи побоятся беглеца. Я лучше пройду дальше, до Ахталы, — ответил раздумчиво Петрос. Обняв напоследок брата, он зашагал рядом с Абгаром за ишачком по пыльной дороге. Долго глядел им вслед Галуст...

Появление в Ахтале двух новых людей городского облика сначала насторожило управителя. Узнав, однако, что прибывшие — кузнецы по ремеслу и даже знают оружейное дело, Паткан удовлетворенно хмыкнул:

— Кузнецы, говоришь? А ну пойдем в кузницу, давно она пустует, посмотрим, как вы ковать железо способны!

Проходя по селу, Паткан подозрительно оглядывался по сторонам. Селение казалось вымершим. «Ага, все в поле!» — думал управитель. Быстро убедившись в хорошем знании кузнечного дела, Паткан повелел пришельцам устроиться в селе и назавтра же приступить к работе.

Незадолго до прибытия Петроса и Абгара в Ахталу приезжал владелец замка и с ним вместе необычайный урод. За недорогую цену Иванэ перекупил у Вачутяна шута Оркана. Урод не понравился княгине Хошак. «Стал снится мне, проклятый, во сне!» — пожаловалась она супругу и потребовала отправить шута куда-нибудь подальше из княжеского дома... Оркан поселился в ахталинской усадьбе.

Петрос быстро сошелся с местными жителями, которым по вкусу пришлись и большое умельство и острый

язык нового кузнеца. В этот вечер Петрос отправился, как обычно, на сельскую площадь у церкви. Там его уже дожидалось несколько земледельцев, присев на корточках за низкой храмовой оградой. Говорили вполголоса.

— Беззаконно поступает княжеский управитель, братья, — с убеждением произнес Петрос. — Как можно на барщине работать больше двух-трех дней в неделю!

— Как бы не так, братец дорогой, — печально возражал селянин постарше. — Да когда работы накопится много, к примеру, хлеб не убран на господских полях, — по четыре и пять дней в неделю заставляет гнуть спину треклятый Паткан!

— А вы отказывайтесь! — горячо возразил Петрос.

— Тогда избыют как собак стражники и тотчас посадят на хлеб и воду в подвалы замка. А там они преогромные, все село можно в них упрятать! — со злобой в голосе вмешался рослый земледелец.

— Нельзя уступать кровопийцам княжеским! — вскопчил на ноги Петрос. — Иначе съедят они вас без остатка!

— Что у нас есть? Голые руки? — сказал седобородый селянин.

Петрос задумался. Тихо молвил:

— Железо можно достать, братья, а остальное — мое дело с Абгаром...

Управитель вышел, по обыкновению, рано утром из усадьбы в сопровождении нескольких сотских. Крепко держа узловатую дубинку в жилистых руках, он следовал по сельской улице. Около кузницы, расположенной недалеко от ворот усадьбы, он увидел довольно большую группу крестьян, беседующих с новым кузнецом. Озлившись на бездельников, Паткан еще издалека стал кричать:

— Ленивые буйволы! Солнце уже высоко, а вы все не на работе... Я вас!

— Не наша очередь, три дня мы отработали на этой неделе, — выступил вперед рослый сельчанин.

— Врешь, лежебока! А даже если и так, кто сказал, три дня работать на парона, а? — Угрожающе подняв дубинку над головой, заорал: — Мигом в поле! Ну!

Рослый земледелец не шелохнулся. Дубинка уже опу- скалась ему на голову. Отскочив, он ловко уклонился от удара и в свою очередь палкой ударил Паткана. Тот растянулся на земле. Сотские бросились на земледельца. Тогда в руках у сельчан сверкнули самодельные кинжалы...

Петрос, стоя в дверях кузницы, пристально наблюдал за происшествием. Очнувшись, Паткан неистово заорал: — Эй люди! Охрана! Сюда, скорей!

Из ворот усадьбы выбежали охранники на выручку управителю. Петрос громко крикнул:

— За мной, братья!

Захлопнув дверь, с длинным кинжалом в руках, он быстро зашагал по улице. За ним следовали вооруженные крестьяне. Охранники подняли стонавшего Паткана и поволокли его на усадьбу.

Годами тлела злоба ахталинцев на Паткана и его трона. Схватка у кузницы, столь неудачно закончившаяся для управителя, подняла все село. Кучками у домов, на сельской площади собирались сельчане, с жаром обсуждали небывалое происшествие. Петрос со своими приверженцами не появлялся. По слухам, они держались близ села, в дубовой рощице с разваленной часовней, считавшейся священным местом.

На площади толпа все густела. Уже раздавались возмущенные крики:

— Сколько терпеть проклятого будем!

— Смерть Паткану!

Вдруг раскрылись ворота укрепленной усадьбы, и на площадь с гиканьем выскочили всадники. Во главе их скакал с обнаженной саблей начальник охраны Смбат. На полном скаку всадники врезались в толпу, нещадно хлеща плетью. Сначала сельчане поддались натиску, разбежались по сторонам, укрылись за ограду церкви. Оттуда на охранников посыпался град камней. Смбат бесновался, крутил саблю над головой, громко ободрял всадников. С тыла неожиданно на них ударил Петрос во главе своих храбрецов, вооруженных пиками и насаженными на древки топорами. Осмелев, из домов стали выбегать мужчины с дубьем и вилами. Они стаскивали охранников с коней, убивали их на земле, вепарывали брюхо коням. Смбат вырвался из кольца и с остатком охранников помчался к воротам. На земле валялись убитые всадники, кони... Ворота усадьбы с шумом захлопнулись.

Шут Оркан сильно скучал в пустынном замке. Его тягостная служба начиналась при господских наездах, когда он должен был со своим петухом увеселять все княжеское семейство. В промежутках шут бродил в одиночестве по живописным окрестностям Ахталы, взбирался на скалы

и оттуда долгими часами смотрел на стремительный бег горной реки. Село он избегал — мальчишки любили дразнить бедного калеку. Но однажды на опушке леса, прилегающего к окраине Ахталы, он встретил высокого человека с закопченным лицом, в прожженном кожаном фартуке. Кузнец ласково окликнул шута, завязалась беседа. В скором времени Петрос и Абгар крепко подружились с замковым скесорохом.

Абгар был много моложе обоих друзей и обычно помалкивал. А Оркан в подробностях описывал свое печальное детство, все злоключения на Западе и Востоке.

После схватки с охранниками, загнав их обратно в замок, повстанцы тесным кольцом окружили усадьбу. Узнав о восстании, стали подходить люди из соседних деревень. Крестьяне оказались с оружием — пиками, самодельными кинжалами, рогатинами, топорами, косами. У некоторых — охотничьи луки со стрелами на крупного зверя. Абгар с соседним кузнецом всю ночь ковал наконечники и насаживал их на древки. Назавтра готовился приступ замка. «Надо добить гадину», — объявил Петрос, выбранный народом в вожаки...

Было совсем темно, когда в окошко дома, где почевал Петрос, тихо постучали:

— Оркан?! — удивился Петрос. — Как ты выбрался из усадьбы?

— Т-сс! — приложил палец ко рту шут. Стал вполголоса рассказывать: — Паткан послал гонца к ишхану. Просит помощи...

— А как ты сам добрался до нас? — допытывался Петрос. — Ворота ведь закрыты.

— У меня веревочная лестница есть. По ней и вернусь обратно в усадьбу, — пояснил Оркан.

— Веревочная лестница?! — оживился Петрос. — Ее-то нам и надо...

Третьи петухи только пропели. В густом предутреннем тумане, плотным покровом прикрывавшим усадьбу и село, показались неясные тени. Приглушенно доносились голоса:

— Тихо, братья!

— Поднимайся быстрее!

Залаяли собаки на дворе. И внезапно взорвался истошный крик:

— Вставайте! К оружию!

Лязг стали. Бешеные выкрики, стоны раненых на внутреннем дворе. Но уже раскрылись дубовые ворота, и сотни вооруженных крестьян устремились на усадьбу.

— Бей господских собак!

— Бей!

Из окон господского дома посыпались стрелы, ранив нескольких крестьян. Нападающие дружно взломали двери и ворвались в дом. Впереди с топором на длинной рукоятке бился Петрос. Сотник ему бросился навстречу, с криком:

— Проклятый! Висеть тебе на суку!

— На, получай! — И в ответ Петрос раскрыл Смбуру череп. Сотник упал поперек двери.

Было совсем светло, когда Паткана, осыпая градом ударов, поволокли к ореховому дереву у ворот усадьбы. Там уже стояла большая толпа крестьян. Вперед выступил Петрос:

— Каков суд ваш, братья? Что делать с танутэром?

— Повесить собаку! — дружно закричали крестьяне.

Паткан только мычал от ярости и страха. Его грузное тело вскоре закачалось в петле.

— А теперь, братья, мужайтесь! — серьезно сказал Петрос. — Кто похрабрее, пусть уйдет со мной в горы. Там и обороняться будем. А ишхану старики объяснят: виновники-де в горах!

Князь Иванэ со своей супругой и приглашенными гостями, в сопровождении большого эскорта, следовал из Тбилиси в Ахталу. Погода стояла ясная, знатные люди весело переговаривались в предвкушении приятного времяпрепровождения. У входа в горное ущелье на повороте дороги показался пешеход.

— Гарсеван? Почему ты здесь, куда идешь? — с удивлением узнал замкового слугу Иванэ.

Пешеход упал в пыль на колени. Закатив глаза, он заголосил:

— Беда, великий ишхан! Большая беда!..

Из сбивчивого рассказа слуги князь понял, что в Ахтале крестьянское восстание и надо принимать быстрые меры. К Иванэ подъехали с настороженным видом гости. Князь знаком велел слуге замолчать. В паланкине, в котором следовала княгиня с дочерью, раздвинулись занавеси.

— Что случилось, Иванэ? Почему остановились? — недовольно спросила Хошак.

— Пустяки, сейчас продолжим путь, — бросил в ответ супруг. Обращаясь к гостям, он любезно предложил им следовать с паланкином. Сам он поедет вперед, предупредить моурава о прибытии гостей! Первое, что увидел князь Иванэ, подъехав со стражниками к усадьбе, — качающийся на суку орехового дерева труп верного управителя. Побледнев от гнева, Иванэ плетью указал на повешенного:

— Снять! Живо! И убрать подальше...

Дворцовые стражники быстро унесли тело Паткана... Но скрыть следы осады все же не удалось. И пришлось гостеприимному хозяину извиняться за беспорядок в доме перед озадаченными гостями, а в особенности перед Хошак, справедливо возмущенной неосведомленностью супруга.

— Тащить кучу гостей, не зная, что делается в имении?! — негодовала княгиня.

Кое-как успокоив разгневанную жену, Иванэ тотчас послал в Тбилиси за подкреплением. Повстанцы засели далеко в горах, их надо было оттуда выбить.

В ожидании прибытия конницы из Тбилиси князь Иванэ быстро провел небольшое дознание. Самым непонятным было, как могли плохо вооруженные повстанцы так быстро захватить укрепленную усадьбу. Обнаружили веревочную лестницу, висящую на задней стене, принадлежащую шуту Оркану, который якобы пользовался ею для своих ночных блужданий по окрестностям. Узнали о дружбе шута с главарем повстанцев кузнецом Петросом...

Желваки заиграли на холеном лице министра двора. Он желчно бросил своему дворецкому Варсаку, доверенному лицу:

— Здесь измена! Ну, добро...

Прибывший многочисленный отряд дворцовой конницы не замедлил приступить к правильной осаде укрепившихся в горах повстанцев. Военными действиями руководил сам князь Иванэ. В них приняли участие, разумеется, и знатные гости. После долгих боев каратели наконец ворвались в лагерь и перебили всех крестьян. Сильно раненного вожака доставили в Ахталу.

На дворе усадьбы собрались все вельможи. Петрос лежал ничком на земле. Лицо князя Иванэ было зловещим. Он молча разглядывал поверженного бунтовщика.

— Посадим мятежника на кол! Самая уморительная казнь, — предложил, смеясь, один из гостей.

Иванэ подумал: «Хошак опять будет недовольна, скажет, какое зрелище для наших детей!» Обращаясь к начальнику конницы, он коротко приказал:

— Свяжите и сбросьте мерзавца со скалы в реку!

— Хо-хо! Как говорится, и концы в воду! — захохотали гости.

Иванэ поморщился от неуместного смеха.

— Скрывать мне нечего, господа! Караю мятежника... — И с каменным лицом князь проследовал в баню. В предбаннике его уже ждали опытные банщики. К их удивлению, замковладелец коротко приказал:

— Уходите, вы мне не надобны! Пусть шут сегодня мне услужит...

Встревоженный необычным вызовом, Оркан вскоре появился в предбаннике со своим неизменным золотистым петухом. Князь Иванэ сидел одетый на деревянной скамье. На столе перед ним лежал обнаженный кинжал. Оркан с поклоном остановился у входа. В предбаннике было тихо.

— Подойди ближе, шут, и клади своего петуха на стол, — холодно сказал князь.

Скоморох выполнил странный приказ.

— А теперь скажи мне, шут, какую дружбу ты вел с аийскими кузнецами-возмутителями? — зловеще спросил Иванэ.

Шут задрожал всем телом. Подняв кинжал и как бы испытывая лезвие, князь отсек голову петуху:

— Твой крикун мешает спать по ночам!

Оркан опустил на колени. Министр двора встал и сильным движением вонзил кинжал в его горло.

— Гнусный раб!

Захлебываясь кровью, хрипя, скоморох упал на каменный пол. Его синие глаза остекленели.

— Васак!

В предбанник вбежал дворецкий и в ужасе попятился.

— Уберите эту падаль, бросьте в ров, — спокойно молвил князь. — Впрочем, стой! Это может княгиню потревожить... законай шута с его петухом здесь же, под полом. И дай мне воды смыть кровь!

АРМЯНСКАЯ КОННИЦА

Таможенный досмотр и сбор пошлин с караванов, прибывающих в Ани, производили близ Главных ворот. Тут же помещались гостиницы, торговые склады и конторы столичных негоциантов, из которых наиболее богатым, еще со времен Багратидов, считался дом Бахтагеков. Его фактории были разбросаны по всему Переднему Востоку, вдоль «великого шелкового пути» — от Багдада через Тавриз, Ани до Трапезунта и даже в самом Константинополе.

На обширном деловом дворе всегда толпилось много народу. Главу торгового дома Аветика, крепкого старика с пронизательными глазами, одетого в подержанный кафтан и мерлушковую шапку, с раннего утра до позднего вечера можно было видеть на дворе наблюдающим за погрузкой вьюков, кладущим свою личную печать главы купечества на тюки в складах или же, наконец, заключающим торговые сделки за чашкой черного кофе в передней комнате.

Не признавали богатые аницы штукатурку внутренних стен и искусно затягивали их сплошь коврами и шелковыми занавесами. Ковром же было покрыто возвышение посреди комнаты, на котором, сняв обувь, восседали хозяин и его гости. Свет из небольшого окна в стене падал на энергичные, резкие черты арабского лица под большим белым тюрбаном. Аветик-ага принимал почтенного гостя из Басры Ходжу Абдаллаха. Далеко плывал по беспокойному Индийскому океану предприимчивый араб за шелком, пряностями и иными восточными товарами, заходил на Моллукские острова и далее до Кантона, главного торгового центра Китая, однажды побывал в столице Южной империи — Сун. После выгодной сделки, обменяв на драгоценную пурпурную краску партию багдадского сахара и пряностей — перец, имбирь и корицу, что на вес золота расцениваются на рынках Константинополя и Западной Европы, и дав в придачу несколько изделий из селадона и нефрита, Абдаллах неторопливо рассказывал, прихлебывая кофе из чашечки:

— Сто дней морского пути из моего родного города до страны чинов. А есть там река преширокая, много городов

на ней огромных стоит. Тысячи судов с дорогими товарами ходят вверх и вниз по этой реке! А в главном их городе, куда я прибыл с помощью аллаха, живет сам царь и все улицы вымощены камнем и кирпичом...

— У нас в Ани тоже все улицы тесаным камнем мощены, — подал реплику Аветик, перебирая гишеровы четки.

Беседу прервало появление высокого мужчины аскетического вида, в черном полумонашеском одеянии. Главный казначей привык с юности носить его, в подражание своему наставнику Гошу. Встав с места, Аветик сделал несколько шагов навстречу сановнику.

— Свет и благоденствие дому сему! — степенно молвил Исраэл.

— Да будет благословен твой приход, парон Исраэл! — ответил Бахтагек, почтительно пожимая протянутую худую руку.

Вскоре купец из Басры, ссылаясь на неотложные дела, покинул комнату. Перебирая четки, хозяин выжидательно наблюдал за холодным выражением лица государева казначея. Первым начал Исраэл:

— Неплохи, видимо, дела у торговцев анийских, хоть и жалуются они на сборщиков пошлин! Земли немалые стали скупать у князей и паронов вокруг столицы, сами хотят паронами заделаться...

Бахтагек усмехнулся в бороду:

— Таким делом больше кум Онэнц занимается! Оно и понятно, много поместий попало ему в заклад, не выкупают их князья в срок. Вот и остаются тогда те земли во владении Онэнца. А мы, Бахтагеки, землями мало интересуемся, дело наше торговое, парон Исраэл!

— Наступит время, и все земли дворянские в ваши руки попадут, Аветик-ага! Не иначе... Вот только одно — разорятся совсем князья и пароны, распустят свои дружины, кто же тогда с врагами сражаться будет? — спросил Исраэл.

— А разве не сможем мы для ратоборства нанимать воинов, как это делают ромей? — отрезал Бахтагек.

Исраэл отрицательно покачал головой:

— Очень дорого ромеям обходится наемное войско, и нередко предает оно нанимателей, переходит на сторону противника... Нет, если сам народ не защищает отчизну, гибель той стране приходит! Ну, да я не об этом беседо-

вать к тебе пришел, Аветик-ага, а по другому, важному делу, — поднял палец кверху Исраэл. — Скажи мне, приходилось ли вашему дому покупать оружие?

Как и полагается крупным негодциантам, Аветик Бахтагек был хорошо осведомленным и опытным дельцом. Но вопрос казначея все же застал его врасплох.

— Давно не торгуем мы оружием, парон Исраэл, пожалуй, со времен Багратуниева царства! — вспоминал Бахтагек. — Припоминаю, есть старая запись в торговых книгах, что при царе Гагике II пращур мой по заказу distinguished Вахрама Пахлавуни привез из Хорасана партию мечей и панцирей. Звонкой монетой оплатил тогда Вышгород сей товар! А с тех пор мы не занимались этим делом. И ответить тебе затрудняюсь. А впрочем...

Старый купец продолжал перебирать четки. Исраэл бесстрастно ждал.

— Все на свете на золото можно достать, парон Исраэл! — заключил Бахтагек.

— Только на одно золото?! А ты понимаешь ли, Аветик-ага, что нам может понадобиться много оружия для обороны от врагов? Тогда как? — многозначительно произнес Исраэл.

— Всегда верными сынами Армении были Бахтагеки, и если родине, как ты даешь понять, парон Исраэл, понадобится оружие, — оно будет! — с достоинством ответил Бахтагек. — А все же продавцы оружия в Дамаске, Хорасане и других местах только золотую монету и примут за мечи и панцири, — уже совсем другим тоном договорился старый купец.

— Значит, без золота оружия не будет, Аветик-ага? Так и доложу государю... — закончил беседу Исраэл.

С осени со всех концов страны стали стекаться в гарнийский лагерь всадники для поступления в азатагунд. Скоро князь Вачутян сообщил, что в лагере уже собралось достаточное число конников, и просил дальнейших указаний. Тогда Захарий вызвал из Лори тысяченачальника Мушега Мамиконяна, командующего лорийской конницей Мхаргрдзели.

— Поедешь в Гарни, Мушег, и тщательно проверишь с князем Вачутяном, в каком виде прибыли конники, сильны ли они, какие у них кони, какова седловка, а главное,

с каким вооружением явились на службу. Это главное! Негодных всадников отошлите домой, потребуйте немедленной замены... а когда все будет готово, дайте мне знать, я сам прибуду в лагерь на смотр.

Мамиконян, не мешкая, выехал в Двин и по живописному лесистому ущелью реки Азат поднялся в Гарни. Построенная Арташесидами в III веке до н. э. Гарнийская крепость считалась одной из самых неприступных твердынь Армении. Мушег дивился мощным стенам из циклопических базальтовых блоков, скрепленных залитыми свинцом железными скобами, любовался четырнадцатью боевыми башнями на треугольном мысу, окруженном непроходимыми пропастями. В цитадели его уже дожидался Вачутян, и они приступили к формированию конницы. Так прошла вся зима. Ранней весной в Гарни состоялся смотр.

Арцахские коневоды сдержали свое слово. Всадники сидели на отборных скакунах, тысячеконной золотистой массой покрывая обширное поле перед крепостью. Скакуны весело ржали, с трудом сдерживаемые своими седоками. Но с вооружением дело обстояло из рук вон плохо. Оправдались выраженные на собрании князей в Амберде опасения — не более трети всадников оказались хорошо вооруженными. И хотя конное учение прошло успешно, Захарий был очень встревожен.

— Давно проржавели дедовские кольчуги и зазубрились мечи и копья, двести лет в тайниках нашими дедами и отцами хранились от сельджуков, — с горечью оправдывались рыцари.

— Да, государь, в городах наших вовсе захирело оружейное дело и очень трудно приобрести хорошее вооружение, — вторил им Вачутян.

Правитель хмурился. Военачальники были правы, вся затея с восстановлением армянской конницы оказывалась пустой мечтой... «Если только не выручат купцы... Но Израэл говорил, нужно обязательно золото! Значит...»

Вечером в палатке Вачутяна Захарий не скрывал своего беспокойства. Хозяин лагеря всячески стремился развлечь хмурого правителя занимательной беседой.

— Государь, какое оружие считалось наилучшим у народов? — спросил Вачутян, зная любовь Захария к истории.

Подумав, тот ответил:

— Во все времена полководцы мечтали и мечтают об

оружии, которое было бы лучшим, нежели у противника. У спартанцев были стальные клинки, когда их враги сражались еще бронзовыми мечами, в течение столетий стальные мечи были тайным оружием Спарты, которым она побеждала соперников. А ранее, у ассирийцев, были наилучшие в Азии стальные мечи, которые им ковали кузнецы-халибы, что жили в древности в нашей стране. Ныне же мы не знаем лучшего оружия, нежели арабская сталь. Однако секрета производства булата не открывают дамасские мастера...

— Я слышал, государь, что твой великий отец не признавал тяжелых доспехов, — вставил свое слово Мамиконян.

— Покойный отец был прав, тогда приходилось сражаться с легкоконными мусульманскими войсками. Но уже в Шамхоре исход боя чуть было не решили латники Сатмаз-ад-дина! А в будущем сражении нам придется рубиться с тяжело вооруженными гулямами Рукн-ад-дина... А они-то будут в дамасских кольчугах и с таким же булатом! Вот почему нам надобны крепкие кольчуги, отличные шлемы и закаленные мечи! — вздохнул Захарий. — Видно, нелегкое дело восстановить армянскую конницу, которую так высоко ценили Сасаниды и византийские базилиевсы! Летописец недаром писал, что после падения Багратидов «конница осталась без хозяина, и азагаунд, ушедший из отечества, рычит, как детеныш льва в опустевшем логовище»... И то сказать — грузинские цари сто лет выпестовывали свою конную гвардию. А мы с вами, други, хотим этого добиться чуть не за год! Вернемся в Ани, обсудим это трудное дело, — закончил беседу Захарий.

Аветик-ага, однако, не терял времени даром после первой беседы с государевым казначеем. Когда в его фундуке появился посланец из дворца с вызовом к шаханшаху, спокойно отложив долговую книгу и переодевшись в парадную чоху, он вынул из железного сундука какие-то списки и отправился во дворец.

— Привет тебе, Аветик-ага! Ты мне очень нужен, — объявил Захарий старому купцу.

— Долгие лета живи, государь! Разве мы, купцы, не созданы господом богом для обслуживания нужд царей? —

с достоинством ответил Бахтагек, усаживаясь в кресло. — Но кто, кроме Бахтагеков, способен достать тебе вооружение для конницы?

Захарий покосился на бесстрастное лицо купца, потом перевел взор на главного казначея.

— Еще весной я предупреждал Аветика-агу, что может понадобится много оружия твоему войску, государь! — спокойно пояснил Израэл.

— Откуда же намереваешься оружие получить, Аветик-ага? Верно, его нужно много — на четыре тысячи латников, и лишь наилучшего качества, хлама мне не надобно и даром! — озабоченно проговорил Захарий.

— А какое тебе вооружение именно требуется, государь? — вопросом же ответил Бахтагек.

— На каждого всадника требуется крепкий, прочный панцирь, не слишком тяжелый, но и не слишком легкий; шлем с забралом, двое поручней, двое поножей и двое набедренников. Потом — крепкое копьё, не слишком длинное, но и не слишком короткое, с наконечником из лучшего железа и закаленным острием; острый, надежный, из чистой стали меч, крепкая боевая палица или боевой топор, что может расколоть любой доспех, — подробно перечислял правитель.

Бахтагек, заглянув в принесенные списки, стал вычитывать:

— Панцири и кольчуги доброго качества можно достать или в Хорасане или в Константинополе у ромеев. Из Франгистана везти их далеко, да и слишком дороги франгские латы. Шлемы возьмем в Египте и в Тавризе. Мечи и сабли — часть добудем в Дамаске, да и в Нишапуре и Тавризе же достать можно неплохие клинки. А наши анийские и двинские оружейники сумеют выковать боевые топоры и лучшие для копий наконечники. Древки тисовые для копий получим в Трапезунте...

— Вижу, что к делу хорошо подготовились Бахтагеки, правильно выбрали рынки для закупки оружия! — похвалил правитель. — А в какой срок поставишь его и по какой цене?

Бахтагек задумался и решительно сказал:

— К пасхе святой все оружие будет в Гарни!

— Ну, а цена? — допытывался Захарий.

— Разная цена будет, государь! Как можно сравнивать, например, дамасский булат с клинком из Тавриза?

И опять-таки спешка... — уклончиво ответил Бахтагек.

Захарий резко перебил негоцианта:

— И оружие будут принимать мои доверенные, с участием опытных оружейников и гильдейских старост, по справедливым ценам. Только тогда и будет платить по счетам казначей.

— Наличным золотом или долговыми расписками? — прикрыв глаза, спросил Бахтагек.

— Это уже моя забота, Аветик-ага! Получишь сполна звонкой монетой...

В глазах Бахтагека сверкнул огонек. Неужели шаханшах рассчитывает, что ростовщики ссудят ему такую огромную сумму, да еще золотом?! Ведь в государственной казне пусто. Впрочем, это их дело...

Выходя из дворца правителя, Бахтагек столкнулся в дверях с Онэнцем, у которого был озабоченный вид. «Не малый процент сдерут с шаханшаха наши сарафы!» — с некоторой досадой подумал Аветик и заспешил к своему подворью.

Тигран Онэнц был человеком иного, чем Бахтагек, склада и более рискованно брался за дело. Но и его опаришила значительность требуемой суммы:

— Пять сотен тысяч золотых, государь! Да таких денег во всем Ани не сыщешь, даже если велишь перекопать все наши подвалы.

Захарий пожал плечами:

— И это мне говорит потомок славных казначеев дома Багратуни? Что ж, придется, видно, обратиться в Тбилиси, к старику Занкану...

Густо покраснев, Онэнц решительно возразил:

— Половину суммы наша гильдия выдаст переводами на Константинополь и Багдад. Но не больше! По обычным условиям. Но каково будет обеспечение, государь?

— Все таможенные пошлины по Ани и Двину на пять лет вперед. Но не больше! — повторил правитель.

Онэнц склонил голову в низком поклоне:

— Заказывай оружие, государь! И да укрепится твоя держава...

Прошла зима. И с первых дней весны Вачутян стал сообщать, что в лагерь начало поступать оружие хорошего качества и принимается оно доверенными людьми. Аветик Бахтагек сдержал свое обещание и оказался исправ-

ным поставщиком. Беспокойство, однако, не оставляло негоцианта, который рискнул всем достоянием торгового дома для столь огромной сделки... Каково же было удивление Бахтагека, когда после оплаты первых партий оружия денежными переводами старый казначей правителя стал отсчитывать ему золотые монеты, причем все старой чеканки — иперпиры, ботаниаты, багдадские динары. Но откуда же попало это золото в казну шаханшаха? — ломал себе голову Аветик-ага. Не выдержав, он задал вопрос казначею:

— Из какой дедовской сокровищницы вытащил государь столько золота, Шавасп?

Казначей Вышгорода был нелюдимым и молчаливым человеком. Пожав плечами, он ничего не ответил на неуместный вопрос купца. Да и что мог рассказать старик казначей о золоте, которое однажды доставили ему в кожаных мешках?

Как бы то ни было, Аветик Бахтагек полностью получил деньги за поставленное оружие и на радостях дал обет возвести новую церковь в Ани. Барыши торгового дома это позволяли. А осенью того же года в Гарни состоялся новый смотр. С великой радостью увидели армянские военачальники стройные ряды многочисленной конницы, блистающей новым оружием, выстроенной на равнине перед древней крепостью.

Возвращающегося со смотра правителя на полном скаку нагнал конный гонец. Из-за пазухи он вытащил большой пакет с многими печатями.

— Из Самсуна, государь! От настоятеля церкви Сурб-Карапета...

Захарий быстро вскрыл письмо и, пробежав глазами, нахмурился. Вести были с Запада, весьма тревожные.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Глава I

МОНСЕНЬОР РАНДОЛА ОЗАБОЧЕН

Ватеранский дворец гудел как потревоженный улей. На всех этажах обширной папской резиденции клирики в белых, черных, коричневых, фиолетовых, красных сутанах и мантиях жарко обсуждали положение дел. А в своей опочивальне, на позолоченной кровати под высоким балдахинном небесно-голубого цвета, умирал папа Целестин III...

На дворе стояла промозглая римская зима. Небо было покрыто серыми низкими тучами, моросил холодный дождь, гнетущая сырость проникала в комнаты. В одном коридоре с папской спальней находился обширный, небогато убранный кабинет. Вдоль стен тянулись длинные железные шкафы с огромными замками, окна были в решетках. Здесь помещалась тайная картотека. У стола море-

ного дуба сидел в раздумье тучный прелат в фиолетовой сутане. Подперев тройной подбородок пухлой рукой с крупным изумрудом в перстне, монсеньор Рандола размышлял. В холодных водянистых глазах прелата читалось глубокое беспокойство. Для этого было немало причин.

Папа Целестин был заклятым врагом графского рода Конти и после избрания наместником св. Петра тотчас же положил конец блестящей карьере молодого Лотарио, по пустяшному донесу сняв его с поста кардинал-диакона. В этом деликатном деле довольно существенную роль сыграл монсеньор Рандола, тогда незначительный каноник. А сегодня Лотарио Конти вернулся на конклав из родового имения в Ананье, и Рандола не смог выдержать стального взгляда, которым окинул его опальный князь церкви.

Возвратившись из папской приемной, где, чванливо подняв головы в красных шляпах, толпились члены конклава, Рандола явственно почувствовал, что папой будет избран именно этот тридцативосьмилетний человек с надменным лицом и манерами древнего патриция. И хотя умирающий папа продолжал шептать немеющими устами имя своего кандидата кардинала Колонны, его никто не слушал.

«Да, чаша весов склоняется на сторону Конти!» — проборметал Рандола. А тогда что? Конечно, новый папа потребует отчета от всех сановников Латерана — что сделано ими для удержания на плаву корабля святой церкви? В том числе, в первую очередь, от конгрегации пропаганды, веры, где он, Рандола, работает... И толстяк со страхом поднял глаза к небу.

Положение папства действительно было неприглядным. Его смертельные враги — императоры Германии из дома Гогенштауфенов, стремясь захватить в свои руки Италию, стальными клещами имперских владений зажали Папскую область с двух сторон: с севера — Ломбардией, с юга — Сицилией с Неаполем. Правда, бог наказал Рыжебородого, утопив в реке далекой Киликии, но его сын Генрих VII бесчинствовал в Италии, повсеместно истребляя папских сторонников — гвельфов. А с юга Франции поступали панические донесения папских легатов о неудержимом распространении альбигойской ереси наряду с безбожными катарами и вальденсами в Северной Италии. Опасные ереси угрожали самому Риму, папы дела-

лись бессильными в собственной столице!.. Видя падение папского авторитета, первейшие европейские монархи — французский и английский — подняли голову и по своей воле стали вершить церковные дела. А на Востоке сарацины теснили последние владения крестоносцев, и греки безнаказанно избивали итальянских купцов в Константинополе...

Рандола замотал крупной головой, как бы желая избавиться от назойливых мыслей. Поеживаясь от холода, он встал с кресла, подошел к двери и крикнул:

— Фра Джаннино, пришлите мою теплую сутану. Я иду к его святейшеству!

Ночью папа Целестин III умер. И тотчас все взоры в папской курии устремились к кардиналу Конти. Недолго длился конклав. Почти единогласно выбор кардиналов остановился на Лотарио Конти. Редко когда римский первосвященник так рано надевал тройную папскую тиару, но и редко столь хорошо был подготовлен к занятию должности главы церкви. Конти не сразу дал согласие — он отнекивался и плакал, отговариваясь своей молодостью. Тогда старейший из кардиналов подошел к нему и нарек папой Иннокентием III. И утром белый дымок *sfumati*¹ оповестил жителей об избрании нового папы.

Рим пестрел цветными огнями иллюминации. Из окон сыпались на папскую процессию цветы, неслись приветственные клики разряженной толпы, запрудившей улицы «Вечного города». Лотарио Конти был лицом популярным в столице и сам это знал. Но знал он и то, что в теи старинных соборов прячутся инакомыслящие и что все еще тянутся нити от тайных еретических братств из Рима к вальденсам Германии и катарам Ломбардии и Прованса. И в первой же проповеди с высоты престола св. Петра новый папа устрашающе загремел:

— Царь царей, владыка слабых, имя которому господь, в полноте могущества своего установил превосходство нашего апостолического престола, дабы никто не дерзал сопротивляться порядку, им предначертанному! А так как сам господь бог положил начало этой церкви и так как он сам — ее основа, то никогда адовы ереси не смогут погубить ее. Корабль, в котором почует Христос, исправен. Он никогда не погибнет, не сокрушат его бури.

¹ Дымок от сожженных избирательных записок.

А если бог с нами, то кто может против нас? На нашем попечении лежит забота о процветании святой церкви. И жизнь и смерть наши будут посвящены этому делу. Перед нами великое обилие дел, ежедневная забота о благе всех церквей. На нас лег тяжелый долг, и слабы мы силами для выполнения его. Но верим мы, что волей божьей возведены из ничтожества на престол святого Петра, с которого будем творить суд истинный над князьями и даже над теми, кто выше их!

Перед заседанием курии руководитель конгрегации пропаганды веры кардинал Бенедикт представил папе своего помощника — монсеньора Рандолу. Окинув внимательным взором грузную фигуру прелата, Иннокентий III любезно молвил:

— Мне хорошо известна полезная деятельность монсеньора! Начиная от принятия священнического сана... — И, обращаясь к кардиналу, он многозначительно добавил: — С отменным рвением выполнял монсеньор Рандола любые поручения почившего в бозе понтифика. Любые! Такие люди всегда необходимы.

«До поры до времени!» — подумал Рандола. Кровь отхлынула от его румяных щек, когда он низко кланялся папе.

Первым докладывал кардинал Бенедикт. Под тяжелыми веками главы миссионеров прятался острый пронизательный взгляд. Он говорил тихо и уверенно о высокой роли апостолической церкви. Религия — связь и объединение слабых и сильных... Но разве права сильных мира сего не нуждаются в освящении свыше, от бога? И как можно иначе держать в повиновении мятежные голодные массы?! Конечно, несколько иначе говорил — обтекаемыми, гладкими фразами — кардинал Бенедикт, освещая труднейшее положение, в котором оказалась католическая церковь; однако речь его прозвучала резким диссонансом к уверенной проповеди нового папы. Это заметили, сохраняя непроницаемое выражение на бритых бесстрастных лицах, присутствующие члены курии.

Папа Иннокентий слушал внимательно, не прерывая никакими вопросами. Потом, не дав никому слова, Иннокентий тем же тихим, ровным голосом подвел итог:

— Ваш доклад, кардинал, превосходно осветил общее положение святой церкви! К сожалению, нет в нем главного — веры...

Кардинал побледнел. Папа спокойно продолжал:

— Да, веры в исправность корабля, в котором почит Христос и который никогда не погибнет! Я говорил об этом в моей проповеди. Что ж, если нерадивые слуги господни не осознают своего долга перед апостолической церковью, мы найдем других, более ревностных... В Альбижуа¹, где слишком много потворствуют еретикам наши слабовольные посланцы и слишком неустойчив в вере граф Раймонд, мы пошлем новых легатов, дадим им в помощь отца Доминика. А кроронованных слушников воли господней постараемся отечески призвать к порядку, пока без отлучения от церкви! Вам же, монсеньор Рандола, подлежит более внимательно относиться к делам восточным. Теснят сарадины благочестивых христианских властителей в Святой земле, последние гавани у наших купцов отнять хотят. А в городе Константина, давно в грехах и ересях погрязшем, преступные императоры безнаказанно устраивают убийства купцов итальянских... Усильте же работу своих миссий, поглубже в тыл врага засылайте верных людей! А тем временем вам, кардинал, надлежит связаться с французскими и итальянскими сеньорами, что крест святой на плечи возложить согласны (на монархов я не надеюсь!), да и с мудрым старцем венецианским спишется о действиях совместных на Востоке...

— Ваше святейшество имеет в виду дожа Энрико Дандоло? — осторожно переспросил Бенедикт.

— Да, его самого. И еще прошу вас, кардинал, каждый месяц двукратно сообщать мне о проделанном.

Благословляющим жестом вскинув руку, папа закрыл заседание курии.

Глава II

ПАПСКАЯ КУРИЯ

К концу XII столетия никто из разумных политиков Европы не сомневался, что крестовые походы — дело безнадежное. Три большие военные экспедиции для освобождения «гроба господнего» поглотили до миллиона крестоносцев, что было весьма чувствительной потерей для

¹ Южная область Франции.

немноголюдной Европы. Но Иерусалим по-прежнему оставался в мусульманских руках, сарацины смеялись над христовым воинством, бесславно погибавшим в знойных сирийских песках и в горных теснинах Тавра. Тогда у европейских политических мыслителей возникла новая идея: в неудачах крестовых походов повинна-де коварная Византия! Вероломные греки, утверждали при европейских дворах, организуют засады крестоносцам, заключают тайные союзы с мусульманами и подстрекают их к действиям против латинских княжеств на Ближнем Востоке. Эта неверная мысль не замедлила принести свои пагубные плоды...

В Тбилиси уже знали о воинственных намерениях европейских держав. Ясности в сообщениях приезжих купцов, однако, не было. К середине 1202 года стало известно, что в Венеции появились отряды крестоносцев. Было весьма важно знать направление их будущих боевых действий, ибо борьба мусульманских войск с крестоносцами имела немаловажное значение для Кавказа.

Летом 1202 года сисский купец Гарегин Хетумян получил распоряжение покончить с делами в Киликии и немедленно выехать в Рим. Посланец из Ани доставил небольшой груз драгоценной пурпурной краски, которой издревле славилась Армения, и на словах предупредил Хетумяна нигде прочно не обосновываться, так как ожидаются большие события и ему придется часто переезжать с места на место. Таков приказ шаханшаха Закарэ.

Давно служил Гарегин Хетумян тайным лазутчиком у анийских правителей — еще с того времени, когда Заал Саварсалидзе, выпестовавший не одного ловкого проводчика, отрекомендовал юношу парону Саргису как своего наилучшего выученика. Снабдив денежными средствами, Гарегина переправили тогда в Сис, столицу Киликии. Там Хетумян осел и открыл небольшой фондук.

В торговых делах Хетумян преуспел. Фондук приносил приличный доход, и его умелый хозяин, с приятным открытым лицом и смелыми манерами, был охотно принимаем в лучших домах Сиса и даже бывал во дворце царей. Обширное знакомство среди итальянских, армянских, арабских и византийских купцов, имевших многочисленные торговые заведения в городах приморской Киликии, помогало Хетумяну получать ценные сведения обо всех интересующих его делах и на Востоке и на Западе.

Одним из первых донесений молодого Хетумяна было сообщение о взятии Иерусалима султаном Салах-ад-дином. С тех пор утекло много воды. Из стройного юноши Гарегин превратился в степенного купца с волнистой черной бородой и полным станом, туго обтянутым богатым франкским кафтаном. Он так и не женился..

Распродав товары со складов и получив от сисекких купцов долги, Хетумян с грустью попрощался с друзьями, отстоял напутственный молебен в соборе и с грузом драгоценной пурпурной краски отбыл в гавань Айас. Там он сел на венецианскую галеру и в компании нескольких ломбардских банкиров и купцов из Генуи поплыл к берегам Италии. На Кипре корабль принял новый груз и с ним толстого монаха с маленькими, прыгающими по сторонам глазками. Он вез, как охотно поведал путешественникам, священные реликвии. В их числе имелась яма, в которую был врыт крест Иисуса Христа при его распятии; хвост святого осла, везшего Спасителя при входе в Иерусалим; окно, через которое влетел к деве Марии в Благовещение архангел Гавриил; большой сосуд египетской тьмы; несколько коробов со вздохами Христа на горе Гефсиманской и еще ряд ценнейших реликвий, о которых монах говорил на ухо лишь достойнейшим слушателям. К реликвиям относились плоть Христа и пара бутылок молока богородицы, которых не приобрести и на вес золота... Монах хвастливо добавлял, что если за мощи святого Марка некогда было уплачено Венецией сто тысяч дукатов, то у него в трюме лежит святынь на не меньшую сумму. Слушатели набожно закатывали глаза к небу, слушая рассказы монаха, и верили всему. От Кипра галера приплыла на благоухающий остров Корфу, а оттуда через Мессинский пролив вступила в Тирренское море и пошла вдоль берегов Италии.

Корабль медленно продвигался по лазурному морю под мерный плеск весел и звон бронзовых дисков пикивера, управляющего гребцами. За ним следовали дельфины, ныряя в осыпанных солнечными блестками голубых волнах. Благополучно достигнув гавани Остии, Хетумян по вымощенной каменными плитами древней Остиевой дороге въехал в Рим.

Немало путешествовал на своем веку Хетумян, побывал во многих городах Востока — и в царственном Константинополе, и в прекрасных Афинах, и в многолюдной

Александрии. «Вечный город», однако, его поразил. На дальних подступах к столице за сотни стадий путника ошеломили могучие акведуки времен цезарей, имевшие одну, две и даже три аркады при пересечении оврагов и долин. Прямые, как стрелы, они вступали в город, неся высоко над домами облицованные камнем каналы, доставлявшие в римские водоемы и термы прохладную воду горных источников. Вскоре показался величественный купол Пантеона — наибольшего во вселенной. Далее Хетумян увидел развалины терм Каракаллы, где могли мыться сразу две тысячи человек, и залитый лучами солнца гигантский Колизей. Его огромные каменные блоки только начинали растаскивать строители дворцов для римской знати. Кое-где еще виднелись на темном фоне арок остатки беломраморных статуй. Он ехал по берегу Тибра, мимо замка Сан-Анжело, на башне которого стояла бронзовая крылатая фигура ангела, вкладывавшего меч в ножны. Внимание Хетумяна привлекли и большие, облицованные серым тесаным камнем строения — палаццо знатных родов. С толстыми решетками на окнах, они выглядели подлинными крепостями.

Изредка раскрывались большие ворота, и на улицу выезжали всадники в бархатных и шелковых одеяниях, сопровождаемые вооруженной охраной.

Хетумян следовал на прекрасном берберийском скакуне. Двое погонщиков усердно подхлестывали мулов. Знаменитые римские куртизанки, спешившие поутру в бани, слали статному всаднику многообещающие улыбки, а старые сводни уже протягивали ему каталоги прекраснейших особ, где подробно указывались личные качества, адреса и цена благосклонности. Приезжего удивило и необычайное множество на улицах духовных лиц в самых разнообразных одеяниях, от входящих в моду грубых ряс нищенствующих монахов до фиолетовых чулок расфранченных молодых монсеньоров, багряных мантий и красных бахромчатых шляп кардиналов, с надменным видом следующих на крупных мулах с серебряной сбруей.

Четыре года прошло после интронизации Иннокентия III. Энергичными мерами упрочив папскую власть в столице, он занялся внешними делами. Такой же смелый, как папа Григорий VII Гильдебранд, Иннокентий III казался удачливей своего знаменитого предшественника.

Мысленно обнимая огромную арену — от Исландии до Евфрата и от Палестины до Скандинавии, всевидящее око папы проникало и во дворец императора, и в дом простого горожанина, в самые далекие уголки Европы и Ближнего Востока. Он был твердо убежден в высшем назначении папства — по прямому божьему предначертанию, и не было для него в феодальной Европе власти слишком могущественной. На Востоке обстановка была более сложной, а успехи папства значительно меньшими, хотя борьбе с православной Византией и с воинствующим исламом курия уделяла особое внимание.

Провозгласив себя итальянским патриотом, Иннокентий III сумел быстро вытеснить наглых немецких баронов, которых насадил в Папской области сын Фридриха Барбароссы — Генрих VII. После этого он перешел в прямое наступление против ересей своевольных европейских монархов. В одной из своих проповедей Иннокентий III высокомерно утверждал, что он «стоит между богом и людьми, превыше всех христиан». С такой недостижимой высоты было очень удобно отлучать от церкви и даже низлагать властелинов, политика которых папе не нравилась, обосновывая это их «прегрешениями». Все европейские государства начали превращаться как бы в провинции огромной церковной империи, могущество которой возросло с созданием двух «нищенствующих» орденов — доминиканцев и францисканцев. Однако главной заботой папской курии продолжали оставаться многочисленные ереси и Восток...

Гарегин Хетумян неплохо владел французским и итальянским языками, широко распространенными в Приморской Киликии, знал франгские обычаи и довольно быстро освоился в Риме. Поселившись в удобном доме недалеко от папского дворца, он получил деньги по кредитным письмам у менялы-ломбардца и, не открывая лавки (груз драгоценной пурпурной краски был сложен на складе у менялы), стал усиленно посещать богослужения, иногда происходившие с участием самого папы. Бывая в остернях, банях и других публичных местах столицы, Гарегин завязывал знакомство с наиболее влиятельной частью населения — клириками и дворянством. Вскоре различные аббаты и монсеньоры помельче, а также нобили

и знатные паломники, прибывшие в Рим со всех концов Европы, стали охотно посещать дом любезного левантинца, который допускал и азартные игры. Клириков Хетумян в душевных беседах заверял в тайной приверженности католической вере, а проигравшихся вобилей есужал небольшими суммами денег, не требуя скорой отдачи. Взамен Хетумян узнал немало ценных сведений о папской политике на Востоке, которая становилась ему все более ясной. Он вспомнил, как зачастили в последние годы папские легаты в Сис для переговоров о церковной унии и совместной борьбе с мусульманами. Требовалось, однако, выяснить, в какие сарацинские пределы будет направлен удар нового крестового похода, который исподволь готовил Латеран. Задача казалась несложной, и Хетумян спокойно дожидался случая для проникновения в центр подготовки похода — папский дворец. В ожидании левантинец прогуливался верхом по римским улицам и присматривался к многошумной жизни мировой столицы.

Хотя минуло почти полвека после того, как перестала существовать в Риме городская республика, а ее вождь Арнольд Брешианский окончил жизнь на костре, народ не забыл былых вольностей. Пугая загробными страданиями и суля искупление верующим, церковь снова сумела захватить власть в Риме. Папы наводнили город полицией и наемными войсками. Чадили костры инквизиции. Эти жестокие меры, однако, не приводили к должным результатам. Все новые и новые центры еретичества обнаруживали инквизиторы. Антипапское движение развивалось преимущественно среди ремесленников и мелкого торгового люда, находило отклик и в обнищавших городских низах. Отдавая все внимание основному делу — разведке, не сразу заметил Хетумян нужду народа. Но, постепенно удлиняя прогулки, он достиг беднейших кварталов. Здесь, под безоблачным небом, царили голод и нищета, свирепствовали болезни. Великолепные палатцы и соборы центра сменились длинными рядами жалких лачуг, богатые одежды городских верхов — рубищем бедняков. Гордая нищета — ни одного человека с протянутой рукой — поражала. Хетумян стал часто наезжать в предместья.

В жаркий полдень всегда пустынно на грязных улицах. Мужчины где-то бродят в поисках дневного заработка. Лишь изредка слышится стук костылей инвалида, по-

калеченного в нескончаемых войнах гвельфов с гибеллинами, да раздастся плач полуголых ребят, копающихся в мусорных ямах среди туч раскормленных мух.

По сухой земле гулко стучали копыта одинокого всадника в хорошей одежде. Из разбитых окон на него с неприязнью глядели оборванные женщины. К концу дня, когда вытягивались вечерние тени, они бежали в лавочки, крепко зажав медную деньгу в руке, купить немного прогорклого оливкового масла и залежалую зелень, которые привозили по утрам на тощих мулах крестьяне из Кампаньи. Косые взгляды редких прохожих и нелестные реплики из окон домов убеждали Хетумяна в лютой ненависти городской голытьбы к богатой верхушке. Он почувствовал некоторую опасность для себя (а зря рисковать разведчик не может!) и решил прекратить свои поездки в предместья. Проголодавшись, он задумал в последний раз позавтракать в местной таверне. Привязав коня к столбу у входа, Хетумян распахнул дверь.

Едкий запах чеснока с подгоревшим свиным салом ударил в нос. В полутемном помещении с закопченным потолком и сбитым земляным полом было прохладнее, чем на улице. За столом, у самого окна, затянутого бычьим пузырем, сидел худой старик в залатанном кафтане. Оглядевшись, Хетумян сел за другой стол и хлопнул ладонью по доске.

— Pronto!¹ — прогудел густой бас из глубины таверны.

Дядюшка Борромео долгие годы служил на флоте. Тому свидетельством были красное обветренное лицо с седой бахромой вокруг, серьга в левом ухе и зычный голос боцмана.

— Бутылку кианти и закусить! — потребовал Гарегин. Взгромоздив на стол пузатую бутылку, оплетенную соломой, Борромео исчез на кухне. Хетумян остался с одиноким стариком, который, казалось, дремал. Общительность — качество, весьма нужное для его ремесла, и с легким полупоклоном Гарегин обратился к старцу:

— Почтеннейший, согласитесь разделить со мной завтрак — я не переношу одиночества за столом!

Старик встрепенулся, смущенно забормотал:

— Я, право, не знаю, синьор...

¹ Сейчас! (итал.)

Но Хетумян уже сидел за его столом, перенеся с собой бутылку кианти. Быстро разлив вино в стаканы из мутного стекла, он чокнулся:

— За наше знакомство!

Отменно поджаривал кровяную колбасу дядюшка Борромео, да и кианти было неплохим. Разговорились. Старый Джустиниано оказался римлянином, в молодые годы служил в городской страже, принимал участие в азтипапском восстании. С просветленным лицом рассказывал он новому знакомцу о вольных днях республики, о ее славном вожде Арнольде из Брешии.

— Воистину хотел он рай на земле установить, синьор! Чтобы все были равными и не было бы голодных в Риме...

Хетумяна поначалу удивил рассказ старика. Потом он вспомнил, что некогда на его родине Смбат из Зарехавана, основатель тондракийского движения, также стремился к равенству людей в городах и селах.

— Были и у нас такие вожди еретические, были! Но разгромили наших еретиков отцы церкви с помощью нобилей, — заметил он старику.

В потухших глазах Джустиниано загорелся огонь.

— Семь лет народным вождем был Арнольд, с позором изгнал он папу Адриана из города, и сам император не осмелился приблизиться к Риму. Но сатана надоумил папу наложить интердикт на город. Перестали прибывать паломники, лишились патриции главных доходов и выдали Арнольда императору. А тот тотчас передал его в лапы инквизиции. Сожгли святого человека на костре. А с тех пор...

Старик умолк и настороженно оглянулся. В дальнем углу сидел какой-то простолудин, прихлебывая вино. Хетумян решил переменить предмет беседы:

— Новая круазада готовится, передавали мне знакомцы. Они полагают, что недалек день, когда воинство с крестом на плечах двинется на неверных — освобождать гроб господний!

— В который-то раз?! — усмехнулся Джустиниано. Понизив голос, он добавил: — Впрочем, еще неизвестно, кого больше всего ненавидят папы на Востоке...

Хетумян удивленно поднял брови:

— Что хотите вы этим сказать, Джустиниано?

Прищурился и снова оглянувшись на нового посетителя, старый республиканец тихо сказал:

— Для нашего папы нет злейшего врага, чем патриарх греческий в Константинополе...

Хетумян задумался. Да, немало тайн в Латеране хранится! А он ходит кругом, как кот вокруг горячей каши, и только время теряет на прогулки. Не понравилось бы это покойному Саварсалидзе. Да и шаханшах ждет в Ани...

В таверну вошел долговязый юноша в одежде бедного школяра, с медной чернильницей у пояса. Оглядев помещение, он сделал неприметный знак старику и тотчас, сняв черный берет, не без изящества поклонился.

— Вот, мессер, молодой человек, который с удовольствием выпьет стаканчик кианти за ваше здоровье! — улыбаясь беззубым ртом, сказал Джустиниано.

Хетумян кивнул головой и крикнул появившемуся из кухни хозяину:

— Еще порцию колбасы, дядюшка Борромео! И бутылку надо бы сменить, она пуста...

Обращаясь к школяру, он спросил:

— Кто вы, юноша?

— Школяр, мессер. А зовут меня Вильгельм Бехер.

Живые плутовские глаза блестели на безбородом лице. Уписывая колбасу, Бехер рассказывал о своих злоключениях. В Рим он прибыл из Германии для совершенствования в богословии, но по дороге его дочиста ограбили знаменитые разбойники Кампаньи. И сейчас он вынужден заниматься перепиской бумаг и составлением любовных писем для малограмотных куртизанок. Старик сочувственно качал головой, слушая рассказ школяра.

Хетумян вспомнил, что люди его ремесла должны быть многоязычными — никогда не поздно изучить еще один язык. Он попросил Бехера давать ему уроки немецкого языка — за обед.

— Кианти за обедом подразумевается! — великодушно оговорил левантинец.

Школяр с радостью согласился на предложение любезного мессера. Время было позднее; условившись о встрече на завтра в траттории «Duo vitelli»¹, Хетумян распрощался с Джустиниано и школяром и отправился домой. Бехер остался доедать колбасу в обществе старика. Скоро

¹ «Два теленка» (итал.).

у них завязалась тихая беседа. Простолоудин незаметно вышел из таверны...

Своим приятелям, вхожим в Латеранский дворец, Хетумян стал настойчиво внушать мысль о горячем желании стать придворным поставщиком, просил их представительства. Всем финансовым хозяйством папской курии заведовал кардинал Ченчио. Не обладая энергией и дарованиями папы Иннокентия III, мягкий по натуре, кардинал, однако, был превосходным финансистом и даже оставил труды в этой области. Через одного пронырливого аббата Хетумян решил продать Латеранскому дворцу несколько мер пурпурной краски, до крайности нужной папским красильщикам для окраски кардинальских мантий, но заломил непомерную цену. Бережливый кардинал ужаснулся, узнав об алчных притязаниях кликийского купца, и пожелал лично его урезонить. Это вполне устраивало Хетумяна, давая ему доступ в Латеран. После непродолжительного торга, почтительно склонившись к архипастырской руке, Гарегин заявил:

— Ваше блаженство требует от меня невозможного! Лишь из глубочайшего почтения к святой курии уступаю тридцать дукатов с каждой меры краски...

Довольный успешным завершением сделки (мошенникам-красильщикам нельзя доверять, триста дукатов оставались в папской казне!), кардинал стал расспрашивать любезного купца о его родине.

— Я из далекой Армении, что находится близ библейской горы Арарат, там, где некогда праотец Ной имел виноградники. А царственный пурпур, что я привез с родины, применяли еще римские красильщики для tog и обуви великих цезарей. Нет цены ему! Лишь из сыновней преданности отдаю я краску себе в убыток, — заверял Хетумян, набожно закатывая глаза.

— Mio figlio¹, ты разве католик? — радостно воскликнул кардинал.

— Еще нет, ваше блаженство. Но я посещаю каждый день мессу в церкви Сан-Клименто, веду душевспасительные беседы с ее каноником и... — Хетумян сделал паузу, — льщу себя надеждой, что не буду обойден заказами для

¹ Сын мой (*итал.*).

двора его святейшества... Восточные товары могу поставлять по наивыгоднейшим ценам!

— Хорошо, хорошо, сын мой, продолжай идти по пути к вечному спасению, — прервал речь кунца кардинал. — Мы не забудем твоего рвення! А теперь расскажи-ка, чем богаты и славны ваши царства?

Хетумян не преминул удовлетворить любопытство хозяйственного кардинала и многое поведал ему о многочисленности и богатстве христианских народов восточных земель, храбро сражающихся за свою веру против сарацинов. Рассказ армянского купца весьма заинтересовал Ченчио. На утреннем приеме он поведал Иннокентию III о выгоде приобретенной пурпурной краске для папской красильни и заодно о занятном негодянте из богатой христианской Армении. Папа, наморщив лоб, что-то стал вспоминать, потом велел позвать старого каноника Кастраканти, который продолжал служить в курии.

— Реверендиссимо падре Бартоломео, вы знаете, что я никогда ничего не забываю, — учтиво обратился святейший отец к канонику. — Послали ли вы сто дукатов падре Фрателли в страну георгиев, как я вам приказывал десять лет назад?

— Нет, ваше святейшество, — пробормотал побледневший каноник.

— Почему же не выполнили вы моего приказа, реверендиссимо?

— Кардинал-диакон Орсини нашел тогда эту трату излишней, — пролепетал Кастраканти.

Папа укоризненно покачал головой. Мягким тоном, от которого так часто бросало в дрожь всю курию, он произнес:

— О, неразумие! Какие же большие возможности потеряла святая церковь за годы моего отсутствия... Все-таки мы теперь переведем, хоть и с великим опозданием, эти сто дукатов бедному Фрателли.

— Святейший отец, мы не можем это сделать, — с унынием сказал падре Бартоломео.

Папа с удивлением воззрелся на каноника:

— Вы, кажется, опять отказываетесь выполнить мое распоряжение, реверендиссимо? Боюсь, что такое упорное сопротивление пожеланиям моим может повредить вам... — В голосе папы зазвучал металл.

— О, смею ли я даже подумать об ослушании, ваше

святейшее? — взмолился перепуганный каноник. — Но падре Фрателли умер и не оставил никаких наследников.

— Ах, так! — папа успокоенно откинулся в глубоком кресле. После некоторого раздумья он сказал Кастроканти: — Передайте кардиналу-префекту, что я прошу разыскать армянского купца, о котором поведал нам кардинал Ченчио, и доставить незамедлительно во дворец. Я хочу его видеть.

Вильгельм Бехер оказался довольно образованным для своего возраста человеком и немало поучительного рассказывал о папстве. Оказывается, в III—IV веках все христианские епископы именовались папами, то есть «отцами» на греческом языке. Однако с V века это название закрепилось за римскими епископами, которые ссужали деньгами последних императоров Запада (за грабительские проценты!) и даже собирали для них подати. Когда же великая империя окончательно распалась, власть епископов Рима еще более усилилась.

— Духовенство всегда возвышается, когда падает власть мирских правителей. Попы умеют ловко ловить рыбку в мутной воде! — поучительно заключил рассказ Вильгельм Бехер, выпивая стаканчик кианти.

В одну из следующих встреч с Гарегиним студент с хитрой улыбкой вытащил из кармана засаленного камзола книжку в потрепанном переплете.

— Сегодня, герр Гарегинус, я вам буду переводить высокоумные изречения одного немецкого философа, давненько уже запрещены они святыми отцами! Поэтому будем осторожны...

Заказав еще бутылку кианти, Хетумян приготовился слушать. Пропустив пару стаканчиков вина для увлажнения пересохшего горла, Вильгельм начал негромко переводить с немецкого:

— «Три вещи приносят с собой пилигримы из Рима: нечистую совесть, расстроенный желудок и пустой кошелек.

— Три вещи ценятся в Риме особенно дорого: женская красота, хороший конь и папские индульгенции.

— Три вещи часто встречаются в Риме: разврат, поповские рясы и высокомерие церковников.

— Три вещи в избытке водятся в Риме: проститутки, священники и писцы.

— Тремя вещами больше всего торгуют в Риме: Христом, священными реликвиями и женщинами».

Целую неделю гонялся Минчио — один из искуснейших сбиров Рима, за неким школяром, которого он было застучал в таверне плута Борромео в обществе старого Джустиниано, но упустил. Отцы святой инквизиции быстро расправились с неисправимым старым еретиком, пепел последнего республиканца уже развеял ветер. Но школяр был неуловим. Тем с большей радостью узрел неожиданно сыщик знакомую долговязую фигуру в trattoria «Duo vitelli», которую обычно посещали нобили и клирики побогаче. Проклятый школяр сидел за столом с тем самым левантинцем, которого также заприметил Минчио в бедной таверне, и что-то вполголоса читал. Минчио осторожно пересел поближе. Бехер и Гарегин так увлеклись изречениями немецкого мудреца, что не заметили приближения сбира. Не выдержав богохульных слов, Минчио внезапно кинулся к Бехеру, с воплем:

— *Maladetto cataro!*¹

Ловким ударом ноги школяр опрокинул стол с бутылками кианти на полицейского и стремглав выбежал из trattoria. Разъяренный сбир вцепился в Хетумяна. На помощь подоспела городская стража, и, изрядно помятый дюжими руками, армянский купец оказался в глубоком подземелье замка Сан-Анжело.

Хетумян сидел в полутьме на прелой соломе и предавался мрачным размышлениям. Все тело болело от побоев, но хуже всего докучало сознание допущенной ошибки. Ошибка ли? Неосторожность разведчика — не ошибка, а служебное преступление, поучал незабвенный Заал Саварсалидзе. Хетумян не узнавал себя!.. Мало того, что он тереял драгоценное время в прогулках и беседах в бедных предместьях, как мог он позволить полупьяному вольнодумцу, за которым, оказывается, шла слезка, читать еретические тексты в харчевне, да еще беспечнейшим образом прозевать сбира?.. Впрочем, кто мог знать, что римская полиция, если не удастся поймать преступника, охотно хватает соседа? Самоутешение было недолгим. Конечно, проклятый сбир доложит о нем как о единомышлен-

¹ Проклятый еретик! (итал.)

нике удравшего еретика. А обвинение в ереси в папском Риме грозило костром!

Чья-то фигура загородила тусклый свет из окошка с толстой железной решеткой, и хриплый, но довольно приятный тенор громко запел:

Рим и всех и каждого
Грабит безобразно,
Пресвятая курия —
Это рынок грязный.

К папе ты направился?
Ну, так знай заранее —
Ты ни с чем воротиться,
Если пусты длани.

— Заткнись, проклятый еретик! Не то получишь стрелу в рожу... — раздался зычный окрик со двора.

Фигура озорно свистнула и прыгнула с подоконника. Обернув грязное, заросшее волосами лицо, человек скривил щербатый рот в подобие улыбки:

— Злится проклятый папист! Как будто не безразлично — получить стрелу в глаз от болвана-часового или, как каплун, изжариться на костре аутодафе...

Хетумян мрачно воззрился на фигуру, нехотя буркнул:

— Кто таков?

— Школяр из Тулузы. А звать меня Гюг-вагант, — бойко ответил тот.

— А за что ты попал в тюрьму? — продолжал допрашивать Хетумян.

— *Sagmen nebelle*¹, синьор! — подмигнул вагант.

— Это еще что такое? — удивился Хетумян.

— Песни против папы. Вы только что прослушали одну из них, — пояснил Гюг и смолк, уставившись на железную дверь.

Тяжелые засовы загремели. В глаза ударил свет потайного фонаря.

— Хетумиано, выходите! — голос тюремщика был необычно любезен.

Когда кардиналу-префекту Рима комендант тюрьмы в числе задержанных за истекшие сутки преступников

¹ Бунтарская песнь (лат.).

назвал и имя Гарегина Хетумяна, префект, невзирая на свой высокий сан, смачно выругался:

— Ослы святого Петра! О чем вы думаете, ведь его святейшество лично приказал доставить во дворец этого «еретика»!

Тюремщики быстро привели Хетумяна в надлежащий вид, вернули документы и деньги, отобранные при аресте, и чуть не вскачь доставили во дворец. Привратник в расшитой ливрее провел левантинского купца по длинным коридорам к внутренним покоям. Там его принял дежурный камерарий и после доклада ввел в обширный папский кабинет.

Иннокентий III сидел за столом, покрытым парчовой скатертью, и читал пергаментный свиток. Подняв голову, он внимательным взглядом окинул склонившегося в низком поклоне Хетумяна.

— Приблизься, figlio mio! Нет, туфлю целовать не надо, мы не в церкви... Можешь сесть вон там. Как твое имя?

— Хетумян Гарегин, ваше святейшество, — тихо ответил Хетумян, осторожно присаживаясь на край стула в конце длинного стола.

Из-под опущенных ресниц он осторожно рассматривал могущественнейшего из властелинов Европы. Перед ним был человек небольшого роста, в белом одеянии и в белой камилавке на седеющих волосах, с гордым профилем аристократа и блестящими, молодыми глазами.

— Хетумиано Гарегино? — повторил задумчиво папа. — Похоже на итальянские имена... Ты христианин, сын мой?

— О да, святейший отец.

— Греческой веры?

— Нет, я принадлежу к церкви святого Григория Просветителя.

Иннокентий III нахмурил брови:

— Монфизит — вдвойне еретик! Хотя...

Папа задумался. Как показывали переговоры легатов с армянским патриархом в Киликии, между еретиками (альбигойцами или катарами) и армянской церковью с ее крепкой иерархией и верховным главой — католиком — была существенная разница. Впрочем, дело сейчас было не в догматических разногласиях...

— Расскажи мне, Хетумиано, о народах твоей роди-

ны. Кто там царствует ныне? И правда ли, что ваши войска одолели сарацинов в большой битве?

— Сущая истина, ваше святейшество, — степенно подтвердил Хетумян. — Семь лет истекло с того дня, как наше христолюбивое воинство под командованием великого Закарэ разбило бесчисленные полки нечестивого короля Абу-Бекра.

— А много ли воинов у этого вашего коннетабля? ¹ — продолжал расспрашивать папа.

— Считаю сведущие люди, что одних панцирников, по-вашему рыцарей, под его началом не менее двадцати тысяч, — не задумываясь ответил Хетумян.

— Двадцать тысяч рыцарей?!

Иннокентий в изумлении поглядел на армянского купца:

— Не ошибаешься ли ты, сын мой?

— Нет, святейший отец. Всего у великого коннетабля Закарэ конных и пеших воинов не менее ста тысяч было на поле боя. Ну, а у короля сарацинского — вдвое больше, — уверял Гарегин.

Удивился папа. Таким количеством войска не располагал ни один европейский государь, кроме германского императора да еще, пожалуй, французского короля! Но между восточным христианским рыцарством и Римом досадным средостением стояла Византия. Об этом надобно помнить...

— Сын мой, пройди в соседнюю приемную и спроси там каноника Кастраканти. Иди, господь с тобой! — милостиво закончил беседу папа и начертал небольшой знак креста в воздухе белой рукой с перстнем. Хетумян с глубоким поклоном вышел из покоя римского первосвященника.

После аудиенции у его святейшества престиж купца из Сиса необычайно возрос. Хетумян это сразу заметил, очутившись в приемной, где находились несколько духовных особ. Первым с любезным видом подошел к нему сухонький старичок.

— Предосточтимейший мессер, я весь к вашим услугам! — промолвил каноник Кастраканти. — Располагайте мной. Я уверен, что мы будем друзьями. Пожалуйста ко мне в кабинет, там мы спокойно побеседуем...

¹ Командующий войсками (франц.).

В уютном покое преподобного Кастраканти Хетумян почувствовал себя много свободнее, чем в огромном кабинете его святейшества. Разговор со старым церковным дипломатом сразу налачился, и Гарегин стал охотно рассказывать о горах Армении, о ее гордых и смелых обитателях, о богатых торговых городах. С неослабным интересом слушал каноник о далекой христианской стране, изредка делая пометки на листе пергамента.

В кабинет вошел хорошо одетый нобиль в черном берете с длинным белым пером. В руках у него был объемистый пакет с тяжелыми печатями. Поклонившись его высокопреподобию, нобиль со значительным видом возвестил:

— Эстафета его святейшеству от высокоблагородного и могущественного синьора Энрико Дандоло.

Кастраканти встрепнулся. Взяв пакет из рук гонца, он тихо спросил:

— Рыцарственное воинство все еще на Лидо?

— Да, реверендиссимо.

— Голодает?

Гонец помялся, покосившись на Хетумяна, который безучастно глядел в окно.

— Видимо, да, реверендиссимо.

— Все мечтают о походе на Египет благородные рыцари? — не отставал от венецианца каноник.

Нобиль с удивлением взглянул на старого каноника:

— Разумеется, реверендиссимо. Ведь там решено о походе...

От Хетумяна не укрылась усмешка, скользнувшая по желтому морщинистому лицу падре Бартоломео. Еще больше насторожили его следующие слова каноника:

— Будем надеяться, что высокородный маркиз сговорится наконец с монсеньором Энрико! Ответ его святейшества я передам вам, мессер, незамедлительно.

Внимание Хетумяна отвлекла новая мысль. Он стал невпопад отвечать любезному старцу. Беседа еще продолжалась, когда в кабинет вошел другой каноник, помоложе. С учтивым поклоном он сказал левантинцу:

— Мессер негоцианто, вас ждет его блаженство кардинал Бенедикт.

На тонком аристократическом лице кардинала читалась явная досада по поводу неожиданного проникновения какого-то купца из Армении к его святейшеству. Но

с темпераментным папой Иннокентием такие случаи происходили нередко. Скрывая обиду, кардинал любезно сказал:

— Сын мой, с тобой хочет познакомиться поближе мёнсеньор Рандола. Доверься ему, как своему духовнику, будь чистосердечен в показаниях.

Кардинал говорил так, словно Хетумян — лицо подозреваемое. Ухо разведчика сразу это уловило... Прелат с невозмутимым видом продолжал:

— Мне донесли, что по досадному недоразумению ты поехал в замок Сан-Анджело. К счастью, ненадолго... Однако берегись, сын мой, римской полиции! Она неумолима и всеведуща. Дай бог, чтобы тебе никогда больше не пришлось увидеть это мрачное подземелье.

Яснее нельзя было сказать.

Впрочем, вид мёнсеньора Рандолы мог успокоить любого человека, за исключением Хетумяна, нервы которого в этот тревожный день напряглись до предела. За небольшим столом сидел человек в фиолетовой сутане и с открытой улыбкой на румяном лице. Водянистые глаза толстяка при виде армянского купца блеснули. Пухлой рукой он помахал в воздухе.

— Поближе ко мне, мессер Хетумиано! О как бы мне хотелось вас назвать «figlio mio»! Вы другой веры — увы! Но пути господни неисповедимы, и я льщу себя надеждой, что когда-нибудь наши руки встретятся над одной кропильницей со святой водой...

Рандола был многословен и откровенен. Вскоре на столе появилась фляга с кипрским вином и ваза с отменными плодами. Разлив вино по серебряным кубкам, Рандола провозгласил:

— За драгоценное здоровье его святейшества государя-папы! Да будет долгим его правление!

Хетумян охотно выпил за римского первосвященника, который ему понравился простотой обращения. Второй бокал выпили за новое знакомство. Потом мёнсеньор Рандола шепнул Хетумяну:

— А теперь, *carissimo*¹, расскажите мне поподробнее, какие дела привели вас в Рим? Неужели вы прибыли в нашу столицу только для того, чтобы продать несколько тюков товара?

¹ Дражайший (*итал.*).

ФРАНЧЕСКА САЛЬВИАТИ

Слишком далеко отстояла Армения от Латерана, и длинная рука папской разведки не достигала Ани; монсеньор Рандола не мог проверить всех утверждений подозрительного армянского купца. Левантинец стоял на своем — он-де много лет торгует в Киликии и ныне приехал в Рим, чтобы наладить выгодные коммерческие операции. Монсеньор может о нем запросить Сис, до царского двора включительно...

Долгая беседа, перемежаемая дружескими увещеваниями и грозными посулами, закончилась для Гарегина Хетумяна в общем благополучно. Отобрав у него расписку в получении двухсот дукатов от святой конгрегации и выдав на руки лишь половину, монсеньор Рандола обязал Хетумяна в месячный срок отправиться на родину для выполнения его заданий.

— Монсеньор, я не могу появиться в Ани без товаров — меня сразу же заподозрят тамошние сбирьы и заберут к городскому подесте, а там и в тюрьму посадят как лазутчика... Продав в Риме пурпурную краску, я рассчитывал закупить для анийского двора венецианское цветное стекло, узорчатый бархат, парчу и флорентийские сукна. Это мне поможет в выполнении ваших поручений, уверяю вас, — настаивал Хетумян.

Доводы армянского купца показались монсеньору Рандоле довольно убедительными. Он подписал ему свободный пропуск во Флоренцию и Венецию. В последнем городе Хетумян должен был отметить свой отъезд в Армению у настоятеля собора св. Марка — каноника Тибальди.

— *Presto, signore, presto!*¹, — услышал Хетумян, стоявший в задумчивости около *fonta del'acqua vergine* — «фонтана девственной воды», сооруженного еще во времена Августа его зятем Агриппой. В жаркое летнее утро водоем распространял приятную прохладу. Пронзительно кричали разносчики, предлагая лимоны и жареный миндаль.

Звонкий женский голос продолжал:

— *Primo della partenza e necessario, caro signore,*

¹ Скорее, сеньор, скорее! (итал.)

lanciare una moneta nell'acqua vergine, altrimenti non returnati alla nostra Roma! ¹

Обернувшись на приятный голос, Хетумян узнал его обладательницу — Франческу Сальвиати, одну из знаменитейших прелестниц Рима. Не раз довелось ему ужинать в ее обществе, отдавая должное красоте и веселому нраву венецианки. У Франчески были золотые волосы и синие глаза с черными ресницами, как это встречается нередко у красавиц Венеции. Пленительная, словно сирена, чаровавшая Улисса, умная и ловкая, как бес, Франческа пользовалась большим успехом в римском полусвете. Остроумная речь и белоснежная кожа, пышные формы и тонкая талия венецианки привлекали внимание поклонников из числа римской знати — кардиналов, легатов, епископов, аббатов, маркизов, графов, баронов и других нобилей.

Хетумян неторопливо подошел к носилкам куртизанки:

— Вы правы, *bellissima!* Нимфа, покровительствующая сему превосходному источнику, может на меня разгневаться, и я больше не увижу вас. Но позвольте спросить, куда вы направляетесь в столь ранний для прекрасных дам час?

— О, *signore*, я уезжаю к себе на родину. *Diva Venezia!* ² О, кто может сравниться с ней! Ее зовут жемчужиной наших морей! — щебетала Франческа.

— Что же принуждает вас покинуть великий Рим? — вежливо спросил Хетумян.

— Как, разве вы ничего не знаете? В Венецию собрались самые доблестные, самые красивые и самые щедрые рыцари вселенной! И конечно, мое место там, пока герои со святым крестом на плечах не поплывут на завоевание гроба господнего! Я узнала, что там много моих знакомых...

Франческа стала перечислять громкие имена знатнейших крестоносцев. Когда лукавая прелестница упомянула имя маркиза Бонифация Монферратского, Хетумян насто-рожился и, приподняв бархатный берет, любезно сказал:

— Не возьмете ли меня с собой, *signora*, в дорожные компаньоны? Вам будет веселее и безопаснее в дороге...

¹ Перед отъездом необходимо, дорогой *signor*, бросить монету в девственную воду, иначе вы не вернетесь в наш Рим (*итал.*)

² Дивная Венеция! (*итал.*)

На следующий день небольшой караван двинулся в путь. Впереди ехали на добрых скакунах прекрасная амазонка в длинном суконном платье и почтенный негочант из Сиса. За ними в повозке следовали молчаливый слуга и говорливая наперсница с многочисленными баулами своей прекрасной госпожи. Караван замыкали два вооруженных «брави», предусмотрительно нанятых в Риме Хетумяном. Впрочем, подписанный монсеньором Рандолой пропуск надежно охранял путников от наибольшей опасности — местной полиции. Дорогой Хетумян всячески ухаживал за Франческой, одаривал ее китайским шелком, неплохим жемчугом из Омана и иранской краской для волос — хенной. Венецианке льстило внимание щедрого левантинского купца — мужчины в цвете сил, вдобавок холостого. Она все чаще стала поглядывать на Хетумяна своими блестящими синими глазами и вскоре заявила, что будет называть его (для краткости!) «Caro Gino»¹.

Проезжая по Тосканской равнине, они увидели на большом поле схватку двух конных отрядов кондотьеров и смогли наблюдать издали применяемую наемниками тактику. Главной задачей кондотьеров являлся выигрыш сражения с наименьшей потерей солдат. Поэтому военные операции состояли преимущественно из различных маневров и передвижений. Идя на столкновение с неприятелем, предводители умножали разведку и обходные движения своих отрядов, всячески избегая прямого сражения. В конце концов, когда дело доходило до стычки, кавалеристы обеих сторон поднимали страшный шум, над местом боя носились облака пыли, слышался топот, доносились воинственные клики. Когда пыль оседала, на поле боя оставались несколько раненых людей и коней, изредка лежали убитые. Кто выходил победителем из такого «генерального сражения», судить бывало трудно. Каждый кондотьер приписывал победу себе и требовал награды от нанимателя.

Прибыв во Флоренцию, путешественники остановились в гостинице «Albergo d'oro»², близ церкви св. Миниато, где они прослушали мессу. Церковь очаровала путешественников обилием колонн, арок, пилястров, замечательными инкрустациями из цветного мрамора. Потом Хету-

¹ Дорогой Джинно (итал.).

² «Золотая гостиница».

мян отправился в торговые ряды, оставив Франческу в гостинице.

Флоренция не имела соперников по части тонких сукон, и Гарегин закупил несколько тюков. После сделки он отобедал у любезного мессера Джулиано Буонакорси, синдика торговцев шерстяными тканями, не забыв послать Франческе большую корзину с вином, фруктами и отличной пуляркой. Веселый обед у мессера Буонакорси затянулся до позднего вечера, и Гарегин вернулся в гостиницу в приподнятом настроении, сопровождаемый слугами с пылающими факелами. В комнате было душно, и Хетумян, напевая песенку, вышел на широкую террасу, залитую лунным светом. Флорентийское небо, усеянное крупными звездами, напоминало Гарегину далекую родину, которую он покинул в ранней юности. Он задумался.

— *Вона сега, саго Гино!*¹ — раздался из соседней комнаты звонкий голос.

Гарегин подошел к широкому венецианскому окну, которое выходило на террасу.

— *Вона сега, Франческа!* Вы не спите, прекрасная?

— В такую ночь разве уснешь? Особенно одна... — лукаво отозвалась куртизанка.

Хетумян перегнулся через окно — и ахнул от неожиданности! Франческа летом всегда спала обнаженной...

Перевалив через Аппенины, Гарегин и Франческа прибыли в Феррару почти супругами. Левантинец оказался щедрым не только на подарки... Мужская ласка всегда ценится опытными женщинами, и прекрасная венецианка перед въездом в родной город промолвила со вздохом:

— О, если бы ты принял святую католическую веру, мой дорогой, и совсем остался в Венеции! Мы могли бы открыть прекрасную тратторию или гостиницу для знатных гостей.

— *Mia saга*², об этом никогда не поздно подумать! Но я опасюсь, что до тех пор твои знакомцы начнут ревновать и убьют меня, — ответил Хетумян, целуя волосы женщины.

¹ Добрый вечер, дорогой Джино! (*итал.*)

² Моя дорогая (*итал.*).

Франческа задумалась было, но, тряхнув головкой, громко рассмеялась:

— А я всем буду говорить, что ты — кум и друг моего бедного Джулиано, погибшего где-то в ваших краях, и привез мне от брата наследство...

Миновав огромные плотины, которыми искусные венецианские инженеры отводили от города опасное течение реки Brentы, путники подъехали к пристани. Пересев в черные гондолы, Франческа и Хетумян доплыли до моста Риальто на канале Гранде, самом большом из ста пятидесяти каналов Венеции. Оттуда ловкий комиссионер проводил их на левый берег. Около старинного дворца Fondaco del Turchi пустовал небольшой дом, который Франческа тотчас же сняла. Хетумян предпочел остановиться рядом, в гостинице, где царил большое оживление в связи с прибытием множества знатных рыцарей со всех концов Европы.

Глава IV

ДОЖ ВЕНЕЦИИ

Далеко за пределы лазурной Адриатики посылала свои страшные галеры «Яснейшая Республика», проливая потоки и мусульманской и христианской крови, самым жестоким образом расправляясь с соперниками. И византийское покровительство пизанским и генуэзским негодьятам, разумеется, вызывало глубокое негодование в Венеции. Поэтому обращение вождя крестоносцев Бонифация Монферратского за помощью к Венеции показалось даром провидения божьего ее торговому патрициату, почуввавшему, что пришел удобный случай одним ударом сокрушить и Византию и итальянских соперников, захватив в свои руки всю торговлю с Левантом. В 1201 году с крестоносцами был заключен договор на перевозку четырех с половиной тысяч рыцарей и их коней, девяти тысяч оруженосцев и двадцати тысяч пеших воинов за восемьдесят пять тысяч марок серебром¹. От себя, из «любви к богу», Венеция снаряжала пятьдесят галер. Договор таил ловушку, и не одну: враг упоминался не обычным

¹ Около 4 миллионов золотых франков.

для эпохи крестовых походов обозначением «неверные», а расплывчатым термином «hostes»¹, а уплату огромной по тем временам суммы крестоносцы должны были произвести в определенные сроки, независимо от наличного числа крестоносцев. Папа Иннокентий III сразу понял хитроумный план венецианского дожа, но утвердил его безоговорочно, а папская курия усилила нажим на императора Алексея Ангела в целях добиться «воссоединения обеих церквей».

Крестоносцы не смогли внести деньги в срок, и венецианский дож Дандоло показал свои когти — велел прекратить подвоз продовольствия на остров Лидо, где к лету 1202 года уже собрались крестоносные витязи. На острове начался голод, часть крестоносцев сбежала. Тогда Дандоло внес тайному совету республики согласованное с Бонифацием Монферратским новое предложение: не тесня крестоносцев уплатой долга, направить их в качестве наемников против города Задара², изменившего власти республики в пользу венгерского короля. Неукротимый старец решил сам принять командование флотом в этой карательной экспедиции. Изменение направления похода, однако, тщательно скрывалось от крестоносцев, которые продолжали верить, что готовится поход на Египет.

Поздно вечером на Большом канале, около дома, где обосновалась прекрасная Франческа, послышался шум. Блеск многочисленных факелов, оклики гондольеров и звон лютни возвестили о прибытии знатного вельможи.

В небольшую нарядную залу, в которой находились Франческа и ее неизменный гость — кум с Леванта, вошел высокий пожилой рыцарь с красивой русой бородой и золотой командорской цепью на груди. В руках он держал хлыст. Это был Бонифаций II, маркиз Монферратский, один из самых могущественных князей Северной Италии — верховный вождь крестоносцев.

Франческа с радостным криком бросилась навстречу маркизу и повисла у него на шее:

— О, какое счастье... Я снова вижу у себя вашу светлость!

¹ Враги (лат.).

² Задар — Зара.

— Как твои дела, *gazazza*¹, с кем ты теперь развлекаешься? Кто это? — бесцеремонно показал хлыстом вельможа.

Хетумян непринужденно поклонился маркизу.

— Кум моего бедного покойного брата Джулиано, привез мне с Востока небольшое наследство, оставленное братом, — с серьезным видом объясняла Франческа. Тихо шепнула гостю: — Он был недавно на личном приеме у его святейшества в Риме!

Маркиз с интересом посмотрел на Хетумяна:

— В самом деле, почтеннейший? Вы были приняты святым отцом? Когда и по какому случаю?

Гарегин, отвесив снова легкий поклон, неторопливо ответил:

— Да, ваша светлость. Святейший отец соблаговолил осчастливить меня личной беседой в позапрошлую пятницу. Образ великого государя — папы и этот счастливый для меня день навеки запечатлены в моем сердце.

Скромно потупив глаза, он добавил:

— А потом со мной пожелали увидеться его блаженство кардинал Бенедикт и досточтимейший монсеньор Рандола и удостоили долгими беседами о разных делах.

Маркиз Бонифаций вполне удовлетворился ответом левантинца и все внимание обратил на Франческу. У широкого венецианского окна с видом на Большой канал слуги уже накрыли стол для ужина. Прекрасная куртизанка сидела во главе стола, покрытого парчовой скатертью и освещенного свечами в серебряных канделябрах. В изобилии стояли блюда с окороками, зажаренными утками и лебедями, в вазах — превосходные плоды. В больших фигурных флягах были разлиты греческие и итальянские вина: кипрское, лакрима-кристи, гипокрас (коринфское сладкое вино, приправленное корицей) и салернское.

Рядом с хозяйкой дома восседал разнеженный Бонифаций. Кум из Леванта поместился напротив, в некотором отдалении, уделяя большое внимание кувшину с гипокрасом. Купец быстро хмелел, и маркиз, подмигнув Франческе, громко произнес:

— Однако твой кум не крепок на выпивку!

¹ Девчурка (*итал.*).

— Кто может состязаться с благородным рыцарем? Купец всегда остается купцом... — прошептала лукавая Франческа.

Бонифаций довольно хмыкнул и осушил залпом серебряный кубок с кипрским. Икнув, Хетумян счел нужным вступить в беседу с вельможей:

— В-ваша светлость, в д-дороге мы имели случай п-полюбоваться подвигами д-доблестных кондотьеров. С-сколько грому и т-треску на поле боя, к-какие клики бранные! С-скоро они завоюют весь мир!

Маркиз пренебрежительно усмехнулся:

— О, наши вояки умеют не только поднимать пыль в поле, но и пускать ее в глаза своих патронов! Однако я не желал бы иметь их под рукой в день битвы с настоящими врагами!

В глазах кума из Леванта блеснул огонек.

— А что п-почитает ваша светлость под «настоящими врагами»?

— Разные бывают *hostes*, — уклончиво ответил Бонифаций и снова потянулся за вином. Огонек в глазах левантинца сразу потух, и, окончательно опьянев от неумеренного возлияния, он свалился на большую софу и заснул с открытым ртом. Франческа звонко рассмеялась.

— Все-таки я очень благодарна куму Джино — он вовремя выручил меня из беды! Я совсем было осталась в Риме без денег, не на что было выехать в Венецию, а он привез мне тысячу дукатов, оставшихся после бедного брата...

— Тысячу дукатов?! — вино уже бросилось в голову Бонифацию. — Подумаешь, какая важность! Я буду дарить тебе по две тысячи дукатов за ночь, моя дорогая... после нашего похода...

Маркиз крепко обнял Франческу, жадно поцеловал в губы — и снова осушил свой кубок.

— А что ты привезешь мне из Египта, мой принципе? — проворковала Франческа.

Бонифаций пьяно уставился на куртизанку, потом оглушительно захохотал:

— Из Египта? Да ничего!

Франческа отодвинулась с обиженным видом:

— Все вы, мужчины, одинаковы! Сначала обещаете золотые горы, а потом...

Маркиз раздраженно прикрикнул на непонятливую куртизанку:

— Пойми, глупая, не пойдем мы на Египет! Скажи лучше, что тебе привезти в подарок из константинопольских трофеев?

Храп Хетумяна на софе стал невыносимым. Бонифаций, рассердившись, заявил венецианке:

— Франческа, твой проклятый кум надоел мне своим храпом. Перейдем-ка лучше в спальню, крошка! Там и побеседуем о византийских подарках...

Закупив венецианское стекло — цветное, агатовое и сетчатое в разных изделиях — бусах, кубках, гребнях и фиалах, Хетумян добавил к ним узорчатый бархат и знаменитые кружева. Весь товар был тщательно упакован для долгого путешествия на судах и по сухопутью — на горбу вьючных верблюдов — и сложен на складе в ожидании отправки. Лазутчик спешил в гавань — дольше задерживаться в Венеции было невозможно. Но где найти торговое судно, отходящее в Понт?

— Поскорее, мой друг. Один дукат сверх платы, если мы до вечера поснеем в гавань Маламокко, — окликнул он гондольера.

— О, синьор сильно торопится, я вижу! Впрочем, в Венеции стало неотраднo жить приезжим господам. Хлеб вздорожал вдвое, хорошую рыбу трудно достать, везде пьяные рыцари с белым крестом на плече! — вздохнул гондольер и налег на весло.

Хетумян промолчал, но гондольер был словоохотлив, как все итальянцы.

— Проклятые francese¹ разорили всех венецианских торговцев, синьор! Берут товар и, вообразите себе, не платят... А если в гондолу сядут — награды не жди, скорее оплеуху заработаешь. А что они делают с нашими милыми девушками? Скорее бы старик Энрико их спровадил из Венеции! Правда, он слепец, но уши у него ведь есть, чтобы слышать о безобразиях пришельцев!..

Гондольер в сердцах сплюнул и сильными ударами длинного весла быстро погнал гондолу к причалу, где виднелись мачты судов.

¹ Французы (*итал.*).

Хетумяну повезло. Первое же судно, к которому пристала гондола, оказалось принадлежащим почтенному Зу-н-нуну, купцу из Трапезунта. Выгодно продав груз пшеницы, привезенной из далекого Крыма, Зу-н-нун возвращался в родной город. Договорившись об оплате и времени отъезда, Хетумян поспешил к собору св. Марка на площади: настоятелем там был каноник Тибальди, к которому он имел письмо от монсеньора Рандолы.

— Передайте мой сыновний поклон монсеньору Рандоле и сообщите, что мне сопутствует удача. Я завтра утром отплываю на триреме одного торговца зерном, следующего прямо в Трапезунт. Нам необходимо обогнать суда высокоблагородного синьора Дандоло, пока они не заперли Босфор, — озабоченно говорил Хетумян.

Каноник испытующе посмотрел на левантинца, прибывшего с пропуском самого Рандолы. У того был уверенный вид человека, которому все известно.

— Не опасайтесь, сын мой! Крестonosцы не скоро упадут в Константинополь. Им еще надо отвоевать у венгерского короля Зару. На это уйдет, наверное, вся осень, — промолвил наконец каноник.

Весьма довольный, Хетумян поехал прощаться с прекрасной Франческой...

Глава V

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Ранним осенним утром на постоялом дворе близ монастыря Оромос было шумно от криков погонщиков, конского ржания и рева вьючных животных. При свете факелов завьючивались верблюды, по два мешка весом по кантару¹ каждый, не меньше. Тучные купцы внимательно следили за вьючкой животных, покрикивая на нерадивых приказчиков. Кладовщики огромного караван-сарая, отборно ругаясь, считали мешки, которые выносили со складов грузчики. Верховые кони седлались отдельно.

Хетумян в раздумье следил за работой своих слуг. Последняя стоянка перед Ани... Он впервые приезжает в столицу Айастана, где у него нет знакомых и друзей.

¹ Кантар — 100 килограммов.

А все прибывающие в город торговые люди должны обязательно представиться амиру амиров и уплатить пошлину. О его прибытии из Трапезунта правитель Закарэ узнает из ежедневного доклада градоначальника и, конечно, сейчас же захочет его повидать. А это разведчика не устраивает... Ведь за ним могут следить шпики Латерана! Хетумян ломал голову над разрешением этого вопроса, когда в воротах, уже освещенных первыми лучами солнца, появился всадник на прекрасном скакуне. За ним ехали воины в кольчугах и остроконечных шлемах, с копьями в руках. Глава каравана громко закричал:

— Привет и поклон благородному парону!

— Кто это? — спросил тихо Хетумян своих попутчиков, купцов из Ани.

— Начальник анийского Вышгорода, пятисотник Ростом, — тихо объяснили те, усердно кланяясь всаднику.

«Тебя-то мне и нужно!» — подумал Хетумян.

Двое в черных бурках быстро шагали по улицам спящего Ани. Заслышав шаги, аланский караул у крепостных ворот Вышгорода скрестил копыя:

— Стой! Кто идет?

Узнав в одном из пришельцев своего начальника, аланы молча пропустили его со спутником во дворец.

Правитель читал бумаги. Потрескивали восковые свечи в серебряных шандалах. На пороге появился Ростом:

— Прибыл он, государь Закарэ.

— Пусть войдет! — поднял голову правитель.

Лазутчик княжеского дома Мхаргрдзели, которого никто из живущих в Ани не видел и с которым долгие годы связь поддерживалась лишь шифрованными письмами, живо интересовал Захария. В залу вошел статный человек в костюме богатого левантинского купца, с шелковистой черной бородой и умным, смелым взором. Остановившись у порога, пришелец с достоинством поклонился.

— Вот ты каков, Гарегин Хетумян из Сиса! Ну, здравствуй, рассказывай, как доехал, где поселился? Садись, будь гостем...

— Многие лета желаю здравствовать тебе, государь. Прибыл я благополучно в твой стольный град и много хороших товаров привез из Франгистана, — на певучем западном армянском наречии ответил Хетумян.

С непринужденным видом человека, много повидавшего на белом свете, Хетумян спокойно уселся у стола и, внимательно оглядев колоссальную фигуру шаханшаха, с гордостью подумал: «А ведь мой хозяин по величавости фигуры и манерам, пожалуй, превосходит всех военных вождей, которых приходилось мне встречать на белом свете!..»

Захарий начал задавать вопросы:

— Давно ли ты выехал из Франгистана? Из какого именно города?

— Из великого морского города Венетика, государь, что на Адриатике находится. Выехал я на триреме одного трапезунтца месяц назад, — ответил Хетумян.

— Что слышно о приготовлениях франгов к крестовому походу, где нынче расположены их войска, сколько воинов сумел ты насчитать, кто их вожди и какова их доблесть?

Вопросы правителя были точными и всеохватывающими, а потому трудными. Хетумяна даже бросило в жар от напряжения:

— Франгские войска, собранные в Венетике, при моем отъезде еще не погрузились на морские суда. Всего в лагере около этого города насчитывают до тридцати тысяч воинов, из них конницы — рыцарей и оруженосцев — двенадцать тысяч. Остальное — пехота: лучники, копейщики и пращники. А главными вождями у них — франгские князья Бонифаций и Балдуин, воители храбрые и многоопытные. Флотом венетикским будет командовать сам дож Венетика — Дандоло, неукротимый и мстительный старец, которого некогда ослепили ромей, — докладывал Хетумян.

— А куда крестоносцы путь будут держать? — спросил Захарий.

— Войску объявлен поход на Египет. Только это сущий обман!

Захарий удивился:

— Как можно обманывать свое же войско? Куда же думают направить свой удар вожди?

— Скорее всего, на Константинополь, государь. С целью возвести царевича Алексея на отцовский престол. А на Египет и в Палестину сейчас крестоносцы не пойдут.

Захария все больше удивляли привезенные Хетумяном сведения.

— Значит, до сих пор воины-крестоносцы о новом плане своих вождей ничего не знают?

— Сие — великая тайна дожа Венетика и главных вождей крестоносцев, — объяснил Хетумян. — И узнал я ее случайно, из уст самого Бонифация...

Захарий встал и стал в раздумье ходить большими шагами по зале. Не останавливаясь, громко позвал:

— Ростом!

В залу поспешно вошел дворцовый комендант.

— Завтра едем в Тбилиси. К рассвету подготовь коней.

— Слушаю, государь.

Ростом исчез из зала, снова оставив наедине правителя с лазутчиком.

— Задал же ты мне задачу, Гарегин... Мы все-таки рассчитывали, что крестоносцы двинутся прямо на Миср. Это было бы лучше для нас. А теперь этим и не пахнет! Дорвутся жадные франги до богатого Константинополя и не захотят идти в мертвые пустыни. А этим обстоятельством, конечно, сельджуки сразу же воспользуются. Стало быть... — Захарий вопросительно посмотрел на Хетумяна.

— Предварить надо Рум, государь! Иначе сельджуки захватят все гавани на Понте, используя слабость Византии, — быстро подхватил лазутчик.

— Правильно! Пустое ведь это дело — крестовые походы... Но для нас они высокополезны, отвлекают силы мусульманские. А теперь придется нам первыми ударить, — озабоченно говорил Захарий. — Старый венетикский правитель, видно, торгош, хочет большой барыш заполучить от войны. Захватят для него франги Константинополь, откуда венетиков некогда выгнали Комнины, и тогда вся заморская торговля в руки Венетика попадет!

— Истинно так, государь, — подтвердил Хетумян.

Захарий подошел к нему, положил огромную руку на плечо и дружелюбно молвил:

— А тебе великое спасибо, Гарегин. Вовремя привез важные сведения, ах как вовремя! Проси любую награду. Хочешь — поместье подарю, пароном сделаю? Впрочем, постой...

Сев в кресло, шаханшах задумался.

— Нет, рано тебе на покой уходить, Гарегин! Еще послужить надо отчизне... Придется ехать в Рум! — решил Захарий, не глядя на разведчика.

Хетумян побледнел. Ему предлагали лезть в пасть ко льву, и в какое время! Он тихо сказал:

— В Конию ехать мне можно только в чужом обличье, государь. И в том случае...

— Тебе виднее, — ответил рассеянно Захарий.

— И в том случае, — настойчиво повторил Хетумян, — если завтра же городские старейшины меня задержат как римского шпиона, осудят и тайно повесят!

— Да ты с ума сошел, Гарегин! За что, в награду за подвиг? — изумился Захарий.

Хетумян грустно улыбнулся:

— Нет, государь. Некоторые люди в Риме должны посчитать меня покойником! И о моей «казни» надо незамедлительно дать знать, хотя бы в Тавриз. Тамошние католические попы тотчас сообщат об этом в Рим...

Глава VI

ГРЕЧЕСКИЙ ОГОНЬ

Свергнув династию Комнинов¹, Ангелы на этом не успокоились. Десять лет спустя Исаак Ангел, в свою очередь, был свергнут с престола и ослеплен родным братом Алексеем. Сын Исаака — Алексей, сбежав при помощи одного пизанского судовладельца из константинопольской тюрьмы, весной 1202 года явился в Рим и смиренно стал просить у папы помощи против узурпатора. Взамен царевич обещал подчинить греческую церковь Риму и принять участие в крестовом походе. Крестоносные вожди отнеслись к царевичу благосклонно, и предложение было принято. В августе того же года маркиз Бонифаций отправился в Венецию с новым планом, который сообщил в глубокой тайне дожу Энрико Дандоло. По зрелом размышлении дож пришел к убеждению, что план не противоречит заветной цели венецианского патрициата — сокрушению Византии, и отдал приказ готовиться к отплытию. В октябре 1202 года из венецианской гавани вышли 70 галер и 150 грузовых судов с войсками, осадными машинами и провиантом. Дандоло приказал флоту целый месяц маневрировать в Адриатике. Среди наиболее бедной ча-

¹ В 1185 году.

сти крестоносцев началось брожение. Тогда им было объявлено, что за поздним временем года опасно пускаться в дальнейшее путешествие по бурному морю. Венецианскому флоту дано новое повеление — направиться к берегам Далмации. 11 ноября 220 судов с боем вошли в гавань Зары. Город был вольнолюбив, хорошо укреплен, имел значительный венгерский гарнизон. После пятидневного непрерывного штурма 24 ноября 1202 года Зара была взята крестоносцами и подверглась зверскому разгрому. Разъяренные крестоносцы поступали с жителями-христианами не лучше, чем обычно поступали палadini с мусульманами. Погром города, ограбление церквей вызвали негодование во всей Европе. Папа Иннокентий счел нужным выступить для маскировки неблагоприятных действий христоролюбивого воинства и направил (с большим опозданием) послание вождям крестового похода: «Увещеваем вас и просим не разорять больше Зару. В противном случае вы подлежите отлучению от церкви и не воспользуетесь правом индульгенции». Но к тому времени и разорять больше было нечего... Крестоносцы оставались в Заре до апреля 1203 года.

Все знали, что Алексей Ангел — злодей на троне... Поэтому сообщение преосвященного Антония об ограблении властями Константинополя афонских монахов (следовавших из Грузии с большими дарами) не вызвало сомнений на совете вазиров, созванном после прибытия амирспасалара. Оглядев сановников, царица молвила:

— Ангары на все способны!

Никто не возражал против справедливых слов. После недолгого размышления Тамар заявила:

— Я велю вознаградить бедных отцов за их потери...

Шумно вздохнул царский казначей. Недоверчивый князь Иванэ проворчал в холеную бороду что-то очень нелестное в адрес мошенников в рясах, которым ничего не стоит в несколько раз преувеличить полученную с них в Константинополе обычную таможенную пошлину. Тамар не обратила внимания на неблагоприятное недовольство вазира. Повернув прекрасную голову к амирспасалару, она продолжала:

— Но, господа вазирь, вас я созвала не по сему неблагоприятному поводу. Соболаговолите выслушать амирспа-

салара о делах необычайных и государству нашему безразличных...

Захарий коротко сообщил сановникам, что на Византию надвигается военная гроза, на этот раз с Запада. Амирспасалар считал, что воинственный султан Рума не преминет использовать благоприятное положение и постарается захватить южное побережье Понта. А тогда конец караванной торговле наших купцов, задушат их пошлинами и поборами сельджукские власти, и пойдут шелк, пряности и другие товары по южным дорогам, минуя Ани и Тбилиси.

— Заметьте, великая царица, и вы, господа вазирь, что султан, возможно еще не ведая о новом плане римского первосвященника, задуманном против Константинополя, остерегается франгов. С божьей помощью нам должно первыми захватить Трапезунт! Дело то, я полагаю, нетрудное — там живут во множестве армяне и греки, а в горах — чаны, родственное картвелам племя. С радостью скинут они ненавистную власть Ангаров!

— В пользу кого? — негромко спросила Тамар.

— Можно посадить в Трапезунте одного из твоих родичей — Комнинов, государыня, — подсказал министр двора.

— Согласен, — подтвердил Захарий.

— А ты как думаешь, высокопреосвященный? — обратилась Тамар к архиепископу Антонию.

— Считаю предложение князей Мхаргрдзели правильным и выполнимым. Более пристало твоим высокородным родичам править в Понте, нежели презренным Ангарами. И думаю я, добрым соседом Картли окажется царство «Великих Комнинов»! Да и доходы, и пошлины от караванной торговли мы сохраним, — ответил разумный Антоний.

— Мой Давид, как мыслишь по сему делу? — обратилась царица к своему супругу.

— Согласен с мнением вазиров, — твердо сказал Сослан.

— Когда же располагаешь направить войско в Понт, Закарэ? — спросила Тамар.

— Скоро зима наступит, идут проливные дожди на побережье, государыня, трудно будет коннице пробираться через горы. Разреши отложить поход на Трапезунт до благоприятствующего времени. Сельджуки не тронутся с места зимой, — ответил Захарий.

— Хорошо, пусть будет по-твоему!

Тамар попрощалась с сановниками, которые стали расходиться. И удержала правителя Армении:

— Закарэ, прошу тебя остаться. И ты останься, Иванэ!

Около топившегося в сырую погоду камина, глядя на огонь, сидели царица Тамар, Давид Сослан и братья Мхаргрдзели.

— Поведай нам, Закарэ, что еще сообщил твой лазутчик. Какова общая сила франгских войск и Венетика? — заговорила Тамар.

— Двенадцать тысяч конницы и восемнадцать тысяч пехотинцев собираются посадить франги на суда этой осенью. А торговых судов у Венетика триста крупных и три тысячи мелких. Сорок пять военных галер охраняют венетикские пределы, — сдержанно ответил Захарий.

— Так. А как ты полагаешь о Византии? — продолжила расспрашивать Тамар.

— Кровавые распри ослепили императорский двор. Давно уже ведут безумную, самоубийственную игру высокомерные басилевсы — недаром их так часто убивают свои же родичи! Злобствуют к другим христианам и отцы греческой церкви. (Тамар подняла брови, но смолчала.) А сил прежних нет у ромеев — все азиатские области, откуда они лучших воинов получали, отошли от Византии. Впрочем, по заслугам идет божье наказание на Константинополь, что ненависть возбудил повсюду!

Тамар прервала амирспасалара:

— Значит, Византия не сможет помешать занятию Понта нашими войсками. Остаются сельджуки...

— Нукардин не простит нам захвата гаваней Понта, моя Тамар, — осторожно заметил Сослан.

— Ты прав, государь Давид, — согласился Захарий. — Я думаю дело это поручить отважным порубежникам Шавшети и Артаани: братьям Григолисидзе и Захарию Аспаанидзе. Остальным же спасаларам надо усиленно готовить главные силы для достойной встречи Нукардина, если он возжелает нанести удар... Но воитель сей посильнее окажется Бубакара! Одних уджских всадников более двухсот тысяч у него насчитывают мои лазутчики...

Малолетние сыновья «счастливейшего» кесаря Манула Комнина (убитого вместе с престарелым отцом Андро-

ником при дворцовом перевороте) Алексей и Давид были спасены верными слугами и тайно доставлены в Цхуми, откуда их переправили в Тбилиси. Как дальние родичи Тамар, царевичи воспитывались при дворе вместе со знатнейшими юношами. Алексей был уже совершеннолетним, когда его и младшего брата Давида вызвал преосвященный Антоний и под строжайшей тайной сообщил о предстоящем изменении их судьбы. Вскоре обоих царевичей захотел повидать сам амирспасалар.

Захарий зорко оглядел юношей. Горечь изгнания и сиротское положение при тбилисском дворе наложили отпечаток на тонкие, византийского склада лица царевичей. Амирспасалар помнил, что их предки были даровитыми государственными деятелями, хотя далеко не всегда отличались благоразумием, особенно в военных делах.

— Приветствую вас с наступлением новой, счастливой жизни! — дружелюбно сказал Захарий. — По воле великой царицы вам предстоит вернуться на родину и вновь занять трон, отнятый у вашего деда презренными Ангарами.

— Благодарим за добрые пожелания, великий домоestik¹, — вежливо ответил по-гречески Алексей.

Младший царевич Давид, более подвижный, не утерпел:

— Патрикий Закария, а скоро мы в поход двинемся?

— Во благовремение, мои царевичи, во благовремение! Недалек тот час, когда мои доблестные войска водворят вас в акрополь Трапезунта... если только не помешает греческий флот! — неожиданно добавил Захарий.

Осмотрительный Алексей, заметив прозвучавшую в голосе амирспасалара озабоченность, осторожно спросил:

— Разве он так силен, флот Византии?

— Когда-то императорский флот сильнейшим был в мире. Но при последних Комнинах он сошел почти на нет. Твой прадед, кир Мануил, все средства тратил на военные походы, и на флот денег ему не хватало. Но своим жидким огнем² ромей могут и ныне наносить чувствительные удары!

— Что входит в состав огня? — заинтересовался Давид. — И как его применяют?

— То большая тайна ромеев. А больше всего его применяют в морских сражениях, сжигая им вражеские ко-

¹ Доместик — главнокомандующий (греч.).

² Так называли на Востоке боевое средство, известное в истории под наименованием «греческий огонь».

рабли. Впрочем, жидкий, или греческий, огонь может быть полезен и при осадах крепостей. Вот нам бы знать его состав!.. — вздохнул Захарий.

Подумав, старший царевич сказал:

— Великий домestik, среди спасших нас верных людей находился Ставракий, что некогда был начальником морского арсенала в Константинополе в звании друнгария¹. Конечно, ему должно быть известно, как изготовляется жидкий огонь. Ныне Ставракий доживает свой век в Анакопии и бедствует со своими сыновьями. Вели привезти старика для сего нужного дела!

Старый грек с седыми косматыми бровями и длинной пегой бородой исподлобья смотрел на Захария. Сзади с хмурыми лицами стояли два дюжих молодца — сыновья друнгария.

— Патрикий Ставракий, прошу занять место за столом. А молодым людям будет скучно слушать наши разговоры. Ростом, проводи наших друзей в трапезную, — распорядился Захарий.

Друнгарий императорского флота, осторожно присев на предложенный стул, молча глядел на амирспасалара.

— Царевич Алексей указал нам на тебя, патрикий, как на сведущего человека по жидкому огню, — начал прямо Захарий.

Ставракий вздрогнул, но продолжал молчать. На изможденном годами бедствий лице старого моряка читалось беспоконство. Захарий невозмутимо продолжал:

— Решили мы с великой царицей Тамар вернуть Комнинам их дедовский трон и возвеличить верных слуг древнего дома! Наша доблестная конница стоит на границе и ждет только моего приказа двинуться на Трапезунт. Но... — голос говорящего понизился. Нагнувшись к Ставракию, амирспасалар доверительно прошептал: — Для успеха этого дела нам нужен жидкий огонь, патрикий! Сумеешь ли изготовить его со своими сыновьями? Тысячу золотых за это дело выдаст тебе на руки мой казначей. А по воцарении Алексея на престол получишь звание дуки Трапезунтской фемы!² Сыновей твоих тоже не обойдем царской наградой...

¹ Друнгарий — адмирал (греч.).

² Дука — правитель области (греч.).

— Великий domestик, нерушимую клятву в святой Софии перед иконой Христа Спасителя я давал — до конца дней хранить сию дивную тайну, — прохрипел Ставракий, кося глазами из-под густых бровей. — Не смею я никому ее открыть...

— А ты тайну и не открывай, боже упаси! Изготовь со своими сыновьями-молодцами сколько потребуется одного горячего состава — и делу конец. Соглашайся, патрикий, помоги общему делу! — убеждал Захарий. — И царевичи Алексей и Давид тебе велят то же самое...

Старая ненависть к Ангелам превозмогла. Друнгарий кивнул в знак согласия:

— Пусть по-твоему будет, великий domestик. Когда приступить к делу прикажешь?

— А какие вещества и инструмент тебе надобны, патрикий? Может, что-либо доставать издалека придется? — справился Захарий.

Ставракий вновь замешкал с ответом.

— Да ты мне о составе подробно не рассказывай! Скажи только, какие вещества понадобятся, — успокоил старика Захарий.

— О, для жидкого огня надобно много веществ, великий domestик! Нужны нефть, деготь, смола, сера, разные масла, толченая медь, соки неких растений, яичный белок, армянская соль...¹ — начал перечислять Ставракий.

— А в воде он действительно горит? И как его применяют, Ставракий?

— Огонь сей может гореть и в воде, и ничем его не потушишь. Железные шары с множеством отверстий надо этим горючим составом начинить и в катапульту вставить. Потом мастер зажигает затравку, а когда состав воспламенится, быстро катапульту в действие приводит, и огненный горшок летит на врага, все сжигает! — с жаром поведал Ставракий.

— Превосходно! Вот тебе записка в арсенал. Все, что потребуешь, приказываю смотрителю выдавать без малейшего промедления. Когда пробу огня делать будем?

Ставракий пожал плечами:

— Если бог захочет, не раньше двух месяцев, великий domestик!

¹ Так называли в древние времена каустическую соду.

Сын Тиграна-оружейника Волт с детства не вылезал из отцовской кузницы, донимая работников дотошными расспросами. Возмужав, он быстро овладел кузнечным ремеслом и к двадцати пяти годам, сдав пробу, получил звание мастера-оружейника. Злые языки утверждали, что богатый отец немало потратился для получения Волтом почетного звания, но то была сушья клевета. Молодой оружейник не только превзошел отца в сложном деле, но, не довольствуясь изготовлением по старым образцам, стал искать новые пути в производстве более совершенных изделий. У зодчего Джундика, который некогда работал в мастерских и арсеналах Константинополя и Дамаска и который был не только искусным зодчим, но и хорошим инженером, Волт многому научился. Джундик обучал молодого мастера черчению и рассказывал о производстве оружия и других изделий. С недавнего времени Волт перестал спать и все ночи напролет (к вящему удивлению домочадцев) что-то мастерил в своей каморке. Наконец в одно утро, прихватив несколько пергаментных свитков и завернув в платок какую-то вещь, Волт решительно двинулся в Вышгород.

Дворцовый комендант был большим приятелем семьи Тиграна и встретил оружейника веселым возгласом:

— Добрый день, Волт! С чем пришел? Не кувшин ли старого кахетинского завернул в платок, чтобы попотчевать дядю Ростом?

— Дядя Ростом, умоляю тебя, не смейся, — прошептал Волт, разворачивая ткань.

— Что это у тебя за игрушка, Волт? — удивился пятисотник.

— Не игрушка, а образец большого лука на колесах, который может метать каменные ядра или тяжелые дротики на две тысячи шагов! — объявил Волт, выкладывая на стол модель и чертежи.

— Гм! Откуда ты можешь знать это, парень? Шутка ли сказать: две тысячи шагов! Ни один лучник дальше пятисот шагов не посылал еще свою стрелу.

— Помоги мне изготовить лук, дядя! Зодчий Джундик видел сию вещь и весьма одобрил, — взмолился Волт.

Так уверенно смотрели глаза молодого мастера, что Ростом сдался:

— Хорошо, я покажу твою игрушку государю. Посмотрим, что он скажет!

Прошло два дня. Ранним утром конный стражник подъехал к дому оружейника Тиграна и звонко выкрикнул:

— Эй, люди! Кто здесь Волт-кузнец?

Волт выскочил из мастерской, взъерошенный, с клещами в руках.

— Это ты тот кузнец? Живо собирайся, тебя требует шаханшах!

Глава VII

ТРАПЕЗУНТСКИЙ ПОХОД

Конница не смогла выступить к Трапезунту в намеченный срок. Всю зиму амирспасалар со своими помощниками проверял состояние войск и пришел к убеждению, что для борьбы с многочисленными закаленными таборами румского султана их готовность недостаточна: мало было оружия и скакунов не хватало, хотя тароватый князь Григор и другие коневоды Арцаха слали косяк за косяком. Малыми оказались и запасы зерна, муки и сена на складах. Посоветовались правители и приняли решение отложить поход на Трапезунт.

В начале апреля 1203 года тридцать тысяч крестоносцев отплыли из разоренной Зары к острову Корфу. Вскоре туда прибыл и царевич Алексей Ангел. Подписав заранее подготовленный договор, он стал раздавать денежные обязательства вождям похода (на общую сумму 450 тысяч марок серебром). Претендент на византийский престол заверил крестоносцев, что в Константинополе его ждет восторженная встреча населения. К концу июня того же года крестоносный флот показался перед Константинополем. Городские ворота были заперты — Алексей III решил защищаться. Венецианские галеры разорвали железную цепь, преграждавшую вход в бухту Золотой Рог, и, уничтожив двадцать трухлявых кораблей (остаток разворованного друнгариями имперского флота!), вошли в залив, деливший европейскую часть города пополам. Стены кроме греческих частей оборонялись и наемниками — англичанами и датчанами, а также пизанскими колонистами, злейшими врагами Венеции. Удержать буйный натиск

крестоносцев этому сброду все-таки не удалось, и Алексей III, бросив жену и детей, но захватив сокровища, бежал. 18 июля Исаак Ангел был освобожден из заточения и снова провозглашен императором. В Константинополь с триумфом вошли крестоносцы, а 1 августа царевич Алексей был объявлен соправителем слепого отца.

Воцарившись, оба Ангела, однако, не смогли выполнить данные на Корфу легкомысленные обещания. Даже насильственным изъятием церковных ценностей (что крайне обозлило греческое духовенство) и переплавкой серебряных статуй императорские казначеи едва сумели покрыть четвертую часть выданных денежных обязательств. Тогда крестоносные вожди решили сами добиться уплаты. Дандоло перешел к прямым угрозам и заявил Алексею, что подобно как крестоносцы вытащили его из грязи, так же они снова могут втолкнуть его в грязь! Положение в столице с каждым днем ухудшалось, то и дело между греческими стратиотами и крестоносцами происходили стычки. 13 января вспыхнуло народное восстание, и простой воин Никола был коронован императором. Патрициат сначала растерялся — под стенами враг, в Константинополе бунт черни. Но призвать крестоносцев на подавление восстания сенат все же не решался. На тайном совете даже стали раздаваться голоса, что следует привлечь к защите города население. Тогда сенатор Никита Хониат, знаменитый историк, выступил с длинной речью, которую закончил следующими презрительными словами:

— Во всяком городе народная толпа безрассудна и непреодолима, наша же уличная чернь особенно склонна к волнениям, отличается необузданностью и кривым правом как потому, что состоит из разноплеменных народов, так и потому, что разнообразием занятий приучается к перемене убеждений. По справедливости заслуживает константинопольский народ порицания за непостоянство, слабость и изменчивость. Неуважение к властям — прирожденное его качество. И никак нельзя допустить его к оружию!

Опомнившись, сенат избрал императором честолюбивого Алексея Дуку, по прозвищу Мурзуфль (что означает «Нахмуренный»).

Мурзуфль действовал энергично. Поведя притворные переговоры с повстанцами, он вероломно захватил в плен их вождя Николу и велел задушить его в Семибашенном

замке вместе с незадачливым Алексеем Ангелом, слепой отец которого умер с горя. Мурзуфль остался единоличным властелином в городе. Стараясь заслужить доверие константинопольцев, Мурзуфль наотрез отказался оплачивать обязательства Ангелов, стал укреплять стены и даже потребовал от крестоносцев в недельный срок очистить греческую территорию. Тогда у венецианского дожа возник новый план, и он вызвал к себе маркиза Монферратского...

Ранней весной 1204 года амирспасалар неожиданно прибыл в Кларджети. Миндаль в садах Артануджа еще не начинал цвести, и на вершинах окружающих гор лежал снег. Пронзительный ветер дул из ущелья. В доме кларджетского эристава, героя Шамхора, — Захария Аспаанидзе поднялся великий переполох. Амирспасалара не ждали так рано. Тотчас по лесистым ущельям помчались конные гонцы. В Артанудж на военный совет собрались славные порубежники братья Григолидзе, Сагир Махатлидзе, сын старого самцхийского эристава Кваркваре Джакели — Саргис и многие другие.

— Через три дня соберетесь в Ишхани. Туда я уже направил гвардейский полк с Шалвой Ахалцихели и два полка кипчаков со старшим сыном Савалт-хана. Всего наберется не менее десяти тысяч всадников — вполне достаточно... Начальником всей конницы назначаю Захария Аспаанидзе, поскольку он лучше всех вас знает морское побережье, — объявил на совете амирспасалар.

Спасалары встали и почтили поклоном нового главу похода. Захария Аспаанидзе любил за выдающуюся воинскую доблесть, хлебосольство и веселый нрав.

— Из Ишхани пойдете вверх по ущелью Чороха, на Баберд. Там вы выйдете на караванный путь и быстро двинетесь к Аргиро-Кастроу, а оттуда к перевалу Зигана. Всех путников по дороге приказываю задерживать, дабы они не могли дать знать грекам в Трапезунт о вашем передвижении. Понятно?

— Да, батона Закарэ, — ответил за всех Аспаанидзе.

— Сам я буду двигаться позади, с царевичами. Крепко держите связь со мной и не теряйте времени. Акрополь Трапезунта постарайтесь взять с ходу, приступом. С богом!

После манцикертского поражения Трапезунт на короткое время попал в руки сельджукских султанов, но вскоре был отбит у них местным феодалом — Феодором Гавра, выходцем из армянского Тарона. К концу XII века Трапезунтская фема продолжала принадлежать его потомку — Феодору II Гавра, с резиденцией в Самсуне. В самом же Трапезунте правителем города сидел дука из рода Палеологов, с наемным варяжским гарнизоном и небольшим военным флотом в гавани — несколько дромонов¹, вооруженных греческим огнем.

По образному выражению арабского географа, Трапезунт был «головой и оком» Малой Азии. Расположенный амфитеатром над морем, весь в зелени садов и виноградников, город был прекрасен. Обширную бухту защищало полукружье невысоких гор, покрытых южной растительностью и прорезанных живописными лощинами. Акрополь с царским дворцом гордо высился на четырехугольной скалистой террасе над гаванью, и с двух сторон был защищен глубокими, крутыми оврагами. Узкий перешеек, соединявший акрополь с нагорьем, был перепоясан мощной крепостной стеной с боевыми башнями за широким рвом с двумя переброшенными через него мостами. На берегу, в обширной гавани, устроенной еще римским императором Адрианом, тянулись длинные склады и амбары, размещались многочисленные торговые конторы.

После стремительного рейда конница Захария Аспаанидзе вышла на перевал Зигана и с высоты увидела море. Подойдя к Трапезунту и не встретив сопротивления, она проникла в город и стала окружать цитадель, где укрылся с варяжской дружиной дука Палеолог. Из гавани неожиданно ударили судовые катапульты. В воздухе с шумом проносились горящие желтым пламенем снаряды с жидким огнем, падая на всадников. Аспаанидзе стал спешно выводить конницу из города. Со стен акрополя раздался злорадный гогот варягов.

Усевшись на пригорке у караванной дороги, спасалары стали совещаться.

— Может, спешиться и ночью войти снова в город? — предложил Махатлидзе.

Спасалары заспорили. На спуске с горы показался конный отряд. Сзади двигался небольшой обоз.

¹ Дромоны — галеры с двумя рядами гребцов.

— Амирспасалар! — издали разглядел Джакели.

Захарий был бодр и свеж, его серые глаза блестели, он крепко сидел на вороном коне. Рядом на прекрасных скакунах гарцевали царевичи Алексей и Давид.

— Здравствуйте, друзья! Почему на горке сидите пригорюнившись? — крикнул Захарий, не слезая с коня.

Спасалары встали в смущении.

— Заминка получилась, государь амирспасалар! — признался Аспаанидзе и доложил об обстреле конницы греческим огнем с судов.

— Однако отступить из города все-таки не следовало, господа спасалары... — недовольно заметил Захарий. — Ничего, сейчас ромеи получают ответные гостинцы! — И он громко закричал, повернувшись к стоящему на дороге обозу: — Ростом! Никифор! Арбалеты вперед, поближе к гавани! Смелее, други...

На глазах изумленных спасаларов дюжие воины поволокли вперед несколько арбалетов на колесах, совершенно невиданных размеров. За ними двигались навьюченные мулы. Позади шагали с сумрачным видом два высоких молодых грека — Никифор и Зенон, сыновья друнгария Ставракия. Под началом пятисотника Ростома воины скрытно установили на побережье метательные арбалеты, нацелив их на греческие дромоны, которые покачивались в гавани примерно в трех стадиях от берега. Потом Никифор и Зенон, не торопясь, вынули из вьюков и уложили в медные желоба арбалетов железные шары с темным вязким составом, горящей паклей запалили затравки и спустили тетивы. Железные шары с воспламенившимся составом, завывая и оставляя дымный след в воздухе, полетели в сторону галер. Все воины пристально следили за полетом огненных шаров. На палубе одного из дромонов появилось яркое пламя...

— Еще удар, Ростом! — приказал амирспасалар.

После второго залпа галеры, окутанные дымом пожаров, стали поспешно уходить в море.

— А теперь, господа спасалары, примемся за акрополь! — сказал Захарий и, обращаясь к Ростому, негромко добавил: — Молодец твой Волт, чудесно бьют его арбалеты!

Машины повернули в сторону акрополя. После нескольких залпов загорелись деревянные постройки около дворца. На башне акрополя взвился белый флаг.

Амирспасалар удовлетворенно улыбнулся. Он громко сказал старшему царевичу:

— Считаю себя императором Трапезунта, царевич. Полихронион!

Глава VIII

РОДНОЕ ЗНАМЯ

Необычайной была внешность девяностолетнего Энрико Дандоло: седая борода бога Саваофа и гордая голова, посаженная на геркулесовский торс. Необыкновенной была и его судьба. Принадлежа к одной из двенадцати знатнейших патрицианских семей, имевших исключительное право выбирать дожа «Яснейшей Республики», Дандоло, в бытность послом Венеции в Константинополе, был почти ослеплен по приказу императора Мануила Комнина¹, чем в значительной мере объяснялась его ненависть к Византии. Слепота не помешала Дандоло с блеском занимать четверть века высшие государственные должности и даже отважно ходить на приступ крепостей. К остальным вождям крестового похода престарелый Дандоло относился со снисходительностью подлинного хозяина. Впрочем, обращение «молодой человек» к пожилым людям в устах почти столетнего старца не могло звучать оскорбительно, утешали себя спесивые рыцари.

Встреча слепого дожа и маркиза Монферратского состоялась в одном из загородных дворцов, которыми изобиловали окрестности Константинополя.

— Итак, сын мой, жалкий хвастунишка Алексей и его слепой, как и я, родитель — в лучшем из миров, если только не жарятся у сатаны за многочисленные свои прегрешения! А Дука отказывается платить. Пропали наши денежки... — спокойно говорил старец, поглаживая длинную седую бороду.

«И откуда старый черт выкапывает выражения вилланов?» — брезгливо поморщился Бонифаций, но промолчал. А Дандоло невозмутимо продолжал:

— Мы — простые купцы Венеции — привыкли честно расплачиваться за выполненную работу, но и своего зара-

¹ В 1173 году.

ботка не упускаем. Византия должна уйму денег. Так вот как теперь нам поступить, молодой человек?

Давно перешагнувший за пятый десяток, Бонифаций проглотил досаду и только пожал плечами, забывая, что слепец не увидит красноречивого жеста.

— Надо их взять самим, сын мой! — заключил старый дож. Нашарив на столе пергаментный свиток, он протянул его маркизу: — Вот, читайте, какие выгодные предложения делаю я, дож Яснейшей Республики, вождям крестоносного рыцарства!

Бонифаций стал неохотно читать свиток. Постепенно лицо его начало проясняться. Предложения дожа Дандоло представлялись действительно весьма выгодными, в основном сводясь к следующему: Константинополь берется приступом и отдается на разграбление крестоносцам; вся добыча складывается в одно место и делится полюбовно, причем три доли идут на погашение долга Венеции, а четвертая — крестоносцам; по завоевании столицы двенадцать избирателей (шесть венецианцев и шесть крестоносцев) выбирают императора новой «Латинской империи», который получает в свое управление четвертую часть всех византийских земель, остальная же территория делится поровну между Венецией и крестоносными феодалами.

«Яснее не напишешь», — подумал Бонифаций и неожиданно заговорил не по существу: — Проклятый евнух Птериогинит по приказу императора Андроника отравил моего родного брата Райнера и его жену, цесаревну Марию...

— Ты сам видишь, сын мой, что этим хриstopродавцам верить нельзя! — подхватил с усмешкой Дандоло. Чутким ухом дельца он уловил: Бонифаций соглашается. Еще бы! Рыцарям дай только пограбить... (Эрико Дандоло сохранял старую неприязнь купца к бездельникам феодалам.)

— Так подпишите сегодня же договор, благородные синьоры, и начнем втайне подготовку нового приступа города. Долго затягивать дело не следует, Дука начал уже исправлять городские стены, — внушительным тоном закончил беседу дож.

Охотно подписали договор французские феодалы и сам маркиз Бонифаций. А в ожидании приступа Дандоло предложил главарям крестоносцев совершить увеселительную прогулку на его адмиральской галере по Мраморному морю.

В эти тревожные дни к одному из причалов бухты Золотой Рог подошла большая галера. По сходням на берег медленно сошел высокий воин в богатом панцире и серебряном шлеме, с красным плащом на плечах и большим мечом на боку. За ним следовали оруженосцы и вооруженная охрана. Царь Левон II вполне резонно был обеспокоен нарастающим конфликтом между крестоносцами и слабеющей Византией. Кто одолеет — кир Алексей Дука или дерзкие франги? Обстановку в Константинополе и должен был выяснить гундстабль Абелхариб, синьор Гуда, командующий войсками и один из крупнейших феодалов Киликийского армянского государства.

Возведя в торжественной обстановке на трапезунтский престол Алексея Комнина, амирспасалар продолжил поход, выбрасывая вперед подвижные кипчакские разъезды. Захарий двигался в авангарде вместе с пылким царевичем Давидом. Конные полки Аспаанидзе вели на побережье небольшие бои с византийскими гарнизонами и дружинами местных князьков. Лишь потомок воинственного таронца Феодор Гавра оказал ожесточенное сопротивление в Самсуне. Комнины без труда занимали город за городом — Самсун, Синоп, Амастриду. После утомительного похода по гористой местности грузинская конница достигла античной колонии Гераклеи, а в начале апреля сюда прибыл сам амирспасалар. От беженцев он узнал, что крестоносцы приплыли на венецианских галерах в Константинополь, прорвались в бухту Золотой Рог и посадили было на престол царевича Алексея Ангела. Но народ восстал. Алексей IV задушен в тюрьме, и сейчас на троне Алексей Дука, который деятельно готовится к обороне столицы от непрошенных гостей.

— А это значит, что предстоит новый приступ Константинополя, — заключил Захарий, обращаясь к молодому Комнину.

— Какой ужас... — прошептал Давид и, умоляюще подняв глаза на амирспасалара, воскликнул: — О, великий домостик, как я хотел бы хоть издали взглянуть на стены города моих предков!

Захарий любил смелость, особенно у юношей. Ласково поглядев на Давида, который храбро вел себя во время похода, он молвил:

— Что ж, мой царевич, попытаемся пробраться к Босфору, хоть и опасной может оказаться наша прогулка!

В назначенный день на огромной адмиральской галере собралось избранное общество. В числе гостей оказался и гундстабль Абельхариб — Энрико Дандоло был осведомлен о переговорах папской курии с Леоном Киликийским и принял с почетом королевского представителя. В полдень галера снялась с якоря.

От Гераклеи до Мраморного моря считалось два конных перехода. На рассвете следующего дня амирспасалар Захарий с царевичем Давидом и неизменным Ростомом двинулись в путь. Их сопровождал отборный конвой из анийских панцирников и аланов охраны Вышгорода, на отменных скакунах. Шли тропотой — волчьим ходом о двуконь. Заночевали в селении на половине пути. К концу следующего дня перед всадниками блеснула синяя гладь моря. В четырехстах шагах от берега недвижно стояла большая галера. На ее палубе находилось множество людей, блестело оружие. Ростом, обладавший исключительным зрением, взгляделся и заявил:

— На галере не менее двухсот вооруженных людей. Катапульта и баллист не имеется.

— Стало быть, могут стрелять лишь из обыкновенных луков, — спокойно сказал Захарий и, тронув коленом коня, шагом направился к морю. Царевич Давид, Ростом и всадники конвоя последовали за ним.

Подъехав к самой линии прибоя, амирспасалар остановил коня и с улыбкой обратился к царевичу:

— Жаль, в море вода соленая, мы не сможем напоить коней! А дальше, пожалуй, и не придется ехать. С галеры нас уже увидели и если сами не атакуют, то вызовут на встречу конницу из Константинополя.

На галере и впрямь заметили конную группу. Бонифаций обратился к слепому дожу:

— Монсеньор Энрико, на берегу вооруженные всадники, примерно сотня латников. Но то не греки, у них иное вооружение...

Сообщение вызвало интерес, и Дандоло приказал шкиперу подойти ближе к берегу. Конный отряд продолжал стоять на месте. Лишь когда судно приблизилось на расстояние ближнего полета стрелы, конница стала медленно

отходить на высокий холм, развернув голубое знамя с золотым львом. Бонифаций и французские князья залюбовались грозным видом латников, впереди которых ехал всадник гигантского роста в богатом золоченом доспехе и в шлеме с белым пером.

— Я еще не видел такого великана на наших рыцарских состязаниях! — воскликнул храбрый Блуа.

— Да, весь отряд как на подбор. Почтище королевских драбантов! — с завистью сказал Балдуин, граф Фландрский.

— Но кто они? — нетерпеливо спросил слепец.

Вдруг над морем раздался звучный голос гундстабля:

— Армянская конница у Босфора, сирь!

Всех присутствующих поразило необычайное волнение знатного гостя из Киликии. Не стыдясь текущих по лицу слез, неотрывно глядел суровый воин на гордых всадников, едущих под родным знаменем далекой Армении...

Глава IX

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Шумно в день пасхи на улицах Галаты, уже целый год занятой крестоносцами. Радуются светлому празднику христовы воины, пьют в долг в кабаках предместья, предвкушая богатую добычу. В таверне близ церкви св. Петра особенно весело за большим столом, залитым вином и пивом. Здесь восседает каноник Гюнтер из Парижа. Капеллан отряда Блуа пьян. Развалившись на широкой скамье и выставив толстое брюхо, он горланил песню:

Вторгнись, доблестный воин христов,
Вторгнись в город, Христом победителю данный!
Смотри: царь миролюбивый Христос на осляти
Предшествует тебе с улыбающимся лицом...

Суровые копейщики и лучники из Пикардии и Лимузена покатываются со смеху, слушая диковинное пение.

— Здорово наш попик поет, кум Бенуа!

— После такой песни так и тянет поскорее потрусить грексов!

— Эй, дайте послушать песню! — прикрикнул лучник Раймонд.

А Гюнтер гремел на весь кабак:

Вторгнись, грози, гони робких, подступай сильнее,
Голосом греми, но крови не проливай!
Вселяй страх, но помни, что братья твои они; —
Те, кого ты теснишь, — хоть наказание заслужили.

— Что же это получается? — крикнул рассудительный копейщик Бенуа. — Если они братья, зачем нужно их тогда пугать? А если наступаешь на врага, то как не пролить крови?

Опрокинув в широкий рот жбан с пивом, певец в сутане с новым пылом затянул:

Христу угодно обогатить тебя достоянием виновных,
Да не ограбит их иное победоносное войско!

— Ну нет, мы этого не допустим! — завопили хором вояки.

Вот тебе палаты, полные вражеских богатств:
Добро, издревле накопленное, получит новых хозяев.

— Это мне нравится! — загоготал пикардиец Жан.

— А как насчет девок? — справился обстоятельный Бенуа.

Гюнтер неожиданно перешел на увещевания:

Ты же пока придержи дух и руки,
Отложи на время и презри грабеж!
Наступай на трусов, тесни побежденных,
Не дай им вздохнуть и снова с силами собраться...

— Чертов поп несурязицу начал нести! — рассердился Жан и с угрожающим видом встал из-за стола. — Кто посмеет запретить нам грабить? Сам маркиз обещал нам полную волю на три дня...

Гюнтер поспешил успокоить разгневанного лучника концевкой:

Когда же все враги будут выгнаны из города,
Вот тогда настанет время грабить побежденных!

Последние слова услышал вошедший в таверну Жан де Курси — капитан пикардийских копейщиков. Бравому рыцарю не понравилось распевание пьяных песен о будущих грабежах в присутствии местных жителей — нескольких перепуганных греческих купцов, которых он заметил в углу заведения. Предстоящий штурм города держался в строгой тайне.

— Эй, там, преподобный, прекратите орать несообразное! — грубо прикрикнул на Гюнтера капитан. Затем он напустился на солдат: — А вы, бездельники, по какому праву бражничаете в столь поздний час? Вон из кабака!..

На рассвете в пасхальный понедельник, получив от папского легата отпущение всех грехов «именем бога и папы», двадцать тысяч головорезов, с нашитыми на плечах крестами, полезли на стены у Влахернского дворца. Во главе штурмующих колонн шли предводители. Среди них выделялась огромная фигура Симона де Монфора, будущего главы альбигойского крестового похода — человека редкой физической силы и безумной храбрости. Впереди венецианской пехоты, поддерживаемый оруженосцами, шел Энрико Дандоло в серебряной броне, с орлиным пером на шлеме. Седая борода слепого дожа развевалась на ветру. Потрясая длинным мечом, он воинственно выкрикивал: — *Avanti! San Marco! San Marco!*¹

Греки отчаянно защищались, камнями и стрелами осыпая со стен штурмующие колонны. Лишь к концу дня удалось крестоносцам овладеть ключевой позицией — башней Анема. Но и тогда латиняне не решились сразу войти в огромный город и отошли от стен, оставив летучие отряды для поджогов. Ночью в Константинополе вспыхнул третий со времени появления крестоносцев пожар, испепеливший две трети города. Пожары дезорганизовали оборону столицы, и при втором штурме Константинополь был взят. Отчаявшись, Алексей Дука бежал. В городе началась паника. Греческие отряды спешно переправлялись на азиатский берег, без боя сдавая дворцовые кварталы — Влахерны, Большой императорский дворец, приморский дворец Вукалеон, форум Константина, ипподром, собор св. Софии. Утром 13 апреля 1204 года в город вступил Бонифаций Монферратский. Делегация греческого населения просила у него пощады. Но маркиз обещал крестоносному войску трехдневный грабеж города после взятия и не мог отменить княжеского слова. Кроме того, у него был и тайный договор с Дандоло...

Ворвавшись в город, крестоносные отряды бросились грабить по кварталам. Безоружные жители подвергались

¹ Вперед! Святой Марк! (*итал.*)

жестоким избиениям, разнузданная солдатня насильовала женщин и девушек. Грабежи и насилия продолжались трое суток при зареве пожаров, охватившем все небо. Дома, магазины, церкви и дворцы тщательно обыскивались и планомерно грабились. По весьма приуменьшенным данным, стоимость награбленной крестоносцами добычи превысила миллион марок серебром. Расхищались и гибли богатейшие библиотеки, в переплав пускались античные бронзовые статуи. Только Дандоло должным образом оценил квадригу позолоченных коней, стоявшую на ипподроме, и отослал ее в Венецию, где она была установлена на фасаде собора св. Марка.

Десять веков просуществовал Константинополь в окружении варварских орд. Сторожевые костры гуннов, персов, арабов, славян, болгар и турок, сменяя друг друга, непрерывно горели перед его неприступными стенами. Но великий оплот мировой цивилизации оставался нетронутым до появления крестоносного войска, посланного папой Иннокентием.

Гундстабль Абелхариб стоял на палубе киликийской галеры, медленно двигавшейся к наружному выходу бухты Золотой Рог. Он возвращался на родину, глубоко потрясенный ужасным зрелищем. Великий город пылал. Огромные клубы дыма озарялись багровыми языками пламени, слышен был грохот обваливающихся балок и стен. С берега доносились отчаянные крики...

— Вот как поступают боголюбивые франги с христианами Востока! — шептал старый воин. — А царь Левон слушает латинцев и ведет переговоры с папой, устроившим эту бойню. Но как могли греки, имея в три раза больше войска на неприступных стенах, так легко сдать свою столицу франгским варварам?!

Глава X

СТРАТЕГИ

Трапезунтский поход был завершен. Алексей Комнин прочно сидел на троне, а младший брат — Давид уже вел лихое наступление на владения Феодора Ласкаря, зятя

Алексея III Ангела, оспаривая у него власть в малоазиатских провинциях. Амирспасалар счел положение «Великих Комнинов» в Трапезунте упроченным и, отобрав наиболее отличившихся спасаларов для представления к царской награде, поскакал с ними по караванному пути обратно в Картли.

Радостной была встреча в Тбилиси. Горячо обнимали доблестных спасаларов боевые товарищи в Исанском дворце. После вручения наград в честь победителей состоялся торжественный пир. Амирспасалар сидел за столом по правую руку Тamar. Слева от царицы улыбался преосвященный Антоний. Он то и дело поглядывал на Захария, ему не терпелось встретиться с амирспасаларом по неотложным государственным делам. Отсутствовал лишь муж царицы. Поздней осенью, пренебрегая опасностью снежных обвалов, Сослан спешно отправился через горный хребет набирать конные дружины в Алании.

Вечером в небольшом кругу приближенных состоялась беседа с амирспасаларом. По-прежнему блистал лучистый взгляд Тamar, в полном расцвете была ее прославленная красота.

— Снова вижу тебя в венце победителя, мой Закарэ! — милостиво обратилась царица к амирспасалару.

Захарий молча поклонился.

— Как вели себя в походе мои юные родичи? Прочна ли их власть и нет ли какой опасности от свирепых франгов? — расспрашивала Тamar.

— С отменной храбростью действовали царевичи, государыня. Молодому императору Алексею я оставил для охраны кларджетскую конницу. Между франгами и Трапезунтом действует смелый грек Феодор Ласкарь, что хочет новое царство основать. С ним-то и соперничает царевич Давид. А франги уже воюют с царем болгарским Калояном, так что до Трапезунта им не добраться. Но по-прежнему остаются сельджуки... — И амирспасалар замолчал, не договорив.

Министр двора спросил брата:

— Об ужасной участи Константинополя мы извещены послом. Но как могло произойти такое несчастье, Закарэ?

— Византия получила по заслугам! — коротко бросил амирспасалар.

— Как можешь так мыслить, дорогой? — ужаснулся гуманный Антоний. — Сколько невинных человеческих

жертв и поруганных православных святых оказалось при сем горестном событии! Погас великий светоч христианской веры на Востоке...

Царица укоризненно посмотрела на Захария. Тот понял свой промах... «Хорошо еще, что католикос Тевдор находится во Мцхете, а то быть бы неприятности!..»

— Ты прав, высокопреосвященный! Латиняне как сущие варвары себя вели, и безвинно греческий народ пострадал. Франги разграбили все дворцы, церкви и дома, которые уцелели от пожаров. Но убивали греков преимущественно франгские купцы, в отместку за прежние погромы, — хмуρο вымолвил Захарий.

Тамар поспешила заговорить о другом:

— Закарэ, в твоё отсутствие послы из Багдада прибыли и привезли от халифа Насира нам дары богатые с посланием. Просит он прекратить набеги наших порубежников. Я ему послала отдарки и известила, что просьбу халифа мы выполним.

— Халиф хитрит, прикрывает подготовку к войне Нукардина! — горячо воскликнул Сурамели.

— Воистину так, батово Рати! — поддержал старика Захарий. — Внутренние распри Рума нас не касаются, хотя, конечно, лучше, если бы на престоле сидел Гийасад-дин, он более покладист. Когда я был в Трапезунте, он там находился, собирался обратиться за помощью к франгам! А Нукардин свиреп и воинствен, да и купцы сельджукские его на завоевания толкают, выходов к морю ищут. Поэтому надо следить зорко за Румом и с рвением готовиться к обороне. Не в этом, так в будущем году обязательно султан ударит.

— Особенно после того, как мы освободили побережье от мелких хищников! — задорно вставил Иванэ.

Тамар молвила с тайной тревогой:

— От ширваншаха на этот раз трудно помощи ожидать, там свои беды! Но мой Давид уже набирает конницу в Алании.

— С лихвой эту недостачу покроют армянские панцирные полки. Ведь их не было под Шамхором, государыня... — возразил амирспасалар.

После окончания летних маневров в местности Эрцо-Кухети, близ реки Иори, в шатре Захария собрался цвет

войскового командования. Окинув внимательным взором соратников, амирспасалар повел неторопливую речь:

— Необычна эта встреча, друзья мои, ибо новому тяжело испытанию рассудил всевышний подвергнуть наше воинство! Уже не тайна, что сельджуки вновь намереваются вторгнуться и предать огню и мечу мирные пределы нашей отчины. Султан похваляется, что приведет с собой больше всадников, нежели было у Алп-Арслана... Уверен я, однако, что румскому властелину не удастся повторить зверства того кровопийцы, ибо укрепились наши братские народы и несокрушимы ряды их доблестных войск. Мы победим!

— Победим! — пронеслось единым вздохом по шатру.

— Обратимся же к урокам прошлого и посмотрим, чему учит опыт борьбы ромейских полководцев с сарацинами, а также воинские подвиги царя Давида Великого, да будет вечной память о нем! — перекрестился Захарий.

Все спасалары последовали его примеру.

— Императоры Роман Диоген под Манаскертом да и Мануил Комнин в ущелье Мириокефалон грубо нарушили правила военного искусства, почему и потерпели жестокое поражение. С тех пор не смогла оправиться Византия и вот — в прах рассыпалась от ударов западных полчищ. Никто, однако, так глубоко и умно не изучал порядков устройства и вождения войск, как византийцы времен величия империи. Осторожность — вот что было главным свойством ромейских военачальников! Войско обходилось Византии очень дорого, надо было его беречь и умело использовать, не допуская безумной неосмотрительности. Полководец всегда должен был остерегаться засад и внезапных нападений, никогда не обнажать свои флаги, иметь достойных доверия лазутчиков и хорошо знать местность боя, дабы успешно осуществить задуманное.

Захарий остановился и оглядел своих слушателей. На строгих лицах спасаларов читалось напряженное внимание. Сослан делал какие-то заметки на листке. Иванэ задумчиво смотрел на старшего брата, видно, вспоминал вечера в Лорийском замке, когда они юношами старательно изучали «Стратегикон» императора Маврикия.

— Достоинно удивления, — продолжал амирспасалар, — как хорошо знали ромей военные обычаи своих противников и наилучшие способы их отражения! Они считали, что сарацины хитро используют свою многочисленную конницу, применяя засады, притворное бегство и внезапные налеты; умеют сколачивать большие армии и быстро перебрасывать их на большие расстояния. Но мало порядка в исламских войсках, плохо переносят они отпор противника, быстро впадают в панику и бегут... Также холод и сильные дожди лишают их мужества. Соблюдая меры осторожности, полководец обязан как можно быстрее вступить в ближний бой; панцирная конница с длинными мечами и тяжелыми копьями в рукопашном бою всегда опрокинет более легкую мусульманскую конницу. Для боя надобно большое ровное поле и такое расположение войска, чтобы солнце не слепило глаза. Запомним все это, господа, и перейдем к деяниям царя Давида. При втором нашествии сельджуков¹ он выждал, пока огромное вражеское воинство раздробилось на отдельные отряды и начало опустошать пограничные армянские области. Тогда он стремительно напал и по частям разбил сельджуков. Но, господа, — возвысил голос Захарий, — мы не можем рассчитывать на раздробление султанских войск. Нукардин не повторит ошибки своих предшественников, а поведет все громадное войско прямо на Тбилиси! Посему мы должны первыми ударить на султана — раньше, чем он приготовится к битве. Я кончил.

Подняв голову от расчетов, Давид Сослан задал самый главный вопрос:

— А сколько войска приведет с собой Нукардин, мой Закарэ?

— На такой вопрос трудно ответить, государь Давид. Считают сведущие люди, что одних уджских всадников может быть тысяч сто, — уклончиво ответил Захарий.

— Сто тысяч! — вздохнул начальник гвардии Ахалцихели.

— Да, дорогой Шалва! Может статься, что раза в два и даже больше окажется султанских сипахов, чем воинов под нашими знаменами. Но с нами бог и Вардзийская божья мать! Поможет нам и родная земля... — спокойно заключил Захарий, закрывая совещание.

¹ В 1122 году.

МОНСЕНЬОР РАНДОЛА УДИВЛЕН

Несказанно поразился монсеньор Рандола, прочитав в очередном донесении тавризских отцов-миссионеров об аресте и казни некоего Гарегина Хетумяна в далеком восточном городе с полуитальянским названием — Ани. Миссионеры не осмелились бы утруждать монсеньора сообщением о столь незначительном происшествии, если б незадолго до повешения проходимца не получили секретного предписания из Рима бдительно следить за этой личностью.

— Ничего не понимаю, падре Джордано! Как мог так быстро провалиться левантинский хитрец?

Рандола с недоумением вертел в руках небольшой поясной портрет Гарегина Хетумяна — все агенты папской разведки обязаны были сдавать свое изображение в картотеку. Ближайший его помощник аббат Террачини молча развел руками, выпятив толстые губы. Падре Джордано принадлежал к той породе католического духовенства, которая превыше всего на свете ставила земные утехи. Но Террачини был хитер и изворотлив, неустанно интриговал против своего начальника; это было хорошо известно монсеньору Рандоле...

— Снова мы без глаз и ушей в Армении, — продолжал Рандола недовольным тоном. — Его святейшество будет весьма опечален... Папа почему-то живо интересуется этими варварскими племенами. Придется кого-нибудь туда послать взамен покойника. Кстати, падре Джордано, вам также пора собираться в дальний путь! Кардинал вчера приказал мне послать (не волнуйтесь, только на время) надежного человека в Иконию, ко двору сарацинского султана. Там что-то затевается, и необходимо выяснить, нет ли какой-либо угрозы интересам святого престола в Латинской империи. Выбор пал на вас, падре Джордано.

Отец Террачини, потрясенный назначением, с трудом глотал воздух. Рандола с усмешкой прищурился, глядя на толстяка:

— Румские сарацины в общем довольно добродушный народ и не так сильно, как в Палестине, притесняют христиан. Вы не слишком рискуете, падре Джордано! Но все-таки будьте осмотрительны в Иконии, памятуя о судьбе

сего неосторожного глупца... — Рандола небрежно бросил портрет Гарегина Хетумяна в ящик стола.

Со времен изгнания сельджукских эмиров тюрьма в Вышгороде обычно пустовала. Захарий считал, что преступников не следует содержать при дворце. Но с некоторых пор в дворцовом подземелье появился новый жилец. Ключи от подвалов хранились у коменданта, который никого не допускал внутрь тюремного помещения и даже пищу заключенному носил сам.

Майской ночью, когда все обитатели дворца спали непробудным сном, в темницу тихо вошли два человека. У одного в руках был потайной фонарь, другой нес большой сверток.

— Вставай, почтеннейший, и прими одежду! — негромко сказал Ростом.

— Когда же мне ехать? — сладко потянулся заключенный, вставая со своего жесткого ложа.

— К воротам уже подали коней. С тобою поедет сотник Рубен. Он ждет тебя! — и с этими словами Ростом подал узел с одеждой заключенному. — Рубен проводит тебя до Вагаршакерта и далее, до самой границы. Оттуда с попутными караванами ты доберешься до Севастии и потом до Иконии...

«Путь указан как будто подходящий, — подумал заключенный. — Морем через Трапезунт ехать нельзя, в гаванях везде могут встретиться знакомые люди».

Тогда заговорил, не открывая лица, спутник коменданта:

— Я Израэл — доверенный шаханшаха. Мне приказано держать с тобой постоянную связь. Тайные донесения будешь отсылать нам с надежными людьми в Самсун, к настоятелю церкви святого Карапета — то наш человек. Возьмешь с собой и клетку с парой крапчатых голубей — лучшие летуны голубятни Ростома. Это на крайний случай. Голубь быстро доставит твое сообщение в Вышгород...

— А деньги? — напомнил заключенный.

— Вот возьми пояс, в нем две тысячи золотых, столько уплатили анийские купцы за твои товары. Возьми и добрый хорасанский кинжал, может пригодиться! — ответил Израэл.

Тусклый свет потайного фонаря вырвал из мрака теницы статную фигуру пожилого чернобородого мужчины, облаченного в одежду зажиточного сирийца. Он принял кожаный пояс с золотом и надел его под кафтан. Перебросив через плечо небольшой хурджин с бельем и хлебом на дорогу и взяв в руки окутанную черной тканью небольшую клетку с голубями, он просто сказал:

— Я готов.

— С богом!

Комендант бесшумно отомкнул решетчатую дверь и вывел мнимого заключенного мимо дворцового караула за ворота Вышгорода. Исраэл медленно пошел по коридору, ведшему внутрь дворца.

На темном небе мерцали крупные звезды. Из Ущелья Цветов доносился плач шакала, справа в глубокой пропасти шумел Ахурян. Ани спал. Лишь изредка с крепостных стен доносились голоса часовых. Во дворе у коновязи стояли оседланные кони. Ростом тихо свистнул. Из темноты выступил высокий человек и неторопливо приблизился.

— Вот твой спутник, Рубен!

Уже садясь на скакуна, Ростом тихо добавил:

— Стража у Шахматных ворот не выпустит без меня, да и мост через Ахурян до утра разводится... Я сам выведу вас на Мренскую дорогу!

Г л а в а XII

ПОСОЛЬСТВО КНЯЗЯ ХАСАНА

Вернувшись с летних маневров в Ани, Захарий решил послать новое посольство в Киликию для установления единства действий обоих армянских государств перед лицом общей опасности — возраставшей мощи Рума. На этот раз нельзя было посылать Ванакана, он был только монахом. Правитель вспомнил о своем племяннике Хасане Допьяне, который находился в Ани при его дворе. Не по летам рассудительный и хорошо образованный, княжич владел несколькими языками.

— Собирайся в дорогу, Хасан, поедешь на Запад! — объявил за обедом правитель.

Молодое безбородое лицо княжича покрылось румянцем:

— Неужели в Константинополь учиться, дядя Закарэ, посылаешь меня, как мать давно обещала?

— Нет, племянник, в Константинополе тебе делать нечего, там все разорено франгами, да и не до наук нам сейчас. Поедешь подальше — послом к царю Левону. Повеешь ему письмо с предложением дружбы и военного союза против султана. А в Сисе ты больше с военными людьми бывай, Хасан, присматривайся, каково воинство у царя Левона, как обучено оно и хорошо ли вооружено... А теперь отправляйся-ка к Ростому и отбери с ним подходящих спутников и охрану. Тебя будет сопровождать также тэр-Ванакан — он уже однажды ездил в Киликию по делам церковным. Деньги получишь у Исраэла...

Ванакан, спешно вызванный из Нор-Гетика, был старше княжича и имел уже некоторый посольский опыт. Естественно, что Хасан обратился за советами к своему будущему спутнику.

— Нелегкую задачу возложил на тебя могущественный родич! — объявил Ванакан. — Царь Левон крепко завяз в спорах с франгами, наследниками Антиохийского княжества. Кроме того, Киликии постоянно угрожают то алеппский эмир, то сельджуки из Кесарии. Потому царю Левону приходится быть всегда начеку и осторожно вести государственную ладью!..

Про себя монах удивлялся, глядя на молодого посла: «Неужели шаханшаху Закарэ больше некого было отправить в Киликию, постарше да поопытнее?!» Но тут же рассудил, что в столь тревожное время правитель Армении, вероятно, не счел возможным отвлечь кого-либо из своих ближайших сподвижников на далекую поездку с гадательными результатами. И Ванакан решил не огорчать молодого посла описанием всей трудности его миссии.

— Ничего, ишхан, благожелательно примет тебя царь Левон, вернешься с удачей! — поспешил он утешить павшего духом Допьяна.

По базару уже ползли слухи о неблагополучии на караванном пути, и Аветик Бахтагек упросил княжича Хасана принять под свое покровительство приказчиков с грузом в Трапезунт. К ним примкнуло еще несколько купцов, и немалый караван двинулся из Ани.

Одолев перевал Мецрац, караван шел в горах. Изредка встречались на полянах большие отары. Лохматые псы с остервенением набрасывались на путников, напарываясь подчас на пики охраны. Тогда с бранью и угрозами пастухи требовали непомерный выкуп за заколотую собаку. Ночевали в приземистых дорожных караван-сараях, забытых людьми и вьючными животными. Для посольства помещение находилось сразу, но с караваном было иначе. Сварливый привратник, бренча ключами, клялся и божился, что все помещения заняты. После долгого торга, получив от начальника каравана мзду, он неохотно отмыкал тяжелую дверь какого-нибудь пустующего склада. Сгружалась с усталых верблюдов тяжелая кладь, и на большом дворе, окруженном стеной, прибавлялись новые очаги, на которых слуги тотчас начинали готовить незатейливый ужин. В ожидании у костров завязывались негромкие беседы.

— Ездили мы прошлым годом в Русию с младшим сыном парона Аветика. Пробрались до самого города Булгара, — рассказывал пожилой приказчик. — Четыре месяца с лишним ехали мы через Дешт-и-Кипчак, Тану, потом по великой реке Итиль и прибыли в сей великий город. А дальше, в «Страну тьмы», не пустили нас болгарские купцы, пригрозили убить!

— Какие товары отправили тогда Бахтагеки? И что за «Страна тьмы», почему не допускают туда болгары? — любопытствовал купец из Двина, удобно развалившись на бараньей шкуре.

— Везли мы рис, кишмиш араратский, хлопок сурмаринский, шелк, немного вордан-кармира, ковры анийские, клинки необделанные, из Тавриза полученные, — перечислял приказчик. — Всего не упомнишь, много товара было. А до «Страны тьмы» мы не доехали; там всегда мрак и туман, но пушного зверя, говорят, великое множество, и потому болгарские купцы застрачивают, не желают других в те места пускать...

— А оттуда что в Ани привезли? — не унимался любопытный двинец.

— Белку голубую, бобров седых, соболей и горностаев, что для царской одежды за золото покупают, лисиц разных. А потом много воска пчелиного для свечей, тоже клея рыбьего... Немало барыша взяли хозяева, да...

У другого костра беседовали два купца из Ани. Подсев к ним, княжич Хасан прислушался к разговору.

— До самого Трапезунта спокойная стала нынче дорога, своя. И сидит там теперь наш человек, император Алексей Комнин, — говорил старший из них.

— Хо-хо! Тоже «наш император»! — захохотал купец помоложе.

— А то как же? Конечно, наш, мы и возвели его на трон, чтобы сторожил выход к Понтийскому морю. Вот и едем теперь в Трапезунт, как в родной дом...

— А вот недавно, рассказывали на рынке, порезали наших караванчиков близ Мелитены, — возразил молодой купец.

— Там другая дорога, через Рум. Вольно же было беднягам соваться в пасть ко льву, ехать по сухопутью, через пустыни в Киликию! А в Трапезунте, — продолжал пожилой, — можно всегда с прибылью продать нужный товар франгским купцам, греки теперь не в чести, закатилась их слава! Или же самим отправиться по морю в Константинополь, там сейчас венецианцы в силе, и, если с этими мошенниками хорошенько поторговаться и не уступать цены, барыш можно взять...

К этому времени поспел шилаплов¹, и купцы почтительно пригласили молодого посла к столу.

Доехав без особых затруднений до Даройнка², Досьян не преминул там искупаться в прославленном серном источнике. Миновав без препятствий и Арзрум, в Эрзнка посольство и сопровождающие его купцы попали в затруднительное положение. Рукн-ад-дин прислал в Эрзнка наиба с сильным отрядом конницы, который установил там заграду для караванов. Только уплатив крупную взятку и двойные пошлины, удалось миновать заставу. Купцы хватались за голову, подсчитывая убытки, и домой решили возвращаться кружным путем, через Дешт-и-Кипчак. Пройдя перевал Зигана, караван вступил в богатую приморскую область и благополучно достиг Трапезунта.

Княжича Хасана радушно встретили при дворе Комнинов и долго не отпускали в плавание. Наконец посла со

¹ Рисовая каша с мясом (арм.).

² Нынешняя Гасанкала (Восточная Турция).

свитой устроили на венецианскую галеру, идущую в гавань Адалию, на Средиземном море, где правил итальянец — князь Альдобрандино. В Адалии Хасан со своими спутниками пересел на киликийское парусное судно, которое неторопливо поплыло вдоль изрезанного бухтами побережья к гавани Айас. Передохнув здесь у любезного парона Констана, начальника приморской крепости, путники мимо цветущих апельсиновых садов и виноградников проследовали в город Маместию и оттуда через Аназарбу, наконец, достигли цели своего путешествия — города Сис.

В столице Киликии посольство из Ани сразу же привлекло общее внимание. У входа отведенного для них дома постоянно толпились любопытные. Познакомиться с послом пожелали знатнейшие сановники города. Царь Левон находился в это время в Александретте, где имел малоприятную встречу с триполийским графом Боэмундом IV — многолетним соперником в борьбе за антиохийское наследство. Гундстабль Абелхариб, замещавший отсутствующего монарха, пожелал тотчас видеть князя Хасана и, не дожидаясь приезда царя, назначил ему частный прием во дворце.

Посол анийского правителя понравился старому вельможе. После обычных приветствий гундстабль учтиво спросил:

— Скажите, сир Хасан, кем приходится вам полководец восточных стран? Я слышал, он ваш родич...

— Великий амирспасалар и шаханшах анийский Закарэ, пославший меня к царскому величеству, — мой родной дядя, сир Абелхариб, — с гордостью ответил Досьян.

— Вот как! Мы наслышаны о его многих воинских деяниях, а в особенности — о Шамхорской виктории. Какого же он вида и обличья, ваш высокородный родич? — задал новый вопрос Абелхариб.

— Нет более могучего и славного рыцаря на свете! — с горячностью ответил князь Хасан. — Когда он едет на коне впереди своих латников, мнится, сам бог Марс снизошел на землю... — Хасан был начитан и любил блеснуть знанием классических произведений.

На память гундстаблю вдруг пришла странная встреча на Босфоре.

— Не этого ли рыцаря видели мы под голубым знаменем со львом на берегу Мраморного моря, когда следовали

вдоль берега на галере дожа Энрико? — поинтересовался Абелхариб.

От пятисотника Ростом княжич знал об этом эпизоде и подтвердил догадку гундстабля.

— Так вот он каков, восточный полководец Закарэ! — взволнованно воскликнул гундстабль и стал подробно спрашивать об амирспасаларе. Узнав же, что по материнской линии Захарий принадлежит к роду Арцруни, Абелхариб пришел в неописуемый восторг:

— Мой родич! Кто бы мог подумать?! — И вельможный воитель загрустил: — И он даже не дал обнять себя старому Абелхарибу!

— Сир Абелхариб, ведь на галере дожа кроме вас были и другие вожди! — с улыбкой напомнил Хасан. — И неизвестно, как они отнеслись бы к дяде Закарэ и царевичу Давиду Комнину, который его сопровождал. Как мог великий амирспасалар рисковать царственной особой?

Гундстабль задумчиво кивнул. Подумав, он сказал:

— Но ведь и ты, сир Хасан, — мой родич. Дай обниму тебя за всех далеких родных!

И Абелхариб заключил в свои могучие объятия смущенного княжича.

Прошло несколько дней, и из Александретты вернулся царь Левон. Узнав о прибытии полномочного посла из Северной Армении, царь Левон решил принять его немедленно, однако по малому чину — посольство было не от царской особы. Коронование шаханшаха Закарэ на престол так и не было осуществлено — и Левон, как «помазанник божий», не мог этого не учитывать...

В назначенный день князь Хасан явился во дворец. Его сопровождали вардапэт Ванакан в скромной черной рясе и несколько молодых рыцарей посольской охраны в блестящих доспехах, шлемах и с мечами на боку. Их статные фигуры произвели хорошее впечатление на заполнивших малый приемный зал сановников. Хасана Допьяна ласково встретил могучий гундстабль и, по-родственному облобызав, повел к царскому трону, на котором восседал Левон II в золотом облачении. Рядом в кресле из черного дерева сидел канцлер царства — Сисский архиепископ Иоанн. Синиджал¹ выступил вперед и громко возгласил:

¹ Синиджал (сенешаль) — управляющий царским двором Левона II.

— Посол шаханшаха и великого спарапета восточных стран!

Князь Хасан с достоинством правил посольство. После взаимного осведомления о здравии властелинов он, преклонив колено, вручил царю письмо правителя Армении. Царь передал письмо канцлеру и милостиво протянул послу руку для целования. По своей неопытности княжич ее пожал, чем и привел в величайшее негодование весь двор. Царь поморщился, но сдержался и дал знак синиджалу, который стукнул жезлом о пол, давая знать об окончании официальной церемонии.

После приема между царем и князем Допьяном состоялась недолгая личная беседа. Немало удивленный молодостью посла из Ани, царь Левон, однако, не выдал своего изумления и вежливо задал вопрос:

— Шаханшах Закарэ по-прежнему командует войсками царицы Тамар?

— Да, государь. Две гвардии ныне под его высоким началом — грузинская и армянская, а также все княжеские ополчения обеих христианских стран. Кроме того, имеются еще конные кипчакские и аланские полки, — с достоинством ответил Допьян.

При этих словах гундстабль переглянулся со своим заместителем мараджахтом¹ Василиом, синьором Венара, и хотел, в свою очередь, о чем-то спросить. Но царь Левон, привстав с кресла, дал знак об окончании аудиенции, и Допьян, поклонившись, вышел из зала.

Оставшись со своими военными советниками и канцлером, царь Левон вскрыл печати и, быстро пробежав строки послания, с озабоченным видом объявил:

— Господа, восточный полководец предлагает нам дружбу и военный союз против сельджуков Рума!

Абелхариб сразу оживился. Положив руку на эфес сабли, он быстро заговорил:

— Вашему величеству хорошо известно, что нам с сиром Василиом еще не удавалось вывести в поле более двенадцати тысяч всадников (пехоту я не считаю!). А у шаханшаха Закарэ — две гвардии, кипчаков и аланов до сорока тысяч всадников, да вдобавок княжеской конницы двух царств столько же. Это не меньше, чем было конных полков у базилиевсов Византии в дни их славы!

¹ Мараджахт — маршал в Киликии.

— А у Рукн-ад-дина одних огузов более двухсот тысяч всадников наберется, сир Абелхариб! — с явным неудовольствием отрезал царь Левон. — Забыл ты, как два года назад в наши пределы ворвался и какой урон причинил его брат Гийас-ад-дин?

Канцлер Иоанн закивал в знак согласия. По лицу полководца пробежала тень — он командовал царским войском в неудачном сражении с Гийас-ад-дином.

— А разве мало забот причиняют нам рыцари-храмовники и франгские отряды проклятого Боэмунда? Или в покое оставляет эмир алеппский? — методично перечислял царь Левон.

— От ромеев избавили нас крестоносцы, — осмелился вставить мараджахт.

Левон II пожал плечами и, не отвечая на реплику, продолжал развивать свою основную мысль:

— От Кесарии, где султаны обычно собирают свои полчища, до Сиса — три дня пути, а до Ани — месяц. Куда раньше, по-твоему, ударит Рукн-ад-дин, если мы заключим военный союз с восточным полководцем?

— Рукн-ад-дин готовит поход на Восток, — сумрачно заметил Абелхариб.

— Ничего еще не известно, сир Абелхариб! Лазутчики доносят, что сейчас султан со всеми эмирами и беями на большой охоте; она продлится несколько недель...

Гундстабль молчал.

— Я извещу полководца восточных стран о лестности его предложения. Но с военным союзом мы пока повременим, — заключил царь Левон.

«Даже со мной неискренен царь!» — с горечью подумал старый гундстабль и, не осмеливаясь больше спорить с властителем, недовольный покинул дворец. Вечером он предупредил князя Хасана:

— Братская дружба обоих армянских государств неоспорима! Но совместно выступить против султана Рума сейчас не сможет Киликия...

Опечаленный посол, в ожидании изготовления ответного послания царя Левона, по совету Ванакана решил посетить католикоса Иоаннеса VI, продолжавшего пребывать в изгнании в Ромкле. Глава армянской церкви благосклонно принял княжича Хасана.

— Ведомо мне, много споров имел шаханшах Закарэ с непокорными отцами, что следуют за Барсегом Аний-

ским и неистовым Григорисом Ахпатским! — начал беседу первосвященник, поглаживая седую бороду.

— Григорис более не в Ахпате, в темнице сидит на Севане по повелению шаханшаха! — осторожно поправил Хасан.

Иоаннес одобрительно хмыкнул:

— Поделом самоуправцу! Подумать только: руку поднять осмелился на моего апостольского посланца — до сего времени ведь не оправился от побоев тэр-Минас... А ныне я, раб рабов божьих Иоаннес, посылаю пастырское благословение великому Закарэ и всему воинству армянскому на одоление врага! Уже заготовлен о сем патриарший указ, — добавил священник Ванакану и благословляющим жестом отпустил послов.

Возвратившись в Сис, Хасан получил любезное послание царя Левона «полководцу восточных стран», составленное в духе дружбы и благожелательства, но без военных обязательств со стороны Киликии. Обескураженный неудачей, Допьян пустился с Ванаканом в обратный путь.

Г л а в а XIII

ДАМАССКАЯ САБЛЯ

Могущественнейший из могущественных, «заступник благочестия», «колчан милосердия», Рукн-ад-дин¹ Солейман II, как правильно сообщали лазутчики царю Левону, охотился.

Рослый рыжебородый мужчина в охотничьем кафтане и высокой мерлушковой шапке несся во весь опор на крупном венгерском жеребце, высоко подняв арапник. В почтительном отдалении от султана мчались на быстрых тавлинских² конях эмир охоты Кубак и бейлербей Баралтай. За ними следовали остальные эмиры, большие, средние и малые беи. Огромная кавалькада неслась, оглашая равнину воинственными криками. Шла сельджукская большая охота.

«Охота — школа войны» — так учит охотничья книга, написанная еще при Малик-шахе, и ее правила строго

¹ Столп веры (араб.).

² Тавлинские кони — арцахской породы.

соблюдались в Руме. Большая охота в государстве сельджуков организовывалась два раза в год и каждый раз длилась пятнадцать суток. На громадном пространстве Малоазиатского плоскогорья стогнялись и травились звери. Помимо султанского двора в ней принимало участие войско — правое и левое крыло огузской конницы, сипахи и гулямская гвардия.

Рукн-ад-дин, выгнав всех братьев с уделов, сумел восстановить единство огромного государства Рума. Из его соседей Латинская империя надолго завязла в неудачных войнах с болгарским царем Калояном; в Сирии и Египте продолжались междоусобицы среди многочисленных Аюбидов. Главную опасность представлял все крепнущий Кавказ.

Издавна стремились сельджуки к морю. Этого настоятельно требовали интересы купечества торговых городов. А порубежники — кочевники огузы и опытные налетчики акынджи рвались на запад и восток за добычей. Но конные кавказские полки уже пересекли сельджукам путь к востоку, захватив все гавани южного побережья. Образование приморской Трапезунтской империи было прямым вызовом, и Рукн-ад-дин решил обрушиться на дерзких гяуров Казалыка¹ всей мощью Румского султаната и его многочисленных вассалов. Заручившись поддержкой халифа, объявившего «джихад», он приказал огузской коннице для начала занять соседние с Кавказом эмираты. И в ожидании донесений от набобов развлекался охотой.

После утомительного путешествия караван вечером подходил к Конии. Впереди на крупном сером осле неторопливо ехал глава каравана — именитый купец Алихан. За ним следовали старшие караванники, вооруженные охранники и хозяева товаров — купцы — верхом на мулах и хороших конях. Позади на осле ехал каравановожатый, крепко обмотав вокруг руки волосяную веревку от кольца, продетого в ноздрю головного верблюда. Длинную цепь вьючных животных замыкал верблюд с привязанным на шее колокольчиком, к звяканью которого чутко прислушивался каравановожатый. Чуть отстав, ехали остальные всадники охраны.

¹ Кавказский хребет, Кавказ (тюрк.).

С этим караваном и следовал сирийский купец Башир. Он примкнул к каравану в Севастии, имея при себе два небольших тюка с товаром и замотанную платком клетку. «Пару голубей везу, редких, я их великий любитель. Дешево купил!» За место в караване Башир уплатил звонкой монетой и в молчании следовал весь долгий путь. Лишь при подъезде к столице Башир разговорился со словоохотливым Азизом, купцом из Кони.

— Азиз-ходжа, вот мы уже приближаемся к концу многодневного пути и скоро узрим города мира. Скажи мне, каков из себя могучий падишах (да живет он вечно!) и каковы законы о купцах в благословенной столице?

— О, наш падишах (да будет он всегда высок, мудр и милосерден!) благосклонен к столичным купцам. Стоит обиженному купцу прибежать в диван¹, начать от обиды рвать воротник — и тотчас кадий займется его делом и осудит несправедливого обидчика. Правда, бывает и так, что султан приговаривает к казни купца-гяура, неисправного плательщика податей... — Азиз хохотнул, вспомнив что-то забавное. — Отлично действует это средство! Не успеют султанские джандары² отрубить плуту голову, как со всех сторон несутся гяуры — армяне, греки, сирийцы — с подарками и пошлинами за год вперед!

Башир укоризненно покачал головой:

— О, безумцы — задерживать должное падишаху!

— А если кто из них тайно попытается вывезти во Франгистан квасцы для красильщиков, — продолжал болтливый Азиз, — а квасцами может торговать лишь сам великий из великих, того преступника тотчас сажают на кол!

— Презренные воры! Обкрадывать тень аллаха на земле! — возмутился наглостью контрабандистов Башир.

Конийцу понравился почтительный сирийский купец. Он продолжал посвящать собеседника в жизнь столицы Рума:

— А в день Ноуруза³, по стародавнему обычаю, падишах самолично является в суд, и тогда всякий правоверный может предъявить на него жалобу и подать иск кадию.

— О мудрый! О великий! — восторженно восклицал Башир. Потом он переменял предмет беседы.

¹ Диван — казначейство.

² Джандар — палач (тюрк.).

³ Новый год.

— Ну, а как далеко ходят караваны ваших почтенных купцов?

— К северу, к Бонтусу¹ и затем в сторону Таны, где много рабов, морем — через Синоп и Самсун — едут купцы Кони. А вот в Восточном море по-прежнему главенствуют персы, а на западе, где раньше плавали одни ромеи, теперь франги, — с недовольством закончил Азиз.

Напоследок караван Алихана проходил среди садов и виноградников, окружавших предместья Кони. В зеленых кущах располагались усадьбы знатных и богатых жителей, весьма дороживших пригородными владениями. Караван обогнали несколько мехаристов² на светло-серых беговых дромадерах, спеша добраться до ночи к городским воротам. Усилился скрип ирригационных машин на многочисленных арыках. Быстро наступал вечер.

На закате солнца тяжелые городские ворота пропустили длинный караван и с пронзительным лязгом захлопнулись. Дозорные вышли на площадку сторожевых башен. В последний раз прокричали с минаретов муэдзины, призывая правоверных к вечерней молитве. В базарных лавках зажглись огни. Медленно следуя по узким улицам, путники достигли караван-сарая и стали разгружаться.

Кония получила свое название якобы от изображения («иконион») головы Медузы, которая, по древней легенде, была подвешена на городской стене для устрашения врага. Построенный у подножия Тавра, к югу от большого соленого озера Татта, античный город при мусульманском владычестве резко изменил свой облик. Центральную площадь заняла главная мечеть. Широкие улицы, выходившие на площадь, сменились восточными извилистыми улочками, вдоль которых тянулись дома без окон. Шахристан³ был окружен широким рвом, изобиловал хорошей водой, богатой растительностью и насчитывал сто тысяч жителей. На большом холме стояли султанский дворец, охраняемый гулямами, здание суда и другие дворцовые постройки, а также размещались дома крупнейших феодалов. В самом шахристане находились мечети, медресе, многочисленные бани, дома дервишских орденов, базары и караван-сарай. Тут же проживала верхушка городского населения — феодалы и богатые купцы со своей челядью и рабами. В об-

¹ Черноморье.

² Верблюжья погонщики.

³ Шахристан — застенный город (перс.).

ширных предместьях жили ремесленники и городская беднота. Цеховыми ремесленниками преимущественно были греки и армяне, сельджуков-мастеровых было немного. Знаменитый суфий и поэт Джелал-ад-дин Руми писал: «Созидание мира — это специальность греков, разрушение же предоставлено тюркам». Обособленно в торговых кварталах проживали иноземные негоцианты — греки, арабы, армяне, персы, евреи, а с недавних пор и франги. Поля, виноградники и сады обрабатывались крепостными и рабами.

На огромном базаре Кони, с крытыми рядами и шумными заведениями с арфистками, торговали всем — от зерна до невольников. Сюда привозили товары для войны, для ремесел и для домашнего обихода. С юга из Дамаска поступал знаменитый булат, из Египта и Сирии прибывали хлопчатобумажные ткани, через Багдад шел китайский шелк-сырец, фарфор, шелковые ткани, атлас, сафьян, восточные пряности, сахар и благовония — мускус, алоэ, амбра. Дальние караваны из Средней Азии доставляли драгоценные камни — бирюзу, нефрит, ковры из Шираза и розовое вино. На ежегодный конский торг пригоняли табуны тавлинских, венгерских и арабских коней. Хорасан предлагал знаменитые панцири, сабли, мечи и пики. Из далекой Руси, через Крым, обычно по первопутку, поступали лен, воск, драгоценные меха — соболя, бобры и горностаи, нарасхват раскупаемые восточными владыками. И со всех четырех сторон света привозился самый ценный товар — рабы. Туркменские пираты на Средиземном море и на Каспии, крымские работорговцы, кипчакские ханы из Дешт-и-Кипчака — все они были поставщиками живого товара. В ухе кольцо, коротко остриженные волосы, еле прикрытое конской попоной худое тело — своим жалким видом раб сразу распознавался на улицах Кони. По всем дорогам, ведущим в столицу Рума, гнали их, скованных попарно, на невольничий рынок. В наибольшем спросе были девушки и дети, молодые крепкие рабы. На рынке то и дело раздавались грозные окрики надсмотрщиков, щелканье бичей, слышался женский плач. Придирчивые покупатели разбирали рабов для работы в доме и на полях — земледелие считалось занятием зазорным для сельджуков. Нужны были рабы и для работы в рудниках. Наиболее крепкие мальчишки отбирались султанскими наибами для гвардии.

Купцы сидели в узких небольших лавках, каждый в своем ряду. Оживление царило в проулке, где багдадские купцы продавали высоко ценившиеся в средние века пряности — перец, мускатный орех, имбирь, корицу, привозимые с Дальнего Востока через Персидский залив и Багдад. Но крупнейшие сделки происходили в шелковом ряду, где закупался оптом китайский шелк-сырец для константинопольских и итальянских текстильных мануфактур.

С высоты минаретов протяжные голоса муэдзинов призывали правоверных к утренней молитве. На базаре смолк шум. Христиане и евреи благоразумно укрылись в темных переулках крытого базара, дабы не мешать правоверным. По всей обширной площади раскинуты цветные коврики, и на них — упавшие ниц в молитвенном экстазе купцы-мусульмане. Но вот прошло несколько минут, затихли последние священные слова суры, и, бережно скатав коврик, торговцы вернулись на свои обычные места.

Базар начался.

Купец все знает, он живая почта, приносящая последние новости со всех концов мира. Но нередко купец бывает и лазутчиком. Недаром сетовал грузинский летописец, что «часто государи Востока возлагают на купцов обязанности и послов и шпионов...»

Утренний намаз сирийский купец совершил у себя, в небольшой комнате для приезжих. Откинув толстый ковер, он выглянул в зал караван-сарая. Несмотря на ранний час, зал был полон народу. По каменному полу быстро сновали слуги, со двора к хозяевам забегали приказчики и чарвадары¹, с мелким товаром ходили разносчики. Из кухни тянулся чад подгоревшего бараньего сала, оттуда выбегали поварята, неся шампуры с нанизанными кусками дымящегося мяса. Башир поманил поваренка пальцем. Бросив серебряную монету, взял шампур и вернулся в комнату. Насытившись, сириец степенным шагом вышел из караван-сарая.

Непрестанная суতোлка царила на узких улицах. Через толпу медленно пробирались груженные овощами и кругами сыра маленькие серые ослики. Тесно лепились одна подле другой лавки — малые и большие, ремесленные мастерские. Везде кипела работа. Здесь расположились ткачи, слышно было характерное постукивание челнока. По

¹ Чарвадары — погонщики (тюрк.).

соседству гончары усердно крутили свои круги, изготавливая знаменитый конийский фаянс. В кузницах дюжие молотобойцы с размаху били по раскаленному металлу огромными молотами. Медленно ступали по середине улицы покупатель, с важным видом перекликаясь с ремесленниками и торговцами. Кого здесь не увидишь! Купцы из Тавриза и Исфагана в зеленых чалмах, из Багдада и Басры в белых бурнусах, сирийцы из Дамаска в высоких серых колпаках, франги в кургузых камзолах. А вот промелькнули китайцы в серых узких халатах — они привезли большую партию шелка-сырца и нефрит. Шум, крики... Рузиков, однако, не заметил на рынке внимательный взор Хетумяна (это он и был сирийским купцом)... «Дороги к морю уже перехвачены!»

С незапамятных времен держал лавку старьевщик Бен-Иошуа в самом конце одежного ряда, тайком занимаясь ссудами под заклад вещей. К нему и направил свои стопы сирийский купец.

— Салам, почтенный старец! Да сопутствует тебе удача в делах. Мне нужно хорошее оружие, — объявил Хетумян, вступая в темную лавку, набитую всяким подержанным добром.

Бен-Иошуа воздел руки к низкому потолку:

— Достопочтенный купец, ты ошибся! Тебе надо пройти в следующий ряд, к оружейникам.

Однако Хетумян, видимо, располагал иными сведениями о ростовщике.

— Я знаю, что говорю, старик, — спокойно возразил он. — На что мне здешний хлам? Ведь ты же родом из Дамаска, почтенный Бен-Иошуа.

Осведомленность пришельца неприятно поразила старого еврея.

— Но это было так давно! Еще мой покойный дед... — промямлил он в бороду.

Хетумян не дал ему продолжать. Вперив твердый взор в водянистые глаза ростовщика, он тихо произнес:

— По самой высокой цене! Ты слышишь, по любой цене мне нужен настоящий булат.

Огонек алчности блеснул в желтоватых глазах Бен-Иошуа. Подозрительно оглядев фигуру странного покупателя, он нерешительно сказал:

— А сколько ты мог бы дать за саблю, достойную халифа?

Хетумян равнодушно пожал плечами:

— К чему терять драгоценное время, почтеннейший? Я не вижу твоего товара. А звон моего золота ты можешь услышать хоть сейчас!

Вытащив из складок одежды большой кошель, сирийский купец потряс им над ухом купца. Звон золотых монет убедил торговца. Он ушел в заднее помещение лавки, долго не являлся, а вернувшись, принес обтянутый красным сафьяном футляр. Закрыв на замок входную дверь, Бен-Иошуа предостерегающе поднял палец:

— Тсс! Если гулямы султана хоть одним глазом увидят это сокровище, они отнимут его и не дадут мне ни динара! Смотри сюда, купец...

На поблекшем розовом бархате футляра покоилась изогнутая сабля с золотой рукоятью и матово-тусклым стальным клинком; морозный узор и арабские письмена на лезвии говорили о том, что это — настоящий булат, секрет изготовления которого тщательно скрывали мастера Дамаска...

Хетумян залюбовался драгоценным оружием.

— Недурна на вид. А как рубит? — сказал он небрежно.

С неожиданным проворством Бен-Иошуа схватил саблю и, бросив вверх тонкий шелковый шарф, несильным ударом, точно бритвой, разрезал его в воздухе.

— У самого падишаха Рума нет подобной сабли! И я не знаю, каким колдовством заставил ты показать эту драгоценность, — хмуро произнес старьевщик, бережно укладывая саблю обратно в футляр.

— Сколько? — коротко спросил Хетумян.

— Сто иперпиров, — твердым тоном ответил Бен-Иошуа.

— За такие деньги можно купить дом, — жестко сказал сириец.

— Тем лучше для тебя, купец. Поселишься в Конии, будешь торговать во славу аллаха... — Иошуа решительно захлопнул футляр.

После долгого торга, сбив цену на десяток золотых, Хетумян отсчитал деньги, забрал сафьяновый футляр, предусмотрительно замотав его старым тряпьем, и вышел из лавки Бен-Иошуа.

У входа в лавку с сафьяновыми изделиями стоял раскорячившись Азиз-ходжа. Жестикуюлируя и хватаясь за наверхенную на голове чалму, он оживленно выговаривал

что-то тучному купцу, сидевшему рядом на скамье. Завидя издалека сирийского знакомца, Азиз завопил:

— Подходи скорее, Башир! Большие новости есть...

— Салам, почтеннейшие ходжи! Да будет благословение аллаха на всех ваших делах. А о каких новостях кричит на весь майдан мой друг?—вежливо спросил Хетумян.

— Такие, что всем купцам Рума надо закрывать лавки и идти паломниками в Мекку, просить милостыню по дороге! — сердито ответил Азиз. — Проклятые курджии захватили все гавани на Бонтусе. Пусть почтенный Куршуд-ходжа повторит тебе рассказ.

Куршуд, выкатив глаза, зачастил:

— Прибыл я в Синоп на прошлой неделе со своим караваном. Пятьдесят верблюжьих грузов шелка. И еще два верблюда с имбирем, перцем и корицей — любят их и кипчаки, и рузики. Да. Но что же меня встретило в гавани? Везде курджийские сипахи. А правоверных мустасибов сменили на весах гяуры — сборщики пошлин. И каких пошлин! Требуют их только с нас — купцов Рума, а купцы анийские и тефлизские ничего не платят!.. Как торговать будем?! — Ходжа задохнулся от негодования и умолк.

— Тце-тце! А как велики оные пошлины, почтеннейший? — зачмокал губами Хетумян.

Азиз вынул из пояса запись:

— А вот какие, друг Башир! Я их записал на память: за шелк 25 драм с верблюжьего груза и столько же с шелковых тканей. А на хлопок, сахар и медь — 15 драм с груза верблюда и 10 драм с груза мула. А за пряности — 20 драм с верблюжьего груза.

— Грабеж! — возмутился Хетумян. — Да неужели падишах так и оставит безнаказанными гнусные деяния гяуров?

— Несомненно, кара аллаха скоро падет на курджиев и острая сабля опустится на их шею, — уверенно заявил Азиз.

— Когда это будет? Время-то уходит! — простонал Куршуд.

— В самом деле, кто воюет зимой? Лето подходит, а все на майдане толкуют — падишах на охоте... — недоумевал Хетумян.

Азиз развел руками:

— Кому могут быть в Конии известными намерения великого из великих?

— Один Авшар-бек может их знать, — буркнул Куршуд-ходжа.

— А кто такой Авшар-бек? — небрежно бросил Хетумян.

— Кто не знает Авшар-бека? — изумился Азиз. — Авшар-бек известный человек... эмир меджлиса¹ он и правитель Конии в отсутствие падишаха (да будет он здоров и силен!)...

Эмир меджлиса Авшар-бек, родом из «древних» беев, был одним из крупнейших сановников двора. Особенно значительной была его роль при воцарении султана, когда в тронном зале раскрывалась парчовая занавесь и на золотой трон восседал новый падишах. Знатные люди султана входили в зал, падали ниц и целовали пол между своими руками, воздавая хвалу всевышнему. Тогда к ним подходил Авшар-бек, подводил за руку к падишаху и тот удостоивал их своим приветствием. При этом беи должны были осыпать султана золотыми монетами, а Авшар-бек должен был следить, чтобы подлые гулямы, сохрани аллах, не украли ни одного динара. И много еще других важных дел было у Авшар-бека.

Ранним утром у ворот эмирского дома, расположенного на холме поблизости от дворца султана, послышалась громкая перебранка, которая разбудила высокородного эмира. Высунув голову в открытое окно с цветными стеклами, Авшар-бек посмотрел вниз. Во двор вошел охранник Селим в сопровождении какого-то купца-сирийца. В руках тот держал завернутый в платок длинный ящик.

— Что за шум, дети Эблиса? И почему в такую рань пришел этот сириец, Селим? — гневно закричал Авшар-бек.

Охранник с низким поклоном доложил:

— Великий бей беев, я не пускал этого шайтана во двор! Но купец кричит, что у него есть сабля самого халифа Омара.

— Святотатец! Как смеешь ты упоминать священное имя сподвижника пророка?! — Авшар-бек готов был растерзать наглого сирийского купца. Но тот, не смущаясь, поднял над головой длинный ящик:

— О великий из великих, удостой только взглянуть

¹ Эмир меджлиса — церемониймейстер (турк.).

своими пресветлыми очами на эту мирозавоевательную саблю! Нет ей подобной на свете!

Авшар-бек был любопытен от природы и, как истый сельджук, — большой ценитель оружия. Подумав, он закричал охраннику:

— Селим! Проводи наверх купца!

Когда сирийский купец раскрыл сафьяновый футляр, у эмира зарябило в глазах — такое чудо покоилось на поблеклом розовом бархате.

Стоя посередине комнаты в бабушах на босу ногу, Авшар-бек схватил саблю и несколько раз жикнул ею в воздухе. Потом заорал неистовым голосом:

— Селим! Рабы! Скорей тащите сюда самого большого барана...

После того как голова у барана была отрублена и слуги затерли кровь на мраморном полу, Авшар-бек облачился в парчовый халат, пружинистым шагом прошелся по комнате, не выпуская из рук драгоценной сабли. Усевшись, прохрипел:

— Сколько?

«Как я у старого еврея!» — промелькнуло в уме у Хетумяна.

— Да удалит всевышний плохой глаз от твоей судьбы, великий бей! — с поклоном промолвил он. — Прими в дар дивную саблю и вели казначею оплатить только мои дорожные издержки...

— Сколько? — на более высоком регистре выкрикнул Авшар-бек.

— Двадцать пять багдадских динаров, — прошептал сирийский купец.

Цена была несообразно малой. Но как настоящий восточный человек, Авшар-бек счел нужным поторговаться:

— Дорого, купец! Ножен нет, за один клинок столько просишь...

Сириец грустно усмехнулся:

— Пусть великий бей повелит призвать лучших оружейников Кони и пусть они оценят это оружие султанов! С назначенной ими цены я сниму в пользу бея пять... нет, даже десять динаров! А сколько могут стоять кожаные ножны?..

Авшар-бека не устраивало увеличение цены на вожденную саблю. Он с мрачным видом молвил:

— Хоп! Получишь у моего казначея десять динаров,

а остальные... — эмир задумался, что-то прикидывая в уме. — Остальные деньги — за неделю до Ноуруза! Я сказал.

— Великий бей, нельзя ли все деньги сразу получить? — запротестовал Хетумян.

— Нет, и не проси! Сейчас у меня недостача в деньгах. Вот после похода — дело другое... Может быть, я дам тогда сверх цены два-три динара... — расщедрился Авшарбек.

— Поход? Но ведь великий падишах (да будет он вечен!) охотится, и никто на майдане не говорит о джихаде! — возразил недоверчиво сириец.

Авшарбек гневно воззрился на дерзкого. Тот с невозмутимым видом обтирал платком сафьяновый футляр. Эмир рывкнул:

— Когда я что говорю, так, значит, и будет! Уже приказано всем беям собираться в Севастии. Ты скоро получишь свои деньги! Уходи, купец, и не гневи меня...

Глава XIV

АББАТ ТЕРРАЧИНИ ВИДИТ ПОКОЙНИКА

Долгая борьба конийских султанов с Византией и крестоносцами выковала прекрасных воинов из сельджукской племенной знати. Их верхушка — эмиры и древние беи собрались в столице Кони, что стесняло в действиях султанов, и те охотно уезжали в другие города султаната. В свою очередь крупные феодалы ненавидели султанов, беспощадно их обиравших: помимо львиной доли в военной добыче, султан требовал частых подношений. Да и вообще властители Рума дорого обходились своим вассалам: красивые рабы, кошельки с золотом, драгоценное оружие, арабские скакуны — все это было узаконенными подношениями ненасытным Сельджукидам. Впрочем, султанские поборы феодалы с лихвой выколачивали с крестьян. Кроме того, была и военная добыча... Султаны изредка награждали наиболее отличившихся военачальников почетным халатом с шапками, осыпанными драгоценными камнями, поясами или мечом в золотых ножнах, конями, седлом, уздечкой. После же великой охоты и перед похо-

дами во дворце обязательно устраивался шилян — «пиршество воинов».

Достопочтенный падре Джордано Террачини уже с месяц как проживал в Кони. Новый султан в общем неплохо относился к иноверным купцам, которые доставляли ему бóльшую часть налогов и таможенных пошлин. Но франгам, и в особенности их улемам, Руки-ад-дин не доверял и долго отказывался принять аббата Террачини. Падре Джордано ломал себе голову, как войти в доверие к конийскому двору, и посылал мрачные письма своему патрону в Латеран.

Однажды под вечер, когда немного спала дневная жара и Террачини проходил по базару со знакомым венецианцем, прицениваясь к товарам, его взгляд упал на стоявшего в дверях меняльной лавки сирийского купца.

— Не может быть! Хетумиано... — пролепетал ошеломленный аббат.

Первым желанием было кликнуть чаушей¹, которых было немало на рынке. Но падре Джордано сдержался. А может быть, это очередной фокус монсеньора Рандолы, который немало тайн хранит даже от своих подчиненных? Надо выждать его указаний... Когда аббат Террачини второй раз посмотрел в сторону меняльной лавки, сирийский купец исчез. Взволнованный неожиданной встречей с «покойником», аббат поспешил домой и в тот же вечер настрочил обстоятельное донесение в Рим.

В первом своем донесении Хетумян писал: «Для отвода глаз султан до сих пор охотился. Лишь несколько дней, как он вернулся в Конию, а тем временем уджская конница, сипахская пехота и гулямы со всех концов царства двинулись к Севастии. Об этом поведал мне эмир меджлиса Авшар-бек и подтвердили на майдане сивасские купцы. А оставаться в Кони я больше не могу, ибо опознал меня проклятый поп-латинец. Еду сейчас в Кайсарию, откуда отправлюсь дальше в Севастию, куда, по слухам, выезжает сам падишах». Письмо было написано тайными чернилами, бывшими в большом ходу среди лазутчиков. Человек от настоятеля церкви св. Карапета прибыл из Самсуна вовремя, и Хетумян с ним отослал донесение.

¹ Чауш — полицейский (турк.).

Неистовый гнев охватил монсеньора Рандолу, когда прибыло идиотское сообщение Террачини. Потрясая кулаками перед испуганным секретарем, он иступленно выкрикивал:

— Распроклятый левантинец! Per Dio¹! Так нагло обмануть его святейшество, украсть двести червонцев у святой конгрегации!

В пылу гнева Рандола забыл, что Гарегин Хетумян получил на руки только сто червонцев...

— А этот бочонок сала тоже хорош! Не мог сразу схватить и покарать предателя! «Жду ваших мудрых указаний»... Осел!

Несколько поостыв, прелат начал прикидывать в уме. Левантинец, несомненно, «двойной шпион». Стало быть, он имеет поручение и от анийской разведки и, очевидно, скрывается где-нибудь поблизости от султанского дворца. Надо поручить этому толстомясому ротозею Террачини срочно связаться с сельджукской полицией и выдать ей подлого армянского лазутчика. А в качестве вещественного доказательства выслать в Конию портрет пронырливого негодяя, учинив обличительную надпись: «Хетумиано — армянский шпион», с приложением печати. По портрету сельджукские ищейки живо разыщут предателя...

Очень обидно было аббату Террачини получить письмо из Рима, полное брани и угроз. Поразмыслив, падре Джордано пришел к утешительному выводу, что монсеньор Рандола сам попал впросак с хитроумным левантинцем и кардинал Бенедикт да и его святейшество этого ему не простят. А тогда... Но сейчас не время думать о карьере, надо выполнять задание Рандолы, пока тот еще в силе. И аббат двинулся во дворец, где рассчитывал встретить понимание и даже благодарность за сведения об армянском шпионе.

По обыкновению, он пробрался к эмиру меджлиса Авшар-беку, который вел при конийском дворе посольские дела. Когда аббат через толмача объяснил ему необыкновенный случай с лазутчиком из Ани, Авшар-бек сразу оживился:

— Великий падишах (живи он вечно!) будет очень доволен, если мы поймаем этого проведчика армянов. Но спроси франгского улема, как это нам сделать?

¹ В данном случае: «Черт возьми!»

— Эччеленца, вот его портрет. А на обороте написано по-латыни: «Хетумиано — армянский шпион» и поставлена печать, — объяснил Террачини.

Авшар-бек схватил портрет и застыл с открытым от изумления ртом:

— Да ведь это сирийский купец, который втридорога продал мне дамасскую саблю!

— Вы его знаете, эччеленца? — в свою очередь изумился Террачини.

Тотчас был вызван правитель столицы. Ему был отдан строгий приказ — в двухдневный срок лично обыскать все караван-сарай и рынки, найти сирийского купца Башира или как там еще может назваться этот пройдоха, и в оковах доставить его к Авшар-беку. Эмир сообразил, что в случае поимки и казни купца-шпиона он сохранит пятнадцать, а быть может, вернет и десять динаров, неосмотрительно выплаченных в счет стоимости дамасской сабли. А франгский улем, со своей стороны, обещал пятьдесят динаров сыщику, которому удастся изловить Хетумяна.

После двухдневных безуспешных поисков начальник города опасливо доложил, что сирийский купец Башир бесследно исчез из Кони.

— Направь чаушей во все города, безмозглый ишак! — заорал разъяренный Авшар-бек. — Головой отвечаешь за поимку эрменского лазутчика!

Г л а в а XV

ХАЛИФ НАСИР

С начала XII века Багдад уже начал терять свое былое значение и на первое место выдвинулся Мосул, крупный торгово-ремесленный центр Ирака, близко расположенный к горным разработкам Армянского нагорья. Под владычеством Айубидов в Сирии процветали Дамаск и Алеппо, а в Египте — Каир. Но из Персидского залива продолжали в громадном количестве поступать (через Басру) на багдадские склады восточные товары для переправки на запад. А улицы Багдада, подобно католическому Риму, кишели бесчисленным духовенством — сеидами, шейхами, пирами, улемами, муфтиями и факихами.

Часто мелькали и фигуры в остроконечных колпаках «мусульманских монахов» — дервишей.

После бездарных аббасидских халифов талантливому Насиру за свое долголетнее правление удалось несколько восстановить былой престиж «повелителей, правоверных». Противоборствуя засилию богословов, он перестал преследовать городские братства и даже преобразовал их в своеобразный рыцарский орден. Насиру удалось вернуть и «Папскую область» ислама — Ирак — Араби. С крупнейшими мусульманскими правителями Передней Азии — конийскими султанами — Насир связался брачными узами.

Захватив султанский престол, Рукн-ад-дин известил об этом халифа, послав в Багдад богатые дары. В ответ Насир любезно пожаловал ему «с пречистого и благородного своего тела шаровары целомудренной чистоты, халат доблести» и мула с золотыми подковами, одновременно прислав разрешительную грамоту на верховную власть в Руме с титулом «Победоносного Помощника Повелителя правоверных». При короновании Рукн-ад-дин надел присланный почетный халат, а халифский посол трижды стукнул его золотым скипетром по спине, наставляя в соблюдении справедливости и истинной веры. Потом подвели дарованного мула, и султан благоговейно облобызал золотую подкову на его копыте. Так внешне благожелательно складывались взаимоотношения между халифом и его почтительным вассалом.

Свидание халифа с Рукн-ад-дином состоялось в том же дворцовом зале и с тем же сложным ритуалом, что и десять лет назад с неудачливым атабеком Азербайджана. Сильно подвел тогда Абу-Бекр халифа позорной утерей в сражении священного знамени пророка, и Насир настоужился, когда был почтительно извещен о приезде султана. Зачем нужно было Рукн-ад-дину покидать свою столицу и ехать к халифу в далекий Багдад в такое горячее время, когда со всех областей обширного султаната началось передвижение войск?..

Сразу бросалась со стороны разница во внешности между утонченным халифом — сорокалетним сухощавым арабом с орлиным профилем, с маленькой головой под белым тюрбаном, красивыми миндалевидными глазами и небольшой черной бородкой, и грузным рыжебородым сельджуком с крупным костяком и громадной головой, круглым плоским лицом с тяжелыми веками и толстыми

губами. В душе Рукн-ад-дин презирал своего духовного владыку, растерявшего былую воинскую мощь Аббасидов, и мечтал о том дне, когда сможет провозгласить себя султаном султанов. Но, как правоверный суннит, он не мог решиться на войну с курджиями без халифского благословения. С своей стороны пронизательный халиф хорошо понимал, какую непоправимую ошибку допустили его предки, приняв в пределы халифата тюрков, идущих напролом к своей заветной цели — верховной власти над всеми правоверными...

Беседа двух мусульманских властителей началась с разговора о безнаказанности подлых исмаилитских убийц отца Насира.

— Собаки! — с горечью говорил халиф. — Нет ни одного разряда людей более зловещих, более преступных, чем этот люд... Да проклянет их аллах! Разве не они убили моего достойного отца? До сих пор кости его тщетно вопиют о мщении...

Рукн-ад-дин сочувственно заметил:

— Да озарит свет аллаха его могилу! Но Аламут — в пределах Азербайджана, и, как я слышал, атабек некогда обещал разрушить это гнездо порока...

Насир недовольно покосился на султана, а тот уже начал с пафосом излагать свои воинственные намерения:

— Курджии вынули голову из ярма покорности и ходят по ковру возмущения, великий халиф! Я намерен их покарать и прибыл в «город благоденствия» испросить благословения наместника пророка на дело веры!

Насир решил отплатить падишаху. Поглаживая небольшую бородку, он ядовито молвил:

— Да, Абу-Бекр также уверял, что собирается покарать курджиев... Приезжал ко мне в Багдад, упросил дать золото и зеленое знамя пророка. Дал я ему и то и другое. Валлах! Где теперь деньги, где священное знамя? Мое золото растрчено на трусливых наемников, а знамя попало в руки презренных курджиев. Каждый день молитвенно прошу аллаха простить мне сей грех!.. Кто вызволит святыню из рук гяуров? — И халиф раздумчиво добавил: — А к стране курджиев добавилось много армянских земель, и сила их весьма возросла...

— Я не прошу золота у великого халифа! — вскипел Рукн-ад-дин.

Положив руку на осыпанный драгоценными камнями эфес сабли, султан с возмущением продолжал:

— Во имя аллаха, как можно сравнивать мое мореподобное воинство с ордами Абу-Бекра?! Двести — триста тысяч закаленных воинов у моих эмиров и беев, много раз разбивали они с помощью аллаха лучшие ромейские и франгские войска!

Насир печально покачал головой:

— То же самое говорил и Абу-Бекр! Да и чем могу я помочь святому делу? Денег тебе не надо, знамени пророка у меня больше нет. Впрочем, к чему оно тебе? В пустынях Хорезма твои славные предки всегда сражались под черным знаменем радости¹...

Руки-ад-дин стоял на своем:

— Благослови мои войска, о великий халиф, и объяви джихад!

В такой благочестивой просьбе Насир отказать султану не мог. Хлопнув в ладоши, он приказал вбежавшему нукеру призвать везиров и улемов. Вскоре обширный зал наполнился придворной знатью и духовными лицами, к которым халиф обратился с речью:

— Во имя аллаха милосердного! Слава Мухаммеду, превосходнейшему из пророков, избраннику аллаха, принесшему священное писание! Так сказал пророк: «Кому нужен свет солнца счастья, тому нужно видеть, как идет кровавый дождь из облаков. У кого меч в ножнах, у того нет порядка в делах...»

Присутствующие благоговейно склонили головы:

— Бисмиллах!

Обращаясь к дивану везиров, халиф пояснил свои слова:

— Аллах, преславный и всемогущий, удостоил нас владеть этим миром, обратив на нас полноту благодетельных. Но не можем мы видеть благо в том, чтобы относиться благодушно к мерзостям, творимым гяурами Гурджистана. Пусть же посредником между великим и могущественным султаном Руки-ад-дином Солейманом, моим «Победоносным помощником», и курджиями будет священный меч веры. Объявляю джихад!

Старцы благоговейно склонили седые головы:

— Да свершится воля аллаха!

¹ У турок черный цвет считался радостным.

Ханека ордена Руфай в Кони походила скорее на крепость, нежели на молитвенную обитель. Незадолго до отъезда Рукн-ад-дина в Багдад в ханеку верхом на сером муле прибыл сам шейх-ул-ислам. Здесь группами, в ожидании зикра¹, восседали в темно-бурых халатах и островерхих шапках дервиши этого могущественного духовного ордена, столь удивлявшие своих почитателей искусством глотания шпaga, огня и прочими опасными фокусами. Спешившись, шейх-ул-ислам сделал неуловимый знак двум пожилым дервишам и двинулся дальше в келью настоятеля, куда вслед за ним явились оба дервиша и простерлись ниц, испрашивая благословение.

Сидя на покрытой ковром тахте и поглаживая длинную, окрашенную хной бороду, шейх повел неторопливую беседу с дервишами:

— Преславный везир везиров Низам-ал-Мульк (да озарит свет аллаха его могилу!) говаривал: «Надо отправлять лазутчиков постоянно во все места под видом купцов, странников, суфиев, продавцов целительных снадобий и нищих. Пусть они сообщают нам обо всем, что услышат в стране неверных, чтобы ничто из дел их никоим образом не оставалось скрытым. А если произойдет какое-либо событие, случится что новое, чтобы мы знали и приняли соответствующие меры». Так учил мудрый везир. Сильный разум и знание противника для государя лучше сильного отряда конницы, так считал великий из великих султан Санджар. И мы будем поступать по их завету... Сабля и ислам — нераздельны! Итак, братья, возьмите в руки свои острые посохи и чаши подаяния и отправляйтесь без замедления к озеру Хилат², откуда через перевал вы доберетесь до главного города неверных арменов — Ани. Там еще уцелела мечеть эмира Манучэ, и вам поможет ее божий служитель. Из Ани вы пройдете в Карс и оттуда вернетесь в Арзрум, где вас будут ждать с сообщениями...

— Пусть великий из великих пошлет в Гурджистан с дарами посольство! И пусть о дружбе и любви его к царице курджиев глаголят уста посла, — удобно откинувшись

¹ Зикр — еженедельное радение дервишей (араб.).

² Озеро Ван.

на шелковых подушках, источал советы медовым голосом шейх-ул-ислам.

— Я против! — вскочив с места, отошел к окну Баралтай.

Руки-ад-дин только вращал зеленоватыми глазами, не вмешиваясь в спор.

— Но пусть достопочтенный Авшар-бек все высматривает по дороге! А к тому времени вернутся и дервиши, посланные в Гурджистан святым шейхом, — вставил свое слово «государев наблюдатель», глава доносчиков при особе падишаха.

Авшар-бек, приосанившись, выступил вперед.

— Никаких даров презренным курджиям! — мрачно изрек Руки-ад-дин. — Пусть Авшар-бек как следует пригрозит им, предложит безоговорочно сдаться на нашу милость. К чему лить кровь правоверных, если можно сломить врага одним появлением грозного исламского войска?

— Но для чего тогда созданы войны аллахом? И разве сдадутся без боя курджии?.. — возмутился бейлербей¹.

Руки-ад-дин оставил без внимания гневную реплику старого полководца, и обрадованный эмир меджлиса отправился готовить свое посольство.

Глава XVI

ГОРЦЫ

Допоздна горели огни в новом дворце. Захарий сидел у распахнутого окна, вдыхая свежий ночной воздух. Вести с запада приходили суровые, надвигалась военная гроза. И нужно было новое решение, необычное. Отлично сознавал амирспасалар, что Руки-ад-дин унаследовал от своего отца, победителя Мириокефалона, лучшую в мире армию и что он не чета атабеку Абу-Бекру. В открытом, регулярном сражении победить Рум было невозможно. «Что бы сделал ты, отец, в таком положении?» Все больше приходил Захарий к убеждению, что только внезапность нападения — стратагема великих полководцев Рима и Византии — может дать победу. «Отправляйся-ка, друг, поближе к границам и местность изучи!»

¹ Бейлербей — главнокомандующий (турк.).

Приняв решение, Захарий быстро набросал письмо и позвал:

— Ростом!

Протягивая запечатанное письмо, амирспасалар коротко приказал:

— Тотчас пошли гонца в Тбилиси. Лично пусть вручит государыне. На рассвете выезжаем в Карс...

Ванаид, где некогда царили карсские Багратиды, в начале XIII века был своеобразной торговой республикой, номинально состоявшей в двойном подданстве и Ани, и Хлата. Захарий считал эту область самым уязвимым звеном обороны и с весны начал планомерно размещать в ней свои войска, не занимая города. Первыми прибыли туманы кипчаков Савалт-хана и стали лагерем в широкой долине на берегу Ахуряна, окруженной горными хребтами, в полдня пути от Карса. Приказав выдвинуть усиленное сторожевое охранение вдоль всего караванного пути к Арзруму, амирспасалар выехал на границу.

В лесистом ущелье, с нависающими над дорогой скалами, солнце уже клонилось к закату, когда на повороте дороги показался конный отряд. Рядом с амирспасаларом на тонконогом скакуне следовал пожилой кипчак в походном кожаном панцире — начальник кипчакского войска Савалт-хана. Сзади ехали пятисотник Ростом, коноводы со сменными конями и небольшой конвой. Вдали на дороге к перевалу показались два путника. Заслышав топот коней, пешеходы остановились и склонились в смиренном приветствии. Подъехав к ним, амирспасалар увидел двух старых дервишей в узорных темно-бурых халатах и шапках, из-под которых выбивались длинные пряди пыльных волос. В руках дервиши держали остроконечные посохи и черные кокосовые чаши для сбора подаяния. Тусклый угрюмый взор стариков остановился на огромной фигуре полководца. Они протянули с мольбою свои чаши, прося милостыню.

— Обыскать! — негромко сказал Захарий, указывая плетью на дервишей.

Тщательный обыск не дал никаких результатов, и дервиши заметно оживились. Ростом внимательно наблюдал за ними. Внезапно вырвав посох у одного из странников, он переломил его на колене. Из разлома палки выпал небольшой пергамент. Дервиш весь посерел и съежился,

как бы в ожидании удара. Савалт-хан взял пергамент и медленно стал разбирать арабскую вязь:

«Около Тифлиза кипчаков один туман, другой туман около Карса...»

— Лазутчики! — спокойно сказал кипчак, прекратив чтение.

Захарий внимательно смотрел на дервишей, которых уже коснулась смертная тень. Во все времена участь пойманного шпиона одинакова — казнь. Он посмотрел на своих спутников — те ждали его приказа. Тронув коня, амирспасалар бросил через плечо Ростому:

— Повесить!

На высшей точке перевала Мецрац, находящейся среди плоских вершин, покрытых негустым сосновым лесом, конный отряд встретил группу горцев. Впереди шагал высокий человек с большим кинжалом у пояса. Поравнявшись с отрядом, горцы остановились.

— Кто вы, добрые люди? — спросил Захарий по-армянски.

— Из Басена мы, парон... Я — Ваган из села Кош. А это со мной — выборные ходоки других селений. Идем в Карс разузнать, какие дела на белом свете творятся, что делать бедным горцам. Из Арзрума пришли наши люди, говорят, весь город забит войсками султана. И проход Болорпахак уже занят сельджуками...

Амирспасалар внимательно выслушал степенную речь ходока. Сойдя с коня, он уселся на придорожном камне. Остальные всадники тоже спешили. Горцы, насупившись, стали полукругом перед амирспасаларом.

— Знаешь ли, кто я, Ваган? — задал вопрос правитель Армении.

— Нет, парон, того не ведаю, — ответил Ваган.

— Я — шаханшах Закарэ из Ани, — объяснил великан.

Сельчане поспешно скинули папахи, а Ваган с низким поклоном молвил:

— Да будем мы жертвой за тебя, государь! Много слышаны о воинских подвигах твоих великих. Приказывай! Не уроним слова твоего наземь...

— Какие дороги ведут от сего перевала в Басен? — подумав, спросил Захарий.

— Две дороги отсюда ведут в нашу область, государь. Одна проходит через Мжнкерт до самого Болорпахака, все по армянской земле, и через мост на Ерасхе приводит в

Даройнк. Но крепость и мост уже крепко охраняются сельджуками — не пройти там и не проехать! Другая дорога, через Зивинберд, прямо к нашим селам по горным ущельям ведет. Здесь врагов пока нет, наши молодцы охраняют проходы, — рассказывал Ваган.

Захарий встал с камня и, садясь снова на коня, сказал:

— Едем к тебе в гости, Ваган. Сумеешь незаметно провести нас до своего села?

— Сумею, государь!

Миновав стоящий на высокой башнеобразной скале пограничный замок Зивин, занятый небольшим кипчакским гарнизоном, конный отряд углубился в узкое лесистое ущелье. Наступила ночь. В кромешной темноте раздавался мерный топот коней по каменистой тропе. Изредка возникали каменные ограды селений и звучал тревожный окрик на армянском языке:

— Кто идет?

— Свои, свои! — откликнулись голоса из отряда.

Горец Ваган бесшумно двигался впереди коня амирспасалара. Из-за острого пика выскользнул блестящий лик луны и осветил горный ландшафт. Высокие сосны и скалы отбрасывали причудливые тени на горную тропу. Но вот исчезла и она. Захарий обеспокоенно спросил:

— Не сбились мы с дороги, Ваган?

Горец, взяв под уздцы его коня, спокойно ответил:

— Нет, государь. Слышишь брех собак, это наш Кош.

Небольшое селение, как ласточкино гнездо, прилепилось к склону горы. И здесь бодрствовала стража крестьян. Приезд неожиданных гостей в убогое жилище Вагана поднял всех домочадцев на ноги. У Ростомы во вьюках нашлись свечи, и при их мерцающем свете хижина стала наполняться сельчанами. Но Ваган не допустил никаких разговоров.

— Люди, дайте отдохнуть гостю!..

Но и утром не удалось поговорить горцам с приезжим военачальником. Чуть свет он уехал верхом в сопровождении Вагана и Савалт-хана по дороге, ведущей вниз, к селению Патижван. У выхода из горного ущелья Ваган остановил коня:

— Дальше ехать опасно, государь, можно нарваться на сельджуков.

Справа от горной тропы виднелся большой утес с отлогим склоном.

— С той горы проглядывается Даройнк, Ваган? — спросил Захарий.

— Да, государь.

— Поедем на гору, хан! — предложил Савалту амирспасалар.

Солнце находилось еще за хребтом, и вся Басенская равнина тонула в предутренней мгле. Справа, на караванном пути, далеко маячила плоская скала, увенчанная огромным замком. Словно злая хищная птица вцепилась в вершину гранитного утеса, вперив узкие щели бойниц массивных башен в сторону Армении. Это и был знаменитый Басенский замок — ключ к Арзруму. У его подножья лежал небольшой городок с армянским населением — Даройнк.

Из-за гор брызнули первые лучи и осветили черное знамя Рума с двуглавым орлом на главной башне.

— Я думаю, Савалт-хан, что прежде чем перейти в наступление, Нукардин даст отдых войскам именно здесь, — показал рукой Захарий на равнину перед утесом.

— Для конницы удобная стоянка. Травы много и вода недалеко, — согласился малоречивый кипчак.

— Нет ли по дороге русл рек или канав поперечных, Ваган? — спросил амирспасалар.

— Ровное место до самого Даройнка, государь. Не помешает твоей коннице, — догадался горец.

— Так...

Долго вглядывался амирспасалар в лежащую как на ладони местность. Стал размышлять вслух:

— Через теснины Болорпахака нам не пробиться, сотня умелых стрелков остановит в ущелье нашу конницу, даст возможность Нукардину развернуть свои силы...

— Конечно, остановит! — как эхо отозвался Савалт-хан.

— Значит...

Захарий умолк, потом, обернувшись, спросил:

— А нет ли обходной горной дороги в тыл Даройнку, Ваган?

— Есть, государь, мимо горы Воскеанк, — ответил Ваган.

— Хорошо. Едем туда, Савалт-хан!

Объездив на сменных конях все горные тропы над равниной, амирспасалар поздно вечером вернулся в Кош и, утомленный, заснул богатырским сном. Наутро у него со-

стоялся долгий разговор с хозяином дома. Сидя на завалинке, Захарий расспрашивал:

— Платите джизию эмиру?

— Нет, государь, давно отказались. Попробовали было сунуться сборщики налогов из Арзрума, так мы их взащей выгнали! — усмехнулся Ваган.

— Так-так! А эмир что на это ответил?

— Все собирался нукеров прислать, селения разорить грозился. Ну да нукеров у него немного, на все села не хватит. Да мы их встретили бы по-своему. Вот только оружия мало, — пожаловался Ваган.

— А остальные подати выплачиваете? — интересовался Захарий.

— Сколько по закону положено, столько и даем, — овцу с каждого десятка, масла литру с коровы, да и все остальное. Сами привозим и сдаем даройнскому мухта-сибу, — объяснял Ваган.

Амирспасалар долго смотрел вдаль на равнину, прежде чем заговорить:

— Я тебе верю, Ваган! Знай, султанцы не постесняются полезть к вам в горы. Это тебе не арзрумский слюнтяй-эмир! А горы ваши мне нужны, ох как нужны, и нельзя к ним допускать сельджуков, пока я не подойду с войском. Понимаешь, Ваган?

Горец утвердительно кивнул головой.

— Но об этом ни слова. Даже отцу родному. Говоришь, оружия у тебя маловато? Как вернусь в Ани, тотчас приплю пару десятков арб с пиками и мечами; вооружи людей, расставь караулы. Да костры пусть почаще на вершинах чабаны разводят... Так нужно, потом объясню! Отбери надежных молодцов и сам отправляйся в Зивинберд, там и дожидайтесь меня. Послужите проводниками войску. Вот тебе сто золотых на пропитание людей.

Ваган посмотрел прямо в глаза амирспасалару:

— Не надо денег, государь! Не для того народ поднимается. А оружие пошли побольше и поскорее!

— Добро. А теперь зови сельчан, я хочу с ними побеседовать.

Улица перед домом стала понемногу заполняться сельчанами. Захарий продолжал сидеть на завалинке.

— Все здесь, государь! — объявил Ваган.

Захарий громко сказал:

— Здравствуйте, добрые люди!

Горцы, скинув папахи, отвечали нестройно. Удобнее усевшись на завалинке, Захарий продолжал:

— Вновь идет гроза божья на земли христианские, люди! Хоть и несладко вам под чужеземным владычеством, но не трогал эмир басенских смельчаков, только все грозился. Так ведь?

— Так, государь! — ответил за всех Ваган.

— А вот сельджукский султан мешкать с вами не будет: вмиг разорит, разграбит, уведет в полон. Вы не помните, конечно, как поступали его предки с вашими дедками...

— Дед Артак помнит! — прервал пожилой горец.

— Вот как! Ваган, пошли людей за старцем, — распорядился Захарий.

Сто лет давно минуло старому Артаку, но по-прежнему тверда поступь и по-молодому глядят глаза.

— Садись рядом со мной, дедушка. Расскажи внукам и правнукам, как обращаются башибузуки с народом армянским, — ласково обратился Захарий к старику. Поник головой старый горец. Потом заговорил:

— Все было, люди! И пожары, и убийство невинных детей, и насилия, и разорение полное. Взрослых мужчин, что в живых остались, и красивейших девушек — всех угнали в Арзрум вместе со скотом. И некому было защитить нас! Пароны-то с дружинами своими убежали, от врага спасаясь...

Захарий нахмурился при последних словах. Встав во весь гигантский рост, он перебил старца:

— Все верно! Но на этот раз есть кому вас защитить, люди! На всякий случай запасайтесь хлебом и отводите на летовки семьи и отары. Долго не придется вам терпеть нужду в горах, до зимы кончим мы воевать!

— А разобьешь ли врага? — тихо спросил Артак.

— С божьей помощью надеюсь, дедушка, — твердо ответил Захарий.

Старик с трудом опустил на колени. Обнажив седую голову, он истово перекрестился, глядя на синее небо, и, обращаясь к Захарью, дрожащим от волнения голосом воскликнул:

— Да благословит господь твой меч! Оборои землю родную...

После отъезда Захария и Савалт-хана во все стороны помчались из Коша гонцы. Темными ночами, с риском для

жизни, они спускались и на равнину, добирались до Даройнка (вокруг которого уже рыскали сельджукские разъезды), узнавали о вражеских войсках. Видели посланцев Вагана и в далеких горных селениях, где их с большим вниманием выслушивали жители и тотчас же отряжали самых крепких мужей в Зивинберд. Там уже обосновался со своим небольшим отрядом Ваган. Хорошо усвоил горный вождь, чего ожидает от него амирспасалар, и создал непроницаемый заслон во всех горных проходах, ведущих к селениям Кош, Джермук, Хоран и Мукнариндж — центр Басенского нагорья.

— Птица без вашего ведома пролететь не должна! — напутствовал караульчиков Ваган. — Не щадите врага...

Начали бесследно исчезать вражеские всадники — целые патрули, которые, не довольствуясь грабежами на равнине, пытались проникнуть и к горным деревням, где стали часто гореть тревожные огни костров. Дождавшись обещанного оружия из Ани, Ваган вооружил им отборных молодцов и с нетерпением поглядывал на Карсскую дорогу. Там с часу на час должны были появиться полки амирспасалара.

Г л а в а XVIII

ВЕЛИКИЙ ШИЛЯН

Севастия, бывшая столица гордых Данишмендов, соперников дома Сельджука в прошлом, а ныне их вассалов, насчитывала сто двадцать тысяч жителей — больше, чем столица Рума. В центре города возвышался дворец, возведенный знаменитым Мухаммедом Гази. Здесь и остановился со своей многочисленной свитой Рукн-ад-дин.

Соблюдая обычаи, Рукн-ад-дин перед походом задал большой военный пир — шиян, на котором могли присутствовать лишь знатнейшие вельможи — эмиры и беи огузских племен, крупные ленники и гвардейские начальники. Военная знать размещалась за длинными столами строго по старшинству, согласно правилам «Огуз-намэ». На особом возвышении — стол султана, около которого чинно стояли «отведыватели кушаний». Напротив располагался восточный оркестр — лютни, арфы, трубы, флейты, барабаны. На столах были навалены грудями жареные

бараны, крупная дичь, голуби, куропатки и куры; большие золотые и серебряные кувшины были полны вином и кумысом. Все присутствующие молча сидели, ожидая прибытия падишаха.

Рукн-ад-дин приехал на шилин оживленный, прямо из арсенала, где проверял осадные машины и оружие. Впереди скакала сотня огланов, разгоняя плетью народ. У дворцового входа султана встретил эмир двора. Благоговейно облобызав золотое стремя, он помог грузному султану сойти с коня и проводил его к главным воротам, которые охраняли гулямы в серебряных бронях, с золотыми щитами и шлемами, вооруженные короткими дротиками.

Пиршество Рукн-ад-дин начал многозначительными обещаниями. Он сулил эмирам и беям богатейшую добычу, обширные земельные владения в покоренном Казахе.

— Аллах да дарует долголетие великому из великих! Да будут все враги сражены и поработаны его мирозавоевательным мечом! Гнев падишаха сожжет гяуров! От них не останется и пепла... Дождь несчастья прольется над неверными! — выкрикивали, перебивая друг друга, беи. — Во имя аллаха милостивого и милосердного! О могущественнейший, победоносный, веди нас к Рассу¹! — ревели эмиры и беи, вскочив на ноги.

Султан счел нужным предостеречь беев от опрометчивых действий:

— Помните, беи, гяуры нечистой веры коварны и вероломны! Чтобы победить неверных, мы должны быть всегда сильнее их в том месте, где с ними встретимся. Что сделали неразумные эмиры Ил-Гази и Дубайс в благословенный год гиджры 517-й², когда под их началом сто и больше тысяч наездников двинулись на Гурджистан? Бросившись грабить пограничные земли, они распылили великую силу! Одна лишь треть доблестных защитников веры сразилась в битве с курджиями близ Тифлиза и потерпела поражение от их гнусного тагавора Давуда. Но мы не повторим эту ошибку, беи! — заключил Рукн-ад-дин и мановением руки дал знак приступить к пиршеству.

Пронзительные звуки огласили зал. Со времен султана

¹ Аракс (тюрк.).

² В 1122 году.

Санджара в сельджукской музыке преобладали «санджари», возбуждавшие воинов к бою. В промежутках узаны¹ пели песни о великих подвигах султанов и богатырей-алпов. О том же повествовали сменявшие их меддахи².

Между двумя беями вспыхнул ожесточенный спор за место у стола. Бей уже вцепились в крашенные хной бороды, насилиу разнял их эмир меджлиса. Но падишах продолжал пребывать в хорошем настроении и не наказал строптивцев. Он только приказал узану спеть ясу, составленную легендарным прародителем сельджуков Огуз-ханом. Старый певец запел слабым голосом, перебирая пальцами струны кобзы, о порядке старшинства.

Шилян шел своим ходом. Падишах был весел, пил кумыс большими чашами и охотно беседовал с приближенными. Разговор, как обычно, шел о войне и военных обычаях.

— Надо нападать на неверных всякий раз, когда представится случай, бей! — поучал Рукн-ад-дин.

— Ва-алла! — с восторгом поддакивали бей. Предстоящий поход представлялся военной прогулкой, сулящей большую добычу и новые владения.

Тщеславный Авшар-бек, приготовившись к поездке к курджиям, прибыл на шилян, опоясавшись знаменитой дамасской саблей. Проницательный взор бейлербея сразу заметил обновку:

— Приобрел новый булат, Авшар-бек?

Эмир, важно огладив холеную бороду, хвастливо сказал:

— Да, высокородный Изз-ад-дин-бей! По милости аллаха подвернулся счастливый случай. Сабля любому властителю под стать...

Рукн-ад-дин услышал неосторожные слова эмира меджлиса:

— Ты сильно расхвастался своим оружием, Авшар-бек. Покажи же своему повелителю меч, по твоим словам, достойный султанов!

Султан самолично вытащил из ножен диковинный клинок и, изумившись, потребовал барана для пробной рубки. Что оставалось делать бедному Авшар-беку? Став на колени, он униженно забормотал:

¹ Узан — певец, акын (тюрк.).

² Меддах — рассказчик (тюрк.).

— Живи вечно, о великий из великих, и прими скромный дар от твоего верного слуги!

Старый меддах Коркут под звон ножей и бульканье льющегося из кувшинов вина стал рассказывать бывальщину:

— Султан мой! Если, раскрыв уста, стану славить, алаху над нами слава! Главе веры, Мухаммеду, слава! В низком месте построенному дому божьему — Мекке — слава! Родителю твоему, несравненному «Мечу-Льву»¹ слава!

— Однажды сын Улаша, лев племени и рода, тигр черной толпы, хозяин каурого коня, отец хана Уруза, зять Баяндур-хана и счастье всех огузов — Казан-бек встал со своего места, велел поставить на черную землю свои девяносто златоверхих шатров, велел разложить в девяносто десяти местах пестрые шелковые ковры. В восьмидесяти местах были приготовлены кувшины, были поставлены золотые чаши; девять чернооких прекрасных красавиц, дочерей гяуров, с волосами, ниспадавшими на спину, с красными пуговицами на груди, с руками, раскрашенными хной от самой кисти, подавали кубки бекам. И пили они. После долгого пира ударило крепкое вино в голову хана ханов, хану Казану, опустился он на свои крепкие колени и сказал: «Внемлите моему голосу, беки! Выслушайте мое слово, беки! От долгого лежания заболели у нас бока, от долгого сидения иссох у нас стан. Пойдемте же, беки, устроим охоту, станем поднимать птиц, станем поражать ланей и диких коз, вернемся, расположимся в своих шатрах, станем есть, пить и весело проводить время!» Когда он так сказал, Арудж-Ходжа, воспитатель Казана, по широким устам подобный коню, опустился на оба свои колена и говорит: «Господин мой Казан, у прохода в Гурджистан сидят люди нечистой веры; кого ты поставишь вместо себя над ордой?» И сказал Казан: «Пусть над моим жилищем останется сын мой Уруз с тремястами джигитов». Велел он подвести своего каурого коня и сел на него. Остальные беки огузов тоже сели на коней, и пестрое войско вышло на охоту.

Проведал об этом разведчик гяуров из крепости Ахалцих, пошел, принес весть злейшему из гяуров тагавору. Семь тысяч черноволосых гяуров, врагов веры, в кафта-

¹ «Меч-Лев» — Килич-Арслан (тюрк.).

нах из собачьей кожи, разорванных сзади до половины, сели на своих пегих коней, чтобы совершить набег; в полночь пришли они к орде Казан-бека, его златоверхие шатры разрушили, его дочь-невесту подобно гусю заставили кричать, на табуны его быстрых коней вскочили, его красных верблюдов угнали, а сына его — Уруз-бека с тремястами джигитами со связанными руками и ярмом на шее в плен увели...»¹

Руки-ад-дин ударил кулаком по столу, расплескав кубки, и грозно крикнул меддаху:

— Что за небылицу несешь, старый верблюд! Как мог доблестный бек-огуз сдаться без боя в плен гяурам нечистой веры?

— Султан мой! — взмолился перепуганный меддах, — дай срок, все расскажу твоему величеству, как заставили огузы кричать гяуров — врагов веры — на остриях своих пестрых копий, как их сбросили с коней на землю и пролили их алую кровь. Выручил Казан-хан отрока своего, триста джигитов пали в бою мучениками, но их подвиг за веру оказался благословенным, полной победой...

Но уже к султанскому столу, искусно пробираясь между восседающими за столами беями, подходил придворный звездочет, держа в правой руке большой пергамент. Гороскопы астрологов играли большую роль при средневековых дворах, и султан сразу перестал интересоваться подвигами легендарного Казан-бека. Звездочет с низким поклоном протянул пергамент Руки-ад-дину. Тот покосился на непонятные астрологические знаки и коротко спросил звездочета:

— Когда?

— Наилучший день — через два солнца, о великий из величайших! — таинственно шепнул астролог.

Руки-ад-дин удовлетворенно кивнул и через эмира двора предложил бейлербею Изз-ад-дину, начальствующему над всеми войсками, неслыханную почесть — сесть за султанский стол. Все присутствующие поняли — благоприятный день великого похода на Гурджистан наконец-то указан небесными светилами...

¹ Рассказ меддаха дан по народному эпосу «Деде коркут», перевод В. В. Бартольда, Баку, изд. АН Азербайджанской ССР.

УДАР АМИРСПАСАЛАРА

На городском базаре Севастии с недавних пор появился новый купец из Адалии — немолодой мужчина в высоком колпаке и узком черном кафтане, подпоясанном чеканным серебряным поясом. Бледное лицо его освещали тревожные умные глаза. Купец ничего не покупал и не продавал, дожидаясь предстоящего падения цен на рабов после победы над гяурами. Сидя пока без дела, купец развлекался. Часто видали его, после омовения в одной из бань многолюдного города, за сочным кебабом в соседней харчевне в обществе именитых защитников веры. Сотники и пятисотники охотно принимали угощение тароватого левантинца. После пары кувшинов доброго трапезунтского вина раскрывались их сердца и охотно шли они на распросы любознательного купца.

— Двадцать четыре племени насчитывают огузы, другой. И каждое из них выставляет один туман, а племя кыпик — даже четыре тумана всадников, — со знанием дела повествовал пятисотник гвардейских сипахов Ахмед.

— Ва-алла! Что бы делал падишах без огузов? — неосторожно вставил слово адалиец.

— Пхе! Огузы хороши лишь для охраны рубежей и грабежей, — пренебрежительно выпятил губу сипах. — А для сечи с латниками франгов или курджиев надобна кольчугоносная конница. Поэтому со времен Малик-шаха в центре войска всегда располагаются конные сипахи и гулямы падишаха. Вот и я всегда сражаюсь посреди войска! — горделиво заявил Ахмед.

Адалиец тарачил глаза от удивления. Наполнив кубки доверху, он возгласил здравицу за султана:

— Да будет он вечен и велик! Слышал я, что от ваших молодцов прячется сама смерть и ангелы бегут от них!

Ахмед приосанился. Выпив залпом весь кубок, он продолжал:

— Гулямов (их четыре тысячи) с детства готовят к войне, так же как и тысячу отборных бекских детей. А к ним можешь присчитать пятьсот варангов и афганов наемных, да две сотни огланов охраны из Хорасана и Дейлема. Вот каково личное войско падишаха! А кроме сипахов и огузов есть тысячи и тысячи других конни-

ков, — продолжал хвастаться пятисотник. — Например, курды из Верхнего Двуречья¹ — племена кельхор, мамаш, мангури, мандан... всех не упомнишь.

— А огузы, те где в битве пребывают? — уже заплетаящимся языком спросил адалиец и икнул.

— Да говорят тебе, на правом и левом крыле. Правым командует бей племени кайи, а левым — бей племени бай-индур. Какой ты непонятливый! Впрочем, что смыслит купец в ратном деле? — заключил Ахмед. — Давай-ка лучше допьем кувшин этого неплохого вина да отправимся к старому Фатали. Говорят, прибыли к нему новые ар-фистки...

Оставив Савалт-хана в Карском лагере, амирспасалар возвращался в Анн. После долгих скитаний в горах он чувствовал большую усталость, тревожили думы о предстоящем грозном столкновении с султанскими полчищами. Проехав через городские ворота, амирспасалар отослал Ростома в Вышгород, а сам направил коня к новому дворцу. Не успел Израэл начать докладывать о неотложных делах, как из Вышгорода прискакал пятисотник с вестями из Севастии. Грозные события нарастали. Хетумян спешил и был вынужден доверить очередное донесение крылатому гонцу. Быстро примчался в родную голубятню в Вышгороде крапчатый голубь и принес под крылом небольшой кусок тонкого пергамента:

«Я в Севастии. Чауши без усталости гонятся по моим пяткам. Султан с главными беями здесь, самолично проверял в арсенале манджаники², их много припасено для осады Ани и Тбилиси. Ежедневно в султанский лагерь прибывают со всех мест войска. Гулямов гвардии и огланов — шесть тысяч тяжело вооруженных всадников. Султан уже тайно разослал всем беям приказ выступить с обильным войском (конным и пешим), захватив манджаники и тараны, и собраться в Севастии с шестимесячным продовольствием и с палатками. Поставщики мяса считают, что в лагере одних огузов набралось сто тысяч, а сипахов и курдов не меньше. Со дня на день ждут выступления в поход. А войска эмиров Мардина и Джезиры, а также га-

¹ Верхняя Месопотамия.

² Манджаники — камнеметы (араб.).

зии из Мосула пойдут прямо на Муш и Болорпахакский мост на соединение в Басене с султаном. Я уезжаю в Ерзнка».

— Яснее не напишешь, — задумчиво проговорил Захарий. — Золотой человек Гарегин! Недаром считал его покойный Заал Саварсалидзе своим лучшим выучеником... Видно, до боев остались считанные дни, надо спешить встретиться с Нукардином до соединения всех его войск. Вели седлать коней, Ростом, едем в Вардзию к царице...

В пещерном покое царицы, перекрытом ложными сводами, все стены и потолок были сплошь затянуты шелковыми тканями. Бархатная дорожка покрывала ступени входа, огромный персидский ковер раскинулся на всю комнату. В алькове, за занавесью, помещалось ложе.

Тамар сидела на низкой тахте около пробитого в туфовой толще окна и смотрела вниз, на цветущую Хертвисскую долину, откуда доносился глухой рокот разлившейся после летних дождей реки. В покой вошел предшествуемый пажем Захарий, только что прискакавший из Ани. Полководец был в походной одежде и в высоких, забрызганных дорожной грязью сапогах. Царица поняла, амирспасалар прибыл с важными новостями и потому пренебрег этикетом. Сняв головной убор, Захарий склонился в почтительном поклоне.

— Добро пожаловать в Вардзию, Закарэ! — ласково молвила царица. — Сядь около меня и расскажи, что делается на границе...

— Важные вести из Севастии от нашего лазутчика, государыня. Вот что я получил два дня назад по голубиной почте.

Прочитав тревожное сообщение Хетумяна, Тамар подняла глаза на амирспасалара:

— Что намерен предпринять, Закарэ?

— Разведку в Басене я произвел, место для битвы нашел подходящее. Уже послан гонец в Тбилиси государю Давиду с просьбой поспешить в Карсский лагерь с гвардией, аланами и ополчениями Картли и Кахети. Латники Вачутяна из Ани уже выступили, а нашу родовую конницу из Сомхити ведут Мушег Мамиконян и брат Иванэ. Имеров и месхов через перевал Ркинис-Джвари приведет

Чиабер Торели. Сам я завтра утром еду обратно в лагерь, — докладывал Захарий.

В покой с перепуганным видом вбежал дежурный эджиб:

— Великая государыня, тревога! Со стороны Хертвиси видны два столба дыма. Враги идут!

Тревога оказалась ложной. Из Ахалкалаки по Хертвискому ущелью следовало в Вардзию посольство от Рукнадина, и отъезд амирспасалара был отсрочен на сутки.

Прибытие посольства Рума в Вардзию накануне войны было явлением необычайным и удивительным. Захарий с удовольствием вспомнил, что велел Савалт-хану окружить лагерь и все к нему ведущие дороги непроницаемым заслоном подвижных караулов. «А войска стягиваются в лагерь под ночным покровом»... Выйдя из покоя, он стал наблюдать за долиной. Рядом стоял князь Караман — амирэджиби двора. У тропы, ведущей в крепость, большая группа всадников препиралась со стражей.

— Посмотри, князь Караман, сколько вооруженных нукеров прибыло с послом! — молвил амирспасалар.

— А вьюков с дарами что-то я не вижу, — недовольно пробурчал амирэджиби. — Какое же посольство без даров — одно бесчестие! И принимать-то его не следует...

— На самом деле, вьюков нет, — подтвердил амирспасалар. — Раз так, вели пропустить в Вардзию одного посла с толмачом. А свита посольская пусть на солнцепеке посидит. И послу покой отведите поплоше...

Прием султанского посла в Вардзии происходил в зале совещаний, просторном покое со сводчатым потолком, великолепным колонным входом и с каменными сиденьями вдоль стен. Стены и свод зала сплошь затянуты парчовыми тканями, пол застлан анийскими и персидскими коврами. В золотых курильницах медленно тлели восточные благовония. Царица Тамар сидела под балдахином на золотом троне в византийском царском одеянии — длинном тяжелом далматике глубокого синего цвета, отделанном внизу золотой каймой, с оплечьем и воротником, украшенными синими сапфирами и кроваво-красными рубинами. Справа от трона, в парадных мантиях и белых клобуках с алмазными крестами, с пастырскими жезлами из слоновой кости в руках, восседали в резных креслах католикос Тевдорэ и высокопреосвященный Антоний. У самого трона царицы, в придворном одеянии красновато-коричневого цвета

с низкой талией, в сафьяновых сапогах без каблучков, вызвался амирспасалар. Придворная знать во главе с престарелым Рати Сурамели по старшинству сидела на каменных скамьях, накрытых коврами.

В зале воцарилась тишина. Государственный герольд с большим мечом на золотой перевязи через плечо, выступив вперед, громко возгласил:

— Посол великого султана Рума!

В зал с надменным видом вошел тучный сельджук в золотом кафтане и с пышным тюрбаном на голове, сопровождаемый толмачом. Приблизившись к трону, посол отвесил небрежный поклон. Тамар слегка наклонила увенчанную короной голову. По залу прокатился ропот. «А где же дары? Почему не вносят их с выкриками?» — сразу приметили придворные.

Сельджук буркнул несколько слов по-тюркски. Толмач перевел:

— Царица курджиев Тамар!

Ропот усилился, — титул повелительницы Картли давался нарочито неправильно. Преосвященный Антоний удивленно поднял густые брови. Желваки начали играть на лице амирспасалара, он опустил большую руку на золотой эфес сабли.

Толмач невозмутимо переводил:

— Высочайший, уподобленный могущественным ангелам, стоящим у престола аллаха, великий султан Рума и всего Востока, Рукн-ад-дин Солейман-шах посылает тебе письмо, которое повелел зачитать мне, его послу, Авшар-беку...

Тамар спокойно вымолвила:

— Читай письмо, посол!

Авшар-бек, важно выпятив губы, взял у толмача большой пергамент с султанской тугрой¹, стал громко зачитывать. Толмач скороговоркой переводил:

— «Я, Рукн-ад-дин Солейман-шах, великий султан Кони и властитель всех земель, находящихся на востоке и в северной стране, а также великой Каппадокии, повелитель побережья, совосседающий с аллахом, истребитель неверных многобожников, явленный великим Мухаммедом, уведомляю царицу курджиев Тамар — да знает она: всякая женщина разумом бедна...»

¹ Тугра — печать (тюрк.).

Оглушительный шум в зале прервал чтение оскорбительного послания. Все присутствующие вскочили со своих сидений. Амирспасалар сделал шаг вперед, к послу. Бледная, с горящими глазами Тамар подняла руку:

— Продолжай читать, посол!

— «...Повелела ты своим носящим черную одежду гяурам, что ездят верхом на пегих конях, пролить праведную кровь мусульман. Знай, теперь иду я покарать тебя и народ твой, чтобы никогда больше не дерзали вы братья за меч, который аллах даровал нам одним. Впрочем, если ты, Тамар, свою нечистую веру отвергнешь, я возьму тебя в жены. Если же не отвергнешь, то возьму в наложницы...»

— Собака!

Авшар-бек вознесся от мощного удара и недвижимой тушей распластался на ковре.

— Закарэ! — в отчаянии крикнула царица.

Но уже было поздно. Прислужники спешно выносили из зала бесчувственное тело Авшар-бека. Захарий с виноватым видом обернулся к трону:

— Прости, великая государыня!

Весь двор стоя приветствовал полководца. Неизъяснимо блестяли глаза царицы...

— Все равно война уже началась! — спокойным тоном добавил Захарий и, подойдя к трону, преклонил колена, поцеловал дрожащую от волнения руку Тамар.

С трудом привели в чувство Авшар-бека придворные лекари. Князь Караман, презрительно крутя длинный ус, процедил, обращаясь к лежащему на постели и стонущему эмиру:

— Ты подобен ослу, завязшему в грязи! И да пожелтеет тот, кто тебя прислал к нам... Не будь ты послом, надлежало бы сначала вырезать тебе язык за подлые слова, а потом и голову отсечь. Вот, прими подарок от царицы великой, велела дать не в честь тебе, а за побой!

Султанское посольство из Вардзии сопровождал почетный конвой — крупный конный отряд пятисотника Ростом. Ему поручалось проводить посла со свитой до границы, не допуская никаких общений с населением, и одновременно закрыть караулами всякое движение по караванному пути в сторону Арзрума. Когда посольство приблизилось к перевалу Мецрац, Ростом не удержался и, указывая плетью на два висевших на соснах трупа дервишей, язвительно сказал едущему рядом толмачу:

— Смотри, ходжа, как принимают у нас лазутчиков!
Авшар-бек заскрежетал от досады зубами, когда толмач перевел слова пятисотника. Всю дорогу эмир ехал в мрачном настроении, предвкушая встречу с грозным властелином. Передав посольство сельджукской заставе в теснинах Болорпахака, Ростом вернулся в Ани.

С угрюмым видом выслушал султан доклад своего посла. Авшар-бек с великим удовольствием скрыл бы от повелителя полученные побои, но остерегся — в каждом посольстве были «очи и уши» государевы. Изобразив удар амирспасалара как коварное нападение презренного курджия, эмир не преминул красочно описать, какой испуг у гяуров вызвало грозное послание падишаха. Рукн-ад-дин резко оборвал его велеречивые заверения:

— Что ты врешь, подлый трус! Разве бейлербей курджиев осмелился бы тогда тронуть моего посланника? Пусть только аллах дарует мне встречу с этим убудюком... А ты, собака, прочь с глаз моих!

Глава XIX

КАРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Глава торгового дома задумчиво перебирал зерна черно-бурого цвета. Напротив Бахтагека сидел государев казначей и внимательно смотрел на зерна.

— То высушенный червец с Араратской долины, из которого мои мастера изготавливают вордан-кармир! — Со вздохом бросив кучку зерен в холщовый мешок, купец встал и подошел к одному из кованных сундуков вдоль стен обширной горницы. Со звоном отпер сундук и вынул замшевый тючок, высыпал осторожно на лист пергамента ярко-красный порошок.

— А это и есть императорский пурпур, что только у нас водится. Все запасы мира в этих сундуках!.. А цены на краску все растут, пишут верные люди из Франгистана. Толку что? Перехватил султан все караванные дороги, как повезешь товар на запад? — жаловался Бахтагек.

— Да. Султан уже в Ерзнка. И дороги в Трапезунт и в Киликию нет, — лаконично ответил Израэл.

— Великий боже, дай победу шаханшаху нашему! — горячо воззвал Бахтагек. — Пропадет Ани без торговли...

Исраэл мрачно ответил:

— Забываешь, Аветик-ага, что, ежели шаханшах не победит, через неделю загарцуют сипахи перед стенами Ани... А тогда конец! Повторятся дни кровавые Малик-шаха.

Бахтагек с ужасом воззрился на казначея.

— Государь в лагере, близ Карса. И приказ прислал строгий — спешно вооружить и направить в лагерь анийские отряды с запасами пищи достаточными и с палатками. Собирай старейшин городских, Аветик-ага, и незамедлительно выполняйте государево распоряжение, — озабоченно говорил Исраэл. Встав с кресла, он многозначительно добавил:

— Все на алтарь отечества в сей грозный час должны возложить анийцы! Имущество свое и животы, если придется...

— Конечно, конечно! Тотчас пошлю к старейшинам — и градским и ремесленным. Вместе обсудим дело и выполним требование шаханшаха! — заверял Бахтагек и, не удержавшись, горестно возопил:

— Но какие убытки, парон Исраэл! Хоть бы война поскорее окончилась...

Не на шутку встревожились анийцы, услышав с воротной башни протяжный глас сторожей:

— Конница из Мрена идет! Пыль столбом на дороге!

Тревога скоро рассеялась. От двойного моста через Ахурян вынесся всадник. Задрвав черную бороду к воротной башне, он заорал:

— Анийцы! Конница из Гарни!

Еще поднимались по крутому подъему к городу из ущелья панцирники Вачутяна, как вновь поднялась пыль на дороге со стороны Оромоса — подходила лорийская конница. Ее вел Мушег Мамиконян.

Не протолкаться в харчевне на рынке в этот вечер. Все столы были заняты. В чаду от шашлыков вдвое больше обычного пили анийцы и не затухали горячие споры.

— Война, брат Месроп! Все, как один, — на врага! — горланил торговец соседу.

— Почему война, где султан, Мирджан? — заплетающимся языком отвечал Месроп.

— А тебе нужно самолично видеть султанцев под стенами, треск манджаников слышать? — петухом наскакивал Мирджан на кума Месропа.

Кум пьяно воззрился на Мирджана:

— Коли так, давай мне пику, коня давай!

— Ха-ха-ха! Подумаешь, богатырь какой нашелся! — захохотал за соседним столом ремесленник. — А война-то все из-за вас, купцов! Для вас захватил шаханшах Трапезунт, чтобы удобнее товары возить да мошну потуже набивать.

— Ослиная челюсть! — взорвался Мирджан. — Да как ты смеешь осуждать нашего государя? Да кабы не мы, сидел бы ты, собачий сын, в своей вонючей мастерской без дела.

— От осла слышу! — огрызнулся ремесленник. Мирджан полез с кулаками. Насилу разняли соседи. В спор вмешался пожилой горожанин, по виду писец.

— Слушайте меня, анийцы! И ты, Мирджан, и ты, добрый человек! Какой город без торговли? И какая торговля без ремесленников искусных, спрашиваю? А кормит всех нас — землешец. Каждому свое! Вот ты, например, что изготавливаешь, друг?

— Ковры шелковые... — буркнул ремесленник.

— Да разве ты их много продашь здесь в Ани? А купец купит их у тебя...

— За полцены! — зло перебил ремесленник.

— И повезет за моря, там продаст, — продолжал писец.

— С выгодой двойной, — не унимался ткач. — Вот для этого и отвоевали ему Трапезунт!

Писец развел руками:

— Конечно, сам ты не повезешь, денег не хватит!

— Вот я и говорю, не надо было трогать султана... — сумрачно молвил ремесленник.

— Значит, отдать сельджукам все пути торговые и превратить Ани в деревню простую? А нам тогда на землю возвращаться? А земли-то свободной нет — вся в руках ишханов и монастырей, и придется стать всем нам, свободным людям, крестными. Так, что ли?

Все умолкли. Писец продолжал негромким голосом:

— А у султана кровью глаза налились, как у волка

на охоте. Ты ему теперь весь Понт отдавай, все равно не остановит... А коли победят сельджуки шаханшаха и подойдут к Ани, кто тогда устоит перед сей силой невероятной? А перед убийцами все равны, как перед смертью, — и купец, и ремесленник, и раб простой. Не время, аншйцы, счеты сводить, а надобно, помолясь, в ополчение идти! Лучше выпьем за здравие воинов наших, да поможет им господь!..

Во все концы страны мчались на сменных конях гонцы. На пиках трепетали черные тряпицы — знак тревоги. — Война! Война!

И уже стягивались к столице Армении конные и пешие дружины — из дальнего Арцаха и из плодородной Айраратской долины, из высокого Севана и из мощного Амберда. Князь Иванэ прибыл вместе с лорийской конницей и, не дожидаясь подхода пеших отрядов, назначил смотр коннице. Брат торопил, слал гонца за гонцом...

Свой львиный прыжок на врага амирспасалар замыслил из Карсского лагеря в двух переходах от Басена. Стягивание в Вананд грузино-армянских войск со всех областей обширного государства происходило по двум основным дорогам — через Ахалкалаки и через Ани. Войска передвигались только ночью, имея при себе небольшие обозы. Когда все полки оказались в лагере, туда прибыла Тамар.

Обычный смотр в парадной обстановке, с играми и состязаниями, по решению амирспасалара был отменен — полководец спешил навстречу султану. Тамар и ее супруг встретили Захария с радостью.

— Я не буду задавать Закарэ ненужных вопросов, — объявила царица. — Уверена, что мы победим Нукардина!

— Помогут бог и родные горы! — неточно вспомнил слова амирспасалара Сослан.

Амирспасалар сидел задумавшись и не сразу ответил Сослану:

— Разве я говорил «родные горы», государь Давид? Утверждаю и считаю доказанным: горы не всегда благоприятствуют обороне обширного государства.

Сослан с удивлением воззрился на амирспасалара.

— Но ведь всегда в горах спасался наш народ от вторгавшихся врагов! — возразила царица.

— Ты права, государыня. Но это допустимо, когда нет больших городов и многочисленных селений на равнине. Конечно, можно и теперь нам отсидеться на горных вершинах и в непроходимых ущельях, наблюдая сверху, как сельджуки вырезают и грабят мирных жителей... — нахмурился Захарий.

— Бог знает, о чем говорим мы вместо дела! — негодуя воскликнула царица. — Расскажи лучше, Закарэ, как мыслишь одолеть султана?

— Да, дорогой, поведай нам свой план сражения, — повторил за ней Сослан.

Амирспасалар прислушался. Со стоянки воинов доносилась походная песнь:

А в знойных степях и на горных высотах
Развернулись знамена Тамар...

Захарий улыбнулся знакомой песне. Усевшись поудобнее на складном стуле, он вполголоса стал излагать царице и Сослану свой план сражения.

На недолгом военном совете амирспасалар не сообщал подробности похода — о них, кроме царицы и Давида Сослана, знали лишь князь Иванэ и спасалары авангарда.

— Господа спасалары, мы не можем дожидаться того, что решит сделать с нами Нукардин! Разбить более сильного врага возможно лишь идя на риск, уповая на бога, на святые молитвы великой царицы и мужество наших воинов, — так начал свою речь на совете амирспасалар.

Военачальников очень удивило распределение воинских частей. Амирспасалар перевернул на этот раз весь обычный боевой порядок, значительно усилив авангард, передав ему всю тяжелую конницу — десять тысяч закованных в железо всадников, шедших о двуконь.

— Дабы на свежих конях могли принять бой с Нукардином наши латники! — пояснил амирспасалар.

В авангард были переданы также лорийская конница Мамиконяна и оба тумана кипчаков Савалт-хана, хотя последние обычно держались в резерве. А горскую пехоту, также вопреки обычаю и несмотря на яростное возражение храбрых вождей — Аспаанидзе, Григолидзе и других, амирспасалар придал главным силам, обязав конные отряды с перевала Мецрац подвозить ее на своих конях, для ускорения подхода к месту боя... Командующему глав-

ными силами Давиду Сослану по распоряжку похода была оставлена вся княжеская конница Западной и Восточной Грузии, армянские дружины и аланские конные отряды.

Расходясь с военного совета, спасалары вполголоса обсуждали диковинный приказ. Шалва Ахалцихели сказал наедине брату:

— Узнаю нашего Закарэ! Он не признает никакой обороны и подобно льву стремительно бросается первым на врага, как бы силен ни был тот. Однако на сей раз риск чересчур велик! Жарко нам с тобой придется в Басене, дорогой...

— Дай бог, чтобы Сослан вовремя подоспел нам на выручку! — озабоченно отозвался брат.

Огромное войско было выстроено на равнине. Все поле, поросшее выгоревшей за лето травой, расцветивал лес знамен и тысяч копий со значками. Вокруг поля высились сизые вершины. Сентябрьское солнце косыми лучами освещало панцири и кольчуги, играло на оружии и на длинных шелковых полотнищах стягов с родовым знаком Багратидов и вздыбленным золотым львом амирспасалара. Никогда еще в своей многовековой истории не выставлял Кавказ столь могучее воинство! Сто тысяч воинов, не шелохнувшись, в молчании смотрели вверх, на скалу...

Тамар одна поднялась на высокий утес. На фоне голубого неба четко вырисовывалась стройная женская фигура со скрещенными на груди руками. В воздухе сверкнули мечи. К скале понесся тысячеголосый клич:

— Слава царице царей! Слава!

«Тогда пала царица на колени и долго плакала, молясь богу».

Г л а в а XX

ГОЛУБЬ ЛЕТИТ В АНИ

Уходя от погони, Гарегин Хетумян выехал ночью в обличье бродячего торговца из Севастии и вместе с войсковым верблюжьим обозом прибыл в Ерзнка. Дауд II, сын Фахр-ад-дина Бахрам-шаха Мангуджакида, одного из вельможных патронов великого Низами, посвятившего ему поэму, поддерживал дружеские связи с тбилисским двором, чем и вызвал подозрение зятя Рукн-ад-дина. После

занятия Ерзка набом падишаха Дауду выбора не оставалось. Он присоединился к султанскому войску.

Прожив спокойно несколько дней в Ерзка, Хетумян одним утром увидел в окне базарной лавки холодные, змеинные глаза конийского сыщика Кара-Будака и тотчас поспешил скрыться. Злая судьба гнала разведчика вперед, к границам Армении. Быть может, в родных пределах надеялся он ускользнуть от своих преследователей?

У Брнакапанского перевала — места скрещения двух больших караванных дорог — уместился оживленный поселок. Один путь пролегает из Ерзка в Севастию вдоль русла реки Евфрат. Другой — через Понтийский лесистый хребет ведет к морю — в Трапезунт. Поселок из нескольких домов, двух больших караван-сараев и мечети с невысоким минаретом в эти дни был до отказа забит войсками. С трудом, за неимоверную плату удалось нанять Хетумяну каморку в одном из караван-сараев, с окошком, выходящим прямо на улицу. Безошибочным инстинктом Хетумян ощущал близкий конец своей многобурной деятельности. Кольцо преследователей все сужалось, полицейские ищейки гнались по его пятам. Конийский градоначальник ожесточенно хлестал по щекам толстомордых чаушей, требуя от них поимки неуловимого армянского лазутчика. Разумеется, Хетумян мог посчитать достаточными отправленные им сообщения и укрыться в городе Самсуне, откуда настоятель церкви св. Каранета незамедлительно перебросил бы его на судне в Трапезунт. Но опытный лазутчик прекрасно понимал, что многого еще он не вызнал о султанской армии, о духе и настроении воинов, о войсковом порядке в походе и в бою. Последний оставшийся в клетке крапчатый голубь как бы безмолвно напоминал, что шаханшах ждет его прилета в Ани. Забрав торбу с мелким товаром, Хетумян отправился бродить по воинским стоянкам.

Гуляму Дундазу подвезло. Дяхбаши¹ Бейрек в наказание за плохо вычищенного коня отправил его за сеном в соседнее армянское село. Там ловкому парню удалось поймать пару жирных кур, которые теперь мирно варились в котле. Сменив гнев на милость, Бейрек подсел к костру, вдохнул благовонный пар:

— Молодец, Дундаз, хороший плов будет!

¹ Дяхбаши — десятник (тюрк.).

На загорелом морщинистом лице старого мамлюка появилось подобие улыбки. Дундаз смущенно помешивал большой ложкой в котле — никак не удавалось в походе бедному гуляму одному пообедать! А тут еще шайтан принес бродячего торговца с торбой. Почтительно поклонившись Бейреку, торговец тихо сказал:

— Не нужны ли доблестному защитнику веры хорошие кремни, кресала, нитки, а быть может, добрый нож для свежевания баранов понадобится? Дешево отдам, по своей цене...

Бейрек сердито уставился на торговца. Откуда у воинов могут быть деньги до похода? И где те бараны для свежевания? Торговец, однако, не отходил от костра, припихиваясь к душистому пару из котла. Умильно улыбувшись, он воскликнул:

— Да у вас здесь седьмой райский круг, о мусульмане! Не хватает только гурий... Но зато у меня в торбе есть кувшин ширазского вина, достойного стола самого падишаха! Поделится, правоверные, как братья. Я голоден, а у вас, наверно, давно пересохло в горле...

Дяхбаши повелительно крикнул Дундазу:

— Уступи место почтенному купцу, мальчик! И вынь из тороков мою большую чару.

Вскоре от кур остались одни кости. А в медном кувшине стало иссякать ширазское вино, которое оказалось отменным, как мог подтвердить изрядно охмелевший Бейрек. Заплетающимся языком он толковал своему новому другу:

— Вся добыча, что у гяуров заберу, твоей будет, друг Башир!

— Вот возьми вперед в уплату пять динаров! — отвечал Башир, обнимая за талию старого мамлюка. Тот охотно положил золотые монеты к себе в широкий пояс, ворчливо приговаривая:

— Только бы проклятый Аргут¹ не помешал нам...

— А кто такой Аргут, бахадур-ата? — спросил Дундаз. Совсем немного вина досталось гуляму и еще меньше курятины. Он был трезв и, видимо, поэтому задавал ненужные вопросы начальнику.

Бейрек усмехнулся в редкие седые усы. Обращаясь к торговцу, он стал рассказывать:

¹ Аргут — долгорукий (тюрк.).

— Аргут — это бейлербей осужденных аллахом курджиев. В Шамкире¹ я был охранителем при священном знамени халифа и насилу ускакал тогда от гяуров нечистой веры, которыми предводительствовал этот бейлербей. О, Аргут — великий шайтан! Никто никогда не знает, куда и когда ударит Аргут! И меч и стрела его не берут, заколдован он дэвами...

Покачав головой и с опаской оглянувшись, старый десятник спросил гуляма:

— Скажи, Дундаз, ты встречал сторожевую охрану, когда вез сюда из селения сено?

— И кур, бахадур-ата! — торопливо добавил тупоголовый Дундаз.

Старый мамлюк рассердился:

— Отвечай толком, сын свиньи, когда тебя спрашивают! Были заставы на дороге или нет?

— Нет, ата, не видел я их, — ответил смущенно гулям.

— Я так и знал!

И, повернувшись к Баширу, дяхбаши укоризненно молвил:

— Весь поход идем без застав! Разве тому учил великий падишах Килич-Арслан, победитель гяуров?

Башир сочувственно покачал головой. Наполнив до краев большую чару, торговец предложил другу выпить за славную победу над коварным бейлербеем курджиев...

Хетумян сидел за столом в своей каморке. В прикрытой платком клетке в углу сиротливо возился, поклевывая зерно, крапчатый голубь. После недолгого раздумья, достав из сумки походный каламдан и небольшой кусок пергамента, разведчик стал быстро строчить донесение:

«Больше не ждите от меня сообщения. Приблизились преследователи, вот-вот захватят меня, и ждет своего полета в Ани последний голубь. Сильны и яростны войны у Рукн-ад-дина — рвутся в бой, жаждут добычи. Но порядка в отрядах султана нет, плохо охраняются в походе его войска. Видно, слишком уверен падишах в силе своих полчищ, идет без застав, не оберегаясь от...»

Хетумян не окончил послания — какой-то шум во дворе привлек его внимание. Он осторожно выглянул в окош-

¹ Шамхор (араб.).

ко. Посреди двора с группой чаушей стоял Кара-Будак и громко кричал на оробевшего хозяина караван-сарая:

— Собака и сын собаки! Где здесь проживает купец из Адалии?

Хозяин караван-сарая беспомощно разводил руками. Он не знал никаких купцов из Адалии, давно оттуда не приходили караваны.

Времени нельзя было терять — с минуты на минуту в караван-сараяе начнется повальный обыск. С голубем за пазухой Хетумян бесшумно выскользнул из каморки и побежал вдоль улицы.

— Держите его, мусульмане! — раздался вдогонку неистовый вопль Кара-Будака.

Хетумян мчался к мечети. У входа в минарет его встретил испуганный старик муэдзин. Пригрозив кинжалом, Гарегин оттолкнул старца и вихрем взлетел по узкой витой лестнице наверх. Преследователи вереницей неслись вслед. Впереди бежал Кара-Будак, за ним остальные чауши. Торжествующий рев возвестил, что они заметили Хетумяна на минарете.

— Пора...

Хетумян закрепил пергамент под крылом голубя и, поцеловав в головку, подбросил его. Птица взмыла вверх и, описывая широкий круг, искала нужное направление. Найдя его, почтовый голубь стремительно помчался на восток. Влажными глазами следил разведчик за полетом, пока голубь не исчез в небесной синеве.

Тяжелые шаги по крутой лестнице заставили Хетумяна с кинжалом в руке обернуться. В проеме показалась усатая голова. Разведчик нанес удар. Голова исчезла. Внизу ревела возбужденная толпа:

— Смерть гяуру! Лазутчику смерть!

У подножья невысокого минарета Хетумян разглядел торжествующую рожу Кара-Будака.

— Мусульмане! Выкурите проклятого гяура, как лису из норы! — оглушительно вопил чауш.

Вскоре клубы удушливого дыма через витую лестницу стали тянуться к вышке. Чауши обложили минарет ворахами мокрой соломы и подожгли ее. Хетумян задыхался. А ненавистный голос продолжал внизу кричать:

— Подбавьте огня, не жалейте, правоверные!

Хетумян посмотрел в последний раз на небо, перекрестился и, улучив момент, когда Кара-Будак приблизился

к подножью минарета, с обнаженным кинжалом перемахнул через пламя, прямо на чауша...

...Во весь опор, на сменных конях, мчался Ростом вдогонку амирспасалару, везя последнее донесение Хетумяна. От большого волнения Ростом плохо вник в его содержание, но ощущал всю важность. Донесение не было написано. Значит...

Захарий уже выезжал из Карсского лагеря с спасаларами авангарда, когда на взмыленном скакуне его догнал пятисотник. Остановив коня, амирспасалар внимательно вчитывался в неровные строки. Потом, сняв шлем, перекрестился: «Царство небесное отважному!» Оглянувшись, негромко молвил военачальникам:

— Господа спасалары, Нукардин о себе возомнил и идет без сторожевого охранения!

Глава XXI

РЕЗНЯ

Рукн-ад-дин двигался по торной дороге, открытой еще урартийскими завоевателями. Недаром на скале в Шираке высечена клинописная надпись царя Аргишти: «Богу Халду величайший царь Аргишти говорит: завоевал я страну Ерах, отвоевал я в ней Ирданиуни от страны шикигулов внутренней». Всегда стремились враги прорваться с юга через теснины Болорпахака к Карсу и Шираку, чтобы оттуда распространиться по всему Кавказу.

Девятый султан Рума Рукн-ад-дин Солейман-шах был энергичным и суровым властителем. За свое недолгое царствование он бросался (с переменным успехом) в походы то на юг — к Средиземному морю, то на север и северо-запад. Не обладая, однако, военным талантом и счастьем покойного отца Килич-Арслана II, Рукн-ад-дин не замечал всеобщей ненависти к себе, которую он заслужил исключительной свирепостью, и часто действовал опрометчиво. При всем том войско Рума стояло на первом месте на всем Востоке, да и на Западе вряд ли нашелся ему достойный соперник и по численности и по боевым качествам.

Вопреки предсказаниям придворных астрологов, поход на Гурджистан начался в неблагоприятных условиях. Рукн-ад-дин пропустил весенние дни и двинулся летом,

во вредную для коней и вьючных животных пору, когда уже выгорел подножный корм и иссякли многие источники в пути. При частых остановках приходилось отгонять табуны коней на выпас на дальние пастбища. Громадный обоз (сельджуки брали с собой в поход все ценное имущество, а султан и вельможи возили даже гаремы для дорожных утех) и множество тяжелых осадных машин также замедляли движение войска по неустроенным дорогам Армянского нагорья, а большие скопления людей способствовали развитию желудочных болезней.

Пройдя Ерзнка, войска Рукн-ад-дина стали подходить к Арзруму. Вдали показались желтоватые стены цитадели на холме, господствующем над большим городом. Здесь правил родной брат падишаха — Мугис-ад-дин Тогрулшах. Очищая султанат от родни, Рукн-ад-дин и его согнал с удела в Кайсарии. Смиловитившись после унижительных просьб Мугис-ад-дина, султан отдал ему Арзрум¹, владение незадолго до того истребленного сельджуками дома Салдукидов. Мугис-ад-дин встретил державного брата у городских ворот с подобострастием необычайным. Облобызав золотое стремя, он понес на голове попоу впереди султанского коня в знак великого почтения и преданности. Усердие это скоро объяснилось плохим состоянием войска эмира, что сразу же обнаружилось на смотре. Бейлербей Изз-ад-дин не постеснялся назвать эмирские войска «жалким сбродом». Лишь богатыми подарками и пышным пиром, на котором перепились все эмиры и беи, удалось арзрумскому правителю отвести от себя гнев падишаха.

После празднеств и игрищ, с обязательным козлодранием, из обширного лагеря на берегу Евфрата, мимо меловых гор, необозримой лавиной двинулось султанское войско. Все дороги к Басену на далеком расстоянии покрылись конными и пешими отрядами под разнообразными знаменами и значками. В Басене им предстояло соединиться с войсками мардинского эмира Насер-ад-дина Ортока и обоих Зенгидов — мосульского эмира Насир-ад-дина Махмуда и джезирского владетеля — пожилого Сауджар-шаха.

В авангарде шла многочисленная огузская конница. Ее вели «великие беи» Нур-ад-дин Туграк, Сеид-ад-дин

¹ В 1202 году.

Салор, Шамс-ад-дин Огуз, эмир Картай, сюбаши¹ Юташ и Джелал-Хорасани. За авангардом следовали сипахи, разбитые на полусотни. Посередине главных сил на кауром коне ехал султан в белом тюрбане с пером, усыпанным алмазами. В его свите кроме брата Мугис-ад-дина ехали Махмуд Данишменд из Харберда и эрзнкайский эмир Давуд. Рядом с султаном на рослом коне следовал главнокомандующий войсками «бей беев» Изз-ад-дин Баралтай, высокий могучий воин с энергичным и мрачным лицом, несколько позади — начальник султанской охраны Саад-ад-дин Кобак и рыцарь Урсел, командир отряда франгских наемников — рыцарей-авантюристов, за большую плату покинувших войска Латинской империи. В арьергарде двигалась гулямская гвардия и тянулся необозримый обоз с гаремами. В состав каждой сельджукской части обязательно входила дружина алпов², которые в решительную минуту кидались в сечу и своей яростной атакой решали участь боя. На шеях многих алпов висела почетная награда — хвост яка, вделанный в золотое кольцо. Вооружение у воинства было довольно разнообразным. У знатных воителей водились дамасские сабли, хорасанские панцири и пики, мечи из Имена и Индии.

Воины попроще были вооружены из местных арсеналов. Осадные мастера везли камнеметы, выбрасывающие железные горшки с горящей нефтью, на скрипучих арбах шли окованные железом тяжелые тараны. Громоздкое воинство двигалось неторопливо. Но уже к вечеру передовые легкоконные отряды подошли к Даройнку и ворвались в город.

В Коше за себя Ваган оставил старика отца.

— Неослабно наблюдай за равниной, отец! Султан уже приближается. Каждый день посылай людей в Даройнк, пусть бдительно следят за врагом. Чуть что, шли гонца в Зивинберд! — наставлял Ваган.

Все чаще поднимались к небу дымы пожарищ. По всей равнине рыскали сельджукские разъезды, и все опаснее было пробираться в город. Уже захватили двух горцев и

¹ Сюбаши — вождь племени (тюрк.).

² Алп — богатырь (тюрк.).

увели в плен враги. Старый Кероп в волнении ходил по двору, обдумывал. Решившись, громко позвал:

— Нерсик!

Долго глядел дед на внука. Юношеское, безбородое лицо, смелые, как у отца, глаза смотрели на деда из-под шапки русых волос.

— Придется сходить тебе в город, — тихо молвил Кероп. — Больше некому. Разузнать надо, где враг, что делает? Понятно, Нерсик?

Нерсик мотнул головой и поглубже нахлобучил мохнатую папаху. От рождения юноша был молчалив.

— К городу подойди под самый вечер. И сразу не заходи, а издали прислушайся, нет ли шуму какого? — настаивал Кероп. — Пооберегись, Нерсик-джан!

Нерсик молча приложился к старческой руке и двинулся к воротам.

— Посох возьми от собак! — дрогнувшим голосом крикнул Кероп.

Легким шагом спускался Нерсик вниз по ущелью. Горная тропа шла вдоль русла светлой речки, которая весело прыгала с камня на камень, обдавая брызгами зеленую траву. Миновав сельский караул у выхода из ущелья, молодой горец зашагал по равнине.

Над селом Сурб-оган поднимались тучи пыли. Громко мычал крупный рогатый скот, отчаянно блеяли овцы, лаяли собаки, подгоняя отару. Следом шли запряженные быками арбы с немудреным деревенским скарбом. Сидя на мешках с зерном, женщины испуганно прижимали младенцев к груди. Ребята повзрослее шли за арбой, помогали отцам гнать скот — село уходило в горы.

Увидев старого знакомого чабана, Нерсик пошел рядом с ним.

— Люди говорят, султан еще в Арзруме. Поди, все пирует с нашим эмиром! — отрывисто говорил чабан. Нерсик не отставал, шагал рядом.

— А в Даройнке как, дядя?

— Все никак в горы не соберутся уйти! Как бросить дом, добро нажитое? Мы-де подданные брата султана, кто нас посмеет тронуть? А того не понимают, что башибузуку все равно кого резать... — в сердцах ответил чабан.

Встревоженный Нерсик повернул обратно, к Даройнку. Обогнув замковый утес, грозно возвышающийся над городом, он подошел к окраине. Солнце склонилось к хребту.

К небу мирно поднимались сизые дымки, доносился запах горящего кизяка. Нерсик прислушался. В городе стояла тишина. Вдруг отчаянный женский крик пронзил вечерний воздух.

Отвечая ему, на улицах раздался дробный топот коней.

На окраине города, у самой дороги, стоял большой дуб с пышной кроной. Нерсик быстро вскарабкался на сук и, притаившись в листве, стал прислушиваться.

В Даройнке шел погром. Вздывая пыль из-под копыт, мчались туркменские кони. Доносились крики «Алла, алла!», трещало дерево ворот. Всадники врываются в дома, и оттуда слышались вопли жителей. Озверелые воины выбрасывали людей из окон на мостовую, разбивали черепа детей о стены, насиловали женщин. Под бичами дико ревела угоняемая скотина. Кое-где уже полыхали пожары...

С расширенными от ужаса глазами Нерсик следил за кошмарным зрелищем. Крики погромщиков приближались, дальше медлить было опасно. Юноша соскользнул по стволу и со всех ног бросился бежать.

С восходом солнца у караван-сарая на перевале, где в палатках заночевал авангард Захария, началось необычайное движение. К Зивинберду спускалась конница. В голове колонны маячили пешие дозоры, которые дымовыми сигналами должны были предупредить о появлении противника. Ночью к перевалу Мецрац прискакал гонец, и Захарий узнал от него, что Даройнк уже занят врагом. Всадники ехали кучно, остерегаясь растянуть колонну. Были среди них и ветераны войн царя Георгия, были и совсем юнцы, впервые в походе. Как всегда, амирспасалар был с головной частью. Он перебрасывался с бойцами ободряющими словами и негромкими шутками. Двигались конники переменным шагом по лесистой дороге и до полудня подошли к Зивину. Амирспасалара перед крепостью встретили горцы с Ваганом во главе.

— Государь, в Даройнке резня! — коротко сообщил Ваган. — Сын мой очевидец тому...

Амирспасалар, помрачнев, недоверчиво переспросил:

— Но ведь там живут подданные арзумского эмира?

— Для разбойников все равны! — с горечью махнул рукой Ваган. — Мало кто спасся от их мечей... Какие приказания будут, государь?

— Выдели надежных проводников — по два-три в каждый полк, Ваган. Надо всю конницу без шума, тайком провести в ваши селения. Я пойду в голове с тобой, и Савалт-хан с нами. Ему надо с кипчаками продвинуться как можно дальше.

— До горы Воскеанк? — догадался Ваган.

— Да. А как с горными проходами из равнины?

— Наглухо закрыты, государь. Мышь не пробежит, — заверил горец. — Людей вооружил всех.

— Добро. С тобой поедет пятисотник Ростом с лорийцами. С богом!

Громадный султанский лагерь раскинулся на равнине у восточного склона скалы, на которой возвышался старинный замок. Железистые источники выбивались из-под подошвы утеса и, оставляя ржавый след, стекали в реку Басен. Рябило в глазах от разноцветных шатров эмиров и беев, огузских кожаных и волосяных юрт, черных палаток курдских отрядов. Бесчисленные табуны рассыпались по всей равнине, прижимаясь к речным поймам, где еще сохранилась свежая трава. Большой осадный парк, гаремы знати и обозы с десятками тысяч рабов и военнопленных расположились по другую сторону горы, вдоль дороги на Арзрум. Горы мешков с зерном и мукой, ящиков с оружием и доспехами громоздились на земле вперемешку с походными кузнями, хлебопекарными печами и котлами для варки пищи. На равнине, поросшей жухлой травой и мелким кустарником, паслись неприхотливые верблюды, мулы транспорта и рогатый убойный скот.

Еще со времен Ахеменидов сопутствовала восточным властителям сказочная роскошь в походах. С удивлением описывал летописец лагерь Рукн-ад-дина, «где были собраны все богатства вселенной, чаши и ковры, драгоценные камни и жемчуг, золото в изделиях и слитках». Султанская ставка находилась на самой вершине утеса. Вход в двуглавый огромный шатер из тяжелого китайского шелка охранялся двумя алпами-великанами в золотых доспехах. Около входа рычали прикованные к серебряным колодам лев, тигр и леопард. Черное знамя с орлом развевалось на ветру. А рядом на земле стоял почетный тулумбас — знак верховной власти, присланный халифом Насиром.

Шумное веселье царило в стане султанских воинов. Огни тысяч костров ярко блестели в вечернем полумраке. На огромных вертелех жарились на раскаленных углях туши баранов и быков, в медных котлах варился жирный плов. Из шатров великих беев и сюбаши раздавались нестройные песни. Простой военной прогулкой представлялся исламским воителям поход на Гурджистан. Уже запели узаны, прославляя мощь и славу падишаха, а старый меддах Коркут рассказывал легенды о подвигах Казанбека...

Перед вечерним намазом военачальники собрались в передней половине султанского шатра. Рукн-ад-дин только что искупался в каменном бассейне серного источника, успел побывать в своем гареме и был в хорошем настроении. Обложенный шелковыми подушками, он возлежал на большом ковре, невнимательно слушая ежедневный доклад «государева наблюдателя».

— Величайший из великих, не вернулись наши проводчики из Гурджистана, видно, погибли там мучениками за веру, — вполголоса докладывал главный доносчик.

— Машалла! ¹ — равнодушно протянул султан. — А все-таки где же курджии? — полюбопытствовал он.

Государев наблюдатель воздел руки к шелковому потолку:

— Кто об этом знает, о Щит ислама? Одни огни чабанов на горах видны. Как мыши запрятались они в свои норы при грозном приближении победителя курджиев!

— Я еще не поверг их на землю! — рывкнул Рукн-ад-дин. — А ты, старый верблюд, видно, зря получаешь деньги у моего казначея, если ничего не можешь толком сообщить своему повелителю об этих гяурах...

Разгневавшись, султан отвесил увесистую пощечину главному доносчику и выгнал его прочь из шатра. Впрочем, Рукн-ад-дин и сам не верил в возможность отпора курджиев бесчисленному воинству, собранному от Мосула до Понта: как вшей раздавит он презренных гяуров и без труда захватит Казалык, точно так как поступали его великие предки...

На военном совете Рукн-ад-дин цедил сквозь зубы истины мудрости неизреченной:

— В любой войне ставка джигита — жизнь или смерть!

¹ Такова воля аллаха! (тюрк.)

И в бою с курджиями каждый из вас должен сражаться, не щадя своей крови...

— Аллах велик! — хором отвечали беи.

— Под черным знаменем радости исламское войско должно прокладывать свой путь при криках ужаса, в море нечестивой крови неверных и в дыме пожарищ их городов! — поучал дальше Рукн-ад-дин.

Бейлербей Баралтай рискнул спросить падишаха о приказааниях по войску.

— Назначаю на завтра отдых бахадурам перед походом. А что можешь сказать о враге, Баралтай? Где курджи?

— От горного прохода по караванному пути к Карсу на четыре фарсаха впереди нет никого, — с готовностью ответил Баралтай.

— А в горах? — бросил небрежно султан.

Бейлербей повернулся к эмиру Картаю, который с явно обеспокоенным видом сидел на военном совете.

— Пусть об этом скажет Картай-бек!

Картай злобно пробормотал:

— Проклятые гяуры опрокинули утесы на головы моих бахадуров!

Рукн-ад-дин оглушительно расхохотался:

— Какие же это бахадурсы? Эблис их возьми, если они испугались камней жалких горцев! Приказываю Картай-беку завтра, после утреннего намаза, лично отправиться в горы и разрушить все гяурские селения! Вечером бейлербей доложит мне о твоих успехах, бек...

Что же, однако, смутило бахадуров доблестного Картай-бека?

Ваган со своим отрядом с утра занимал ту самую гору, откуда недавно амирспасалар оглядывал Басенскую равнину. С ним был и Ростом с лорийскими спешенными сотнями. Вдали на равнине, из обезлюдившего селения Сурбоган, показался конный отряд и стал неторопливо продвигаться к предгорью.

— Сельджуки! — спокойно предупредил Ваган.

— Подпусти их поближе! — отдал приказание лорийцам пятисотник.

Воины поспешили укрыться за скалами, прихватив с собой и горцев. Сельджуки все приближались. Уже отчет-

ливо стали видны боевые значки на пиках, и можно было различить лица отдельных всадников на туркменских конях... Тогда внезапно заколебались горы. С вершин покатились огромные камни и обломки скал, все круша на пути, давя и калеча сельджуков, их коней. Облако пыли окутало дно ущелья. Из него ошалело выскакивали уцелевшие всадники и во весь опор скакали обратно на равнину.

— Старый лорийский способ встречать незваных гостей! — ухмыльнулся пятисотник.

— Не скоро теперь сунутся в наши горы! — весело отозвался Ваган. — Государь останется доволен — накрепко заперли горные проходы наши молодцы...

Глава XXII

НОЧНЫЕ ОГНИ

Свою ставку Захарий разбил на окраине села Кош. Гостеприимно встретили воинов оставшиеся горцы, по-братски делясь куском хлеба и охапкой сена для коней. На стоянках — тишь, лишь изредка слышались негромкие оклики часовых.

Амирспасалару не спалось. В сентябре уже холодно в горах. И Захарий сидел у костра во дворе дома, закутавшись в черную бурку. Около него прикорнул племянник Хасан. Тревожные думы одолевали полководца. «Подоспеет ли вовремя Сослан с главными силами? К султанскому лагерю надо подкрасться затемно, до рассвета, пока не проснулись сипахи, и без шума ударить. А не упустит ли сигнала Савалт-хан?..» Хасан по-детски причмокнул губами, перевернулся на другой бок, снова заснул. «Зря взял юношу в поход, как бы не случилось, как с Абасом в Шамхоре!» — подумал Захарий. На огонек подошли братья Иванэ и Саргис, за ними вслед Ахалцихели, Вачутян. Пламя костра отбрасывало яркие блики на лица спасаларов.

— По корану, мусульмане начинают разговляться в Рамазан, когда не могут отличить черной нитки от белой. А мы, други, наоборот поступим, — усмехнулся Захарий, — начнем разговляться их головами в тот миг, когда можно

будет отличить черную нитку от белой — до рассвета. Он поздно наступает в горах. Такой громадный лагерь только и мыслимо захватить врасплох — спящим, когда конские табуны еще пасутся на лугах в отдалении. Конечно, всех врагов нам не перебить, жестокий отпор дадут сельджуки. Но страху нагоним, строй порушим и порубим их немало, пока Давид на выручку с главными силами не подоспеет.

Саргис Тмогвели думал о другом. Его опечалил рассказ Вагана о резне в Даройнке.

— Какже они все-таки звери, Закарэ! — вырвалось невольно у него.

— Война — жестокое дело, брат Саргис, великое несчастье для народа. И редко кто милостив бывает к врагу! — ответил задумчиво Захарий. — Чего хочешь ты от дикого кочевника, которому всю жизнь твердят муллы: «Чем больше гяуров убьешь, тем скорее в рай попадешь»?!

Присутствующие спасалары невесело рассмеялись. К костру со своими вооруженными людьми подошел Ваган.

— Какое место в бою нам завтра отведешь, государь? — степенно спросил сельский вожак.

Амирспасалар с доброй улыбкой опустил руку ему на плечо:

— Завтра большая конная сеча будет, Ваган, и можем мы в поле потоптать твоих храбрецов. Вы и так много сделали — путь обезопасили, от лазутчиков нас укрыли, спасибо вам великое! А к рассвету, по знаку огненному, поведете конницу мою вниз, к султанскому лагерю...

Увидя, что Ваган нахмурился, амирспасалар поспешно добавил:

— А если еще хотите общему народному делу помочь, побольше носилок заготовьте, други. Есть у нас лекаря искусные. Как выведете конницу к Сурб-огану, идите к ним в помощь — раненых будете выносить с поля боя, охранять их, мертвых благочестивому погребению предавать. Пойди договорись с лекарями...

Не сразу уснули в воинском стане, тревожили людей бесчисленные огни султанского лагеря далеко внизу на равнине. Сотники не разрешали разводить больших костров, войны грели руки у раскаленного кизяка, укрывшись от резкого ветра из ущелья за оградами домов. Шли тихие беседы.

— Не полагается амирспасалар на силу крепостей, нет! — наставительно говорил Ростом своим слушателям. — Сам я слышал, как он поучал: «Любую неприступную крепость можно взять после надлежащей осады и хорошего приступа!» Вот, к примеру, сколько раз брали враги Двин, хоть и опоясан он двумя стенами? Или Ани — сам господь укрепил сей град с трех сторон, а все-таки сельджуки да и царь Георгий Храбрый брали его приступом! Только в открытом бою можно разбить врага, считает амирспасалар...

В другом кругу старый Парсадан, оглаживая сивый ус, говорил неторопливо:

— Участвовал и я в Шамхорском бою. И как сейчас, помню такую же ночь...

— А что, страшно в бою? — несмело спросил молодой всадник.

— Кому хочется помирать?! Да ты все-таки не бойся, молодец, смело мчись на врага — и тогда одолеешь. Только поводья крепко держи в руках и глазом коси на соседа... А коня придерживай, не вырывайся из строя вперед, не то срубят тебя гулямы острыми ятаганами, если окажешься один впереди. И в сече поддерживай товарища, не давай врагу напасть с тыла! — поучал Парсадан.

Понемногу воины забылись в недолгом сне...

Пропели вторые петухи, и в горных селениях все произошло. При свете смоляных факелов выводили заседланных коней. Негромко бряцая оружием, по приглушенной команде всадники строились в ряды. На дальней вершине вспыхнул яркий огонь — сигнал к выступлению.

Из селения Кош длинной колонной стала спускаться по ущелью армянская конница, которую вели князь Иванэ и Вачутян. По тому же сигналу выступили из соседних селений грузинские конные части, их вели Ахалпихели. Когда голова колонны поравнялась с сигнальной горой, по отлогому склону спустился амирспасалар и стал во главе полков. Впереди быстро шагал Ваган с несколькими проводниками, выводя конницу по извилистым тропам на равнину. Негустой туман стал сползать с горных вершин и заполнять ущелья. На каменистой дороге раздавался глухой топот коней. Изредка звенело оружие у всадника, под которым оступися конь. Когда полки подошли к Сурб-огану (в полфарсаха от лагеря), амирспасалар отрядил тысячи кипчаков в сторону Болонархака, в тыл сельд-

жукским заставам, и подал знак развернуть боевые порядки.

Из-за реки доносилось завывание волков, почуявших конские табуны. Безмолвствовал погруженный в сон огромный лагерь. На вершине замкового утеса мерцали редкие костры султанской охраны.

В ночном воздухе прозвучала негромкая команда: «Сабли наголо! Пики к бою!» Проскакали и стали на свои места перед первой линией полков командирь. Всадники изготовили оружие и замерли в тяжелом ожидании. Еще мгновение — и вся конная масса помчится в неудержимом порыве...

Амирспасалар высоко поднял меч. В полном молчании полки двинулись вперед.

Утренняя звезда еще высоко стояла над горизонтом, и только начинали розоветь вершины горного хребта на востоке. Бейрек вышел из палатки. Его палатка стояла на самом краю лагеря, дальше начиналась степь. Туманная дымка покрывала равнину. Издалека доносился неясный шум, заглушаемый журчанием горной реки. Полусонный дяхбаши уже хотел вернуться в палатку, когда порыв ветра снес в сторону туманную пелену и на равнине как будто зачернел невысокий лес. Бейрек широко раскрыл глаза... В пяти полетах стрелы, точно расправивший широкие крылья орел, по равнине катилась грозная лавина закованных в железо всадников. Впереди на кровном скакуне мчался гигант в черных латах. За ним на длинном древке вился стяг.

«Аргут-шайтан!» — с ужасом подумал Бейрек и бросился бежать по лагерной дорожке между походными палатками, выкрикивая:

— Вставайте, мусульмане! Гяуры!

Железная стена всадников наклонила тяжелые копья и, перейдя с рыси на стремительный галоп, помчалась на лагерь.

Г л а в а XXIII

РАЗГРОМ

Дрожала земля. Градом летели мелкие камни и куски засохшей грязи из-под конских копыт. «Стремя в стремя! Не отрываться!» — непрерывно кричали сотники. Желез-

ная стена смыкалась теснее, и продолжалась дьявольская скачка. Резкий воздух рвался в ушах, от разгоряченных скакунов остро пахло потом. На клинках высоко поднятых мечей и острых копий алели первые отблески утренней зари. Далеко разносился по равнине грохот копыт, все приближаясь к стану. Из палаток по тревоге выскакивали сипахи, на ходу надевая доспехи.

...Но вот ураган налетел и повалил в громе и пыли шатры на переднем крае лагеря.

Босой, набросив чекмень на широкие плечи, бейлербей ворвался в султанскую опочивальню. Падишах мирно похрапывал на широком ложе, рыжая борода расстилалась на шелковом узорчатом покрывале. Презрев придворный этикет, бейлербей крепко дернул его за рукав ночного халата. Рукн-ад-дин открыл сонные глаза. Недовольно спросил:

— Баралтай? Что еще случилось?

— В лагере гяуры! — задыхаясь прохрипел Баралтай.

Рукн-ад-дин, еще не отошедший от сновидений, проворчал, зевая:

— Какие гяуры, о чем говоришь?

— Проснись, государь! — заорал в отчаянии бейлербей. — Конница курджиев рубит наших сипахов!

До сознания султана наконец дошло ощущение нагрянувшего несчастья. Он быстро спустил ноги на ковер и заревел на вбежавших оруженосцев:

— Мои доспехи, сыны Эблиса! И коня — живо!

Баралтай, покачав головой, проворчал:

— В лагерь тебе спускаться нельзя, государь. Сам узиришь, что там творится!..

Когда Рукн-ад-дин и бейлербей подбежали к краю площадки на вершине утеса, им представилась жуткая картина.

Весь лагерь кипел...

Припав к шеем своих скакунов, вражеские всадники с поднятыми мечами в руках проскакивали между поваленными шатрами и мчались по лагерю, беспощадно рубя сипахов. Те отчаянно защищались, люди и кони валились наземь, задерживая врага. Но все новые и новые ряды неприятельской конницы настойчиво продвигались вперед, используя преимущество длинных мечей и тяжелых копий над пехотой. Все лагерное поле на огромном пространстве было устлано телами убитых и раненых воинов.

Рукн-ад-дин заскрежетал зубами.

— Проклятый Картай! Так прозевать курджиев... — И, повернувшись к начальнику огланов Кобаку, яростно закричал: — Принесите мне сейчас же голову трусливой собаки!

Оторвавшись от ужасного зрелища, бейлербей возмущенно воскликнул:

— Государь, нельзя в битве казнить племенных вождей — огузы возмутятся! Снимешь голову у сюбаши Картая потом, после боя... если он уцелеет!..

Нукеры подводили скакуна уже одетому в доспехи бейлербею.

— Куда направляешься, Изз-ад-дин? — мрачно спросил султан.

— Великий знает, все табуны находятся у реки. А мои бахадуры не привыкли сражаться пешими. Надо посадить их на коней. Иначе курджии порубят все наши туманы!

— Надо спешить самих гяуров! Пусть лучники целят в коней их вождей! — закричал Рукн-ад-дин.

Баралтай уже садился на коня. Разбирая поводья, он глухо ответил:

— Слушаю и повинуюсь!

Смерть металась по лагерю. Сыпались удары, железо звенело о железо, гнулись и раскалывались панцири племени, со свистом впивались в тела пернатые стрелы. Стоны умирающих смешивались с пронзительным ржанием раненых скакунов.

Подобно ангелу смерти, в черных доспехах, неся амирспасалар навстречу врагу. Сжав плотно рот, он действовал мечом как на учении. Движения были точны, глаза прищурены. Капли пота выступили на загорелом лице. И на каждый взмах длинного палаша Захария отвечал предсмертный вскрик человека. Прорываясь к амирспасалару, сипахи осыпали его ударами. Амирспасалар, отбиваясь коротким движением щита, продвигался дальше. Справа и слева от него ожесточенно рубились Ростом, княжич Хасан и Парсадан. Не раз бывал в боях рядом с полководцем старый латник, вместе с оруженосцами ограждая тыл. Отборные лучники, укрывшись за осыпью у подножья замкового утеса, стали поражать коней курджиев. Жалобно заржав, уткнулся мордой в пыль каурый скакун

амирспасалара, подмяв под себя всадника. В шее у коня затрепетала длинная огузская стрела. Рядом пали кони и у Иванэ, Ахалцихели, Саргиса Тмогвели. С торжествующими криками, с высоко поднятыми ятаганами сипахи кинулись на амирспасалара. Тот силился высвободить ногу из-под скакуна. Парсадан и оруженосцы бросились вперед на защиту. Над головой амирспасалара заблестали мечи.

— Ростом, коней!

Поднявшись наконец на ноги, Захарий оглянулся вокруг. Ростома не было. «Порубили беднягу!» Но уже, тяжело топая, в кольчугах и шлемах, покрытых пылью и кровью, бежали богатыри Ахалцихели.

— Шалва! Вперед людей! Лучников перебить! — кричал амирспасалар, отбиваясь от сипахов.

Грозная опасность нарастала. Воодушевленные успехом, сельджуки стали наседать на спешенных спасаларов. В развороченный до основания лагерь со всех сторон стекались конные огузы.

— Что смотрите, храбрецы? Раз бьются пешими спасалары, и нам пристало так драться! — вскричал старый Парсадан и сошел с коня. Последовав его примеру, гвардейцы спешили и, привязав поводья коней к поясам, стали биться рядом со своими военачальниками. К осыпи помчались всадники и в куски порубили засевших огузских лучников. Сеча все усиливалась, и топот мчавшегося табуна показался спасаларам небесной музыкой: вместе с десятком своих лорийских земляков Ростом гнал косяк превосходных коней, отбитых у султанских табунщиков. Быстро были оседланы скакуны, и с бранным кличем устремились гвардейцы навстречу огузской коннице. Шалва и Иванэ Ахалцихели рубились плечом к плечу, как львы бросаясь в самую гущу боя. Далеко виден был блеск их грозных мечей, целые ряды прорубали они в туркменской коннице. Временами братья останавливались, выравнивали строй гвардейцев и снова шли напролом, пробиваясь к центру султанского лагеря. Рядом, как одержимый, дрался Мушег Мамиконян. Когда он пал, пронзенный копьями, ярость охватила лорийцев, они стали рубиться с удесyтеренной силой. На левом крыле, у самой Арзрумской дороги, напористо продвигались анийские латники с Вачутяном во главе, тесня конницу и пехоту султанских вассалов. Высоко реяло их голубое знамя со львом,

доблестные воины в этот день возродили славу армянской конницы!..

Савалт-хан — воспитанник доблестного Хубасара — унаследовал от дяди мужество и воинское мастерство. Амирспасалар не колеблясь поручил ему сложную задачу — ударить в тыл врагу и захватить обоз.

— Как увидишь, что на горе забегали сельджуки, знай, мы ворвались в лагерь. Тогда ударь! А всю добычу собирайте в одно место, женщин не обижайте. А главное — дорогу арзрумскую оставь свободной. Пусть по «золотому мосту» бегут враги, — наставлял кипчака Захарий. — А как захватишь обоз, оставь охрану при нем, сам же спеши нам на помощь...

— Хоп! — односложно ответил кипчак, садясь на коня. Длинная цепь всадников на низкорослых лошадях вытянулась с окраины села по горной тропе. «Так затягивается петля аркана», — провожая взглядом конницу, подумал Захарий.

Поздно ночью туманы по горной лощине подошли к покинутому жителями селению Мукнариндж. Здесь Савалт-хан дал передышку конникам. С первыми проблесками зари он был уже на ногах. Выстроив в лощине туманы, он стал внимательно наблюдать за Басенским утесом. Огромной темной массой возвышался замок. Но вот в лучах восходящего солнца на скале беспорядочно замечались человеческие фигурки...

— Вперед! — негромко приказал Савалт.

Появление кипчакской конницы в тылу султанского лагеря вызвало панику. С диким ревом по равнине носились верблюды, перекрывая воинственные клики кипчаков. По дороге к Арзруму вскачь удирали отдельные всадники. Из крытых повозок несли испуганный визг женщин гаремов. При обозе были сотни рабов и пленников, они радостно бросались навстречу нападающим и, крестясь, кричали:

— Христиан! Христиан!

Недолго длилась сеча с охранниками. Покинув обоз, они бросились наутек. Савалт-хан пробился к караванному пути. Окружив лучниками лагерь, он помчался во главе своих кипчаков по дороге к Даройнку, откуда доносился гром битвы.

Привилегированное султанское войско — гулямская гвардия и дворцовые огланы — были размещены в городке. Султан видел с высоты, как из домов выбежали гулямы, наспех прилаживая доспехи и оружие. Табунщики уже пригнали с реки скакунов, их быстро седлали невольники. Впереди выстроенных на городской окраине гвардейцев появился огромный всадник на белом арабском коне. Бейлербей! Он отдал короткое приказание, и пять тысяч отборных всадников двинулись вперед. Подойдя к месту боя, гулямы испустили дикий вопль и, высоко подняв кривые сабли, стремительно обрушились на конницу Вачутяна.

Выставив тяжелые копья, армянская конница остановила первый натиск гулямской гвардии, потеряв почти половину состава первых рядов. Закипела сеча. Бейлербей ехал впереди гулямов, распевая суру корана, разя направо и налево. За ним следовали эмир Кобак и сюбаш! Картай, который уже знал об участи, уготованной ему султаном после боя. Вачутян встретился с ним один на один. После непродолжительной схватки князь страшным ударом рассек шлем противника. Картай-бек, бездыханный, повалился с коня. Бой продолжался с возрастающим ожесточением. Охваченные боевым пылом гулямы и присоединившиеся к ним конные огузы теснили армянских латников к замковой скале. Вдруг воздух дрогнул от пронзительных звуков медных труб и рожков. По арзрумской дороге, широко развернувшись, неслись кипчакские туманы. Степные кони, вытянув шеи и прижав уши, мчались бешеным наметом. Впереди, крутя над головой длинную саблю, летел Савалт-хан. Поле боя огласил ужасающий визг кипчакских всадников.

— Вперед, храбрецы! Пришла подмога, круши врага! — радостно закричал Вачутян.

Армянская конница бешено врубилась в ряды гулямов. Пал доблестный Кобак. Был убит скакун под бейлербеем — с трудом вызволили Баралтая оруженосцы. Атакованная с двух сторон султанская гвардия дрогнула и стала беспорядочно отходить к склону замковой скалы.

Жестокая сеча продолжалась с переменным успехом. Пересев на свежего коня, Баралтай снова восстановил порядок в войске. Посадив часть сипахов на коней, он возобновил бой. Дружины алпов сражались с обычным ожесточением. Но курджики продолжали свой отчаянный натиск

на расстроенные султанские таборы. Руки-ад-дин с вершины утеса следил за ходом сражения. Оттянув потрепанную гвардию, он ее спешил и стал готовиться к обороне замка. Это решение возмутило лихих огузских наездников, привыкших к просторам конных боев. Все больше всадников стало уходить к речной пойме под предлогом ловли коней; но сипахи продолжали упорно биться. В перерывах между боевыми схватками они грозили курджиям кулаками и оружием, озлобленно выкрикивая оскорбительные слова в адрес врага. И уже не раз оглядывались, отирая пот с лица, утомленные волны авангарда Захария на маячившие в сизой дымке высоты Болорпахака, ждали появления своих главных сил.

Ваган быстро договорился с главным лекарем. Старый Арроб был человеком смелым и на вопрос амирспасалара: «А не слишком ли близко от боя замыслил раненых врачевать, почтенный?» — он спокойно ответил:

— От торжествующего конного врага все равно не уйти, государь амирспасалар!

— А ты веришь в нашу победу? — невесело улыбнулся Захарий.

— Да, верю.

Амирспасалар с уважением посмотрел на худощавого еврея:

— Тогда действуй, рабби!

На рассвете из Коша двинулись лекари на мулах; во вьюках везли палатки, лекарский инструмент, полотно и корпию, горшки с отваром мандрагоры для усыпления раненых (хоть и осуждали отцы церкви лекарей за греховное снадобье — «не должно смертному избегать ниспосланных богом страданий!»). Следом шли горцы с носилками. Палатки разбили на площади в Сурб-огане, тут же на открытом воздухе в тени немногочисленных карагачей установили столы для операций, разложили на чистом полотне инструмент, быстро вскипятили в котлах воду. Ваган со своими горцами двинулся вперед, в сторону замкового утеса, где уже стояло облако пыли и шла сеча. Смело проскальзывая между конями, отбиваясь от наседавшего врага, горцы выхватывали из боя раненых и несли их в Сурб-оган. Старик хирург орудовал, держа в ру-

ках нож или пилу со следами крови, изредка покрикивая для острастки:

— Терпи, молодец, сейчас кончу! А тому дайте-ка чару мандрагоры, потом я им займусь. Сюда мумиё! ¹ Да пошевеливайся, увалень...

С летовок прибыли арбы с погонщиками. Наложив вороха сена, Ваган отправлял раненых в верхние селения. Мертвых укладывали на паперти храма, прикрыв им лица.

Битва продолжалась.

«Самому спокойному воителю на свете», как шутливо прозвали Давида Сослана друзья, в эти тревожные дни изменило спокойствие. Строгий соратник поставил перед ним сложную боевую задачу. Трудности представлялись почти неодолимыми. Он должен был (точно рассчитав время!) подоспеть с главными силами к месту сражения вскоре после завязки сражения, когда султанцы будут заняты сечей с авангардом Захария и оставят без внимания непроходимые теснины Болорпахака. Но самое малое промедление в пути, с опозданием выхода главных сил на поле, могло оказаться пагубным для исхода боя, привести к разгрому грузино-армянских войск... Такова была сложная стратагема амирспасалара, и было от чего поволноваться Сослану и его разумному помощнику Торели. В конце концов при расставании на перевале Мецрац договорились, что Сослан с главными силами расположится на караванном пути в четырех фарсах от горного прохода и на рассвете по двум дорогам выступит к месту битвы.

Сослан ехал с передовой частью по караванному пути, поднимающемуся по ущелью к Болорпахаку. Внизу в каменном ложе гремел стремительный Аракс. С поворота дороги показался мост, искусно возведенный на семи неравных сводах. Около него, на Мушской дороге, стоял большой караван-сарай. По сведениям разведки, мост и караван-сарай были прочно заняты сельджукскими заставами. Однако дальнзоркий Сослан видел, что мост безлюден. «Значит, бой давно уже идет!» — тревожно подумал полководец. Горный проход был действительно свободен от противника. Выйдя на равнину, Сослан и его спасалары

¹ Мумиё — старинное лечебное средство на Востоке.

увидели вдали, на западе, огромное облако пыли. На дороге стоял кипчакский разъезд, который подтвердил, что с рассвета ведется бой. К группе военачальников подскочил Аспаанидзе. Круто осадив коня, он воскликнул:

— Государь Давид, вели коннице пропустить вперед моих месхов! Там им место по распорядку обычному...

— погоди, друг, не спеши в пекло, — ответил рассудительный Торели и обратился к Сослану, который с озабоченным видом вглядывался в дальнее облако пыли: — Амирспасалар наступает с гор, справа. Значит нам, государь Давид, надо ударить слева от дороги. Месхов же поместим посередине. Не то в сече своих же пещцев подавим...

Сослан кивнул в знак согласия:

— Отдавай приказ, Чиабер!

Подход шестидесятитысячных полков Сослана решил исход великой битвы. С ужасом увидел с замковой скалы Рукн-ад-дин, как по долине подошла к лагерю свежая христианская конница. Развернувшись, она обрушилась на измотанных долгой сечей сипахов. Воодушевленный прибытием подмоги, авангард с новой силой ударил на врага...

Гяуры дерзко шли напролом, били, уничтожали, железными клещами прижимали султанские войска к горе. Тщетно подбодрял зычным голосом своих воинов султан, тщетно гнали их в бой обнаженными мечами сотники и беи. Первыми стали отступать огузы. За ними, отбиваясь от нападающего врага, по арзрумской дороге побежали сипахи. Только гулямы с остервенением продолжали отражать атаки курджиев. Но вот у подножья замкового утеса громко затрещали барабаны и пронзительные звуки зурны разрезали воздух. Раздался многоголосый боевой клич. Смелычаки гор — месхи, сваны, пховы и дидои в темных кольчугах, выставив короткие мечи, пошли на приступ замка. Впереди горских цепей шли спасалары Аспаанидзе, братья Григолидзе, неустрашимый Сагир Махатлидзе. У стен замка завязалась отчаянная схватка горцев с султанской гвардией. Рукн-ад-дин понял — сражение проиграно...

У нижнего конца подземного хода, ведущего из замка к арзрумской дороге, держа наготове долгоногих скакунов, давно стояла сотня хорасанцев из личной охраны султана. Задыхаясь от быстрого спуска по подземному ходу, из черного пролома с искаженным лицом выбежал Рукн-

ад-дин. От волнения он не сразу попал ногой в стремя и, с трудом перевалив грузное тело через золотую луку, во весь опор помчался по дороге в Арзрум.

Вокруг замка горцы с ожесточением добивали остатки гулямской гвардии. Аспаанидзе, срубив знаменосца, овладел султанским черным знаменем с вышитым двуглавым орлом. С этого момента сражение превратилось в бойню. Сельджуков заперли в железный круг и рубили, «как баранов в хлеву». Замковые рвы наполнились кровью и телами убитых гулямов. Кто не сдавался — погибал. Ерзнкайский и арзрумский эмиры, которые ночевали в замке, так и не спустились вниз с горы и поспешили сдаться в плен амирспасалару Захарию, который с иссеченными в бою доспехами, но невредимый въехал в замковые ворота. Так же благоразумно поступил и рыцарь Урсел. Подняв забрало, он учтиво преклонил одно колено и протянул меч с белым платком на эфесе. Его благому примеру последовал и весь франгский отряд...

Великан Баралтай, весь залитый кровью, был окружен месхами. Он скрежетал зубами от ярости и беспощадно рубил длинным мечом заседавших горцев. Куча трупов образовалась около могучего бейлербея, пока его не увидел князь Иванэ. Подъехав ближе к побоищу, Иванэ закричал:

— О чем вы думаете, храбрые месхи? Пронзите эмира стрелами или, лучше, заарканьте его и возьмите в плен живым!

Баралтай понял зловещий смысл слов курджийского военачальника. Отбросив щит, он поднял забрало и, вонзив себе в горло кинжал, рухнул.

Г л а в а XXIV

В ВЕНЦЕ СЛАВЫ

Тамар из Карсского лагеря отправилась в крепость Одзхрэ вместе с католикосом и преосвященным Антонием, чтобы там дожидаться вестей с поля сражения. Так настояла амирспасалар.

— Я не знаю, чем закончится наша встреча с Нукардином, — оставшись наедине, прямо сказал царице Захарий. — Слишком уж велико и могуче султанское войско!

А если все мы падём в бою, придется тебе, государыня, поднимать народ на защиту царства! Поэтому, прошу тебя, пребывай в неопасном месте...

Загнав двух коней, примчался Саргис Тмогвели в Одзхрэ с сообщением о победе. Прослезилась царица, услышав благую весть, и молвила святым отцам:

— Хвала всевышнему, что даровал победу знаменам нашим! Ибо шли нечестивые агаряне нас покорить и сотворить зло, как их прадеды творили нашим прадедам. Но вот, по воле божьей, снова может приступить к своему мирному труду народ царства нашего. Аминь!

А после негромко спросила Тамар у князя Саргиса:

— Закарэ здоров ли? — и совсем тихо добавила в тревоге: — Не ранен?!

Весь в праздничном убранстве, бурно приветствовал Тбилиси славных победителей. В триумфальном шествии впереди ехал месхетский спасалар Аспаанидзе, волоча по мостовой захваченное черное знамя Рума. За ним пешком шли знатнейшие пленники — эмир Мугис-ад-дин, Бахрам-шах и многие другие эмиры и беи. На тысячах верблюдов и мулов везли неисчислимую добычу.

С великим ликованием встречало свою доблестную конницу и население Ани. По обычаю, народные празднества начались молебствием в соборе. И пришлось престарелому владыке Барсегу в торжественной речи восхвалить ратные подвиги шаханшаха и его воинства, во спасение отчизны от врагов совершенные...

А в далекой Киликии, после получения вести о победе грузино-армянских войск, между царем Левоном и гундстаблем произошел недолгий разговор:

— Великий полководец восточных стран снова одержал блистательную победу над сарацинами, государь! И не отметить ли нам торжественным богослужением разгром Руки-ад-дина? — осторожно посоветовал Абелхариб.

— Да, конечно, ты совершенно прав, сир Абелхариб! — согласился царь. — Но только предупреди святителя Давида, чтобы в проповеди он не очень задевал султана. Как-никак соседи!

В скрипторнии огромного монастыря Аракелоц, что расположен около города Муш, лучшим переписчиком считался Вардан Кафаэци, родом из Харберда. Вместе с

искусным художником-миниатюристом Стефаносом третий год, не разгибая спины, переписывал Вардан церковные проповеди, четким уставным письмом покрывая огромные листы. Кичливый заказчик не пожалел шестисот молодых телят для изготовления пергамента. Трудно уместить этот фолиант на столе, и не всякий человек может его поднять. Осенью 1204 года писец закончил свой труд. Помолясь богу и возблагодарив его за успешное окончание работы, Вардан вознамерился приступить к обычной концовке — памятной записи важнейших событий. В келью с возбужденными лицами ворвались заказчик Аствацатур и его брат — тэр-Аветик, крича:

— Дивные новости, тэр-Вардан! Из Басена привезли в Харберд раненого эмира Махмуда! Великий Закарэ, с помощью бога, порубил войска падишаха! Скоро и к нам пожалует с воинством боголюбивым шаханшах!

Кафаеци истово перекрестился и, радостный, воскликнул:

— Сподобил меня ныне господь завершить труд немалый и вот в тот же день благую весть ниспослал!

Прибывшие с Данишмендом сипахи подтвердили победу проклятого Аргута над падишахом Солейманом (да будет он славен!). И Вардан смог учинить в конце огромной книги такую памятную запись:

«По окончании этой рукописи стало ведомо мне, что султан Севастии собрал беспредельное множество войск, уподобившись неправедному Юлиану, и, распухнув от кичливости, словно гора, достиг Феодосиополя¹, вознамерившись пройти оттуда в страну армянскую и грузинскую. Вовсе позабыв о боге и понадеявшись на свою суетную силу, хотел он предать всю страну разграблению. Но с помощью божьей подоспели войска грузинские, и великий Закарэ с сородичем своим Иванэ и другими боголюбивыми ишханами и нахарарами и с бесчисленным множеством прочих мужей, напали внезапно на войско неверных, беспощадно порубили их, некоторых схватили, а иных обратили в бегство. Однако султан остался невредимым. Но кто может исчислить размеры захваченной добычи — золота и серебра, шелка, стад верблюдов, коней и мулов?!»

¹ Арзум (греч.).

Нет цены записи! Она сделана в тот самый год, когда, подобно грому, по всему Востоку прокатилась весть о славной победе в Басене. Правдиво и нелюбезно передал скромный писец это выдающееся событие, сохранив в веках нерушимую память о нем...

С большим опозданием узнал римский первосвященник о славной виктории восточных христиан над сарацинами. Призвав к себе кардинала Бенедикта, папа имел с ним малоприятную беседу.

— Не кажется ли вам, кардинал, что святой престол стал с опозданиями получать важные вести? — спросил Иннокентий III, зябко кутаясь в пушистый плащ.

На дворе уже стояла сырая, промозглая итальянская зима, в покое было прохладно несмотря на топившийся камин.

— Что имеет в виду ваше святейшество? — осторожно осведомился иерарх, почтительно склоняя голову.

— Ну хотя бы сражение у Феодосиополя между кавказским рыцарством и иконийским султаном! — сухо бросил папа, не поворачивая головы.

Кардинал смущенно откашлялся. Иннокентий III не дал ему времени для оправданий:

— Если вы в состоянии, расскажите, какова судьба сарацинского султана после баталии?

— Довольно обычная для восточных монархов, ваше святейшество, — поспешил доложить Бенедикт. — После постыдного бегства с поля боя, озлобленный поражением, султан кинулся на Анкару и, взяв город, зверски предал смерти родного племянника. Но спустя пять дней он был сам отравлен тайными эмиссарами брата Гийас-ад-дина, который вновь вступил на престол в Иконии и как будто настроен менее воинственно, нежели покойный султан...

— Никогда не доверяйте неверным, кардинал! — тем же сухим тоном сказал папа, не отрывая взгляда от огня камина. — Да, кстати, я полагаю, что монсеньор Рандола нуждается в длительном отдыхе... после всех своих ошибок. Кого могли бы вы предложить на его место?

— Можно испробовать аббата Джордано Террачини. Он неплохо проявил себя на Востске, — хмуро ответил Бенедикт.

— Согласен, — подумав, молвил папа. — Пусть аббат просмотрит все досье архива с восточными делами и особое внимание обратит на христианский Кавказ. Ведь он расположен в тылу сарацинов, вы понимаете, что это значит, кардинал?

— Но, ваше святейшество, там же, в горах, одни еретики! — воскликнул кардинал.

Иннокентий III передернул плечами:

— Мы не теряем надежды вернуть в лоно апостолической церкви даже альбигойцев! А на Востоке есть весьма почтенные христианские иерархи — надо только суметь с ними договориться. Кроме того, я вижу, что в кавказских горах — умные правители и высокоталантливые полководцы с великолепными войсками, которые наголову разбивают тех самых сарацинов, с которыми никак не могут справиться наши крестоносцы! Святой престол должен стремиться использовать этих храбрых воинов под знаменем Христа, против врагов истинной веры... Мы не можем забывать о Востоке, кардинал!

Отшумела великая битва. И на размокшей от осенних дождей земле остались лишь обглоданные волками человеческие и конские кости да остатки султанского лагеря. Потом всю равнину покрыл снег.

В Даройнк вернулись уцелевшие жители, и потянулись из горных селений длинные вереницы арб, крытых паламами. На них лекари Арроба везли тяжелораненых. Рядом ковыляли на костылях инвалиды. На сельских кладбищах темнели сотни братских могил павших воинов. А поздней осенью на одном из перевалов Главного Кавказского хребта показалась печальная процессия. Под ледяным ветром и мокрым снегом мерно покачивались между выючными конями запеленатые в черные бурки мертвые аланы — по стародавнему обычаю, их везли хоронить в родной земле...

ЭПИЛОГ

Двое всадников в парчовых кафтанах ехали, мирно беседуя, по берегу реки. За ними на почтительном расстоянии следовала большая охота. Впереди гарцевал главный

ловчий на поджаром коне, за ним двигались попарно сокольничие в ярких чекменях с ловчей птицей под черными колпачками. Следом пешие доезжачие вели на стальных цепях охотничьих гепардов. В голубоватой дымке вдали алмазным блеском отсвечивала главная вершина Арарата. Талые воды реки несли в бурых стремнинах вывернутые с корнем кусты, большие корчаги и целые деревья.

— Смотри, как разлился Ерахс этой весной! И не перейдешь его теперь, — заметил старший всадник.

— Повели, государь, и завтра же наша конница будет на той стороне! — твердо заверил второй, помоложе.

Его собеседник прищурился на залитую солнцем обширную равнину — древний Артаз, простирившийся далеко за Араксом. Там начинались владения шах-арменов...

— Во благовременье, Вачэ, во благовременье... Хотя, пожалуй, и пришло время. Слишком засиделись мамлюки в Хлате, пора и вышибить их оттуда!

И Захарий, махнув рукой главному ловчему, приказал начинать охоту.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИИ

К стр. 5. Амирспасалар — (от персидско-арабского «амир-сепасалар») главнокомандующий войсками в Грузии XII—XV вв. Его заместителем являлся амирахор, начальник конницы.

К стр. 26. Орбели — боковая ветвь армянского княжеского рода Мамиконянов, в XI столетии прибыла в Грузию и от триалетских эриставов Багуаши получила в феоде поместье Орбети, откуда и пошло родовое имя Орбели.

К стр. 48. Восстание в Ани. Летописец Ал-Фарики пишет: «Священнослужители (?) возмутили город Ана (Ани) против его владетеля эмира Фадлуна, и тот был ими разбит... Они передали Ани царю абхазов Георгию» (см. V. Minorsky. Studies of Caucasian History Cambridge, 1958, p. 89).

К стр. 59. М х а р г р д з е л и. Со времен взятия Ани в 1169 году в грузинских летописях появляется упоминание этого нового княжеского рода. В переводе на тюркский — Аргут, на русский — Долгорукий. Из этого феодального рода в XII—XIV вв. вышли пять атабагов (регентов), восемь главнокомандующих и пять министров Грузии.

Полководцы Саргис и его сын Захарий похоронены в родовом монастыре Санаин около города Алаверди (Армянская ССР).

К стр. 68. Абуласан Амир-Курд Арцруни, потомок васпураканских царей Арцрунидов, имел родовые поместья в Грузии, а также в Арзрумском и Ерзнкайском эмиратах, расположенных на мировых караванных путях, и получал огромные доходы от дорожных пошлин. Абуласан Арцруни был сложной, очень колоритной исторической фигурой домонгольского периода.

К стр. 73. Вардапэт — ученый-монах, богослов, философ. Это духовное звание давалось после долгого богословского учения, нередко в зарубежных монастырях. В знак отличия вардапэт получал посох в виде буквы «Т», мантию и ковер. Вардапэты занимали исключительное положение в средневековой армянской церкви, стояли вне контроля епископов и даже имели право сами обвинять епископов в еретических отклонениях и отлучать их от церкви.

К стр. 79. Об отношении Георгия III к Мхитару Гошу летописец Киракос Гандзакети сообщает; «Георгий, царь Иверии и отец Тамар, питал к нему большое почтение...»

К стр. 96. Налоги и сборы, взимаемые мусульманскими правителями на средневековом Кавказе, были весьма тяжелыми, главным образом за счет джизии — подушного налога для немусульман. Кроме того, были поборы местных христианских землевладельцев и церкви, что создавало двойное обложение податного сословия — купцов, ремесленников и крестьян.

К стр. 99. Летописец Давид Кобайреци в памятной записи («Ишатакаране») сообщает: «Вельможи земли грузинской задумали восстать против самого царя, которого боялись, и, уловив удобный момент, взяв себе как оправдание защиту прав племянника царя Димитрия, осуществили давно задуманное зло, — и оно сделалось явным». А летописец Вардан пишет: «Мятежники, узнав, что царь находится в Тифлизе, вместо того, чтобы двинуться против, стали дожидаться его выступления. Так что дело затянулось...»

К стр. 110. Лорийский замок неоднократно укреплялся таширскими Кюрикиянами, а затем Орбели и Мхаргрдзели. В крепости были три церкви, большой дворец, три бани. По сообщению Стефаноса Орбелиана, осада Лори продолжалась 245 дней — с 19 июня 1178 г. по 11 февраля 1179 г.

К стр. 113. О посылке Ивана Орбели своего брата Липарита за помощью в Тавриз сообщает летописец XIII в. С. Орбелиан. Он же приводит содержание письма феодалов-перебежчиков амирспасалару Орбели: «Великий Иванэ, герой мужественный и доблестный, ты, который приходишь от потомков царей, прибывших некогда в Грузию, где они получили большие почести, — амирспасалар Картли! Так как сохранение твоего спокойствия, твоей жизни и твоей славы является главным для тебя, так же как и сохранение твоих огромных владений (составляющих более половины владений царских), забудь свою первую клятву, твои обещания, последнюю волю царя Давида, приди, подчинись Георгию, могущественному царю Грузии, и предложи ему приятный дар, приведи к нему молодого Демну, сына Давида, источник всех твоих и наших бед».

К стр. 137. О казнях рода Орбели подробно сообщают летописцы С. Орбелиан и Вардан.

К стр. 188. О восстании Хутлу-Арслана. Откуда появились прогрессивные идеи, оставляющие царям лишь исполнительную власть, у выходца из кипчакской верхушки на тридцать лет раньше английских баронов, предъявившего требование о своей «хартии вольностей»? Движение Хутлу-Арслана представляется частью классовой борьбы между высшей феодальной аристократией и «безродными людьми» грузинских летописей — купечеством, верхушкой ремесленников, мелким дворянством и служилым элементом. Однако оно оказалось безрезультатным. У кормила власти стояли крупные феодалы, державшие в своих руках армию; торгово-ремесленные круги и служилый люд в городах были слабо организованны, трудовые же массы приняли весьма незначительное участие в движении, и считать его народным никак не следует. Дальнейшая судьба грузинского конституционалиста XII века Хутлу-Арслана неизвестна.

К стр. 199. Обезь. В древнерусских летописях XII—XIII вв. за всей Грузией утвердилось название «Обези» — Абхазии, рас-

положенной ближе всех к Руси. Поэтому абазинской царевной русские летописцы могли называть и грузинскую царевну. Тем более, что в XII века абхазских царей уже не было.

К стр. 222. Движение тондракитов получило свое название от села Тондрак (Южная Армения), где в X веке началось религиозное движение, основателем и вождем которого был Смба́т из Зарехавана. Чудовищная эксплуатация трудовых масс в период расцвета феодализма в багратидской Армении обострила социально-классовые противоречия и привела к прямым восстаниям, охватившим значительную территорию Армении в X—XI вв., главным образом в южных областях. Кюрох— ближайший ученик и сподвижник Смба́та.

В середине XI века, незадолго до вторжения сельджуков, феодалы Армении с помощью византийских войск учинили страшный разгром тондракитам. Следы тондракизма в Армении прослеживались до XIV в. (см. В. Чалоян. История армянской философии. Ереван, 1954, стр. 178).

К стр. 260. Аланы — предки осетин, со времен борьбы Сасанидов с Византией (V в. н. э.) занимались военным делом как ремеслом (подобно швейцарцам в позднем Средневековье). Во главе аланских наемных отрядов стояли «оси-багатары» — так называли в XI—XIV вв. в Грузии этих военных вождей.

К стр. 274. О Давиде Сослане летописец Басили сообщает: «А был в Грузии сын осетинского царя, воспитанный царцей Русудан, юноша прекрасный по наружности, как подобает царским детям. И в других отношениях тоже — в смысле воспитания хорошо воспитанный, мужественный, могущественный воин, рыцарь, не имеющий равного как стрелок, телом мощный, совершенный во всех добродетелях». Если отбросить панегирические восхваления и неверную титулатуру (в XII в. в Алании уже не было царей), характеристика Давида Сослана летописцем представляется достаточно правильной.

К стр. 277. Ширван со времен царя Давида II Строителя находился в полувазальном от Грузии положении. Ширваншахи были верными союзниками грузинских Багратидов, часто приезжали в Тбилиси с пышной свитой, в составе которой бывали и придворные поэты — Хакани и Низами.

К стр. 314. Эриставства Грузии в XII веке были следующие: Цхумское, или Абхазское, Сванетское, Одишское, Имерское, Аргветское, Тавкверо-Рачинское, Тао-Кларджетское, Цумское, Джавахетское, Самцхэ, Нижняя и Верхняя Карталинния, Хунанское, Самшви́льдское, Лорийское и пять эриставств Кахети и Эрети, всего двадцать эриставств (областей).

К стр. 325. О численности войск в Шамхорском сражении. По сообщению грузинских историков, объединенные кавказские войска насчитывали до ста тысяч человек конницы и пехоты. Средневековые военные повествователи обычно склонны к преувеличению. Однако, учитывая многочисленность населения Кавказа в XII столетии, наличие в Грузии большого постоянного войска на жаловании (аланы, кипчаки) и кратковременность военных действий, которые велись летом и не требовали больших продовольственных запасов, можно думать, что эта цифра не слишком отклоняется от истинной; тем более, что по вош-

ской монгольской повинности Грузия в XIII веке должна была выставлять 90 000 всадников.

К стр. 330. Шамхорский минарет («Шамхорский столп») неоднократно описывался географами-путешественниками. Он находился на левом берегу р. Шамхор, был высотой 60 м и давал обзор местности на 30 км.

К стр. 337. Память о Шамхорской победе сохранилась и в позднейшие времена. Воодушевляя своих воинов под Казанью, царь Иван IV Грозный в качестве достойного подражания примера приводил «премудрую и мужеумную царицу Иверскую, колику победу показав на небожных персах».

К стр. 342. Мхитар Гош (1140—1213) был главным теоретиком прогрессивной части господствующих классов захаридской Армении, желавших возродить сильное централизованное государство в его прежних исторических пределах. Его «Судебник» был распространен в захаридской Армении, в армянских колониях, а через «Свод грузинских законов» царя Вахтанга в XIX столетии попал в «Свод законов Российской империи» (см. В. М. Арутюнян. Социально-экономическое положение крестьян в Армении XII в. по «Судебнику» М. Гоша — «Вопросы истории», 1952, № 8).

К стр. 360. Мост Санаина. До наших дней уцелел изящный арочный мост через реку Дзорагэт (по дороге из города Алаверди в Санаин), семь веков назад построенный царицей Вананэ. Надпись на крестовом камне у моста гласит:

«Знамение Христа, будь ходатаем за властителей из рода Багратуни! Я, Вананэ, дочь князя князей Саргиса, сына Захария, супруга царя Абаса, который во цвете молодости погибнув, облек нас мраком печали, построила при жизни моей и братьев моих мост сей и воздвигла крест в память ему и в утешение мне. Помяните нас пред Иисусом Христом! Аминь!»

К стр. 364. Архитектор Джундик — историческая личность. Надпись на крепостных укреплениях Ани гласит: «По повелению шаханшаха Захария, ампрспасалара, построил ворота Черных башен зодчий Джундик».

К стр. 380. О глубоких колодцах — кладовых анийского Вышгорода Н. Я. Марр сообщает, что в некоторых комнатах Багратидского дворца им были обнаружены колоды для хранения царских сокровищ, о которых говорят армянские летописцы (Н. Марр, Ани, Ереван, 1940, стр. 122).

О легендарных сокровищах Мхаргрдзели летописец Киракос сообщает: «Татары узнали о сокровище шаханшаха, которое было укрыто (в Лори) с таким искусством, что ничего нельзя было оттуда достать. Через узкое отверстие можно было легко бросать в хранилище ценности, но невозможно было что-либо оттуда вытащить...»

К стр. 393. «Дзорагэтцы» (от названия р. Дзорагэт, в ущелье которой были расположены оплоты церковных реакционеров — Ахпатский и Санаинский монастыри) — так называли киликийские иерархи консервативное крыло армянского духовенства XII—XIII вв. На эту группу опирался антикатоликос Барсег II Анийский в своей борьбе за власть в Армении в обла-

сти духовной и судебной. Это церковное непримиримое течение ослабляло международные связи Армении и военно-политический союз с православной Грузией. Не ладил Мхаргрдзели и с грузинскими церковниками. По прямому свидетельству грузинских анналов, католикос Тевдорэ однажды даже лишил амирспасалара права причастия и изгнал его из Сионского собора.

К стр. 432. Инкубатор. В XI—XII веках в Египте и Сирии был изобретен способ искусственного выведения цыплят. О «настоятеле цыплятника» сообщал баснописец XIII века В. Айгекуш (см. И. Орбели. Средневековые басни Армении; И. Захoder. История Восточного Средневековья. М., 1940 г.).

К стр. 474. Ваганты и голиарды — светское вольное течение в поэзии на латинском языке, которое охватило в XII—XIII веках широкий круг недовольных и свободомыслящих клириков от среднего и высшего, часто деклассированного духовенства до буйных школяров. К этому движению принадлежал и знаменитый Абеляр (1079—1172). В дальнейшем голиардская поэзия исчезает.

К стр. 496. Флот Византии во время Македонской династии (X в.) мог выставить до 200 галер с 40 000 воинов. При Комнинах флот сошел на нет.

К стр. 505. Трапезунтская империя с портами Трапезунт, Синоп, Самеун обеспечила международную торговлю по великой «шелковой дороге» XII—XIII вв.: Каликут — Персидский залив — Багдад — Тавриз — Ани — Трапезунт — Константинополь и просуществовала дольше самой Византии (до 1462 г.).

К стр. 528. Рум (Ром) в Средних веках под этим названием подразумевалась Византия. Сами греки часто называли себя ромеями, то есть римлянами. Впоследствии государство Сельджукидов, заняв азиатские провинции Византийской империи, стало называть себя, по преемственности, Рум, заимствовав заодно у Византии и двуглавого орла на своем черном знамени.

Захват морских гаваней сельджуками начал султан Гийас-ад-дин, который осадил и взял в 1207 г. гавань Адалию на Средиземном море, а в 1214 г. отвоевал обратно Синоп.

К стр. 561. Посольства на Востоке обставлялись пышно, многочисленная свита из советников, толмачей, скороходов и охранников обычно сопровождала посла. Личная неприкосновенность членов посольства строго соблюдалась, а непривоз даров или отказ их принять от посла считались тягчайшим оскорблением.

К стр. 572. О голубиной почте историк Рашид-ад-дин сообщает: «В Шаме (Сирии) атабек Нур-ад-дин в 567 году (1171—1172 г.) ввел в обиход голубиную почту по Багдадской дороге; она еще доньше в ходу». Голубиная почта была основным видом быстрой связи на Ближнем Востоке в Средние века.

К стр. 574. Надпись царя Аргишти о его завоеваниях в VI веке до н. э. сохранилась на скале в Леникананском районе (Армения).

К стр. 591. Полевые госпитали существовали на Востоке со времен халифата (начало IX века). У арабов в войсковых лазаретах имелись верблюды с носилками, в которых везли раненых и больных воинов, а также палатки, медикаменты, инструмент и перевязочные средства, в частности корпию. Медики

ехали на мулах. Арабы умели производить операции под наркозом (отвар мандрагоры), против которого восставала христианская церковь (см. Е. Разин. История военного искусства, т. II, стр. 116).

К стр. 593. Подземный ход из Басенского замка сохранился до 1915 года.

К стр. 596. Памятная запись Вардана Кафаеци учинена осенью 1204 года в конце огромного манускрипта «Мушские проповеди», ныне хранится в Институте древних рукописей Матенадаран (Ереван).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Степан Злобин. Несколько слов о книге</i>	5
Часть первая. Замок Хожорни	9
Часть вторая. Тамар	169
Часть третья. Ани	339
Часть четвертая. Железный полководец	455
Исторический комментарий	600

Григорий Христофорович Вермишев
АМИРСПАСАЛАР

Редактор *Ю. Н. Авдеевко*
Художественный редактор *Г. В. Гречихо*
Художник *С. П. Чахирьян*
Технический редактор *Л. Г. Репнина*
Корректор *Г. В. Сагович*

* * *
OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа
Сдано в набор 17.12.1966 г.
Подписано к печати 5.4.1967 г.

Г-44578

Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$ печ. л. 19
(усл. печ. л. 31,16) уч.-изд. л. 31,223

Бумага типографская № 2.

Тираж 65000 экз. Изд. № 4/7117. Заказ № 2

Цена 1 р. 6 к.

* * *

Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва, К-160
1-я типография Военного издательства
Министерства обороны СССР
Москва, К-6, пр. Скворцова-Степанова, 3

Цена 1 р. 6 к.